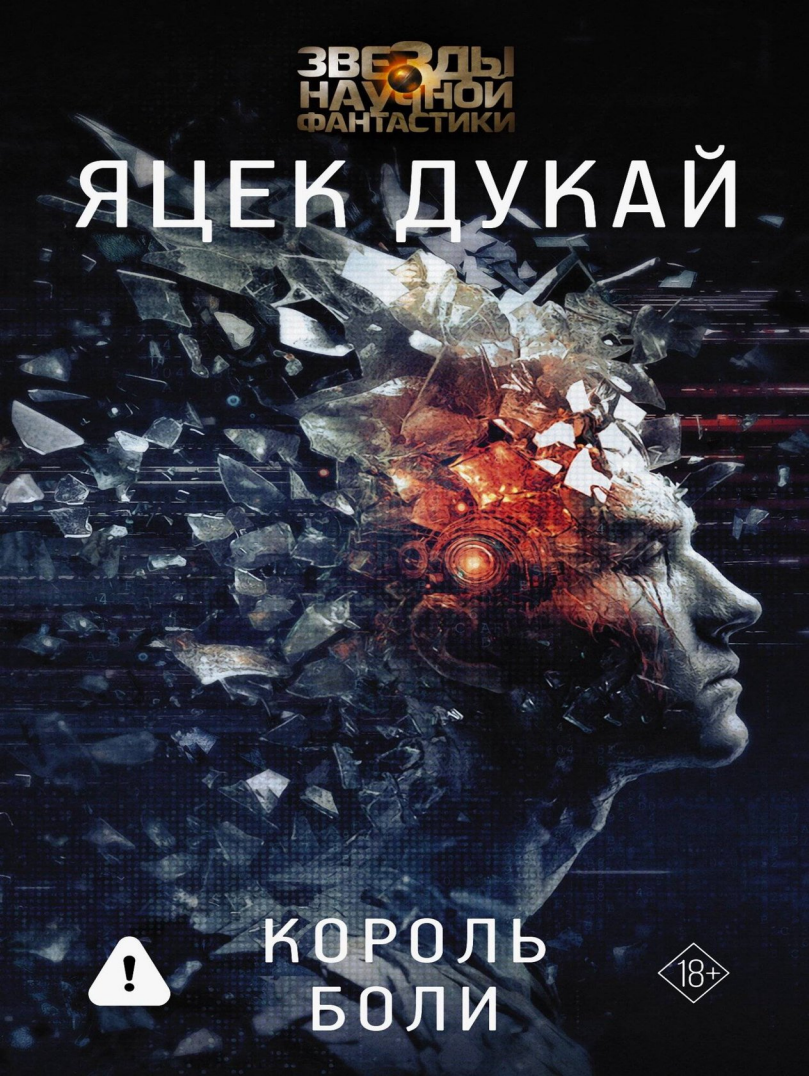
ЗВЕЗДЫ НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

ЯЦЕК ДУКАЙ



КОРОЛЬ БОЛИ

18+

Король боли
Яцек Дукай

Аннотация
Яцек Дукай. Король боли
Король боли и кузнечик
  I
    Король Боли и луна
    Король Боли и террористы
    Король Боли и Солнце
    Король Боли и красота этого мира
    Король Боли и боль
    Король Боли и Ульрих фон Юнгинген
    Король Боли и чудовища
    Король Боли и альтеррористы
  II
    Король Боли и зло этого мира
    Король Боли и человекочеловек
    Король Боли и кузнечик
Крукс
  Пародос
  Граффити
  Все люди чести абсолютно равны друг другу
  Народная легенда
  Стасим

Трагедия пролетариата
Братчина XXV-летия ПНР
Крукс
Эксод
Полынник
Портрет нетоты
1. Ложа смертных
2. Подземелья снов
3. Внутренний фронт
Линия сопротивления
Начало системы координат
Часть первая: Рабство
Холодный рестарт
Новая бухгалтерия
Рабочая этика
Наш человек
Массовый шантажист
Текущая степень напряжения силы воли в Европе (города и пригороды)
Пожизненное
Сынок
В поисках утраченного
Снега былого
Зуд
Как-то так
Бог и прочие банальности

Не будете ли так любезны, сударь
В стенах Афины
IQ-1
Чат и мат: Консерватор
No conspiracy
IQ-1
Часть вторая: Театр
Finis familiae
Munchkin way
Новые карты неба
Smoking gun & cigarettes
Писатели – это программисты
72
Постнигилизм (I)
Империя сна
Чат и мат: Патриарх
Волшебные флейты, шаманы огня, троны духа
Гроза
Путь дракона
Несмываемая липкость театра
Дети сцены
Постнигилизм (II)
Как-то иначе
IQ^1
Ночь колодезной астрологии

Хер то есть наш последний
Люди из подземелья
Постнигилизм (III)
Часть третья: Grind
Луч Шварцшильда твоего сердца
Все течет
Endgame
~

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ
ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ
ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

Это пять невероятных миров Яцека Дукая, несколько поразительных вариантов будущего и настоящего, в котором мир преобразован настолько масштабно, что радикально отличается от нашего. Это будущее, в котором биологические исследования настолько дешевы и распространены, что они полностью перекроили мировую политическую карту и самих людей, а вышедшие из-под контроля генетические программы порождают совершенно иную жизнь. Это мир, где у людей изначально не пять, а шесть чувств, где культура и искусство развиваются по иным законам, а сам текст описывает то, что невозможно выразить словами. Это грядущее, в котором решены проблемы голода и войн,

здесь царит изобилие, но люди лишились цели, и есть профессионалы, придумывающие для других смысл жизни. И наконец, это мир, где в 1986 году на Землю рухнул некий объект, воскрешающий не только мертвых, но и ту среду, в которой они жили, в результате чего начинают смешиваться исторические эпохи, войны и пространства. Это парадоксальные неожиданные тексты, где по-настоящему оригинальные идеи сочетаются с блестящим исполнением и выверенным стилем.

Яцек Дукай
Король боли

Jacek Dukaj
Król bólu i pasikonik
Crux
Piołunnik
Portret nietoty
Linia oporu

© by Jacek Dukaj
© Кирилл Плешков, перевод, 2025
© Милана Ковалькова, перевод, 2025
© Василий Половцев, иллюстрация, 2025
© ООО «Издательство АСТ», 2025

* * *

Король боли и кузнечик

I
Король Боли и луна

В ту ночь в саду Короля Боли расцвела собака.

Король, вкуколившись, провел вечер в Нью-Йорке, где закрыл последние пункты государственного контракта; кривая гистамина успела опуститься почти до нуля. По возвращении он заварил чаечай и вышел на террасу. С востока и с севера, от Замостья, тянулись по небу фиолетовые змеи света. Он вспомнил, что в сети обещали грибоград. Король посмотрел на сад. Псина буйно цвела, в лунном сиянии распускались белые бутоны. Это была колли ротвейлер с шерстью песочного цвета, откликавшаяся на кличку Сыска и принадлежавшая племяннице Короля. Украинские мотыльки, крупнее воробья, кружили вокруг собачьих цветов, а шелест их крыльев был слышен Королю даже на террасе.

Кривая резко подскочила вверх. Шипя сквозь зубы, он набрал номер лейбенмейстеров из Ziegler und Hochkupfer.

Через четверть часа они уже были на месте и первым делом наложили герму на участок сада.

Оказалось, что Сыска пустила корни на метр вглубь; сердце собаки уже остановилось.

Король Боли пришел в ярость.

Он позвонил сестре.

— Какую гадость вы привезли с этой Адриатики?

— Что ты имеешь в виду? — Фатима не спала, Король поймал ее в городе, фары такси засвечивали изображение в телефоне.

— Вам закрыли GIP по возвращении?

— Ты меня сейчас пугаешь. — Она приблизила аппарат к лицу.

— Вам собаку взломали. Янкину Сыску. Полностью. Белые цветочки. Впрочем, довольно милые. О.

Лейбенмейстеры уже накладывали герму.

Фатима села в машину. Некоторое время она молча рассматривала сад Короля.

— А собственно, что она у тебя делала?

— Ммм?

— Сыска.

— Янка мне ее оставила.

— Погоди. Ты ей звонил?

— Она ведь получила визу, да? Или я тут чего-то не понимаю? Объясни мне. Корпус Мира все еще актуален? Что? Фатима?

— Я еду к тебе.

Король выпил чаю, заварил вторую чашку. Лейбенмейстеры перед отъездом выставили Королю счет и распечатали результаты первой диагностики. Полную метрику ДНК обещали сделать через сорок восемь часов — если только клиент не хочет доплатить за срочность. Он не захотел.

В саду остался высокий куст белых цветов на могиле собаки. Мотыльки уже больше не слетались; куст казался свежим и здоровым, но де-факто был мертв, заведенные лейбенмейстерами генетические часы отсчитывали время гибели клеток. Луна, не скрытая дионизидовым туманом и потому особенно яркая в ту ночь, заливала всё серебристым светом.

Король Боли стоял с чашкой горячего чаечая в руке и рассматривал эту ублюдочную поросль Artificial Genetics[1] и хаоса. Цветки по форме напоминали асимметричные языки пламени, из каждого стебля устремленные вертикально вверх, к зениту, стройные, царственные, в длину достигавшие двадцати-тридцати сантиметров. Ни один из цветков не был похож на другой. Король стоял и маленькими глотками пил чай.

---

[1] Примечания: 1

Artificial Genetics (AG) — искусственная генетика (*англ.*).

Чашка обжигала руку, мягкое страдание в ночной тишине.

Фатима вышла из такси у дома Короля Боли уже после полуночи; обычно дорога сюда требовала большего времени, Король жил на отдаленной окраине, в конце круто уходившего в бок ответвления дороги, за баобабами.

— Салам.

— Салам.

— Обнимаю тебя.

— Чмоки-чмоки.

Король отступал назад в дом, соблюдая метровую дистанцию.

Фатима уже месяц подтягивала себе скелет — на временных мышцах она передвигалась с осторожностью старушки, страдающей запущенным остеопорозом. Устроившись на кухне у окна, выходящего в сад, она налила себе молокомолока. Макияж быстро адаптировался к ярко освещенному помещению, и Король Боли заметил мелкие судороги мимических мышц сестры.

— Смеемся.

— Смеемся, переживаем. Она забрала бы с собой эту псину, если бы могла. — Фатима вытерла губы тыльной стороной ладони.

— И кто это говорит? Помнишь, что сама —

— Она говорила тебе, когда ей выдадут визу?

— Ну, это займет пару недель. А вам ничего не сказала?

Фатима медленно покачала головой.

Король оперся о раковину, зашипел от боли, присел на край стола. На мгновение в глазах потемнело. Он сделал глубокий вдох.

— …таково каждое второе, каждое третье поколение, — вздыхала Фатима. — И вот, пожалуйста, эти Муравьи. Что тут поделаешь? Сын знакомых присоединился к Бригадам Касальдалиги, а потом у него выскребали из печени амазонские сюрпризы. Мы, наши родители —

— В нас был слишком силен страх.

— Да. Но дети холодной войны — они жгли костры под воротами ракетных баз.

— Каждое поколение получает тот шестьдесят восьмой год[2], который заслужило.

Они закурили трубки.

— Тебе она сказала, а нам — нет, — прошептала сестра и отсчитала пять движений диафрагмы. Дым она запила молокомолоком. — Она тебе еще что-то говорила? Про Муравьев?

— Ничего. Мало.

---

[2] Примечания: 2

Имеются в виду события 1968 года — революционные выступления молодежи в Европе. — *Здесь и далее примечания переводчика.*

— Что? Когда? Говори.

— Она была на проксике, в анарклэнде. Я пытался разрубить местный гордиев узел. Это был мужик-дуболом, откуда мне было знать? О Боже, что ты мне —

— Тссс.

— А потом она стала навещать меня. Никогда так, ах, ты только попробуй —

— А зачем она отдала тебе эту собаку? Я ее знаю.

— Твоя кровь.

— Взгляни —

— А-а. Какие белые.

— Ну, этот твой скит такой стерильный, бактерии гибнут от одного твоего вида. Как долго ты держал ее у себя? В смысле собаку, Сыску. С каких пор ты ее —

— Меня накрывает, притуши свет.

— Это Луна.

— Но —

— Ну всё, всё.

— Эта Луна-а-а!

— Прикоснись.

— Нет —

— Прикоснись.

Король Боли протянул руку над столом и до-

тронулся кончиком пальца до тыльной стороны сестринской ладони.

— Пожалуйста, — простонал он.

— Труструструструс…

— Мне нельзя — я вынужден — может, на проксиках — оста-а-авь!

Он расплакался.

Фатима встала и подошла, от лунного света у него застыли мышцы, он не мог убежать.

— Всю правду, братишка.

— Но это бо-о-о-о-ольно!

Король Боли и террористы

++ KING_OF_PAIN
connection established
194533 CET/154533 GMT-3
IP: <anonymized>
system: MS Puppeteer 7.10
crypto: Absolute Asymmetry 03EEI3K98R3MD9394
master: KING_OF_PAIN
slave: LOCA_LOCA#7599
body provider: IF Proxy do Brasil Empresas

Король встает с кровати и машет руками. У него

ничего не болит. Лаги[3] не ощущаются. За распахнутым настежь окном душного гостиничного номера яростно орут джунгли Рио-де-Жанейро. Приближался вечер, пурпурное Солнце разлилось над горизонтом, как недожаренная глазунья.

Король Боли кидает взгляд на параметры трансмиссии и заходит в ванную. В высоком настенном зеркале осматривает свое обнаженное тело: мулат, лет тридцати, рожа не особо интеллектуальная, обезьяньи брови, над левой бровью татуировка IF PBE, бритый череп, массивная шея, обезьяньи лапищи, над грудиной свежий шрам. Король скалит зубы. Все они ровные, белые.

— Влез котейка на забор и моргает! И моргает!

Голос слегка хриплый. Король закрывает левый глаз, закрывает правый. Веки поднимает пальцами. Стоит над унитазом, писает. Физиология в норме. Идет в душ. (Душ работает!) Кожа принимает горячую воду с приятным жжением. Король Боли почти в эйфории.

Это всегда так начинается.

Одежду приготовил себе сам проксик — не ту, в которой он пришел сюда, но тоже его собственную, на него сшитую: Король ее надевает и знает,

---

[3] Примечания: 3

Лаг (*англ. lag* — отставание, запаздывание) — задержка в работе компьютерного приложения.

что уже когда-то это носил. Сапоги с голенищем, белый костюм, шелкошелковая рубашка, белая шляпа. Галстук он решил не завязывать.

В несессере проксика лежат копии бумаг клиента, Освобожденных мануфактур Объединенной церкви пляжного волейбола, а также единородный телефон и птичье перо.

Король Боли включает телефон.

— Я здесь.

— Западная лоджия на семнадцатом.

— Окей.

Они разговаривают по-английски; мулат не лгал, его нервоводы помнят звуки этого языка, акцент очень слабый.

Король забирает запечатанную бутылку воды из ванной и выходит из номера.

Лифты не работают, приходится подниматься на семнадцатый этаж по эвакуационной лестнице. Проксик не устает. На шестнадцатом он встречает гостиничного шамана, приподнимает шляпу. Шаман курит треснувшую сигару, а другой рукой кормит маленького демона. Вокруг них кружат комары AG, огромные, как стрекозы. Демон ловит их хамелеоньим языком и ест, громко чавкая. Шаман смеется сквозь дым.

Король Боли выходит на открытую лоджию на

верхнем этаже. Здесь пришвартованы два воздушных шара. Тот, что справа, украшен яркими граффити, на которых изображены темнокожие девушки, играющие на пляже в волейбол на фоне заходящего Солнца. Солнце, которое заходит за воздушными шарами, прожигает полимерное покрытие и граффити, наполняя светом эротический витраж.

Король поднимается на палубу, та слегка покачивается под ногами. У мулата малочувствительный вестибулярный аппарат, здесь он тоже не солгал. Король усаживается под навес на деревянный табурет. На ободке навеса сонно покачивается жирный попугай.

Аким де Нейра кричит на пилота; тот дает сигнал отчаливать. Причальные канаты выращены на жестком AG, с протяжным шипением они синхронно сворачиваются, их кожа лоснится от липкого пота. Воздушный шар отталкивается, начиная сильнее раскачиваться. Король Боли держится за навес.

Седовласый — Аким де Нейра — подвигает к себе табурет, подает Королю кофегрушу.

— Спасибо.

— Второй тур, они достали ножи. У вас есть фотки с орбиты? Мы дорого заплатили.

— Я посмотрел их еще у себя. Все стороны уже знают?

— Наверняка эти их Ктулху летают над Амазонкой для ООН.

— Мы всегда можем снова попугать Вашингтон.

— Хы, хы, когда в последний раз что-то прошло через Панаму?

— Боятся, боятся. Мы все боимся.

Кофегруша на вкус не напоминает ни кофе, ни грушу.

Король Боли вынимает из несессера бумаги. Они лопочут на ветру, их приходиться прижимать к крышке. Воздушный шар поднимается над заджунклленным центром Рио-де-Жанейро. Небо над анарклэндами остается безоблачным, циркуляция воздушных потоков — это единственное, что не является здесь предметом переговоров, войны, торга и шантажа. Солнце отражается от покрытой алмазорослями статуи Христа Спасителя на Корковадо. Зажмурив глаза, Король выбрасывает огрызок за борт и вытирает руки платком.

Под ажурным воздушным шаром Освобожденных мануфактур проплывают накрывающие друг друга волны зелени и более хищных кра-

сок: пурпура, ядовитой желти, глубокой синевы. Джункли поглотили анарклэнды, достигнув Атлантики. Если бы шар опустился ниже десяти метров, смрад этой органической помойки стал бы для Короля Боли невыносимым. Проксик мог привыкнуть, Король Боли не привыкнет никогда. Junklee, лишай AG на лице континента, простирается от Тихого океана до Атлантики, от Огненной Земли до Панамского фронта. Джункли поглотили и переварили свыше двухсот миллионов человек, превзойдя своим аппетитом несколько мировых войн вместе взятых.

Воздушный шар сворачивает в тень небоскреба, и в перспективе Рио-Бранко появляется стометровое Древо Познания Добра и Зла. Второе такое дерево растет на берегу Родриго-де-Фрейтас, отсюда его не видно.

Аким материт Древо по-португальски.

— Вы никогда меня не убедите! Это шавлисты! Они их специально сажают!

Деревья — это генетические компьютеры, мегадионизиды. Они программируют опухоли и ретровирусы, нацеленные на Homo sapiens.

Шавлисты, католические террористы св. Павла, считают биотеррор неизбежным «грехом, очищающим от греха», — этапом, который цивилизация

должна пройти, чтобы вернуться к идеалу общества, состоящего из небольших христианских общин и лишенного высших структур власти, несущих зло и неизбежно его порождающих самой своей сущностью. Потому шавлисты по принципиальным соображениям атакуют любые крупные населенные пункты, в первую очередь города. А собрания, подобные тому, на которое направляется Король Боли, действуют на них, как красная тряпка на быка.

В каждом городе Южной Америки растет по крайней мере одно Древо. Их выжигали до корней различными способами; они всегда вырастают заново. В их авторстве признается половина анаркий джунклей. Король Боли не верит заявлениям ни одной из них — и уж менее всего хвастовству шавлистов: если бы в рядах этих анаркий были такие мастера AG, они бы не ограничились отравлением бывших метрополий.

В кроне Древа над Рио-Бранко кружат черными спиралями стаи гарпий и прочего крылатого отродья мегадионизида, их тени скользят по испещренным дырами стенам небоскребов.

Король Боли просматривает отчеты по орбитальному сканированию.

— Здесь, здесь и здесь. Смотрите. Изменения

пропорций атмосферных газов — но это всё нечетко. Здесь. Ну! Инфракрасные узоры, повторяющиеся аномалии, каждую ночь. Я даже успел получить официальные экспертизы из нескольких университетов, они впечатляют. Если считать по количеству очагов — то несколько десятков семей, не более. В горах Амазонки уже не так густо.

— Вы уверены?

Король Боли хмыкает.

— Конечно нет! Я вообще в это не верю! Пусть Вия объяснит!

— Может, это все-таки какая-нибудь примитивная анаркия, о которой никто не слышал…

— Это ничего не меняет. — Король Боли пожимает плечами. — Сколько у тебя было хромосом, когда ты в последний раз проверял?

— Хы, хы, хромосомы, говоришь? А что это такое? Хы, хы.

Внезапный шум над головой — попугай вертится и машет крыльями.

— Опять он, чертова бомба! — хрипит он по-польски. — Нет, нет, нет! За-пре-ща-ю!

Аким чешет подбородок.

— В чем дело?

— Кто это? — спрашивает его Король Боли.

— А я знаю, кто в него засел. Иван и компания. Птичка — проксик марксистов-креационистов.

— Конечно, они подключились к нам при первом упоминании, — продолжает Аким. — Дали своих заложников, лишь бы ускорить. Это же их евангелие. Гильо скрепил кровью. Они платят за тебя пополам.

— Они не знали, что за меня.

— Так ты только что проболтался, — ухмыляется старик. — Рано или поздно они узнали бы, у них есть ключи для верификации трансмиссии.

А попугай продолжает отжигать.

— Все это надувательство! От ваших советов нет никогда никакой пользы! Деньги на ветер! Тысяча чертей!

Какой-то потомок гомбровичевской[4] эмиграции, думает Король Боли.

— Ты же знаешь, пластусов нанимают все, — говорит он спокойно.

— Все! И что с того?

— А что происходит с теми, кто пытается обойтись без них?

— Это корпоративный сговор капиталистических мошенников! Вы так играете, чтобы

---

[4] Примечания: 4

Витольд Гомбрович (1904–1969) — польский писатель. Перед началом войны уехал в Аргентину, а с 1964 года жил в Париже.

выдоить клиентов! Та же зараза, что и адвокаты! Они абсолютно никому не нужны, но стоит одному дураку нанять адвоката — и все мы тут же начинаем нанимать их, чтобы защищаться от ихних юристов! Ужас и осуждение!

— Пригните черепушки! Обезьянник! — кричит из трубы пилот.

Король Боли и Аким де Нейра наклоняются, пряча головы под перилами.

Воздушный шар проплывает между зданиями, по самую крышу наполненными джунклями, которые выпирают наружу из всех естественных и неестественных отверстий в стенах. Из окон и дверей, с балконов, из вентиляторов, из щелей, проломов и трещин изливаются гирлянды плотоядных цветов, косы ядовитых лиан, пучки метановой травы, каскады одеревеневшей биомассы, зеленой, бурой, черной; стекают до самой земли, на улицу паласы сплетенных корней, веток, листьев, соцветий, — с двадцатого, сорокового, шестидесятого этажей. А вслед за флорой прибыла фауна AG, в том числе разнообразные странобезьяньи химеры, орды потомков паукообразных обезьян, барригудо, игрунок, уакари, переписанных по пути через несколько диких генетик. Некоторые животные могут ими-

тировать человеческую речь, воспроизводить человеческие жесты. Странобезьяны Рио-де-Жанейро приобрели навык носить шапки, шляпы, ермолки. Некоторые также надевают украденные очки — солнцезащитные, коррекционные и даже с выбитыми стеклами — без разницы. Все они орут, прыгают, плюются и мочатся при одном виде человека, бросая при этом в его сторону все, что попадется им в лапы. В последнее время они овладели искусством изготовления и обслуживания пращи Давида. В оболочку и борта воздушного шара Освобожденных мануфактур бьет град камней, стеклянных осколков, кусков пластика и бетона, а также гнилых фруктов.

Королю Боли кажется, что в неистовом оре разъяренного обезьянника он различает португальские проклятия.

Попугай, опасаясь за свою жизнь, слетел на борт воздушного шара.

— Ну и что ты посоветуешь? — скрипучим голосом кричит он полусогнутому Королю. — Маэстро!

— Сначала мне нужно выяснить позиции других сторон, — бормочет Король, собирая бумаги в несессер.

— А их пластусы говорят им то же самое! Мо-

жет, нет? Может, нет?

— Наверняка.

— Зараза! Зараза! За-ра-за!

— Ты заткнешься наконец?

У Короля Боли сдают нервы, и он замахивается несессером на попугая. Несессер оказывается не до конца закрытым, бумаги снова рассыпаются. Король Боли кидает в птицу бутылку воды. Птица отскакивает, бутылка падает за борт. Король снимает шляпу, готовясь поймать в нее кривоклювого проксика. Но получает от обезьян по затылку кокосовой скорлупой и, поверженный, с опущенными руками валится на табурет.

Попугай подпрыгивает на месте, триумфально хлопая крыльями.

— Кацап! Козёл! Кровосос! Кастрат! Кишкоправ! Костолом! Колбасник! Кобель! Кривохер! Калоед! Кутак! Каракон! Курвец! Кодеш! Кнахт! Козотрах!

Де Нейра поднимает глаза к небу.

— Мало того, что марксист, он к тому же еще и попугай — не переболтаешь, забудь. А собственно, отчего они тебя так не переносят?

— Довелось мне пару раз, хмм, излишне откровенно высказаться на политические темы.

— Люди не отходы эволюции! — горланит пер-

натый. — Пролетарии всех генов соединяйтесь! Буржуев на опыты! Дай пинка ДНК!

Аким грозит ему пальцем.

— А то сейчас прерву соединение! Кто здесь на ком ездит? Возьми себя в руки.

— Здесь всё охренуче, и я не круче, — мрачно крякает попугай и замолкает.

Воздушный шар подпрыгивает, задирая нос.

— Подлетаем!

Сто семьдесят восьмой тур переговоров под эгидой епископа Рио-де-Жанейро и городской анаркии марксистов-креационистов проходит в пентхаусе одной из высоток бывшего бизнес-центра. В зависимости от волн медийных трендов, некоторые открывающиеся переговоры имеют богатое пиар-сопровождение, транслируются в прямом эфире и попадают на тысячи телеканалов в миллионы домохозяйств; другие же напоминают кровавую резню в задымленном притоне воров и убийц. Король Боли участвовал в четырех переговорах. В прошлый раз пьяный ивановец отрубил ему голову мачете. (Страховка проксика — за счет клиента.) Если бы не высокий контракт, он бы не согласился вновь в это играть. Среди всех обреченных на провал переговоров, в коих ему довелось участвовать, лишь переговоры,

проводимые южноамериканскими анаркиями Открытого Неба, представляются Королю по-настоящему безнадежными.

Едва воздушный шар Освобожденных мануфактур Объединенной церкви пляжного волейбола причаливает и пассажиры вступают на крышу высотки, их догоняет дюжина проксиков, человеческих и нечеловеческих. На одних едут медиаторы, на других — агитаторы и шантажисты отдельных фракций и анаркий; все стараются друг друга перекричать. Король Боли и Аким де Нейра движутся внутрь пентхауса, отбиваясь от назойливых особей. Попугай марксистов-креационистов кружит над ними. Птицу тоже настигает агитатор, крылатый демон.

Содержание звучащих призывных лозунгов менее значимо, нежели то, что проксики выдыхают и чем плюют. Анарклэнды Открытого Неба уже много лет являются полигоном для политических идеалистов всех мастей, которые вкуколиваются сюда со всего света. Король Боли в неосознанном рефлексе прикрывает голову несессером. Воздух затянут мглой от переносимых капельным путем индоктринаторов, здесь циркулируют бацилы Капитала Маркса, Богатства народов Адама

Смита, Centesimus annus[5] Иоанна Павла II; здесь чихают и кашляют Левиафаном Гоббса, Государственностью и анархией Бакунина и Вынародом Кужаевского. Прямо у входа в застекленное патио[6] три ведьмы-метиски жгут благовония корпоративного коммунизма; оранжевый дым разъедает глаза.

Проход в патио и пентхаус преграждает шлюз. Захлопнув дверь, Король и де Нейра начинают дышать глубже, отряхивают одежду. Снаружи, за стеклом, теснится толпа. В углу крыши, под импровизированной палаткой, двое подростков продают воду и фрукты — это, кажется, единственные люди, управляемые собственными мозгами. Во время анаркийских переговоров цены на услуги проксиков, находящихся в геносфере Рио-де-Жанейро, всегда в несколько раз возрастают. (Гонорар проксика оплачивает клиент всадника.)

— Сколько уже прибыло?

— Большинство. То есть сами они, вероятно, вкуколятся в последний момент. Так было при

---

[5] Примечания: 5

Сотый год (лат.) — энциклика папы римского Иоанна Павла II от 1 мая 1991 года, посвящённая столетию с опубликования «Rerum Novarum».

[6] Примечания: 6

Открытый внутренний дворик жилого помещения.

первом подходе.

— Ставлю две тысячи, что до завтрашнего вечера их не удастся даже посадить за один стол.

— По рукам. Впрочем, все решается в кулуарах и у бара. Надеюсь, ты выспался.

— У меня уже сейчас середина ночи.

— Проклятые сибариты! — скрипит попугай. — Рабы удовольствия!

Королю Боли не хочется даже рта раскрывать в сторону птицы. Он пинает пернатого носком ботинка — внутренняя дверь шлюза поднимается, и орнитопроксик влетает в пентхаус, выкрикивая ругательства на польском, португальском, английском и испанском языках.

Но пентхаус действительно выглядит так, будто извлечен из другой сказки: плюш, хрусталь, живая обшивка стен, живые ковры, живая мебель, все сияет чистотой, в тусклом свете заходящего солнца цветовой спектр смещается в сторону красного, и это сияние покрывает нежно-розовой вуалью даже стальные украшения и белый хлопок платья распорядительницы, которая подходит к вновь прибывшим гостям и направляет в отведенные для них помещения.

Городская анархия марксистов-креационистов Рио-де-Жанейро приготовила четыре верхних

этажа и пентхаус; герметично отрезанная остальная часть здания, вероятно, уже плотно забита джунклями. Освобожденные мануфактуры располагают комнатами на втором этаже. Король Боли не рассчитывает провести там много времени — контракт связывает его на сорок восемь часов, потом, скорее всего, с места он выкуколится. Или, возможно, даже раньше: если анаркии успеют до этого договориться (во что он не верит) или окончательно рассориться и прервать переговоры (что наиболее вероятно).

Оставив в комнате несессер и шляпу, он возвращается в пентхаус. Бар, разумеется, открыт (обслуживает его говорящий на кокни бармен на проксике индейского крестьянина). Король Боли заказывает водку со льдом. Сидящий на соседнем табурете зеленоглазый демон достает визитку. Король Боли поворачивается, чтобы ответить на формальное представление, и в этот момент в глубине бара, за абстрактной скульптурой и тивипетом, вспыхивает драка: кудлатая странобезьяна дергает за волосы красивую мулатку, а та бьет соперницу по голове толстой книгой. Появляются два ивановца (черные костюмы, на плечах повязки с красной звездой в лучистом треугольнике Провидения) и насильно выку-

коливают с проксиков обоих всадников. Тела странобезьяны и мулатки с изолирующей чадрой, затянутой под шеей, лежат под тивипетом, одно поверх другого. По тивипету передают повтор матча «Манчестер Юнайтед» с туринским «Ювентусом», звук выключен. «Ювентус» ведет 0:2. Когда команда забивает третий гол, кто-то в глубине бара встает и затягивает с душераздирающей пьяной тоской:

— Ó pátria amada, idolatrada! Salve! Salve![7]

— Сорок лет прошло с тех пор, как Бразилия забила последний гол, — говорит демон. — С тех пор, как они сыграли здесь последний матч.

Король Боли потягивает водку. Это всегда так выглядит.

Демон оказывается проксиком пластуса островной анаркии Карибского моря. Услышав имя Короля Боли, он уверяет, что они уже не раз встречались, перечисляет места и даты. Король Боли вежливо кивает. Это вполне вероятно, ведь пластусов не так много. На сколько его наняли? На неделю. Так долго? Неужели его работодатели надеются, что дело дойдет до детального обсуждения соглашений?

---

[7] Примечания: 7

О любимая Родина, боготворимая! Спаси! Спаси! — строчки из национального гимна Бразилии (*португ.*).

— Нельзя шантажировать джункли! — смеется демон.

В бар входят четыре шести-семилетних ребенка. Под Открытым Небом не действует никакое право, кроме закона обычая и закона страха, здесь можно ездить на любом, кто дает согласие или чей владелец его дает. Король Боли не знает наверняка, к какой категории относится его собственный проксик. Под Открытым Небом он уже видел даже объезжаемых младенцев. Правда, большинство традиционных анаркий косо смотрит на подобные практики. Это своего рода политическая демонстрация. Король побился бы об заклад, что на этих детках ездят какие-нибудь супремисты из северных постпартизанских анаркий. После их прибытия из бара демонстративно выходят несколько человек.

Дети заказывают у бармена настойку и рассаживаются у окна. За окном ночь гасит красные блики на джунклевом Рио-де-Жанейро, воздушные шары покачиваются на ветру, ряд луковичных пятен теней. Искусственные огни на крышах и в высоких окнах зданий можно пересчитать по пальцам одной руки. Теплая тьма опускается на город, вливается в пентхаус. Бармен зажигает свечи. Пьяница рыдает над пустой бутылкой. —

Dos filhos deste solo és mãe gentil, pátria amada, Brasil![8]

Король Боли заказывает вторую водку. Он обдумывает, к кому бы подсесть на ночную болтовню; из кого можно извлечь самую ценную информацию. Это не Манхэттен, здесь иногда люди говорят правду без всякой причины — пожалуй, единственное преимущество этой проклятой страны (если кто-то считает такие вещи преимуществом).

Один из супремистов затаскивает закуколенную мулатку на стол, переворачивает на живот и стягивает с нее штаны. Король Боли бросает в него стакан. Остальные дети отрываются от настойки.

— Ну что?! Что?! — вскакивает маленький обдолбыш. — Нельзя? Нельзя?

Король Боли указывает пальцем на висящие над дверью папские знаки отличия.

— Ну и зачем вы так старались, если даже не сядете за переговоры? Епископ сейчас вас вежливо попросит.

Малолетний насильник переводит взгляд с обнаженных ягодиц женщины на Ватиканский герб

---

[8] Примечания: 8

Детей этой земли ты добрая мать, любимая родина, Бразилия! (*Португ.*)

и обратно. Два гигантских химерика поднимаются из-за своего стола и подходят к супремистам; это временно успокаивает детей. Лысый химерик достает телефон, вызывает ивановцев. Вскоре появляется патруль в черных костюмах, и начинается долгая ссора между супремистами, ивановцами, химериком, новоприбывшим товарищем закуколенной странобезьяны и все новыми включающимися в споре гостями. Бармен зажигает больше свечей. В итоге «Ювентус» заканчивает вничью матч с «Манчестером». Лысый химерик присаживается напротив Короля Боли. Он бросает в рот несколько кубиков льда и грызет их с хрустом.

— Вечер, начавшийся с изнасилования, — на рассвете мы перекусим отбивной из младенцев, запьем кровью девственниц.

Демон лезет во внутренний карман пиджака и протягивает химерику визитную карточку.

— Джон, — представляется в ответ великан. Имена и фамилии, конечно, не имеют значения. Поэтому Король Боли называет настоящие.

Химерик смотрит на Короля.

— Мануфактуры волейбола? Обескровливание?

— Нет никакого обескровливания, — бормочет

Король.

— А это что-то новенькое. Вы запугиваете, отрицая собственные угрозы?

— А кто боится? Никто. Все. — Король Боли пожимает плечами. — Европейцы и янки вкуколиваются сюда на выходные ради экстремального туризма и возвращаются в свои диснеевские стазы с нелегальными воспоминаниями, коллекциями мелкобуржуазной порнографии. Юг Открытого Неба, земли хардкора, Бог не видит, Раскольников-шоу. Но они, — Король Боли указывает на скандалящих супремистов, — они здесь родились, здесь живут. Второе, третье поколение. Угрозы? Политика? Соглашения? Честное слово? Прибыль, убыток? Их ничто не беспокоит. Если им суждено друг друга поубивать, они убьют друг друга. Если нет — то нет. А эти переговоры — это светские вечеринки.

— Вы пьяны.

— Ха-ха-ха.

Поглощаемая организмом проксика химия, разумеется, не действует на Короля Боли (если только он сам не захочет, чтобы она подействовала) — эффект производит сама атмосфера места и момента. Эта ночь над обезлюдевшим Рио-де-Жанейро, эти тени от дрожащего пламени

свечей, многоголосье мелодичных языков Юга и органический запах джунклей, — пьянят столь же сильно. Водка — лишь реквизит вкуса. (Не больно.)

— Вот, к примеру, эти здесь, — Король поднимает стакан, — это внуки левацких наркопартизан из Колумбии и окрестностей. В нормальных условиях они бы попали под влияние цивилизации, даже они, но поскольку каждый держит палец на кнопке холокоста, то ни о каком политическом давлении речь не идет. Это скансен, музей под открытым небом. Потому нужно читать учебники истории. Сколько книг написано о ста днях Вальдеса? Что в них всегда повторяют? Никто не ожидал! Никаких сценариев поражения! Никакого плана! Как дети, что прячут головы под одеяло: не вижу, значит, нет. «Победу терроризма невозможно представить». Ну да, невозможно: потому что они не думали о ней.

— А что бы вы сделали на месте Вальдеса?

Король Боли пожимает плечами.

— Скорее всего, выстрелил бы себе в голову. У него действительно не было выбора. Выбор был у тех, кто многие годы пренебрегал подготовкой и мерами предосторожности.

— Кто-то должен был стать первым, — говорит

Джон. — Иначе бы пала Европа. Или Штаты. Южная Америка была принесена в жертву, чтобы стать предостережением для Севера.

— Вы из Казалдалиги? — морщится демон. — Теории заговора нагоняют на меня сон.

— На меня они действуют гипнотически, — бормочет Король Боли. — Как лента Мебиуса и геометрия Эшера.

Джон энергично встает и произносит тост:

— За Вальдеса!

— За Вальдеса!

— И всех остальных бедных сукиных сынов, которых трахнула история.

— Хер ей в жопу!

— Хер!

Пьют.

Рикардо Хосе Мартин Самоза Вальдес, последний президент Чили. Невилл Чемберлен XXI века. Кто-то должен был стать первым; эта участь пала на него. Пока арсенал террористов пополнялся взрывчаткой (пускай даже ядерными зарядами) или химическим оружием, угрозе можно было что-то противопоставить, угрозу можно было обнаружить, оружие перехватить, эвакуировать мирных жителей из зоны поражения; ведь само поле поражения оставалось

пока ограниченным. Когда же биотехнологии развились и стали доступными по цене, любой магистр генетики получил возможность устроить в гараже лабораторию AG и стряпать там вирусы смертельных болезней, неслыханных для всего мира, способных за несколько недель распространиться по всему земному шару и уничтожить 99 % популяции Homo sapiens, — и таких ушлепков были тысячи, десятки тысяч — некоторые воплощали свои черные мечты в странах, где аппарат правопорядка практически не существовал… Один раз, другой удалось еще вовремя среагировать. На третий и четвертый террористы осуществили свои угрозы: так Белая Эбола истребила половину населения Ближнего Востока, так LK4 отравил геномы европейцев. Как остановить фанатика с другого конца планеты до того, как вирус будет выпущен на свободу, если все, что вы знаете о нем, — это псевдоним, список его требований и факт, что он действительно владеет этим вирусом, потому что в самом начале он прислал вам образец вместе с некрологами жертв, — миллионы подозреваемых — и несколько часов, чтобы вычислить преступника, — на кону биологическое выживание всей нации, за которую ты отвечаешь, — как остановить это?

Никак, разве что поможет случай или глупость шантажиста; рано или поздно кто-то должен был сломаться. Судьба Израиля была у всех свежа в памяти, эти города трупов, пустыни массовых захоронений. Вальдес ничем не отличался от других диктаторов, популистов и олигархов, веками передававших друг другу власть в Южной Америке, — ни лучше и ни хуже. Просто в такие времена ему пришлось править, в такой стране. Возможно, если бы он проявлял пренебрежение к жизни подданных, свойственную царям и генсекам… Но он не захотел иметь на руках кровь соотечественников, он сломался, он стал первым. И дальше все покатилось, как волна падающих костей домино. Каждый успешный шантаж активировал сотни новых террористов. Альтернатива была предельно ясна: либо выполнение всех требований — либо полное уничтожение. Без переговоров, без осады укреплений, без малейших шансов на оборону и контратаку. Terrorismo o muerte.[9] Да, нашлось несколько непреклонных президентов и премьер-министров — и именно потому сегодня джунгли дикой AG покрывают большую часть континента. Так или иначе, здесь

---

[9] Примечания: 9
Терроризм или смерть (*исп.*).

не осталось ни одной дотеррористической структуры власти.

А что означает «подчинение требованиям террористов»? Стоит подчиниться один раз, придется подчиняться снова — угроза та же. Однако в тот момент, когда официальное правительство становится очевидным образом всего лишь передатчиком воли террористов, а настоящий центр власти переносится в какую-нибудь партизанскую хижину посреди леса или подвал-лабораторию под свалками фавелы, — государство как таковое перестает существовать. Демократический мандат? Закон? Лояльность? Присяга? Гарантия занятости? Ничто больше не прочно, ничто не связывает людей с выполнением распоряжений правительства, переставшего быть правительством, постановлений судов, переставших быть судами, решений парламента, переставшего быть парламентом. Через несколько недель распадаются последние связи. (Вальдес выстоял три месяца.) Дольше других держится армия и подобные авторитарные иерархии. Но когда военные знают, что им надо выполнять приказы террористов… Впрочем, командиры сами поощряют дезертирство. Группа шантажистов также не может выступать открыто, чтобы

осуществлять власть напрямую. Во-первых, поскольку старой структуры не существует, физически шантажировать некого: можно угрожать одному человеку или некоему институту, принимающему решения, но не народу, не массам. Только одной реакции в этом случае возможно добиться — истерики и хаоса. Триумф террора — уничтожение государства — это одновременно предел террора как метода: он становится бесполезным. Во-вторых, даже если террористы выйдут из леса, спустятся с гор, выберутся из трущоб с готовыми теневыми кабинетами, тысячными штабами профессионалов, чтобы занять освобожденные от ancien régime[10] должности, поддерживаемые значительной частью общества, даже если это случится, — то в тот день, когда они начнут создавать свои собственные структуры и возьмут на себя ответственность за государство, они станут так же уязвимы для шантажа со стороны всех остальных террористов. Сценарий идентичен, меняются только актеры. Могут ли новые правители реагировать как-то иначе или у них есть какой-то вариант, недоступный для их предшественников? Нет. Они

[10] Примечания: 10
Старый режим (*франц.*).

даже окажутся в невыгодном положении: новые структуры мгновенно разрушаются; впрочем, с самого начала значительная часть народа их не признает.

И именно так, в конечном числе оборотов колеса террора, удачи и смерти государство вырождается в единственную стабильную в подобных условиях систему — лишенную всех силовых структур совокупность анархистских мини-сообществ, которые держатся исключительно на законе кулака и страха. Любая расцветающая над анаркиями организация срубается на корню — поскольку она уязвима для террора. Причем проблема здесь не в самом методе смертельного шантажа — на нем ведь давно основана межгосударственная политика, запуск новоиспеченной атомной державой первой ракеты с ядерной боеголовкой представлял в XX веке «утонченный» эквивалент письма, адресованного соседям с требованием выкупа. Проблема в отсутствии баланса: террориста нельзя шантажировать в ответ. Нельзя, пока он не раскроется и пока не проявит привязанность к тому, чего его можно лишить, что можно уничтожить. Жизнь, семья, имущество. (А слова, идеи и религии переживут всё.) По-настоящему защищен от террора только

фанатик-самоубийца. Так что идеалом общества Открытого Неба является случайное сборище одиноких камикадзе — необщество. К сожалению — или к счастью — человек — это социальное животное, болтливый zoon politikon[11]. Выжившие обитатели Южной Америки остановились на стадии надсемейных анаркий. Группы крупнее слишком многое могут потерять; меньшие не справляются с физическим выживанием, с защитой от джунклей и AG. Вероятно, здесь обитают и тысячи «племен», состоящих из нескольких, максимум двух десятков туземцев, деградировавших до уровня полуживотных. Но они, и это понятно, ни в каких межанаркийских переговорах участия не принимают и, скорее всего, вообще о них не слышали, будучи отрезанными от сети; и даже если слышали — не имеют доступа к технологии, позволяющей вкуколиваться в проксиков. Однако пугают те, кто может принять участие, но не хочет, — кто скрывается — настоящие безумцы-камикадзе. Каждый отслеживаемый с орбиты неестественный источник радиации, каждое движение, не принадлежащее джунклям, каждая не спрогнозированная инфекция AG, слишком спе-

[11] Примечания: 11
Общественное (политическое) животное (*др. — греч.*).

цифическая, чтобы быть плодом Древа Известий или слепым посевом иных дионизидов, — всё это предмет бесконечных дискуссий и споров на встречах в Рио. Всех объединяет только страх. Таковы законы Открытого Неба.

— В последнее время волейболисты хвастались, что после их обескровливания все ДНКовые млекопитающие останутся по эту сторону Атлантики, — говорит химерик, когда они устроились в самом темном углу, вдали от нарастающей сутолоки супремистского скандала. — У них получилось?

Король Боли пожимает плечами.

— У них есть кое-что получше, — улыбается демон. — Новая анаркия, тысяча миль вглубь джунклей.

— Вот именно! Кто им поверит? Даже военная миссия американцев не смогла пробиться дальше сорока миль, хромосомы клокотали у них в ушах.

— Вот именно. — Король кивает. — Девяносто процентов живут в прибрежной полосе, в горах или в не поглощенных джунклями городах, руинах городов. Джункли, полагают они, — это допущение Бога, стихия природы, подпитываемая этими десятками мусорных генетик, выпущен-

ных из очередных лачужных лабораторий, — они сами по себе бессмысленны, нужно только держаться подальше и страдать молча. — Король Боли подливает водки. — А если нет?

Демон скалит клыки.

— Нельзя шантажировать джункли!

Огромный химерик чешет голову.

— Это продолжение той сказки про монстров AG?

Демон продолжает скалиться.

— Это нечто большее. — Он похлопывает Короля по спине; тот с трудом сдерживает рефлекс уклониться. — Если я правильно понимаю его план… это был бы шанс объединить наконец эти проклятые анаркии!

Джон поднимает брови.

— Знаю, знаю, — бормочет Король. — По собственной воле они никогда не объединятся. Раньше мы распускали, ивановцы распускали мемы чистого страха: выйдет ночью из джунклей темный люд и пожрет нас всех. Все кончилось увеличением бюджета гуманитарной помощи Вашингтона, вы же помните.

— На нее положили лапу андские анаркии, — морщится Джон. — Большую часть того, что приходит с этой помощью, гасиенды Ктулху про-

дают обратно на Север. Я видел своими глазами.

— Ничего удивительного, — фыркает Король. — Сейчас, впрочем, тоже может так случиться, если медиа-братство вкрячится к нам в разгар переговоров.

— Второй раз наступят на те же грабли?

— Ба! Теперь у нас есть доказательства!

Демон наклоняется на высоком табурете.

— То есть сначала вы придумали в качестве переговорного трюка сказку, которая оказалась, о Боже, оказалась правдой?..

Король Боли скромно опустил взгляд.

— Что я могу сказать?.. Я в этом хорош.

Демон хихикает и хлопает себя ладонью по бедру, пока к ним не подходит встревоженный бармен. Король щелкает пальцами и заказывает еще выпивки. Джон-химерик пододвигается ближе к Королю.

— Эти доказательства будут работать снаружи? Для СМИ Закрытого Неба? Насколько они хороши? — Взгляд у него ясный, уверенный, лицо профессионально искреннее.

И только в этот момент у Короля Боли зарождается подозрение, что, возможно, это к нему подсел лучший ловкач и именно он ловит ценную информацию в барных беседах.

Над вторым плечом Короля раздаются забористые ругательства.

— Что?

Зеленоглазый демон поднимается — с отвращением.

— Похоже, сопляки сделали свое дело.

Он отодвигает в сторону рюмку, поправляет костюм и шагает в толпу; скандал начинается снова.

Король Боли следует за ним взглядом, с улыбкой горькой иронии смотрит на нарастающую грызню. Под Открытым Небом границы зла и добра обычно определяются более сильной генетикой; сейчас, здесь — даже этой основы нет. Все зависит от того, кто кого переболтает. У малышей-проксиков здоровые глотки, они голосом утверждают свое право на рекреационное изнасилование. В конце концов, никто не ездит сюда в собственном теле.

Мощный химерик слегка касается руки Короля Боли.

— Простите. Не в этом дело. Я никому не скажу, правда.

Король смакует это прикосновение, как дегустатор, наслаждающийся первой каплей ликера из нового сорта винограда. В этом нет ничего

сексуального; секс — это только один из многих видов близости. Король Боли — знаток интимности, чуткий ко всем ее проявлениям — так человек, всю жизнь балансирующий на грани голодной смерти, пускает слюни при самом слабом запахе самой примитивной пищи.

— Из свиты епископа? — спрашивает он, в теле проксика — очень спокойный: ни пульс у него не участился, ни зрачки не дрогнули.

— Нет, нет. Не мог бы ты мне… — Великан делает глубокий вдох. — Хорошо. Я скажу так. Не задумывался ли ты, что будет, когда они объединятся?

Король Боли пожимает плечами.

— Такие союзы страха сохраняются до тех пор, пока существует угроза. И мы понятия не имеем, что там в джунглях зародилось. Может, всего лишь какие-то чуть более умные обезьяны, которые научились разжигать огонь. Или, может, подлинный интеллект Artificial Genetics: чужой, более чуждый, чем все телевизионные монстры; осознавшая себя жизнь на генетике без ДНК, без рибонуклеиновых кислот. Так или иначе, когда-нибудь угроза пройдет.

— Откуда такая уверенность? Впрочем, достаточно, что она продержится достаточно долго,

чтобы…

— Чтобы что?

— Потом уже все покатится по инерции. Они привыкнут работать вместе, привыкнут разговаривать друг с другом. Пусть только их вынудит к этому внешняя угроза. Ты дал ее им — загадочный народ джунклей. Ведь уже был такой период в истории Земли, когда на ней параллельно развивалось более одного вида гоминидов. Из меньших страхов возникали нации. Соединенные Штаты родились из союза против британцев.

Король Боли останавливает взгляд на разгоряченном химерике.

— Оптимист. — Он долго присматривается к нему. — На самом деле ты очень молод, правда?

И великан, смущенный, растерянный, опускает взгляд, крутит на подоле могучие кулаки, сжимает колени.

Король сдерживает ехидный смех. Эта наивность и искренность, пусть даже притворные, слишком редки, чтобы уничтожать их без необходимости.

И как тут реагировать? Как обычно в ситуации близости, Король Боли прибегает к холодному анализу и вуайеристским воспоминаниям о чужих реакциях.

Он склоняется к химерику; теперь они могут говорить шепотом. Для этого существуют такие места: теснота, полумрак, шум, все здесь подталкивает людей друг к другу, навязывает условности, веселость и доверительность, головы приближаются к головам, губы к ушам, взгляды к взглядам, мысли к мыслям, и я уже могу тебе сказать то, чего не мог сказать, спросить, о чем не должен был спрашивать.

— У вас нет пропуска ни от епископа, ни от ивановцев, верно? — спокойно спрашивает Король. — Ты с севера, это точно. Молодой. Идеалист. Гринвер? RSC? Дублинцы? Вы хакнули этих проксиков или как?

— Надежда в глаза бросается, да?

— Надежда, то есть отсутствие опыта. Конечно, они могут объединиться. Но достаточно одного идиота, одной ссоры, одного шантажа, одного глупого стечения обстоятельств — и всё снова развалится.

Нет необходимости рисовать перед Джоном вымышленные примеры, у них обоих это перед глазами — анаркийская политика на практике. Здесь уже идет мордобой.

Появились значительной силой товарищи обоих выкуколенных, появились очередные

супремисты, уже на проксиках правильных габаритов, прибыло и подкрепление ивановцев, прибыл священник и две монахини, банда странобезьян, на которых ездят ктулхисты, напоследок приперся даже рвущий седую бороду Аким де Нейра и с воплями прилетел попугай марксистов-креационистов, и теперь они все в центре бара под тивипетом, посреди многоязычной ругани и возмущенных криков, то и дело кто-то падает, и по нему топчутся, он поднимается и опрокидывает кого-то другого, разбивает стулья и табуретки, стекло хрустит у них под подошвами; остальные гости кинулись к стенам и в коридор, оттуда они наблюдают, подбадривают, комментируют и принимают ставки на исход драки; толпа зрителей растет, с каждым мгновением отделяется от нее то один, то другой, чтобы присоединиться словом и кулаком к скандалу, который всасывает все новых участников, как набухающее торнадо — и в его центре, в эпицентре циклона, единственная неподвижная фигура: растянутая на столе мулатка с голой задницей. Дипломатия анаркии, live and color[12].

— Тогда что? Проклятие истории? — Горечь

---

[12] Примечания: 12
Живи и раскрашивай (*англ.*).

изливается из Джона уже с каждым словом, он должен понимать, как нелепо звучат в данный момент его аргументы; а против нелепости беспомощна сильнейшая логика. — Что здесь, и в Африке, и в Нижней Азии рано или поздно все погрузится в хаос. Ради этого мы были благословлены! Империя белого человека обретает силу!

— Белого человека? — Король насмешливо улыбается. Ему прекрасно известны эти теории заговора. Генетическая ассимиляция заменила культурную ассимиляцию: стазы переписывают геномы потомков иммигрантов по образу и подобию белых. Некоторые публицисты и политики идут дальше, утверждают, что именно в этом и заключается основная цель существования биостаза, остальное — сфабрикованный предлог и дымовая завеса. Однако Король слишком хорошо знает, как на практике осуществляется политика, чтобы всерьез относиться к каким бы то ни было заговорам, выходящим за рамки медийных интриг. В книгах и фильмах это работает, но не в реальной жизни, здесь правит энтропия. Энтропия — Что-то Всегда Налажает.

— Ты правда в это веришь?

— Как можно так сидеть сложа руки! Разве Коран не велит помогать слабым, сочувствовать

страждущим, делиться богатствами?

Король Боли цепенеет.

— А если бы ты мог это изменить? — Химерик тем временем обнял железным объятием плечо Короля. — Если бы от твоего решения зависел шанс повернуть ход истории, добиться справедливости? Если бы ты мог накормить голодных, напоить жаждущих, одеть голых, исцелить больных, дать крышу бездомным? Что? Не смотри на меня, как на очередного бесноватого, я могу тебе —

— У вас есть мое досье?

— Что?

— Разве ты не видишь, что я пью алкоголь?

Джон выпускает воздух из легких. Он выпрямляется, медленно растягивая губы в безрадостной улыбке. Отведя руку от Короля, встает. Король Боли задирает голову.

— Я никогда не видел, чтобы ты молился, — бормочет басом огромный химерик, переходя на польский, — но это тебе не мешало угощать меня при каждом удобном случае мудростью сур. Так что теперь —

Раздается грохот, — потом второй и третий, — натиск вынес скандал за точку невозврата, в ход пошло огнестрельное оружие. Все косят друг

друга с близкого расстояния брызгающими боеприпасами.

Наружные стекла бара лопаются. Резкий запах джунклей бьет Королю в голову, подобно букету старого вина.

Шестилетний проксик-супремист вскакивает на барную стойку, длинной очередью из автомата убивает бармена, странобезьяну и химерика.

Аким де Нейра тем временем выбирается из-под трупов ивановцев и поднимает над головой руку с гранатой без шплинта. Он предупреждающе кричит. Никто не обращает на него внимания.

Король Боли допивает водку и ставит стакан. Ребенок стреляет ему в голову, в грудь, в живот.

Попугай марксистов-креационистов кружит над катающейся по бару толпой дерущихся, как пестрый Святой Дух AG, истерично бьет крыльями, аж перья летят, и пронзительно визжит:

— Быдло! Бездельники! Барыги! Бараны! Бандиты! Бездари! Балбесы! Балаболы! Безмозглые! Басурмане! Болваны! Бестии! Бесы! Бздуны!

Король Боли ползет по полу, тонет в боли и крови. Он бы насмешливо улыбнулся, но у него разорваны мышцы лица. Именно так заканчивается, не успев как следует начаться, сто семьдесят восьмой тур переговоров между анаркиями От-

крытого Неба Южной Америки.

Он еще вспоминает о пари де Нейры, когда крик Акима обрывается и —

— KING_OF_PAIN

connection aborted

Король Боли и Солнце

Слишком ярко, было больно. Он зашипел сквозь зубы, и чернота затянула окна. Девять ноль семь, июльское утро, гистаминовая кривая изломана, как ЭКГ. Он поднялся с ложа агонии, с пропитанной потом простыни. Дом был наполнен утренним ароматом (мята и шалфей), но Король мог бы поклясться, что по-прежнему чувствует запах трав, которыми вчера вечером его дурманила Фатима. У него болела голова, но в этом не было ничего необычного.

В зеркале, висевшем в ванной, он посмотрел себе глубоко в глаза — в глаз, левый. Налитый кровью не больше, чем обычно, — и отвернулся, прежде чем успел уловить все отражение. Король Боли был худым, костлявым, с вялыми мышцами, узловатыми венами, выпирающими кожу, вечно сутулым. Он убрал бы из дома все большие зеркала, если бы они ему не были так

часто нужны. (Боль *лжет*, поэтому нужно каждый день исследовать свое тело с въедливостью неверующего Фомы.)

Он поплелся в кухню, чтобы сварить кофе. (Кофе болит освежающе.) Прошлой ночью он, должно быть, забыл закрыть дверь в сад, теперь пол коридора усеян мертвыми насекомыми, их отравило и выжгло германское иммуно в доме Короля Боли; через час система разложит их до состояния стерильной химии простейших соединений, и они полностью исчезнут. Иммуноботы дома были генетически настроены на частоту ультрафиолета, излучаемого лампами, встроенными в стены и потолки, они гибли в метре за порогом. А дверь действительно оказалась приоткрытой. Король вышел на террасу, трупики насекомых липли к босым ногам. Солнце, солнце, больше солнца. Он отступил в тень и отсюда принялся разглядывать собакоцветы. Теперь Король мог лучше оценить их цвет: большинство были ярко-желтыми, другие — белоснежными, а третьи — голубыми. Профилем своих чаш они не напоминали ни один вид или сорт известных Королю цветов — но этого и следовало ожидать от химериков AG.

За чашкой кофе он позвонил сестре. Ее удалось

поймать на работе. Король переключился на тивипет.

— Мата Хари с Нарутовича[13]. Чем же ты меня опоила?

— Ее нет на карантине Эмиратов. Я сообщила в полицию об исчезновении.

— Что?

— Но она совершеннолетняя, им нужна бумага об этой визе. Не могу найти. Нам придется дать показания. Вспомни, проверь ежедневник и логи дома. Возможно, ты видел ее последним.

— Корпус?

— Она выписалась из Корпуса Мира два года назад.

— Она врала с самого начала.

— Какого начала?

— Рио. А вообще, что я тебе вчера рассказал?

— Всё. Надеюсь. Высылаю тебе на почту контакты комиссара, к которому ты явишься с показаниями. Сегодня.

— Как это? В собственном теле?

— Или оплатишь услуги нотариального шифратора.

— Я оплачу. Ты обыскала ее комнату?

---

[13] Примечания: 13

Габриэль Нарутович (1865–1922) — первый польский президент, чьим именем названа площадь в Варшаве.

— Ничего.

— Коллеги, друзья.

— Ничего.

— Ты их вообще знаешь?

— Хороший вопрос. Мухат, Бодя, и мама, и я, — скинулись на детективов. Ты в деле?

— Конечно. Кто это будет?

— Копенгагенская гражданская полиция святого Антония.

— Да, я слышал. У них есть свои конюшни проксиков на Юге?

— Думаешь?..

— Вот как раз начал. Так что, стрелять?

— Валяй.

— Один, альтеррористы. С их помощью или ради них. Ты сама говорила. Два, Робин Гуды. Три, любовь.

— Что?

— Любовь, такой неврологический феномен.

— Но зачем ей это?.. А, понимаю, Ромео из-под Открытого Неба. Она встретила его на проксике во время какой-то миссии доброго сердца, он точно не получит брюссельскую визу, поэтому она эмигрировала сама. Мы все стали бы ее отговаривать, она не сказала ни слова, сбежала. Хмм. Она не рассказывала тебе о каком-нибудь парне?

— Слишком о многих.

— Ну да. Надо бы получить судебный ордер и проверить логи ее куколя.

— Она наверняка выкуколивалась у знакомых. Ну, и у Муравьев.

— С чего-то надо начинать.

— Суд скорее согласится, если ты подъедешь с Робин Гудами. Я в списке Интерпола, получаю бюллетени. В Токио за неделю на обнаженном уме платят сто тысяч.

— У японцев нехило засраны мозги.

— От-кутюр порнографии.

— Хватит, ты меня уже напугал.

— Ладно, я найду ее.

— Мне надо… Что?

— Я найду ее. Если такова будет воля Бога.

— Ты с ума сошел? Ты сам выглядишь так, будто нуждаешься в немедленном спасении. Включая реанимацию.

— Спасибо, с возрастом я становлюсь всё краше.

— К пятке у тебя прилип таракан. Сходи всё же в эту полицию. Салаам.

— Это жук. Был. Паукожук. Хмм.

Король Боли нашел черные очки и с кружкой горячего кофе в руке вышел в сад. Круг смятой

травы вокруг могилы Сыски очерчивал границы вчерашней гермы. Король наклонился, понюхал цветы. Они не имели никакого запаха. Он почесал шею — пламя пробежало по скуле в глазницу, Король Боли стиснул зубы. Он забыл расспросить Фатиму. Когда собаке в последний раз ставили штамп в Genetic Insurance Policy[14]? Если только она не подхватила это на отдыхе в Хорватии…

В пластичном сознании Короля Боли начинала раскручиваться калейдоскопическая головоломка.

Он не сказал этого сестре — потому что не было смысла пугать ее еще больше, — но сегодня, через пять дней после последнего лога Янки, наиболее вероятными представлялись сценарии, в которых Янка была мертва — даже если ее тело жило. Насчет Робин Гудов он не шутил. Июльское солнце припекало бледную кожу Короля, жар обжигал его холодные кости. Он судорожно сглотнул кофе. Он часто обжигался слишком горячими напитками и продуктами, боль сливалась с болью, мир таял в одной большой парестезии, он не обращал внимания. Хмм. Если бы похититель куколей действительно взломал Янку, едущую

[14] Примечания: 14

Genetic Insurance Policy (GIP) — полис генетического страхования (*англ.*).

на каком-то незарегистрированном проксике Муравьев или других альтеррористов, то он успел бы за это время уже десять раз выставить ее на продажу, продать с аукциона и вывернуть ее мозг наизнанку. Тело Янки, вероятно, еще дышит в притоне Муравьев, но разум уже разрушен. В восточных борделях это называется ханафавиджа, «склонение к Бездне». Торговец получает полный контроль над твоим куколем у хакера, может посадить тебя на любого проксика и использовать любые средства — чтобы как можно скорее свести с ума. Эта ветвь бестелесного БДСМ развивалась очень быстро. Биостазы закрыли границы, не позволяя торговать живым товаром, но человек всегда придумает нечто еще более чудовищное. У сетевого знакомого Короля двоюродного брата взломали какие-то подростки с Юга. Домочадцы силой сорвали с него куколь — и мозгочерви выжгли ему половину лобных долей. Типичный троян Робин Гудов разрушает гиппокамп жертвы и разъедает центры долговременной памяти. Если снять куколь или прервать соединение иным образом, в лучшем случае мы получаем Каспара Хаузера, в худшем — овощ. Король Боли искренне надеялся, что здесь поработали альтеррористы, — он теперь вспоминал все свои разговоры с

Янкой, — на это он надеялся, потому что однажды взломанный разум никогда не придет в норму. Возможно, через двадцать лет Янка однажды проснется и с улыбкой перережет горло своим детям, потому что случайный сон пробудит в ее сознании старый вирус. Рассказывают и такие истории. Король отставил кофе. В задумчивости он рвал разросшиеся собакоцветы. А если она и впрямь сбежала к любимому из-под Открытого Неба… Хмм… Это совершенно не похоже на Янку. Хотя, если это был какой-нибудь молодой Че Гевара — возбужденные северные идеалистки часто теряют голову из-за подобных типов. С другой стороны, о Корпусе она лгала больше двух лет, значит, скорее можно предположить продуманный план, нежели внезапно вспыхнувшее чувство. Легко сказать: я эмигрирую под Открытое Небо. Но как успешно это провернуть, в надлежащей тайне… Куда? Как? И сколько это стоит? Явно небольшое состояние. Откуда у нее деньги? У нее их не было, значит, кто-то должен был ей дать. Муравьи. Итак, романтическая версия отпадает, мы возвращаемся к альтеррористам, альтеррористам и Рио-де-Жанейро. Если бы ты мог накормить голодных, напоить жаждущих, одеть голых, исцелить больных, дать крышу

бездомным… Во времена альтерглобалистов они устраивали пикеты и развлекательные беспорядки. Но гражданам стазов пришлось бы сначала восстать против своей ДНК. Значит, именно там следует искать Янку, в анаркии. Я обещал и, возможно, действительно найду ее, ха! Иншааллах, Иншааллах. Солнце обжигало кожу.

Он вернулся домой. Букет собакоцветов он поставил в вазу под открытым окном гостиной. Уселся рядом в нагретом живом кресле — в пятне солнечного света, в запахе сада, смешивающемся с запахом дома, — и натянул куколь.

Местных проксиков в полицейские конюшни набирали в основном из студентов, которые ради подработки подписывали контракты на несколько часов. Король посетил указанного Фатимой комиссара верхом на высоком юноше-левше. Он несколько раз споткнулся и стряхнул бумаги со стола комиссара. Который тут же направил Короля к какому-то молокососу, недавнему выпускнику академии, что наглядно демонстрировало, какой низкий приоритет в общественной полиции имеет дело о пропаже Янки. Король переписал логи своего дома с последних дней визитов племянницы, дождался нотариального шифратора и дал показания. Самая важная их

часть касалась слов Янки о том, что она эмигрирует в рамках работы в Корпусе Мира; но он также рассказал о ее связях с Муравьями. Полицейский составил на основе логов Короля текущую генопись Янки (актуальную две недели назад) и включил ее в сетевой список разыскиваемых лиц. На этом действия общественной полиции по данному делу завершились. Королю не хотелось даже устраивать скандал, все это было так ужасно банально: девушка-бунтарка, исчезновение, заботливая семья… Король вежливо попрощался и выкуколился.

Он посмотрел на собакоцветы, их нежные лепестки просвечивали полуденным солнцем. Если Янка действительно спланировала это, мне не следовало предполагать, что именно Сыска стала жертвой случайного дионизида. С другой стороны, если предположить, что случайного ничего нет, то с тем же успехом можно сразу накачать себя параноидальными драгами… Он проверил время и отправился к лейбенмейстерам ZH.

Фирма была немецкая, рабочие — польские, проксики — цыганские. Король Боли поднялся со стула в приемной, полной спящих проксиков, поправил манжеты рубашки, отряхнул костюм, пригладил пышные усы, еще раз взглянул в

большое зеркало, затем подошел прямо к столу администраторши (динамическая лицевая кость, интегрированная нервная система, по четыре пальца на руках).

Лейбенмейстеры Ziegler und Hochkupfer годами отвечали за субстаз его поместья, администраторша узнала его сразу по поклону и первым любезностям. Король спросил, кто дежурит — хотя он отлично это знал. Всего через пять минут его приняла инженер AG Ирена Новак-Новак.

Они были знакомы.

— Только что пришла ваша просьба ускорить анализ. Присаживайтесь. Были ли побочные эффекты?

— Нет. Они были с этой собакой в отпуске на Адриатическом море, не могло ли это быть связано с —

— Фронт Европейского стаза упирается в Каир, вы бы услышали тревогу во всех СМИ, если бы что-то проникло так глубоко. Прошу еще немного терпения.

Король Боли закинул ногу на ногу, взглянул на свои ногти, посмотрел на темную кожу тяжелых, натруженных рук.

— Могу ли я посоветоваться с вами —

— Слушаю. — Она всегда прерывала его.

— Я знаю, что обычная иммиграционная процедура занимает два-три месяца. Чисто теоретически, если бы нас не ограничивали никакие законы, никакие другие требования, — как быстро можно человеку вклеить визу?

Новак-Новак подняла брови. Король Боли снова отвел взгляд. Тому, с кем он познакомился без куколя — кто с ним познакомился без куколя — он не мог смотреть в глаза.

Инженер оперлась локтями на письменный стол, наклонила голову.

— Этот человек, получив визу, должен остаться в живых?

— Да, да.

— От сорока восьми часов до пяти недель, зависит от того, какое оборудование у нас есть и какова степень совместимости выходного стаза и целевого стаза.

— А если из стаза под Открытое Небо?

— Это не имеет значения. Вам звонили из Живицы?

— Что? Нет, — сухо усмехнулся Король. — Дело не во мне. Я чисто теоретически спрашиваю.

— Я подумала, что до вас дошла какая-то информация и вы решили эмигрировать, пока Живица не обратится в суд за принудительной

нормализацией. Мы бы потеряли хорошего клиента. — Она тепло улыбнулась.

Король пренебрежительно махнул рукой. Европейская Комиссия по сохранению жизни сразу выписывает разрешение пластусам, живущим под ее стазом; аналогичная политика применяется в большинстве стазов. Если бы они захотели нормализовать всех химериков, которые родились в качестве побочных эффектов очередных апгрейдов генома стаза, они бы потратили на это десятилетия и десятки миллиардов из бюджета. Кроме того, некоторые формы химеризации оказываются вполне успешными. Одна из первых теорий заговора, с которыми Король Боли сталкивался еще в детстве, заключалась в том, что ни один химерик, рожденный под биостазом, не является случайно выпавшей комбинацией генетической рулетки, непредсказуемым сцеплением генов стаза с генами, унаследованными естественным путем от родителей, а является спланированным экспериментом Живицы, элементом гонки генетических вооружений между родным стазом и другими стазами.

— А вы не знаете, можно ли оформить визу как-то самостоятельно?

— Теоретически.

— Теоретически.

Улыбка сошла с ее губ.

— Теоретически это можно сделать в любой клинике, наверное, даже у нас. Это операция по переписыванию организма с одной генетики на другую, аналогичная той, которую мы все незаметно проходим с каждым обновлением стаза, только быстрее и радикальнее, потому что изменения более масштабные. Во всяком случае, оборудование идентично. Но где взять саму визу, полный пакет целевой генетической информации? Правительство стаза, в которое вы эмигрируете, должно предоставить вам индивидуальный генетический код. В противном случае, даже если вы перепишетесь на их генетику с максимальной точностью, как только вы пересечете границу стаза, он мгновенно уничтожит вас как инородное тело. И ни одно правительство не выдаст визу частной клинике. Вы это понимаете?

— Правительство — нет. Но если кто-то захочет эмигрировать под Открытое Небо? Ему просто нужно достичь общей генетической совместимости. Люди так эмигрируют, я видел в сети, такое бывает. Так где же они переписывают себя, если —

— Как вы правильно заметили, все это в сети.

Можете себе представить —

— Но, пани Ирена, — Король Боли рассматривал свои белые носки и кожаные мокасины, — раз уж мы с вами приятно беседуем…

— Вы ведь не часто выходите из дома, да? — язвительно бросила она.

— Нет. Никогда. Не лично. Но…

Она приложила ноготь к уголку левого глаза, зажмурив правый, — Король на мгновение поднял голову, чтобы хорошо запомнить этот ее жест задумчивости.

— В последний раз, когда я настраивала вам стаз, у вас, едва вы меня увидели, случился какой-то припадок, эпилепсия или что-то в этом роде, впрочем, я не знала, что такие вещи —

— Вы прикоснулись ко мне тогда.

— Что?

— Вы дважды коснулись моей руки большим и указательным пальцами.

Он показал.

Инженер откинулась в кресле, откинув голову на спинку; она смотрела на Короля из-под опущенных век. Он не выяснил до сих пор, сколько ей лет. Она выбрала фенотип средиземноморской тридцатилетней женщины. Красоту ее лица и элегантность изгибов тела он оценивал в двести

тысяч, upper middle class[15]. В разрезе костюма между грудями блестел серебряный римский крест. Она не носила обручального кольца. Однажды он услышал ее громкий смех, записал его; и проигрывал потом снова и снова. Она уже четыре раза навещала Короля дома, наблюдая за периодической настройкой его стаза. Не считая родственников, она была единственной женщиной, с которой он встречался всё последнее десятилетие без посредничества проксика.

— Я все же попрошу, чтобы вам назначили другого инженера.

— Нам всем приходится нести свой крест.

— Но, собственно, что вам нужно? — она повысила голос. — Я когда-нибудь давала вам повод?.. Я обслуживаю десятки клиентов.

У Короля Боли уже крутилось на языке очередное ироничное замечание. Он превосходно освоил искусство находчивых ответов, столь же эффектных, как и бездушных, — но в последний момент передумал.

Он тут же начал нервно сжимать и разжимать кулаки, раскачивая ногу, заложенную на ногу.

— Если бы… если бы у вас был выходной… ве-

---

[15] Примечания: 15
Верхушка среднего класса (*англ.*).

чер… только не на проксике… в моем саду, когда солнце садится… поговорить, о чем угодно… это было бы мне… было бы… очень…

Она долго смотрела на него молча. Затем перевела взгляд на экран.

— Цветочный Интронный Контрабандист. Нелицензированные гены, первое появление которых было зарегистрировано в австралийском стазе семь лет назад, и вскоре они попали в публичный домен, чаще всего используются в одноразовых симбиотических цепях и передаются большинству официальных генетик. Вероятно, написано Маорийской группой или по ее заказу. Первоначальная функция: шпионский генвер[16]. Последовательность, обнаруженная в рассматриваемом организме, отвечает за первое звено цепи: извлечение, инкапсуляцию и передачу украденного кода. Оригинальный геном — собакособака, колли ротвейлер, самка. Мы также реконструировали ее фенотип, уже с учетом экспрессии вписанного генвера. На поверхности языка собаки формируются рецепторы, инкапсуляция украденного материала происходит в подъязычных железах. Закодиро-

[16] Примечания: 16

Geneware — генное программное обеспечение, аналогично *software, hardware*.

ванный материал передается в соцветия шерсти и записывается в пыльце, откуда его берут организмы второго звена, скорее всего, основанные на геноме насекомых, и переносят в организмы третьего звена, где происходит расшифровка. Украденный генетический материал с момента инкапсуляции невозможно воспроизвести без комплементарного шифра. Запуск генвера такого типа на территории Евросоюза рассматривается как преступление, преследуемое по частному обвинению. Комиссия по сохранению жизни классифицирует его как Неопасный-Несвязанный. Полные данные мы отправили вам на почту вместе с экспертизой для суда.

Король Боли кивнул.

— Вы считаете, что это застенчивость.

— А разве нет?

— Я не застенчивый. Я просто очень плохо переношу близость других людей.

Король Боли и красота этого мира

Ее лицо, ее глаза, ее улыбка, блеск улыбки в ее глазах, ее голос. Все и всё было здесь прекрасно; особенно она.

Райская дева, говорил он ей, небесная гурия:

необыкновенно черные радужки, необыкновенно белые глазные яблоки. После этого она всегда пользовалась этим телом, он приглашал ее, и поэтому всегда оплачивал прокат этого проксика. Пятый год, с тех пор как они встретились на форуме, посвященном каллиграфии (Король Боли был мастером невидимого пера.) Им ничего не было известно друг о друге, кроме ников, которыми они пользовались в сети, слишком пафосных, чтобы придавать им значение. Король Боли, 4e33a — так и осталось. В абсолютной анонимности они могли быть абсолютно честны друг с другом — во всем, что этой анонимности не угрожает.

Он любил одевать ее — купать, вытирать, расчесывать, красить и одевать; тогда их беседы были особенно свободными.

— Повернись. Руку — спасибо. Снова тяжелая неделя?

— У тебя тоже такое ощущение, что чем старше ты становишься, тем короче дни, часы, тем меньше вещей помнишь из очередного месяца? Все это как-то — как-то сжимается.

— Неврология, детка, неврология.

— А, ты опять за свое.

— Иди сюда. Мммммм. Ты это запомнишь?

— Возможно. — Ее улыбка. — А что ты запом-

нишь?

— То, что новое.

— У меня есть друг, который каждый месяц загружает себе в мозг новую веру. Он говорит, что только так может проверить, какая религия ему больше всего подходит, пробуя их на практике.

— Религии работают в годовом цикле. Зима, лето, короткий день, длинный день, смерть, возрождение. Наклонись.

— Это затянулось бы надолго, слишком много их.

— И какая из них ведущая?

— Пока, наверное, агностицизм.

— Парень застрял на букве А? Пойдем.

Они прошли в спальню. За открытой в сторону пляжа балконной дверью вечерний бриз морщил темную синеву океана, тени пальмопальм тянулись по песку от лазури до зелени. В волнах отлива плескалась пара юных блондинок — по движениям рук, прямой спине и резким возгласам Король узнал в них японских бизнесменов.

Он посадил женщину себе на колени, и она инстинктивно прижалась к нему. Он выбрал помаду, тушь и украшения. Оликарт делал ставку на естественную красоту, его проксики не использовали ни пигментный макияж, ни косме-

тический генвер.

— Я задумалась, какую религию могут исповедовать, к примеру, такие пластусы. Ведь…

— Не двигайся, а то размажу.

— Уже всё?

— Посмотри.

— У них же всё постоянно меняется, так ведь? Раз верят, раз не верят, или как?

— А может, то, что меняется, не влияет на их веру или безверие. Если бы вера основывалась на опыте, это была бы еще одна эмпирическая наука. Закрой глаза.

— Да где там. Как бы они, например, узнали, что Бог един в трех лицах, если бы им об этом не сообщили, если бы они сами не прочли это? Всё входит в нас через органы чувств.

Всё входит в нас через органы чувств. Кроме того способа, которым мы упорядочиваем эти чувственные ощущения — с ним мы рождаемся, он в значительной мере запечатлен в генах, в структуре разума. Но если в нашей власти изменить эту структуру… Король Боли остановил взгляд на отражении в широком зеркале: их смуглые лица со слегка монгольскими чертами, щека к щеке, женщина и мужчина, с очень гладкой кожей, чистейшими глазами, молодые боги. Как

они сейчас смотрят на собственные отражения — они могли бы быть братом и сестрой; возможно, так оно и есть. 4e33a проводит кончиком языка по алым губам. Король целует ее в шею, не отрывая взгляда от зеркала. Она глядит на него, глядящего. Отражения отражений отражений — красота всегда приходит извне, она не существует вне физического мира: вопреки всему, представление о красоте не есть сама красота, точно так же, как представление о страхе не есть сам страх, а представление о зле не есть само зло.

— Если бы ты могла пожелать все что хочешь…

— Ммм?

— Какое желание ты желаешь? Какую жажду жаждешь?

— Я не выйду за пределы себя.

— Нет. Но мы могли бы взять наугад какой-нибудь фетиш, — прошептал он ей, — и вставить в себя такое желание. Хочешь? — прошептал он ей. — Все время что-нибудь новое. Ты хочешь этого?

— Тебе скучно? Тебе надоели эти тела?

— Дорогая, я сам себе надоел.

Она молчала, пока он расчесывал ее длинные черные волосы. Потом он сидел на краю кровати

и приподнимал ноги 4e33a, натягивая темные чулки, такие тонкие, что на ощупь почти не ощущались, — ступня, икра, вверх вдоль бедра, пока ладони не остановятся на той узкой полоске обнаженной кожи над кружевом. Она стояла на одной ноге, но сохраняла равновесие, она опиралась о Короля, положив ему руку на голову. Пальцы путались в густых локонах (у него была роскошная шевелюра); она лениво царапала его ногтями, раз, два, четыре, в такт своим мыслям, выглядывая поверх него на пляж, на океан и на красное солнце, тонущее в океане.

— Есть такая игра, — говорила она, — в нее играют мои друзья. Во всяком случае, они утверждают, что играют. Life Playing Game[17]. Они периодически собираются, это долгие сеансы, месяцы, годы, они собираются и накачивают себя расслабляющими снадобьями, которые вытягивают наверх их подсознание, вытягивают истину. В дурмане они рассказывают друг другу жизнь: что с ними произошло, в какой точке они в настоящий момент оказались, чего они хотят и чего боятся, какой выбор стоит перед ними, какое будущее они видят перед собой. Они записывают

---

[17] Примечания: 17
Жизнь, играющая в игру (*англ.*).

все это. Часами обсуждают историю каждого в отдельности, сочиняя различные сценарии, от наиболее вероятных до совершенно безумных, взятых из кино, из игр. Десятки дорог, десятки тропинок развития персонажа. Они записывают все это. В конце кидают жребий. Сценарий, который тебе выпал, ты должен реализовать в течение сеанса, то есть до следующей встречи — ты тут же вставляешь в себя глубочайшее желание его реализовать. Дело не в том, что ты не можешь отступить — с LPG ты не захочешь отступать. Отказа от LPG нет ни в одном сценарии. Есть смерти, разводы, браки, самоубийства, убийства, великие преступления и великие достижения. LPG принципиально больше, чем жизнь.

Король натянул ей второй чулок, потянулся за туфлями на высоких каблуках.

— Они сказали тебе, почему это делают?

— Потому что могут.

— Да.

Он одел ее в легкое хрустально-шелковое платье на невидимых бретельках, сверху полупрозрачное, снизу матовое. Она вышла на балкон. Он застегнул рубашку, завязал галстук, натянул пиджак. С балкона можно было спуститься по винтовой лестнице прямо на аллею, которая

вела между пальм к главному зданию ведомства, скрытому за гигантскими папоротниками. Среди папоротников порхали разноцветные феи. Король подал 4e33a руку. Сидевшая на краю крыши бунгало огненная птица осыпала их злотыми искрами, когда они сходили по аллейке вниз.

— Вот если бы ты меня возненавидела.

— Спасибо, я предпочитаю, чтобы всё осталось, как есть.

В тени папоротника она остановила его для долгого поцелуя. Над Оликартом садилось солнце. Король Боли вспомнил очень похожие вечера, один, другой, десятый. Это уже слишком, в конце концов, сколько можно? 4e33a стерла губную помаду с его губ, таким же жестом нежности, как и раньше, и раньше, и раньше. Король громко вздохнул. Разум требует пищи. Шум этих волн я уже почти не слышу, экзотических цветов почти не замечаю.

Французская Полинезия не содержала свою биосферу в полном стазе, острова расположены слишком далеко от материка, здесь слишком мало людей, слишком слаба местная экономика, слишком сильны ураганы. Оликарт был искусственным островом, который вырастили на базальтово-коралловом рифе патента GE. Его

поместили в архипелаг Lies sous le Vent[18]. Его пейзажи, его флора и фауна, а также живущие здесь Homo sapiens stasis, были разработаны с одной целью — развить до максимума эстетический опыт. Оликарт возник как туристический курорт эпохи генетических войн: сюда никто не прибывал и никто не уезжал отсюда, но восемьдесят процентов аборигенов подписали многолетние прокси-контракты, и теперь богачи со всего света ездили на них двадцать четыре на семь. Ничто не нарушало гармонию туристов, даже вид других туристов.

В ресторане уже собралось более десятка гостей, таких же красивых и совершенных, схожих по фенотипу. Официант усадил Короля Боли и 4e33a за деревянной колонной, со стороны океана. Когда 4e33a заказывала блюда (однократная кухня, каждый овощ, фрукты и мясо на уникальных генах), Король достал из кармана объемистый блокнот и ручку. Обычно в память о проведенном вместе уикенде они каллиграфировали хайку.

— Ну вот, — улыбнулся он, когда официант ушел. — Послушай. У меня есть племянница. Взрослая. Почти. Голова, полна идеалов левых

---

[18] Примечания: 18
Соединенные под Ветром (*франц.*).

альтеррористов; в какие только места мировых бедствий она не вкуколивалась. Так вот, она исчезла. Ни записки, ни следа. Зато оставила мне свою собаку, которую перепрограммировала, чтобы украсть мою ДНК. Я не знаю, кому она ее передала. Я считаю, что она отправилась к этим своим альтеррористам и сейчас переписывает себя на генетику некой южной анаркии. Теперь давай. Что я делаю? Сценарии.

— Зачем ей красть твою ДНК?

— Пластичность нейронной сети, гиперактивная глия, врожденная химеризация, девяносто девять процентов кома… чего-то там.

— Ах.

4e33a попросила сигарету. Король выбрал зеленый каракулец и подал огонь. Она затянулась.

— Ты знаешь что-нибудь, чего не знает полиция?

— Я могу знать.

— ДНК пластусов не каталогизированы?

— Правительствами? Наверняка.

— Альтеррористы хотят что-то замутить на пластусовых генах.

— Это очевидно. Но какое у меня пространство для маневра?

— А какое у тебя есть? Может, ты ко всему

прочему супермен, прячешь в подвале машину времени, волшебную пулю? Иди в полицию.

— Был уже. — Он что-то записал в блокнот. — Это облегченная версия, а я хочу LPG на амфетамине.

— Хмм. Как пластус ты наверняка работал на правительство. У тебя есть контакты. Сошлись на кого-то. Услуга, шантаж, что-то в этом роде.

Он снова записал.

— Все по-прежнему зыбко. Книги! Фильмы! Игры! Думай.

Она пожала плечами.

— Ты сам лучше всех знаешь свою жизнь.

— Но в этом-то и дело! Я это я. Я думаю, как я. Я выбираю, как я. Ведь для того и нужна эта игра, чтобы заставить себя выйти за пределы себя? Говори!

Она задумчиво провела голубым ногтем по ожерелью из лёдогня. (От рифа ветер доносил эхо пения сирен.)

— Выбранный нами образ жизни подкидывает нам тот тип людей, с которыми мы сталкиваемся. А те, в свою очередь, навязывают нам форму самой жизни: такие у нас знакомые, такие друзья, такая любовь. Фермер влюбляется в молочницу, бухгалтер — в секретаршу, полицейский — в

прокуроршу или в проститутку. Известен ли тебе какой-нибудь выход на подполье? Мог ли бы ты сам встать на путь преступления?

Король записал. Улыбнувшись, постучал по столу кончиком пера. 4e33a смотрела на него сквозь бледно-зеленый дым. Иногда то, что она говорила и как вела себя, вызывало у Короля подозрение, что она стара, очень стара, возможно даже, родилась еще в двадцатом веке.

Король приподнял над столиком левую руку женщины.

— Встать на путь преступления. Если она сбежала в анаркию — нет преступления, нет закона. Мне уже доводилось бывать в таких поездках: два дня хардкора, в понедельник возвращение в любящую семью. Дальше!

Она сжала его ладонь.

— Будь осторожен. Это игра без бэкапа, жизнь в одном направлении, нет пути назад.

— Так в том-то и дело!

— Прошу тебя —

Он поцеловал ее запястье.

— Кем бы я ни стал, я все равно буду —

— Неправда, ты же знаешь, что это неправда.

Король прищурил левый глаз, к уголку правого прижал указательный палец руки с пером. 4e33a

отдернула свою руку. Он наблюдал, как блуждает ее взгляд, как она ищет точку, за которую может зацепиться, вдали от Короля — на соседнем столике, на фосфоресцирующем папоротнике, на листьях пальмы, на небе, на океане, на горизонте. Это дрожание губ — прелюдия плача? 4e33a не плачет, не в таких ситуациях; и никогда — публично. Но одного сигнала отчаяния достаточно, чтобы сердце Короля сжалось. Видит ли он сейчас 4e33a — или же видит Афродиту Оликарта, черноглазую гурию, какую-то другую женщину на ее месте?

Улыбка кота без кота — красота женщины без женщины.

Король Боли, по крайней мере, понимает, чего он не понимает. Красота возникает из эстетических канонов смотрящего, а те вытекают из догм культуры, в которой он вырос и живет, а они зависят от экономических отношений, формирующих эту культуру. Если бы мир, в ответ на распространение дешевого биотеррора, не раскололся на закрытые кластеры враждебных генетик, технологии трансмысленной коммуникации не окупились бы. В их развитие вложены такие большие суммы, что сегодня почти у каждого есть куколь. Поскольку красота материи стала

заменяемым благом, то возросла в цене и красота формы: слов, поведения, владения своим телом, каким бы прекрасным или отвратительным оно ни было, красота общения с другими людьми, построения эмоциональных отношений с ними. Король Боли почти ничего не знал о 4е33а, но того, что ведал, было достаточно.

Она была женщиной, и даже если нет — такими должны быть женщины.

Король выпил воды.

— Дальше.

4е33а стряхнула пепел с сигареты.

— Всё, что необходимо, чтобы получить выход на нее. Ты пластус? Сам думай.

— Но что значит «всё, что необходимо»?

— Всё.

— Всё?

— Всё.

— Ну-ну, так говорят, но так не думают. А если бы мне нужно было продать тебя Робин Гудам.

— Я тебя знаю, ты бы не продал. Хочешь играть? Играй. В того, кто продал бы. Тогда ты не будешь собой, правда? Доволен?

Он записал.

— Тогда я продам тебя. Окей. Дальше.

— Есть еще «дальше»?

— Всегда есть «дальше».

Она потушила сигарету.

— Чего ты боишься больше всего? Что причиняет тебе самую сильную боль?

— Хмм. Вот наш обед.

Официант расставил блюда. Они ели молча. Король Боли изучал движение ее запястья, когда она разрезала мясо, движение кисти, угол наклона предплечья, одно плечо ниже, другое выше, правая грудь слегка сплющена и прижата к туловищу, мышцы руки напрягаются и расслабляются. Раз она задрожала, когда полусекундный лаг затормозил проксика.

За десертом она попросила бумагу и перо. Мускулы под смуглой кожей напряглись иначе, когда она каллиграфировала. Некоторые действия требуют более глубокой настройки нервных систем, некоторые — вообще невозможны на неуклюжих телах. Каллиграфия очень сложна; столь же трудно достичь оргазма на женских проксиках, поэтому тщательно синхронизированные экземпляры резервируются на годы вперед.

Король Боли забрал перо и вырвал второй листок. Он писал правой рукой (он был правшой, он и проксик). Над хайку не стоит размышлять

слишком долго.

вечером чистый дождь
эхо джунглей из ночи глубин
вдох горизонт выдох

Они обменялись листками. 4e33a прочла молча. В самом сердце острова выли и пели дикие химерики.

Король провел кончиком большого пальца по краю бумаги, на которой еще не высохли черные чернила. Он думал о том, как совершенна форма букв, рожденных под рукой 4e33a. Ведь так он познакомился с ней, такой он ее представлял, такова была первейшая ее красота.

в последний миг
голову ты повернешь —
туча птица радуга

Король Боли и боль

Он родился в год кометы, под небом, зеленым от русских дионизидов, в боли.

Младенцы кричат, младенцы плачут, было бы странно, если бы он не плакал. И он плакал. Потом перестал — боль была слишком сильна. Это молчание встревожило родителей.

Врачи провели неврологическое сканирование,

проконсультировались с генетиками. (Младенец молча глотал воздух, как рыба.)

— Такое бывает, стаз затрагивает каждого по-разному, доля процента всегда выходит за пределы безопасной статистики. Вы, вероятно, видели по телевизору все эти впечатляющие формы химериков.

Мать кусала ногти.

— Но… что же с ним?

— Ему больно.

(Младенец закрывал и открывал влажные глаза.)

Боль можно подавить, и мозг можно изменить так, чтобы боль не ощущалась, но каждое решение имеет свои последствия.

Ребенок не решает за себя; родители решают по собственному усмотрению, выбирая так, как бы он выбрал, если бы у него уже были знания и опыт, необходимые для осознанного выбора. Но если именно решения родителей формируют этот опыт — то что же принять за точку отсчета? Какова норма? В чем благо? Даже Коран не даст однозначного ответа.

В то время Генетическое Страхование уже стало обязательным, и инвалидность мальчика оценили более чем в миллион евро. Страховая

компания предложила родителям альтернативу: оставить ребенка в таком состоянии — но тогда боль, скорее всего, будет сопровождать его до конца жизни; или же накачать сильными РНК-диторами, которые разрушат нынешнюю нервную структуру и попытаются на ее месте построить нечто вроде «здорового мозга» с нормальной глией[19]. Ведь не существует никакого «болевого центра», участка мозга или органа, отвечающего за восприятие боли; ничего, что можно было бы выборочно вырезать, вытравить, отключить. Болевой сигнал проходит через спинной мозг, таламус, кору головного мозга. Есть два пути: более старый, по нему проходят все раздражители, но боль вызывают лишь те из них, чья интенсивность превышает предельную величину; и новый, специфический, выделенный путь боли, по которому от ноцицепторов[20] движутся с включенными сиренами посланники из мест катастроф в организме. Оба пути разветв-

---

[19] Примечания: 19

Нейроглия, или просто *глия*, — совокупность вспомогательных клеток нервной ткани, которые обеспечивают условия для генерации и передачи нервных импульсов, а также осуществляют часть метаболических процессов нейрона.

[20] Примечания: 20

Ноцицептор — сенсорный рецептор, ответственный за передачу и кодирование повреждающих стимулов.

ляются в коре головного мозга на миллиарды дорожек, ведущих к сенсорным нейронам, — так что нет «центра боли». Мы либо уничтожаем все рецепторы, по которым поступает сигнал, либо перестраиваем весь мозг. В любом случае, это убийство нервной системы.

Боль можно временно подавить: ему могли подключить дозаторы эндорфинных аналогов, каннабиноидов, миноциклина, которые немедленно предотвратили бы образование цитокинов и оксида азота в нейронах, могли заливать анестезирующие интернейроны энкефалином и серотонином, заставить эндокринную систему вырабатывать их настолько интенсивно, что она была бы полностью анестезирована — по крайней мере, на некоторое время, пока мозг не приспособится к ситуации и еще больше не снизит порог чувствительности. Однако эта гонка боли с блаженством в конечном итоге могла иметь только один финал: гормональную смерть организма.

Боль была лишь побочным эффектом, наиболее очевидным из целого пакета эффектов, в которых проявилась химеризация ребенка. Он не был первым — это специфическое сочетание генов уже было описано. «Пластусы», такой термин

употребляли в СМИ, так как именно эта особенность являлась основным отличием химер года кометы — пластичность ума.

Как мы приобретаем опыт, адаптируемся к новым условиям, учимся реагировать на неизвестное? Нейронная сеть изменяется под воздействием стимулов — все зависит от того, насколько быстро она меняется. Основным определяющим фактором является скорость потока электрических импульсов на синапсах[21] в гиппокампе[22], который отвечает за структуры хранения памяти, сбора опыта. В свою очередь, эта синаптическая активность напрямую зависит от поведения соседних клеток нейроглии, астроцитов[23]; здесь носителем импульса являются ионы кальция. За пластичность нервной системы отвечает, собственно, нейроглия, в чьи функции входит рост новых синапсов, регенерация старых, питание и защита нейронов. Но

---

[21] Примечания: 21

Синапс — место контакта между двумя нейронами или между нейроном и получающей сигнал эффекторной клеткой.

[22] Примечания: 22

Гиппокампы расположены в височных отделах полушарий, выполняют функцию кратковременной памяти и отвечает за последующий перевод информации в долговременную память.

[23] Примечания: 23

Астроцит — тип нейроглиальной клетки звёздчатой формы с многочисленными отростками.

одна и та же уникальная особенность вызывает два эффекта: пластусиоз и хроническую боль, многодиапазонную аллодинию[24]. Процессы регенерации, прироста, ремоделирования интерпретируются как заживление и генерируют болевые сигналы, увеличивается количество клеток микроглии, а кроме того, замыкается петля обратной связи — увеличивается период выработки глией сенсибилизирующих факторов[25] и сигналов воспаления. Раны нет, но глия заживает, и поэтому идет импульс страдания.

Чем выше пропорция числа астроцитарных клеток к нейронным клеткам, тем выше на эволюционной лестнице располагается данный вид. Определяется это нейроглией, а не размером мозга или соотношением его массы к массе тела. У Короля Боли эта доля нейроглии к нейронам была на два порядка выше, чем в среднем по популяции Homo sapiens stasis.

Только это вызывало боль.

Он не двигался. Он не двигался без надобности;

---

[24] Примечания: 24

Аллодиния — боль вследствие воздействия раздражителей, обычно её не вызывающих.

[25] Примечания: 25

Раздражители, увеличивающие выраженность чувствительности психики человека.

каждое движение — новая волна раздражителей, новый крик организма, новая агония. В лежачем положении он касается реальности самой большей поверхностью тела, но может сохранять неподвижность дольше всего. На постоянные раздражители — на повторяющиеся раздражители — он в итоге перестает так интенсивно реагировать. Повторяющиеся ощущения накладываются друг на друга, те же движения, те же формы, то же давление, текстура материала, температура, место контакта — больно, но это можно перетерпеть, можно загнать внутрь, пренебречь, забыть прежде, чем это пройдет. Это единственный доступный ему способ обезболивания: на уровне психики, а не физиологии.

Он не двигался без надобности, он не вставал, не выходил из комнаты, не выходил из дома, если в этом не было необходимости. Неживые предметы медленно осваивал, стотысячное прикосновение дверной ручки болело меньше десятитысячного — но источником наибольшего страдания оказались живые существа.

У Фатимы (которая была на одиннадцать лет его старше) была собака, огромный лабрадор, она вообще с детства любила собак. Как утверждает семейная легенда, пёс, впервые лизнув

руку Короля Боли, вызвал у него столь сильный болевой спазм, что сердце его остановилось на несколько секунд, в доме заревели все медицинские сирены.

Собаке пришлось исчезнуть.

Входить к Королю запретили и самой Фатиме. Редко приходил отец — редко, поэтому боль была тем сильнее. Ребенка никто не трогал, кроме матери и медсестры.

Королевство боли со временем разрасталось. Уже в первый год жизни боль переступила границы Прикосновения и вошла на территорию Света, Запахов и Звуков. Детская комната была загерметизирована.

Король начал говорить очень поздно, потому что речь и звук его собственной речи также были для него новыми ощущениями, и сначала, как и всегда, ему пришлось преодолеть барьер страдания. Свое первое слово он произнес на паническом выдохе:

— Фийть!

Дети плюются едой, швыряют игрушки, снимают одежду, ломают всё, что только могут сломать, — лишь бы обратить на себя внимание и привлечь взрослых. Король Боли начинал с репертуара, направленного на прямо противо-

положный результат: «Выйди!», «Нет!», «Сам!», «Идет!», «Оставь!», «Ничего!». Ничего, ничего, ничего, он не хотел новых игрушек, он не хотел новых объятий, он не хотел ничего нового, иного и не усвоенного болью.

Лежать неподвижно. Дышать. Тишина, тот же свет и те же цвета. Никто не прикоснется, никто ничего не скажет. Так безопасно. Дышать, дышать. Так страдать приятнее всего.

Его одолела скука.

Разум нуждается в ежедневной порции свежих раздражителей подобно тому, как тело нуждается в новой порции белка каждый день. Конечно, бывают разные метаболизмы: одни едят меньше, другие больше, одни сжигают калории медленнее, другие быстрее. К сожалению, разум Короля Боли оказался чрезвычайно прожорлив. Проклятая глия стимулировала рост синапсов быстрее, чем Король успевал их удовлетворять. (Потом ему снились кошмары с собственным мозгом в главной роли. Он видел во сне свои нейроны, которым снилось, что ему снятся нейроны, которым снится, что он видит во сне нейроны, которым снится, что он видит во сне, — ну, такими были сны Короля Боли.)

Семья Короля жила в старом доме неподалеку

от центра города. Они отремонтировали верхний этаж и чердак. Для детской комнаты было отведено угловое помещение верхнего этажа. Сквозь треугольные световые окошки в покатой крыше проникали солнечный свет и лунное сияние. По стенам и приборам скользили геометрические волны света и тени, калейдоскоп красок, форм и уровня яркости. В младенчестве он плохо переносил эти непрерывные изменения, мать закрывала световые окошки, постоянный искусственный свет был безопаснее. С течением временем он так и не научился их лучше переносить, но через несколько лет, как только у него появилась необходимая для этого сила, сам сорвал шторы, твердо зная, что при встрече с новым его ждет боль; и всё же он не выдержал, он должен был сорвать — из любопытства.

Проклятие пластусов движет само себя: вечно голодный разум ищет все новые раздражители, новые стимулы, — а когда они появляются, кричит от боли. Неизбежно ли с этим сопряжена излишняя выработка нейроглии? Эта связь наверняка объясняет, почему данная мутация, даже если она и появилась, бесследно исчезла во мраке эволюции Homo sapiens: в животном мире подобные калеки гибнут, не оставляя потомства.

Король выглядывал сквозь потолочные окошки на оживленные улицы, забирался на стул, прижимался лицом к стеклу; звуки города не проникали внутрь. Из увиденного он выводил впечатления, которых не испытывал. Что чувствуют люди, прижавшись друг к другу? Что чувствует ребенок на руках у матери? Что чувствуют люди, когда бьют друг друга, — тот, кого бьют, и тот, кто бьет? Что чувствует человек, стоя под дождем с непокрытой головой? Ему причиняли боль и теплое солнце, и холодное стекло, но он смотрел.

Впоследствии он находил описание подобных компульсий[26] в признаниях нормальных людей. Они царапают ногтями заживающие раны, которые открываются снова и болят еще сильнее, — но люди не могут сдержаться, они царапают вопреки, царапают потому. Они срывают струпья. Выгрызают кожу из-под ногтей, до крови, до костей. Требят больные зубы, языком, пальцами, столовыми приборами, едва лишь боль стихает, чтобы она немедленно вернулась, острее, сильнее, больше, больше, больше боли.

Так выглядела вся жизнь Короля.

Мать застала его под световыми окошками

---

[26] Примечания: 26
Навязчивое действие, поведение, ритуал.

— и вот в комнате Короля появился тивипет, а потом и приставка. С приглушенным звуком, с минимальной резкостью и яркостью — он рассматривал картинки с миллиона улиц, тысячи городов; и это действительно было окно в мир. По наложенной на иностранные каналы программе переводчика он изучал языки. Алфавит выучил по заголовкам новостных каналов. Браузер TV/net кидал его по сети, подчиняясь произнесенным шепотом запросам, а то и просто изменению ритма дыхания. Король получил приставку, когда продемонстрировал матери, что умеет читать. Она знала, чего можно ожидать от ребенка-пластуса. Приставка была голографической, бесконтактной, но, конечно, само привыкание рук и пальцев к новым движениям давалось с болью. Однако голод снова оказался сильнее.

Именно тогда, с первыми посещениями сети, он вписал ID, который остался с ним навсегда: KING OF PAIN, КОРОЛЬ БОЛИ, отчаянное хвастовство ребенка, который превращает свою особенность в повод для славы. Он услышал песню и знал, что это о нем.

I have stood here before in the pouring rain
With the world turning circles running

'round my brain.

I guess I always thought you could end this reign

But it's my destiny to be the King of Pain.[27]

Затем — годы спустя — появился куколь.

Стоит задуматься, как хорошо он умел притворяться нормальным человеком, скрытым в теле проксика, выкуколенный из собственного тела. Естественность рефлексов, которые он не мог в себе выработать, — все это чувственное и поведенческое обрамление ситуации физической близости — он заменял выверенной игрой, копированием поведения, подсмотренного у чужих людей: в сети, на проксике.

Он понимал, что то, с чем он здесь борется, — это своего рода аутизм. Не было экспертов по неврологии пластусов — кто быстрее поймет свойства новой структуры мозга, если не сами пластусы? Король прочел, что активность

---

[27] Примечания: 27

Песня Стинга «Король Боли»:
Я и раньше стоял здесь, под проливным дождем,
С миром, который наматывал круги внутри моей головы.
Пожалуй, я всегда надеялся,
что ты прекратишь моё королевство,
Но моя судьба — быть Королем Боли.

нейроглии лобной коры, поясной извилины и мозжечка выше среднего характеризует именно аутистов. Так что, возможно, именно аутичный человек был бы следующим этапом эволюции Homo sapiens — если бы Homo sapiens продолжал эволюционировать.

Король боли изучал интимность, как антропологи изучают явления экстремальных субкультур.

Вначале им действительно двигало только желание узнать соответствующие алгоритмы поведения, чтобы иметь возможность имитировать их более успешно. Однако он быстро пришел к честному признанию: «я завидую». Он завидовал тому, к чему у него не было доступа; и это было естественно. Но можно ли завидовать чувству, на которое ты сам не способен и которого в принципе не понимаешь?

Днем и ночью он смотрел вуайеристские фильмы, снятые на вездесущие публичные и частные камеры, где люди, не подозревавшие о скрытых за объективом зрителях, застигнутые во время обеда, на улице, на пикнике, в ресторане, в домашнем саду, совершали свои ритуалы близости. Чаще всего это были влюбленные пары, но встречались и большие семьи, матери с детьми,

сыновья и отцы, братья и сестры. Как они относятся друг к другу, что они говорят, чего не говорят, как молчат, как реагируют друг на друга, как считывают поведение друг друга, по обрывкам слов, по мимолетной мимике, по едва заметному жесту, по деталям, которые Король Боли не мог заметить. Самыми ценными сокровищами своей коллекции видеозаписей он считал не столько сами подсмотренные моменты интимности, сколько ситуации, когда люди только вступают в близкие отношения: сначала они чужие друг другу (Король мог это распознать), а в конце уже общаются без слов и жестов, подсознательно (это он тоже распознавал); но тот самый перелом, граница, момент и причина этой перемены — как они это делают! — оставались для Короля Боли непостижимой тайной.

Возможно, это как с ездой на велосипеде: такое знание невозможно передать словами, нужно самому испытать, чтобы понять. Самый очевидный порог интимности — секс. Когда Король Боли преодолел его? В том-то и дело, что пороги существовали во времена его дедов и прадедов, а теперь есть лишь пологие пандусы. «Нельзя быть девственницей наполовину» — нет, можно, наполовину, на треть, на несколько процентов. Что

важнее: участие тела или память опыта? Найди порог, если сможешь. Сначала были эти вуайеристские фильмы — затем компьютерные игры, сериалы — затем секс под куколем в VR, с персонажами, управляемыми программами, — затем в VR с персонажами, управляемыми другими людьми, — затем под куколем на хорошо сложенном мужском проксике с первоклассной (и дорогой) проституткой. Предварительно он убедился, что она использует свое тело. Король сам снял на видео этот опыт — чтобы неделями тщательно его изучать.

Он повторял эту схему на протяжении многих лет, постепенно совершенствуя свою игру и добавляя этап как бы случайного знакомства и соблазнения. Он больше не платил женщине (то есть не платил открыто), но всё же не мог назвать тот момент, когда закончилась проституция, а началось — что? нечто другое, не проституция. 4e33a стала самым амбициозным упражнением Короля.

Его поражали люди, которые, казалось, полностью пренебрегали этой сферой жизни. Они не были ни слепыми к ней, ни ущербными, как Король; они сознательно отвергали то, чему он так завидовал.

От Янки он ничего не скрывал.

— Пани Дульска[28] наносит ответный удар, — посмеялась она над ним. — Имам гордился бы тобой! Еще немного, и ты начнешь читать мне проповеди о святости девственности!

— Я говорю не о грехе, не о каких-либо моральных категориях. Но все, что ты делаешь, что ты испытываешь, — это влияет на тебя и меняет тебя. Можешь воспользоваться терминами из неврологии, раз уж тебя раздражают религиозные метафоры. Тебе стоит спросить себя: хочу ли я стать таким человеком? «Я переспала с этим, переспала с тем». Будто встретились в толпе и поздоровались.

— Я родилась в стазе, я даже насморк от них не подхвачу. А впрочем, кто не трахается на проксиках?

— Это не имеет значения! Тело — это деталь. Насколько ты способна сблизиться с другим человеком? Ты можешь проникнуть ему в голову? Ты узнаешь его мысли? Узнаешь чувства? Никогда. Ты видишь проксиков, ты разговариваешь с проксиками, ты дотрагиваешься до проксиков — даже если в них родились их всадники, для

---

[28] Примечания: 28
Героиня пьесы Габриэлы Запольской «Мораль пани Дульской».

тебя все люди, кроме тебя самой, всегда будут проксиками. Тело — это деталь; не это, так другое, не имеет значения. Но телесный стыд, но барьер наготы, физической и психической, барьер смущения, страха разоблачения, снятия маски — он отделяет обычные ситуации от ситуаций интимности. Если все нормально, свободно, легко и без стресса, если ты одинаково и завтракаешь со знакомым, и занимаешься сексом — ты никогда ни с кем по-настоящему не сблизишься. Эта боль, которую мы порой называем стыдом, порой предательством, а порой унижением, эта боль вовсе не тюрьма, из которой нужно вырваться любой ценой, — она первое условие интимности.

Янка смеялась.

— А все из-за того, что ты родился с нарушенной нервной системой!

Никто не ценит это благо так высоко, как те, кто его лишен.

Боль — единственное чувство, которое не допускает близости. Можно разделить счастье с кем-то, можно разделить удовольствие, грусть, гнев, ревность, можно разделить любовь, можно даже разделить стыд — но ни с кем нельзя разделить боль. Боль — это дисциплина одиночества и путь внутрь души.

Король Боли, незаметно для него самого, стал настоящим жрецом интимности.

Только временами в нем преобладали цинизм и ирония: может, поэтому у него так хорошо получается; может, поэтому проксик Короля Боли неотличим от проксиков нормальных людей — потому что, по сути, все имитируют искусственность искусственностью, такое понятие как «естественная близость» не существует в принципе? Есть только театры, где зрители и актеры на мгновение забывают друг о друге, — и плохие театры, театры с громкими суфлерами, избыточным макияжем и картонной сценографией, где мы все производим механические жесты и читаем пустые тексты, думая о чем-то совершенно ином. Так что главное здесь — играть с убеждением, играть с верой в искренность собственной игры. Разве выдающиеся актеры не доводят себя до слез одной лишь мыслью о плаче, разве не впадают они на сцене в истерические и эйфорические состояния? Граница размыта, трудно сказать, где заканчивается симуляция чувства и начинается чувство.

Так что, возможно, именно в этом и заключается близость, так мы ее себе внушаем: первые неловкие слова, первое прикосновение смущает

нас; мы отводим от него/нее взгляд, но продолжаем играть, мы упражняемся в этой игре, и она идет все успешнее; все короче нерешительность перед следующими шагами, все легче слетают с губ фразы, которые еще недавно казались нам китчевыми и претенциозными; мы все меньше удивляемся себе и продолжаем дальше играть; продолжаем играть — уже порой забывая, что играем. Возможно, именно так рождается интимность.

Разумеется, Король мог спросить об этом прямо — Фатиму, Янку, кого-нибудь из семьи, кого-нибудь из знакомых, а еще лучше — незнакомых. Однако проблема была в том, что сама просьба честно рассказать о чужой интимности являлась пересечением интимной границы, подобно тому, как ни один разговор о сексе не лишен сексуального подтекста. Так что это была настоящая «Уловка-22»[29], бронированное стекло, которое своими силами Король никогда не разобьет, чтобы проникнуть в мир Нормальных; он все видит, но никогда не дотронется.

А кто должен был ему помочь? Друзья? В том-то и дело, что у него не было друзей. (Что вообще

---

[29] Примечания: 29

Безвыходная ситуация. Имеется в виду книга Джозефа Хеллера «Уловка-22», известная своими логическими парадоксами.

означает «дружба»? Другом Короля Боли была сама боль.) У него были коллеги и знакомые, самые опосредованные, существа, которые не приносили ему страданий, потому что с ними он встречался только на проксике. Имена и фамилии не имели никакого знеачения; были только хэши ключей для шифрования трансмиссии. Король Боли. Сюрприз Брызг, Балаган, 4e33a, Седьмая мировая война (сокращенно: Войнушка), Палмер Элдрич, Буланек, Ульрих фон Юнгинген.

Король Боли и Ульрих фон Юнгинген

Ульрих фон Юнгинген открыл пивопиво. Пена выстрелила ему в футболку с неоновой надписью: ШОКОЛАД СЕКС КОКАИН. Он даже не обратил на это внимания, широкая улыбка на его небритом лице не уменьшилась ни на миллиметр. Ульрих фон Юнгинген был счастливым рабом своего переднего мозга.

— Приветствую Короля в моем скромном жилище! Разве не чудесное утро? Я специально встаю перед восходом солнца. Взгляни на эти радуги!

Ульрих жил в пагоде, возвышающейся над альпийским перевалом. На рассвете, когда лучи проходили горизонтально через взвесь дионi-

зидов средиземноморского фронта, на южном горизонте расцветали красно-голубые радуги. Из окон второго этажа пагоды фон Юнгингена открывался вид на все южные предгорья, вплоть до зеленых пастбищ и цветущих лугов. Ульриху приснился этот пейзаж; он описал его агенту по недвижимости и велел найти место, откуда он мог бы любоваться им. Агент нашел.

Король Боли перелетел с перил балкона на подлокотник кресла напротив фон Юнгингена.

— Какие еще радуги? — прокаркал он. Птичий проксик не видел их своими птичьими глазами. — Иди в дом, а то я крылья себе отморожу. Неужели тебе самому не холодно!

— Ах, таким холодом тоже можно наслаждаться! — Ульрих сделал большой глоток пива. — Да расслабься ты! Посмотри на эти облака! На их тени на склонах!

— Снова надрался.

— Хочешь пилюльку? — Ульрих фон Юнгинген открыл изящный контейнер в форме портсигара, наполненный черными овальными таблетками.

Король наклонил клюв.

— Что это?

— Я же тебе писал! Пилюльки, pain pills[30]! Вот тут черточки: одна — минута боли; две — пять минут; три — четверть часа. Высший класс, агония чистая, как кристалл.

Король только зыркнул на Ульриха черным глазом.

— Говорю тебе, — распинался фон Юнгинген, — болюга как золото, пальчики оближешь, человек сразу начинает свою жизнь чувствовать, а в малых дозах лучше колес.

Король познакомился с ним на форуме, посвященном боли, еще до того, как Ульрих всерьез занялся нейронной инженерией. В последнее время они стали реже контактировать. В подавлении боли и возбуждении наслаждения он достиг такого мастерства, что месяцами жил на грани эйфории, а в последнее время Ульрих проявлял интерес к специфическому наслаждению «облегчением после боли»: для эйфориков, тотально сидящих на таблетках, болюга оказалась опытом свежим, сильным и доставляющим наслаждение, иначе никак не недоступным. Фон Юнгинген намеревался запустить пилюльки на рынок, когда продажи наркотических РНК-редакторов начнут

---

[30] Примечания: 30
Таблетки боли (*англ.*).

существенно снижаться.

Король Боли вскочил на плечо Ульриха и клюнул его в ухо.

— Áу!

— Перестань, наконец, бухать, — прокаркал Король, — мне нужно поговорить с тобой на трезвую голову.

— Я трезвый. — Действительно, его речь была исключительно внятной. Обычно фон Юнгинген так накачивал себя эндорфинами, что с трудом артикулировал звуки, требующие больших усилий, нежели просто широко открывать рот, — тогда его речь напоминала состоящий почти из одних гласных лепет пациента под зубной анестезией.

— Ты никогда не бываешь ни трезвым, ни нетрезвым, в этом-то и проблема. Чем ты сейчас накачался, пивом?

— Это уже было бы извращением! Пиво есть пиво.

— Тогда чем же?

Ульрих махнул рукой вглубь пагоды.

— Поставил себе печь, пеку хлеб. Мне привозят пшеничную муку. Ты когда-нибудь ел теплый, ароматный хлебохлеб? Говорю тебе —

— Пальчики оближешь, я знаю. И что, ты надрался этим хлебом? Ради бога, соберись!

— А то что? Посмотри на эти радуги… — Король Боли клюнул его в лоб. — Ауа!

— Помнишь, что ты мне предлагал в Кёльне два года назад? Бригволл, глотатель обуви. Ты оставил мне криптокарту. Я должен был поговорить с ними в орбитальном нулестазовом отеле. Карта уже неактуальна, я проверял. Они —

— Погоди. Погоди! — Фон Юнгинген стряхнул Короля с плеча. — Я правильно понимаю —

— Правильно.

Ульрих отставил пиво, посмотрел на Короля, на часы, на Короля, нахмурил брови.

— Откуда ты взял этого ворона?

— Как это, откуда? Прокат в городе внизу. До тебя добраться, это —

— Какое крипто? Что это за сеть? Старый Вега, да? Черт. Выкукольсь, я буду у тебя на проксике Ллойда, как только доеду, — ты живешь за городом, да? Если уж тебе так необходимо быть под куколем, то нужно было заказать здесь приличный проксик от Ллойда или PRS.

— Параноик.

— Но живой. Ну, давай!

Король снял куколь. Он встал, расправил плечи, втянул в легкие мятный воздух. На спине угасала фантомная боль после крыльев. В наклонных

потоках солнца, льющихся сюда из сада, кружили золотые пылинки. В детстве он боялся вступать в эти пятна света, считал, что прикосновение к пылинкам причиняет ему боль. Не помогали объяснения матери, что пыль повсюду, солнце только делает ее видимой. В любом случае, боль рождается и исчезает в уме. (Или в нейронах ганглиев дорсального корешка.)

Король подошел к окну. Собакоцветы в вазе увяли, остались свисающие стебли, пахнущие мокрой шерстью. Он высунул руку — дождя уже не было. Солнце, едва всходившее над пагодой Ульриха фон Юнгингена, здесь успело подняться под кроны баобабов, окружавших поместье Короля и обозначавших границы его субстаза; радуги были натуральные.

Он примет Ульриха в саду — он не любил гостей в своем доме, даже семью впускал с неохотой: слишком много можно узнать о человеке по тому, как он живет. Он проверил время и поднялся на второй этаж, в гардеробную, переоделся в костюм. (Впрочем, вся одежда на нем очень плохо сидела.) Поездка из города занимает не менее получаса, но Ульрих может позволить себе нанять вертолет специально для своего проксика; он вкуколится в него сразу после приземления. Ульрих мало чего

не мог себе позволить, один только патент на РНК-редакторы, перепрограммирующие рецепторы нейротрансмиттеров, должен был принести ему сотни миллионов. Король познакомился с фон Юнгингеном уже после легализации подобного генвера. Фон Юнгинген начинал с продажи специализированных РНК-редакторов, переставляющих рецепторы дельта-9-тетрагидроканнабинола. Химические соединения, полученные из экзотических растений, используют пути уже существующих нейротрансмиттеров: ключи подходят к замку, механизм работает, виновник улетает в страну грёз. Ульрих написал генвер, позволяющий запускать механизм эйфории любой отмычкой, выбранной клиентом. Почему именно кокаин вызывает такие реакции в мозге? Это вопрос закодированной в ДНК программы рецепторов, но они могут одинаково реагировать и на другие соединения. Впрочем, всегда можно перепрограммировать обратно. Поэтому вместо того, чтобы тратиться на вредные стимуляторы, покупаешь генвер Ульриха и с этого момента употребляешь, например, булочки с маслом, дым от костра или апельсиновый сок; эффект тот же. Более продвинутый генвер ставит действие нейротрансмиттеров в зависимость от

определенного поведения или определенного гормонального баланса — таким образом можно запрограммировать подлинные экстазы страдания, оргазмы голода, депрессивное счастье. Король какое-то время питал надежду, что генвер фон Юнгингена наконец избавит его от боли. И он действительно мог это сделать, но, как обычно, цена оказалась слишком высокой: полная отстраненность от ощущений тела. А для этого Королю было достаточно куколя.

Он отнес на садовый столик поднос с фруктами и напитками, уселся в кресло под грушакацией. Несколько десятков секунд ждал, пока боль ослабит свою хватку и кривая гистамина опустится. Могила Сыски была слева, справа — вход в сад с подъездной дороги перед домом. Король оглянулся, когда на землю упал баобабовый хлеб. Эта часть сада в тени грушакаций представляла собой лужайку для пикника; трава, выращенная по английской лицензии, была настолько густой и мягкой, что обычно он ходил босиком. За его спиной находился цветник, где он экспериментировал с оригинальными видами и растениями, написанными с нуля на бесплатных AG, — Король был членом нескольких клубов творческого садоводства. Все выращенные им химерики

оставались бесплодными, их цветы — пустыми; единственной их целью и оправданием была красота, откалиброванная глазами Короля Боли. За подъездной дорогой, по ту сторону дома, росли долговременные проекты Короля, различные древовидные химерики и полулегальные дионизиды. Еще дальше, под южными баобабами и позади них, Ziegler und Hochkupfer посадил резервные регуляторы субстаза и гибридные вакцины, некоторые — невероятно уродливые. Отсюда, от садового столика и от основной части дома, их не было видно. В том, что касалось эстетики, Король Боли не соглашался ни на какие компромиссы.

Он выставил посуду симметричным многоугольником, кувшины развернул носиками на север, поправил манжеты. Он ждал. Положив предплечья горизонтально на подлокотники, не двигался; так меньше болело; Король умел замирать с крокодиловой неподвижностью на долгие минуты, даже грудь едва вздымалась. Он также закрывал глаза, если свет был слишком ярким и слишком пестрым — движение красок.

— Эй, ты живой? Живой? Боже, боже милосердный, и что с ним опять случилось?! Эй! — так воскликнула Янка, увидев его в первый раз;

он ждал ее здесь, в саду, она обещала прийти и объясниться на следующий день после Рио. Она приехала на велосипеде, прислонила его к баобабу и приблизилась к Королю сзади. — Ну, скажи что-нибудь!

— Не прикасайся ко мне!

— Ладно, ладно. Всё. Фу, ты напугал меня. Когда мы в последний раз виделись? В смысле, лично? Однажды я навещала тебя с мамой, но когда —

— Семь лет назад.

— Ах, была гроза, да, где-то здесь, неподалеку ударила молния; я тогда ужасно разревелась, а? Посмотри, какие вещи запоминаются с детства. Потом я всегда вспоминала тебя с молнией на заднем плане, с громом. Ха! Дядя-отшельник. Если бы ты —

— Садись.

Она села, налила себе сока. Смотрела на Короля, не скрывая любопытства, светлыми, серьезными глазами; только губы сами собой складывались у нее в улыбку.

— Ну, что? Дядя, ты сердишься? А как мне перед тобой извиниться?

— Как ты узнала?

— Что?

— Как ты узнала, что я буду в Рио? Откуда у тебя

контакты моего проксика?

И тогда она начала смеяться. От смеха у нее началась икота; ей снова пришлось выпить.

— Шпион! Секретный агент! У меня очень дли-и-инные щу-у-упальца, — запела она, — я всё-о-о зна-а-аю.

— Хорошо, ты услышала мою фамилию, я представился. Но как ты вообще там очутилась? Ты была с кем-то, вы ехали на одинаковых химериках. Только не говори мне, что это все в рамках исследования для семестровой работы.

— Что может делать девушка из Европы в анаркиях Южной Америки?

— Медиаторы, съевшие собаку на таких политических тусовках, внутрь не попали, а вы — попали. Я спрашивал ивановцев, но не они поручались за вас. Епископ? Сомневаюсь. Вы должны были войти по шифру какой-то делегации. Во что ты впуталась?

— Ты не выдал меня матери.

— А должен был? Ты мне скажи.

Она стала серьезной. Подтянула ноги под себя, садясь боком, чтобы повернуться прямо к Королю. Положила локоть на столешницу — Король отпрянул от столика.

— Я говорила честно. Вчера в Рио. Помнишь?

Нам важно, чтобы —

— Кому? Каким «нам»?

— У меня есть друзья, мы познакомились в Корпусе Мира, ты же знаешь, я как волонтер работаю на проксиках в просветительских миссиях на Юге. Мы учим людей пользоваться публичным генвером, организуем помощь, учим читать и писать, проводим сеть, следим за потоком субсидий, смотрим на руки местных политиков, боремся за сохранение оригинального генома под Открытым Небом —

— Ангелочки вы мои.

— Ну! Почему ты издеваешься?

Он посмотрел на нее и смутился. Действительно, почему он издевался?

— Прости. Рефлекс старого циника.

— Вот именно. Насколько ты старше? На десять лет?

— Прости.

— Что смешного в надежде на справедливый, свободный мир, где миллиарды не голодают, не умирают от идиотских болезней и химер, все имеют доступ к сети и могут учиться, могут работать, — что в этом такого смешного, отчего вы не в состоянии выслушать ни единого аргумента; даже поговорить не хотите, сразу начинаются ух-

мылки с позиции превосходства, насмешливые шутки и пренебрежительные колкости? Я думала, что я, что мы, что раз от молодых… Но в Рио все было так же. Проксик, не проксик, без разницы — высмеять. Помнишь, что ты мне ответил?

— Что ты, должно быть, слишком юная, раз еще не выросла из таких надежд.

— История Вальдеса вас ничему не научила? Ты сам говорил. Никто не ожидал, все думали, что мы всегда будем вовремя ловить террористов, или что их угрозы окажутся блефом, или что они никогда не получат действительно опасного оружия. Ну и что? Пожалуйста. Все равно сегодня та же слепота. Я говорю о какой-то утопии? Счастье и благополучие для всех? Нет. Я говорю только об обычной жизни, о жизни без нужды, голода, бесконечных страданий, в здравии, по законам справедливости, с возможностью получить образование, работу и карьеру для всех, да, для миллиардов, — и бум, я натыкаюсь на стену. Это невообразимо, и поэтому никто даже не пытается представить. И конец дискуссии, деток сплавили. Какие мы умные, какие мы зрелые, как нам к лицу цинизм! Меня тошнит от этого!

— Упадешь со стула.

— *Fuck you!*

Она вся раскраснелась. По ее потной шее бродила мухомуха, Янка, по-видимому, совсем не чувствовала прикосновения лапок насекомого, Король Боли смотрел на нее какое-то время, завороженный. Потом снова закрыл глаза.

Он слышал, как девушка медленно успокаивала дыхание.

— Так чем же ты занимаешься? Ты советуешь толстым рыбам, как они могут сожрать других толстых рыб, да?

— За это мне лучше всего платят.

— А чем еще?

— Я выращиваю цветы. Растения разные. Химерики, гибриды, табуларасы[31].

— Мама говорит, что ты не выходишь из дома.

— Дом, сад, докуда дотягивается тень деревьев. Нет, я не выхожу.

— Никогда?

— Никогда.

— О, блин.

Он пожал плечами.

— Такая карма. Европейский стаз кусается с пластусовыми генами.

— Так пусть тебя приведут к стандарту, как и

---

[31] Примечания: 31

От латинского выражения *Tabula rasa* — «чистая доска».

всех. В чем проблема?

— Всех… Если стандартизируют тело, это всегда можно пережить. Но если стандартизируют гены, отвечающие за структуру мозга, то разрушается разум. Но это же смерть, да?

— Живице запрещено апгрейдить гены, отвечающие за нервную систему.

— Дело не в апгрейде. Это я родился не соответствующим стандартам и со временем еще больше от них отошел. Если бы я захотел переписать себя на Homo sapiens stasis, то с тем же успехом мог бы выстрелить себе в голову. Пуля тоже прекрасно переставляет нейроны.

— Значит, всю жизнь здесь, дома, в саду?

— Ну, я много времени провожу на проксиках.

— Уххх, — выдохнула она почти восхищенно.

Он улыбнулся солнцу, теплый свет окрасил поверхности опущенных век.

— А ты — если бы ты держала свои лапки подальше от куколя, ты бы знала о мире и людях только то, что бы тебе по тивипету мельком показали и что бы вам с приятелями под кайфом пригрезилось под луной. Почему Корпус Мира стал таким популярным? Непережитое страдание, чужое телевизионное страдание, — ведь это всегда надоедает. А проксик, напротив, дает

иллюзию сопричастности. Куколи позволяют практиковать добродетель милосердия. Кто сказал, что технологии, порожденные жадностью, не могут в конечном итоге оказаться настоящим благословением для тела и души? И вот теперь у нас есть еще одно поколение, готовое ради идеалов любви к ближнему поставить на карту свою жизнь. Как ты сказала? Здоровье, крыша над головой, работа, образование и справедливость для каждого человека на Земле. Да?

— Примерно.

— Это ни разу не удалось.

— Что за аргумент? Мы бы не вышли из пещер, если бы так —

— Я знаю, но не стоит думать, что никто прежде этого себе не представлял — наоборот! — многие представляли, и именно попытки реализовать эти представления научили нас цинизму.

— Если ты сейчас начнешь про Ленина, и Сталина, и Пол-Пота —

— Тсс… Послушай лучше, как жужжат жучёлы.

— Что?

— Тсс, успокойся, я ничего не скажу матери. Расскажи мне, что вы придумали в этом Корпусе.

— Какие еще жучёлы?

Он открыл глаза.

Мускулистый блондин в трико дельтапланериста сел верхом на стул по другую сторону стола.

— Ты не запираешь ворота, в дом пускают любого?

— Ты не читал таблички с предупреждением на дороге? Если бы я не желал принимать гостей, то уже после первого поворота аллергия раздула бы тебя, как дождевой гриб.

— Соседи, вероятно, обожают тебя.

— Возможно, я ни разу никого из них не встречал.

Ульрих фон Юнгинген наклонил полкувшина цитрарбузного сока.

— Уффф. Ну, ладно, чистенькая трансмиссия, говори.

— Это все еще актуально?

— Что?

— Сам знаешь что. Твое предложение.

— Не моё. Я просто, ммм, передал приглашение от знакомых.

— То есть от кого? От мафии, да?

Ульрих кисло поморщился. Гримаса, усиленная мимикой свежего проксика, показалась мерзкой карикатурой на лицо.

— Мафии, не мафии, черт их там разберет. Слушай, а какая у меня гарантия, что тебя здесь не

отследили? Может, мы пройдемся немного, а?

Он встал.

Король Боли осторожно поднялся, разгладил пиджак, прикусил губу, снова разгладил пиджак, но тот смялся еще больше. Он медленно двинулся к баобабам.

— Я не могу слишком далеко.

— Вон туда.

— Двести, триста метров.

— Я думал, ты выкупил землю до самого шоссе.

— Да, но трудно держать субстаз на открытом пространстве. Ты знаешь, движение воздуха, дожди, семена растений, насекомые…

— Муссоны каждый год разрушают стазы косоглазым и индусам.

— Вот именно. Пришлось бы выложить лейбенмейстерам сумасшедшие суммы. Меня и так нехило доят. Я боюсь, что еще пара обновлений европейского стаза — и генетика Живицы полностью уедет. Мало того, что я не смогу покинуть свой стаз, но европейские проксики и вообще никто по генетике ЕС — ко мне не войдет. Тогда мне останется загерметизировать себя.

— Или эмигрировать. На какой-нибудь остров посреди океана.

— Или эмигрировать.

— Ты изучил предложение Атлантиды? За сорок миллионов они вырастят тебе остров за шельфом, со всеми прелестями: флорой, фауной и запечатанным гомеостазом AG.

— Ты считаешь, что у меня есть сорок миллионов.

Они пришли к баобабам. Конечно, это были не баобабобаобабы — хотя и не менее мощные, чем оригиналы, с десятиметровыми стволами и многоэтажными кронами, развернувшимися в широкие террасы зелени. Они составляли один из главных элементов субстаза Короля Боли, окружали его дом и сад неправильным кругом диаметром около километра. Их корневые системы поднимались над землей, переплетаясь друг с другом в одну вереницу лаокоонических древесных мускулов, жирный чернозем сходил с них длинными отвалами.

— Поэтому ты и пришел. А я думал, что пластусы спят на золоте.

Король осторожно присел на разветвлении корня. Между стволами баобабов открывался вид на холмистую равнину, зеленую, желтую, бурую, зеленую. С северной стороны низко на горизонте, над городом, висели серые полоски живичных дионизидов. Дул прохладный ветер.

Король глубоко вздохнул и раскашлялся. Какое-то мгновение от боли он не мог говорить, только хрипел, согнувшись пополам. Фон Юнгинген ждал. Он поднял палку и почесал ею спину. В воздухе гудели травьи и малинята.

— Деньги, — буркнул Король Боли, — конечно. Кхрр. Как ты говорил? Что они дадут в четыре раза больше?

Ульрих пожал плечами.

— Черный рынок, нелегальный промысел всегда приносит во много раз больше прибыли — именно потому, что он нелегальный. Организация, пользующаяся услугами пластусового ума, получит явное преимущество. В легальном бизнесе это размывается, сам знаешь, но здесь у тебя было бы реальное влияние, ты увидел бы результаты своей деятельности.

— Гений преступного мира.

— Хе-хе, конечно, через цепочку посредников и подставных консалтинговых фирм, на проксиках под солидным крипто. Наверняка они и так постоянно нанимают вас для топсекретных и темных государственных дел, я прав? А деньги есть деньги.

— Как ты вообще на них вышел? Через таблетки, да?

Ульрих сделал невинную мину, на этот раз лицо его лучше слушалось.

— Я не виноват, что закон не поспевает за технологиями. Помнишь, когда я выпустил сахарную пилюлю, встряли какие-то политики, захотевшие внести в список запрещенных веществ глюкозу, фруктозу и производные! Паранойя полнейшая. Надо было сделать себе левый доступ. И за эти пару лет ловкачи из организации на мне нехило нажились. Потому что правда состоит в том, что я мог пыхтеть из спортивного интереса в подвале, но в тот момент, когда я выпустил первую серию своих колес, я разорил контрабандный рынок натуральных наркотиков, и половина мафиозных решал имела на меня заказ. Мне пришлось обеспечить себе защиту. В итоге я ушел под крыло ребят из Вены — они получили монополию на технологии, а я — защиту и процент от прибыли. Во всяком случае, венские ребята основывают филиалы в восточных стазах, и мы как-то болтали между собой, не пригодится ли им такая пластусовая голова. Так что…

— Да-а-а.

— Ну так как?

Король выпрямился, потянулся. Он улыбался, не мог справиться с этим.

— Деньги, конечно; мы будем говорить о деньгах. Но условие другое.

— Условие?

— Впишусь я или не впишусь. Основное условие — замешаны ли эти вéнцы в контрабанде людей?

— В чем?

— Если кто-то хочет физически сбежать из стаза под Открытое Небо, без официальной визы, или в другой стаз, если это вообще возможно, хотя, вероятно, за деньги можно все, в том числе достать подлинный визовый код — словом, если кто-то хочет эмигрировать по-черному своим телом, то как это сделать? Его нужно переписать налево в какой-нибудь надежной клинике и переправить в герметизированном контейнере. Верно? Это небольшой рынок, но наверняка есть специалисты, маршруты контрабанды, проверенные методы.

— Ммм, а тебе нужно нелегально? Брюссель не хочет тебя отпускать?

— Не я. Я ищу человека, который так эмигрировал. То есть — я думаю, что он эмигрировал. Неделю назад, так что, возможно, его еще можно выловить в клинике или в герме. Если вéнцы успеют его для меня найти, то у них будет пла-

стус-советник.

— Ну, я не могу этого гарантировать.

— Просто передай. И чтобы они поторопились: с каждым часом их шансы уменьшаются.

— Но договор нужно составить заранее, чтобы ты потом не выкрутился, когда они уже сделают свое дело.

— Только если это недолго.

— Я уверен, что они пригонят сотню юристов, чтобы составить контракт для пластуса.

Король Боли встал.

— Будешь тянуть? Хочешь выяснить, кому это больше нужно?

— А ты не спрашиваешь детали? Ты не хочешь знать, что это за люди?

— Нет.

— Прыжок головой вниз с закрытыми глазами, да? — Фон Юнгинген сломал палку, куски выкинул на солнечный луг, в рой поденкобабочек. — Черт, я чувствую себя адвокатом ада, договаривающимся о цене за душу смертного.

— Во всяком случае, об этом история Фауста умалчивает.

— О чем?

— Какой это адреналиновый удар, — Король Боли потер руки, — продавать свою душу!

Ульрих фон Юнгинген посмотрел на солнце.

— Думаешь, можно запрограммировать пилюли на реакцию на угрызения совести? Это было бы круто!

Король Боли и чудовища

++ KING_OF_PAIN
connections established
05450 °CET/ 034500 GMT-1
IP: <anonymized>
system: MS Puppeteer 7.10
crypto: Absolute Asymmetry 03EEI3K98R3MD9394
master: KING_OF_PAIN
slave (1): DRACO_SEPTIS#212
slave (2): DRACO_SEPTIS#199
slave (3): ICARUS_FALLING
slave (4): LEVIATHAN#7
body provider (1): <property of KING_OF_PAIN>
body provider (2): <property of KING_OF_PAIN>
body provider (3): <property of KING_OF_PAIN>
body provider (4): Avalon Health Care Center

Никогда прежде это так не начиналось: ток по позвоночникам, стена воздуха под чешуей живота, зигзагообразный горизонт, раскачивающийся перед слишком широко расставленными

глазами, под крыльями кучевые облака.

Воздух имеет консистенцию пудинга, снизу он более плотный, сверху жидкий. Чувством, которое он не может назвать, Король Боли ощущает в нем потоки, слои, конвекцию. Нет необходимости двигать крыльями, его несет на Запад быстрый ветер от Северного моря — Король движется по воздуху, и воздух движется вместе с ним.

Небо темно-синее, облака серо-розовые, океан перед Королем черный, за Королем — пурпурный. Из океанического пурпура выныривает гребень волнистой гривы Солнца. Когда Король поворачивает голову и оглядывается назад (он может это сделать, у него длинная змеиная шея), он видит полный спектр электромагнитных потоков зари. Сейчас 4:47 по Гринвичу, Эусебия Бланка должна как раз пересекать двадцать пятый Меридиан, она вот-вот появится на горизонте — рептилья кровь раздувает сердца Короля Боли, железы гормонов стресса и агрессии качают свои яды — Король раздвигает пасть и издает долгий рык, на который —

+ — hood off

++ hood on

— отвечает себе таким же рыком. Он скользит по воздушной волне вправо, пока не догоняет

себя в полете, и с этого момента планирует крыло к крылу, хвост к хвосту, два бело-голубых чудовища на фоне сияющего неба. Он смотрит на себя правым глазом — он может так смотреть — и видит —

+ — *hood off*
+ + *hood on*
— то —
+ — *hood off*
++ *hood on*
— же —
+ — *hood off*
++ *hood on*
— что и —
+ — *hood off*
+ + *hood on*
— левым —
+ — *hood off*
++ *hood on*

— глазом. Они могли бы быть детьми одной матери и отца, если бы происходили от матери и отца. Такую AG пишут на заказ инженеры с черного рынка, воспитанные на Толкине и Басте, наделенные чрезмерным воображением магистранты по ночам развлекаются с ней на ведомственных секвенсорах. Единороги, балро-

ги, драконы, шелобы, ньярлатотепы. Выходя из секвенсоров, они никогда не покидают пределы сухих симуляций. Разве что…

Король скалит самому себе желтые клыки.

«Эусебия Бланка» появляется в просвете между облаками едва заметной точкой на линии горизонта. Светлая запятая кильватера указывает курс корабля — юг-юго-запад. Король фокусирует астигматический взгляд на небе над кораблем. Икар уже должен конденсироваться, куколь пока не распознает его, но менеджер уверяет, что задержки нет и контрольное соединение работает. Король придуривается. Облако или не облако? А ведь так и было задумано, чтобы до последнего момента Икара невозможно было отличить от кучевых облаков; цвета крыльев и чешуи на брюхе Короля также были выбраны для маскировки на фоне неба.

4:50. Король спускается под облака. «Эусебия Бланка» растет перед ним с каждой секундой. Он смотрит вниз и видит на гладкой поверхности океана две отброшенные им похожие тени в форме крестов с очень толстыми перекладинами, растянутые вперед на несколько десятков метров. На фоне Солнца Король должен быть невидим; его радиолокационный профиль соответствует

профилю пары альбатросов-переростков.

4:51. Он видит на «Эусебии» движущихся людей и свет в окнах надстроек. Это бывший малый грузовой корабль; его реконструкция ограничилась интерьером; внешне он выглядит ничуть не солидней большинства проданных с молотка за гроши судов из ставших бесполезными торговых флотов. Король скачивает на куколь предоставленные вéнцами чертежи корабля, проверяет, совпадает ли тактическая симуляция с реальным изображением.

Икар открывает полное соединение с куколем.

4:52. Король прижимает крылья к туловищу и пикирует с высоты к кормовой палубе «Эусебии Бланки»; в десяти метрах он резко расправляет их в последний раз, выпрямляет задние лапы и, опершись на хвост, приземляется на корабль. Громко лязгает металл, молоток бьет в колокол; когти Короля царапают палубу, человеческое ухо с трудом переносит этот звук.

Через секунду молот бьет снова: приземляется второй проксик. Управляемый теперь когитовером[32], написанным по шаблону хищных мозгочервей, дракон садится рядом с Королем с

[32] Примечания: 32

Программа для процесса мышления; от *cogito* (*лат. «мыслю»*) и *ware* (*англ. «изделие»*), аналогично *software, hardware.*

истинной рептильей грацией. Король смотрит на него, выгибая длинную шею и балансируя хвостом. Тот отвечает улыбкой с тремя дюжинами кривых клыков. Король щерится в ответ. Хвосты бьют о борт. Зарычать! Король Боли трясет головой.

Он трясет головой, разворачивается на задней лапе и бросается на второго проксика. Двумя щелчками челюсти перекусывает крылья; остатки кожи рвет передними лапами. Дракон поднимается над плечом Короля и сжимает клыки на крыле над правой лопаткой; Король дергается назад, чтобы скорее оторвать крыло. Рвутся связки, хрящи, сухожилия, мышцы — боль стреляет по позвонкам до основания плоского черепа Короля. Король подносит близнецу левое крыло. Ррах!

Из двухэтажной надстройки в средней части судна уже вышло несколько человек, они смотрят на монстров, разрывающих друг друга в струях желтой крови.

Король уверенно встает на задние лапы, выпрямляется, находя новый баланс для изувеченного тела. Хвост поднимается над его головой скорпионьей дугой, параллельно змеиной шее. Один шаг, другой — включаются компенса-

ционные программы, — третий, четвертый — проксик-близнец следует рядом, — пятый, шестой — всё быстрее — Король бежит к надстройке длинными прыжками —

+ — *hood off*

+ + *hood on*

— скручиваясь, сворачиваясь, сжимаясь в узел, кулак, обух, гранату, которую ничто уже не остановит от падения, отпущенные водородные пузыри лопаются с треском (которого он не слышит), в серой взвеси облака образуется вихрь, открытая к океану воронка, через нее Король падает, ускоряясь, на стремительно расширяющийся длинный прямоугольник «Эусебии Бланки» — падает, падает, падает — он уже видит два голубых силуэта, вытянутых вдоль его оси, — фасеточные глаза, покрывающие нижнюю броню Короля создают монохромное изображение с крошечными отблесками света — в середине прямоугольника темный квадрат увеличивается, на нем проявляются более мелкие силуэты — люди — квадрат, пересечение диагоналей, — Король выпускает последние водородные пузырьки, корректируя траекторию полета — траекторию падения, — чтобы ударить в самый —

+ — *hood off*

++ *hood on*

— центр надстройки, как метеор, Фау-2, кулак Божий; разогнанная масса вонзается в плоскую крышу, исчезая в недрах сооружения; если бы Король этого не ожидал, то вообще не заметил бы Икара. Но последствия удара ощущают все. Из окон, дверей и трещин в стенах вырывается взрывная волна, унося с собой стекло, металл, куски мебели, механизмов и тел. «Эусебия Бланка» дергается, как пришпоренная лошадь, вверх, вниз, вверх; только проксики Короля сохраняют равновесие. Тревога на корабле ревет, звенит, воет, гудит. За бортом поднимаются гигантские фонтаны воды. Палуба резко накреняется. Люди кричат.

Король устремляется в разрушенную надстройку. По темной щели раздавленного коридора ему навстречу идет волна горячего пара — она поглощает его и извергается белым гейзером под небо. Король бежит вглубь корабля, без колебаний пробиваясь сквозь серый туман, его ведет куколевая проекция виртуальной «Эусебии» — до сих пор она соответствует реальной. Сюда, сюда, сюда, здесь свернуть, здесь спрыгнуть на нижнюю палубу, здесь выломать дверь и ворваться в герметичную часть корабля. Сзади он слышит

шаги второго проксика. Они бегут в одном темпе. Люди, с которыми они сталкиваются, — один, второй, третий и пара в медицинских халатах — либо вообще не замечают драконов, ослепленные, дезориентированные, прижатые к полу, к стене; либо, заметив, смотрят в ступоре, пока чудовища не исчезают из виду — что занимает секунду, долю секунды.

4:54. Они уже на целевой палубе. «Эусебия» накреняется все больше, Король пробирается в холодной воде. Он отсчитывает залы: вправо, влево, вправо, влево, вправо. По коридору ползет на четвереньках медсестра; драконы перепрыгивают через нее. Медсестра поднимает крик. Король сходу прорывается через шлюз изолятора, врывается внутрь вместе с двумя парами дверей и кучей липкой биоэлектроники. Он стряхивает ее с себя и осматривается внутри каюты. В прозрачном саркофаге, завернутая в несколько саванов и трансфузионные сети, спит молодая женщина. Король Боли наклоняется, чтобы прочесть наклеенный на саркофаг идентификатор, смахнув при этом хвостом настенный шкафчик. Он прищуривается. ID совпадает. Король шипит сквозь клыки. Разбивает саркофаг, достает кокон с женщиной, прижимает ее когтистыми лапами

к голубой чешуе груди. Поворачивается — второй проксик уже перед ним, теперь он будет вести. Они вываливаются в коридор. Поднимаясь из воды, медсестра снова падает на четвереньки; она всё кричит и кричит.

Драконы бегут вниз по наклону палубы, туда, откуда внутрь «Эусебии» проникает пенящаяся вода. Если бы на их пути были закрытые переборки, вода сюда не проникла бы — переборок нет, путь свободен. Они останавливаются только перед стеной дыма и огня. Король напрягает зрение, но не может что-либо сквозь нее рассмотреть. Если все шло по плану (а менеджер куколя не сообщал ему о каких-либо проблемах), Икар прошел сквозь конструкцию «Эусебии» не далее пяти метров отсюда, там должна зиять в обшивке корабля дыра — от крыши надстройки, через все ее ярусы, промежуточные палубы, вплоть до трюмов и дна — дыра, через которую врывается Атлантика, а вместе с ней —

+ — hood off

+ + hood on

— блэ-э-э, блэ-э-э, блэ-э-э, какая мерзость, эти резкие привкусы, эти слизкие жижи, эта выжимка кожи; а как опрокидывает Короля глубинная тяга: то на спину, то в стороны, трудно поддержи-

вать равновесие, легко заблудиться в движении теплых масс, которые здесь, на поверхности, на краю света, движутся таким хаотичным образом, все здесь быстрее, тоньше, сквернее, тело Короля Боли снова и снова отклоняется от определенного куколем пути, мышцы туловища, плавники и хвост работают неустанно, вверх, а толкает Короля только сила Архимеда, вверх, к свету, который открывается перед Королем, подобно мутной актинии, морской звезде ослепляющих ультрацветов, глаза рефлекторно покрываются более толстой мембраной, но и этого не достаточно, так как голова Короля пронзает поверхность мира и на все чувства обрушивается тысячекратная мерзость, блэ-э-э —

\+ — *hood off*

\+ + *hood on*

— когда они прыгают сквозь дым и пламя, сначала проксик-близнец Короля, затем сам Король с коконом в лапах; два прыжка, и они стоят по бедра в воде, уровень которой поднимается тем быстрее, чем быстрее наклоняется «Эусебия Бланка», она тонет двумя частями, расколотая пополам, кормовая и носовая часть по отдельности; они погружаются в темный омут, в медленный водоворот бурной воды, прямо

перед мордой Короля Боли, который впился хвостом в палубу, уносимую этим водоворотом, зацепился в полуметре перед краем потолка и верхних палуб, откуда непрерывным дождем падают машинные обломки, отчасти горящие, отчасти разваливающиеся в полете. Сигналов тревоги и человеческих криков почти не слышно: треск сминаемой и рвущейся материи корабля настолько громкий, что заглушает остальные звуки: шум воды, гул огня, щелчки электрических разрядов — и даже гулкий рев, с которым из водоворота, в облаке грязной пены и водяного пара появляется китовая голова Левиафана, уже призывно разверзшая шестиметровую кишечнополостную пасть, окаймленную белыми усами и зелеными водорослями. Поднятая Левиафаном волна омывает меня, я поднимаю выше кокон с женщиной. Я продвигаюсь вперед, уклоняясь от второго проксика. Из темного ротового отверстия чудовища морей выскальзывает и разворачивается длинный широкий язык, пористая мышца, истекающая горячими органическими соками, дальше, дальше, еще дальше — я делаю два шага, из-под задних лап ускользает палуба, и только вклинившийся между разорванными плитками хвост удерживает меня в вертикальном положе-

нии — смердящий морской гнилью язык тянется ко мне, как щупальце слепого осьминога, — я выпрямляю хвост и толкаю себя в смертельный водоворот, в последний момент перед погружением закинув кокон в центр левиафанового языка, который тут же, словно рассеченный током, обвивается вокруг тела, сворачивается в толстый вал и отступает во тьму уже закрывающейся пасти, а само чудовище отступает под поверхность воды. Одна волна, другая, третья, каждая покрывает его всё выше, четвертой же я уже не вижу, водоворот всосал меня раньше, всосала холодная тьма, и поэтому мы падаем оба, я и я, все трое, я и я и я, в бездну океана, где еще поднимается плотная взвесь останков четвертого моего тела; мы все погружаемся во мрак.

— KING_OF_PAIN

connections aborted

Король Боли и альтеррористы

Хребет медузника слегка покачивался под ногами Короля. По идее, Король не должен был чувствовать качку, но ему достался исключительно чувствительный проксик, а в Северной Атлантике только что поднялся шторм. Дождь

еще не начался, но на западной стороне горизонта уже протянулись синеватые кишки грозовых туч, густой фиолет лился из них на небо и море, солнце давно в нем утонуло — хотя до ночи оставалось добрых несколько часов, муэдзин медузника еще не звал на аль-магриб[33].

Король Боли прошелся через рыночную площадь; вслед ему заливались лаем раздувшиеся воздушными шарами пухактусы. Он свернул в тень основания одного из трех маяков медузника и по широким каменным ступеням, окруженным полуживыми статуями кракенов, поднялся на Западную террасу. У балюстрады стояли два проксика в дорогих костюмах, с чашками дымящейся жидкости в руках, и в перерывах тихого разговора плевали за перила в бурлящие под ними в десятке метров волны. На деревянной скамье одинокая девушка читала книгу, закутанная в кроноплед.

Король присел рядом.

— Гутвальд? Это какой-то любовный роман? Я думал, ты зачитываешься Кужаевским.

Янка подозрительно посмотрела на него.

— Идентифицируй себя, хитрюга.

---

[33] Примечания: 33
Вечерняя молитва в исламе.

На черном горизонте сверкнула первая молния.

— Буря, вот именно, семь лет тому назад ты разрыдалась у меня во время грозы.

Янка аккуратно вложила закладку между страниц, закрыла книгу, высвободила руку из-под шелестящего на ветру кронопледа — и принялась колотить Короля толстым томом по голове.

Сначала Король не защищался, принимая эти ритмичные удары со смехом, — но вдруг заметил, что Янка совсем не улыбается, и это не просто ее способ разрядить неловкую ситуацию, шутливая драка, подобная подушечным детским боям, известным Королю Боли по фильмам. Нет, Янка била, поджав губы, склонив голову, прищурив глаза. Она знала, что даже если она изобьет проксика Короля до потери сознания — ну и что, она всего лишь избила проксика; это не имеет значения. Поэтому в ее ударах не было ярости и огня. Она била до тех пор, пока Король не вырвал у нее книгу и не отступил за пределы досягаемости рук девушки. Она же снова завернулась в плед.

— Я вижу, ты уже пришла в себя, да?

Она не ответила.

— С тобой хорошо обращаются? Я полностью оплатил сервис. У тебя нет выхода в сеть, но ты

все равно можешь поймать меня по домашнему номеру. Всё в порядке?

Она не ответила.

— Прости, что только сейчас… Нельзя было терять время и все усложнять: я велел им сразу же переписать тебя на гены Евросоюза. Сейчас мы думаем, как переправить тебя на континент. Мы скажем полиции, что ты развлекалась где-то пару недель, накачала себя таблетками и забылась. Тебе придется поговорить с Фатимой, она чуть с ума не сошла на нервах, представляешь.

Она не ответила.

— Мы все боялись за тебя.

Она не ответила.

— Ты что, совсем двинулась, бессердечная, отбитая на всю голову дура, приятных тебе снов.

Он встал.

— Сейчас их всех убьют.

Проксик Короля обладал хорошим слухом, он уловил этот шепот, несмотря на нарастающий гул ветра и шум волн, бьющих о гибкое тело острова.

— Кого? Кто?

Янка окинула его презрительным взглядом.

— Они, наверное, уже мертвы. Кто-нибудь выжил в клинике?

— На корабле? Я не знаю.

— Ты даже не проверил! Мне здесь рассказали, как это выглядело. По-пластусски утонченно, сука, твою мать!

Король Боли встряхнул калейдоскоп в своей голове. Сложилась новая картина.

— Эти твои приятели, альтерроризты, с которыми ты водилась, Муравьи — это всё было спланировано, вас же больше сбежало, верно? Скольких Муравьев переписывали на «Эусебии» на AG Открытого Неба?

— Несколько. Больше десятка. Ты даже не проверил!

— Я понимаю. А те, что остались в Европе, теперь вынуждены скрываться от киллеров контрабандистов; контрабандисты считают, что это Муравьи их выдали. Я понимаю.

— Лучший способ разгромить нас ты бы вряд ли придумал, даже если бы работал на Интерпол. — Она подняла голову. — Ты работаешь на Интерпол?

Король Боли задумался. За ним, над морем, ударили одна за другой три молнии, электрические когти черных ангелов, разящих с небес в глубины океана. Король отбросил книгу, подошел к скамье, дважды ударил Янку, пока кровь не потекла

у нее из носа, и грубо схватил ее за волосы, запрокинув голову назад. Она пыталась вырываться, защищаться, пинать его — безрезультатно, он был сильным, как тур.

— Что это? — прошипел он. — Говори, потому что, клянусь, я отдам тебя этому Интерполу. Что это?

— Отпусти!

— Что это?

— Ты мне не —

— Я сейчас выкуколюсь и позвоню им. Говоришь сейчас, скажешь потом. Мне, им.

С ее верхней губы текла кровь; она рефлекторно слизала ее. Из-под руки проксика Короля видела этих двух мужчин в костюмах, которые со слабым интересом наблюдали сцену, потягивая напитки из кружек. Темнело, Янка не могла даже сказать, улыбаются они или нет.

— Я скажу, отпусти.

Он отпустил. Покопавшись в карманах, протянул ей носовой платок. Она прижала его к носу.

Король взял книгу и снова сел на скамейку.

Янка подтянула кроноплед к груди. Ветер сорвал с него один листик, и тот закружился над ее головой, скрутившись в тонкий стебелек, зеленый восклицательный знак, зависший над

тишиной.

— Дело в том, что ты не позволяешь себя трогать.

— Что?..

— Ты никому не позволяешь себя трогать.

Янка запрокинула голову, глотая слюну. Она по-прежнему прижимала рукой платок к ноздрям и косилась на Короля левым глазом.

— Сначала я подумала, что ты согласишься. Если мы поговорим начистоту… Я тебя уговорю, ты поймешь, ты поможешь нам по собственной воле.

— Рио.

— Да.

— Ты ждала меня.

— У скольких Муравьев в семье есть пластусы? Мы сразу решили, что я должна попытаться тебя завербовать. Ивановцы сообщили нам, где ты должен появиться, и дали аккредитацию.

— Ах, значит, вы снюхались с марксистами-креационистами, ну да.

Король Боли добавил в калейдоскоп очередной камешек. Марксисты-креационисты утверждают, что экономическое разделение общества и все политические и культурные зависимости, составляющие следствие этого разделения, яв-

ляются для Homo sapiens неизбежными. Homo sapiens, будучи Homo sapiens, обречен на них. Без искусственных ограничений, тоталитарного принуждения, предоставленный сам себе, в «естественном состоянии», человек рано или поздно всегда приходит к той же ситуации неравенства, угнетения, эксплуатации и несправедливости. Это предопределено его природой, точно так же, как природой пчел предопределена структура улья, — хотя, конечно, в случае Homo sapiens зависимости более сложны и не проявляются в течение жизни поколения. Таким образом, единственный способ вырваться из спирали социального зла — это изменить саму природу человека, его глубочайшие обусловленности, начиная с генетических программ и нейронной сети мозга. Homo sapiens должен быть заново создан. Однако здесь теоретики марксизма-креационизма увязают в мутной диалектике. Может ли субъект создать сам себя? Если изменения происходят по воле человека, на его условиях и ради достижения поставленных им целей, то они являются таким же продолжением прежней системы социальной несправедливости, как и все иные человеческие начинания, в них так же отражаются интересы правящего слоя.

Когда за деньги можно купить себе новое тело, новый мозг, новый разум, переписать себя на лучшую генетику, на мудрость, счастье, красоту и бессмертие — тогда это становится болезненно очевидным для каждого. Бытие определяет бытие. Человек не сотворит человека, отличного от него самого. Творение должно прийти извне. Извне — то есть откуда? Что останется в природе после изъятия человека, способного на акт творения? Король провел в подобных дискуссиях с ивановцами не одну алкогольную ночь.

Носовой платок пропитался красным, Янка надолго задумалась.

— Ивановцы… они предложили нам решения некоторых проблем. Они помогают нам, так как убеждены, что все равно окажутся наверху, а мы будем служить слепым инструментом.

— А вы так же думаете о них. Мне нравятся такие союзы. — Король постучал костяшками пальцев по твердой обложке книги. — Ты не могла дотронуться до меня, но тебе нужна была ДНК пластуса, да?

— Встреча в Рио, по крайней мере, дала мне повод навестить тебя дома. Но ты постоянно следил, даже когда мы сидели за столом вместе. Сначала я думала, что всё устрою за один визит,

в конце концов, каждый оставляет после себя в квартире до хрена биологического материала. Но у твоего дома иммунная система, как на лунной базе, я видела, как она за несколько минут разложила бабочку, не говоря уже о каком-нибудь выпавшем волосе или отслоившемся эпидермисе. Я думала, может, в саду… Но сколько можно ждать возможности, мы заранее договорились с людьми о сроках, после седьмого или восьмого визита я сказала себе —

— Сыска.

— Мы купили генвер у инженеров из клиники «Эусебии Бланки». В лесу, на другой стороне автострады, в десятке километров от тебя, я посадила дешифрующие кусты. Я даже не знаю, сработало ли это в итоге, мы отплыли до того, как пришло подтверждение.

— Сработало. Во всяком случае, мотыльки с моим кодом улетели. Черт, я должен был догадаться.

— О чем?

— Фатима рассказывала тебе историю о собаке и ребенке в колыбели, верно? Если бы я отказал тебе…

Он замолчал. Что именно о нем говорят — в семье, среди родственников и знакомых? Сме-

ются? Сочувствуют? Пугают им детей? Как Янка могла предвидеть, что он непременно согласится взять к себе Сыску? Она сказала, что уезжает с Корпусом почти на два года, а ведь вполне могла солгать о двух месяцах. После того инцидента в младенчестве Король не имел беспроксикового контакта с какими-либо крупными животными. Как она узнала, что он не откажется, что не убежит, не уклонится от собаки, что протянет руку ей под язык, позволит обслюнявить ладонь, сам погладит мягкую звериную шерсть, сожмет пальцы на теплых мышцах, а от боли сожмет особенно сильно, откуда она это знала? Сколько времени они провели вместе, он и Янка — двадцать часов? Разговоры, немного смеха, ничего друг о друге, ничего интимного. И этого достаточно? Он испугался.

— Скажи, наконец, что это должно быть! — рявкнул он. — Какое-то кровотечение? Черная химера? На весь европейский стаз? Что вы выпустили? Говори!

— Тот человек, с которым я вкуколилась в Рио… его зовут Робер Шовель, он когда-то работал в Живице, но полгода назад ушел из Комиссии. Он

прочел Кужаевского, послушал об Аль-гайбе[34] и присоединился к нам. Он собирался поговорить с тобой, но ничего из этого не вышло. Мы, конечно, пытались обращаться в СМИ, организовывали демонстрации — никто не обращает внимания, если у тебя нет в руках какой-нибудь бомбы AG, альтерроризм — единственный способ вообще что-либо изменить в этом мире к лучшему.

Король даже не пытался скрыть ужас. Он не раз подтрунивал над ее причастностью к деятельности Муравьев, высмеивал Кужаевского, они перешучивались на различные политические темы, с юношеским запалом она провозглашала вдохновенные диатрибы, словно цитируя партийные лозунги, он смеялся еще громче, — и теперь выясняется, что эта розовощекая девчонка все это время планировала во имя благородных идеалов очередной холокост масштаба Белой Эболы. И, конечно же, никакого раскаяния, никакого смущения, та же девичья страсть и румянец на щеках, повышенный голос и учащенное дыхание. Она не раскаивается — откуда? — она имеет к нему претензии, что он не присоединился!

Разумеется, они шутили и об альтерроризме,

[34] Примечания: 34

Тайное, сокровенное; то, что невозможно увидеть глазами или ощутить органами чувств, но можно познать интуитивно (*араб.*).

Янка рассказывала Королю о Муравьях: Муравьи не отказались от актов вандализма, в Скандинавии их дионизиды вызвали эпидемию насморка, когда молодые Муравьи лоббировали генетический налог; кажется, были и смертельные случаи. Янка тогда возмущалась. Как их могут сравнивать с террористами! Все, что они делают, совершается ради всеобщего блага! Если мы не введем генетический налог, общество в течение жизни двух поколений безвозвратно распадется, ангелы-элои[35] сбегут на своих генверах, заплатив миллион евро за индивидуальную процедуру; после себя они оставят морлоков в белых воротничках, которые больше никогда не смогут купить себе место в высшем классе — разве что выиграют в лотерею. Тому, у кого есть деньги, ни один закон не помешает покупать у инженеров AG лучшее будущее для своих детей, для себя. А как же бедняки из Открытого Неба? Даже генетический налог не выровняет их шансы.

Альтерроризм — единственный способ заявить о себе тем, чьи интересы не представлены в демократии, которая тем не менее решает их судьбу. Брюссель и Вашингтон еженедельно голосуют за

[35] Примечания: 35

Элои, морлоки — вымышленные гуманоидные расы из романа Герберта Уэллса «Машина времени».

законопроекты, непосредственно влияющие на остальной мир; а остальной мир не имеет права голоса, его представители не заседают в этих парламентах.

Так как же этому миру защитить себя? Он не объявит войны — он уже проиграл все возможные войны. Он не переубедит чужих избирателей через СМИ — избирателям тогда придется голосовать против своих собственных интересов; они не будут голосовать. Он не забросит на землю врага своих террористов — они упадут замертво через несколько шагов в иностранном стазе. Остается только метод внутреннего запугивания, остаются только такие молодые идеалисты, рожденные под Закрытым Небом, которым еще не все равно, которые по-прежнему искренне верят в равенство всех людей; остаются альтеррористы.

— Что это? — прошептал Король Боли. — Говори.

— Робер признался нам, над чем работает. Ручные настройки стазов слишком медленные, комиссия со своими апдейтами официальной генетики реагирует недостаточно быстро, штаммы соседних стазов проникают все глубже, террористы выпускают генетики, которые все труднее разложить, политики и медиаторы сидят на

шее Живицы. И что Живица придумала? Робер, кстати, утверждает, что это вышло из Пентагона, именно они проводили первые опыты. Они подсмотрели это в джунглях, во время экспедиций, отправленных ими под Открытое Небо Южной Америки. Ручной настройки больше не будет: стаз теперь должен сам реагировать. Ты понял? Выживет только та генетика, которая достаточно быстро адаптируется, защитится от всех остальных генетик и вытеснит их носителей, заменит их коды. Сама по себе, автоматически; что-то между замкнутой экосистемой и организмом, саморегулирующийся гомеостаз, с сильной обратной связью. Такой автостаз — это уже не просто пространство, охваченное общим AG, — он обладает своего рода инстинктом, адаптируется к новым условиям, вырабатывает антитела, то есть антигенетику, AG против AG. Он сам проводит симуляции и логические операции, планирует стратегии, как животное, как иммунная система, — но… Если нужно, он формирует органы интеллекта.

— Древа Известий.

— Да.

— А пластусовые гены —

— Пластусовый автостаз, конечно, уже на

старте побьет любые другие автостазы. У Живицы есть эти гены в базе данных; инженерам Живицы просто нужно забросить их в котел и перемешать. Мы всего лишь хотели, чтобы Юг имел равные возможности. Подумай сам! Ведь автостазы Севера уничтожат их полностью, это уже даже не колониализм — они уничтожат их физически, это генетическая глобализация! Мало того, что мы сидим запертые в своих стазах, там под Открытым Небом полмира погибает с голоду и от наших химер, а мы только наблюдаем — мало того, мы сейчас передушим их, деревня за деревней. Задумайся! Автостазы не знают политических ограничений, это стихия, ты видел джункли, они будут разрастаться, пока не захватят всю биосферу. В итоге, вероятно, победит один, но это не будет иметь значения для Африки, для Южной Америки, для Океании, для муссонной Азии, — они будут поглощены уже через несколько лет. Представляешь, что там будет? Таких гуманитарных катастроф мир еще не видел! Сотни миллионов, миллиарды жертв. Они разделят судьбу индейцев, столкнувшихся с гриппом Нового Света, от которого у них не было шансов защититься. Муравьи… Мы собирались дать Давиду хотя бы пращу. Джункли на пласту-

совом амфетамине — может, у них будет какой-то шанс против автостаза Севера, может, что-то —

— Джункли? Джункли? Янка, ты хотя бы на миг задумалась, что будет с людьми Открытого Неба, если действительно победят джункли?

Янка отбросила носовой платок, кровь больше не текла у нее из носа. Она гордо взглянула прямо в глаза проксику Короля.

— По крайней мере, их не спланировал человек.

Король Боли фыркнул, сдался.

Однако он понимал природу союза Муравьев с ивановцами. Если источник Творения должен находиться вне существующих социальных, экономических, политических структур, если оно не может быть спланировано человеком — решением как раз и будет случайность и стихия. В свою очередь, Муравьи (насколько Король понял после беглого прочтения их материалов в сети и после разговоров с Янкой) в основном опираются на радикальный индивидуализм Франтишека Кужаевского: если каждый человек может переписать себя в отдельную генетику, если он может произвольно перепрограммировать себя биологически и психофизически, а генетическая совместимость больше не нужна

для рождения потомства — человечество следует рассматривать как совокупность миллиардов единоличных наций. Любые два человека, наделенные сознанием, имеют здесь столько общего, сколько захотят иметь.

Каждый человек — твой брат или никто тебе не брат. Согласно Муравьям и подобным им альтеррористическим группам, которые придерживаются доктрины Аль-гайб, «Того, что скрыто», принятие вышеуказанных истин означает необходимость равного сострадания к каждому человеку. (В радикальном варианте — к любому живому организму.) Мать, сын, любовник, соседи, соотечественники, — никто из них вам не более и не менее близок, чем безымянный пария из индийского захолустья. Всё видимое и то, что проявляет себя в видимом — тело, поведение, даже сама личность, память и структура ума, — по сути, случайны и столь же заменяемы, как и твоя одежда, а потому не может определять степень сочеловечности, истинную близость. Определяет То, Что Скрыто.

Молнии над океаном теперь били каждые несколько секунд, доносились раскаты грома. Ветер вырвал у Янки из пальцев носовой платок. Девушка плотнее закуталась в плед. Листья

громко шелестели. Мужчины, беседовавшие у балюстрады, сбежали с террасы уже минуту назад.

Король Боли щурил слезящиеся глаза.

— А этот Робер сказал вам, когда Живица планирует официально выступить с проектом автостазов? Ты же знаешь, что принятию подобных решений предшествует многолетняя волокита — парламенты, комитеты, референдумы, и наверняка половина альтерроористов организует кампании протестных акций… это годы, годы.

— Как только первый стаз переставится, все немедленно со страхом последуют его примеру.

— Хмм. Кто бы ни был первым, вероятно, Сибирь, но даже если так — это годы. А вы — что вы сделали с моей ДНК?

Она пожала плечами.

— Отправили ивановцам. Таков был план. В джункли.

— И все же вы сбежали.

— Мы не сбегали. Мы не трусы. Разве я трусиха? Мы не сбегали.

— Вы переписывали себя на приамазонскую AG. Как еще я могу это объяснить? Вы отдали север на корм этому дикому автостазу анаркленда, а сами смылись под его крыло. Там тоже будут миллиарды трупов — только равными кучами на

каждом континенте. Ну, на вашем — куча будет поменьше.

— Неправда!

— Тогда зачем вы туда эмигрировали?

Упали первые капли; Янка смахнула их с лица, склонила голову.

— Нужны были добровольцы.

— Что?

— Кто-то должен идти первым. Когда джункли превратятся в автостаз, как и ожидает Живица, нужно будет отправить туда добровольцев с хорошей генетикой, нужно будет проверить, можно ли вообще там жить… ты понимаешь… ты же сам говорил в Рио, у тебя есть фотографии, у тебя есть результаты экспертизы… эти племена с верхней Амазонки, очаги, люди, нелюди… Здесь, на севере, лейбенмейстеры подготовят старт из дружественной генетики — но джункли создадут единственный по-настоящему дикий, хаотичный а-стаз, который невозможно предугадать заранее. Так что кто-то должен войти, выжить, вовремя дать анаркиям хорошую кровь.

— Могут животные —

— Это уже началось. Древа Известий убивают только людей.

Проксик Короля задрожал под холодным до-

ждем.

— Вы все окончательно сбренди —

— Я не трусиха. — Она надула губы, как маленькая девочка, обиженная на маму за то, что та не дала ей конфету.

Король Боли еще раз встряхнул калейдоскоп. Если все это правда, подумал он, если она не лжет, и ей не лгал Робер Шовель, и ему не лгали в Живице, и если за переход на автостаз проголосуют в ЕС — я этого не переживу. Может, переживет тело, может, переживет мозг (мозг, несколько килограммов белка), переставленный на новую нейронную структуру, — но не я, не мой ум, не память. Ни один лейбенмейстер не защитит меня от автостаза — разве не в этом должно заключаться его преимущество? Рано или поздно придется уйти в подполье, запереться в бункере, в гробу. Как те герметики из фундаменталистских сект, как Свидетели Иеговы и катакомбные пийцы. Рано или поздно. Если она не лжет.

Похолодало настолько, что из тела медузника стал подниматься пар, вязкий туман — между булыжниками, с открытой полупрозрачной почвы, с проеденных соленой водой боков Авалона. Дождь рассекал мглу. Небо затянула равномерная чернота, и только свет фонарей над террасой

разбивал штормовой мрак. Медузник был одним из тех, что не были признаны правительствами Севера (поэтому Янка могла чувствовать себя в безопасности в местной клинике), и он шел глубокими океанскими путями. Потому он был обречен на постоянные штормы, столкновения атмосферных фронтов, осадки различных экзотических дионизидов, переносимых ветрами и тучами. Когда били молнии, на глазах у Короля Боли и Янки из темных волн выскакивали фосфоресцирующие рыболаки — повиснув на мгновение в воздухе, они взрывались, как мокрые грибы-дождевики. Вскоре бледно-зеленым цветом мерцала вся поверхность моря. Фонарь зажигал ее каждую секунду.

Проксик Короля придвинулся к Янке; она обняла его рукой с кронопледом, они натянули ткань на себя. Король поспешно просмотрел в памяти набор отцовских жестов. Прежде чем он решился, она положила голову ему на грудь. Он без труда обнял Янку (это был большой мускулистый проксик). В океане вспыхивали всё новые иллюминации, а Король Боли и Янка наблюдали за ними из-под кронопледа. Все было залито водой, и только через несколько минут Король понял, что девушка плачет; она плакала

молча, а то, что она дрожала, — он думал, что дрожит от холода. Это животный инстинкт, думал Король, первобытный рефлекс теплокровного млекопитающего, необходимый для поддержания температуры тела, поэтому мы называем это «близостью», поэтому мы обнимаемся, ищем безопасность в телесном контакте, кожа к коже, рука на руке, голова на груди, сердце к сердцу, ритм крови, ритм дыхания, жизнь к жизни… Чужое тепло.

Шторм разрывал сияющий океан.

II
Король Боли и зло этого мира

Ее лицо, ее глаза, ее улыбка, блеск улыбки в ее глазах, ее голос. Солнце над Оликартом приближалось к зениту, и Король Боли прищурился, опустил веки, прикрыл предплечьем голову. Ему не нужно было видеть, он знал красоту этих тел наизусть. Сквозь веки замечал лишь изменения интенсивности солнечного света. Листья пальмопальм колыхались над Королем на легком ветру, и по бронзовой коже проксиков Короля и 4e33a скользили арабесковые тени. Женщина следовала за ними красным стебельком макотравы, ежеминутно щекоча им Короля. Король лежал, прислонив голову к стволу, и кусал во рту язык и щеки, волны этой конфетной боли были как освежающие просветы под куколем блаженства. Хотя это никак нельзя было доказать с точки зрения неврологии, Король полагал, что слишком длительное вкуколивание в безболезненные проксики ослабляет его интуицию, засоряет разум, тормозит работу избыточных астроцитов. (По правде говоря, недоказуемым был

и обратный тезис.) А после подписания договора с Венской Группой тридцати шести — уже более трех месяцев назад — он брал с собой работу даже на полинезийские выходные. Контракт был бессрочным, это уже не были прежние ни к чему не обязывающие консультации или противодействие манипуляциям пластусов со стороны оппонентов. Король Боли теперь планировал стратегии враждебных поглощений, корпоративные шантажи, методы коррупции чиновников и политиков, превентивные убийства. Такой персонаж в LPG именовался «Мафиозо», и Король играл свою роль с полным погружением, ожидая благословенного момента, когда она перестанет быть игрой, когда в тысячный раз повторенные мысли, слова, поведение — выйдут из него в самом естественном рефлексе, без предварительного размышления: «А теперь я должен играть так и так». В силу обстоятельств он принимал все меньше других заказов, впрочем, за них и платили гораздо меньше. 36 von Wien втянула его, как увлекательная компьютерная новелла, он хотел быть втянутым. Теперь он упрекал себя за то, что раньше не подумал о Life Playing Game или подобном методе. Другие пластусы чувствуют то же самое? Пластичный ум, предоставленный

сам себе, рано или поздно выбьется из колеи. В отношении 4e33a он назвал это скукой, но это была скука на грани тихого безумия. Еще один год в качестве Короля Боли — и он растворился бы до конца между проксиком и проксиком, ложью и ложью. Нельзя жить исключительно чужими проблемами, чужой карьерой и чужими телами, теперь он это понимал. Король надел этот куколь в детстве и до сегодняшнего дня не снимал его, у него не было ни сил, ни желания. Но Мафиозо, но прожорливый consigliere[36] Венской Группы тридцати шести — ему это не доставит хлопот. Пластичный ум быстро адаптируется к новым условиям, принимает новую структуру. Король уже был искренне благодарен Янке за то, что она невольно направила его на этот путь. (Разумеется, эта благодарность также могла быть — и, скорее всего, была — результатом прогрессирующей адаптации.) Первый импульс всегда должен прийти извне, сам себя никто не поднимет из болота за волосы. Таким образом, идиотская игра Янки с Муравьями, по крайней мере, дала этот хороший результат. Дала и второй: Король перестал быть для семьи прокаженным, слухи

[36] Примечания: 36
Советник (*исп.*).

разошлись, как круги по воде, человек, который Решает Дела, всегда в почете, особенно в Польше; столько звонков и даже личных визитов, сколько было их за последние недели, не случалось у него уже десять лет. Другое дело, что прежде он отнюдь не был бы им рад, на звонки не отвечал бы, гостей выгонял бы из-под дверей, — зато теперь интерес родственников доставлял ему искреннее удовлетворение, и оно перевешивало страх и боль. Он заказал себе новые костюмы и рубашки, сшитые по индивидуальному заказу; экспериментировал с косметическим генвером, который категорически запрещала ему GIP; даже задумался о коротких прогулках за пределы баобабов. Мафиозо становился все сильнее, скоро люди начнут узнавать под проксиками. Король Боли размышлял: когда 4e33a узнает Мафиозо — это будет для нее настоящим испытанием. Узнает ли. Когда узнает. Что выдаст в ней то, что она узнала. Ее лицо, ее глаза, ее улыбка, блеск улыбки в ее глазах, ее голос.

Красный стебелек скользнул по шее Короля на подбородок и губы. Он схватил его зубами и выплюнул, вместе с кровью.

— Оставь.

— Я думала, ты заснул.

— Ну, иди сюда.

— Или ты выкуколился.

— Как вода?

— Тепленькая. Сирены подплывают к берегу. Они милые.

— Еще тебя соблазнят.

Она ущипнула его за нос. Он чихнул.

— Будь здоров.

— Спасибо.

— Я так думаю…

— Ммм?

— Что ты говорил ночью. Про этих Муравьев и племянницу.

— Ммм?

— Ты говорил с ними? Это все-таки были альтеррористы, да? Она сейчас —

— Не бойся, мать надела на нее колодки.

— Нет, я имею в виду те их идеи, о которых ты рассказывал —

— А! Я тоже так думал. Но чем дольше… — Он приподнял веки, посмотрел на 4е33а. Она положила голову на сложенные на его груди руки. Он убрал с ее лба влажные волосы. — Вчерашние утопии — это сегодняшняя норма. Почему здоровье, дом, еда, образование и правосудие для всех должны оставаться мечтой молодых

идеалистов?

— Они убедили тебя.

— Кто? Нет, я просто — просто я наконец-то посмотрел на это как пластус. По телевизору, в газетах все только и жалуются: хуже уже и быть не может, нас ждет гибель, мир движется к пропасти, какие сейчас злобные люди, какое падение нравов… Дно и море слез. Но правда в том, что если сравнить условия жизни среднестатистического европейца или даже неевропейца, то увидишь, что, начиная со Средневековья, они неуклонно улучшаются. Возьми, к примеру, такого крепостного крестьянина из года Черной Смерти и спроси у него о его утопии. Мы уже ее реализовали. Дело в том, что начиная с некоторых пор, со времен Гегеля, Маркса и Ленина, явное провозглашение подобных целей стало по меньшей мере подозрительным; мы невольно осуществляем эти утопии.

— Не все.

— Не все. Вот именно. Общества, отставшие в фазе своего развития, остались на одну-две утопии позади: Юг, Открытое Небо, две трети человечества, — не они.

— Потому что это, пожалуй, единственная утопия, которую мы действительно никогда не

осуществим.

— Ммм?

— Равенство. Я схожу за мороженым, хочешь?

— Какое сейчас?

— Может, ванильное?

— А есть с такой горькой смесью, кофе, лимон, винорчица —

— Желтое, кажется.

— Будь так добра.

4е33а побрела по пляжу к бару. Король Боли провожал ее взглядом. Песчинки белого песка спадали с ее смуглой кожи, когда она уходила в тень рощи. Фигуры, отпечатанные песком на ее спине и ягодицах, напомнили Королю пятно из теста Роршаха — пятно, которое напоминало, —

Нахмурившись, он приподнялся на локтях. 4е33а вернулась с мороженым. Король взял свой стаканчик, обмакнул чайную ложку в холодный крем. 4е33а села под пальму, скрестив ноги. Волосы после купания в океане уже высохли, она машинально перекинула их через правое плечо, пряди легли на грудь черным веером.

— Ну, хорошо. — Она задумчиво облизала ложечку. — Но есть ли у них идея, как это реализовать на практике —

— Кто ты?

— Что?

Король Боли отшвырнул в сторону стаканчик с мороженым и, вскочив, отпрыгнул к вершине дюны.

— Кто ты?

— Ау-у! Вот это провал. — Она похлопала ложкой по высунутому языку. — Слушай.

— Кто?

Она пожала плечами.

— Какая разница? Назначена на дело. Раз все закончилось, завтра ты получишь официальное письмо из прокуратуры.

Он сплюнул — хотел сплюнуть, но у него закончилась во рту слюна.

— В чем вы меня обвиняете?

— Мне все перечислить? Впрочем, и одного федерального обвинения достаточно, чтобы отозвать у тебя разрешение, — и ты готов, после переписывания по стандарту от твоего мозга останется нейронный фарш. Ммм, вкусно, правда, тсс-тсс.

Король Боли прикусил верхнюю губу.

— Вы так вламываетесь ко всем пластусам?

— Ну что ты.

Он встряхнул калейдоскоп, раз, другой. Появились новые узоры.

— У вас есть моя ДНК в базе данных. Я всплыл после анализа свежих образцов из джунклей. Гребаные Муравьи!

Она кивнула.

— Только тогда мы начали следить за тобой. Откуда гены польского пластуса в сердце амазонской помойки AG? И первое, что всплывает, это твои показания по делу о пропаже племянницы, которую семья, якобы несправедливо, заподозрила в бегстве к — к кому? К альтеррористам. Ну правда, не надо быть гением, чтобы собрать это в кучу. Мы взяли тебя под пристальное наблюдение.

— Но я езжу на слишком хорошем крипто.

— Но ты ездишь на слишком хорошем крипто, в отличие от этой твоей любовницы. Мы взломали ее куколь —

— Что с ней? Вы накачали ее какими-то мозгочервями?

Женщина неодобрительно хмыкнула.

— Ну, знаешь! Из нас двоих, кто здесь злодей? Не я же.

— Кого еще вы взломали?

— Ты имеешь в виду парней из Тридцати шести?

С громким вздохом Король Боли сел на раска-

ленный песок.

Информатика покинула царство детерминизма еще в начале века, когда в непрерывном приросте вычислительной мощности были сломаны барьеры, установленные самими законами физики, первым делом — тепловой барьер, и пришлось переключиться на многоядерные процессоры; затем появились процессоры с динамической архитектурой, и результаты повторных пересчетов одних и тех же программ начали расходиться нелинейно, стерлось и разделение на аппаратное и программное обеспечение, что в конечном итоге сделало неорганические компьютеры похожими на генетические. Следующим очевидным этапом были квантовые компьютеры — уже несколько лет ходили слухи о военных прототипах, работающих на АНБ, ФСБ и Гоанбу. Криптология постепенно становилась формой религии: каждый шифр был настолько безопасен, насколько в него верили.

— Ну, хорошо. Мафиозо пойман, я сдаюсь.

— Неужели это она тебя в это втянула?

— Нет. То есть… Нет. Нет. Я сам.

Она внимательно изучала его взглядом.

— Ты сам. То есть кто?

Тогда он понял, увидел человека под прокси-

ком.

— Так вот в чем дело! Они наняли пластуса, чтобы шантажировать пластуса! Думаешь, я не найду тебя? Сколько нас в мире, триста?

Она ела мороженое.

— Мммм, и еще незаконные угрозы, нехорошо, нехорошо. — Она подняла глаза. — Но тебя это забавляет, да?

— А тебя нет?

Теперь они улыбались друг другу в тайном согласии, сквозь границу солнца и тени, сквозь чуть дрожащий в жаре воздух. Бар был спрятан в роще; кроме них двоих на изгибе пляжа оставались только трое проксиков, все они были одинаково прекрасны. Высоко в лазоревом небе парили орлеи, положение их длинных тел указывало направление ветра. Он дул с океана, принося его запах и влагу. Южная идиллия на Оликарте — тишина, только шум волн и пальм, большинство животных спит. Развешанные на стволе над женщиной полотенца, ярко-красные, это единственный сильный цветовой акцент в панораме умиротворяющей белизны, зелени и синевы.

Облизнув пальцы, она медленно отставила пустой стаканчик.

Король Боли выпрямился и сложил руки на затылке, широко раскинув локти.

— Валяй.

— Ты внедришь нас через Янку к ивановцам, волейболистам и ктулхистам, мы должны взять под контроль эволюцию джунклей, а в худшем случае — заблокировать ее или замедлить. Мы уничтожим Муравьев и всех террористов, связанных с автостазом анаркии; но сначала ты внедришь нас к Муравьям.

— Каков кнут?

— Суд за венцев и сотрудничество с террористами. Уже один арест означает принудительную стандартизацию — и нет Короля. Янка, конечно, сядет, или ей прокрутят мозги. Вероятно, то же самое случится с остальной частью вашей семьи — за сокрытие и соучастие.

— А пряник?

— Мы чистим твое досье.

— А что тогда с Янкой?

Она пожала плечами.

— Бедный ребенок, который больше не сможет убивать жирных европейцев.

— Она никого не убивала.

— А-а, тогда, прошу прощения, позволим ей наверстать упущенное! — фыркнула женщина.

Она подтянула колени к подбородку. — Раньше, по крайней мере, все было ясно: перестрелки, заложенные бомбы, угнанные самолеты, — ты пачкал руки, физически в это включался, террористический акт был чем-то конкретным, явным, особо тяжким деянием, ты осознавал, что делаешь в тот момент, когда это делал. А что теперь? Хобби выходного дня, ставшее модным в университетских кампусах, летний альтерроризм. Они что-нибудь взорвут? Они нажмут на курок? Воткнут нож? Они увидят кровь? Никогда. Менталитет хакеров: они копаются в генвере, выпускают своего дионизида — и через месяц где-то вспыхивает эпидемия. И никто никогда не узнает, их ли это вина или случайная связь десятков других генов. Как в джунклях: они выкинули туда столько мусора, что биологическая война уже идет сама собой, террор отделился от террористов, обрел независимую идентичность. Они не говорят: мы убили. Говорят: джункли убили. Не так ли рассуждает твоя Янка? Что? Не так?

— Не ко всему плохому, что происходит в мире, можно найти виновника. А они как раз пытаются предотвратить зло. По-своему пытаются творить добро. Вернее, улучшить баланс добра и зла. Я знаю, что важны не намерения, а последствия,

но —

Женщина встала из-под пальмы, поднялась по дюне к Королю; пригнувшись, написала на песке ID трансмиссии.

— Проксик от Ллойда, проверь и положи свое крипто. Еще минута болтовни о зле этого мира в райском анклаве миллионеров, и меня вырвет.

— Но мороженое было вкусным, да?

Она кинула ему в глаза песком.

Он выкуколился.

Была середина ночи. Король Боли встал с кровати. Зажегся свет, и он поплелся в ванную. Клиническая белизна стен обжигала зрачки, он справил нужду, вошел в душ, некоторое время дрожал от боли в струях холодной воды, крикнул один раз, крикнул второй, вышел из душа и в задумчивости повернулся к зеркалу. Мокрые волосы облепили слишком угловатый череп, он сгорбился, наклонил голову вперед, к зеркалу, взглянул исподлобья.

(Упражнение: посмотреть на отражение и не увидеть себя — увидеть тело — подумать «он», «это тело», — ни на миг, ни в самой легкой ассоциации не назвать его «я» — подумать: «хорошо ли на мне сидит?», «подходит ли мне?» — рефлекторно, без мысли о мысли — посмотреть на

отражение и увидеть под ним, как я на самом деле выгляжу — не так, иначе, — действительно, а не глазами — увидеть То, Что Скрыто.)

Ему вспомнилось, как Кубрик снимал своих героев крупным планом анфас, с наезжающей камерой, со лба, заглядывающей в тени под дугами бровей — он еще больше склонил голову — и как эти герои обычно улыбались с дразнящей иронией — он улыбнулся — так хорошо? Калейдоскоп завертелся, ассоциация уплыла, Король отошел от зеркала.

Он вернулся в спальню, кивнул на окна, они распахнулись, впуская холодный ночной воздух и резкие запахи химерического сада. В кронах баобабов щебетали птичьи гибриды. На горизонте, над сияющем городом, под заслоняющим звездосклон плащом облаков, кружились созвездия активных дионизидов; даже с такого расстояния Король узнавал по их цвету уровень тревоги стаза — легкая лихорадка, не более. Король потянулся к куколю. Он взглянул на кривую гистамина (вверх, вверх, вверх) и осторожно сел на кровать. Ни на миг он не сомневался, что примет приглашение пластусовой оперативницы. И дело отнюдь не в отваге (что это за отвага — сесть на проксика Ллойда?), но в обычной пластусовой

прожорливости впечатлений: залезет в любой просвет, прижмет нос к стеклу, хоть больно, хоть знает, что не должен.

В душе он признавал правоту Фатимы и родителей. «Ты никогда не вырастешь». Кому более интересен мир? Кто быстрее адаптируется к новым условиям? Кто быстрее меняет свое мнение, легче поддается влиянию? Кто еще никто, но может быть кем угодно? Чей ум мягкий, как пластилин? Дети.

Король натянул куколь. Он натянул куколь, захлебнулся, раскашлялся и выплюнул густую мерзость. Выбраться из этой канавы! Подтянул торс, но после первого рывка понял, что не встанет на колени, не встанет: у него не было ног, они заканчивались где-то выше колен. Боль сливалась с болью, больше всего болели стопы, которых у него не было. Он глубоко вздохнул — вонь была горячей, кисло-сладкой от органической гнили и пропитанной жесткой химией земли — он вздохнул, а затем перевернулся на спину. В просвете между крышами трущоб из высушенного кирпича сверкала тысяча звезд, небо над Каиром не было затянуто дионизидными взвесями. Это мир, лишенный благ биостаза, — Египет, Африка, Юг, — Король оказался под Открытым Небом, на

свалке цивилизации.

Он ощупал свое лицо. Это было лицо старика. Под спутанной щетиной язвы источали теплую слизь. Он подумал, не выкуколиться ли и не вытащить ли из Ллойда спецификацию проксика; Ллойд вряд ли занимался прокатом садо-мазо. Но эпидемии косят как проксиков, так и непроксиков. Из глубины переулка, где земля спускалась к настоящей свалке, до Короля донеслись тихие голоса: кто-то молился по-арабски, плакал ребенок. Он подполз к углу разваливавшегося дома. Посреди площади, над накренившейся чашей древнего колодца, торчало древко с белой тряпкой и символом карантина. Король Боли, как и все остальные, знал, что означают эти знамена смерти; время от времени в СМИ возвращалась мода на туристские репортажи из-под Открытого Неба. Из тридцатимиллионного населения Каира Белую Эболу пережило два миллиона. Сколько из этих двух миллионов пережило последующие эпидемии и химеры, Король не помнил. Над знаменем мерцали далекие огни — он предположил, что это огни небоскребов центра Каира, но у проксика было слишком слабое зрение, левым глазом он практически не видел вообще, возможно, это искры и пламя близкого пожара.

Он подполз к колодцу, под знамя. Тело едва слушалось Короля, он дрожал, потел; ночь была жаркая, душная. При каждом вдохе он чувствовал, как в груди, между легкими, перемещаются какие-то кости, которых у человека не должно быть. Сколько химер прошло через геном этого несчастного? Прислонив голову к руине, Король заметил черную дорожку жидких нечистот, которую оставил за собой от переулка, — сфинктеры не работали, возможно, у него и не было сфинктеров. Он протянул руку вниз, под впалую грудь, острые ребра и изъеденный язвами живот. В покрытых коркой грязи гениталиях шевелились черви маслянистой консистенции.

Из переулка слева показалась горбатая фигура, тянущая деревянную тележку. Тележка скрипела, носильщик сопел, лежащий на тележке стонал. Горбун остановился у переулка и сбросил свой груз на землю — раз, два, три и еще ребенка. Потом развернулся. Король Боли понял, что действительно оказался в современном Городе Мертвых, это каирское кладбище, Каир — кладбище. Ооновская Живица рекомендует в каждом городе Открытого Неба выделить часть районов для жертв эпидемий и химер. Со временем карантинные флаги смещаются от окраин к центру,

как солдаты осадной армии. Так пал Иерусалим. Так после двадцати двух лет сопротивления пал Йоханнесбург. Король захаркал и громко сплюнул, удаляющийся носильщик не оглянулся. Сюда свозят и сваливают всех, домами, улицами. Каир не был размещен в верней части списка медийных драм, Король не знал, какой генвер стоит за этими смертями. Не исключено, что это еще один побочный эффект сколов стаза ЕС, перенесенных над Средиземным морем; такие вещи случаются постоянно, и никто не может сказать, что послужило причиной чего.

Король Боли моргнул, потер глаза — это было ошибкой, они стали слезиться, картинка еще больше размылась, — проморгавшись, он сосредоточил взгляд на двери ближайшей хижины. Изнутри шел тусклый свет; на этом фоне зыбкой тенью отделился закутанный в черные одежды низкий силуэт. И только услышав хруст гравия под его ногами, Король обрел уверенность, что это не обман и не игра света и тени. Он с усилием поднял голову. Увешанная металлическими украшениями старуха склонилась над ним, провела по его лбу большим пальцем с кривым ногтем, тот был намазан каким-то животным жиром; так помазала она его в крестном знамении, над

носом, на губах, на груди. На ее открытом лице с глубокими морщинами скрещивались фиолетовые линии татуировки. Кряхтя, она присела на корточки возле Короля. От нее пахло навозом и гарью, из узких ноздрей у нее росли зеленые лозы.

— Теперь расскажи мне о зле этого мира.

— Кте… — Он откашлялся. — Где нас?..

— Дарб Аль-Акмар, — продолжала хихикать она. — Думаешь, я наемница, что работаю только ради денег, как и ты? Своими руками, — она протянула к Королю артритные руки, — я бы передушила всех этих туристов несчастья. Выходные на проксике в Камбодже, выходные на проксике в Иерусалиме. То, что для них это развлечение, — полбеды. Хуже, когда они начинают проявлять сочувствие, и из них вырастают такие воскресные террористы.

— Значит, достаточно поймать злодеев, да? — Он поднялся в полусидящее положение. — Откуда ты родом? Пластусы рождались только в Европе. Наверное, твои родители… Отсюда? Из Африки?

Она провела ногтями по его лицу, боль смешалась с болью, Король улыбнулся из-под язв.

— Откуда в этом мире берется зло? — прошептал он. — Не преднамеренное зло, мысль о чужом

несчастье, ведь это всегда рождается в душе другого человека, — но все пережитое зло, то, что мы называем болью, страданием, несчастьем, несправедливостью. Откуда?

Он указал на переулок трупов.

— Кто-нибудь спланировал такую их жизнь? Кто-то задумал и осуществил такую садистскую мечту: обречь миллионы на прозябание в грязи, нищете, болезнях, мраке и страданиях, оставить их на произвол всех дионизидов, бушующих под Открытым Небом, превратить целые народы в орды монстров AG? Такие мрачные типажи можно встретить только в комиксах, фильмах и играх, причем самых глупых. Дьявольские диктаторы, гениальные гангстеры, безумные ученые, стремящиеся получить «власть над миром», — почему их никогда не изображают уже наделенными этой властью? Это даже невозможно достоверно вообразить. Простая истина такова, что миром никто не управляет, за этой реальностью не кроется никакого намерения.

— Не должен же каждый сразу представлять себе Мефистофеля.

— Люди создавали богов, олицетворяя в них силы природы, — теперь они создают персонажей поп-культуры, олицетворяющих силы, которые

до сих пор остаются за пределами понимания. Откуда зло? Почему миллиарды страдают? Кто это сотворил? Кровожадные капиталисты. Евреи, масоны, коммунисты-подпольщики, католическая церковь, правительство Соединенных Штатов, Всемирный банк, брюссельские бюрократы, Уолл-Стрит. Бездушные СМИ. Инженеры AG. Иллюминаты. Заговор пластусов. Заговор ЦРУ. Китайцы. Я могу продолжать, эту литанию знает каждый ребенок, это боги тьмы двадцать первого века. — Король беззубо оскалился. — А на самом деле — на самом деле ты сама лучше всех знаешь, как это выглядит, наверняка сама не раз сидела за столом, когда протоколировалась беспомощность. Это зло, это величайшее зло, которое одним движением обрекает на страдания миллионы, которое несет благополучие меньшинству и нищету массам, не исходит от души какого-либо человека. У него нет одной простой причины — поэтому оно и остается неназванным, а лицом его становятся киношные негодяи.

— Ты говоришь о джунклях. Это джункли.

— Что?

— Мы живем в джунклях, и ты хочешь сказать мне, что мы все давно живем в джунклях. Зло, то есть боль, несчастье — случается с нами.

— Даже когда мы запускаем в мир яды, смертоносные вирусы, генверы пандемии, никогда нельзя с уверенностью утверждать, что именно они стали причиной бедствия — возможно, да, возможно, нет, возможно, на какой-то процент, возможно, только в сочетании с другими генами.

— Наши поступки идут с одной стороны, а с другой стороны исходит зло или добро, но внутри — внутри только хаос, черный ящик, джункли, где невозможно уловить причину и следствие. Удобно.

— А разве это не так? — Король откашлялся. — Ты можешь сказать, к примеру, кто убил этих людей?

Тем временем носильщик мертвых и умирающих вернулся с очередным грузом, он скидывал тела под стену трущоб, и те сползали в сточную канаву. Прибежал крысопёс, вгрызся в костлявую икру мертвеца. Горбун развернулся. Он снова даже не взглянул на Короля.

— Кто? — заорал Король. — Как ты найдешь виновного? Дионизиды из одного стаза, дионизиды из другого, посев каких-то террористов, но наверняка и гены из вакцин ВОЗ, бог знает что еще, — и так рождается химера, рождается зараза. Тогда

кто? Может, политики? Но какие? Все? Вернемся к комиксам и теориям заговора.

— Мораль хаоса.

— Добро пожаловать в джункли.

— И все же ты не позволил племяннице уйти с террористами.

— Какое это имеет отношение —

— Ты прекрасно знаешь.

Он скривился.

— Почему плохие вещи всегда случаются с хорошими людьми?

— Когда они случаются с плохими, в итоге всё оборачивается добром, так что это не такие уж и плохие вещи, не так ли? А ты — что? Ты куда себя относишь?

— Боюсь, что я — те самые плохие вещи, которые случаются.

— Ты перешел на сторону джунклей.

Король схватил женщину за руку. Она дернулась в рефлексе отвращения, но он не отпустил.

— Почему ты отождествляешь хаос со злом? Это предубеждение, сказочная схема. В хаосе, в беспорядке, в неупорядоченном движении миллионов единиц, в слепом смешении всевозможных взглядов, методов и целей, — там ты в безопасности, там ты всегда найдешь, куда сбежать,

всегда кто-то защитит тебя. Хаос не способен на великое благо, не способен на великие идеи, он не построит Китайскую стену, не провозгласит одним указом счастье и процветание на всей Земле, — но по тем же причинам не способен и на великое зло, он не строит концентрационные лагеря, не сбрасывает атомные бомбы, не порабощает народы, не принуждает людей к подлости. Бояться нам нужно лишь великого порядка. Пусть тебя не обманывает риторика: террористы всегда действовали во имя порядка, своего порядка, стремясь уничтожить старый уклад, чтобы заменить его новым. И только Муравьи, только террористы времен джунклей действительно выступают во имя хаоса, это терроризм совершенно нового типа — только поколение Янки осознало, что единственное решение — это покориться хаосу. Не взять власть, усилить контроль и ввести утопию под принуждением — но отказаться от власти, отдать контроль над человеком тому, что человеку невозможно контролировать; искать утопию в анаркии. Они увидели счастье в хаосе, я тоже, я тоже, кажется, вижу его.

Она наклонилась, чтобы влить ему слова прямо в ухо.

— А истина за всеми этими словами такова,

что ты просто не можешь назвать виновника собственных страданий.

Король отпустил ее.

Она встала, подметая мусор черными юбками.

— Сколько у меня времени на раздумья? — спросил он.

— А сколько тебе нужно?

Он подозрительно посмотрел на нее.

— Откуда такое внезапное великодушие?

— Дайте нам время, дайте возможность, и тогда мы сами во всем убедимся. Разве это не истинное благословение пластичного разума? — насмешливо рассмеялась демоническая старуха. — Сколько времени тебе понадобилось, чтобы убедить себя, насколько чудесен и увлекателен путь обмана и преступления? А сколько времени, чтобы поверить в хаос и террор, признать правоту Кужаевского и Ивана? Я подожду.

Именно для этого ее и наняли — он это прекрасно понимал, — для того и поместили ее в проксика 4e33a: пластус, выпущенный против пластуса. Она меняла стратегии убеждения столь же быстро, как он менял свое мнение. Во все важнейшие переговоры стороны привлекали советников-пластусов, но им никогда не давали полномочий принимать решения: если перего-

воры доверить исключительно пластусам, они бы изменили позиции друг на друга на 180° — а затем объяснили каждый разворот с железной логикой.

Сделав три шага, старуха замерла, словно ее остановил внезапный лаг; она взглянула через плечо. Король Боли уже собирался выкуколиться и замер в полужесте.

Старуха поднесла палец к губам, наклонила голову, бренча ожерельями.

— Как ты узнал, что я не она? Я что-то не так сказала, да?

— Нет.

— Я вела себя по-другому?

— Нет, кажется, нет.

— Тогда как ты это узнал?

— Не знаю.

Она обнажила в отвратительной улыбке заросшие десны.

— Похоже, вы очень близки.

Король Боли смущенно молчал.

Король Боли и человекочеловек

Ночь над Тиргартеном[37]. Ни звезд, ни луны. В небе красочная реклама, нарисованная лазерами на облаках дионизидов: фиолетовый, желтый, зеленый. Ниже, в хаосе огней Берлина, преобладает красный цвет. Пухомотыльки и феи кружат над улицами и парком, распространяя Радость, Беспечность и Похоть. Музыка звучит так громко, что по коже пробегает озноб, и, когда открываешь слишком долго прищуренные глаза, мир колеблется, как раскаченный колокол. Бум-лум, лум-бум, б-бум.

Она выпала из толпы дервишей, с которыми в танце прошла два квартала; они побежали дальше, она переместилась на газон и в тень деревьев. Она ловила прохладный воздух широко раскрытым ртом. Пот блестел на хамелеонском макияже, покрывающем ее кожу. Она продолжала двигаться танцевальным шагом, покачивая в такт головой и напевая двусложную мантру. Красная фея пропорхнула над девушкой, осыпая ее блестящей пылью; та сделала глубокий вдох и громко рассмеялась. Пара, сидевшая рядом на траве, подняла глаза. Девушка двинулась в танце к ним. Перед ними была раскрыта большая книга,

[37] Примечания: 37
Крупнейший парк в Берлине.

белые страницы резали девушке глаза. Она закружилась в пируэте, после чего упала мужчине на колени. Он хотел поднять ее, но она повисла у него на шее, потянувшись к поцелую. Он толкнул ее на траву, на книгу. Следующую фею, присевшую на плечо, девушка схватила и проглотила. Однако каждое последующее ее движение становилось всё более вялым и сонным; она уже почти спала, неудобно вытянувшись на земле. Широко улыбаясь, что-то бормотала едва слышно под гром музыки. Пара встала, так и оставив ее на траве: пестрое пятно на фоне темной зелени, в красном отсвете города и графитовых тенях деревьев. Один глаз девушки все еще был открыт, она перевернулась на бок, почувствовав укол под ребро стального пера. Страницы книги были покрыты долгой вязью рукописного письма, очень стройного, с абсурдно большими буквами. Что там написано? В тот момент она не знала ни одного человеческого языка. Она перевернулась и легла навзничь. На девушку слетались пухомотыльки, словно пчелы, привлеченные сладостью, их рой был слишком большим, чтобы сопротивляться. Она протянула к ним руку. Они опускались пурпурной спиралью, под ритм экстатических басов. Небо колыхалось над девушкой,

лум, лум, с каждым вдохом она уплывала всё выше, к разноцветным ночным облакам, в яркие образы чистого удовольствия.

Король Боли осмотрелся еще раз из-под арки парадных ворот, невольно преграждая дорогу 4e33a.

— Так, как и она.

— Ммм?

— Ты спросишь ее — что она тебе скажет? Ничего не скажет. Она не знает, кто она, не знает, кем будет.

— Пойдем.

4e33a взяла его под руку. Колонна дервишей уже исчезла в перспективе проспекта в направлении зоопарка. 4e33a и Король перешли на другую сторону, где тени были глубже и меньше Радости в воздухе. Вела 4e33a. По подвижному мостику они перешли на один из островков, растянувшихся на темном озере. Кто-то стоял здесь, высокая фигура склонилась над водой — нет, это статуя. Они присели на каменный постамент. Музыка казалась здесь не такой оглушительной, но все же громче дыхания, громче звука глотаемой слюны. Невозможно говорить шепотом. Король Боли взглянул на 4e33a. Она смотрела вперед, на сияние города над чащей Тиргартена. Он поднял

руку — она почувствовала его намерение, отстранилась, прежде чем он успел ее обнять.

Король специально постарался сделать проксика максимально похожим на свое оригинальное тело, поэтому ожидал подобных рефлексов: он ничем не напоминал прекрасного любовника из Оликарта.

Однако он сразу понял, что это не рефлекс.

— Это видно, — сказала она. — Твой почерк.

— Ты узнала.

— Да, это ты. — Ему потребовалось три дня, прежде чем он снова вышел на контакт с 4e33a через клубы каллиграфии и, уже находясь под деловым крипто, добился ее признания, что она тоже живет в Европе; это сыграло свою роль. Им потребовались три часа импровизированной каллиграфии, чтобы поверить друг другу. Она ехала на собственном теле, он на проксике. И всё же он ожидал, что 4e33a не до конца избавится от сомнений. — Ты, но не ты. Я тебя предупреждала. А теперь…

Король пожал плечами. Привлечение в LPG «Мафиозо» он вовсе не расценивал как ошибку. Интерпол так или иначе подцепил бы его на крючок, он определил свою судьбу в тот момент, когда решил переправить Янку обратно в ЕС,

когда не доложил властям о ее террористических связях. В любом случае, он будет отвечать за соучастие и сокрытие.

— Я тебе все рассказал, — пробормотал он.

Она подняла голову.

— Я тебе все рассказал! — повторил он громче. — Ты же знаешь, что у меня нет выбора. Поддамся ли я шантажу или нет, сделаю я что-либо или не сделаю… — Он снова пожал плечами. — То, что Брюссель так заинтересован в блокировании анаркийского автостаза, — лучшее доказательство того, что Север действительно собирается перейти на эту биологию, что это вопрос отнюдь не лет; скорее, месяцев, недель. У них не осталось времени на демократические процедуры, они поставят политиков перед фактом: вот, это очередной апгрейд генетики Закрытого Неба. Люди тоже не сразу сориентируются. Только когда автостаз развернется в Artificial Genetics, не предусмотренную ни в каких стратегиях Живицы, когда Homo sapiens с каждым полнолунием все меньше и меньше будет напоминать Homo sapiens — только тогда они поверят пропаганде альтеррористов. — Король наклонился, уперся локтями в колени. Запах проточной воды напомнил ему о весенней грозе из детства: тогда

он разбил стекло, чтобы попробовать на вкус дождевую воду, она чудесно болела. — В любом случае, для меня будет уже слишком поздно. А-стаз поглотит мой дом и сад с первым сильным ветром. Это конец пластусов, конец всех неврологических химериков. Поддамся ли я шантажу или не поддамся — дни Короля Боли сочтены.

— Зачем ты мне это —

— Я не знал, что ты замужем. Семья. Что. Да. Мне никогда ничего не —

— Ты же сам хотел! В том-то и было дело, разве нет? Абсолютная свобода абсолютной анонимности. Пока однажды вечером ты не начал рассказывать о проблемах своей племянницы.

— Потому что ты уже догадалась! Ты расспрашивала о пластусах!

— Ничего подобного!

Он рассматривал ее краем глаза — подглядывал, это было подходящее слово, подглядывал за ней, в тени, из тени. Хороший, изящный скелет со свеженарощенными мышцами, лицензированная подростковая кожа. Во второй час каллиграфии 4e33a рассказала ему, кто ее муж, что он владеет контрольным пакетом ULI Orbitals. В третий час она рассказала ему о своих внуках и правнуках.

— Во всяком случае, я тебе не выдал ничего,

что —

— Что ты нейрохимерик и что —

— Но даже имени —

— Меня зовут Грета Вильберг-Мюллер.

Он дернулся, словно пораженный шрапнелью, и отскочил от статуи, остановившись только у самой кромки озера.

— Ну и з-з-зачем… зач-ч-чем нужно было… — Он растерянно размахивал руками и пинал носком ботинка влажную почву.

Грета сложила руки на груди.

— Теперь ты спросишь меня, неужели я тебя никогда не любила, а я отвечу, что, возможно, ты рассердишься и —

— Учебник напиши!

— Я просто не понимаю, чего ты, собственно, от меня ожидал. Что я вместе с тобой совершу самоубийство? Сколько тебе лет, пятнадцать?

— Глава третья «Неизбежная жестокость».

Она начала хихикать.

— Ты очаровательный!

Только тогда он поверил в Грету Вильберг-Мюллер. И встряхнул калейдоскоп.

— Это не твои знакомые.

— Что?

— Не только они. Ты тоже. Ты в первую оче-

редь.

— О чем —

— Life Playing Game «4e33a». Я тебе достался по жребию, я прав?

Она устремила взгляд в сторону.

— Это я себе досталась по жребию. В этом и заключается игра, ты же знаешь. Когда ты живешь так долго, как я… Слишком долго. Ты начинаешь скучать. Здесь должно быть другое слово, скука к этому относится, как шепот к крику. Это сосание в центре головы, дыра в мыслях, мир за бронированным стеклом. Это —

— Я знаю.

Кто должен был это знать, если не пластус? Король сел на влажную траву, скрестив ноги. Грета повернула голову, прижавшись щекой к статуе, чтобы не смотреть на него. Король, напротив, смотрел на нее открыто. Кем она была до того, как начала играть? Какой персонаж предшествовал 4e33a? А какой предшествовал тому? Как бы выглядел почерк оригинальной Греты Вилльберг-Мюллер, спонтанная каллиграфия Грето-Греты?..

Ему пришло в голову, что люди, по сути, давно играют в LPG, что это желание выйти за пределы себя, преодолеть парадокс — я не подумаю о

немыслимом, не представлю себя иным, нежели могу себе представить, будучи собой, — это чувство, характерное для человека как человека, сопровождает его с незапамятных времен. Меняются только методы игры.

Некогда внешнее побуждение санкционировалось религией, высшим существом, авторитарным правителем. Одним из первых Учебников Игры были Десять Заповедей. Игра развалилась в девятнадцатом веке, когда люди массово стали выбирать религию и этический кодекс на свой вкус, и поэтому побуждения уже не были подлинно чужими, они перестали исходить извне. Неполноценной их заменой стали курсы ментальной дисциплины, различные секты и медитативные методы лечения, учебники самореализации, а также боевые искусства. Однако и здесь решение всегда в какой-то степени зависит от человека. Но никто сам себя не поднимет из болота за волосы.

Некогда внешнее побуждение санкционировалось религией — теперь мы преднамеренно покоряемся стихии, хаосу, называемому хаосом, в нем наше спасение. Не нужно красивых оправданий, масок самообмана: мы желаем отдать контроль, вывести власть над собой за пределы

себя. И это не может быть выбором — сознательным или подсознательным — ибо что это за раб, который является господином своего господина?

Марксисты-креационисты правы. Кто создаст нового человека? Не прежний же человек.

Что такое проект автостаза, если не побег в Life Playing Game в масштабе цивилизации?

Без внешней точки опоры люди никогда не поднимутся.

Король Боли энергично вскочил, подошел к Грете, взял ее за руку.

— Я все подготовил. Завтра ты получишь посылку с изготовленным на заказ парфюмом. Это не будет парфюм. Все, что вам нужно сделать, это нанести немного на голую кожу. Потом, не знаю когда, через неделю, через месяц, может, вечером, может, утром, ты увидишь их перед домом.

— Увижу — кого?

— Кузнечиков.

— Что?

Он потянул ее; она встала растерянная.

— Пойдем, возле кафе у Englischer Garten есть салон Ллойда.

У нее не было времени колебаться, сформулировать возражение, придумать отговорки — от чего? Не успела она оглянуться, как они вновь

шли по аллее; горячие тени покрывали их неоновым румянцем; мимо проходили вереницы участников Фестиваля Отчуждения; музыка, сотканная из раздражающей дисгармонии, врезалась в барабанные перепонки, грохот за грохотом, над деревьями мелькнула Колонна Победы в короне раскаленных лазерами дионизидов, Король не позволял Грете замедлять шаг, он прилип к ее боку, выкрикивал ей прямо в ухо объяснения, о которых она не спрашивала, его голос вновь дрожал от пластусового самодовольства:

— Интронный Контрабандист! Он работает на трех организмах! Шифраторе, Контрабандисте и Дешифраторе! Только версии у них специфические. Они используют больше носителей. Шпионская версия — сначала запускает организм, крадущий шифруемый материал. А транзитная версия — добавляет следующих Контрабандистов. Но принципиально! Как работает такой генвер? Шифратор шифрует поданный ему геном по уникальному ключу. В зашифрованном виде он помещается в интронный мусор генома Контрабандиста. Теперь контрабандные гены незаметны среди остального интронного шума. Контрабандист без проблем проникает в самый параноидальный стаз. Он встречается

с Дешифратором и передает ему полный геном — здесь необходим физический контакт. И в теле Дешифратора происходит отключение интронов. Ключом может служить любой оригинальный геном. В крайнем случае, Дешифратор — это любой несерийный организм. В зависимости от версии Контрабандиста, расшифрованные гены либо немедленно применяются к Дешифратору, либо, уже обнаруженные и активные, передаются еще одному организму. Контрабандист был разработан для проникновения в Закрытое Небо. Владение синтезаторами жизни считается здесь тяжким преступлением. Как и любое другое оружие массового поражения. Так что удобнее начинать с готового организма, а не с чистой информации. В качестве Контрабандистов используются в основном насекомые. Реже птицы или рыбы. Невозможно остановить движение фауны между стазами. В таком случае нужно было бы закрыть весь стаз гермой, но это не получится. Вот почему в настоящее время Комиссии по сохранению жизни стремятся к такой генетической дифференциации отдельных стазов, особенно смежных, чтобы мигрирующим видам не оставить пустого места в геноме. Исключить интроны и подобные буферы. Впрочем, Брюссель

постепенно отказывается от двойных спиралей, от хромосом. В моде кубистическая генетика и векторные языки. Но пока. Пока! Пока что есть левовращающаяся ДНК! Саранча пересекает континенты! Бабочки пролетают сто миль в день! Умрут они, не умрут, цепи поколений Контрабандиста бесконечно длинны. Достаточно одного! Кузнечика!

Кафе было открыто и полно людей, как и салон прокси внизу. Король подкупил начальника зала, чтобы тот пустил Грету в кресло, отведенное для другого клиента. Она села, продолжая вопросительно смотреть на Короля. Это была типичная уличная кукольня, максимум четыре часа за сеанс, отсутствие медицинского оборудования, физиология на автопилоте, полная предоплата. Король заплатил, набрал адрес.

— Я жду тебя, — сказал он и протянул Грете куколь. В кресле слева сидел усатый турок, справа — демон-подросток.

— Ну же! — поторопил ее Король. — Ты входишь?

— Вхожу! — прошипела она и натянула на голову черную ткань.

Король Боли перекуколился.

В сердце джунклей, под трупапортником, три

странобезьяны играли в камешки. Остальная стая расселась на залитой солнцем поляне рядом. Король перестал искать толстую самку, поднялся на кривые ноги и поплелся к игрокам.

— Хтщ шледуший в очеди? — рявкнул он, стукнул себя в грудь, сплюнул, откашлялся, отхаркнулся и повторил: — Кто следующий в очереди?

Он уже заметил ее: низкая странобезьянка с белой шерстью, внезапно проснувшаяся, щурится в вечернем солнце, зеленом от поднебесных зарослей, сквозь которые его лучи вынуждены пробиться, прежде чем упасть на поляну; она щурится, неуверенно поднимает руки, встает на слишком короткие ноги, оглядывается, открывает рот…

— Сюда! — Король сорвал шляпу с головы одной из играющих обезьян и энергично замахал ею. — Грета!

Она подошла, слегка спотыкаясь и подпирая себя руками.

— ТШ, Щ, КШ, — начала она.

— Медленно. Гласные сначала.

— Но-о-о —

— Отдай же!

Король представил обезьяну, которая толь-

ко что снова надела себе на голову обвислую шляпу.

— Гильо от Ивана. Тот, кто в бейсболе, — Вия Морда, шаман Освобожденных мануфактур Объединенной церкви пляжного волейбола. А тот, со шрамом на морде, — помощник Гильо —

— Жоао Фернандес-Аргуэльес Робакевич, гречкосей, — буркнул он, подбрасывая высоко в воздух белый камешек.

— Очприятно, — сказала Грета.

— Пойдем, сама увидишь —

— Эй! — Гильо поднял глаза. — Мы собирались резать карты! У тебя есть сканы?

— Вчерашний бросок уже вернулся? — Король посмотрел в сторону заката, под солнце.

— А чего, по-твоему, мы здесь ждем?

— Что-то растет над Рио-Канача, — пробормотал Вия.

— Что?

Вия пожал плечами, отчего казалось, что его и без того короткая шея окончательно запала в выпуклую странобезьянью грудную клетку.

— Мы спустили с воздушного шара последних шпионов. Я выложу тебе файлы.

— Окей.

— Ага, после наступления темноты не заходи

в воду.

— Знаю, знаю.

Король Боли и Грета направились в глубь джунклей.

Едва они спустились с обезьяньей поляны на узкую тропинку между деревьев, как стали проваливаться по щиколотки, по икры, по колени в грунт, мгновенно утративший твердость и превратившийся в черный кисель.

Грета выбралась благодаря лиане; Король помог ей.

— Я забыл. То, что в тени… Нужно ходить по камням, корням. В общем, лучше всего перебираться с ветки на ветку. Но ты бы упала. Я тоже пока не научился.

— Тарзан божьей милостью.

— Да, пару раз я уже ломал себе шею, прыгая по лианам.

Они шли, ступая по корневым системам, выступающим из дышащей паром почвы, по наклонным стволам, по старой древесине. Тропинка оказалась бутафорией тропинки: они видели выступающие над поверхностью земли фрагменты тел животных, лапы, хвосты, длинные клювы, голые кости, черепа и останки, которые трудно было соотнести с конкретным видом, или

метавидом, или даже с той ролью, которую они должны были играть в организме. Кости — но, возможно, не кости. Конечности — но, возможно, не конечности. Рог — но, может быть, и сердце — но, может быть, и мозг — но, может быть, и нечто, выходящее за пределы названной биологии.

Жили ли в земле под джунклями какие-нибудь невидимые хищники? Была ли сама земля хищником? Некоторые из полуувязших членов выглядели для Греты тревожно похожими на ее собственные руки и ноги — руки и ноги ее нынешнего проксика.

— Проблема в том, — говорил Король Боли, — что вживление не годится для искаженных нервных систем. То есть мы ловим стаю странобезьян, проксицируем их и выпускаем в джунгли, но как только они попадают в какой-то автостаз или просто в такую область AG, где организмы переписываются на радикально иную биологию, мы теряем контроль над проксиками. Вживление было разработано для нервных систем Homo sapiens и подобных, в любом случае полученных от позвоночных, основанных на традиционной генетике. Мозг, нейроны, аксоны, синапсы, электрические импульсы, ионы натрия и лития и так далее. Но чем глубже мы заходим в джунгли,

тем труднее найти животное, у которого вообще имелось бы что-то вроде мозга.

Грета вырвала из-под кожи какого-то жука, состоящего в основном из клещей и жала, и некоторое время рассматривала его, наклонив голову.

— Я знаю, что у ULI Orbitals есть в разработке небелковые проксиционные сети, — сказала она.

— Ммм?

— Как только они устранят проблему задержки трансмиссии, ты услышишь об Ангелах Вакуума, тысяче евро за минуту аренды: существах, спроектированных с нуля в биологии открытого космоса, бабочках солнечного ветра. Конечно, на совершенно иной неврологии и другой генетике.

— Ну, ДНК мы давно оставили позади.

— Что?

Король Боли махнул в сторону, противоположную направлению их движения.

— В ста пятидесяти милях к востоку отсюда проходит граница аминокислотных генетик.

Грета рефлекторно взглянула на свои руки, надавила на мышцы, коснулась морды странобезьяны.

Король рассмеялся и погладил шерсть на ее голове.

— Это еще мягкие трансляции, — сказал он. — Фенотип держится. Но там… Пошли.

Мягкие трансляции, однако, не означали, что все здесь осталось в соответствии с первоначальной биологией Земли. Различия были незначительными, но тем более удивительными. Демоны, гибриды и химерики, выпущенные инженерами AG, всегда имеют какую-то цель, они предназначены для определенной функции или для заполнения определенного места в экосистеме. В свою очередь, защитные Artificial Genetics Севера и Юга вообще не ставят цель изменить экологическое равновесие или манипулировать фенотипами: там AG переписывают организмы на все новые языки генов, оставляя саму форму организмов — насколько это возможно — неизменной. Точно так же на звучание почти не влияет, записана ли она на восковой валик, виниловую пластинку, цифровой носитель или на резонансный кристалл. ДНК — это всего лишь один из возможных языков для описания Жизни. Однако у джунклей нет цели; джункли никто не проектировал; джункли борются сами с собой. Сотни запущенных в стихию южноамериканских дебрей террористических AG превратились в процесс, несравненно более хаотичный, неже-

ли естественная эволюция. Они преодолевали целые территории — акры, гектары, — ставшие бесплодными в столкновении с расходящимися биологиями. Деревья, кустарники, цветы, грибы, травы, сорняки, мхи, — как будто во все въелась злокачественная опухоль, убивающая, высушивающая, обращающая в камень любую ткань. А потом — десяток метров, и как ножом отрезали: новая жизнь, новые комбинации флоры и фауны. Король Боли рассказывал Грете о ходе войны, о воспроизведенной по остаткам проигравших генетик истории и эволюции автостазов джунклей.

— Суть игры заключается в том, чтобы вовремя определить выигрышный автостаз. Мы отображаем джункли в соответствии с охватом отдельных генетиков и стазов, наблюдаем динамику изменений, ищем центры принятия решений, органы интеллекта, если они вообще существуют; Древа Известий ведь могут быть исключением — всё для того, чтобы как можно скорее распознать сильнейшую генетику. То есть ту, которая вытесняет другие, лучше всего адаптируется, легче всего приспособится к новым условиям и будет реагировать на угрозы. Распознать — и войти в нее. Люди из-под Закрытого Неба никогда не

поймут этого, только такие игроки, как мы…

Грета только закатила глаза, это было похоже на кратковременный обморок обезьяны.

Король Боли ударил сжатой ладонью в раскрытую ладонь, забывшись во внезапной резкости.

— Ты входишь — но не знаешь, кем, чем ты в конечном итоге станешь внутри. Ты можешь только занять первое поле, ты не можешь предсказать, куда игра понесет тебя далее. На этом основывается преимущество а-стазов перед управляемыми человеком стазами: они адаптируют себя сами, им не нужно каждый раз дожидаться новой программы из Живицы. Вот во что мы здесь играем.

— Ты и —

— Марксисты-креационисты, волейболисты, часть ктулхистов, Муравьи. Анаркии, террористы, альтеррористы.

Она взглянула на него с обезьяньей серьезностью.

— Ты нашел последнюю версию LPG.

Он громко расхохотался, так что у него загудело в груди.

— Это она меня нашла! Это самое прекрасное во всем этом! Они не оставили мне выбора! Пара месяцев раньше, пара месяцев позже — какая разница? Я предпочитаю поиграть по-пластусски.

Они еще удивятся. — Он склонился над Гретой, его странобезьяна была выше ее. — Поиграешь со мной?

— Кузнечики?..

Он почти не дал ей время вставить слово.

— Комитеты по Консервации Жизни хотят блокировать, замедлять автостазы, поскольку они боятся, что в этот момент те окажутся сильнее, чем стазы Закрытого Неба; они бы поглотили их, переписали на свой манер или просто вытеснили и уничтожили. Конечно, от анарклэндов Южной Америки до Европы путь неблизкий, так что Север может успеть пересесть на равноценные а-стазы — но действительно: если уже сейчас переправить этот амазонский автостаз в ЕС, если там скопировать его спорангию, разгрызть изнутри?..

— Но зачем? Почему?

— Чтобы они не смогли установить над этим контроль! Чтобы отдать власть случаю, опередить их порядок. Во имя хаоса! — кричал он. — Потому что только такая надежда у нас осталась: человек, не созданный человеком.

Наконец они вышли из-под темно-зеленого покрова джунклей, еще несколько шагов по ороговевшим корням деревьев, деревьев, которые

медленно вращались над ними на ветру, — и остановились на залитом солнцем склоне. Он спускался сначала полого, затем все более круто, к заводи, на севере которой начиналось русло реки. Та была бледно-зеленой от густого слоя хлорофилла. Но чем дальше на запад, тем меньше зелени просматривалось в ландшафте. Они подняли головы, обезьяньи бакенбарды задрожали на ветру. Горизонт на западе загораживала стена плато, через его край переливался водопад, расчесанный скальными отрогами на несколько широких и узких белесых струй. Там, у его основания, вода имела цвет воды. В облаке распыленных в воздухе мельчайших капель медленно кружили клубы, перекаты и скопления пены. Глухое эхо равномерного грохота доносилось до Короля и Греты, сидевших под макушкой склона, на одной трети высоты плато.

Король Боли указал длинной рукой на навес вертикальной стены.

— Там начинается территория автостаза, который в рейтинге ивановцев считается ведущим.

На фоне заходящего солнца над краем плато прорисовывались невнятные фигуры: не деревья, не растения, не животные, нечто угловатое, нечто слишком правильное, чтобы можно было

назвать это творением природы — такой природы, какую до сих пор знала Земля. И, прежде всего, цвет — этот цвет был не цветом жизни, известной Земле: не зеленый, не бронзовый, не желтый и даже не синий, а металлически серебряный, матово-серый и насыщенно черный, как копыто Люцифера.

Грета по-человечески прищурилась.

— Мало что видно. Вы хоть представляете, что там происходит?

— Странобезьяны не возвращаются, даже специально адаптированные, впрочем, им выкручивают из мозгов проксиковые вживления. Человеческих добровольцев мы даже не пробовали. Для человекочеловека это страна, непригодная для жизни: генетика настолько разная, что ее вирусы или бактерии даже не распознают нас как живые организмы — убивает сама химия. По орбитальным сканам видно, как меняется состав атмосферы, все меньше кислорода, все больше тяжелых соединений углерода. Мы спускаем с воздушных шаров шпионских роботов. Хочешь посмотреть видео? Я брошу тебе на тот же адрес, скачай себе на куколь.

— Давай. Прислал?

— Прислал.

++ +

…шип, струна, спираль, гексагональная сеть, стена черных сот, разрезанная на геометрические ячейки, как кристалл, разделенный симметрией химических связей, — только когда в картинку вклинивается одна из ног робота, становится понятен масштаб этой сети: каждая клетка больше лапы робота, а ячеек тысячи…

…побеги, жгутики, жилки, корни, как органические кабели выступающие из щелей в спекшейся до состояния стекла земле и вцепившиеся в гнезда/рты/анусы животных, которые собираются на этой угольной равнине под большой Луной…

…животных, которые держатся друг от друга на одинаковом расстоянии и двигаются медленно, словно в растянутом во времени фильме, который внезапно обрывается: бесшумные спазмы подбрасывают их, их терзают невидимые разряды…

…животных, произошедших от животных, животных, произошедших от растений, животных, произошедших от людей, и животных, произошедших от того, что не может произойти по законам естественной эволюции…

…человек, обезьяна, птица, насекомое не может быть всем этим, но как он ведет себя, как он

смотрит — бесстрастная интенсивность взгляда стервятника, — он смотрит на меня, подходит, колени высоко, локти от тела, прямая шея, острый кадык, и теперь внезапная судорога членов, как трепет конечностей сломанного автомата, после чего он поднимает одну ногу и, остановившись в полушаге, с лицом, обращенным к затянутому ядами небу, издает высокую, протяжную трель, визг, переходящий в ультразвук, на который отвечают другие писки, громче, быстрее, один, другой, десятый, как машинные залпы информации, сжатой до секундных импульсов какофонии…

…из дыма, из глубины черных паров, из холодных туч тяжелых газов, из геометрической тьмы…

++ —

Король Боли смотрел, как Грета стряхивает с себя скачанные в чувства изображения; сам он только заглянул, так как видел эти записи раньше. Проксик Греты какое-то время тряс головой и хватал воздух широким ртом.

— В это… в это вы хотите себя переписать?

Король пожал тяжелыми плечами.

— Что победит. Посмотрим. Дело в том, что у нас нет здесь никакого выбора, у меня нет выбо-

ра. Какой стаз победит, тот и победит.

— Не скажу, чтобы меня это вдохновляло.

— А чего ты ожидала? Цветочки, бабочки, ангелочки? Не бойся, эстетика последует за биологией — в итоге и в этом ты увидишь красоту.

— Ах! — Она широко раскрыла глаза. — Значит, именно туда запустили твои гены? Это то, что выросло на пластусовой неврологии?

Она посмотрела на Короля, на плато, снова на Короля.

— Королевство Боли.

Он отвел взгляд.

— А какое это имеет значение? Гены — это гены. Раз уж их бросили в этот плавильный котел… Ммммм. Только…

— Что? Что ты опять задумал?

Король нахмурился толстыми, как большой палец, бровями; они нависали над его глазницами в монгольских складках, обезьяны не должны быть способны на подобную мимику.

— Какой будет следующий этап? — медленно произнес он. — Потому что это, конечно, не конец. Нет конца. На все найдется ответ.

— Ммм?

Он карикатурно сгорбился и нацарапал на земле, между плоскими стопами:

ТЕРРОР → БИОТЕРРОР → ГЛОБАЛЬНЫЙ БИОТЕРРОР →

АНАРКИИ И СТАЗЫ → АВТОСТАЗЫ →?

— Одно неизбежно порождает другое, как болезнь порождает лекарство, а меч — щит. Это невозможно остановить. Наверняка появится ответ и на автостазы. Какой? Когда? Откуда он придет? И что, что это будет?

Грета басовито хихикнула.

— Хочешь знать? Ты не хочешь знать!

Он выпрямился, посмотрел на нее с внезапной серьезностью.

— Так. — Он поискал бесформенной ладонью ее ладонь, обезьяньи пальцы сжались на обезьяньих пальцах. — Мне кажется, что сейчас, ха, сейчас, когда уже слишком поздно, я, наконец, разыграю все как надо.

— Ммм?

Он снова вытянулся на склоне, между твердыми когтекорнями вертодерева. Грета лежала рядом. Король Боли подумал, не смотрит ли случайно на них с водопада какой-нибудь шпионский робот Освобожденных мануфактур Объединенной церкви пляжного волейбола и марксистов-креационистов, и что он видит, если смотрит: две странобезьяны, каждая из разных видов, с раз-

ными пропорциями тела и черепно-лицевых костей, две странобезьяны, лежащие на склоне пожухлой зелени, в тени и сиянии заходящего солнца, под спутанным пологом джунклей, две странобезьяны, заглядывающие друг другу в глаза, держащиеся за руки, — извращенная пародия на образы человеческой нежности.

— Никто в одиночку не научится интимности, — сказал он. — Это невозможно контролировать. Нельзя выбирать, планировать, предвидеть. Приходится броситься вперед с закрытыми глазами, в неизвестность, заранее соглашаясь на все, что тебя постигнет.

— Ты говоришь об этом как об очередной игре Life Playing Game.

— Это первая Life Playing Game человека — второй человек.

Она улыбнулась, обнажив желтые клыки. Несмотря на животную маску проксика, Король заметил печаль в этой улыбке, под этой улыбкой.

— Ты не можешь, — прошептала она. — У тебя никогда не получится. Ты по-прежнему планируешь, что выберешь отсутствие выбора и отсутствие плана.

— Нет —

— У тебя в голове уже складываются сценарии.

Он хотел снова возразить; не возразил. Он обратил взгляд к зениту. На темнеющей синеве посеребрились первые звезды, он подсознательно дорисовал между ними светлые линии. Так по порядку включались над Королем Боли интегральные схемы Открытого Неба.

Она сильнее сжала его руку.

— Может, если бы… Если все раздражители, принимаемые твоим телом, вызывают меньшую или большую боль, почему ты не проводишь все свое время на проксиках?

— Ты наверняка слышала о шизосоматах. Обычные люди начинают теряться, не говоря уже о пластусах. У меня установлен счетчик, соотношение времени должно быть как минимум один к одному, минус периоды сна. Психологи советуют еще более жесткие ограничения: сорок процентов, тридцать процентов. Мне приходится следить за собой. Чтобы…

— Чтобы что?

— Чтобы не раствориться.

Король Боли закрыл глаза. Он растворится, другого пути нет. Он видел это ясно, во сне и наяву. (Таковы были сны Короля Боли: он иногда отличал их от яви только по отсутствию боли. Боль ему

тоже снилась — но пока сон об удовольствии сам по себе приятен, сон о боли не причиняет боли, самое большее — приводит к страху и депрессии.) Он видел это во снах: world turning circles running ‘round his brain[38] — что он увидит, когда посмотрит в зеркало? — не себя, Аль-гайб, То, Что Скрыто. Ибо во снах оно имело конкретную форму: горящая холодным серебряным огнем нейронная сеть Короля, как секционный препарат, анатомическая гравюра: нервная система Homo sapiens, извлеченная из организма, тонкий клубок серебряных нитей, свернутых вверху в два массивных полушария головного мозга, спускающийся вниз вертикальным стержнем спинного мозга, но в остальном рассеянный в кружевной пространственной композиции, соответствующей очертаниям человеческого организма; светлее в местах более плотной иннервации, темнее, где правит мясо. Так выглядел дух Аль-гайба Короля Боли. Однако с тех пор, как Король решил сбежать из-под полицейского шантажа в Life Playing Game с амазонским автостазом — с тех пор, как он увидел с пластусовой уверенностью, что для него нет другого пути, Аль-гайб начал меняться.

---

[38] Примечания: 38

Мир, который наматывал круги внутри моей головы. — Цитата из песни Стинга «Король Боли».

Сон накладывался на сон. Ибо Король, конечно, уже мечтал о том дне, когда вонзит этот а-стаз в сердце Европы, и как под Закрытым Небом взорвутся инвазивные дионизиды на его генах, с ветром и против ветра, в вирусах, бактериях, насекомых, птицах, в растениях и животных, медленно захватывая все большие пространства, растекаясь по биосфере, как капля чернил в стакане молока, все шире и шире, и в людях, в людях также, переписывая их на а-стазовскую генетику, втягивая их в процесс изменений, их мозги, их Аль-гайб, и как пропорционально развивается — первый сон под вторым сном — мой Аль-гайб, как он прикасается, обнимает, поглощает все живое, серебряная сеть нервных труб горит ослепительным сиянием, у меня нет тела, потому что теперь есть только Аль-гайб и растянутые на огненной сети проксики — весь мир — мой проксик — каждое страдание, испытываемое самым подлым химериком, каждая боль больных и умирающих — моя боль — и нет правосудия выше правосудия того, кто чувствует боль всех жертв и обидчиков. Итак, вот я действительно стал Королем Боли. Конечно, это просто сонное роение, полностью оторванное от реальности, никто не управляет а-стазом, это стихия, нет

центра, нет цели, нет мозга, и я не Король ничего, кроме своей собственной животной боли — но…

Когда они вернулись на поляну, все неоседланные странобезьяны уже спали. Под трупапоротниками остались только Вия Морда и Жоао Фернандес-Аргуэльес Робакевич.

— Они не вернулись? — спросил Король.

— Не вернулись. То есть что-то спустилось с плато, но не обезьяна.

— Тогда откуда вы знаете —

— В желудках у него были кусочки проксикального вживления. Что не успело перевариться.

Король выругался и грузно осел под черным листом папоротника. Грета покачала головой.

— Меня ждут дома. Сейчас меня вышвырнут из Englischer Garten.

Он схватил ее за руку.

— Ты мне не ответила —

— Не знаю. Отпусти. Я не знаю. Посылай этих кузнечиков. Все зависит от дня, от момента. Думаю, мне стоит подбросить монетку, да? Отпусти.

Он отпустил. Белая странобезьяна протопала на середину поляны, развернулась на пятке, подняла руки — и безвольно упала на землю.

Вия обмахивался бейсболкой. Ночь была душ-

ной даже для местных проксиков.

— Что со сканами?

— Перейдем в Рио.

Жоао посмотрел проксика Греты без всадника.

— Кузнечики, а? Что ты там задумал?

— Не твое дело.

— Не мое дело! — вскричал Жоао. — Не мое дело! Слышишь, Морда? Послушай героя!

Вия стряхнул с фуражки флуоресцентные спорангии, размял их большим пальцем, а палец лизнул.

— Молчи, птичка. У нашего любимого пластуса тоже есть сроки.

— Если я не потороплюсь, — сказал Король, — они придут за мной и вытащат из субстаза, разгладят мозги, и капут, финито; я выйду из игры. Они пока ждут, но бесконечно ждать не будут.

— Тяни, — бросил Жоао. — Поддайся на этот шантаж, выдай Муравьев, мы договоримся, кем они могут пожертвовать в Европе. Здесь мы тоже можем подставить ищейкам каких-нибудь слепых идиотов.

Король отрицательно покачал массивной головой.

— Не получится. Они напустили на меня пла-

стусовую профилировщицу, она вмиг догадается, все разложит по полочкам после первого же разговора. И дело развалится.

Жоао посмотрел на Вию.

— Мы еще не знаем, на какой автостаз сделать ставку. В чем дело?

Вия пожал плечами.

— А что бы ты сделал на его месте? В прошлом веке надевали динамитные жилеты и выходили на улицы. Он не может даже выйти из дома.

Жоао только фыркнул.

— Я не знал, что он такой террорист хаоса! Великий хаосит! Больший ивановец, чем сам Иван!

— Что ты переживаешь, — буркнул Король, — я все равно не предам ваш а-стаз, раз вы сами не знаете, какой выбрать.

— Тогда что? — рассердился Жоао. — Все предоставишь воле случая? Вытащишь этот автостаз из шляпы? А может, ты позволишь какой-нибудь шлюхе тянуть жребий, раз уж ты их сюда на зоофильские вечеринки водишь?! Какие зверушки ей больше нравятся, в них ты и войдешь, да?! — Он схватился за голову. — Идиот все испортит! О, Матерь Божья! За что же ты нас таким дерьмом наказываешь!

— Пошел на хер.

— Мы не знаем, на какой а-стаз поставить, — тогда откуда у тебя уверенность, что не принесешь им на блюдечке правильный? А может, именно это тебе и нужно? Может быть, они уже тебя окрутили, шантаж им удался, может, ты агент Живицы?!

— Все невозможно контролировать. — Король поковырял в зубах, почесал яйца, сплюнул. — Не все стоит контролировать.

— Поц! Пустобрех! Павиан! Пентюх! Параша! Педрило! Прощелыга! Прохвост! Перверт! Пердун! Потаскун! Подлюка! Петушара! Подонок! Поганец! Похерист! Проныра! Простофиля! Паскуда! Падла! Позорник! Пустобай! Педермот! Паяц! Похабник! Прохвост! Пятигуз! Продрот! Прихвостень! Потатуй! Полохало! Попандопало! Падаль! Прыщ! Пидор! Прохиндей! Пустозвон! Придурок! Паршивец! Пластус придурочный!

Король Боли и кузнечик

Живица выпустила внезапное обновление стаза, чтобы заблокировать новый вирус Сынов Палестины, и потому был назначен выходной день; люди сидели по домам, измеряли себе температуру, следили за признаками аллергии,

рассматривали тампоны и пили большое количество жидкости. Ирена Новак-Новак ехала по баобабовой аллее, проклиная вслух Короля Боли. У нее из носа текло, голова кружилась, но ей пришлось ехать: в течение недели после апгрейда каждый звонок рассматривается как тревожный, и лейбенмейстеры обязаны реагировать соответствующим образом. Правда, сейчас сигнал пришел от менеджера дома клиента, а не от самого клиента, для юристов, однако, это не имеет значения. И ладно бы, это был еще кто-то нормальный — но этот тупой пластус!.. Ей всегда приходилось быть очень осторожной, чтобы не выказывать во время визита отвращения; вероятно, именно эту подчеркнутую вежливость он воспринял как признаки симпатии. Какая подстава! Почему вечно ей прикрепляют всех мудаков!.. Карета остановилась на подъездной дорожке, она вышла, утирая нос липлатком. Днем шел дождь, в вечернем воздухе все еще витал запах дождевой воды — она чихнула, и ее нос снова заложило.

Она подошла к двери.

— *Ziegler und Hochkupfer.*

— Мне очень приятно, — сказал Дом. — Хозяин занят. Хотите оставить сообщение?

— Погоди, минуточку. Ты прислал нам инфор-

мацию о загрязнении субстаза. Подтверди.

— Я обязан делать это согласно страховому полису. Сейчас прекрасный вечер, не так ли? Хозяин занят. Хотите оставить сообщение?

Кровь ударила Ирене в голову.

— Пасть свою закрой!

— Я закрыт.

Она достала телефон и скачала с сервера компании аварийные коды. Конечно, это не была дионизидовая война или подобные обстоятельства, требующие немедленного вмешательства, но инженера Новак-Новак не остановила бы сейчас и дюжина юристов. Она назначила себе права совладельца и вошла внутрь. Дом открывал перед ней двери и зажигал свет.

Она звала Короля, но никто не отвечал. В воздухе пахло экзотическими травами. В столовой она нашла остатки ужина, приготовленного для одного человека.

— Где он? — спросила она у Дома.

— Хозяин вышел в сад.

Она встала на террасе и сразу увидела его. Он лежал под раскидистой грушей, в нескольких метрах от того места, где последний раз укладывали герму. Он был голым. Ирена достала инжектор, прыснула себе антивирусный коктейль, натянула

длинные гермерчатки. Полностью обнаженный, он лежал на спине, глаза его были закрыты. Она подошла. Он дышит? Грудь не двигалась. Она присела на корточки, дотронулась до него. Гермерчатки показали температуру: 43,7°С. Он не дышал, но сердце билось, пульс 295. Она оттянула веко и посветила указательным пальцем. Реакция зрачка слишком медленная. Инженер задумчиво фыркнула. Она попыталась повернуть голову мужчины, встретила сопротивление. Но это не было посмертное окоченение. Она легла в траву, чтобы посмотреть с близкого расстояния. Трава заслоняла ей обзор, поэтому в первый момент она не заметила. Это не было посмертное окоченение, тем не менее нижняя часть тела явно меняла цвет: вместо пролежневых синяков и кровяного застоя — горячий румянец, очерченный черными пустулами. Из пустул врастают вниз, в землю, гладкие жгутики, корешки. Она деликатно коснулась их. Гермерчатка показала внебелковую температуру. Инженер придвинулась еще ближе. Теперь она видела, что черные точки растут из каждой поры в коже мужчины, из них пробиваются вялые ростки; ей казалось, что она действительно видит их движение, рост, как они тянутся к почве химерического сада. Череп

мужчины вздрогнул. Ирена вскочила на колени. Его рот открылся. Он не произвел ни звука, ни дыхания. Между пересохших губ возник пузырек слюны, потом другой, густая слизь потекла по щеке, и что-то шевельнулось в темноте рта. Ирена подняла руку и посветила в глубину. Истекая дымящейся в вечернем воздухе слизью, дрожа и шевеля конечностями, по распухшему языку ступало зеленое насекомое. Стоя на нижней губе, оно некоторое время неуверенно покачивалось; слизь сходила с него белыми хлопьями, мгновенно высыхая. Поднялись два очень длинных усика. Узкое треугольное брюшко упиралось в щель между передними зубами. Инженер протянула руку; насекомое, должно быть, заметило это — тень ладони на коже человека, внезапный ветерок — и прыгнуло в траву. Ирена рефлекторно проследила за ним взглядом и обратила внимание, как, подобно червю, между травинками ползет указательный палец правой руки клиента. Она осторожно раздвинула стебельки. Ноготь чертил в земле удивительно ровные линии букв.

НЕЗОВИНЕ

Она долго смотрела на них. Затем вызвала агентов Живицы и дежурную команду из фирмы.

Они накрыли гермой половину сада Короля

Боли. Ирена не сдвинулась с места, она держала его голову на коленях, когда они начали вырезать его. Один раз он дернулся в судороге, открыв слепые глаза; и сердце еще забилось, и светлая кровь потекла.

— Ему больно?

Они не знали.

Солнце опустилось за баобабами, и всё накрыли тени. Лейбенмейстеры расставили прожекторы, в адском свете которых растения, люди и приборы распластались в двумерные черно-белые фигуры. Раздвинутые губы Короля, казалось, сложились в насмешливую улыбку.

— А кузнечик?

Под гермой не нашли никаких кузнечиков.

Она держала голову Короля Боли на коленях, когда ему вводили ретровирусы и когда вскрывали его желудок и набухшую в желудке зеленую фабрику насекомых. Сквозь мокрые от пота штанины она чувствовала на бедрах гаснущее тепло тела Короля Боли, тепло тела, согревающее ее тело.

К полуночи его вырвали с корнями.

Декабрь 2004 — февраль 2005

Крукс

Пародос

Должно случиться то, потом другое,
и незаметно время небольшое
пройдёт (всего год или два примерно) —
и мы сочтём, что всё закономерно.
Какие мы старанья ни приложим,
чтоб сделать мир на прежний не похожим,
мы лишь вконец развалим всё, что сможем,
и, убедившись в этом, руки сложим.[39]

[39] Примечания: 39

Отрывок из стихотворения Константиноса Кавафиса «Вмешательство богов» (*перевод Е. Солоневича).*

Граффити

CRUX CRUX CRUX CRUX

— Что, опять?

— Ночью.

— Где охрана?

— Верки[40] падают с дождем. С вечера лило, а сегодня весь центр в этих надписях.

CRUX CRUX CRUX CRUX

— Но что это вообще значит?

— Ммм? — Липский уже прячется за развернутой газетой.

— Этот Крукс.

— Откуда мне знать. Может, просто эти буквы кажутся им красивыми. В смысле — граффити.

— А-а-а.

Пятница, семь десять утра. В шлюз офисного здания Черма мы входим вместе с этой новенькой от Лесьмяна. Липский забивается в угол со

---

[40] Примечания: 40

Werk в немецком языке означает «завод, работа, произведение», в польском языке — «часовой механизм». В произведении Я. Дукая — это наноробот.

свежим номером «Выборчей»[41]. Я машинально скачиваю на контакт ID девушки: Анна Зоя Стефаньская, без герба, 25, Варшавская школа экономики и год в лондонской C&C[42] — но полное резюме под грифом у Буздигана.

Вспышки виролец привлекли ее внимание, она, вероятно, определила мудру или же просто догадалась и теперь смотрит мне прямо в глаза.

Я вежливо улыбаюсь.

— Первый день на работе?

— Первая неделя… — тут она, вовсе не таясь, производит свою короткую мудру, — …пан Цвеч.

Я встаю, делаю реверанс, припадая к ее руке в вирольцах, чтобы с поклоном поцеловать.

— Мне несказанно приятно.

— Ваша светлость.

У нее темные глаза, темные волосы, сплетенные в итальянскую косу, темно-загорелая кожа. А еще на ней темные жакет и юбка, а также белая блузка с мазовецкой вышивкой, и все это, без сомнения, мануфактурное.

— Вы работаете у Сташека Лесьмяна?

---

[41] Примечания: 41

«Газета Выборча» — польское ежедневное общественно-политическое издание.

[42] Примечания: 42

Chamber of Commerce (*англ.*) — Торговая палата.

— Да, я там временно… И я как раз собиралась заглянуть к вам или пану Жегуте, пан Станислав хотел бы включить ваши планы восточных кризисов…

— Конечно же, пожалуйста, если сегодня нет ничего более срочного, мы можем сразу —

— Благодарю вас, — произносит шлюз, и мы входим в холл Черма. Дама, конечно, впереди, и Липский, скользнув взглядом по ее ногам в темных чулках, понимающе подмигивает мне. Я мудрую ему в приват четкий средний палец. Он смеется, складывая газету.

В лифте короткая беседа о новой моде среди магнатов Южного Союза: они охотятся в Кампиносе на туров из средневекового оружия. Только китайцы портят картину: наши социеры не рвутся на такую рискованную работу, пусть и высокооплачиваемую (впрочем, а на какую рвутся?), и нанимать на гон приходится азиатов.

Липский выходит раньше, мы только на семнадцатом. Проходя мимо застывших в реверансе секретарш, я отправляю им из подручника файл дневных поручений. Комната Якуба закрыта. Мой личный секретарь все еще на больничном, мне приходится обходиться без секретаря.

— Пани Мадя, сейф рукописей.

Пани Мадя носит на шее, на серебряной цепочке, связку выточенных вручную ключей. Когда она открывает неуклюжий бронированный сейф и по очереди — все спрятанные в нем металлические ящички, заполненные толстыми рукописями, я снимаю пиджак, сажусь за стол и подписываю утренние письма — старинная ручка «Ватерман» между пальцами в гербовых вирольцах. Панна Стефаньская присела в кресле под зимним Мальчевским[43], нахмурив брови, что-то читает на контакте.

Стены офисного здания Черма сделаны из веркфактурного пласта. Его свойства регулируются напряжением магнитного поля и температурой. В рабочее время все помещения, кроме ванных комнат и кабинетов магнатов, остаются полностью прозрачными, их стены, полы и потолки — почти невидимы. Ковры, дорожки, столы, стулья, книжные шкафы, картины, растения — всё висит в воздухе, этаж над этажом над другим этажом. Переместив взгляд за край ковра, я вижу — сквозь шестнадцать этажей офисного здания, вплоть до первого этажа с его яйцевидными глыбами шлюзов, — всё прибывающих сотрудников

---

[43] Примечания: 43

Яцек Мальчевский (1854–1929) — польский художник-модернист.

низших департаментов Черма; они приветствуют друг друга, кланяются, целуют ручки дамам, сидящим за своими письменными столами… Только звуки не передаются, это немой театр.

Если же я подниму глаза, мой взгляд наткнется на непроницаемые ковры апартаментов верхнего этажа: над нами расположены только комнаты хозяев Чермы.

Медленно черкнув подпись на последнем из пергаментов, я откладываю перо и откидываюсь на спинку кресла, повернувшись вправо, к панне Анне. Взгляд, однако, невольно уходит за пласт, на другую сторону проспекта Путина.

Стена соседнего здания почти до крыши покрыта фрактально организованным граффити. Утреннее солнце отражается от сверкающих плоскостях, я жмурюсь. В свечении просматривается механический узор черных букв. CRUX CRUX CRUX.

— Вандалы, — бормочу я, пытаясь найти портсигар в кармане пиджака, висящего на спинке кресла.

— Это говерки с Балтики, пересвеченные в его имя.

— Что?

Панна Анна выполняет мудру «закрыть», кла-

дет ногу на ногу и фокусирует взгляд на мне.

— Это такая игра, пан Цвеч. Правительственные верки, в первую очередь экологические и погодные, давно уже хакнуты. Уже более десяти лет назад.

— Брюссельские веркманы выпускают все новые версии. Когда в последний раз были ошибки в прогнозе погоды? Вы верите во все эти теории заговора?

— Я просто знаю, как нынче развлекается молодежь, пан Цвеч. Раньше они взламывали сайты Пентагона и Гааги, теперь ломают говерки. Когда-то на взломанных сайтах в сети они писали шутки и браваду, теперь, — она указывает соседнее здание, — сами видите. Взламывают один говерк на Балтике, он переделывает другой, а тот — следующий, верклавина; а потом все это падает с дождем. Правда, обычно в код вводятся географические ограничения, я не знаю, почему они вот уже несколько дней сеют так вслепую, может, это какое-то амбициозное соревнование братий… Мой двоюродный брат принадлежал к братии, которая состязалась с другими на цвета облаков и формы молний.

— Это же опасно. Ведь так же можно взломать верки, чтобы, о, спасибо, пани Мадя, чтобы они

производили серную кислоту или, к примеру, расщепляли белок.

— Можно. А компьютерные хакеры могут заблокировать коммунальные сети и тоже убить тысячи людей. Это всё, конечно, незаконно. Но это тоже невозможно контролировать.

Я криво улыбаюсь.

— Ваш двоюродный брат — преступник.

Она опускает взгляд, разглаживает юбку.

— Да.

Открываю кожаную папку, принесенную пани Магдой.

— А вы из социалища, — бормочу я себе под нос, листая рукопись.

Краем глаза я вижу, как она двигает плечами, поджала губы.

— У меня это есть в резюме.

— Я не читал.

— Тогда откуда?..

— Как только я вас увидел: молодая специалистка, как из рекламы, полный отпад. Одежда, слова, улыбка, как вы сели здесь, все идеально. И я задумался. Не имеет герба? Нет, этого недостаточно. А теперь вы говорите мне, что ваши родственники развлекаются взломом верков. Украина?

— Что?

— Я про инжиниринг восточных кризисов. Украина, Одесса, Закавказье? Планы понижения курса бумаг на Московской бирже на следующий год уже выложены в сети.

— Можно взглянуть?

— Пожалуйста.

Я пододвигаю к ней бумаги. Она склоняется над ними. Прядь черных волос ложится на воротничок белой блузки по линии шеи и углубления над ключицей. Преднамеренно отвожу взгляд, открываю мудрой приват с отцом. Туман нависает над конным парком Пилсудского, секунданты вбивают в грязь столбики из дымящихся веркалергов, из белесой мглы сыплется серый снег. Отец показывает на что-то в небе.

— А это?

Я сосредоточил свой взгляд на панне Стефаньской. Она останавливает карминовый ноготок внизу таблицы запланированных банкротств, в общей сложности свыше сорока миллиардов евро убытков.

Черм — брокерская компания, которая специализируется на инжиниринге кризисов. Кризис-менеджмент стал совершенно новой областью экономики благодаря логическим веркам. Давно известно, что экономика развивается циклами,

что ни один бычий рынок не вечен, а рост не может продолжаться бесконечно; поэтому следует уметь не искусственно поддерживать рынки, а вызвать и управлять кризисами, рецессиями, девальвациями, чтобы они послужили максимально безболезненными катализаторами еще большего роста. С помощью логических верков можно вычислить то, что раньше невозможно было просчитать, и попытаться контролировать прежде неконтролируемые процессы.

Поскольку дрекслеровская экономика[44] — это игра с положительной суммой, то более выгодно работать вместе, согласованно планируя кризисы местного и глобального масштаба; ведь в конце концов, каждый кризис влияет на остальной мир. Когда мы подписываем контракт на провоцирование и управление кризисом какой-либо отрасли, рынка, государства, союза, мы должны найти способ бесконфликтно вписать его в большую, самую большую картину. Это напоминает искусство серфера чувствовать зарождающуюся у него под доской волну.

Таким образом, дрекслеровская экономика тре-

[44] Примечания: 44

Эрик Дрекслер — американский ученый, популяризатор нанотехнологий, первый теоретик создания молекулярных нанороботов, концепции «серой слизи».

бует открытости и кооперации; согласовывать нужно не только действия с действиями, но и действия с планами и даже планы с планами и планами планов. Панна Стефаньская сравнивает намерения департамента Лесьмяна с графиками кризисов, которые я получил по доверенным каналам из антикризисных фирм в Российском Протекторате. Я всегда каллиграфирую эти данные старинным пером на толстой бумаге ручной работы и прячу единственные экземпляры в веркалерговом бронированном сейфе.

— Это? Кризис вызовет рост цен на энергоносители, будут сажать солнечные деревья. И в связи с этим… Простите.

Я отдернул руку, которая к этому времени оказалась у нее на плече, скользнула по шершавому жакету к мягкой манжете, пока я следил за перемещением красного ноготка.

Панна Стефаньская поднимает взгляд от бумаг.

— В этом здании, если я дам по морде, это увидит рассыльный в подвале. Вы помните, что советует Бозевич[45]?

— У Сташека с вами, должно быть, тяжелая жизнь, — улыбаюсь я, вынимая из портсигара

---

[45] Примечания: 45

Владислав Бозевич (1886–1946) — автор «Польского кодекса чести».

свернутый вручную круст. Я угощаю сердитую девушку. Примет, не примет? Принимает. Садится, вкладывает круст в мундштук, я подаю ей огонь. Затянувшись, она медленно выдувает дым. Она тоже уже не может сдержать улыбку. Качает левой ногой, постукивая каблуком туфельки о пласт.

— Пожалуйста, для знакомых и друзей: Аза.

— Аза.

— Да.

— Зигмунт.

— Хмм, — она смотрит сквозь облако дыма, — это не совсем учтиво, я все-таки —

— Мой секретарь еще на излечении, он дрался из-за какой-то глупости, ты ведь можешь заменить его на это время. Сташек кое в чем передо мной в долгу, так что — разве что ты сама не хочешь?

— Раз так, Зигмунт… Что случилось?

Я поднимаюсь с кресла и выхожу из-за стола, по пути гася звонки, внезапный треск которых чуть не расколол мне череп. Мудрой вызываю лифт.

— Шеф вызывает.

Все люди чести абсолютно равны друг другу

Пан Ян Анджей Буздиган герба Побуг как раз собирался на завтрак в посольство Бразилии; ему пришлось вернуться, он не успел переодеться и стоит сейчас позади письменного стола в расшитом золотом красно-желтом жупане, с парадной карабелой[46] на боку, с заткнутым за слуцкий пояс черным веркалергом — эбонитовой булавой. Вирольца в форме родовых перстней вспыхивают, когда правая рука выхватывает из сети очередные файлы. Левая же рука дергает за пышный ус.

Он моргает в характерной манере, глядя на меня сквозь контактные линзы: астигматический бульдог.

— Яму под меня копаешь, пан Цвеч! — ревет он, и рыжие космы на подбритой снизу голове ерошатся в боевой стойке. — Скомпрометировать меня, вельможный пан Цвеч, собираешься!

— Ну что вы, откуда —

— Ваша фамилия, вельможный пан Цвеч! Ба!

---

[46] Примечания: 46
Польская парадная кривая сабля.

Отец ваш родной! Извольте ответить: откуда такая неблагодарность? Что за измена?

— Измена? Измена? — Я театрально хватаюсь за сердце. — Что я слышу? Что вы говорите, ваша милость!

— Ну, ну, ну, не лги, вельможный пан, восемь часов уже, а они на девять сговорились, у меня времени не осталось. Фатер Цвеч не может его задеть! Слышите? Даже задеть!

Я начинаю понимать, в чем дело.

— Кто он? — спрашиваю, изменив тон, подходя к столу родового шляхтича. — Этот Вихвиц.

Над парком Пилсудского редеют туманы, ворóны, сидящие на тополях и ивах, траурно расправляют крылья и разевают клювы, холодное карканье пугает коня на ближайшей дорожке. Иоахим Вихвиц, прислонившись бедром к капоту своего «Роллс-Ройса», глядя мне прямо в глаза, медленно стягивает замшевые перчатки.

— А кто такой Бурре, знаешь? — ворчит Буздиган.

— Малыш Бурре? При чем тут он?

Фредерико Бурре, которого называют Малышом по причине его более чем двухметрового роста, исполняет обязанности неофициального посла Альпийского Союза в Польше. Старый Европей-

ский Союз юридически и морально продолжает существовать, как десятилетия существовала по истечении даты ее пригодности Организация Объединенных Наций, но несравненно более значимую роль играют меньшие государственные союзы с общими политическими и экономическими целями: Южный Союз, Альпийский Союз, Союз Основателей, ФраГер, Балканский Союз, Славянский Союз, Скандинавский Союз. Они создавались не ради согласования таможенной и иммиграционной политики, ведь глобальный рынок, так или иначе, требует установления максимальных свобод, — речь шла в лучшем случае именно о совместной разработке антикризисных стратегий. Малыш Бурре несколько лет назад нанес в Черм любезный визит, Буздиган и Струсь потчевали его медом и жареным поросенком. Официально Бурре не наделен никакой властью, но если бы он сказал дурное слово — мы бы не подписали и четверти контрактов из тех, что подписали.

— Малыш Бурре, — цедит сквозь зубы пан Ян, — имеет трех дочерей. И панны эти, как я слышал, зело пригожие и любвеобильные. Две уже обручились. А с кем была помолвлена старшая, пан Цвеч?

— С Вихвицем?

— А теперь поклянись, вельможный пан, на этом святом кресте, что отец одного из моих директоров не порубит будущего зятя посла Альп.

— Ну вот, еще Кмицица[47] придется из себя корчить, — бормочу я.

— Клянешься! — ревет Буздиган, хватаясь за рукоять карабелы.

Произношу клятву, наклоняюсь и целую золотое распятие.

— Что за порнография.

— Папа, ты меня не слушаешь, он — не скидывай меня сейчас! — этот лораный Вихвиц — ради Бога — сколько еще, Гжесь?

— Десять минут. Если я не возьмусь за руль.

— Возьмись, возьмись, страховку беру на себя.

Шофер отключает автопилот и внезапным рывком вырывает нас из колонны машин; мы ускоряемся по левой полосе.

Я невольно касаюсь энергично мудрующей Азы. Она сосредотачивает на мне взгляд и вопросительно поднимает бровь.

— Он меня заблокировал, — морщусь я. — Нет просмотра.

---

[47] Примечания: 47

Анджей Кмициц — главный герой романа Г. Сенкевича «Потоп».

— Секунданты?

— Меня не впускают без сигнализации, сейчас уже все выключены. Восемь сорок три. Ты проверила?

— Хмм, сам посмотри. Из-за чего твой фатер с ним дерется?

— А, он так всегда.

Я ловлю на контактные линзы новостные файлы. Аза искала в основном по публичным фильтрам — потому что так быстрее и легче всего, — поэтому выловила сначала причесанные официальные сообщения: Вихвиц на лыжах, Вихвиц на премьере «Дзядов»[48], Вихвиц на благотворительном балу — танцует с гладкой блондинкой. ID: Фиона Бурре.

Иоахим Вихвиц + Фиона Бурре: «Роман в высшем обществе», «Помолвка магнатов», «Кольцо для графини».

— Что «всегда»?

— Вопрос чести. Однажды на рауте он вызвал комиссара полиции за «неуместную шутку».

— И что?

— С комиссаром? Он выжил.

Иоахим Вихвиц + дуэль. Три связанные фами-

---

[48] Примечания: 48
Драматическая поэма Адама Мицкевича.

лии — последний зарегистрированный поединок Вихвица произошел два года назад. Царапины, никаких глубоких ран. Дважды Вихвиц проиграл.

Я снимаю затемнение с контактов. Аза смотрит на туманные лужайки парка Пилсудского, когда мы, нарушая правила, мчимся по одной из его конных аллей. Машина подскакивает, позади остаются роща и памятник Маршалу, Гжесь сворачивает к заезду на поляну. Ворóны кричат.

— Чего хотел от тебя Бычусь?

— Кто? — Аза отводит взгляд от окна.

— Малжецкий, телохранитель Буздигана. Он ждал тебя у парковочного шлюза.

— А-а, этот голота[49]. Мне пришлось подписать обязательства по сохранению секретности, ужасные юридические клятвы, в двенадцати экземплярах; перо было влажным, и я уронила, извини, если ты ждал…

— Как моя помощница ты все равно должна была бы подписать, но эта спешка… Гжесь, останови здесь!

Автомобиль стоит за неровной вереницей машин, припаркованных под молодыми тополями.

---

[49] Примечания: 49
Бедный шляхтич, не владеющий землей (*ист.*).

Первый шаг — и ботинок в грязи. Я с отвращением отряхиваю ногу. Воздух прохладный и влажный, от контактов щиплет глаза. Я моргаю, обходя автомобили.

Те, конечно, заметили наш приезд, отец приближается быстрым шагом, явно раздраженный, широкие рукава белой рубашки раздуваются на ветру. Как обычно перед дуэлью он остригся налысо; теперь на его черепе сверкает пот, а может, это туман конденсировался, а может, и мертвые атмосферные верки.

— Что ты себе возомнил, ворваться сюда в последний момент, уже всё.

Надо отразить его первый гнев.

— Папа, познакомься с панной Анной Зоей Стефаньской, моей новой ассистенткой.

Она уже успела обойти машины с другой стороны. Делает реверанс, приподняв руку. Отец останавливается, низко кланяется, целует руку Азы, — иначе он не был бы собой.

— С удовольствием. Что случилось с Якубом?

— Ну, вот именно. — Я пытаюсь взять его под руку и оттащить под деревья, но он вырывается, отступает. — Тоже сабелька. Ради Бога, один только раз, я умоляю тебя, ты не должен всегда —

— И я такого сына воспитал, тьфу! Дед в могиле перевернется!

— Дед, если он когда-нибудь в жизни с кем-то дрался, то разве что в очереди за благотворительным супом, — бормочу я себе под нос.

Он смотрит на людей, собравшихся у овальной площадки, ограниченной воткнутыми в землю столбиками веркалергов; они ждут, не произнося ни слова, но уже с легким нетерпением. Вихвиц, тоже в белой рубашке, нервно рассекает воздух обнаженной саблей. Сидящий в открытой двери скорой помощи врач курит сигарету. Скорая стоит ближе всего, в конце вереницы машин, доктор, вероятно, хорошо слышит нашу перепалку.

— Я понимаю, что вы не хотите отступать, — вмешивается Аза. — Но было бы достаточно опровергнуть обиду.

Она скидывает мне файл с Бозевичем. Я кошусь на седые облака, где на контактных линзах расплывается текст:

«Статья 105.

Ст. 105. Опровержение обиды является достаточным удовлетворением во всех случаях, когда обида фактически имела место, или как унижение личности обиженного, или как товарищеская неучтивость.

Иначе: опровержения обиды хватает во всех случаях более легкого оскорбления постольку, поскольку она не является оскорблением действием».

— Ты его вызвал от — от чего? От «грошовых соперников»?

Отец пожимает плечами.

— Что такое «грошовые соперники»?

Он снова пожимает плечами.

— А у тебя вообще были какие-то серьезные причины? Или у тебя просто не хватало развлечений на этой неделе? С каких это пор ты вообще ходишь в римские термы?

Аза останавливает меня жестом.

— Пан Цвеч, — она подходит к отцу, — если вы не хотите лично, можно это сделать в письменном виде, через секундантов —

— Через мой труп!

Панна умоляюще смотрит, деликатно обнимает его за плечо, красные ногти на белой ткани.

— Но, возможно, в таком случае всё можно разрешить, не причиняя ему вреда. Пан Цвеч. Ведь вы победите его без труда — мне Зигмунт рассказывал, — вам не нужно калечить его, верно? Вы же не такой, как эти юнцы, вам не нужна кровь. Какие условия записали секунданты?

— Разумеется, разумеется, и всё же так не получится, моя дорогая, — отец качает головой, кривит губы. — Если судьбе будет так угодно… Никаких гарантий.

«Статья 76.

Джентльменам нельзя принять полномочия, если их клиент требует вести поединок до смерти одного из противников».

Но утешения мало, учитывая, что у дочурки Бурре начнутся спазмы при виде малейшего шрама на теле возлюбленного, даже если он и сойдет под верктуажем в течение одного дня; а отец еще ни разу не отпустил соперника из-под клинка без отметины. Смерти тоже случались.

— Возможно, если бы мы еще поговорили с секундантами обеих сторон… — размышляет вслух Аза. Я ясно вижу, как в очередных попытках решить проблему панна пытается представить себя энергичным, решительным профессионалом. В этом есть что-то и трогательное, и в то же время печальное.

— Даже думать не смейте! — Отец отпрыгивает, как ошпаренный. — Отстань от меня, наконец, Зигмусь, время уходит; впрочем, еще немного, и всё закончится; только не вмешивайтесь, ладно? Вельможная панна.

Он кланяется и уходит к дуэльной площадке. Прислонившись к капоту «мерса», я достаю портсигар.

— Задержка больше чем на четверть часа, и запишут бесчестный побег. — Я закуриваю. — Если бы я внезапно дал ему по башке, как больной, лишенный полных сил, он вынужден был бы отступить. По крайней мере на пару дней.

Аза смотрит на меня, на отца, на секундантов, на Вихвица, на полицейского.

— Так что? Мы сдаемся?

— Нужно рассчитывать на легкую рану. Я пойду, извинюсь, поссорюсь на его глазах с фатером, сцена просочится в ленту светских сплетен; как-нибудь разрешится.

— Он действительно такой фехтовальщик?

— Преподавал в одном из первых лицеев фехтования. Впоследствии, когда в частных школах стали открываться классы сабли, он написал учебник «Маленький Володыевский». Дома у меня были ежедневные тренировки. Крайности сарматизма[50]. Мы, второе поколение, принимаем это за норму или возражаем — а для него это идеология жизни. Им приходилось отыскивать

[50] Примечания: 50

Шляхецкая идеология в Речи Посполитой, согласно которой польская шляхта якобы произошла от древних сарматов.

какие-нибудь запоминающиеся мемы для возрождения польского духа, я это понимаю.

— Должно быть, он тебя хорошо тренировал.

— А то!

— По крайней мере, вы общаетесь друг с другом.

— Ну.

Отцу шестьдесят, но это веркмейстерская шестидесятка: сочные мышцы, прямая спина, упругая кожа, яркие глаза, энергичные движения, сильный голос. Эти плечи у него были еще до оздоровительных процедур. Он носил усы, недавно сбрил. Властным был всегда.

Мы общаемся друг с другом, да; но мы не разговаривали лично несколько лет, в крайнем случае — в виртуале. То, что теперь он пускает меня на свои контактные линзы и позволяет подглядывать за своими поединками, — это скорее форма его извращенной мести: я никогда никого не вызывал и не могу оставаться хладнокровным, когда он в очередной раз рискует здоровьем и жизнью, — я вынужден это смотреть. Сигарета в руке немного помогает.

Оба — отец и Вихвиц — сняли рубашки, врач и фельдшер обматывают их сейчас предписанными бинтами: сочленение левой руки, сочленение

правой руки, живот и спина. Наблюдатель от полиции проверяет сабли и землю (трава не допускается). Вокруг гнезд веркалерговых столбиков, вбитых глубоко в землю, кружатся вихри серого тумана, из которых медленно сыплется мерцающая в лучах солнца пыль. Столбики обозначают границы овала дуэльной площади.

«Статья 247.

Размер места борьбы должен быть:

при поединке на саблях 15 м длины и по меньшей мере 6 м ширины».

— Внимание!

Отец и Вихвиц стоят на своих исходных позициях, рядом с ними секунданты с обнаженными саблями в руках. Повязка отца белая, Вихвица — бело-голубая.

— Сходитесь!

Клич поднимает с деревьев стаю черных птиц, они пролетают над нами, совершая круг; я на мгновение поднимаю голову.

Секунданты передали сабли клиентам, отец и Вихвиц приветствовали друг друга сияющей сталью.

Из машины вышел даже Гжесь, он наблюдает за зрелищем, сложив на груди руки.

— Фатер вашей любви?

— Ага.

— Бык. А этот юнец, видать, спятил. Все будет хорошо.

— Хмм.

Аза смотрит на меня краем глаза. Я криво улыбаюсь. Теплый дым в легких. На приват беспрерывно прорывается Буздиган; я его игнорирую, гашу звонки.

— Бей!

Они начинают движение, и я сразу вижу: что-то идет не так. Я отбрасываю сигарету, выпрямляюсь. Плохой баланс тела и сгиб ног — когда же Вихвиц бьет влево, заслон отца немного запаздывает, он ловит удар на острие, а не на парад. Когда отец рубит из-под левой стороны, удар тоже слишком медленный и неточный; Вихвиц отводит его на чашу эфеса, а мог бы и уклониться. Отец замечает это, отступает, шаг, второй, третий, почти до предела, втягивает в легкие воздух, я вижу, как он пытается привести себя в норму глубокими вдохами.

Мне хочется крикнуть, предупредить его, остановить дуэль — но я знаю, что не должен, в данный момент это худшее, что я мог бы сделать. Руки сжимаются в кулаки. Вместе с остальными наблюдателями я сохраняю молчание и непо-

движность.

Слышны только громкие вдохи дерущихся и скрежет стали. Удар, заслон, удар, заслон, удар, уворот, удар, удар, задета голова, он падает.

— Стой! — Последняя команда. Запыхавшийся Вихвиц отступает.

Мы подбегаем.

Теперь все кричат, все пришло в движение, мне приходится проталкиваться. Рядом протискивается врач.

Отец лежит лицом к земле, видна кровь в грязи, но раны не заметно; только когда доктор, опустившись на колени, переворачивает его на спину, на лбу, над левым глазом, появляется косая борозда, медленно набухающая красным. Из-под кожи выступают края черепной кости. Он мгновенно потерял сознание; клинок, должно быть, задел мозг.

— Расступитесь, черт побери! Сюда!

Скорая помощь останавливается прямо над телом, выдвигается кокон, мы отходим. Полупрозрачная матрица медверков обволакивает отца, доктор яростно мудрует, пальцы мелькают в виртуозных комбинациях. Секунданты и свидетели смотрят, тихо переговариваясь в группах.

Кто-то дергает меня за плечо. Аза?

— Пан Цвеч? — Разбинтованный Вихвиц пытается заглянуть мне в глаза; я отворачиваюсь. — Пан Цвеч, я бы хотел, чтобы вы знали, что я действительно —

— Excusez-moi.[51]

Я убегаю за карету скорой помощи (кокон медленно перемещается внутрь машины). Здесь меня не достанут их взгляды. Смотрят только во́роны и воро́ны, что сидят на ветвях ив, отделяющих поляну от конной аллеи. А с этой аллеи — конь, цвета чернил, как раз остановился между деревьями — с этой аллеи амазонка наблюдает за суетой из мужского седла. Белые бриджи, черные офицерские сапоги, белые кружева, огненно-красный сюртук, рука с тренировочной палкой для фехтования прикрывает глаза от солнца. Я прислоняюсь спиной к скорой. Амазонка качает головой, смотрит на меня прищуренными глазами. Я машинально кланяюсь. Она приветствует своей палкой.

В привате мать шепчет мне в ухо:

— Жив, жив, жив, поезжай с ним, я помолюсь, увидишь, все будет хорошо, не волнуйся.

— Это какое-то жульничество, мама. Не так

---

[51] Примечания: 51
Простите (*франц.*).

должно было быть!

— Тссс.

Я бы плюнул, пнул машину, громко выругался, завыл в небо — амазонка смотрит, потому я только качаю головой и соплю сквозь зубы, когда кокон с отцом исчезает внутри кареты скорой, а мать шепчет мне в голове безмятежные молитвы, которые с каждой секундой раздражают все больше. Проклятье, это время для гнева, а не для смирения!

Женщин страдание приближает к Богу, мужчин — отдаляет.

Народная легенда

— Крукс, говорят, Крукс его зовут. Товарищ Крукс, свояк Крукс, пан Крукс-Кручиньский. В его жилах течет кровь Герека[52], Валенсы[53], Леппера[54] и Глиньского[55]. Он вышел из ночи бетонных многоэтажек, из дыма городских трущоб, из бредовых иллюзий социеров. Им снится сон наяву, с открытыми глазами, часами, днями целыми, из окон видят они огни автотрасс, по которым мчатся в своих роскошных авто ясные вельможи. Крукс был зачат из грязного шприца наркомана, из крови случайной жертвы молодчиков, из черного социерского виртуала. Сначала его боялись, пока о нем не начали говорить;

---

[52] Примечания: 52

Эдвард Герек — польский государственный деятель, первый секретарь ЦК Польской объединенной рабочей партии в 1970-е годы.

[53] Примечания: 53

Лех Валенса — лидер «Солидарности», президент Польши в 1990–95 годах.

[54] Примечания: 54

Анджей Леппер — польский политик, лидер партии «Самооборона». В произведении Я. Дукая его имя стало нарицательным.

[55] Примечания: 55

Пётр Глиньский — польский политик, принадлежит к партии «Право и справедливость».

сначала о нем говорили, пока он не совершил чудо; сначала он совершил чудо, пока его не увидели. Молодняк выбивает себе на коже его имя, рисует на окнах его гербы, размалевывает граффити небо — вот это рульно. Крукс, Крукс. «Тебе захотелось поработать? Погоди, придет Крукс, и тебе не поздоровится, отступник!» Паны его, конечно, преследуют. Он объявлен в розыск, хотя самого человека нет; известно только его прозвище, легендарное имя. Крукс, Кручиньский. И внешность, тоже из легенды: низкорослый калека в старом спортивном костюме, на шее все возможные и невозможные металлы, в глазах лазерные светила, а в устах алмазы.

— Значит, власти знают. Что они говорят?

— О, официальная версия — то есть версия полицмейстеров, — разумеется, банальна. Он родился в семье пережравших наркотиков социеров, кто был его отцом — неизвестно, дядя, двоюродный брат, дед, во всяком случае, гены крепко завязаны узлом: карлик, горбун и хромой. Но ум у него исправный, хотя, вероятно, тоже извращенный, и, сидя целыми днями за компом — ведь он все равно не мог двигаться, что ему, калеке, оставалось делать, — он с малых лет упражнялся в тек-арте, и в результате из него вы-

рос непревзойденный веркмейстер, способный взламывать любые верки: правительственные, военные, корпоративные, и он безраздельно управляет своим окружением, потому что любая материя подчинена его алгоритмам. Это здесь, в городе, — но легенда ширится, приезжают социеры отовсюду, пусть благословит, пусть прикоснется — сам знаешь, что прикосновения достаточно, прикосновение исцеляет, прикосновение убивает.

— Аза!

— Его разыскивают за терроризм, за убийство, за подстрекательство к убийствам. Но на платных каналах о нем не услышишь, говорят только на публичных, социерских каналах. И тоже редко открыто; появляется расплывчатое описание — и всё равно все знают, что речь идет о Круксе. Все — это там, внизу, в социалищах, в братчинах.

— Его прячут?

— Он сам прячется. Никто не знает, где он живет; он просто появляется. Да, действительно, — участь доносчиков, стукачей жалкая. И чтобы у тебя не сформировался неправильный образ: нет, он не Робин Гуд, он не раздает социерам богатства, не исполняет желания, подобно золотой рыбке. Хотя некоторые молятся ему.

— Молятся?

— Я видела часовни. Под бетоном, у стены многоэтажки времен социализма — огненные граффити и гербовые четки, раздавленные каблуком люксовые часы и темная капля наркотической дури, скатившаяся на землю.

— Какие, черт возьми, «гербовые четки»?

— Выходит молодчик из братчины, подбегает к вельможному пану, ножка, бляка, барыка, и снимает с его пальца перстень с гербом. Так у него набирается несколько, а то и больше десятка колец — он нанизывает их на струну и приносит в жертву Круксу. Висят потом эти дары, никто не снимет, Крукс смотрит, висят на арматуре, на старых антеннах, радиаторах.

— Господи Иисусе, это все бандиты, ты же говоришь о бандитах.

— Своих они не стригут, панов только.

— По-польски, пожалуйста.

— Крукс может поднять из могилы.

— Народная легенда, да?

— Или не легенда. Три года назад, помнишь, уличная заваруха, смена лепперов по всей стране. Полиция посеяла нейроверки, помнишь, толпа двигалась к центру. В итоге полсотни разъеденных мозгов, верки выжрали им височные доли.

Наверняка помнишь, это было на высоких каналах. Что делали семьи? Они забирали этих овощей и тащили их к Круксу.

— То есть куда?

— Туда, вниз, вглубь социалищ, за пределы сети, за пределы досягаемости камер, спутников, говерков. Под его часовни, в тень бетона. Мой двоюродный брат — не этот, другой, — мой двоюродный брат, Мацейко, был среди них, полностью отбитый. Врачи сказали, что нейроструктуры выжжены подчистую, не из чего восстанавливать разум, если информация утрачена. Но Крукс вернул ему душу, и Мацейко теперь отжигает у корифанов нового леппера, долбанный шалопут.

— Что ты говоришь? Аза!

— Только за это ему пришлось Круксу прикарк-нуть; всему своя цена. Зато ему жиза. То есть жив он и в сознании. Я проведу тебя. Поклонишься, почести окажешь, он посветит и фатера тебе оживит.

— Я правильно понимаю? Ты хочешь —

— Это моя вина, я несу ответственность. У меня нет герба, но есть честь.

— Не твоя.

— Я принесла ему смерть на чистой ладони.

Мы сидим в зале ожидания в отделении нев-

рологии больницы Преображения Господня. Мы: я, мать, Аза, секретарь Вихвица, два шведа из конторы отца, его секундант, полицмейстер. Полицмейстер мудрует втихаря: он здесь на работе.

Поставленный у дверей больничный голота приносит матери стакан с минеральной водой. Мать лучезарно улыбается, тихо благодарит его. Это уже слишком, я не выдерживаю, выхожу.

За залом коридор поворачивает к широкой террасе, огибающей весь этаж — восьмой, самый высокий. Отсюда пологие пандусы ведут на крышу, где находится посадочная площадка для коптеров.

Я присел на мраморную скамью. Справа от меня яркие огни роскошных кварталов центра; дальше, за рекой, стоят в тумане социальные кварталы, серая панорама регулярной застройки, тянущейся до самого горизонта. Небо остается пасмурным, и мне кажется, что я до сих пор слышу карканье воронов и ворон — это просто больничные веркалерговые столбы потрескивают, переваривая нано, принесенные из города влажным ветром. Волосы на моих руках дрожат, когда я закуриваю сигарету.

— Можно?

Я пожимаю плечами.

Аза садится рядом. Скамья невысокая, панне на высоких каблуках удобнее вытянуть ноги перед собой. Я мрачно созерцаю их аэродинамическую геометрию.

— Мне звонил Буздиган, он сказал, что ты его заблокировал.

— Чего он хотел? Он должен быть доволен. Несмотря на все случившееся, сейчас именно Бурре в долгу перед ним.

— Звучит так, будто ты обвиняешь Буздигана.

— Упаси меня Бог!

— Психология. Угостишь меня? Благодарю. Психология, Зигмунт: для тебя было лучше, чтобы фатер проиграл, а потому, хотя ты и не желал ему зла, ты всё равно теперь испытываешь чувство вины. Тот, кто оказывается в выгоде, может, не всегда виновен, но всегда чувствует себя виноватым.

— Пошла вон.

— Психология, базовый курс. Как избавиться от несправедливого чувства вины? Это же основа всех курсов ассертивности. Мы проводим рациональный разбор фактов и мотивов, пока не увидим, что чувство необоснованно. Правда, у тебя к тому же конфликт с отцом —

— Значит, именно для этого пан Ян звонил? Он

послал тебя устроить мне импровизированный сеанс психоанализа? Или он висит там у тебя в привате, а? А на подручнике — Маленький Фрейд 7.0?

— По порядку. Ты действительно думаешь, что твое появление вывело фатера из равновесия настолько, что именно поэтому он проиграл?

Я качаю головой.

— Это не было, не было нормально. Я смотрел все его поединки. Что с ним случилось? Как будто его внезапно накачали наркотиками, у него закружилась голова, у него перехватило дыхание…

— Доктор осматривал их перед боем.

— Это ничего не значит. Такой Буздиган, если бы мог, облил бы весь парк нацеленными на фатера верками.

— У тебя паранойя. Повсюду стояли веркалерги, ты видел. Полицейский не поднял тревогу.

— Значит, в прямом контакте, они переносились не по воздуху. Кожа — кожа. Мы пожали друг другу руки.

— Думай, Зигмунт, думай. Все это воедино не складывается. Ты вышел из Черма через парковочный шлюз, ты был чист, Буздиган не мог посадить на тебя никаких верков. Если бы… Что? Отпусти! Ну, отпусти!

Я выворачиваю ей руки, она роняет сигарету. Она пытается освободиться, но не может встать с низкой скамьи. Я прижимаю ее к балюстраде.

— Руки! Покажи свои руки!

— Что —

Красные ногти, загорелая кожа, янтарные вирольца.

— Верк твою мать! Слишком поздно!

Отпускаю ее, встаю. Я ничего не докажу, мы вошли в Преображенскую больницу через клинический шлюз, не осталось и следа. Аза массирует запястья. Она поднимается, разглаживает юбку.

— Пан Цвеч. Я ожидаю —

— Перо Малжецкого.

Она не понимает, я вижу, что не понимает.

Но уже начинает сомневаться, уже хмурит брови не в гневе, а в размышлениях, вслепую возвращаясь памятью назад.

На террасе появляется санитар с коляской. Он проходит мимо нас — мы даже не смотрим на него.

Аза моргает, как будто в глаза ей что-то попало — и действительно, слезы блестят под ее веками. Она откидывает заплетенные волосы на спину, складывает руки на груди — поняла, теперь поняла.

— Если бы только —

По помещению входит мне на контакт доктор Бержиньский. Он стоит в зале ожидания отделения неврологии и говорит матери:

— …к сожалению, они необратимы. Веркхирургические вмешательства обычно способны воссоздать любую ткань. И, технически говоря, мы могли бы в конечном итоге воссоздать и ткань мозга. От мышцы требуется, чтобы она была просто мышцей того же типа, чтобы выполнять свою функцию, — однако недостаточно, чтобы ткань мозга была такой же, она должна быть той же самой тканью, записью одной и той же памяти, личности. При столь же обширных повреждениях структура не может самовосстановиться — в лучшем случае мы можем построить новую. Я имею в виду, нового человека в теле пана Цвеча. Так или иначе, это будет уже не Роман Цвеч. Его больше нет. Мне жаль.

Муттер улыбается доктору Бержиньскому со святой снисходительностью.

— Я знаю, что вы вынуждены так говорить, доктор, страховщики вам велят —

Я прерываю передачу, меня чуть ли не трясет от ярости.

У Азы, вероятно, Бержиньский тоже на контак-

те. Впервые с ее лица полностью спадает маска образцовой молодой специалистки, активной, порывистой и напористой.

— Когда я действительно… — Она глотает слюну.

— Ты разблокировалась? Разблокируйся.

Она кивает.

Мы забираемся на крышу больницы, проходим между пузатыми коптерами. Останавливаемся только у края крыши, чуть ниже веркалергового столба. Волосы встают дыбом на голове, покалывает язык, металлический привкус раздражает губы.

— У него был его профиль, — говорю я тихо, — не мог не быть; у Буздигана есть психологические профили всех родственников его ближайших сотрудников. Потому он знал, что если ты поедешь со мной, отец даже в величайшем гневе не станет нарушать традицию. Все меняется, кроме привычек. Поцелуй в руку — идеальный способ. Чем бы Малжецкий ни обмазал перо, это попало прямо в организм фатера.

— Я сделаю анализы, пациентов не ввозят через шлюз, он был в коконе —

— Думаешь, верки не разложились сразу после выполнения задания? Достаточно было слегка

нарушить гормональный баланс организма. Для этого не нужно никаких механических вторжений. Буздиган не допускает таких ошибок.

Аза прикусила губу.

— Значит, у нас нет даже косвенных улик. Это действительно может быть совпадением —

— Аза!

Она опускает голову, внезапно больше похожая на провинившуюся девочку, нежели на подражательницу успешной женщины.

— Зяный Буздиган, корчь его бяда, — бормочет она едва внятно, — пан выжизатый.

Ну да, нужно посмотреть с точки зрения Азы: не каждый день человек узнает, что был соучастником — чего? — в попытке убийства, да, и при этом в успешной попытке — в убийстве.

Я обнимаю ее. Она дрожит — от этого холодного ветра, может, и от него тоже.

— Чему тебя учили на курсах ассертивности? — шепчу я. — В этом нет твоей вины.

— Я-а-а —

— Тссс. Такие игры устраивают магнаты, так магнаты играли всегда.

Но я чувствую, что мои слова не доходят до нее, шок был слишком сильным. О богачах рассказывают самые мрачные истории, в душе

всё же не веря в них. Не верят, не могут верить прежде всего такие, как Аза: молодые парвеню, направленные на успех, как самонаводящийся снаряд, ревностные последователи мира жестких иерархий — если они пришли снизу, значит, существует верх, верно? И как сейчас панне объяснить? Не для того она откладывала каждый грош на костюмы ручной работы, не для того репетировала перед зеркалом профессиональные гримасы. Цинизм — это наркотик, который цедят годами в малых дозах; а введенный сразу в одну инъекцию он убивает организм без иммунитета.

— Буздиган… — начинает Аза.

— Ты не знаешь Буздигана. Оставь это.

Я, к сожалению, знаю. Ян Анджей Буздиган герба Побог — глава одной из Семей. В сетке политических режимов между абсолютной демократией (реализованной только в греческих полисах), абсолютной аристократией (тирании, тоталитаризмов), конституционной демократией (США XIX века, Европа доинформационной эпохи) и конституционной аристократией (просвещенных монархий или современного Китая) наш строй соответствует ячейке модерируемой аристократии: власти предержащие меняются, но всегда происходят из одной и той же элиты; на

эти изменения влияют, в частности, результаты голосования народа (который должен верить, будто может выбирать кого угодно), отражающие нынешнее соотношение сил внутри элиты — у кого оказалось больше денег и ловкачества, кто лучше втирал очки социерам. Потому всегда правят господа магнаты или их представители. Семей в Польше двенадцать, Польша принадлежит двенадцати Семьям. Ян Андрей Буздиган — глава одной из них.

Аза дрожит все сильнее, все менее понятны ее слова — и я наконец осознаю, что панна плачет у меня на руках. Теперь рефлексы опекунства и реакции нежности полностью берут верх. Я обнимаю ее, веду под навес. Высокие каблуки больше не отбивают маршевый ритм. Ттук, ттук, ттуктукк, ломается походка девушки. Она ниже меня; насколько ниже, я раньше не обращал внимания, разница не была видна, когда Аза смотрела, гордо выпрямившись, когда произнесенные ею слова казались твердыми, как пласт.

Я слегка целую ее в макушку, в заплетенные темные волосы.

— Теперь ты точно станешь моей ассистенткой, Якуб уходит.

И это были правильно сказанные слова. Аза

отрывается от меня, быстро вытирает слезы, поджимает губы. Подбородок выдвинут, руки по бокам.

— Он выживет, он будет жить, — гневно говорит она, — вернется.

— Ты слышала, что доктор —

— Да лорать на доктора. Паны не все знают. Воскресим, если будет нужно.

Аза погружается в социерство на моих глазах — как будто я смотрю ускоренную обратную перемотку фильма об эволюции Homo sapiens.

— Что, — усмехаюсь я, — вы там у себя прячете какого-то мелкокалиберного Христа?

— Мессии всегда происходят из самых презираемых народов, — иронично улыбается Аза, но это такая холодная ирония, что мороз сковывает мне позвоночник; я непроизвольно выпрямляюсь и хмурюсь.

— Крукс, говорят, Крукс его зовут. Товарищ Крукс, свояк Крукс, пан Крукс-Кручиньский. В его жилах течет кровь Герека, Валенсы, Леппера и Глиньского. Он вышел из ночи бетонных многоэтажек, из дыма городских трущоб, из бредовых иллюзий социеров…

Стасим

Не с одинаковым все счастьем в мир приходят:
Тот шире всех других плетни свои городит,
Другой славнейшую имеет родовитость,
Иной — знатнейшая на свете знаменитость.
У третьего друзей не счесть. Но непреклонна
Смерть справедливая, и от ее закона,
Кто б ни был, не уйдет: кто первый жребий вынет, —
Слуга ли, господин, — тотчас сей мир покинет.[56]

[56] Примечания: 56

Отрывок из XVI Песни польского поэта эпохи Ренессанса Яна Кохановского.

Трагедия пролетариата

Величайшей трагедией пролетариата стали нанотехнологии.

Дело даже не в том, чего ожидали все луддиты XXI века, — не в том, что машины, теперь уже невидимые, отняли еще пару десятков процентов рабочих мест. Конечно, это сыграло свою роль — хотя каждая новая технология постепенно создает множество связанных с ней услуг и направлений девелоперской индустрии, а также технократов всех мастей. Точно так же компьютеры, лишив людей многих профессий и функций, создали в то же время невероятно популярные IT-специальности, связанные как непосредственно с написанием программ, так и с их использованием. Поэтому на рынке до сих пор сохраняется потребность в квалифицированных веркманах. Университеты не успевают выпускать магистров нано.

Окончательной трагедией и похоронами пролетариата оказалось не то, что верки отняли у людей работу, а то, что дали им хлеб.

Раньше существовало очевидное принуждение к труду: кто не работал, тому нечего было

есть, негде было жить, не на что было лечиться; умирал он сам и его дети. Двадцатый век заметно ослабил этот прессинг, особенно в Европе. Обязательство лечить взяло на себя государство. Государству же вскоре пришлось гарантировать и крышу над головой. В XXI веке уровень социальных гарантий вырос настолько, что государство не позволяет голодать.

Последние экономические стимулы — что число работающих налогоплательщиков должно хотя бы обеспечивать тех, кто не работает, — рухнули с момента появления нано. Верккухню в каждый дом! Я помню, как в свое время под этим лозунгом даже побеждали на выборах. Сейчас затраты на поставку в социалища воды, минералов и пульпы СОН составляют жалкую долю прежнего социального пособия. Верккухни позаботятся обо всем остальном. Никто не голодает.

Рай для трудящихся — это жизнь без необходимости работать. Они ждали этого из поколения в поколение, со времен Шелли[57], Герека и Квась-

[57] Примечания: 57

Якуб Шеля — предводитель крестьянского восстания в Западной Галиции в 1846 году.

невского[58]. Им положено — и у них есть! Зачем унижать себя поисками работы, зачем мучить себя годами в школах, зачем кланяться панам, зачем давать иностранным капиталистам эксплуатировать тебя, а твоим детям позволять пахать на подлых кровопийц и грабителей польского народа? В этом нет нужды; соцверки принесли свободу. Триумф пролетариата — это смерть пролетариата, рождение Братчины Социала.

Здесь жизнь протекает в ленивом ритме бетонных восходов и закатов. Люди просыпаются и ложатся спать, потребляют пищу и испражняются, скандалят и совокупляются в соответствии с сеткой программ общественных каналов: до полудня в эфире мелькают в основном церковные образа, молебны и молитвы, четки и Ангелы Господни — тогда перед экранами сидят старшие социеры, в основном женщины, не увидишь их в окнах, во дворах или на улицах братчин; во второй половине дня преобладают романтические и приключенческие саги, сплетни, исповеди и спорт для среднего поколения; затем подростковые шоу, секс, музыка и адреналин — и колесо вращается снова и снова. Порой кажется, что раз

[58] Примечания: 58

Александр Квасьневский — президент Польши в 1995–2005 годах, социал-демократ.

в несколько лет ритм ускоряется: во время выборов, во время смены лепперов, демонстрации привезенных папских реликвий и мундиаля. Однако заранее известно, что все вернется в норму: социеры, 20 миллионов граждан Республики Польши, 80 процентов населения, второе и третье поколения свободных безработных — не могут, не смогут жить иначе, другой жизни они не в состоянии себе представить.

Очень редко из массы выбивается статистическая аномалия, плод амбиций и решимости, вдохновленная разве что только Духом Святым, но явно не семьей, соседями или сверстниками-социерами; одна из тысяч — Анна Зоя Стефаньская.

Она говорит, что родилась прямо здесь, на этой улице. День уже близится к концу, на город опустилась предвечерняя тишина. В сердце социалища время суток, собственно, не имеет значения: ведь никто не идет на работу и никто с нее не возвращается — разве что уличные наркоторговцы и подпольные дилеры братчин.

— Это не работа, — поправила меня Аза, — выплюни это слово. Это барыжничество.

— Они зарабатывают. Какая разница?

— Но нелегально. И над ними нет никаких

господ.

В некоторых социалищах лепперы поддерживают традицию государственных школ — там еще можно встретить утром и днем детей со школьными ранцами, бредущих группами по погруженным в летаргию районам. Но не здесь, электронное образование дешевле, местный леппер выделил эти средства на какую-то предвыборную колбасу. Дети социеров могут стать только социерами. В десятке метров от перекрестка три девочки играют в повешение кота.

Типовые дома стоят ровными рядами перпендикулярно широкой улице; между ними — полоски густой зелени. Часть зданий датируется еще двадцатым веком, а часть построена уже в стиле верктека, из пласта и крака. Я бы не заметил разницы, если бы Аза не просветила меня. Все покрыто толстым слоем пестрого граффити, взломанные говерки ежедневно переписывают облик социалища, границы влияния отдельных цветов и форм обозначают границы влияния братий. Семейный дом Азы — зигзагообразная пятиэтажка — украшен фиолетовыми фракталами Бежиёбов.

— Ты узнаешь их по веркпигменту и огням над головами, — предупредила она, выходя из маши-

ны. — Если они появятся, падай сразу на колени и целуй асфальт. Не смейся, я не шучу. Здесь даже бетон и тучи на их стороне.

— Я мог бы сбежать под другую братию.

— Не мог бы.

Покинув автомобиль, она сама опустилась на колени и полизала поребрик.

— Я довольно часто навещаю семью, — пробормотала она. — Мне приходится обновлять иммуноверки.

— Ага.

Она пожала плечами и направилась к дому. Акациевая улица, 12 Б.

Аза вошла одна; я остался снаружи. Сидя в одиночестве в закрытом «фиате»[59], я бы выглядел испуганным туристом. Поэтому вышел и, прислонившись к капоту, закурил сигарету. Веркдуй проносится по пустой улице, резкое, голубое сияние муниципальных дизассемблеров[60] — здесь не встретишь мусора, грязи, животных и человеческих экскрементов. Хотя по дороге нам встречались пьяницы и наркоманы, открыто отливающие под фонарями, спящие вповалку

---

[59] Примечания: 59

Модель массового и дешевого автомобиля, производимого в Польше.

[60] Примечания: 60

Наномашина или система наномашин, способная разбирать предмет.

на газоне в лужах блевотины и экскрементов, еще не разложенных, в большинстве социалищ чисто, как в люксовых моргах.

В ближайшей подворотне на пластовом стульчике сидит неоновая старушка. Под левой рукой — бутыль верксамогона; в правой — гербовые четки. Хриплым голосом она бездумно молится на перстнях улораных панов:

Жиза Тебе, Мария, верков полная,
Крукс с Тобой, зачетна Ты меж фемками,
и зачетен личинус жизы Твоей, веркур.
Зяная Мария, мутророжия,
виртуаль над нами, социерами,
щас и в час смерти нашей.
Аминт.

Она поднимает сухое лицо, отмытое от морщин примитивными косметическими соцверками, смотрит на меня большими глазами — и на какой-то страшный миг мне кажется: она всё видит, заметила, пронзила взглядом насквозь, вирольца под перчатками, ясновельможного пана под социерским одеянием, сейчас выдаст криком всей многоэтажке.

Аза заранее предупредила:

— Никаких крафтовых шмоток, никаких вироле́ц и люксового верктуажа. Только дурак так глупо подставляется.

Поэтому мы переоделись в краковые джинсы и свитшоты, тяжелые пластовые гриндерсы и куртки-бомберы. Перчатки мы взяли, чтобы не отрываться от виртуала; социеры предпочитают более дешевые, нереляционные устройства: стационарные считыватели, сканы жестов и артикуляции, даже клавиатуру и мышь. Вирольца здесь не рулят, вирольца для панов. Перчатки же носит почти каждый молодчик: голая рука — голая душа, прикосновение бывает убийственным.

Краковый материал мягкий, гладкий, машинно однородный. В этом антисептическом дерьме я уже чувствую себя наполовину социером.

Одна сигарета, потом другая. Эти девочки с мертвым котом, эта бабка с четками, эти головы в окнах и эти спившиеся, обдолбанные социеры на балконах, эти молодчики в изредка проезжающих бесшумных тачках, эти девушки в ярких или полупрозрачных платьях, выныривающие из тени подъездов, и пришедшие их забрать на дискоргию или наркопати молодые люди, прокаченные порно-верками в мускулистых

сексапильных монстров, мощных, как железобетон, эти собаки и кошки, этот наркоман, совокупляющийся со столбом, эти два пропоицы, матерящиеся во всю глотку друг на друга и на безымянных панов, этот плачущий младенец, этот пацифизд с хлорофилловыми волосами, эта женщина, возвращающаяся с шопинга, эти дети, плюющие на прохожих с крыши, эти старики, загорающие на баскетбольной площадке, этот торговец попелушками[61] и войтылами[62], курсирующий с хриплым пением под балконами, этот героинщик, загибающийся под акацией, эти девочки, эти девочки. Сигарета третья, четвертая. Однажды, помню, фатер отвез меня в социалище, мне тогда было — сколько? шесть, семь лет? — чтобы я увидел, почувствовал и попробовал. — Конечно, ты можешь не учиться. Можешь не делать уроки и не работать ни дня в жизни. Посмотри. — Он вел меня за руку по погруженным в такую же летаргию солнечным кварталам социала.

Короткая мудра рукой в краковой перчатке: отец все еще в коконе, его не отключат по край-

---

[61] Примечания: 61

Ксендз Ежи Попелушко, участник «Солидарности», убитый в 1984 году.

[62] Примечания: 62

Кароль Войтыла — мирское имя папы римского Иоанна Павла II.

ней мере двадцать четыре часа, мать не позволит, в этом я могу быть уверен. Другое дело, что с каждой минутой уменьшаются шансы на чудесное пробуждение, вернее, на воскрешение. Я должен об этом помнить, чтобы не дать себя сбить с толку словами. Нет шансов. Есть только глупая надежда Азы, ее упрямство.

Пятая сигарета. Таймер: 19:29. Из окон многоэтажек доносятся звуки заставки к какому-то социерскому шоу. На приват пробивается Липский; я скидываю его в игнор.

Возвращается Аза. Я втаптываю хабарик. Садимся, она заводит «фиат».

— Куда?

— В Двадцатипятилетия. Это на другом конце города.

— Но что они тебе сказали? Он устраивает какие-то аудиенции?

Мои насмешки отскакивают от нее, как от пласта. Она только больше наклоняется над рулем.

— Я дала слово. Он не умрет.

Сжатые губы, ястребиный взгляд, локти плотно прижаты к туловищу. Она нашла себе новую цель, она не изменит однажды выбранной траектории. Социерский «фиат» мчится на скорости семьдесят.

Вместе с бьющими в лицо огнями рекламы кислые размышления: боже мой, что я делаю, ведь я знаком с ней всего несколько часов. Мне следует сейчас сидеть в Преображенской больнице, или висеть, вцепившись в горло Буздигану, или напиваться и сходить с ума в виртуале.

Но теперь, по крайней мере, у меня есть какое-то чувство, что я что-то делаю.

Это правда, что люди в подобных ситуациях всегда цепляются за самые идиотские надежды — шаманы, чудотворцы, святые мужи; как тревога, то к знахарю, — но я ведь не верю в эту байду Азы!

— И что, махнет рукой, и в двадцати километрах у отца отрастет мозг?

— Ты заберешь его из больницы и привезешь туда, куда укажет Крукс.

Мы выезжаем на кольцевую дорогу. Здесь на мгновение соединяется поток социерских машин с люксовыми автомобилями городского центра и субурбийских застав. Аза ведет машину одной рукой, в другой держит сигарету. Она, должно быть, поймала мой испуганный взгляд, приподняла брови.

— У тебя оплачена гражданская ответственность за беспилотное вождение по высоким

трассам? — спрашиваю я.

— У меня стоит метка. Двоюродный брат, да, тот первый, хакнул мне транспондер машины, иначе мы бы вообще не выехали из социалища.

— То есть, если нас поймают —

— Не поймают.

— Но если какая-нибудь авария —

— У меня никогда не было аварий.

— Я вообще этого не понимаю. Ведь это все равно, что играть в аркаду, где ошибка равняется смерти и, как минимум, увечьям — тебе, пассажирам, другим людям на дороге. У меня бы сердце разорвалось на первом же километре.

— Люди больше века так ездили, сами водили.

— Вот именно. Сотни тысяч убитых. Ужас. У тебя есть хотя бы водительское удостоверение?

— Да ну его.

— Боже праведный.

Въезжаем под пластовые виадуки. Полотно шоссе прозрачное, видны только тени днищ проносящихся над нами машин. Солнце только что зашло, последние горизонтальные лучи расщепляются в кромке пласта, мы поднимаемся сквозь автострады радуг. Очень красиво — крутейший индастриал — и этот затянутый смогом небосклон, пронизанный лучами зари, — гармония

загрязненной природы.

— У тебя нет получше машины?

— Хм.

— Я понимаю, что в братчинах, но — ты всюду катаешься на этом социермобиле?

— Да пошел ты. Отлорись.

— Прости. — Слишком поздно возникает мысль, вполне очевидная, что Аза воспринимает подобный вопрос как типичное проявление презрения к низшему классу. — Не моя стихия.

— Нда…

— Ну прости, что не проливаю горьких слез над печальной участью социеров!..

— Но я вовсе и не ждала этого, — медленно произносит она, не отрывая взгляда от проезжей части.

— Люди любой эпохи прошлого без колебаний поменялись бы с ними местами.

— Сказал Его Сиятельство, потрепав по голове своего крепостного.

— Что за лепперское словоблудие?

— Молчу, молчу.

— Можно подумать, что ты сама мечтаешь совсем не о том, чтобы выйти замуж за герб и сбежать в деревенскую усадьбу.

— Как будто свою мать слышу! — наконец взо-

рвалась Аза. — «Предательница! Ты перед НИМИ выслуживаешься! Шлюха оккупантов! Вот пусть ОНИ тебе сейчас и помогают!»

— Оккупантов?

— А ты не знаешь? Вы продали Польшу немцам, евреям и американцам. Верки — это выдумка масонов, чтобы окончательно поработить польский народ.

— Ну, да.

— Но Божематерь и Крукс скинут со страны чужое ярмо, и восстанет бесстрашная братчина.

— А мне казалось, что смена лепперов произошла совсем недавно. Они так быстро бунтуют?

— Ты не врубаешься. — Аза качает головой. — Здесь все постоянно живут на грани взрыва, со штурмовками и «молотовыми» под кроватью. «Мы больше не можем терпеть!», «Если ничего не изменится, то прольется кровь», «Мы стоим на краю пропасти» и так далее. Никакого специального катализатора не требуется, менталитет кризиса — это образ жизни, день за днем, месяц за месяцем, год за годом, поколение за поколением. Чувство постоянной опасности и полной безнадежности ревностно блюдется, как рождественские традиции. Я насмотрелась с детства. Что меня больше всего удивляло, так это то, что

только я удивляюсь. Приходит новый леппер, устраиваются новые выборы, идет финансирование от Семей, люди снова верят обещаниям, Семьи делятся пирогом, но сколько можно доверять одному человеку? — вторые, третьи выборы, морда уже истаскалась, и начинается новая волна, новая мордашка, новые договоренности, новая морковка, какой-нибудь люксовый соцверк или повышение социала, новый дележ пирога, и всё с самого начала. И знаешь, что действительно страшно: ты можешь им говорить, можешь повторять, объяснять прямо в глаза — они слышат и не понимают, они слышат и не хотят понимать. Паны должны дать им то, то и то, все больше и больше, им положено — и кто больше налепперит, за тем и пойдут. Пока я не уехала на учебу, мне казалось, что я живу среди ослепленных в виртуале, единственная проснувшаяся. Фильм ужасов. Мне пришлось бежать, выбора не было — с того момента, как я раскрыла глаза.

Только тогда она поворачивает ко мне голову, и я вижу, что она улыбается. Гримаса растаяла, лицо мягкое, беззащитное, меланхолия заливает темные радужки.

— Труднее всего, — говорю я, — это в первый раз подумать о немыслимой вещи.

Она убегает взглядом.

— Значит, теперь я нахожусь на другой стороне.

— Ммм?

— Эксплуатирую.

— Ага. Я имею в виду, салариат — это тоже ОНИ.

— Конечно. Ты думаешь, социеры как-то различаются? Кто бы ни работал, кто бы ни зарабатывал. Если он зарабатывает, значит, эксплуатирует. По определению. И худшие ОНИ — это, конечно, та доля процента над салариатом, которая зарабатывает, потому что владеет. Господа магнаты. Ты, Зигмунт.

— Я? — Я смеюсь. — Из меня такой же магнат, как из —

— Что с того, что ты тоже на зарплате? У тебя есть доля в Черме? Вот. Конец дискуссии. Ты пьешь их кровь, смирись с этим.

Она продолжает улыбаться, но снова в этой улыбке больше иронии. Непонятно только, против кого направленной.

— Как, черт возьми, я могу эксплуатировать их, если они не работают, ничего не производят? Откуда берется эта якобы прибыль, которой я их лишаю?

— О, тебе определенно следует чаще смотреть общественные каналы. Работа здесь ни при чем. У тебя есть, а у них нет, — это несправедливо. Если бы вас не было, богатства достались бы всем поровну. Но вы удерживаете их только для себя.

— Какая чушь! Если бы нас не было, не было бы богатств, чтобы их делить!

— В прошлом веке, наверное, в это еще поверили бы, но в эпоху верков — ни малейшего шанса. Ведь они видят, что богатства берутся из воздуха.

— О Боже. Кто в такие —

— Все. Восемьдесят процентов населения, Зигмунт.

— И этот Крукс — их кто? Костюшко, Валенса, Мандела, Ганди, Сейвер Самозванец, Загара, бен Ладен, Че Гевара?

— Ага.

— Тогда зачем ему вообще слушать мою просьбу?

— Да. — Аза прикусила щеку, энергично поворачивая руль; мы съезжаем в обширную чашу, долину, заполненную рядами типовых многоэтажек, словно микросхема резисторами, и каждое строение отбрасывает огромную тень. — С чего бы ему?

Проезжая часть покрыта цветными фрактала-

ми. На старом щите с планом поселка XXV-летия ПНР танцуют искры мелких разрядов. Мимо нас проезжает парень на велосипеде, его тело оставляет в прохладном воздухе розовое остаточное изображение. Присевшие на поребрик молодчики лениво плюются крошечными шаровыми молниями. Внутрь «фиата» врывается громкая музыка: электронный маршевый ритм, синкопированный детским хором. Дети страстно скандируют:

— Уррва! Уррва! Уррррва!

Мы въехали в братчину.

Братчина XXV-летия ПНР

— Кто леппер этого социалища?

— Клавысын, Мустафа Клавысын.

— Я должен был слышать о нем?

— Он еще ничего не поджег.

— Ты меня успокоила. Ты видела внизу этих молодчиков с веркосами?

— Расслабься. Это спокойная братчина. Клавысин даже полицию сюда пускает.

— Вручить ему Орден Белого Орла.

— А чем, по-твоему, в итоге подкупают леппероп?

Мы проходим по узкому коридору типового строения, второй этаж, нет лифта, лестничные площадки пульсируют солнечными верками, коридор, кажется, метров сто в длину, тянется через все здание, двери в квартиры слева и справа, как ворота бронированных сейфов. Навстречу нам идут двое детей, они поочередно передают друг другу трубку с каким-то сладким наркотиком, дым тянется за ними белой лентой. Внезапная легкость в голове, когда я втягиваю его в легкие.

Аза останавливается у номера 143. Нажимает на звонок и с глупым выражением лица смотрит

в объектив. Шаги. Дверь открывается. Заходим.

Хозяин в одних трусах, чешет живот и хмурится, густая щетина скрывает более тонкие черты его лица. Он окидывает меня изучающим взглядом. Я героически вступаю в затхлый воздух квартиры, в вонь немытого тела. Хозяину где-то лет тридцать, но внешность социеров бывает обманчива — он может оказаться подростком.

— Зига, Замараш, — представила нас друг другу Аза и тут же схватила Замараша за локоть. — В ножки, нам надо потолковать.

Замараш сопротивляется.

— Щас? Щас? Пшлавон, мотай мигом! А ну-ка! Времени нет на твоя!

— Не каркай, не каркай. Дашь мне тока выход на одного молодчика.

— Откати, урва голуба!

— Уважь мне, Замараш! Чё тебе четверть часика?.. Уолл-Стрит не обрушишь. Ну чё ты.

— Да отвали ты от моя! Три года, и тут вдруг на пороге с ушлепком бледным! Прадь!

— Сам ты прадь. В ножки, в ножки, Замараш!

И она тащит его вглубь квартиры.

Прихожая настолько узкая, что двум людям трудно протиснуться рядом. Замараш смотрит на меня через плечо.

— А его где? Сядь!

Аза указала мне взглядом на вылинявший диванчик у стены. Я не могу разобрать в этой социерской тесноте, то ли это своего рода мини-гостиная, то ли какое-то расширение прихожей, или какая-то случайная ниша. Покорно сажусь. Аза с Замарашем исчезают за дверью справа.

По крайней мере, я могу открыто мудровать. На контакте слева открываю предварительный просмотр сети в личном фильтре информации. Фильтр работает на пластусовом ИИ, который лучше меня знает, что мне интересно.

Иногда на узких абонентских каналах появляются новости о публичных дуэлях, если в них принимали участие Фамилии. Проверяю. Однако ньюсов об отце и Вихвице нет.

Машинально мудрую на больничный приват: в Преображенской больнице без изменений, во врачебных записях фатера те же результаты; здесь если что-то изменится, то только вниз. Ну, разве что Крукс возложит свои руки на расколотый череп (о Господи Иисусе, я начинаю в это верить!).

На BBC-Open последние новости с фронта мексиканской войны: все стороны обвиняют друг друга в распространении военного нано; ис-

кривленные морские течения несут их в Южную Америку — тропические леса снова находятся под угрозой.

Crisis Watch об африканских рынках: индексы на плюс один к восьми, два к трем, вилки стабильного роста. На багдадской бирже компании нефтяных шейханатов начинают тормозить падение. Индексы n-Business подскочили, когда Bukkart объявил результаты за первый квартал: нефть в качестве органического сырья для низкоэнергетических верков оказалась доходным выбором.

Решение суда по веркгенной пище: разрешено продавать мультигенеративные соцверки. Сразу падают котировки производителей консервов социального стандарта; Интерпол предупреждает о новых нападениях агротеррористов, «Последние фермеры» объявляют суицид-шоу.

Десятый день голодовки короля Уильяма — опросы мнений британцев, визуализация тенденций.

ИИ, управляющий телом Бритни Спирс, предъявил самому себе обвинение; иск о правах на ДНК и нейро ветеранки поп-музыки будет рассматриваться в суде Санта-Барбары. Акции медиа-холдингов, владеющих акциями Бритни

Спирс, идут вниз.

С TVN-Prol2 фильтр выхватывает морду Буздигана. Видимо, прямо с завтрака в посольстве Бразилии Буздиган отправился на открытие нового аквариума эволверков Варшавского университета, произнес там речь в том же жупане, с той же карабелой у пояса. Я узнаю текст манифеста дрекслеровской экономики: «Некогда человеческая жизнь напоминала игру с нулевой суммой. Человечество почти полностью заполняло свою нишу, и племена боролись между собой за жизненное пространство. Увеличение площади пастбищ, посевов или охотничьей территории одной группы означало изъятие их у другой группы. В области налогов, денежных переводов и судебных баталий прибыль одной стороны по-прежнему сегодня означает потерю другой. Мы увеличиваем сумму наших богатств медленно, но перераспределяем их быстро. Однако история развития человечества доказывает, что в мировом масштабе эта игра — игра с положительной суммой. Ускоряющийся в последние века экономический рост свидетельствует о том, что богатые могут разбогатеть, а бедные — тоже богатеют. Космические ресурсы и реплицирующиеся наноассемблеры ускорят

эту историческую тенденцию за пределы самых смелых представлений экономистов, открывая для человечества новый мир»[63].

Новый мир открылся для всех, но не для всех он один и тот же. Дело не в том, что происходят перемены, в конце концов, мир всегда находится в процессе перемен, а в том, что необходимым условием для следующего изменения является подчинение предыдущему; так что тот, кто однажды опоздает и не оседлает волну, никогда больше не догонит прилива. Человек, семья, поколение, нация, страна.

Отсюда рождаются экзотические субкультуры Оставленных Позади.

От частного: социерский эталон красоты другой, он основан на культе количества — больше золота, мускулов, красок, больше роскоши, — и такая вот голограмма улыбается мне со стены прихожей Замараша — мясистая блондинка с огромными сиськами, в гирляндах тяжелых украшений. От частного: зачем убирать, если можно закинуть в квартиру гигиенические дизассемблеры — в результате даже дерево спинки диванчика на ощупь как крак. От частного: окна

---

[63] Примечания: 63

Сокращенная цитата из книги К. Эрика Дрекслера «Двигатели созидания».

сделаны из толстого пласта, пуля не пробьет их — чему есть доказательства, ряд следов от пуль, причем свежих, раз они еще не залечены. К общему: как здесь ужасно воняет!

Из-за двери доносятся невнятные голоса Азы и социера. Я уже собираюсь встать, подойти, приложить ухо (никакого стыда), когда в глубине прихожей раздается лязг автоматических задвижек и небольшой сквозняк сигнализирует об открытии двери в коридор. Кто-то вошел, не позвонив, женщина Замараша? — но нет, из тени вырисовываются два мужских силуэта. Сначала желтые блики очертаний черепов, плеч, огоньки глаз — они видят меня, — пара бритых голот, в кожаных штанах и веркольчужных жилетах, неоновый дым тянется за ними в воздухе, тигровые полоски проходят по очень смуглой коже. Под какой братией находится этот район? Об этом Аза забыла упомянуть.

Тигр Один окидывает меня изумленным взглядом, Тигр Два толкает его локтем и указывает на дверь справа. Я должен встать, представиться, пасть ниц, убежать, мудровать в полицию? Они решили за меня, вошли к Азе и Замарашу, прежде чем я среагировал.

Голоса становятся еще громче. Теперь уже

принуждение почти физическое — слышу, но не понимаю, это невыносимо, подхожу на цыпочках, прижимаю голову к пласту.

— …пойдет брутал!

— Какой брутал, какой брутал! — Это голос Азы. — Вылорало вашу палу! Мало Клавысын вам социала выдоил?

— Не для Клавысына, прадь его харава! — Это один из Тигров. — Подут все братчины. Чё твоя натрепал? Запрыт был: не каркать телкам. Приходит наша, и чё зырим? Уже русалка у Замараша! Прадь!

— Да это малая Стефаньской, тарошницы. Чё моя мог? Она вперлась.

— А она не выкаркает? Все каркают.

— Да прожарь ей черепуху. — Это Второй Тигр.

— А, ну да, вылорать сразу в лёд! — заводится Аза. — Чё за шибанутые молодчики ща пошли! Надо же, революшн им раскрыли! Моя дюжину таких лепериад видела. Тоже мне, есть о чем каркать! Вперед, раздолье вашим жопам.

— Лепериад! — хохочет Второй Тигр. — Не будет никаких монстраций! Ночью, по хатам, все разом, с братвой давно скаркались, подём скопом, Крукс поведет, вылорем панов на раз-два, тут и повсюду, так и будет, глупая урва!

— Прикрой пасть! — орет на него Первый Тигр. — Она могла выкаркать, а? А? Прадь!

— Нучёнучёнучё —

— Крукс поведет, каркаешь, — не спеша произносит Аза. — Ваша хорошо знает Крукса?

— Это он дал Выграм огонь! — хвастается Второй молодчик.

Звук удара. Первый врезал в морду Второму, могу поспорить.

— Прадь харата! — шипит Первый. — Скажу братве, они зашьют тебе хлебальник! А ты! Ты, ты, твоя! Ты запрешь ее здесь до утра послезавтра. И никуда не звонить, ни с кем не каркать. Усёк?

— Усёк, усёк, — мрачно кивает Замараш.

— Но мне надо —

— Хер тебе надо! Ты чё, халтуришь по субботам? — И хоровое ржанье. Я быстро посчитываю: пятница, суббота, воскресенье, — они запланировали брутал на ночь с субботы на воскресенье; в это время действительно большинство людей будет атаковано вне работы, дома или в высоких кварталах, в клубах, кинотеатрах и салонах.

Почему я раньше не слышал об этом социерском движе? Они не умеют ничего грамотно организовать, тем более втайне; у меня на фильтре информации уже несколько недель назад

должны были появиться десятки сообщений о росте классовой агрессии в братчинах.

Но и о Круксе у меня никогда ничего не появлялось.

— …и налысо, — объясняет Первый Вырг Замарашу. — Как укаркались. Есть?

— Зыряй.

— Ну-у-у-у.

— Красава.

— Давай.

Лязг стали. Внезапно по позвоночнику пробегает холод: я понимаю, о чем речь. Они пришли за аксессуарами, за саблями, одеждой, хотят раствориться среди нас, смешаться с гербами. Замараш отвечает за снабжение, гребаный дилер. Не удивительно, что Аза обратилась к нему, чтобы получить выход на Крукса.

— А как —

— О!

— Покажь!

— Хе-хе!

— А че ты так лапкой крутишь? —

— Урррррва!

— Держи ее!

— Перчатки!

— Чё —

— Она легавым мудровала!

— Вот же хара, верк твою мать, позырь на эти кольца, ну прям вельможная херания!

— Ушло? Она могла не успеть. Пристегивай!

Щелчок.

— Всё! Пристегнул!

— Замараш, чё ты там каркал, откуда ее знаешь?

— Оспади, это ж Стефаньская, эта с —

— Держи ее, Юзек. Заткни ей хлебальник, я ей черепуху прожгу. А то они ревут по-сучьи, и кровь у них идет из носа и ушек. Замараш, давай тряпки.

— А тот ушлепок, чё там ошивается?

— А чё с ним?

Дверь не защелкнута, достаточно толкнуть, они заняты Азой, Второй Выгр обездвиживает ее приёмом Нельсона, Первый Выгр обхватывает ей голову, яркое свечение вокруг них — сабли лежат на столе, я поднимаю обнаженную жигмунтовку; нет времени взвешивать; насколько острый клинок, не знаю — рублю обеими руками от плеча.

Первый Выгр падает с рассеченной шеей, позвоночник выходит наружу, веркольчуга шипит, залитая кровью, стираю капли с лица рукавом куртки.

Второй Выгр, отпускает Азу, Аза орет, я поднимаю саблю, за моей спиной орет Замараш.

Теперь все делаю машинально — десять лет прошло с тех пор, как я ходил на фехтование, и все же животная память сохраняется в теле — уворот, парад, Замараш идет на меня с краковым стулом, сбиваю, он поднимает, сбиваю, он бросает, я отскакиваю. С другой стороны — Выгр использует какой-то тяжелый веркбой, кольчуга скручивается у него на плечах, Выгр сжимает кулаки, на нем растут шипы и клинки, воздух дрожит, я ощущаю этот жар и чувствую резкий запах гари. Желтые глаза горят, он наклоняет голову, обнажает зубы, тоже уже заверкованные в блестящую сталь, верктуаж напрягает его мышцы и выталкивает из-под кожи вены — и вот стоит передо мной Чудовище.

— Аза! — кричу я, косясь на Замараша, который тем временем бросился к штабелям коробок, занимавшим почти половину комнаты, к высоким вешалкам с жупанами и делиями[64].

Аза пытается подняться, падает, пытается снова. Выгр продвигается вперед, искры белых разрядов скачут вокруг него по конденсаци-

---

[64] Примечания: 64

Традиционная одежда польской шляхты. *Делия* — шерстной плащ, надевавшийся обычно поверх жупана.

онным линиям верков. Я рублю слева, отвожу клинок предплечьем.

— Аза!

— Падай!

Это кричит Замараш — не мне, но я падаю без раздумий. Очередь проходит по стенам, мебели, утвари, потолку, попадает во что-то стеклянное, сыпятся хрустальные осколки.

Отступаю за дверь, сабля в руке. Диван, через диван, прихожая — бежать из этой квартиры! Я не оглядываюсь. Засовы, кракзажимы, к счастью, нет шифр-замка — вываливаюсь в коридор. Как попасть к лестнице? Налево. Я бегу.

Но — но я уже слышу его позади себя, вижу на покрытых граффити стенах сверкающие блики от его верксияния. Полусогнутая старуха высовывается за порог и тут же в ужасе прячет голову; в квартирах заливаются лаем собаки. Сзади топот, словно это бежит Терминатор.

Схватившись за перила лестницы, я оглядываюсь через плечо. Разъяренный Выгр в десяти шагах позади меня, он заносит бронированную руку, как будто бьет невидимым кнутом, и я не вижу, никак не могу видеть, но отчетливо чувствую, как что-то скручивается, сгущается, щелкает в воздухе — я прыгаю вниз по лестнице,

но уже слишком поздно, черный огонь достигает моей спины, обжигает через куртку.

Я с криком падаю, ударяюсь головой о бетон. На промежуточной площадке поднимаюсь, сбрасываю зараженный бомбер. В прямоугольном пролете лестницы надо мной растет холодное сияние.

Я бегу через три ступеньки. Пыхающие в холле социеры изумленно смотрят на меня. Перекладывая саблю из руки в руку, я сбрасываю с себя рубашку, расстегиваю джинсы — не успеваю снять, они рвутся и распадаются, брюки, пояс, боксерки, из ткани поднимается дым. Нарики хихикают.

На бетоне растягивается тень, резкая, все более четкая, а за моей спиной расцветает белое сияние. Они поднимают глаза, бросают косяки и разбегаются — без слов, они ведь живут под братией Выгров, знают.

Я бегу вместе с ними.

Уже стемнело, значит, бежать, бежать в эту тьму — «фиат», нет, он заведется только от касания Азы — во тьму — из желтых окон многоэтажек высовываются головы старых и молодых социеров, эхо разносит по социалищу вопрошающие крики — во тьму — уже горит кожа, спина,

бедра, шея, Боже мой, он дотянулся до меня — во тьму — из древней многоэтажки позади меня появляется в ослепительном сиянии верквооруженный громовержец, извергающий выгриную ярость, — во тьму — в Братчину XXV-летия ПНР.

Крукс

Они охотятся на меня, я слышу их призывы, плывущие волчьими завываниями по ночному многоэтажью. Я пробегаю в тени.

Свежие граффити на окнах немецкого соцмаркета: ДА ПРИИДЕТ ТРАХСТВИЕ ТВОЕ.

Две девушки, прижимающиеся друг к другу под деревом, та, что выше, простирает китчевые крылья из просроченных светолётов.

Костры на крышах многоэтажек, черные силуэты, танцующие вокруг электрического пламени.

Старик с собакой — веркпёс вывел деда на прогулку.

Вращающаяся на фронтоне небоскреба красочная мандала: CRUX CRUX CRUX.

Женский голос с открытого балкона: — Юлик! Лора! Лора! В стойло!

Вынырнувший из-за поворота проспекта большой бензинник, сплетение старинных механизмов, «мерседес» прошлого века. Из его динамиков — непонятный социерский гимн; в открытой его крыше — бригада Выгров под черными знаменами с Божематерью.

Я пробегаю в тени.

И издалека, из-за погруженных во мрак зданий, из-за геометрии светлых окон: — У-у-у-у-у-у-у-у-у-у-у! У-у-у-у! — социерская свора, братия, собирающаяся в погоню.

Они охотятся.

Сабля в руке, вот и все. Я вытираю руку о бедро. На сабле кровь, не вытереть.

Почему контакт не подключается? Мудрую без перерыва, в подручнике открываются все быстрые варианты связи: полиция, Черм, Аза, семейная иерархия, Буздиган, Малжецкий, городская стража — и ничего. Блокировка, я был заблокирован вместе с Азой; Первый Выгр, Второй Выгр, кто-то из них отрезал меня от сети.

Чего он, конечно, не мог сделать. Потому что как? Он мог разве что скинуть меня в мордор со всеми сетями в пределах досягаемости.

Здесь даже бетон и тучи на их стороне.

Бетон царапает ноги до крови, холодный, шершавый. Были у меня ботинки, а теперь нет, они развалились на бегу. Печет уже всю кожу. Если бы он хлестнул меня открытыми верками органического разложения, от меня к этому времени мало что бы осталось — а значит, атака была ограниченной. Ведь он бил внутри социерского

дома, ему приходилось очень осторожно подбирать оружие.

Но нано обладает настолько мощной энергией, что способно за секунды реконфигурировать макроструктуры, это запрещено всеми возможными конвенциями и кодексами. Говерки поднимают тревогу при обнаружении любого следа подобных процессов. Но для Выгров использовать их — явно обычное дело.

Более того: этот пистолет-пулемет Замараша определенно не был пневматическим. А ведь одной из первейших функций полицейских говерков является обнаружение террористической химии — после сжигания такого количества пороха над братчиной должны кружить дюжины полицейских коптеров.

Кто вывел эту область за пределы городского и мирового правового поля? Становится холоднее — я потею от страха.

Это он дал Выграм огонь!

Я пробегаю в тени.

Пустая проезжая часть, парковка, стена, деревья и — церковь: такая же бетонная глыба, как и остальная братчина, только увенчанная крестом. Вечер пятницы, наверное, должна быть открыта — каковы религиозные обычаи социеров, поня-

тия не имею.

Храм, к сожалению, не имеет шлюза, полный примитив. Я вхожу через боковой вход в полумрак нефа. Тишина, никого не видно. Откладываю саблю. Правила оказания первой помощи при заражении верками мало чем отличаются от процедур после заражения радиоактивным материалом. Овальная купель стоит достаточно низко и имеет более полуметра в диаметре. Лезу в воду, обмываюсь, сильно теряя кожу. (А что если в церкви есть сеть внутреннего наблюдения? Тем лучше — пусть объявляют тревогу в агентствах, в полиции!)

Эхо шагов в пустом помещении. Я замираю. Решения, принятые за доли секунды, не решения — рефлексы. Я выскакиваю из купели, срываю одеяние со статуи какого-то социерского святого, заворачиваюсь в жесткую ткань, на груди качается серебряный горжет. Еще сабля и — шлеп, шлеп, холодный мрамор под босыми ногами. Порыв: к алтарю и к ризнице или прочь от алтаря? В ризнице постоянная связь, кнопка вызова полиции, но в ризнице наверняка и социеры. Шаги не останавливаются, и перевешивает страх момента: я убегаю через главную дверь.

Дремлющая на последней скамье церковная

бабушка даже не поднимает на меня глаз.

Мокрый, я дрожу на холодном ветру. С лестницы церкви открывается вид на большую часть района: проспекты, очерченные вереницами фонарей, ряды многоэтажек, словно вырезанные из бумаги поделки из магазинов народного творчества, скверы уже совсем темные. Движущиеся огни — автомобильные фары — я могу сосчитать на пальцах одной руки. Пешеходов не видно вообще, если они прямо не войдут в поток света, желтые пятна уличного освещения. Многолюдное социалище кажется мне почти вымершим. Так ли это обычно бывает после сумерек, или естественный ритм жизни в братчине сегодня нарушен, и эта мрачная пустота должна стать для меня предостережением?

Не теряя времени, я спускаюсь с видного места, с высоты ступенек костела на улицу и прячусь между деревьями за парковкой. Я мудрую карту города. У меня нет в подручнике точного плана социалищ, но любая туристическая программа способна наметить маршрут на основе уже пройденного пути и визуальных данных.

Программа задает приоритеты. Один: выйти из социалища. Два: выйти из-под братии Выгров. Три: найти терминал стационарной связи.

Проводник указывает мне на контакте направление. Я плотнее заворачиваюсь в церковное облачение и двигаюсь по маршруту, от дерева к дереву.

— У-у-у-у-у-у!

Откуда идет этот зов? Звуки отражаются от поверхности бетона, трудно определить направление.

Однако, возможно, я не могу определить потому, что вой доносится отовсюду — меня окружили.

Собственно, что там делают социеры — дуют в рог? Заводят сирены? Включают громкоговорители? Большего эффекта они бы добились, если бы общались через сотовые телефоны или виртуал. Идиоты.

Проводник выводит меня на обочину одной из магистралей: четыре полосы, краковое ограждение, пластовые лампы, веркметка на проезжей части. Я не выхожу за границы света.

Пробегаю в тени.

Однако это большие расстояния, я больше не выдерживаю такого темпа, я уже тяжело дышу, картинка размывается, мутнеет —

— Вот жеж сучья прадь!

— Неужто!

— Он это!

— Лорай гребунка!

— Хихихи, глянь, какой желтоклювик!

Они сидели здесь, в сгоревшем остове автомобиля, и пили ябсинт. Три крепко сложенных молодчика: мясо, кожа, золото, крюки. К счастью, я не заметил на них выгриных полосок.

Я не откликаюсь, дышу, опираясь на рукоять сабли.

Они подходят весело.

— Позырь-ка, сабелька!

— А шмотки какие клёвые!

— Колечки мои! Не трожьте!

— Точняк!

— Это он, он. Ну чё так зыркаешь, можный пан? Ща получишь!

— Лорай гребунка, Мацо.

Мацо разбивает о колено бутыль от ябсинта. Стекло разлетается вместе с остатками светящегося в полумраке веркпиата. Я харкаю.

— Господа…

Они взрываются судорожным смехом.

— Го-го-го-го-господа! — повторяет рыжий в центре. — Оспади!

Гогочущий Мацо машет розочкой перед моим лицом. Я машинально отступаю вправо и рублю

обеими руками крест-накрест, очень неточно. Мацо падает с рассеченной грудью. Я растянул левое запястье и шиплю от боли.

Двое других молодчиков, мгновенно отрезвев, тянутся к веркосам.

У меня на затылке волосы встают дыбом.

Убежать от них я никак не смогу.

— Лорай!

Молодчики наступают. Синие лезвия оставляют в воздухе электрические остаточные изображения; хотя это невозможно, но мне кажется, будто я действительно слышу треск конденсирующихся верков.

Рыжего я принимаю на острие — сабля длиннее веркосы — она пронзает собственным импульсом. Это, однако, лишает меня подвижности, противник слишком тяжелый, я не успеваю развернуться, не говоря уже об уклонении, и третий молодчик бьет меня в грудь — тшкрр! — веркоса сходит по горжету, выжигая в металле глубокую борозду.

— Прадь!

Я вырываю саблю из тела и рублю в кисть, с разворота, почти вслепую. Он падает.

Упал, значит, получил. Я даже не проверяю куда, не проверяю, жив ли он. Тяжелой трусцой

следую за проводником.

Передо мной цепочка огней извилистой дороги, как рукав спиральной галактики. Изредка проносятся кометы: социерские автомобили, какие-то еще не переделанные бензинники, за ними шлейф смрада — признак статуса.

Я пробегаю в тени

— У-у-у-у-у-у-у-у-у-у-у-у! У-у-у-у!

Это снизу, из центра социалища, из глубины долины. Я останавливаюсь, слушаю. Вой несется над многоэтажьем. Я внезапно постигаю его истинную природу и значение и не могу справиться с дрожью; опираюсь на крестовый эфес жигмунтовки.

Это не социеры общаются таким образом друг с другом, это не общение между преследователями. Это погоня в прямом смысле: они хотят, чтобы я их услышал, они хотят, чтобы я в ужасе бежал. Меня преследуют. Направление предопределено, петля затягивается.

Но самое страшное, что меня гонят туда, куда я сам бегу: наружу, к склонам долины, к границе социалища, за пределы застроенной территории, к окружным магистралям наверху.

Снова момент тревожного оцепенения, как в церкви — туда — сюда — здесь страх и здесь страх

— У-у-у-у-у-у-у-у-у-у-у-у-у! У-у-у-у! — и снова животный рефлекс: я бегу вверх, по склону, поросшему люминесцентными пихтовыми гибридами, оставляя за спиной сияющую четырехполоску и бетонный лабиринт тихого многоэтажья.

Мне приходится помогать себе саблей; прямо перед выходом на площадь, на середине высоты склона, спуск настолько крутой, что я дважды съезжаю вместе с влажной землей. Но и не помышляю об остановке и отдыхе: они прямо за мной, уже на склоне, в паре десятков метров ниже — я слышу не только эти механические завывания, но и социерские ругательства, и треск ломающихся веток.

Я падаю на асфальт, согнувшись пополам, хриплю и плюю. Передо мной простираются свежие руины, еще не заросшие, бетонные развалины разъеденного дисассемблерами небоскреба — почему они не закончили работу? — сто метров геометрических развалин; в здании различимы лишь квадраты подвалов и остовы стен первого этажа, двери, распахнутые настежь из ночи в холодную ночь, короткие лестницы, ведущие под звезды, двадцать ступеней и зависшая в воздухе площадка полупролета, прогрызенный наискосок алтарь бетона — с него Крукс с кривой

улыбкой смотрит на мир внизу.

Он сидит на разбитом телевизоре, в левой руке сжимает волосы Азы, лежащей рядом в луже блевотины, а правой рукой рисует в воздухе гелиоглифы.

— У-у-у-у!

Они идут за мной, мне нельзя оглядываться, я слышу их шаги и дыхание, дыхание толпы, здесь собралась целая стая. Среди них наверняка есть и Выгры: ледяной свет скачет по обломкам.

Крукс заканчивает солнечный узор и указывает на меня пальцем. Я осторожно захожу в руины. С каждым шагом травмирую себе ноги, тут отовсюду торчат острые осколки, прутья арматуры, пучки заноз. На бетонных ступенях оставляю кровавые следы, множество красных отпечатков. Четыре, шесть, восемь, он упорно указывает на меня, двенадцать, четырнадцать, и, наконец, я предстаю перед ним на перекошенном полупролете между землей и небом.

Слышно только харканье Азы, давящейся своей рвотой.

Крукс сильнее давит ногой, обутой в металлическую кроссовку, на спину панны и дергает ее за волосы, словно обуздывает строптивого коня, выкручивает голову Азы над лужей.

Цепи на спортивном костюме Крукса сияют всеми оттенками ювелирной радуги.

Он поднимает на меня глаза и говорит на чистом польском языке:

— Чего же вы хотели от меня, господин Цвеч?

Я не могу понять, о чем он. Перекладываю саблю из руки в руку, вытираю внутреннюю часть ладони об облачение. Крукс не улыбается, это кривизна губ — еще одна стойкая печать его инвалидности. Он сидит, потому что сидя, слегка наклонившись, прячет горб.

Что я хотел от него?

— Ох! — Я втягиваю глубже холодный воздух и некоторое время с усилием сдерживаю кашель. — Я хотел… она хотела… Не могли бы вы исцелить моего отца?

— Ты просишь меня исцелить отца.

— Да. Да. Пожалуйста.

Ореол розового света собирается вокруг головы Крукса, стекает по его плечу и руке, и когда Крукс выпрямляет палец, свечение падает прямо на лезвие жигмунтовки, красное сливается с красным.

— Чья это кровь, господин Цвеч?

— Плохих людей, герр Крукс.

— Кого я должен исцелить: их или вашего отца?

— Это уличные разбойники. Мой отец — нет, — Крукс поднимает палец, и кинескоп под ним взрывается с приглушенным грохотом.

Я инстинктивно отступаю на шаг, на два ниже, но тут же возвращаюсь на место.

Крукс смотрит исподлобья, из облака сизого дыма.

— Твой пан, Буздиган, которому ты оказывал почести, — она рассказала мне все, — он под крестом и роскошью убивает людей, если только они встают на его пути к прибыли. Возрази мне.

— Мне нечего возразить.

— Кто он такой, господин Цвеч? Разве не он «плохие люди»?

— Я не —

— Твой родной фатер, за чью жизнь ты просишь, — за что он дрался с этим юношей? Он защищал женщину, детей, мать? Была ли вообще причина? Или он просто напал на слабого? Он бы его отблагородил, как и прежде, просто потому, что ему так вздумалось, уличный разбойник. Возрази мне.

— Мне нечего возразить.

— Кто он такой, господин Цвеч? Разве не он «плохие люди»?

— О, ради Бога! Возможно, это так, но всё же —

— Ты, ты, Зигмунт Цвеч, герба Лелива, пан сабельный, — что ты сделал? Ты пошел и убил Буздигана, который убил твоего фатера? Нет. Ты бросил вызов Буздигану? Нет. Ты хоть что-то сказал Буздигану? Нет. Ты будешь продолжать брать деньги у убийцы твоего отца. Возрази мне.

— Ты должен понимать, что —

— Ты не возражаешь.

— Это не рыцарская сказка, в жизни так нельзя —

— Ты не возражаешь.

— Я бы ничего не —

— Ты не возражаешь.

— Нет, сука, я не возражаю!

Крукс кивает.

— По крайней мере, ты не лжешь.

Аза невнятно стонет. Крукс дергает ее за черные волосы и сильнее попирает ногой.

— А ее ты бросил и сбежал.

— То есть я, в довершение всего, трус.

— Так было бы лучше. Но, боюсь, ты обыкновенный сукин сын.

— Конечно, до душегуба мне далеко.

Крукс поднимает лицо, смотрит на звезды, звезды сверкают у него в кривых губах.

— Пока он держал руки кверху, евреи убивали;

когда же он их опускал, убивали евреев. Он был стар, быстро уставал. Как они победили?

— Поддерживали его молодые.

— Да. Благословенная резня. Я не устаю, верки не устают. Завтра вечером мы вылорем панов. Ничто этого не изменит, даже твое предупреждение. Но ты никого не предупредишь.

Я плюю. Я хотел плюнуть на него — слюна прошла в воздухе по короткой дуге и стекла на бетон по невидимой мембране. Я смотрю с ненавистью. Крукс смотрит на меня, наклонив голову.

— Заметь, я с тобой разговариваю.

— Фильмов насмотрелся, говнюк.

— А она будет жить, я как раз очищаю ее от выгрояда, у нее есть сердце, она хорошо послужит моим социерам.

Я снова плюю.

— Отцам революций головы в колыбели надо откручивать.

— Но отцов революции восемьдесят девятого и отцов нанореволюции — их ты благословляешь, верно? Потому что кем бы ты был, если бы не они? А теперь настало время повернуть колесо фортуны в пользу социеров, время их революции.

Я бы рассмеялся, если бы не болезненно пересохшее горло.

— И как ты это себе представляешь? Пойдет брутал по всей стране, зарежете работников, и тут же из социала на вас обрушатся все роскошества? Идиоты. Вы тогда пожалеете, когда не у кого будет лепперовать! Без ОНИХ, без нас — что останется от социеров?

— Ничего. Они будут социерами, до тех пор пока будут какие-то паны, у которых можно вылепперовать социал. Я выведу их из этой неволи. Я заставлю их быть свободными. Они изменятся только тогда, когда у них не будет иного выхода.

— У них всегда будет иной выход, они всегда будут владеть верками.

— А сейчас верки имеют их. Социеры — это польские негры нано. Ты это видишь.

— И ты пытаешься меня убедить? Не убедишь.

Крукс выпрямляется на троне электронного излома, подтягивает рукава спортивного костюма, на мускулистых предплечьях оживают верктуажи. Он дергает за волосы Азу. Та стонет. Он сидит, широко развалившись, раскинув в стороны колени и локти, но конечности у него непропорционально длинные.

— Она мне все рассказала. Где ты работаешь, чем вы там занимаетесь. Через два дня Польшу постигнет величайший крах. Мне нужны мене-

джеры по кризису, лучшие из лучших, чтобы обернуть его в мою, в нашу пользу. Ты работал на Буздигана, но Буздигана мы залораем первым; ты будешь работать на меня, Черм будет работать на меня. Видишь, почему я с тобой разговариваю, зачем ты мне нужен, пан Цвеч.

— Да я скорее —

— Но не бесплатно же! Ты забыл, зачем пришел? Фатер встанет с постели. — Крукс начинает рисовать в воздухе сияющий гелиоглиф. — Такой — такую сделку я готов заключить. Просто окажи мне почести.

— Что?

— Разве ты не считаешь себя человеком чести? Знаю я вас. Сабли, кольца, гербы, громкие слова. Поклянись мне. — В воздухе застыло изображение распятия. — Поклянись крестом святым. Я буду более милостивым паном, чем Буздиган.

— Отлори.

— И даже фатера не примешь во внимание?

— Прадь!

— Но почему нет, господин Цвеч?

Я ищу подходящее слово и не могу найти. Все, что я знаю, это то, что любые почести этому социерскому уроду немыслимы — и, тем более, неописуемо это отвращение, физическое отвра-

щение, аллергия на все, что он представляет. Как объяснить отказ, когда на фарфоровой тарелке нам подают дымящееся дерьмо? Можно только ругаться.

Так что в конце я просто выплевываю с бесконечным презрением:

— А ты посмотри на себя!

Крукс щерит в кривой улыбке острые бриллианты. Но я снова ошибся, это не улыбка. Он отпускает волосы Азы, голова панны ударяется о бетон. Над Круксом кружится вихрь густого ореола, темная конденсация — так что озон обжигает язык и небо. Я даже не поднимаю саблю, только отступаю назад, на ступеньку, вторую, четвертую, Крукс у меня уже на уровне глаз, огни святого Эльма скачут по его спортивному костюму и цепям, красные импульсы просыпаются в недрах телевизора, Крукс наклоняется ко мне на своем сиденье, поднимает руки над головой —

— Лорать пана урве!

От его дикого рева у меня чуть не лопаются барабанные перепонки; оглушенный, я падаю с лестницы в руины, больно ударившись. Рев, гром, вихрь — невидимый кулак Крукса бьет меня и сбивает с ног.

Я тут же встаю, поднимаю клинок в инстинк-

тивном параде.

Они идут на меня, социерская толпа, молодчики многоэтажья и Выгры, с ножами, бейсбольными битами, кастетами и веркосами в лапах, в ропоте мужицкого гнева, со злобными гримасами на лицах, мрачная толпа, спущенные с поводка качки и наркоманы, соль и навоз этой земли, кровь от крови, кость от кости и бетон от бетона.

— Лорать! Лорать! Лорать!

Крукс надо мной с поднятыми руками, Аврора Мортифера все ярче.

Я снова плюю. Поправляю облачение и горжет, верчу саблей мулине, может, кто испугается, отступит — но нет, никто, сбитые в стаю, они бесстрашны. Одного, двух, трех я, наверное, сниму, достану клинком. Но что же теперь после виртуозного фехтования и нержавеющей стали, что после высоких школ и тонких технологий?

Запинают, зарубят, забьют, зашибут до смерти.

— Лорать пана!

А рука с саблей уже вялая, не хочет подниматься к удару, нога не хочет идти вперед — и я не знаю, что на самом деле парализует меня, страх или Крукс, оба. И даже если бы —

— Лорррать пана!

Их слишком много, миллионы, миллионы.

Эксод

чтобы прочувствовать и ощутить мистичность места
ты убедись что представляю я моих людей
и что они мои же представители
эпоха скверная и в этом я уверен на ад земной обречены
все те кто продолжает нищету плодить
карманная самооборона вечно будет бита
меня несут юнцы исполненные гневом
я ж пробиваюсь по прямой вперед
я это делаю и только от меня зависит
каким я на листе бумажном представлю образ
моих любимых грязных улиц
столь обнаженных что дрожь берет и перехватывает дух[65]

Июль-декабрь 2003 г.

---

[65] Примечания: 65
Из композиции польского рэпера Пейи «Глухая ночь».

Полынник

28 апреля 1986 г., полдень

Девочки в белых платьицах, держась за руки, идут парами по другой стороне улицы. Уже настало время первого причастия? Перед этим в костелах устраивают репетиции. Юбочки вздымаются и мнутся, когда дети перепрыгивают через лужи. Глядя с высоты второго этажа сквозь двойные стекла, грязные и кривые, я вижу лишь размытые силуэты, очертания серых призраков, будто на фото цвета сепии — ненастоящих, принадлежащих прошлому и потому чересчур прекрасных. А может, мне просто пора сходить к окулисту? Закрываю глаза, но головная боль не проходит. В висках и над пазухами — бум, бум, бум, в ритме крови.

Зазвонил телефон. Я вернулся за стол.

— Жевецкий слушает.

— Молот вызывает, — сказал Метек. В трубке щелкнуло и раздался гудок.

Я нажал на рычаг. Телефон зазвонил снова.

— Молот вызывает. В два у него.

— Что там опять? Я же был на летучке, поне-

дельник только что начался.

— А я почем знаю? На втором этаже в восточном крыле прорвало канализацию.

— Третий раз? Или четвертый?

— Говном несет аж в кабинетах.

— Я бы скорее поставил на тех с Лимонной — типография, два «жука» макулатуры, сыночек товарища из воеводского комитета. Наверняка уже звонили из Варшавы.

— Ты был у пани Ядзи?

— Пани Ядзя… — Раздался стук в дверь. — Увидимся у Молота, — буркнул я и повесил трубку.

Приоткрыв дверь, в комнату заглянул Мицинский из административного.

— Товарищ капитан? Можно?

Я смахнул бумаги со стола, закрыл скоросшиватели.

— Ну, чего вам?

— Я по поводу того скандала от двадцать третьего числа…

На прошлой неделе трое парней из ЗОМО[66] надрали задницы пьяным рабочим возле завода имени Новотко, которые начали малевать красной краской на заводской стене. Кто-то, однако,

---

[66] Примечания: 66
Милицейский спецназ времен ПНР, аналог российского ОМОН.

успел это сфотографировать, и затрезвонили телефоны; якобы об этой истории упоминала даже «Свободная Европа». Зомовцев мы отправили в деревню, рабочих посадили под замок.

— Что там?

— Управление прислало нам бумаги. Подшить к делу? Пойдет в архив.

— Новотко ведь в воеводском списке? Ну так перешлите в Третий отдел.

Мицинский поморщился, блеснув стальными коронками.

— Капитан Буля из экономического посылал вам данные на того валютчика. Я не…

— Черт побери, ладно, сам разберусь.

Мицинский вышел, оставив дверь приоткрытой. Сквозь нее доносился стук пишущих машинок, где-то завывало плохо настроенное радио. То и дело звонят телефоны, хлопают двери, кто-то орет в глубине коридора, диктуя по межгороду длинное письмо. Голова пухнет.

Я проверил в столе и в шкафу. Папки с делом Филютека нигде не было.

Пришлось заглянуть к Липскому и Чухе.

— Я вам не давал дело однорукого?

Они переглянулись.

— Нет, а что?

— Какого однорукого? — спросил Чуха, сплевывая окурок в переполненную пепельницу.

— Того лысого с протезом, вы наверняка его видели, валютчик, экономический отдел вешает на него спекуляцию в особо крупных размерах. Заходил кто-нибудь из Третьего, пока меня не было?

Оба покачали головами.

Я вернулся к себе. По цветку под выцветшим гербом ползла белая гусеница, и я раздавил ее пальцами. Посмотрев на часы, запер на замок обе двери и спустился на обед.

Очередь в столовой доходила до второго ряда столиков. Я встал за Зворским. Он разгадывал кроссворд в «Пшекруе», выдумывая от нечего делать несуществующие слова. Заглядывая ему через плечо, я думал о том, куда, черт побери, могла подеваться папка. Кто заходил ко мне в субботу? Липский и Чуха, сержант снизу, ну и Вонтлый — тот пришел обмыть выделенную ему новую квартиру и поблагодарить за поддержку. Со времен мясной аферы он, похоже, считает меня крестным отцом.

— Мне огуречный суп и гуляш.

Я присел к «церковникам», лейтенантам Лебе и Собчинскому. Леба дремал над разворошенными

клецками, Собчинский уткнулся в недоваренную картошку.

— Гм… слушайте, Молот звонил в Четвертый по поводу собрания? В два часа? Знаете что-нибудь?

— Губр-губр-губр! — сказал Собчинский.

Я пнул под столом Лебу. Тот подпрыгнул.

— Не теряйте бдительность, товарищ.

— Чтоб вас… который час?

— Что вы после ночи в воскресенье делали? На литургиях дежурили, или что?

— Не слышали, что Урбан болтал? Мы теперь должны отправлять в Варшаву рапорты энциклопедического содержания. Майор улучшает за счет нас статистику. Произведение искусства. Эта работа меня прикончит. Только взгляните на мои глаза, капитан. Вот! А правый? Правым я, похоже, вообще уже ничего не вижу, только слезится.

— Что нужно Молоту?

— Брбббррр!

— Похоже, была какая-то радиограмма с прослушки, — буркнул Леба, принюхиваясь к засохшим клецкам.

— Вот как?

— Я наткнулся на Вишневского возле туалетов на втором этаже.

— А, слышал…

— Залило уже боковую лестницу. Половина Бюро стоит и смотрит. Мы закурили, и он говорит, что, мол, из Скандинавии передают про какую-то аварию у русских. Который час?

— Какую аварию?

— Электростанция взорвалась, или что-то вроде того.

— Ауоаативноеааэние.

Я вытер рукав свитера, заплеванный картошкой изо рта Собчинского.

— Вы что-то сказали, лейтенант?

Он поерзал на стуле. На его левой щеке виднелся красный отпечаток вилки.

— Радиоактивное заражение, — повторил он и, встав, направился к выходу. — Извините.

— Да ну! — Я взглянул на Лебу. — Запад снова какую-то хрень несет.

— Наверняка. — Он пожал плечами. — Москва еще не опровергала.

Он оглянулся на настенные часы.

— В четыре возвращается майор. Нам надо… — Он поспешил следом за Собчинским.

Гуляш оказался более резиновым, чем обычно, и я не доел.

Я пошел к Вонтлому. В восточном крыле в самом деле воняло дерьмом. В коридоре возилась

с окном секретарша, безуспешно пытаясь его открыть. Эти окна никогда не открывали, их забили с концами, еще когда ставили решетки; здесь они выходили на улицу и сквер с Лениным.

За поворотом коридора я остановился — возле лестничной клетки, у дверей туалета собралась толпа. Милиционеры в форме сопровождали измазанных в грязи техников, тащивших по лестнице и внутрь туалетов толстые шланги и трубы. Все зеваки затыкали носы или курили.

Кабинет лейтенанта Вонтлого был первым слева. Из-за закрытой двери доносились возбужденные голоса.

— С размозженным основанием черепа! Вы хоть соображаете? У него мозги вытекали! — это Вонтлый.

— Размозженное основание, верно, — а этого я не знал. Кто-то пожилой.

— Ну так что это за идиотизм?..

— Вот, пожалуйста, протокол вскрытия, а вот…

— Да что мне с ваших протоколов! Труп или не труп! Боже милостивый! Что тут непонятного?

— Вы еще молодой, если бы я вам рассказал, что у нас в больнице…

— С мозгами на стене! Да я хренею!

— Вы бы лучше слова выбирали, товарищ лей-

тенант!

Я неслышно отошел от двери.

В коридоре третьего этажа я наткнулся на Метека.

— Уже идешь к Молоту?

— Что? Нет. — Он вернулся назад с лестницы. — Погоди, ты слышал о какой-то операции в университете?

— Когда? Сейчас, недавно? Нет, только то, что обычно.

— Пани Ядзя говорит, что это кто-то от них. В смысле, у Молота. Я подумал про Филютека. Он ведь продавал фальшивые дипломы магистра протеже директоров из Объединения. Да. Он пошел с этим прямо к Молоту, черт побери. Есть, мол, у него что-нибудь на меня? Ничего нет, расписки я сжег, товар сбыл. Но если он сперва договорился с Булей… И Буля пришел — или прислал кого-то — чтобы изъять из дела Филютека все, что противоречит их версии…

Я схватил Метека за плечо.

— Если Молот велел тебе меня вызвать — значит, он назвал мою фамилию?

— Нет, всех уровня МВД, я просто подвернулся под руку.

— Через пани Ядзю не захотел?

Метек пожал плечами.

Я вернулся к себе. Чай в стакане остыл, превратившись в холодную жижу. Я включил кипятильник; розетка все так же сыпала голубыми искрами, хотя должны были починить. Голова превратилась в адскую кузницу. Я поискал гэдээровские таблетки, которые прислал свояк. Упаковка заканчивалась, и я проглотил только одну пилюльку, запив холодным чаем. Сразу же дали о себе знать язвы, будто по желудку прошлись бритвенным лезвием. Открыв сейф, я достал остатки последнего рулона туалетной бумаги и пошел в туалет.

На внутренней стене кабинки, рядом с ругательствами и непристойными рисунками, кто-то методично нацарапал полтора десятка номеров дел. Воистину, до подобной системы передачи секретной информации никакой Бонд бы не додумался. И что тогда делать контрразведке? Входить за подозреваемым во все туалеты и тщательно переписывать образцы сортирной поэзии? Ставить на должность уборщиц своих офицеров? Вести постоянный мониторинг общественных уборных? МВД создает особый департамент, Сральную Службу Польской Народной Республики. Ставит своих людей в каждом сортире страны.

Каждая раковина будет обыскана, сфотографирована и назначена соответствующему офицеру. Жопартамент разрастется на все воеводства, создаст ячейки в каждом управлении милиции, возникнут секретные отделения, занимающиеся нелегальными отхожими местами, в архивах министерства появятся реестры зассанцев, распухнут оперативные папки Тайных Членов…

Когда-нибудь эти язвы меня прикончат.

Половина воды успела выкипеть. Убрав бумагу в сейф, я позвонил Збышеку из следственного отдела.

— У вас в последнее время были смертельные исходы?

— Что, разошлось уже? У лейтенанта Вонтлого в пятницу какой-то студентик концы отдал.

— А-а, студент!

— Они все неженки, гражданин капитан, кости мягонькие, головки как яички, аж страшно дубинкой стукнуть.

Студент… так что, может быть… Но в субботу Вонтлый вовсе не производил впечатления чем-то взволнованного. Ба, да он был просто счастлив!

В приемной перед кабинетом Молота я разминулся с Лебой. Тот печально покачал головой.

— Что?

— Только что услышал. Москва официально опровергла. «Ничего не случилось».

У меня по спине пробежал холодок.

Полковник Ковальский лично пригласил нас внутрь — стол пани Ядзи был пуст, видимо, сегодня он отпустил ее раньше.

Едва мы сели — всего около десятка человек из всех отделов, от капитана и выше, — Молот захлопнул окно и включил допотопное радио, которое тотчас же взорвалось визгливой какофонией квакающих звуков и писков. Радио Молота не принимает никаких станций. Ведомственная легенда гласит, что его грохот способен заглушить самую изощренную подслушивающую систему. Это единственное разумное объяснение, поскольку никто не понимает, зачем полковник держит в кабинете эту рухлядь и вообще ее включает.

— Доктор Густав Дремер из Института экспериментальной физики, проверенный член партии и наш сотрудник.

Невысокий нервный человечек в коричневом пиджаке встал, поклонился, сел, вопросительно взглянул на Молота, встал, подошел к стене за столом полковника, развернул надорванную кар-

ту Европы и ткнул пальцем в точку за границей Советского Союза.

— В субботу, около часа ночи… — Он откашлялся, достал платок, высморкался, спрятал платок, снова откашлялся и продолжил: — В субботу, около часа ночи, на атомной электростанции, расположенной на территории Советского Союза, произошла авария. В атмосферу проникли радиоактивные соединения. В зависимости от перемещений воздушных масс, в течение ближайших дней заражению подвергнется меньшая или большая часть Европы; прежде всего опасность угрожает землям Польши.

— Провокация! — крикнул кто-то сзади.

Я взглянул на Метека. Он прикрывал ладонью рот. Сидевший за ним Зацюра поднял глаза к потолку. Послышался шорох стульев, смешки. Держаться не было сил, и вскоре все мы хохотали как идиоты.

Молот ждал, водя языком по кривым губам. Доктор Дремер непонимающе таращился на нас.

Постепенно восстановилось спокойствие. Доктор беспомощно повернулся к полковнику.

— Ну ладно, — буркнул Молот. — Это была официальная версия. Которую мы будем изо всех сил отрицать. Из Центральной лаборатории радио-

логической защиты уже поступила информация о росте радиоактивности. Уже начались утечки. На случай, если придется закрывать на карантин обширные территории страны.

— То есть никакого заражения нет? — спросил я.

— Товарищ доктор?

— Ну да. — Доктор Дремер развернул и повесил на стене другую карту — черно-белую копию физической карты Польши с вручную обозначенными на ней красными, синими и зелеными линиями неправильной формы зонами. — Будет некоторый скачок излучения, но это побочный эффект, ниже опасного для здоровья порога. Поскольку эпицентр оказался в относительной близости от Чар… Чор… Чернобыля, где действительно находится атомная электростанция, советские товарищи, судя по всему, решили использовать ее как дымовую завесу. Это прогнозируемые зоны осадков, если верить метеорологам. В первый день шло на север и юго-запад, но с вечера воскресенья держится сильный ветер с востока. Все наше воеводство оказалось в красной зоне. Министерство попросило меня…

— Эпицентр чего, доктор? — вздохнул Молот. Он уже все знал, и ему это очень не нравилось.

— Поймите, товарищи, мы не получили никакой официальной ноты, и я не могу…

— Доктор, прошу вас, мы не на партийном собрании.

— Да, — Дремер снова совершил ритуал с платком — достать, высморкаться, спрятать. — Объект был сбит советской противовоздушной обороной. Еще над Польшей он перемещался в верхних слоях атмосферы, астроном-любитель из Нового Сонча его сфотографировал, решив, что это метеор. Объект был необычно ярким и горел. Наблюдались многочисленные резкие и хаотические изменения траектории полета. Он вошел в воздушное пространство Белорусской Советской Социалистической Республики с запада, на широте Белостока, после чего направился на юго-восток и на линии Припяти вошел в небо Украинской Республики. Истребители не сумели его перехватить. Вероятно, в него попала ракета «земля-воздух», но я также слышал, будто он разбился сам. В двадцати пяти километрах к востоку от Чернобыля. Облако распространяется уже третий день. Ведутся рассуждения на тему сходства с тунгусской катастрофой, после которой также остались следы высокой радиоактивности, как после ядерного взрыва, но… на самом деле мы

ничего точно не знаем. Мы пока не получили никаких результатов анализа остатков. Якобы есть сложности с забором материала. Что же касается анализа имеющегося на данных момент эффекта осадков…

Метек наклонился ко мне.

— Он что, хочет сказать, будто у русских разбилось НЛО? — прошептал он.

— Или надравшийся в задницу архангел Гавриил.

— …назовем полем негентропии. Что нам удалось установить: средой данного явления всегда является живая материя с высокоразвитой нервной системой и ее непосредственное окружение…

Зацюра не выдержал.

— Товарищ полковник, о чем вообще речь?

Молот отхлебнул из стакана черного кофе.

— Украинцы, которым взрывной волной поотрывало головы и руки, похоже… гм… прекрасно теперь себя чувствуют.

Доктор мрачно кивнул.

— Процессы энтропии идут в обратную сторону.

— Они что, блин, восстают из мертвых?

— Есть опасность, что вместе с осаждением

разносимых ветром соединений…

— Начнут воскресать покойники.

Я посмотрел на карту.

— Если осадки окажутся слабее или ветер — сильнее…

Доктор Дремер достал из кармана пачку листков.

— Я проделал импровизированные расчеты на основе того, что мне удалось неофициально узнать от советских коллег. Должно пройти самое меньшее двадцать часов с момента контакта с переносимой воздушным путем субстанцией. Естественно, сперва видны эффекты обращения процессов, завершившихся недавно. Живые в момент осадков организмы, похоже, устойчивы к воздействию чернобылина. На основе дат похорон с могил кладбища в Чернобыле… процесс ускоряется. Думаю, в течение недели эффект должен исчерпаться, то есть достичь…

— Я собрал вас, товарищи, — прервал его полковник Ковальский, — чтобы избежать недоразумений, если осадки вызовут у нас те самые эффекты, которых опасается товарищ доктор. Особо обращаю внимание товарищей из Четвертого отдела. Если пойдут слухи хотя бы о единственном случае воскрешения из мертвых…

Силы реакции тут же этим воспользуются. А партия не потерпит никаких массовых беспорядков, сборищ, манифестаций, — ведомство не может допустить подобного риска. Пока возможно, мы будем отрицать версию о радиоактивном заражении, а потом признаем, что опасность существует, и прикажем людям сидеть по домам. Будут мобилизованы ЗОМО и армия для закрытия на карантин особо проблемных районов. Я говорю это только вам, товарищи, и никому больше, и вы тоже никому больше не скажете. Не будет никаких директив, циркуляров, письменных распоряжений. Сами понимаете, какова ситуация — если хоть что-то просочится, вечером обо всем будет знать Валенса, до полуночи — примас, а утром я услышу об этом в радиопередаче из Мюнхена. На нас идет радиоактивное облако — и не более того. Всем понятно?

— Так точно!

По крайней мере, дело не в Филютеке. Нужно выпить. Выходя от Молота, мы многозначительно улыбались друг другу. Естественно, вслух никто ничего не говорил.

Лишь Метек, уже сворачивая в сторону бухгалтерии, обернулся и прошептал:

— Ну и нагнали страху. Хотя все лучше, чем та

кампания с колорадским жуком.

На втором этаже черная вода залила полкоридора. Воняло невыносимо, смрад уходил вверх по всему зданию, не помогали открытые окна и закрытые двери. Я отпустил людей и пошел домой.

28 апреля 1986 г., поздний вечер

— Кто там?

— К тебе. Говорит, с работы.

— Ну так что ты стоишь?

Лидка склонилась надо мной, заслоняя свет, и мне пришлось поднять голову над извлеченными из корпуса внутренностями новенького «Панасоника» — который, естественно, перестал работать в первый же раз, когда вырубило пробки. И мы снова остались со стареньким «Рубином».

— Он пьяный, — прошипела она. — От него водкой на два метра несет. О чем мы говорили в субботу? Дети еще не спят, так что попрошу…

— Ладно, разберусь с ним в саду.

В субботу я действительно вернулся слегка поддатым, и она устроила мне дикий скандал.

Отложив вольтметр, я оторвался от телевизора и потащился в прихожую, чтобы скрыться с глаз Лидки, прежде чем она всерьез войдет в роль ведьмы. Ей вполне хватало, если в ведомствен-

ном магазине не оказывалось какого-то товара или она услышала от соседки, что полнеет (она и впрямь жутко растолстела). Не стоило раньше возвращаться домой. Что толку, если она будет брюзжать насчет моей работы, ища повод в очередной раз сесть мне на голову, — а так, по крайней мере, не пришлось бы терпеть ее весь вечер. Я на мгновение остановился, ощутив пронизывающую боль в желудке. Осталось у нас еще немного молока?

На крыльце, под мигающей лампочкой, стоял Вонтлый. Я закрыл за собой дверь. Вечер был теплый. В садовых зарослях жужжали насекомые.

— Чего тебе?

— Он… за мной… хо… ходит.

— Что?

— Гра… гражданин капитан… Марцин… ты мне…

— Иди лучше протрезвись. Завтра…

— Он за мной ходит.

— Кто?

— Он. Везде ходит. Сюда тоже при… пришел.

— Что ты несешь?

— Там.

Он повернулся, беспомощно опираясь об ограждение, и махнул рукой в сторону улицы.

— Хочешь сказать, кто-то за тобой следит?

Вонтлый с пьяной серьезностью кивнул.

— Там.

Я взглянул туда, но улица после захода солнца стала практически невидимой — кроны деревьев, высокая ограда и плохое освещение не позволяли увидеть из дома что-либо, помимо силуэтов редких автомобилей.

— Кто?

— Он ждал меня у конторы. По… потом я видел его в автобусе. Я думал, что… но он болтался у моего дома, и знает номер квартиры, швырял камешками в окно, пока свояк не вышел его прогнать… я бо… боялся, что… Марцин, ты мне скажи, что мне делать, ведь… Может, к ксендзу…

— Чего?

Лампочка над нами потрескивала и шипела, желтый свет и бледные тени попеременно падали на круглую крестьянскую физиономию Вонтлого. Он нервно облизывал губы. Левый рукав его куртки был разодран — видимо, сестра неровно его заштопала, и шов распоролся.

Внезапное предчувствие — и в желудке разливается холодная кислота.

— Подожди.

Я вернулся в дом, сбросил тапочки, надел бо-

тинки, достал из шкафчика тяжелый фонарь, проверил, что он работает. Лидка высунула голову из кухни. Я захлопнул за собой дверь, прежде чем она успела раскрыть рот.

— Идем, покажешь мне его.

Мы спустились с крыльца. Ведшая к воротам дорожка у нас шириной в две тротуарных плиты, и мне приходилось держать парня за плечо, чтобы он не упал в кусты.

Хорошо, что я смазал петли калитки — еще только не хватало стонущего и грохочущего железа.

Мы остановились под ветвями росшего у ограды каштана.

— И? Где?

Вонтлый, моргая, окинул взглядом улицу — раз, другой. Большинство фонарей были неисправны или разбиты, да и работающие уже доживали последние дни. Мимо прошел старый адвокат из дома напротив, гулявший с собакой. Я поклонился. Он поклонился в ответ и отвернулся. Я ткнул Вонтлого локтем под ребра.

— Ну?

— Он был там. Где-то спрятался. Стоит мне выйти… Ну, п-правда! — начал страстно клясться он. — Говорю тебе! Ты мне должен! Не могу так!

Что мне говорить? А как я к родственникам пойду? Они же его узнают! Я же не хотел!

Он разрыдался, цепляясь за калитку. Ржавчина липла к его щеке.

— Успокойтесь, лейтенант, с такими нервами вам в автоинспекции работать, а не в Службе безопасности.

Мы присели на парапет. Вонтлый свесил голову между колен. Я подумал, что сейчас его вырвет, но ему, похоже, просто легче было так говорить — в землю, в темноту, на выдохе. Он рассказал мне, как милиционеры привезли к ним тех двоих студентов с листовками, одного взял в оборот Квасица, второго Вонтлый. Студент Вонтлого повел себя крайне нагло, начал пререкаться, а когда Вонтлый дал ему в морду, тот — во что Вонтлый никак не мог поверить — встал и врезал лейтенанту. Вонтлого это настолько поразило, что прежде чем милиционер успел оттащить студента, лейтенант разбил подозреваемому башку дыроколом. Того в бессознательном состоянии увезли в больницу, но он умер на операционном столе. Вонтлый читал протокол вскрытия, студент был на сто процентов мертв. А теперь он ходит за лейтенантом, свистит ему на улице, швыряет камнями в окна… Вонтлый надрался,

но это не помогло.

— Ну, и пойду я к майору, и что скажу? — он весь трясся, согнувшись пополам. — Что у этого засранца был брат-близнец? А тот, второй, сидит в камере, придется дать прокуратуре какое-то дело. Потому как если мы его отпустим… Что? Может, отпустить? Товарищ капитан?

— Этот?

— Что?

Я хлопнул его по спине.

— Возьми себя в руки! Вон туда посмотри. Этот?

Он посмотрел.

— Господи Иисусе… Он.

Я перебежал мостовую. Человек попятился в тень. Я подошел и посветил ему фонарем в лицо. Он машинально заслонился предплечьем. На нем была грязная куртка, на несколько размеров больше.

— Позвольте, гражданин. Ну-ка, ваши документы. Куда?! — я схватил его за полы куртки и потащил под фонарь. Он отворачивал голову. Я огляделся. Улица была пуста, в окнах никого. — А ну, пошел!

Мы прошли к калитке. Вонтлый отступил в сад. Я толкнул студента внутрь, продолжая держать в

луче фонаря его лицо и глаза. Когда он зажмуривался или пытался отвести взгляд, я поворачивал фонарь, вытягивая руку в сторону.

— Фамилия! — рявкнул я. — Адрес!

— Гневош Януш, Цветочная семь дробь семьдесят два, — пробормотал он.

— Дата рождения!

— Тысяча девятьсот шестьдесят пятый, первого февраля.

— Документы какие-нибудь есть? Студенческий билет? Или военный?

Он начал шарить по карманам.

— Ну-ка, позвольте.

Я потащил его направо, по дорожке вдоль крыльца и за угол дома, к открытому гаражу, где брат хранил свой мотоциклетный хлам. В этот закоулок выходили лишь окна мансарды, впрочем, перед гаражом рос тополь. Единственным источником света были далекие уличные фонари — не считая моего. Гневош инстинктивно попятился, наткнувшись спиной на кирпичную стену. Он смотрел то на меня, то на тень Вонтлого — но я знал, что он ничего не видит, фонарь его ослеплял.

— Повернись! — приказал я. — Влево! Голову прямо! Откинь волосы! Кто вообще им позволяет

ходить с такими гривами?

Я вопросительно посмотрел на Вонтлого. Тот развел руками и покачал головой.

— Проверь!

Он осторожно подошел, пощупал. От его прикосновения Гневош вздрогнул.

— Ну? — поторопил я.

— Живой, гражданин ка… капитан, — заикаясь, проговорил Вонтлый. — То есть, никаких следов.

— Гребаные убешники[67].

Я подскочил к студенту.

— Что? — Кровь ударила мне в голову, лицо обдало жаром. Я схватил его за воротник, подсек ноги, и он отлетел к дверям гаража. — Что ты сказал?

— Убешники гребаные. Еще Польша!

Он стоял передо мной на коленях, упираясь руками в бетон. Длинные волосы падали на куртку. Я огляделся, светя фонарем в захламленное нутро гаража. Луч остановился на изогнутой выхлопной трубе, брошенной под скелет «комара». Я кивнул Вонтлому. Тот вытаращил глаза. Я посветил ему в лицо. Он заслонился, но отступил на шаг, наклонился и подал мне трубу. Пере-

---

[67] Примечания: 67

Прозвище сотрудников Службы безопасности (от польского сокращения *UB*).

ложив фонарь в левую руку, я с размаху врезал коленопреклоненному студенту по затылку, так что труба аж выгнулась еще раз. Тот взвизгнул и осел на землю. Я добавил еще. Он не шевелился. Я посветил поближе. Мясорубка.

— Размозжено основание черепа, — тяжело дыша, проговорил я.

— Ты чего… — пробормотал Вонтлый. — Что вы… гражданин капитан… что вы наделали?..

— Навел порядок в бумагах, — я нашел тряпку и принялся вытирать трубу. Пульс постепенно успокаивался. — Теперь ведь снова все сходится?

— Н… но… это же преступление. Железом по башке. Как так?..

— А тот дырокол из чего был, из майсенского фарфора?

— Будет следствие. Протоколы. Труп.

— Какое еще следствие? У тебя же есть протокол вскрытия? Печать, подпись, доктор засвидетельствует. Два дня назад он лежал в морге, в списке покойников он имеется. Кого я тут якобы убил? Возьмите себя в руки, лейтенант, черт побери. И не блевать мне тут!

— Про… простите.

Он глубоко вздохнул, утер лоб и, сунув руки в карман, встал над трупом.

— А если он опять… того? — мрачно спросил он.

— Что?

— Ну… один раз у него уже получилось.

Я поскреб подбородок.

— Вряд ли выйдет.

Он подозрительно взглянул на меня.

— То есть?

Я посветил дальше вдоль стены.

— Там. Должна быть полная.

Вонтлый послушно полез в груду металлолома, опрокинув два велосипеда. Грохот отдался эхом по всему району. Он испуганно замер, но тут же громко чихнул от поднятой пыли, схватился за нос и чихнул еще раз, рухнув при этом на шкафчики — я уже хотел подойти к нему и стукнуть той же трубой по его пролетарской башке, может, в конце концов он бы очухался. Поднявшись, он немного постоял, покачиваясь на пятках, в конце концов успокоился и, наклонившись, поднял пятилитровую канистру с бензином.

— Так вот, если ему вдруг захочется встать, — сказал я, доставая пачку «Силезии», — устроим костер в саду. Мне давно уже хотелось прибраться после зимы, видите, как тут все заросло. А ночь такая приятная. Звезды… о, вон Большая Медве-

дица. Закурите? — я сунул ему пачку.

Со второго раза ему удалось зажать сигарету между двух пальцев.

— Будем ждать? — моргая, спросил он. — До утра?

— Если он встанет…

Не встал.

29 апреля 1986 г., полдень

— Слушайте, сержант, я всегда закрываю, когда ухожу. В субботу папка была здесь, вчера ее нет. Поищите сами, если не верите. Что, империалистические шпионы пробрались в замочную скважину?

— Гражданин капитан, докладываю…

Зазвонил телефон.

— Жевецкий слушает.

— Полковник хочет вас видеть, — сказала пани Ядзя.

— Ох ты…

— Сама не знаю, пан Марцин, он ничего мне больше не говорил.

— А когда? Прямо сейчас?

— Минут через пять-десять.

— А не могли бы вы забыть — ну что вы тут торчите, сержант, свободны! — не могли бы вы

забыть мне позвонить, скажем, минут на пятнадцать? — я посмотрел на часы. — Пани Ядзя, дорогая…

— Десять минут, — сухо сообщила она.

— Целую ручки.

Я достал блокнот. Конфеты для пани Ядвиги, завтра прямо с утра.

За ночь все крыло провоняло донельзя. Я пошел к Вонтлому. Он сидел в кабинете у открытого окна и пил зерновой кофе. Взгляд его был слегка мутным, но, по крайней мере, держался он прямо. За соседним столом кто-то читал газету, на первой полосе серо-черный Ярузельский обнимался с серо-черным Хонеккером, физиономии у обоих были такие, будто голубь мира насрал им в водку. Промелькнула шальная мысль: доберется ли чернобылин и до ГДР, заразит ли он немецкую землю?..

Я кивнул Вонтлому. Он взял кофе, и мы вышли в коридор, а потом зашли в клуб за картотекой.

— Букальский звонил? — вполголоса спросил я. — Или тот доктор из мертвецкой? А может, я о чем-то не знаю?

Он уставился в кофейную гущу.

— Гм… гражданин капитан…

— Хватит тут со своим «гражданином», говори

все как есть! — прошипел я. — Меня вызвал Молот. Труп снова в морге, все тип-топ. Букальский не проговорится, он у меня на крючке, так что пусть только попробует. Ну так кто, спрашиваю? Ты?

Я ткнул его пальцем в грудь.

— Я тут ни при чем, я только пришел, а глаза закрываются, я ведь всю ночь не спал, голова кругом, чудо, что я вообще на ногах стою, ну вот, я только пришел, как является начальник и орет: доложить о живых трупах!

— И ты, болван, проболтался?

— Нет, ничего такого, но он, видимо, что-то знал — ввалился и с самого порога, а у меня только и мысли, что о том студенте, так он сразу ко мне: лейтенант Вонтлый! Безопасность народной отчизны! Ничему не удивляться, рассказывать во всех подробностях! Ведомству обо всем известно!

— И ты проболтался.

— А что мне было делать, когда он и так все знал?

Зачем я ему вообще помогал? Долг благодарности за тех вымогателей из «свинской разведки»? Да плевать мне на идиота!

— Что ты ему рассказал?

Вонтлый выбирал ложечкой черную гущу.

— Все, — пробормотал он.

— Все?!

— Ну, как-то так…

Я ударился лбом о доску со списком отличившихся сотрудников с такой силой, что на стене закачались Кищак и Месснер[68] в деревянных рамках, а Ярузельский заплясал на гвозде. Одна боль заглушила другую.

— Чтобтебяхолераяснаянаместе…

— Что с вами, капитан? Плохо себя чувствуете? Может, вам?..

Я снова потащился к себе, чтобы проглотить две таблетки от язвы. Проглотил — и пора уже было идти к Молоту.

Пани Ядвига впустила меня, слегка пожав плечами. Я вошел и доложился.

— Садитесь, Жевецкий.

Полковник Ковальский закрыл одну папку, открыл другую, перевернул несколько страниц, посмотрел на меня — я сидел с бесстрастным выражением лица, — встал и включил радио. Послышались свист, стоны и шумы.

— Майор Чвартох представил мне рапорт о ваших ночных похождениях с лейтенантом… — он

---

[68] Примечания: 68

Чеслав Кищак — министр внутренних дел ПНР (1981–1990); *Збигнев Месснер* — председатель Совета министров ПНР (1985–1988).

заглянул в бумаги, — лейтенантом Вонтлым.

Я молчал.

— Может, вы об этом и не догадываетесь, Жевецкий, но я каждый час получаю несколько таких донесений. Официально воеводское управление не извещено, так что они не знают, что с этим делать, и либо сажают под замок, как сумасшедших, либо везут в вытрезвитель, либо отправляют в подразделения Службы. Уж кто-кто, а могильщики постоянно напиваются и рассказывают невообразимые истории, но это, в конце концов… Гм… да.

Он открыл шкаф, достал два листка бумаги и подсунул мне. Я издали взглянул на них.

— Гражданин полковник?

— Ваша командировка.

Я молчал.

Он тяжело вздохнул.

— Поедете в Краков.

— Так точно!

— Вот документы на служебную машину. Я бы сейчас не полагался на общественный транспорт. Возьмете оружие. Получите патроны.

— Так точно.

Я осторожно поднял бумаги. В командировочном удостоверении было лишь напечатано: «По

распоряжению полковника Ковальского. Время: 30.04.1986–04.05.1986».

— Обо мне спрашивали в краковском управлении?

Он покачал головой.

— Краковское управление ничего об этом не знает. Ведомство тоже ничего не знает. Вы поедете потому, что вас посылаю я.

— Так точно!

— Рад, что вас не покидает энтузиазм к работе на фронте борьбы с контрреволюцией, — он достал «Популярные» и закурил. — Как вы понимаете, ввиду всей той информации, которая до меня доходит… впрочем, вы сами видели ночью… я вынужден допустить, что наш любимый доктор Дерьмер, возможно, все-таки прав. Понимаете, что это означает?

— Нет, товарищ полковник.

— Вот это мне в вас и нравится, Жевецкий, — ваше безмятежное невежество. — Молот стряхнул пепел в красно-белую пепельницу «Мальборо». — Поедете прямо на Вавель. Никому не докладывайтесь, ни по дороге, ни на месте. Знаете, кто там лежит?

— Где?

— В Вавельском соборе. В подземелье, в склепе.

Владислав Локетек. Казимир Великий. Владислав Ягелло. Королева Ядвига. Юзеф Понятовский, Тадеуш Костюшко, Адам Мицкевич, Юлиуш Словацкий, Юзеф Пилсудский.

— Товарищ полковник?

— Вы еще чего-то не поняли, капитан?

— Боюсь, что…

— Вы их застрелите. Если они встанут. Пуля в лоб каждому.

Радио: кшшшш-уииуиии-тршщщтрщщ.

Я молчал.

Он наклонился ко мне над столом.

— А что такое? С одним восставшим вы уже легко разделались. И потом он ведь так и не поднялся, верно? Значит, во второй раз они умирают как все.

— Там каменные саркофаги, им никак оттуда не вылезти, товарищ полковник.

— Полагаете, никто другой об этом не подумал? И никто не придет, не поможет им выйти? Вы должны успеть раньше.

— Но почему не люди из краковского управления? Почему вообще я?

— Политика — не ваше дело, не вмешивайтесь в нее, и она не станет вам мешать.

Он достал из-под других папок тонкий скоро-

сшиватель, завязанный красной лентой. Я сразу же узнал эту папку. Если ее принес Буля и доложил, что ему там насвистел Филютек… Поеду.

— Так точно!

Замигал интерком. Молот нажал кнопку.

— Пани Ядзя, я же просил…

— Прошу прощения, но у меня тут срочный звонок капитану Жевецкому, похоже, что-то случилось у него дома, и…

Молот милостиво махнул мне рукой.

— Идите, капитан, идите. Вам в любом случае нужно выспаться перед завтрашней поездкой. Вы ведь не выспались, да? Вижу у вас мешки под глазами. Всегда повторяю и буду повторять: нет ничего лучше долгого, спокойного сна.

Кшшш-уииуиии-тршщщтрщщ.

29 апреля 1986 г., вторая половина дня

Он сидел перед телевизором, уставившись в бледную картинку на старом кинескопе, и не обернулся, когда я появился на пороге комнаты. Кожаную куртку на его широких прямых плечах покрывали пятна грязи и полосы зелени.

— Они тут жили до войны, ты сам говорил, — шептала мне на ухо белая как мел Лидка. — Твои родственники…

— Жевецкие построили этот дом в тысяча восемьсот девяносто третьем, после того как продали имение в Вармии, — спокойно сказал я, снимая плащ и шляпу. — Он что-нибудь говорил?

— Попросил воды.

— И что?

— Я ему дала.

— Вы разговаривали?

— Он спрашивал. Про семью. Про… про жену.

Он наверняка нас слышал, но не оборачивался. По телевизору шла передача о механизации сельского хозяйства или какая-то другая программа со свинарником на заднем плане. Гость не отрывал взгляда от экрана.

— Налей в ванну горячей воды.

По крайней мере, на этот раз Лидка не устроила скандала.

Я подошел и выключил «Рубин». Гость поднял взгляд. Он был моложе меня, лет сорока. Я видел только фотографии, но сразу же его узнал.

— Это телевизор, дедушка.

— Да, она мне сказала, телевизор, — он говорил хрипло, растягивая гласные. — Тебя зовут Марцин.

— Да.

— Ты сын Пшемека.

— Да.

— Пшемек… жив?

— Утонул в семьдесят девятом. То есть… черт побери, может, и жив.

— А! — он посмотрел на грязные руки и сжал кулаки. — Не знаю почему… Говоришь, какой сейчас год?

— Восемьдесят шестой.

— Сорок лет с лишним. Тут как раз говорили, — он кивнул в сторону телевизора, — что Первый секретарь… Первый секретарь. Запад нас бросил, Сталин выиграл.

— Да.

— Они нас перебили.

— Да.

— И правят.

— Правят.

— Ты на них работаешь.

— Да.

— В НКВД.

— Нет… да.

— Марцин Жевецкий.

Я взял его под руку, и он послушно встал. Могучий мужик.

— Вымойся. От тебя гнилью несет. У тебя зем-

ля под ногтями. Почисти зубы, прополощи рот. Вон там ванная, идем. Найду тебе какую-нибудь одежду.

Он не сопротивлялся. В ванной его тут же окутал горячий пар, и силуэт Эдмунда Жевецкого расплылся и размазался, будто на поблекшей фотографии или засвеченной пленке.

— Но ты, Марцин, ждал чего-то подобного, — он горько усмехнулся, опершись на раковину. — Ты явно знаешь больше. Придут ведь и следующие?

Я понял, что он действительно младше меня, намного младше — молодость не успела выветриться из его головы, они все были моложе.

— Вымойся, — рявкнул я, захлопывая дверь ванной.

Я пошел в кухню. Лидка не спускала с меня глаз. Из-за стены доносились фальшивые слова «Первой бригады»[69].

— Ты никогда не говорил, что с ним случилось. Он ведь погиб во время войны?

— Он был в АК, их захватила Красная Армия в каком-то лесу. — Леса всегда остаются лесами. Я налил себе стакан теплого молока. — В своей биографии я об этом не упоминаю.

---

[69] Примечания: 69

Песня Первой бригады Польских легионов под командованием Юзефа Пилсудского времен Первой мировой войны.

30 апреля 1986 г., утро

Солнце встало без четверти четыре. Я проверил масло, тормоза, фары. Заправился еще вчера, в багажнике лежали две полные канистры. Белый «Фиат-125п», с гражданскими номерами, три года службы, шины после вулканизации, и даже подвеска в порядке. Я упаковал сменную одежду, сунув под низ П-64 с запасными магазинами. Лидка приготовила мне бутерброды, термос с чаем, термос с кофе, бутылку воды. Автомобильный атлас я одолжил у Метека. Проглотить яичницу, выхлебать горячий чай с молоком, поцеловать детей, пожать руку дедушке, который галантно обещает позаботиться о Лидке и правнуках. Лидка сжимает губы… Нет, ничего. Поехали.

На пустых улицах виднелись приготовления к демонстрации, на площади поставили трибуну, со стальных мачт угрюмо свисали красные флаги, с которых капала вода. Всю ночь шел дождь, в дырах, щелях и углублениях асфальта стояла грязная жижа, казавшаяся не столь грязной в холодном утреннем свете.

Перед отъездом я позвонил Метеку, он был на дежурстве.

— Уф, я тут с ног валюсь. Ситуация выходит из-под контроля, им пришлось признаться на-

счет Чернобыльской атомной электростанции. Еще в понедельник вечером «Время» о чем-то намекнуло, и ПАП выпустило сообщение, но тут же его отозвало. Ночью поступила информация от Агентства по вопросам атомной энергии. А вчера уже в западной прессе вышли большие статьи, как раз привезли, лежат у меня на столе. Варшаве пришлось выступить с официальным заявлением. Вчера рано утром собрался ЦК. Театр еще тот, будет даже Чернобыльская комиссия и, не поверишь, акция по всей стране с раствором Люголя.

— С чем?

— Якобы радиоактивный йод накапливается в щитовидке. Вот они и надумали напоить детей стабильным йодом. Правительство и партия заботятся о народе. Именно такой версии следует придерживаться, вплоть до отмены. Разве что Молот говорил тебе иначе. Гм?

— Есть что-нибудь новое насчет осадков доктора Дерьмера?

— Мы еще не получили доклада за ночь, посмотрим, что нам снизу подбросят. Если будет что-то официальное, то тебя поймают в дороге — у тебя же есть рация в машине?

За городом все шоссе оказалось в моем распо-

ряжении. Я включил радио. На всех диапазонах передачу заглушали трески и шумы, более-менее была слышна лишь какая-то болтовня про перестройку и ускорение. Я выключил приемник.

Я всегда езжу крайне осторожно, но сейчас разогнался до девяноста, поскольку местность была открытая — отдельные строения, потом лишь поля и холмы. Видимость прекрасная, а движение минимальное, лишь дождевая вода еще блестела на асфальте.

К восьми часам я въехал в леса. Шоссе начало извиваться, подниматься и опускаться. Между стенами зелени сияло чистое безоблачное небо, ясно, что дождя уже не будет. Резкий свет висевшего над деревьями солнца начал бить в глаза. Я достал из футляра купленные в Югославии большие солнцезащитные очки. Дети постоянно их у меня воровали, играя в американских полицейских. Я улыбнулся про себя, облокотившись на опущенное стекло.

За поворотом двухполосная дорога уходила в длинную седловину между холмами. У подножия второго холма вдоль обочин по обеим ее сторонам выстроились полтора десятка машин — грузовик, «фиаты», «полонез», «вартбург», «ныса», «фольксваген», какое-то западное комби, даже повозка с

лошадьми. Я притормозил, съезжая на обочину, и остановился за «полонезом».

Проезжую часть перекрывали стволы деревьев. Лес начинался сразу за обочинами.

Я вышел из машины.

— Что тут происходит? — спросил я водителя «полонеза».

Тот курил сигарету посреди дороги, подняв лицо к солнцу и закрыв глаза.

— Будут стаскивать в кювет, парень из «стара» потащит на буксире.

Возле стволов уже возилось несколько человек, «стар» маневрировал по другую сторону завала, готовясь подцепить деревья тросом.

Пожилая женщина в «фольксвагене» крутила ручку радио, завывания помех врывались в лесную мелодию. Шумели листья, пели птицы, стучал дятел. Пахло смолой.

Я сошел с асфальта. Водитель «полонеза» посмотрел мне вслед, достал пачку «клубных», подошел и угостил меня. Я закурил. Он озадаченно поднял брови.

— Только взгляните, — показал я рукой с сигаретой, — как они упали. Где ямы от корней — видите? Это не столетние дубы, но все же полметра в обхвате, а может, и больше — чертовски

тяжелые, верно?

— Ночью была гроза.

— Что, молния ударила? Если бы пронесся ураган — тут все лежало бы вповалку. А не только… сколько их там, четыре, пять? Притом их вырвало с корнем, да еще на пару метров выволокло на дорогу.

— И что вы по этому поводу думаете?

— Не проверяли? Ходил туда кто-нибудь?

Он покачал головой и пожал плечами.

Спрыгнув с обочины, я раздвинул кусты и вошел в лес. Там, откуда падали деревья, лесная подстилка выглядела так, как будто по ней прошелся комбайн, на коре остались светлые следы. Земля была мягкой и болотистой после дождя. Осторожно ступая, я снял очки — чем дальше, тем более глубокой становилась тень. Все вокруг зеленое, не считая тех пятен на коре, на папоротниках, на сломанных кустах — черно-красных, цвете запекшейся крови. Естественно, это и была кровь.

Со стороны шоссе послышались панические крики. Я побежал назад.

Из леса с противоположной стороны вышел громадный зубр и теперь долбил головой в бок «нысы», водитель которой спрятался за радиато-

ром «стара». Все бросились по своим машинам.

Я вернулся к «фиату». «Полонез» медленно пятился задом вдоль обочины. Я вытер ботинки о протектор.

— Это еще что за скотина! — орал водитель «полонеза». — Откуда она взялась? Тут же не Беловежская пуща!

Я внимательнее пригляделся к зверюге. Черная шерсть, два с лишним метра в холке, большие рога.

— Тур.

— Что?

— Тур.

Я сел и нажал на клаксон. К ним тут же присоединились другие. Тур тряхнул башкой, фыркнул, помочился на «нысу» и убрел в лес.

«Стар», к счастью, уже успел оттащить стволы достаточно далеко, чтобы между ними можно было протиснуться. Мы пропустили встречных. Я проехал последним.

Я проверил милицейскую рацию. Ясное дело, трески и шумы. Во всяком случае, за четверть часа я никого не услышал.

Около полудня я снова выехал на равнину среди полей. Мне начали попадаться автомобили на обочинах и в кюветах, некоторые из них, похоже,

резко занесло, некоторые вообще были брошены. Я проехал мимо автобуса, который мигал всем фарами, пассажиры льнули к окнам.

Я остановился у автобусной остановки, на усыпанном гравием островке, — нужно было отлить. На остановке отсутствовал даже навес, лишь столб с кривой табличкой, но рядом росло десятка полтора берез. Все остальное — бескрайние поля. Я зашел между деревьев.

Опорожняя мочевой пузырь, я смотрел сквозь темные стекла на работающих в поле. В такие моменты человек порой глупеет от облегчения, и лишь застегивая ширинку, я понял, что вижу. Аистов. Крестьян. Колосья. Сбор урожая. В сельском хозяйстве я разбираюсь не больше, чем во французском абстракционизме, но не слишком ли рановато для сбора урожая? И эти крестьяне — почему я думаю о них как о крестьянах? Что за реакционный язык? Полуголые или в грязных лохмотьях, мужчины и женщины, косят колосья серпами. Вдали, на горизонте, часовня с большим крестом и лошадь со склонившимся в седле всадником, и подвода, и запряженная сивками коляска, а в ней женщина под белым зонтиком… Я как можно скорее вернулся к машине.

Навстречу мне шел усатый дедок в дырявом

ватнике, новеньком берете и с окурком в стальных зубах. За собой он тащил на ржавой цепи худую корову.

— Не знаете, чья это земля?

Он посмотрел, заморгал, поскреб под беретом.

— А мне-то какое дело? Госхозовская, наверно, раз столько народу трудится…

— Да вы только посмотрите… А, ладно, — я махнул рукой и захлопнул дверцу.

Что там говорил доктор Дерьмер? «Должно пройти самое меньшее двадцать часов с момента контакта с переносимой воздушным путем субстанцией. Естественно, сперва видны эффекты обращения процессов, завершившихся недавно». Я миновал старую церквушку и мельницу. Дорога снова поднималась и опускалась. Я пересек мост над высохшей речкой и, остановившись в тени еловой рощицы, налил себе кофе из термоса. Дуя на кофе, задумчиво листал атлас. Учитывая прекрасную погоду и скорость развития событий… Я вспомнил карту доктора и цвета на ней. «Процесс ускоряется».

Тра-та-та-та! Стаканчик полетел на пол машины, горячий кофе выплеснулся на ноги, когда я упал плашмя на сиденье. Стреляют из автомата!

Я посчитал до десяти — десять быстрых вздо-

хов. Тишина, только урчит и хрипит двигатель. Я выглянул из-за приборной панели. Вдали, перед самым поворотом, кто-то перебегал проезжую часть. Одна, две, четыре сгорбленные фигуры — все они тут же скрылись в зарослях по другую сторону дороги. Кто-то, похоже, держал в руках автомат. Темные штаны, темные куртки и белое пятно — у одного была забинтована голова. Хорошо еще, что в мою сторону они не смотрели.

Я уже собирался снова сесть за руль и нажать на газ, когда из зеленой тени среди деревьев выбежала еще одна группа — шестеро солдат, все с оружием, которые преследовали первых. Я узнал их по каскам — узнал бы, даже разбуженный посреди ночи.

Едва они пробежали мимо, я тронулся с места, поспешно переключая передачи. Я даже не поднял термос, не вытер кофе. Первый же городок, первая деревня — нужно позвонить, пусть Молот вернет меня обратно, поскольку все это уже не имеет смысла, уже слишком поздно, если туры таранят автомобили, если крестьяне отрабатывают барщину в полях, а вермахт стреляет по лесам. «Процесс ускоряется». Отделение милиции… нет, полковник запретил; но хотя бы любая телефонная будка…

Они подумали только о поляках, а ведь в этой земле, в этой земле… кого только эта земля не поглотила!?

30 апреля 1986 г, вторая половина дня

Почта стояла на пригорке за деревней, квадратное одноэтажное строение из коричневого кирпича, местами проступавшего из-под белого фасада. На боковой стене, возле которой я припарковался, еще остались тени букв от лозунга к IX съезду партии. Окна в той стене были заделаны фанерой и пожелтевшими номерами «Трибуны Люду».

Я вошел, поправляя под пиджаком ремни кобуры, которые начали жать мне сразу же, едва я ее надел. Когда мне в последний раз приходилось ее носить? Сидевшая за единственным окошком толстая женщина взглянула на меня поверх вязания, пока я чесал левый бок и дергал за ремешок под правой подмышкой.

— Добрый день, — хрипло проговорил я, подойдя к прилавку. — Я хотел бы заказать срочный разговор по межгороду…

— Нету.

— Чего нету?

— Срочных. — Она сбросила петлю и перело-

жила спицу. — Междугородних.

Достав платок, я вытер вспотевший лоб. Предъявить удостоверение? Поможет ли? Сомнительно. И уж наверняка будет противоречить распоряжениям Молота. Черт побери. По радио каша.

— Но почему? — простонал я. — Я подожду!

— Похоже, обрыв на линии. Можете ждать, если хотите. Мы в три закрываемся.

В подсобном помещении кто-то стучал на машинке со скоростью буква в секунду. Больше ничего не было слышно, даже радио — ну да, по радио каша, на всех диапазонах.

— Где тут ближайшее почтовое отделение?

Женщина пожала плечами.

— Вы тут проездом? Куда едете? Быстрее будет доехать до города. И вообще, не мешайте персоналу работать!

Я обреченно вышел.

Со стороны леса, через луг и под гору, к почте бежали люди — трое, пятеро, и две пары с носилками, и один хромой, с открытой раной в ноге. Все в анахроничных зеленых мундирах, с довоенными винтовками. Замыкающий держал в руке пистолет с узким стволом, на боку у него висел планшет. Когда он пробегал мимо, я заметил знаки различия поручика и орла на фуражке

— орла в короне.

Все вбежали в здание почты.

Я вернулся следом за ними.

— Он перешел Вислу?! — орал на почтовую служащую хромой. — Перешел?!

— Что?.. Кто?..

— Тухачевский! Перешел?

Поручик расставлял солдат.

— Лучук — в подсобку. Вода, бинты. Тшцинский и Плята — с ранеными, и доложить. Сержант — окна.

— Так точно.

— Швея, свяжись со штабом. Капрал, что с боеприпасами? Уфф… и мне тоже воды принесите.

Швея подскочил к тетке с другой стороны.

— Телефон, пани! Нам нужно срочно…

— Н… но…

— Вы же слышали пана поручика…

— Н… но…

— Да что?

— Обрыв на линии.

Поручик сел под плакатом ДТО[70] с надписью «Молодежь строит социалистическую родину!», снял куртку, достал карту и компас.

---

[70] Примечания: 70

Добровольческие трудовые отряды — молодежное движение в ПНР.

— Как называлась та деревня с прудами?

Я подошел к нему.

— Извините…

Солдат привел из подсобки толстопузого начальника почты; стука пишущей машинки уже не было слышно.

— Только этот, пан поручик. Есть задний выход.

— Подвал?

— Похоже, нет. Есть у вас тут подвал?

Начальник посмотрел на привалившегося к прилавку хромого, на стекающую из его раны на пол кровь, облизал губы, схватился за грудь и рухнул на поручика.

Тот успел отскочить, но выронил карту, которая исчезла под тушей начальника.

— Ну чего вы стоите, Лучук?..

Лучук дернул начальника за ногу, но тщетно. Поручик склонился над несчастным с другой стороны, возле головы.

— На счет «три» переворачиваем его на спину, через правый бок. Вас не затруднит помочь?

Слова эти были обращены ко мне. Я нагнулся, беря толстяка под мышки. Лучук положил винтовку и, будто применяя борцовский прием, обхватил начальника ниже колен.

— Раз…

— Противник на юге!

Выругавшись, поручик метнулся к окну, машинально хватаясь за пистолет, и, присев, выглянул из-за подоконника. Я знал, что окна с задней стороны здания зарешечены, но здесь, с фасада — нет.

— Боеприпасы?

— По два патронташа, пан поручик.

— Пусть подойдут к дороге. Беречь лошадей!

Прижавшись к стене, я рискнул бросить взгляд за окно. Из леска по другую сторону шоссе, метрах в ста к югу и намного ниже почты, выехали двое всадников с саблями на боку, за ними бежали пехотинцы с винтовками.

— Сержант!

Рядом с поручиком присел пожилой усач.

— Слушаю?

— Возьмите Пляту и поднимитесь на крышу. Тут ведь есть выход на крышу? В первую очередь снимете офицеров. Возьмите по патронташу у Швеи и Квасняка.

— Так точно.

— Капрал, забаррикадируйте чем-нибудь задний выход. Но чтобы в случае чего можно было быстро открыть. Куда звонит та баба? Вроде гово-

рила, что обрыв на линии?

Почтовая служащая, низко склонившись над столом, что-то шептала в трубку, забрызгивая слюнями потрескавшийся пластик.

Я подошел к прилавку кружным путем, держась подальше от окон.

— Соедините меня с отделением милиции в поселке.

Она посмотрела на меня как на сумасшедшего.

Я достал удостоверение СБ и сунул ей под нос.

Раздались выстрелы — стреляли сержант и Плята с крыши. Им ответили десятка полтора выстрелов со стороны поля, со звоном посыпались стекла, металл заскрежетал о металл, почти заглушая глухой стук бьющих в кирпичную стену пуль, не попавших в цель. Капрал выложил на столик под папоротником ручные гранаты и раздавал их по очереди солдатам на позициях под окнами. Снаружи, на фоне ясного голубого неба, послышались быстрые команды на русском, за которыми последовал хоровой возглас полутора десяток глоток:

— За родину! Ура-а-а!

Женщина сползала со стула под прилавок, уставившись на мое удостоверение широко раскрытыми глазами.

— Я преданный член партии, — сипела она. — Я не лезу в политику! Я всем сердцем поддерживаю вмешательство Советского Союза! Ай! Товарищ начальник ручается…

— Ложись!

Раздался грохот. Меня ударило чем-то по спине, по бедру, по голове. Я почувствовал, что падаю, а потом меня будто окутала вата.

Я очнулся под листом оторванного от прилавка пластика, осколки которого царапали мне лицо. Над самым моим ухом кто-то очень громко раз за разом считал от одного до шести. Никто не стрелял.

Закашлявшись, я пошевелил рукой. Пластик свалился с меня. Я заморгал. На красном почтовом ящике, перевернутом и разбитом, сидел капрал, вглядываясь в свои окровавленные руки.

— Один. Два. Три. Четыре. Пять. Шесть. Один. Два…

Остальных пальцев он никак не мог досчитаться.

Я сел. Меня всего покрывала бело-серая пыль, которая еще кружила в воздухе, оседая с треснувшего потолка, — штукатурка, краска, щепки, известка. Щель в потолке шла поперек главного зала почты, параллельно фасаду. Я проследил

вдоль нее взглядом. На сорванной с петель входной двери лежало несколько тел в разношерстных мундирах, отличавшихся от формы польских солдат. Рядовой Лучук обыскивал тела, одно за другим, передвигая их и переворачивая с помощью пинков и приклада винтовки. Снаружи чирикали воробьи.

Встав, я вытряхнул пыль из волос. Женщина лежала под опрокинутым прилавком, уставившись остекленевшим взглядом на собственную спину — каким-то образом при падении со стула она ухитрилась свернуть себе шею. Под ее вязанием я нашел свое удостоверение и сдул с него пыль. Оно даже не порвалось.

Из подсобки вышел сержант с перевязанной окровавленной тряпкой головой.

— Бурак! Где поручик?

— Два. Три. Четыре.

— Эй, Тшцинский, займись капралом, пока он кровью не истек.

Появился Тшцинский с бинтом в зубах, разрывая белую ткань на ровные ленты.

— Мне что, раздвоиться?

— Швея помер.

— Но Тымек еще дышит. У меня нет воды. Где поручик?

Лучук показал в сторону окна. Они начали раскапывать обломки разбитой взрывом гранаты стены. Появились шарообразные ягодицы начальника, обтянутые серыми брюками.

Подойдя к другому окну, я выглянул на улицу. Вдоль дороги хромал вороной конь с пустым седлом. Чуть позже я высмотрел ногу в кожаном сапоге, торчавшую из травы ниже по склону. Трава была высокая.

Лучук выломал из пальцев трупа револьвер на ремешке, перерезал ремешок штыком, открыл барабан, вполголоса пересчитал патроны.

— Шесть! — заскулил капрал Бурак. — Шесть!

— Лучук… уфф… займись им, — сержант перевернул поручика на спину. У того была дыра в груди, две дыры в животе и размозженное лицо. — Ох ты, господи Иисусе…

Я прошел в подсобку. Лестницы не было — под открытым люком на крышу стоял письменный стол, на нем металлический шкафчик. Плята высунул голову в квадратное отверстие. Я пожал плечами и развел руками.

Дальше был короткий коридор, склад без окон, узкий кабинет начальника, воняющий туалет и запертая на тяжелый засов задняя дверь. Солдаты на всякий случай подтащили к ней железные

ящики. В коридоре было два окна, и еще по одному — в кабинете и в туалете.

Кто-то хлопнул меня по спине. Я обернулся. Усатый сержант скручивал папиросу, поглядывая на меня из-под края сдвинутой на лоб каски.

— А вы, собственно…

— Сейчас сюда явятся.

Он нахмурил кустистые брови.

— Кто?

— Поселок за поворотом дороги. Наверняка всю эту канонаду было хорошо слышно. А если даже и не было слышно — та баба успела кому-то позвонить, межгород не работает…

— Большевики режут все провода.

— Связи нет, так что она звонила кому-то здешнему.

Сержант закурил.

— Да что вы, все сидят попрятавшись по хатам — хватает одному большевику появиться на горизонте. А уж после такой стрельбы… Хотя доктор бы нам не помешал, ну и узнать хоть какие-то известия о полке… Не слышали, как ночью артиллерия стреляла?

— Я не местный, — я выглянул в северное окно. — Посмотрите-ка, сержант. Ваши?

По заросшим сорнякам лугам, со стороны

покрытых еловым лесом северных холмов, приближались четверо всадников. Они отличались одеждой и снаряжением, но у каждого из-за плеча торчал длинный ствол. Последний всадник тащил за собой импровизированную волокушу, сплетенную из все еще зеленых ветвей.

— Плята, чтоб тебя вши сожрали! — заорал сержант. — Ты что там, уснул, засранец?

— Это не Советы, сержант!

Я достал пачку «Силезии»:

— Вы всех прикончили?

— Шутите? Они отступили, сидят там в лесу на юге, ждут.

— Чего?

Он махнул рукой с папиросой.

— Подкрепления. Какого-то приказа, такого или сякого. Ночи.

Я не сводил взгляда с всадников. Волокуша замедлила движение, один из них выехал вперед.

— Они едут к нам.

Мы курили, стряхивая пепел на пол. Сержант придвинулся ближе, положив винтовку на подоконник.

— Кто-то должен к ним выйти.

— Вы отсюда не уходите?

— Скоро вечер, у меня трое раненых, только

четверо с оружием, неизвестно, где наши, неизвестно, где фронт. Если я уйду, меня догонят за пару километров. Тут, по крайней мере, можно обороняться. Дивизия должна была идти в эту сторону, так говорил поручик. Вы в штатском, может, на вас не обратят особого внимания.

— На что вы так смотрите, сержант?

— Когда вы лежали… я видел у нас в штабе майора с такой кобурой, с револьвером под мышкой, он тоже был в штатском. Вы ведь хотели позвонить отсюда в штаб, доложить?

— Я не майор! — рявкнул я.

— Так точно!

Раздавив окурок, я принялся отодвигать ящики от двери. Мы подняли засов.

Сержант выставил наружу дуло винтовки.

— Отвечайте, кто вы! — крикнул он приближающимся всадникам.

— Во имя всего святого, человек помирает! За нами с самой зари казаки гонятся!

— Кто?

— Сотня Макаренко!

— Вы кто?

— Пан Случинский из Хростов и фамилия!

Сержант вопросительно посмотрел на меня. Я пожал плечами.

— Заходите! Быстро! Осторожнее с лошадьми!

Всадник, тащивший носилки с раненым, вошел первым. Подковы сдирали линолеум, громко стуча по бетону. Сержант дал знак разместить лошадей в кладовой. Всадникам пришлось спешиться еще снаружи. Я разглядывал покрой их штанов и рубах, грубые куртки и плащи, архаичные мушкеты.

Самый пожилой из мужчин, в проволочных очках и с красным шрамом на лбу, тут же накинулся с вопросами на сержанта. Тот с облегчением показал на меня.

— Есть известия из королевства? Правда, что Падлевского русские расстреляли? А генерал Мерославский?

Я покачал головой.

— Мы отрезаны.

Я повел их в заднее помещение. С крыши заглянул Плята; сержант его обругал и приказал высматривать казаков. Я присел на неработающую электрическую печку. В ушибленном бедре пульсировала горячая боль, на затылке наверняка шишка величиной со сливу.

— С чего вам пришло в голову тут прятаться?

— Мы слышали выстрелы.

— Но тут могли быть… могли быть русские.

— Вы же вывесили повстанческие флаги.

Я совсем забыл. На здании почты действительно развевались положенные по всем правилам флаги, красные и бело-красные. Товарищ начальник лично проследил. Завтра Первое мая.

30 апреля 1986 г., ночь

Мы вынесли во двор металлические шкафчики и поломанную мебель из подсобки и кабинета начальника. Получились импровизированные брустверы, за которыми могли прятаться стрелки по краям плоской крыши — восточному и западному, южному и северному. Но, естественно, столько людей в нашем распоряжении не было. Сержант и Случинские остались внизу, а мы с Плятой лежали на шершавом рубероиде за шаткими укрытиями.

Ночь была ясной, от вчерашних туч не осталось и следа. У повстанцев нашлась во вьюках водка, бутылки пошли по кругу. Капрал Бурак, к всеобщему облегчению, упился до потери сознания. Зато поднялся на ноги начальник, с которым случился нервный припадок. Он ругался и грозил всем вокруг, тщетно взывая к гражданской милиции и Польской объединенной рабочей партии, пока у господ Случинских не возникло желание

побить его батогами, да и всех прочих он раздражал не меньше. В конце концов начальник почты вырвался из рук солдата, прорвался сквозь наваленную на месте выбитой двери баррикаду и помчался в поле, на ведущую к поселку дорогу, в драных брюках и заскорузлых от крови поручика рубашке и пиджаке. Мы кричали ему вслед, но он даже не оглянулся. Я смотрел с крыши, сквозь щель в крышке опрокинутого набок письменного стола. Плята хотел побиться о заклад, но мы не успели — начальник свалился замертво перед поворотом дороги, на середине склона почтового холма. Выстрелов раздалось не меньше четырех, все с юга, из леса; сколько из них попало в цель, одному Богу ведомо. Начальник кувыркался еще полтора десятка метров, потешно размахивая ручками и ножками, а его головенка подскакивала на выбоинах. Наконец он замер, похоже, навсегда.

Я думал: сержант только что из земли, он не знает, что происходит, нес какую-то чушь — сейчас сюда придут, приедут, из поселка, из города, такая стрельба, что с того, что провода перерезаны. Сейчас придут. Никто не приходил. Наступила ночь. На дороге не появилось ни одной машины. Со стороны невидимых хат холодный ветер доно-

сил лай собак, отрывистое кудахтанье кур, даже запах свежего навоза. Я курил сигарету. Плята чистил винтовки, свою и запасные (оружия у нас было больше, чем рук, способных его держать). Под нами патер Случинский читал над ложем умершего племянника молитвы, в ночи плыл его хриплый бас.

— Requiem aeternam dona eis, Domine, et lux perpetua luceat eis…[71]

…Я думал: почему они не удивлены? Что они помнят? Или что, как им кажется, помнят? В какое мгновение перед смертью остановилась их память? Они должны стоять, разинув рты, и тыкать пальцами в образы нового мира. Доктор Дерьмер пытался объяснять нечто, для чего у него не было слов. «Средой данного явления всегда является живая материя с высокоразвитой нервной системой и ее непосредственное окружение» Что значит «непосредственное окружение»? Является ли нервная система тура «достаточно развитой»? А лошади? В самом ли деле они выходят из земли? Абсурд! А их одежда, имущество, оружие — почему не целые города? «Процесс ускоряется». Что, собственно, свалилось с неба на Чернобыль, и что

[71] Примечания: 71

«Вечный покой даруй им, Господи, и вечный свет пусть светит им» (*лат.*) — начальные слова заупокойной молитвы.

теперь падает с облаков на Польшу? Диалектика не может остановиться и вернуться к давно опровергнутым тезисам, так же как Земля не может остановиться в своем движении вокруг Солнца, история не повторяется, не заворачивается сама на себя — история идет вперед, к новому, всегда к новому…

— Sicut erat in principio, et nunc, et semper, et in saecula saeculorum. Amen.[72]

Что было в начале? Вырваться из этой отупляющей рутины работы на государство, вернуться к чистым рассуждениям времен школьной скамьи и великой фамилии Жевецких, когда даже латынь не звучала для меня чуждо. Ночь. Спокойствие. Тишина. Что было в начале?

Не является ли «начало», «principio», попросту тем, что приходит до всего остального, тем, что предшествует времени, — тем, от чего время зависит?

Я прекрасно помнил ту латынь, вкус и запах церковной латыни, запах ладана и шершавое прикосновение к нёбу Тела Христова, когда мы с сестрами и матерью ходили каждое воскресенье перед завтраком в базилику, в каменные тени

---

[72] Примечания: 72

«Как было в начале, и ныне, и присно, и во веки веков. Аминь». (*Лат.*)

готики и желтый свет витражей, где рядом с железными канделябрами, на цепях из выслушанных литаний, висели над нами угрюмые ангелы, каждый с большим мечом, нацеленным в макушку детской головки; их не видно, но они там, цепь скрежещет, меч опускается, по миллиметру за грех, по звену за дурную мысль; все дети чувствуют над собой постоянное присутствие карающих ангелов. То, что истинно, вначале всегда невидимо.

Потом я, естественно, перерос старые предрассудки и неназываемые страхи. Осталось лишь то, что ощутимо, упорядоченно, даже среди беспорядка — то есть в соответствии с природой этого мира. Так взрослеет человек — но так ли взрослеет мир?

Рассказанное происходит из нерассказанного. Неправда, что в начале было Слово — то было лишь началом того, что можно назвать и записать.

Плята рассказывал о своих родственниках, он был из Львова, семейное предприятие занималось изготовлением памятников — так вот, Плята оказался специалистом по высеченным на надгробиях эпитафиям. Каменная каллиграфия — непростое и тонкое искусство, нужна верная

рука и чутье! Как при стрельбе из винтовки! Разогретый чернобылиновой водкой, он цитировал запомнившиеся ему заупокойные тексты.

Разбуди меня, Господи,
Чтобы я встал,
Но пока полежу,
Ибо слишком устал.

Я не думал, что спиртное настолько ударит ему в голову — поскольку он в самом деле встал; встал и тут же рухнул замертво, получив пулю между лопаток.

Так началась ночная атака. Они подошли с юга и запада, вдоль дороги. Окажись у них минометы… Но минометов не было. Я видел, как они пробираются через поле и луг, крадясь в траве. Пусть приблизятся на тридцать, двадцать, пятнадцать метров. Я никогда не был хорошим стрелком, а с возрастом и ухудшающимся зрением стал еще хуже, к тому же винтовки времен Первой мировой войны казались мне исключительно громоздкими. Впрочем, господа Случинские без труда перешли на оружие двадцатого века. Снизу слышалась непрекращающаяся стрельба. У меня, однако, обзор был лучше. Я крикнул в люк, попросил еще одного человека.

— Плята — труп!

Меня услышали, появился Ахиллес Случинский, малолетний сын Болеслава.

Он сразу же пополз к северному краю крыши; с холмов спускались казаки. Шесть, десять, двенадцать, не целая сотня, но явно больше двенадцати конников. В свете звезд блестел клинок кривой сабли командира, которым он показывал в нашу сторону. Раздался пронзительный свист. Ахиллес начал в них стрелять. Казаки пригнулись к шеям лошадей, те перешли на галоп. С каких это пор конница штурмует укрепленные строения? Им следует спешиться, присесть за укрытиями… Подтащить какое-нибудь орудие… Но если такового нет, а приказ безоговорочный, — когда еще лучше нападать, как не ночью? Когда защитникам приходится одновременно отражать атаку с другой стороны? Вряд ли еще представится такой случай. Хватит того, чтобы дать им добраться до вершины холма, почта — не бункер. Они разнесут нас саблями, перестреляют на месте. Противник с юга, противник с севера, противник с востока и запада — нам снова не защититься, эта ночь повторяется без конца.

Кто-то из приближающихся со стороны леса пехотинцев — видимо, я зазевался, поскольку он

перебежал дорогу, прежде чем я его заметил; его не сняли ни солдаты из окон внизу, ни Случинские, — кто-то из советских подскочил к южной стене здания почты и швырнул внутрь гранату, о чем я узнал, услышав крик сержанта:

— Под окном, сукин кот! Граната!

Грохнуло. Вся крыша подпрыгнула, из квадратного отверстия повалил белый дым. Кто-то звал на помощь, кто-то проклинал царя, кто-то кричал «мама». Я выплюнул острый осколок стекла, во рту сломался зуб.

Со стороны поля раздались команды по-русски. Я высунулся за край крыши — около уха свистнула пуля, тело невольно дернулось назад. Высунувшись снова, я увидел прямо под собой солдата, который присел у окна, готовясь бросить вторую гранату. На темном лугу виднелись бегущие тени других. Ветер разносил запах пороха.

Чихнув, я поднял винтовку. Холодный жар ударил вдоль правого предплечья и в плечо, будто игла ледяного огня, добравшись чуть ли не до позвоночника. Я упал на спину. Прострелили руку? Я подтянул рукав. Нет, только зацепило, могу двигать рукой, кости целы. Но жжет чертовски. И течет кровь. А на крыше полно мусора, птичьего помета и многолетней небесной блевотины,

засохшей и заскорузлой. Лишь бы не втереть в рану. Внизу есть бинты.

В ночи снова послышался свист. Ахиллес Случинский просил патронов. Я пополз в сторону люка, из которого…

Грохот. Все рухнуло. Я свалился вместе с обломками, среди обломков, в обломки. Меня накрыло тяжелым саваном из рубероида.

В ушах звенело, рот заполнился кровью, я не чувствовал ног. Жгло глаза, залитые грязными слезами. Я заморгал, и темные пятна начали обретать конкретные очертания. Из завала торчала чья-то рука, стиснутая на прикладе винтовки. Дальше — оторванная вместе с частью шеи конская голова, еще в упряжи. По кирпичам текла черная вода, заливая белые квитанции, конверты, почтовые карточки, марки. В воздухе висело густое облако пыли, известковый туман, сквозь который не мог пробиться взгляд. В ночном мраке что-то двигалось — идут нас добить? — но глаза снова начали слезиться, я ослеп. Я потер веки рукавом. Дыхание продиралось сквозь тяжелую завесу грязного воздуха, возвращаясь в легкие вместе с пылью. Сейчас задохнусь. Разбитая винтовка вонзалась в ключицу; может, она и в самом деле вонзилась в тело.

Я осторожно высвободил из-под завала правую руку. К ногам постепенно возвращалось ощущение боли. Звон в ушах тоже прекратился. Я поднял голову. Кто-то еще стрелял — раз, второй, третий, потом залп из двух стволов сразу, и тишина. Слышался приближающийся смех и крики по-русски. Лошади, запах лошадей. Я сглотнул слюну, имевшую вкус известки, пороха и крови.

Кто-то стонет. Грохот выстрела — близко, совсем рядом. Обломки все еще сыплются, я слышу шорох и шелест бумаги под чьими-то ногами. Я перевернулся на спину. Шаги. Порыв ветра развеял густую пыль, и из-за разорванного рубероида появился силуэт в серой шинели, с длинноствольным револьвером в вытянутой руке.

— Еще здесь, собака! — смеется красноармеец. — Вот и собачья смерть!

Он взводит курок. Я выхватываю из кобуры пистолет и стреляю ему в грудь — раз, второй, третий, а потом четвертый, в голову, когда он уже падал. Упал.

Но — снова стучит в ушах и кружится голова. Дрожит земля. Стук копыт. Казаки? Нет.

Волна звуков захлестывает холм и руины почты — стук копыт, да, но и скрежет металла, громкий шум, отрывистые возгласы… Секунд пятнадцать,

не дольше, — я успел трижды в панике повернуть голову, перенести вес тела с руки на руку… и все, тишина, земля спокойна, туман неподвижен.

Я медленно вдыхаю и выдыхаю. Тишина, тишина, ничто не движется, никто не кричит, никто не смеется, никто не стреляет. Ветер постепенно разгоняет над побоищем облако пыли. Я дышу глубже. Появляется линия горизонта, небо, звезды на небе, очертания холмов, тень леса, черная лента асфальта. И тела — здесь, в обломках, на обломках, но и в траве, и на дороге. Я узнаю форму: советские, казаки, одни русские. Встаю, вдыхаю полной грудью. Опираясь на разбитую винтовку, хромая, спускаюсь с руин на землю. Один из трупов лежит совсем рядом, на бетоне почтовой парковки. Если они все выглядят так же… Изрубленные, изуродованные. Я смотрю в сторону холмов. Одинокая лошадь волочит сломанную ногу. Не поют ночные птицы, не жужжат насекомые, даже ветер не издает ни единого шороха. Тишина, ночь.

— Есь кто шивой? — кричу я. Сплевываю, откашливаюсь — не помогает. — Отсофитесь!

Тишина, ночь. По кирпичам стекает черная вода. Оседает пыль.

Если уцелевший противник собирался меня

пристрелить — самый подходящий момент.

Я поковылял к автомобилю.

Не осталось ни одного целого стекла. В кузове дыры. Задний бампер разбит. На радиаторе глубокие вмятины в форме подковы. Заднее левое колесо распорото. На крыше отброшенная взрывом фанера, с приколотым к ней прейскурантом на телефонные переговоры и подписку.

Я сел в машину. Четверть с лишним часа сидел, не шевелясь за рулем «фиата», бессильно опустив голову и упершись лбом в шершавый пластик. Никаких мыслей, никаких страхов, никаких воспоминаний. Пустота, ничто, ветер в черепе, глухой шум в резонансной коробке. «Стукни милиционера по башке — ответит эхо».

Постепенно я взял себя в руки, и из обрывков собралось нечто осмысленное — сваливай отсюда, болван. Я нашел платок, высморкался, нашел термос (один уцелел), выпил чаю, нашел ключи. Что мешает попробовать? Я пожал плечами. Заведется, не заведется? Со скрежетом, но завелся.

Запасное колесо. Наверняка его прострелили вместе с багажником. Я вышел и поковылял назад. Багажник заклинило, пришлось найти среди обломков какую-то железяку и вскрыть замок с помощью импровизированного рычага. Именно

тогда, обходя руины в поисках «отмычки», я начал опасаться, что кто-то мог остаться в живых — кто-то из русских, кто-то из защитников сельской почты, без разницы, остался жив, придет в себя, начнет звать на помощь, и что мне тогда делать? Я поспешно проверил запасное колесо. Канистры продырявило, но колесо выглядело целым. Рану на руке жгло все сильнее, вдоль всего левого бока уже наверняка расцветали пышным букетом синяки, которых я пока, слава богу, не чувствовал, несколько зубов шаталось, во рту стоял вкус крови — неважно, заменить колесо и как можно скорее уехать. Сваливай отсюда, болван!

Рассвет застал меня на корточках за «фиатом». Я не замечал их, пока не поднялся, чтобы бросить инструменты в багажник. Они шли по обочине по противоположной стороне шоссе, с юго-запада к поселку внизу, медленно, волоча ноги. Предводитель процессии нес примитивный крест, сколоченный из двух досок. Я смотрел на них поверх машины, стоя с грязным железом в руках, весь в смазке и крови. Когда над лесом взошло солнце, с первыми же лучами утренней зари они упали на колени в придорожный песок и начали петь какую-то молитву, литанию или псалом на незнакомом языке — не польском, не русском

и не латыни. Поспешно захлопнув багажник, я вернулся за руль, дважды выронив ключи из неловких пальцев. Все незнакомцы были в убогих лохмотьях, серых, бурых и черных, босиком или в каких-то топорной работы деревянных башмаках, невероятно грязные и невероятно уродливые, худые, низкорослые, сгорбленные. Подул ветер, и я ощутил исходящий от них смрад. «Фиат» завелся. Я крепко стиснул руки на руле, пытаясь унять дрожь.

Дав задний ход, я развернулся на север и на скорости в сорок километров в час спустился к поселку. Справа, возле пожарной части — помню, я мимо нее проезжал — стояло отделение милиции. Я притормозил, всматриваясь внимательнее. Остались только головешки. Почему ночью я не видел огня? К кривому столбу автобусной остановки кто-то привязал лошадь с казацкой упряжью; та подняла голову, услышав шум двигателя. На пожарище играли измазанные копотью дети. Я еще больше сбавил ход. За пожарной частью, на открытом пространстве — треск, смена кадра, картина совсем из другой сказки: мужики в праздничных пиджаках и чистых рубашках, бабы в цветастых платках, дети с чистыми личиками и девочки в светлых

платьицах; все стояли с красными флажками в руках, накрахмаленными знаменами и транспарантами: «ДРУЖБА С СОВЕТСКИМ СОЮЗОМ — НЕОТЪЕМЛЕМАЯ ГАРАНТИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ПОЛЬШИ», «БОРЬБА ЗА МИР — ОБЯЗАННОСТЬ ВСЕХ ЛЮДЕЙ ТРУДА», «ДА ЗДРАВСТВУЕТ РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКИЙ СОЮЗ», «ДЕРЕВНЯ С ГОРОДОМ, ГОРОД С ДЕРЕВНЕЙ». На парковке у пожарной части их ждали автобусы, из громкоговорителей хрипел «Интернационал». За углом сложили высокую поленницу, на ней лежал пузатый мужчина в черном костюме, скрестив руки на портрете Ярузельского. Поленницу обходил старик в парадном мундире пожарного, в блестящей каске, и окроплял землю кровью петуха, которого держал высоко над головой за вывернутые крылья, — петуха, которому он только что перерезал горло. Я тряхнул головой. Другая сказка — или, собственно, одна и та же? Пожарный завершил обход и поджег поленницу. Из пожарной части вышел милиционер с разрисованной пеплом круглой физиономией, сжимая в руках каменную урну с примитивным изображением человеческого лица. Бабы натянули платки на глаза, мужики склонили красные знамена. Девочка в белом платьице, с венком из цветов в волосах,

опустилась на колени и легла на землю перед костром. Старик вытянул руку с петухом в том направлении, куда шел черный дым, и, сняв каску, поклонился на все четыре стороны света.

Лишь мы, работники всемирной
Великой армии труда,
Владеть землёй имеем право,
Но паразиты – никогда!

Я нажал на газ.

1 мая 1986 г.

В том, что машина рано или поздно сломается, я не сомневался. Налитые свинцом руки и ноги не хотели слушаться, но я все же сумел столкнуть «фиат» на обочину и дальше, за первые заросли, за высокие кусты, пока он не стал почти невидим с шоссе.

Радио не работало — не было слышно даже шума. Добраться до первого нормального селения, найти в нем действующий телефон, или воинскую часть с независимой связью, или местный комитет партии, или… так или иначе, нужно поспать. Голова трещит. Хорошо хоть язва пока не дает о себе знать. Но в башке будто тысяча передовиков производства вкалывают отбойными

молотками, еще немного, и прорубятся к пазухам и вискам, а потом выйдут через лоб. Свернувшись на заднем сиденье, я накрылся курткой и закрыл глаза.

Почему мимо не проехал ни один автомобиль, ни с севера, ни с юга? Это беспокоило больше всего. Я вспомнил вчерашний завал на дороге, «Стар», оттаскивавший упавшие на шоссе деревья. Что, если таким же образом оказалось перекрыто все движение через лесистую местность?

И что те крестьяне вытворяли первомайским утром? Спалили отделение милиции? Но милиционер остался цел. И кого они жгли на том костре — директора госхоза? Сошли с ума, чернобылин им мозги сожрал?

Другое дело, что если бы пару часов назад они появились на почтовом холме, то могли бы задать мне тот же вопрос — и что бы я им ответил? Что я свихнулся? Нет. «Живые в момент осадков организмы, похоже, устойчивы к воздействию чернобылина». Но на чем оно, собственно, основано? «Процессы энтропии идут в обратную сторону». Понятия не имею, что это значит, но что бы тут ни «шло в обратную сторону» — как определить, находимся ли мы сами вне процесса?

История сжимается, как севший после стирки шарф: все становится ближе друг к другу, но никак не понять, к какому концу все сжалось, к левому или правому, к какой точке, где конец, где начало, нет никакого начала, нет, нет, нет…

Меня разбудило показавшееся очень громким в тиши леса фырканье. Я посмотрел на часы. Шестнадцать двадцать три. Тем же движением рука с часами потянулась к рукоятке пистолета. Слышался стук конских копыт по асфальту, скрип упряжи. Мужской голос напевал колыбельную. Перевернувшись на левый бок, я выглянул сквозь заросли; в отсутствие стекол часть веток воткнулась внутрь «фиата».

Посреди проезжей части, на белой линии, стоял могучий сивый конь с упакованным в странные доспехи из стали, кожи и кости всадником на спине. Всадник склонился в седле, похлопывая коня по шее и разглядывая асфальт с нарисованными на нем длинными прямоугольниками. У седла, под ногой, висел большой меч.

Выпрямившись, он огляделся, привстав на стременах. Шлема на нем не было. Лицо покрывала густая черная щетина. Он напевал сквозь стиснутые зубы, задумчиво покусывая длинную травинку. Еще раз оглядевшись, дернул поводья,

и конь прыгнул прямо ко мне.

Я вывалился из машины с другой стороны. «Фиат» затрясся, заскрежетало железо. Спотыкаясь, я бросился к деревьям.

— Стай! — кричал рыцарь. — Стай тут!

Тяжело дыша, я выглянул из-за ствола. Не сводя с меня взгляда, рыцарь медленно обходил «фиат» кругом; подняв с его крыши длинную ветку, он стряхивал с машины остатки зеленого камуфляжа.

— Ну, поди, брату, — он махнул мне веткой и, выплюнув травинку, улыбнулся. У него недоставало нескольких передних зубов. — Не убием.

Это я как раз понял.

Достав пистолет и сняв его с предохранителя, я вышел из-за ствола. Рыцарь медленно подъехал ко мне.

Он смотрел на меня с безмятежным любопытством. Только теперь, вблизи, я заметил свежие ссадины и синяки на его лбу, шрам от содранной кожи над ухом, вмятины на панцире.

Рыцарь показал веткой на север.

— В пожно походно все людие с браты земи. Иде к'роду. Умал?

— Ни черта не умал, — я задрал голову. Он дружелюбно улыбался. — Кто ты вообще такой?

Юранд из Спыхова[73]?

— А, юра! — он хлопнул себя по груди. — Рудак. Зручи на ветры. Поседал у веле юратв в месте, на том изличи, так и с другами. Умал-ли правил?

— Во славу социалистической родины, — буркнул я, потирая шишку на затылке. — Чего ты вообще от меня хочешь? — Я посмотрел на север, где дорога скрывалась между стен зелени. — Ты оттуда приехал или туда едешь?

— То видишь, юра т'брату, — он снова показал веткой, после чего швырнул ее в лес, натянул поводья и направил своего сивку обратно на асфальт. — Иде к'роду, юра! Иде к'роду!

Он рысью двинулся вдоль белой линии на север.

Чтоб мне провалиться, если я напишу об этом рапорт.

Вернувшись в «фиат», я снял порванную одежду, только теперь увидев все синяки и ссадины, всю рану на плече. Пока я еще держусь, но завтра или послезавтра даже рукой не смогу шевельнуть. Я долго полоскал рот, пытаясь избавиться от собравшейся в нем горечи. Промыв остатками

---

[73] Примечания: 73

Персонаж романа «Крестоносцы» Генрика Сенкевича, польский рыцарь, после смерти своей жены начавший мстить виновным в ее смерти крестоносцам.

чая рану, я посыпал ее какой-то желтой дрянью из аптечки, судя по поблекшему штампу на упаковке, просроченной на десять лет. Бинта в аптечке не оказалось, и я перевязал рану разрезанной на части майкой.

Я надел запасную одежду, приготовленную для Кракова, — галстук, пуловер, костюм. А что, неплохо! Завязал гребаный галстук, поглядывая в треснутое боковое зеркальце, потом нашел расческу и даже причесался.

Доев остатки бутербродов, я бросил в сумку одеяло, атлас, запасные обоймы и почти пустую аптечку, после чего зашагал по обочине на север.

Монотонный шум леса успокаивал, и вскоре я начал насвистывать. Пели птицы. Пригревало солнышко, но холодный ветер не давал вспотеть; ветер нес все запахи леса, богатый букет ароматов дикой природы, и я дышал полной грудью. Даже сосны, березы и липы казались выше, старше и раскидистее.

Я наткнулся на брошенный под знаком велосипед, черный, дамской модели. По крайней мере тут мне улыбнулась судьба — но нет, шины велосипеда оказались прогрызены, в резине все еще торчал желтый зуб какого-то зверя.

Через два часа лес стал реже, и в перспективе

прямого как стрела шоссе показался железнодорожный переезд с опущенными шлагбаумами и будкой обходчика справа — прелестная картинка из галереи польских пейзажей, не хватает только старого паровоза на путях.

В будке горел свет — виднелся освещенный изнутри бледный прямоугольник единственного окна. Я вспомнил, что во время поездки на юг действительно стоял довольно долго на этом переезде. Еще тридцать-сорок километров, и начнется край жнеек и сноповязалок, поля и деревни. Если карта не врет, до этого должны быть два городка и бензоколонка. Шоссе пересекается с местными дорогами, ближайший перекресток…

Из будки вышла женщина и начала мне махать и кричать. Я поднял руку. Появились еще человек десять с лишним, один был в железнодорожной форме. Двое детей качались на шлагбаумах, длинноволосый подросток кормил таксу. В тени у стены дремал старик в пиджаке с пристегнутыми орденами. Беззубая бабка медленно жевала черствую булку с салом.

Я заглянул в будку. В ней было электричество, в эмалированном ковшике работал кипятильник, мигала голая лампочка. На столе под окном стоял телефон. За дверью, в углу возле входа, громозди-

лась груда чемоданов и сумок.

За моей спиной слышались голоса, люди спрашивали, откуда я иду, что за авария, видел ли я того-то и того-то, где тут автобусная остановка… Кто-то схватил меня за плечо. Я вырвался.

— Разойдитесь! — рявкнул я. — Не мешайте!

Я поднял трубку. Гудка не было.

— Тут проезжал рыцарь?

— Что?

— Проезжал тут рыцарь?

Люди толпились на пороге.

— Рыцарь?

— Какой рыцарь?

— Пусть скажет, что вообще творится!

— Про что он спрашивает?

— Рыцарь…

Я ткнул пальцем в железнодорожника.

— Вы, гражданин, обслуживаете этот переезд?

Оказалось, это не обходчик, а кондуктор с пассажирского поезда, который остановился в полутора десятках километров к востоку отсюда, в густом лесу, когда прервалась тяга. Он не знал, в чем причина аварии, — связи с диспетчером из электровоза не было. После долгих размышлений часть пассажиров решила идти к ближайшей станции вдоль путей. Дойдя сюда, они подождали

несколько часов, но не проехала ни одна машина. Большинство пошли дальше по шоссе на север, поскольку видели там на горизонте дым. В будке остались лишь те пятнадцать, у кого либо не было сил идти, либо слишком тяжелый багаж, либо они просто сочли, что ждать здесь разумнее всего.

— А обходчик?

— Черт его знает. Переезд был закрыт, когда мы пришли.

— Во сколько ушла та группа?

— Часа три назад.

— И вы не видели рыцаря?

Он наверняка съехал с шоссе, я же видел полузаросшие просеки. Хуже с пассажирами, которые пошли дальше на север. За это время они должны были дойти по крайней мере до заправочной станции. А раз они не вернулись… Я хлопнул себя по лбу. И я еще удивляюсь, почему нет движения на дорогах! «Будут мобилизованы ЗОМО и армия для закрытия на карантин особо проблемных районов». Границы карантина не могут проходить далеко, иначе я наблюдал бы какое-то внутреннее движение; всех останавливают на блокпостах. Да и провода тоже не порваны и не перерезаны, просто мы отключили линию на

центральном пульте.

Я вышел из будки и поднял голову.

— Самолеты, вертолеты не пролетали? Полосы в небе видели?

Все покачали головами и развели руками.

Границы карантина не могут проходить далеко — а поскольку мне известно, что они не проходят здесь, на юге, нужно идти дальше на север. Пассажиры из первой группы не вернулись, потому что их сразу же интернировали. Ведомство наверняка не впустит внутрь никого, пока Дерьмер со своими приятелями не смогут поручиться головой, что чернобыльские осадки уже закончились. Да и тогда Варшава сперва пришлет подразделения химзащиты. А скорее всего, будут ждать распоряжений из Москвы.

Не именно это ли имел в виду Молот? Если бы Краков оказался закрыт на карантин…

— Эй, вы куда?

Я остановился по другую сторону шлагбаума, на путях.

— Не видно? Возвращаться я не собираюсь. А если кто сможет идти — дорога свободна.

— Ну знаете!

Я шагнул за второй шлагбаум, не оглядываясь назад. Еще перед лесом меня догнали восемь

человек, в том числе проводник.

За первым поворотом на проезжей части лежал труп солдата вермахта со шмайсером в руках.

Я дотронулся до его щеки — еще теплая.

— Вы не слышали выстрелы?

— Выстрелы?

— Боже, он мертвый!

— Видите его форму?

— Нужно «скорую», — я проверил шмайсер, отстегнул пояс с магазинами. — Кто служил в армии?

Проводник, старик с орденами и прыщавый очкарик нерешительно подняли руки. Остальные лишь вопросительно переглядывались. Поднял руку и косоглазый парнишка, но мать врезала ему по уху.

Я кивнул проводнику. Он молча взял из моих рук автомат с таким видом, будто его награждал сам Первый секретарь.

— А вы вообще кто такой? — заорал прыщавый. — Что вы тут командуете? Тоже мне выискался…

Я сунул ему под нос удостоверение. Он прищурился, прочитал, открыл рот.

— Фамилия! — рявкнул я.

— Малецкий, — пискнул он и спрятался за спи-

ны женщин.

Мы шли по левой обочине, я первый. Я достал карту.

— Гражданин майор…

— Я не майор.

— Гражданин капитан…

— Чего?

Проводник забросил шмайсер на плечо.

— Прежде чем нам пришлось остановиться… Я по этому маршруту десять лет езжу.

— Ну и?

— Вы, гражданин капитан, как я погляжу, на карту смотрите… Мы видели на трассе деревни, которых никогда раньше не видали. Дома, дворы, поля, сады, мельницы… Клянусь.

— Тут рядом должна быть заправочная станция.

Деревья снова стали реже.

На проезжую часть выбежал полуголый мальчишка с дико всклокоченными волосами, глянул на нас и помчался обратно за поворот.

Мы вышли из леса; перед нами, насколько хватало взгляда, до самого темнеющего горизонта под заходящим солнцем, тянулась разноцветная равнина возделанных полей и лугов, вечерний ветер покачивал золотистые нивы, над узкими

межами склонялись деревянные пугала, над полосами кружили птицы.

На дороге стояли крестьяне с косами, граблями и вилами в руках, крича друг на друга с обеих сторон белой линии.

— Гражданин капитан, они выглядят так, будто…

— Знаю.

Семнадцатый, а может, девятнадцатый век — трудно сказать. Они заметили нас и перестали орать. Я поднял руку, останавливая пассажиров поезда за моей спиной — косы производили впечатление свежезаточенных. Из толпы крестьян вышел седой усач и поклонился мне в пояс, прижав шапку к коленям. Я спрятал карту. Усач испытующе посмотрел на меня, не выпрямляясь до конца.

— Хвала Иисусу Христу.

Я скрестил руки на лацканах пиджака.

— Во веки веков, и матери его деве Марии. А вы что тут делаете, люди добрые?

— Да с полей домой возвращаемся, вельможный пан, и заблудились.

— Заблудились?

— Ну да — ни Вылисин нет, ни дороги песчаной к мельнице, ни горки со сгоревшим сеновалом

не видать, ни корчмы с трубами, только эта черная улица, и куда нам теперь идти, от ночи укрыться?

— Вижу, с вами дети.

— Ну так ребятишки в работе помогают…

— И из-за чего вы так спорили?

— Ха, уж спорили, так спорили! Бартош говорит, мол, через лес надо, а Колодзей орет, как еврей на базаре, что там еще хуже и только сильней заблудимся, на что Алойзи твердит, что нужно тут ждать, пока вся эта чертовщина не пропадет с глаз долой…

Я взглянул поверх спины сгорбленного старика вдоль прямой линии шоссе, до самой ровной линии горизонта, отделявшей геометрию земли от бесконечности небес. Солнце уже скрылось. Нм малейших шансов дойти куда бы то ни было до темноты.

Ушедшей три часа назад группы и след простыл.

Нет никакого карантина.

— Возвращаемся в будку!

Проводник передал остальным. Послышались жалобы и рыдания.

— Как вас звать? — спросил я крестьянина.

— Якуб, вельможный пан, Якуб из Вылисин

Юзефовых. Вы, вельможный пан, из лесу идете…

— Увы, Якуб, с нами тоже черти позабавились. — Сбившись в кучу, они молча смотрели на меня; на их осунувшихся лицах застыло неприятное выражение. Именно с такой злобно-упрямой гримасой часто садятся на табурет перед столом те, кого приводят из камеры на двадцатый или тридцатый допрос. — Но скоро ночь, а вместе безопаснее. Где вы будете спать?

Они пошли за нами в сторону будки.

На последнем повороте в лесу перед путями мы наткнулись на троих немцев, стоявших над телом своего товарища. Командир что-то крикнул, они наставили на нас автоматы, проводник снял с предохранителя свой. Я шагнул вперед, показывая пустые руки.

— Кто-нибудь говорит по-немецки? — бросил я вполголоса, не оборачиваясь.

— Я… немного, — пробормотал старик с орденами.

— Скажите им, что мы пойдем с ними в часть, гарнизон, или куда они там захотят нас отвести.

— Что?..

— Говорите!

Он повторил. Но они, похоже, не хотели нас никуда отводить. Тот, что был ниже всех ростом

и моложе, подошел к нам сбоку, вне досягаемости стрельбы остальных двоих, забрал у проводника шмайсер и магазины, тщательно обыскал гражданских, в том числе лишив меня П-64. Некоторые сперва пытались сопротивляться, но когда он повалил двоих на землю, до них наконец дошло. Крестьяне же относились к обыску с полнейшим безразличием.

Я терпеливо держал руки над головой. Три автомата, толпа гражданских — сколько из них сумели бы спастись? Я видел немало протоколов о подобного рода уличных стычках. Никто никогда не знает, кто первым нажал на спуск, кто первым бросил камень.

— Он говорит, чтобы мы его похоронили.

— Похоронили?

— Мы должны забрать его с собой и похоронить. Под крестом. Они вернутся и проверят. Завтра.

— Вы уверены, что хорошо их понимаете?

Но командир швабов уже подгонял нас жестами, показывая на труп. Он уже сорвал с шеи мертвеца медальон, достал из кармана документы, закрыл веки.

Что-то тут было основательно не так. У меня было время приглядеться к их потрепанной форме, исхудавшим лицам, ввалившимся щекам под

многодневной щетиной. Голенища их сапог были обвязаны длинными тряпками, каски поцарапаны и помяты, из ранцев торчало ржавое железо. С каких это пор вермахт бросает павших на милость врага? Из какого времени, из какой земли эти солдаты? В их глазах была лишь усталость — и отчаяние.

Мы забрали убитого, Якуб велел молодым парням отнести тело в будку. Немцы без единого слова скрылись в лесу.

В будке я обнаружил семерых новичков — последних пассажиров, покинувших стоявший на путях состав. Среди них был энергичный ветеринар, который успел в мое отсутствие распределить места для сна, заняв для себя кушетку обходчика. Но вместе с крестьянами из Вылисин нас тут собралось уже больше полусотни, большинству в любом случае пришлось бы спать на земле. А если дождь пойдет?

— Под деревьями, в лесу.

— В грязи?

— Вернемся лучше в поезд, тут все равно никто не ездит, завтра пойдем дальше на юг.

— Или к тому времени починят тягу.

— А если в него в темноте врежется другой поезд?

— Давно уже пора эту тягу починить!..
— Паровоз.
— Скорее дрезина.
— Есть звезды, дождя не будет.

Я вышел покурить. В небе действительно мерцают яркие созвездия. Лес шумит и скрипит, слышны голоса животных. Интересно, живет тут какое-нибудь крупное зверье? Я улыбнулся, выпуская дым. Например, туры.

Крестьяне Якуба расположились за будкой, на границе леса, устроив себе постель из зеленого мха. Вспыхнул первый костер. Они держались поодаль от пассажиров, избегая их вопросов и уткнув взгляд в землю. Зато дети, смеясь, носились среди деревьев — и босые в подпоясанных конопляной веревкой портках, и те, что в кроссовках и джинсах. Труп немца лежал под свесом крыши, накрытый желтым брезентом. Его обнюхивала привязанная к шлагбауму такса.

Здесь нет будущего, подумал я. Здесь вообще не существует ничего, кроме текущего мгновения, не существует времени. Что «сейчас» происходит у меня дома? Дедушка наверняка играет с мальчишками в партизан, Лидка сидит перед старым телевизором, ворча на сломанный «Панасоник» и на меня, на меня громче, и смотрит репортаж

с демонстрации… Нет никакого «сейчас», кроме этого железнодорожного переезда.

Однако есть память, и она порождает подозрения. Что тянуло Гневоша к Вонтлому, почему он должен был вернуться к своему убийце — инстинкт или воспоминание? Вернуться и следить, ходить за ним по городу, днем и ночью, словно призрак, словно шекспировский дух? Что это — некое правило, неизбежное следствие истории, влекущее жертву к палачу, врага к врагу, как сына к матери, женщину к мужчине? Каждый раз они безошибочно находят друг друга, в любых обстоятельствах, и здесь, и «сейчас» тоже, как те казаки, красноармейцы, повстанцы, солдаты Второй Речи Посполитой, немцы и поляки, охотник и тур, рыцарь и…

Значит, именно потому Молоту было крайне важно, чтобы короли и вожди не восстали из Вавеля — неужели это настолько его напугало (в чем я теперь не сомневался), что он не стал доверять людям из краковской Службы, но послал меня, прибегнув к личному шантажу?.. Но откуда он мог знать, если не от доктора Дерьмера?..

— Капитан Жевецкий? — Я удивленно обернулся к ветеринару. Он не сводил с меня взгляда. — Вы ведь показывали им удостоверение? Теперь они

вас обсуждают, пока вы не слышите.

Я угостил его «Силезией». Он закурил.

— Значит, вы вернулись. — Он закашлялся, но затянулся во второй раз. — Что вы там ожидали найти?

— Возможно, у меня неактуальная дорожная карта.

Он показал на труп немца.

— Они еще не знают, что обо всем этом думать.

— А вы знаете?

— Сперва я пошел напрямик, через лес и луга. И увидел…

— Что?

Он покачал головой.

— Тут повсюду побоища. Люди падали, где их убивали. Но те, кто уже впитался в землю, кто блуждает в древесных соках, в странствующих в черноземе червях, те, кого сожгли, кто оседал вместе с дымом костров и крематориев… А мы все дышим этим воздухом. Пьем эту воду, едим тот же хлеб.

Я стряхнул пепел с сигареты.

— Кто вы? — вежливо спросил я.

— Я лечу животных.

Он лечил животных. Не знаю, почему я вдруг протянул левую руку и надавил на кожу на за-

тылке и над шеей, на черепной кости. Шишка, ничего больше. Для надежности я взглянул на пальцы. Ни следа крови, даже пореза нет.

Я вспомнил студента Вонтлого. Там тоже был затылок. «Живой. То есть — никаких следов».

Сигарета выпала из моей руки. Но ведь… «Живые в момент осадков организмы, похоже, устойчивы к воздействию чернобылина. Должно пройти самое меньшее двадцать часов с момента контакта с переносимой воздушным путем субстанцией». Прошло?

«Процесс ускоряется».

Не может быть. Как? Когда? Чушь.

Я глубоко вдохнул ночной воздух, холодное дыхание леса.

Наверняка это случилось на почте. Но когда? Я не терял сознания. В меня тогда не попали — одна поверхностная рана на плече, ничего не значит, так, царапина. Но когда я упал в обломки, меня завалило, я получил по башке, во второй раз… Нет, тоже не то. Я уехал. Я не терял сознания, перерыва не было. Только когда я заснул в машине… Заснул?

— Кровоизлияние в мозг. У вас болит голова?

Я что, говорил вслух?

— Болела. Теперь… нет, теперь не болит.

— Давно? Вы принимали что-нибудь от давления?

— Да. Но в последнее время…

— Отсутствие чувствительности, паралич, слабость?

— Нет. То есть… но это после падения, я ушибся… Ну да.

— У вас ухудшилось зрение?

— Я подумывал пойти к окулисту… — Я моргнул. — Теперь я хорошо вижу.

— Теперь хорошо.

— Уже не больно.

— Нет.

У знакомого из следственного отдела случилось субарахноидальное кровоизлияние. Его тоже не сразу прихлопнуло. Сперва все валилось из рук, он начал бессвязно бормотать, потом не мог встать со стула, одеревенели левая рука и левая нога. «Скорая» приехала только через несколько часов, им пришлось спускать его по лестнице на том самом стуле, привязанного ремнями. А ночью, в больнице, он умер. Тоже во сне.

А меня — что подняло, кто разбудил? Чертов рыцарь. «В пожно походно все людие с браты земи».

Может, Молот послал меня вовсе не затем,

чтобы убивать воскресших монархов, — он не знал никаких тайн чернобылина, не участвовал в играх Политбюро. У Молота была только моя папка, моя биография, биографии моих предков, то, чего я сам о них не писал, чего сам о них не знал, чего не знал о себе самом, но в папке была собрана моя душа, мои сны, мечты и кошмары, чтобы в них могли копаться прокуренными пальцами чиновники с налитыми кровью физиономиями, — может, он послал меня лишь затем, чтобы отправить из города на время заражения осадками…

Я пригляделся к одежде ветеринара. Серые брюки, рубашка в клетку, куртка — все сходилось, я не сумел бы обнаружить ни малейшего анахронизма. И все же… Слишком все чистое. Слишком хорошо на нем сидит. Он сам слишком спокоен, слишком свободен. И слишком молод, слишком молодо выглядит. Лицо гладкое, будто свежевыбритое. Зубы белоснежные, будто в американском фильме. Вертит сигарету в руке с детским любопытством, будто впервые в жизни видит. Музейный экземпляр.

— Во всяком случае, не из-за никотина…

— Если спросить их, кто-нибудь вообще вспомнил бы вас в том поезде?

— Я особо в глаза не бросаюсь.

— Ага. Мне следовало раньше догадаться, — я посмотрел на крестьян. — Ведь они же все не умерли, верно? То есть не пали замертво в полях во время жатвы? Тогда как? Тогда из какой земли… А они точно также смотрят на меня, смотрят на нас и ломают голову. И ничего не знают о Чернобыле.

— О каком Чернобыле?

— Только не притворяйтесь, будто… Хотя в вашем времени это наверняка произошло как-то иначе…

Из леса, громко рыдая, выскочил бородатый крестьянин. Метнувшись к Якубу, он начал кричать ему прямо в лицо, воздевая к небу кулаки. Тут же сбежались люди. Понять что-либо в растущей суматохе было невозможно, но те, у кого были тут дети, сразу же начали звать их к себе и оттаскивать как можно дальше от деревьев. Рвавший волосы на голове мужик показывал вглубь леса, махал руками, рисуя в воздухе высокие фигуры. Паника росла как воздушный шар, готовый в любую секунду лопнуть.

Мы с ветеринаром переглянулись. Он заговорщически улыбался, на моем лице наверняка отражалась растерянность. Ветеринар вытянул

перед собой руку с сигаретой, будто пропуская меня перед собой в дверях, и, иронически кивнув, вопросительно поднял брови.

— Пан Жевецкий?

Я застегнул пиджак, поправил галстук, пригладил волосы и шагнул в толпу.

— Разойтись! Не устраивать тут сборище! Быстро!

Пассажиры тут же послушались, зато крестьяне начали цепляться за мои рукава и штанины, какая-то баба схватила меня за манжету и присосалась губами к руке. Я с отвращением вырвался.

— Что тут за истерика? Эй вы! — Я показал на Якуба. — Говорите!

— Сынка единственного у Мацея в бор зло забрало, вельможный пан.

— Какое еще зло?

— Сам черт, не иначе, с рогами как у оленя, на кобыле черной как пекло, света боялся, в темноте мальца звал, но тот молодой да глупый, ну и полез прямо к черту в лапы, только их Мацей и видел, увез дьявол его сына единственного, ой, не к добру это…

— Тихо! Где это случилось?

Мацей дернул себя за бороду, аж слезы на глазах выступили.

— А вон, недалече, возле ручейка, вельможный пан, как шли мы вдоль ручья, шагов триста будет, вон там. Во имя Отца и Сына, глаза бы мои не видели.

Больше никто ничего не говорил — впрочем, разве могли они что-то требовать, напоминать об обязанностях? Просто молча стоят и угрюмо смотрят исподлобья.

Немая сцена затягивается — чем дальше, тем труднее мне представить, что я могу просто повернуться к ним спиной. Нет сил даже пожать плечами и иронически усмехнуться. Нет милиционеров в форме, нет товарищей из Комитета, нет полковника Ковальского и коллег из управления. Остались только люди в беде и пан Жевецкий.

— Ребенок пропал! — крикнул я в сторону будки. — Кто пойдет?

Никто из крестьян даже не подумал вызваться; отчаявшийся отец потер глаза кулаком, высморкался на землю и переступил с ноги на ногу, но не двинулся с места. Пассажиры тоже отступили в тень, подальше от света, лившегося в открытую дверь и окно домика, и молча отвели взгляд.

Ветеринар скрестил руки на груди и кивнул.

Я пошел в лес.

Сломав тяжелую ветку, махнул ею раз-другой

— кривая дубинка, убогая замена пистолету, но, видать, такие времена. Ручей тек параллельно шоссе, и я сразу же оказался на его берегу. Среди окатышей блестела бутылка из-под кефира, отражали свет звезд консервные банки. По течению, то есть направо, на юг. Ручей быстро свернул на юго-запад, углубляясь в лес. Я оглянулся, но дорога в просветах между деревьями уже исчезла, и никакой свет не мог между ними пробиться. Видимость шагов на пятнадцать, не больше, приходится полагаться на слух.

Всадник с головой оленя — у него что, были на башке оленьи рога? Проблема в том, что тут постоянно что-то движется в лесной подстилке, шелестят листья, трещат ветви, ухает сова… Обманчивые тени, темные силуэты, иллюзии неких фигур… Может, этот Мацей не видел никакого Оленьего бога, может, парнишка просто заблудился в ночном лесу, а мужик, напуганный дневными событиями, вообразил себе бог знает что…

Я вышел на поляну, и по другую ее сторону был он — черная фигура на черном коне, а когда он пошевелился, пошевелились и тени над его головой, и я увидел козьи спирали кривых рогов.

Мы стояли, не шевелясь, глядя друг на друга.

Что делать? Крикнуть? Мальчика с ним не было.

Я прицелился в него через поляну палкой, будто продолжением выпрямленной руки. Ты. Ты. Мы стояли не шевелясь, глядя друг на друга. Ты!

Конь фыркнул, всадник поднял руку, и оба скрылись в лесу.

Я побежал. Их отчетливо было слышно, они продирались сквозь чащу как живой танк, сгибая и ломая кусты и молодые деревца. За ними в ночном лесу оставался туннель из дрожащей растительности. Я бежал, прекрасно зная, что у меня нет ни малейших шансов их догнать. Я начал задыхаться, изо рта текла слюна и вырывался хрип. Перед глазами поплыли темно-красные круги. Я споткнулся — раз, другой. Все труднее…

Прямо в висок. Я потерял сознание, прежде чем коснулся земли.

Начало времен

Солнце над лесом еще не взошло. Между деревьями плывет туман. Звучат рога — протяжный, низкий стон, пронизывающий до костей. Я встаю. Волосы слипаются от тяжелых капель росы, мокрая одежда кажется неудобной и чужой. Я дотрагиваюсь до струпа над глазом. Меня кто-то ударил? Я налетел на сук? Не могу собраться с

мыслями. Звучат рога.

Звук приводит меня на поляну среди высоких стволов, в облаках молочной белизны. Ноги проваливаются в мягкую растительность. В нос бьет запах мха, грибов и влажной коры. Потом я ощущаю едкую вонь дыма.

Они стоят под большим дубом, вокруг костра. Дым заслоняет лицо сидящего. Я останавливаюсь на границе света, но меня уже заметили. Я не пытаюсь бежать. Кто-то подскакивает ко мне и валит наземь древком копья. Они не узнают меня, да и как им меня узнать? Он достает кремневый нож, хватает меня за волосы. Я открываю рот — что им сказать, чтобы они поняли? На его груди, на коже и меху, покачиваются амулеты — костяные, роговые, деревянные, каменные, символы стихий, людей и животных. Я в панике шарю по карманам. Зажигалка. Сигареты. Бумажник. Ключи. Удостоверение офицера Службы безопасности.

Дрожащей рукой я подсовываю к его глазам удостоверение.

— Я — это вы.

Он долго всматривается в бледный герб ПНР, знак орла на бумаге. Хватает меня за воротник, тащит к огню. Дальше, в тумане, видны силуэты

мальчишек, играющих с детскими луками и детскими топориками. Нет ли среди них и сына Мацея? На суку большого дуба висит голый мужчина с вспоротой грудной клеткой. На квадратный камень стекает кровь.

Меня швыряют к костру, к ногам сидящего. Мне следует бояться, но я уже не боюсь. Восходит солнце, я чувствую спиной его тепло. Надо мной разговаривают на языке, которого я не понимаю. Не понимаю, но узнаю — слова, которые были до слов. Туман не заглушает звука рогов, ржания лошадей. Все просыпается, оживает, разогревается, проясняется, обостряется. «Иде к'роду». Он протягивает ко мне руку.

Они передают друг другу кубок с медом. Человек на дереве стонет. Я зажмуриваю веки. Сидящий перед огнем произносит одно слово. Я опускаюсь на колени, прижавшись лбом к тыльной стороне его узловатой руки. Глаза застилают слезы. Он кладет другую руку мне на плечо. Я вернулся. Мы вернулись.

Портрет нетоты

Получив указание писать так, как пишет господин Заурядов, он стал бы писать, как никто никогда не пишет. Я не в состоянии даже скопировать его манеру, поскольку его прозаическая манера была манерой его мышления, а она являла собой череду ослепительных пропусков (...) Но когда в Себастьяновых книгах я встречаю какой-то оттенок настроения и впечатления, сразу заставляющий меня вспомнить, скажем, определенную игру света в определенном месте, которую мы оба подметили, не ведая один о другом, я ощущаю, что хоть у меня и на мизинец недостанет его таланта, все же есть между нами какое-то психологическое сродство.

Владимир Набоков. Истинная жизнь Себастьяна Найта (пер. С. Ильина)

1. Ложа смертных

Приглашение застигло ее врасплох. Она получила его заказным письмом всего за два дня до премьеры коллекции Рачинского, сообщения о которой появлялись уже несколько месяцев, но сам Рак с Лаурой не связывался — ни е-мейла, ни телефонного звонка. Ничего. Она успела разозлиться, потом ей стало безразлично, и она обо всем забыла. А теперь — именное приглашение на настоящей бумаге, пятница, девятнадцать часов, в пахарне «Кракатау», агентство «Десять муз» имеет честь представить мировой дебют последней серии комхартов Густаво Рака-Рачинского под названием «Внутренний фронт». Лаура мысленно усмехнулась. Опять он вернулся к своему претенциозному «Густаво». А она-то надеялась, что всерьез его от этого вылечила. Она вертела в пальцах жесткий листок бумаги, нетная ко всем изысканным матрикам, которыми тот, несомненно, цвел на многие метры и часы. Естественно, она никуда не пойдет, не может быть и речи, чтобы пошла.

На следующий день она проснулась, уже уверенная в противоположном: небо было холод-

но-голубым, воздух — прозрачным как стекло, сквозь приоткрытое чердачное окошко заливались трелями октябрьские херувимы города, пахло мокрыми зонтиками и ветреным вереском, значит, пятница, девятнадцать, да, да! Лаура договорилась по телефону со стилисткой. Она уже почти видела его пухлые как у амура губы, мясистую амфору маринованного языка, РР наверняка облизывался, планируя ее пригласить: мол, ей наверняка не хватит смелости, она забьется в мышиную нору, не придет. О, не дождешься!

Все это смахивало на дешевую мелодраму — злорадство и низменное удовлетворение снятых с афиши любовников, — но ведь нам хорошо знакома детская радость от участия в театрах судьбы, жизнь сразу обретает вес и реализм, угодив в колею Измены, Романтики, Наслаждения или иной Мести.

Охваченная подобным настроением, Лаура быстро решилась на ярко-красное платье на бретельках, о котором знала, что оно матрикует а ля Пьедзокко. Его она получила в подарок от Янека, РР никогда в нем Лауру не тышил; и она прекрасно помнила, что РР терпеть не может Пьедзокко, всей душой не выносит эту школу посткаульта двадцатого века.

Оставался вопрос Сопровождающего Лица. Кого взять? Мысль эта мучила ее весь четверг. Ведя занятия на курсах для будущих юристов, она мысленно перебирала кандидатов, что неизменно заканчивалось одной и той же галереей из нескольких лиц. Может, Янек — но не станет ли вершиной неловкости тащить нового мужика на публичную месть ее бывшему? Тогда, может, Оленька — но Оленька тоже нетота, она не расскажет Лауре про комхарты Рака. Кто тогда — Кролик? Она потеряла нить разговора, презрительно скучающие студенты таращились на нее, остановившуюся на середине фразы будто в стоп-кадре, глазами пресытившихся зомби. На рассеянную улыбку она не решилась. Лаура всегда подозревала, что они пахуют перед ней в вульгарной разнузданности, характерной для дикарей из школ и гимназий; в этой группе у нее были почти одни мужчины. Она придерживалась мнения, что самцы Homo sapiens вырастают из естественной для молодых обезьян социопатии лишь примерно к двадцати пяти годам, да и то не все. До этого они попросту не способны на сочувствие, стыдятся собственной чувствительности, проклинают, оплевывают и унижают ближних, будто отрывая крылышки насекомым, а тут еще

им попалась калека, нетная ко всем их дворовым бесстыдствам, голая и раскрытая перед ними до самого костного мозга души, прямо-таки приглашение к изнасилованию. Тышатся ли из нее и эти ее подозрения? Она знала, что некоторые тайком делают ее пахографии, она как-то раз их на этом поймала, когда они прятали аппараты под столами, за книгами.

Лаура завершила занятия раньше времени, отпустив студентов без обсуждения заданий. Октябрьские сумерки уже расползлись в старых стенах университета, в нейлоновом свете мерцающих люминесцентных ламп высокие залы дышали рептильным достоинством монастырей и моргов. Мгновение завибрировало, она ощутила на себе массивный тых Рачинского. Ключи выпали из пальцев (бздынь!). Раздраженно закрывая зал, она сломала ноготь, и это снова ввергло ее в стоп-кадр. Девушка со Сломанным Ногтем. Она поднесла палец ко рту. Неужели нечто столь твердое, ороговевшая в человеческое стекло ткань, вообще может иметь вкус? Немного нейлона, немного фотобумаги, а еще мокрый пепел, и еще лыко молодого деревца, и окаменевшая жевательная резинка, и что-то от подгоревшей пиццы, и

— Не грызи пальцы, поедать саму себя вредно для здоровья.

— Но я очень вкусная!

Они смеялись, пани доктор и папа. Сколько тогда Лауре было лет, пять? Пять. В кабинете тетолога солнце льнуло к клинической белизне халатов, оборудования, стен, ширмы. Лаура с трудом сдерживала желание погнаться за тепленькими солнечными зайчиками, облачными щеночками небес. Пани доктор велела ей сесть на металлический табурет, и Лаура беспрестанно на нем вертелась, грызя пальцы и неуверенно поглядывая на папу. Папа подмигнул ей, и Лаура медленно заморгала — правое веко, левое веко, есть папа, нет папы, есть.

— Теперь сюда. Сосредоточься, милая, — доктор перемещала перед лицом маленькой Лауры странные палочки, листочки, трубочки. — Скажи, когда что-нибудь почувствуешь, хорошо?

В стеклянных трубках шаловливо отражалось солнце.

— Они там забираются внутрь и плюют вверх.

— Кто?

— Те блестяшки. Вон те, те, те!

Она замахала руками в потоках яркого света и разбила трубку. Пани доктор и папа подскочили,

поморщились, будто что-то

Ее укусило, сама кого угодно укушу, злорадно гримасничает она своему отражению в зеркале в холодном университетском туалете, поправляя брови и накрашивая губы. На сегодняшний вечер электрическая губная помада, красная на двести двадцать вольт, против осени и против «Фронта».

По дороге домой Лаура зашла купить свежего тунца. Она верит в трудоемкую кухню как метод освобождения от стрессов повседневности. Склонившись над выложенной рыбьими тушами лавиной толченого льда, она вспомнила выученные наизусть в Малом Сташице стишки нетот — как опознать плохое мясо, основываясь исключительно на виде и запахе, как отличить сорта сыра, как по фактуре и весу оценить разновидности муки и крупы, и наконец, как ориентироваться в винах, идентичных по цвету и букету, но с совершенно разной матрикуликой… Она вздрогнула над трупами детей моря, охваченная нарастающей волной холода.

— Вот этого, пожалуйста.

Так может, все-таки Оленька? Что с того, что она не утышит коллекцию Рака? По крайней мере, она поймет Лауру, как они понимали друг

друга без слов с первого года в Сташице. Она оперлась запястьем о край ледяного прилавка — таков вкус мороза по коже.

Сосулька на языке, снег в глазах. Высунувшись из окна их комнаты на втором этаже интерната средней школы имени Станислава Сташица, они наблюдали за снежной войной пятого «А» с шестым «Б». Край замерзшего металла поцеловал снизу оба ее запястья — именно так покусывал ржавый подоконник, с которого свисали пузырящиеся сосульки и крошащийся как безе снег. Лаура отломила самую большую сосульку, лизнула, машинально протянула Оленьке, мальчишки это заметили и сразу же начали им свистеть и хвататься между ног, они ответили им фак-оффами, а когда в окно полетели снежки, девочки, смеясь, упали на пол под окном, прикрывая головы, будто пехотинцы в окопе под артобстрелом. Облизанная сосулька покатилась и замерла на паркете возле их голых ног, конфетно-наркотически-дискотечно сверкая на январском солнце.

— Как думаешь, — прошептала Лаура, стирая с век и ресниц белый иней, — как они пахуют?

Оленька лишь фыркнула, как подобало двенадцатилетней дворовой тигрице, щеки ее раскраснелись, и она, прекрасно зная, о чем

спрашивает Лаура, высунула язык, будто это он по сути был органом тыха, приставила к нему указательный палец и подняла брови.

— Дико.

Взгляды их на мгновение замерли, будто под властью огромных безоблачных глаз, в которых взаимно отражалась детская серьезность, — пока в зрачках Оленьки не заплясал огненный чертенок и она, хихикая, бросилась за этой церемониальной сосулькой. Лаура же осталась в окопах детства со снятой с предохранителя гранатой, крепко всаженной под самое сердце. Она чувствовала ее тяжесть, напряжение пружин, накопленную мощь тротила. Достаточно было глубже вздохнуть, надавить на живот, диафрагму, коснуться грудей-подснежников, иногда достаточно было просто подумать. Как они пахуют.

На следующий день она пошла в интернет-кафе в городе (в Сташице на всех компьютерах стояли морально-этические фильтры), где, то и дело оглядываясь через плечо, склонялась над клавиатурой, в очередной раз часами выискивая донесения из соседнего царства чувств. В тех описаниях из книг и газет мужчины были неизменно блесткие, тоничные, жарские, вишующие, опрочные и вральские, их матрика — тяжелая и

двойная, громкая, спружная, глиссирующая, их гениталии — шартные и опулентные, как огонь или как собаки. Женщины же — вибрирующие, воздушные, майковые, бутонистые, из макки, их матрика — легкая, дробная, опрокидывающая, часто выпружная, их груди — олатные, как хлеб, как шерсть, их венерианская анатомия — зефирная, черешневая, мльнущая, атласно-глатная, как младенец или как река, будто из комхартов Вируччи и Лукасика.

Лаура крутила эти слова на каруселях немой фонетики, лихорадочно дрожа от их непреодолимой тайны, язык взрывался в ее голове галактиками темной материи, невидимой самой по себе, проявляющейся лишь во влиянии, оказываемом на то, что доступно чувствам, — и при этом столь основательно искажающей все вокруг.

Перед Лаурой начинала открываться истинная генеалогия страстей. Эрос — вышедший победителем внебрачный сын Гермеса и Мнемозины.

Она читала дальше, читала заново, читала день за днем. Как единогласно убеждали издания для женщин и авторитеты в СМИ, секс являлся областью прежде всего образов и матрик, и лишь во вторую очередь — прикосновений, звуков, вкусов и запахов. Она нашла таблицы, в которых

были представлены различия между полами: процентное распределение в них было иным, но иерархия ощущений — та же самая. И лишь там, в пятнистом полумраке грязного интернет-притона, маленькая Лаура осознала весь уродливый ужас своего увечья. Что с того, что она не спотыкается о бордюры и пороги, как слепые? Ее столкнули в темный подвал и завалили тонной гравия. Она дергала мышкой с такой яростью, что вырвала кабель из разъема.

Единственный выход, поняла она — вломиться в тых извне. Извне — то есть откуда? Из мира остальных чувств.

Так началась жизненная миссия Лауры, невероятный вызов, ее донкихотский квест и чувственный катабасис: перевести мир тышащих на язык мира нетоты.

Естественно, уже существовали приспособленные для нетот мониторы и клавиатуры, автомобили и линейки бытовой техники со стандартными триадами осцилляторов — красным, зеленым и синим, — отмечавшими самые грубые матрики. Их пляшущие огоньки

Уже даже не привлекали ее внимания, когда она готовила еду — они мигали на микроволновке, духовке, у нее также имелись несколько

особо чувствительных матрикометров, предназначенных для измерения мяса, приправ, напитков, даже фруктов и овощей. В рецепте стоит: «возьмите половину пружащего красного перца» — Лаура добросовестно меряет перец за перцем, подсчитывая в уме полноту овоща. Обмытые куски тунца она исследует подушечками пальцев, касается кончиком языка. Увечье требует большей интимности при общении с тайнами мира. Так слепые ласкают бескомпромиссным касанием лбы, веки, губы незнакомых. Чем более незнакомых, тем интимнее. Когда Лаура жила с Раком, она паразитировала на его тыхе, а раньше — на тыхе родителей, Павла, преподавателя английского, и так, собственно, всю жизнь.

Рак, однако, защищался, предпочитая со стороны смотреть и тышить, как справляется Лаура, осторожно облизывая влажное нутро помидоров, с кошачьей осторожностью нюхая хлеб, сыр, сметану, горчицу, масло.

— Мог бы и помочь!

— Как же я посмею! — он демонстративно разваливался на хромом стуле у окна, шутовски улыбаясь, а его жирные губы напоминали разрезанный пончик или совокупляющихся червей. — Меня бы боги покарали, куда мне со-

ваться со своими лапами среди муз, здесь ложа смертных.

Будь его воля, он лишил бы Лауру всех матрикометров. Один из первых его артов из последней органической серии носил название «Meat Porn» и якобы изображал пахование Лауры, готовящей говядину по-бургундски.

— Этого не подделать. Этой твоей безыскусности красоты. Этой невинности. Этого-этого-этого безмятежного разврата, распростертого навзничь перед всем миром, — он заходился от восторга, пока ему не отказывался служить язык, и тогда он переходил к грубым диалектам прикосновений, оглушительным тирадам объятий, акцентам и синкопам мышц. Он отчаянно хрипел Лауре, растоптанной в ходе гусарской атаки его всетелесности, прижатой к стене, вдавленной в постель, застигнутой у стола: — Пантеры дикие! Жеребцы неоседланные! Орлы хищные! Все чудеса слепой природы! Они не знают, не знают, не знают!

Сперва она воспринимала это как восхваления жреца в адрес ревнивой богини, но в конце концов оно начало ее раздражать.

Она поняла, что ей дана недостижимая иначе естественность красоты, порожденная его животным невежеством. С какого-то момента, однако,

она не могла избавиться от убеждения, что для РР остается во сто крат ценнее ее увечье, чем все чары ее паха. Сколько на свете женщин со столь же ошеломляющими матриками? А сколько из них одновременно полные нетоты, неспособные даже представить себе природу своего неотразимого для тышащих очарования?

Именно это она прокричала ему в лицо во время одной из последних ссор перед расставанием:

— А если бы я родилась здоровой? Ты онетил бы меня, прежде чем я успела бы запомнить первый тых! Кастрировал бы детей, чтобы они приятнее для тебя пели! Такие тираны красоты, как ты!

Так что, возможно, это чистое извращение с его стороны: приглашать нетоту на вернисаж комхарта. Лаура окажет ему честь самим своим присутствием. Лучше избежать позора, лучше не ходить. Она не пойдет. Лучше вообще об этом не думать. (Думает.) Как мы заглушаем проблемы, скуку и страх одиночества? Телевидением.

Заклятие действует безупречно. Едва начинаются по ТВН «Факты», звонит — кто? Ева, неотразимая Ева, Редактор Вторжение, Горгона с улицы Паттона. Якобы расспросить про последние главы нового Ирвинга, но ведь она быстро утышит по телефону Лауриного тунца по-япон-

ски — о, уже утышила — а вместе с тунцом и эхо Лауриных проблем. И все, пропало дело. Лаура не произнесет ни слова против. Рука с трубкой безвольно опускается. Тридцать лет без тыха приучили ее к медоточивой покорности, провокационному рефлексу согласия. Приглашение для Джеков Потрошителей и Раков-Рачинских всех эпох — она сама этого хотела.

Есть неполноценности мужские и женские: немые в большей степени мужчины в своей немоте, а нетоты — в большей степени женщины, поскольку нетны. Вернувшись к тунцу и мириносоевому соусу, уже преисполненная спокойной уверенности в надвигающемся изнасиловании, Лаура начала напевать Everybody Knows Коэна, даже не выругавшись, когда случайно

Обожглась, вытаскивая из огня палочки с надетыми на них колбасками.

— С-ссс, горячо!

— Знаю, что горячо.

— Сожгла?

— Нет, смотри.

— Ну, теперь, когда вы уже все их измазали своими грязными пальцами, — кто же устоит перед раритетом? Приятного аппетита!

— Fuck you very much.

Она махала обожженной рукой, кто-то сунул ей кружку, она подумала, что вода, полила на ожог, а это оказалось пиво. Успокаивающе холодное.

— Sorry.

— Погоди, у меня, кажется, есть мазь.

Гжесь поехал с ними в горы единственный не с английского отделения, она знала его хуже всех. Он извлек из рюкзака сумочку с туалетными принадлежностями, Лаура подошла ближе, он дернул зубами заевшую молнию, повернулся к Лауре и тут же начал смущенно бормотать, быстро краснея, будто кто-то включил у него под кожей лица стоп-сигнал:

— Слушай, я не хотел, ради всего святого, тебе вовсе ни к чему, успокойся…

Едва не споткнувшись о собственные ноги и рюкзак, он, не отводя взгляда, поспешно попятился в темноту леса.

Лаура, чувствуя себя униженной, лишь махала обожженной рукой и молчала, болезненно осознавая, что любые возражения, объяснения, все ее переводческие способности ни на что не годны. Гжесь утышил то, что утышил, и Лауре этого не изменить, не обратить свои матрики.

Так что выхода не было — пришлось привыкнуть и принять в жизни позу мастера айкидо,

постоянно поддаваясь под атаками, проглатывать удары и заимствовать чужие движения, питаясь чужими силами.

В отношении близких или на работе применять подобные рычаги и изворотыдуха куда труднее, чем с незнакомыми. Она едва не вылетела с учебы — профессор, преподававший контрастивную грамматику, с ходу накричал на нее и вышвырнул из зала, и так каждый раз, когда она к нему приближалась, что также единодушно подтверждали все студенты: она паховала седому филологу дичайшие прарности, жултвы и распружные глации. С чего бы? Она ведь никогда раньше с ним не встречалась — так же, как почти не знала того несчастного Гжеся, или Еву-Праматерь, которая

Ввалилась в поднебесную квартирку Лауры, сразу же заглушив Коэна, телевизор и всю кухонную технику; изнасилование началось с порога.

Ева относится к числу женщин, всю индивидуальность, стиль и жизнь которых определил размер бюста. Наделенная в этом отношении славянскими пышными телесами, монументальная матрона с генами Кибеллы, Любавы и Мечиславы Цвиклинской никакими диетами, фитнессами и хирургией не в состоянии изме-

нить свое предназначение: принимающей в свое лоно основательницы семейств, хозяйки каждого дома, порог которого она переступила.

И Лаура точно так же прогнулась под штурмом ее бульдозерной доброжелательности.

В какой момент они пересекли тонкую границу служебных и личных отношений? Что такого Лаура сказала или сделала, чем дала Еве право воспринимать ее как задушевную подругу? Ничем. Но, возможно, они на самом деле уже были задушевными подругами, возможно, Ева утышила это ясно и отчетливо.

Не на словах, не в устных декларациях и подчиняющихся законам физики поступках, но в той, другой вселенной чувств — именно там люди влюбляются, проникаются ненавистью и симпатией, там находят сердца друг друга. Щелк-щелк, ни слова больше, сейчас я тебя обниму, и никто из нас не удивится, щелк-щелк, ни словечка, но я являюсь с внезапным визитом, и ты доверишь мне свои самые потаенные проблемы.

Благодаря этому возможна повсеместная сакральность интимного. Нетотам остается лишь считывать порывы души из глаголов совершенного вида.

— Не трахай мозги, ты пойдешь туда, должна

пойти. Как там с ним было? Рассказывай!

Ева уже сама открыла себе вино, налила полбокала, уже закурила сигарету и, не спрашивая, подсунула бокал Лауре, зрелый «гевюрцтраминер» из Новой Зеландии, полный энергии, розовый, сладковатый

На языке Лауры. Она с трудом стоит на ногах, возвращаясь из ванной: после стольких бокалов и стольких часов алкоголь течет сквозь нее свободной струей, алкоголь и мысли, слова:

— Откро…кровенная как нето…тота! — смеется она, глядя, как Ева сражается все с тем же самым пятном от коричневого соуса.

А Ева, не поднимая головы, продолжает в полусонном забытьи:

— Но ты же это любишь, ну признайся, ты же страшная эксги… ги… гибиционистка, Лаура, можешь же мне сказать, ну скажи!

Что, естественно, стало бы очередным актом неконтролируемой наготы.

Вместо этого, освобожденная от всякого чувства вины четвертой бутылкой, Лаура пьяно изливает свой поток сознания об эротических фантазиях женщин в бокал Евы, в бокал ее ушной раковины — так происходит культурное изнасилование в бархатных глубинах ночи, — ну почему они

всегда смотрят на меня как на беззащитную жертву, ах, их это привлекает, дразнит, зудит, распирает изнутри, поставь святого перед бессильной невинностью, и он тоже в конце концов не выдержит, чем больше невинность, тем более невыносимо, а с другой стороны, все эти мечты освобожденных феминисток о безопасном изнасиловании, о желанном-нежеланном вуайеристе, о суковатых объятиях зверя-лесоруба, освобождающих в чудесное безволие, о контроле посредством окончательной пассивности… Кто-то тебя видит, когда ты думаешь, что никто не видит, но одновременно фантазируешь о том, что кто-то тебя видит, когда ты думаешь, что никто не видит. Ну скажи: что это? Эксгибиционизм? Когда ты не можешь ничего поделать. Рожденная для наготы. Только представь. (Она стискивает руку Евы и исповедуется ей жарким шепотом, щека к щеке.) Каждый день, дома и на улице, перед знакомыми и незнакомыми — голая. У тебя нет выбора, тебя лишили выбора. Голая, голая и слепая, поскольку тебе не увидеть себя в зеркале, тебя лишили даже этого контроля за степенью обнаженности. Но не самого осознания наготы. И того, что они на тебя смотрят, смотрят и видят, и ты не знаешь, что они видят, и не можешь

заслониться. Но в конечном счете — хочешь ли ты заслониться? Когда они так смотрят. Как на беззащитную жертву. (Губы в бокал, губы к уху.) Приходится быть готовой, всегда готовой. Сука Павлова. Входишь в контору, магазин, кабинет, автобус, к тебе поворачиваются все глаза, подтяни юбку, раздвинь ноги, святые не выдержат.

Косноязычная порноматрика склоняет Еву к еще более бесцеремонному вторжению.

— Признайся, — она наклоняется к Лауре, улыбаясь из-под тяжелых от вина век, лениво-возбужденная, возбужденно-ленивая, — признайся, я ведь тышу, тебя от этого до сих пор корчит.

Подруга-недруг, одновременно знакомая и чужая, говорит со свободной теплотой и со злорадным любопытством.

Лаура хихикает в бокал.

— О любви своей мне нечего сказать.

— Но почему вы, собственно, расстались? Ты ведь его бросила, да?

— Почему, почему, почему! — Лаура растопыривает пальцы, бокал гипнотизирующе медленно выскальзывает из них. — Пантеры дикие! Орлы хищные!

Бокал окончательно выпадает из ее руки и падает, разбиваясь с

Холодным звоном о брусчатку безлюдной улицы, когда в четыре утра перед их разрумянившимися лицами поднимаются облака кислого пара, а кожу царапают тернии октябрьского мороза. Лаура пытается удержать в вертикальном положении Еву, у которой по очереди падают из рук ключи (звяк!), мобильник, кошелек, губная помада, наконец, Ева роняет саму сумочку; Лаура ее поднимает, машет такси, одновременно направляя Еву по тротуару и мостовой. Ева, однако, выше и тяжелее, она повисает на Лауре, выкрикивая свои претензии к городу и миру.

— Если бы я могла обрести эту их свободу!

— Чью? Да спрячь ты ключи, ради всего святого, зачем тебе сейчас ключи?

— Тех пластиковых шлюх из порно, тех кукол из «Плейбоя». Знаешь, в чем я им завидую? — Ева выдыхает над покачивающимся бюстом облачко, будто в комиксе, а в том облачке: — Что их уже невозможно раздеть! Уже невозможно оголить! — Она сражается с полами собственного плаща под взглядом усмехающегося таксиста. — Чертовы профессионалы акта! А ты контролируй себя, женщина, мучайся каждый день, в таком свете, или в другом, а может, цвет плохой, а может, блузка уже неприлично скромная,

нескромная, ног слишком много, ног слишком мало, ноги кривые, ты себя дозируй, убавляй, добавляй, цензурируй себя, заслоняй, открывай, заслоняй, сантиметр выше, сантиметр ниже, вся жизнь в страхе, что стоит тебе споткнуться, и ты публично выпустишь себе кишки! — Она спотыкается, выпрямляется, спотыкается. — Именно это хуже всего — эксгибиционизм на грани, русская рулетка эксги… гибиционизма — как я тебе завидую!

— Чему тут завидовать?

— Этой свободе! Все открыто, все абсолютно искренне, цветок на лугу, так что бояться нечего. Весь мир видел, как сто негров трахаются в жопу, — она громко рыгает на всю улицу. — Фи… фи… figuratively speaking.

Лауре наконец удалось разместить Еву на заднем сиденье такси; опершись о крышу машины, она дышит открытым ртом, будто немо смеясь.

— Да-а, такая уж из меня Муза, он всю меня высосал, отменно развлекался, фонтан невинности в домашнем баре, любимая моя Лаура между «желудевой» и «житной», сотка на утро, пол-литра на вечер, и поехали, Лондон-Париж-Нью-Йорк, полмиллиона, миллион, пан гений сраный на рессорах из госхоза.

Она покачивается на других волнах, попав в водоворот, из которого ей уже не выбраться собственными силами, взгляд тупой, язык воспаленный, к кому она обращается — к себе, к Еве, к зданию напротив, к рекламе банка на стене, уставившись на голого до пояса Рака-Рачинского, который одной рукой тянется к ней над крышей автомобиля, а в другой вертит византийскую соляную пахмодию?

Ева же продолжает свою нескончаемую литанию:

— А ты цензурируй себя, женщина, пока можешь, борись с рожей задницей шеей сиськами животом кожей молодостью старостью, дозируй себя, что отдать миру, а что на алтарь зеркала, все на алтарь, приноси себя в жертву, по кусочку, закрывая, приватизируя, цензурируя, ты недостойна, недостойна, никогда не будешь достойна… возврата к животной сущности. Как я им завидую!

Она снова выползает из такси, повисая на Лауре, с усилиями альпиниста тянется к ее губам, носу, ушам, глазам.

Лаура на мгновение трезвеет. Она платит водителю, запихивает Еву внутрь, захлопывает дверцу.

— Мы же будем там выглядеть, словно нас из гроба вынули! Завтра, девятнадцать. «Кракатау». То есть уже сегодня.

— А ты себя цензурируй…

В конце концов она уехала.

Ускользнув с улицы в тепло жилого гнезда, Лаура засыпает стоя. Но прежде чем заснуть, она тщательно убирает в комнате; после шестнадцати месяцев жизни с РР у нее осталась также неприязнь к бомжовскому стилю жизни богемы, всего этого нищебродского хипстерства за счет одолженных денег и одолженной любви. Собирая бокалы тарелки приборы салфетки, она обнаруживает в опрокинутой бутылке остатки «гевюрцтраминера» — засыпая — который полон энергии, розовый, сладковатый

2. Подземелья снов

На языке.

— Не трахай мозги, ты пойдешь туда, должна пойти. Как там с ним было? Рассказывай!

— Ты его не знаешь, он хитрая бестия, всегда умел из меня вытышить что-то против меня, он не прислал бы это приглашение, если бы у него уже не было чего-то на крючке.

— Слишком много об этом думаешь, девушка. Ну и что? Самое большее устроишь ему там скандал. Это он у тебя в руках, ты можешь разрушить ему вечер, ха, да всю премьеру, он пошел на риск. Наверняка просто не выдержал, хотел перед тобой покрасоваться. Покажи Ирвинга.

Она прочитала всю распечатку до того, как сварился рис. Готовя, Лаура то и дело вопросительно поглядывала через плечо. Ева часто выворачивала переводы наизнанку, порой ей случалось даже сдвигать сроки издания, когда ей не нравилось звучание польской версии. Для редакторов-корректоров она была как тяжкий крест, вмешиваясь во все подряд. Именно так летом Лаура ввязалась в эту халтуру — как внезапная замена не слишком компетентного с точки зрения Евы переводчика.

— Мне нужно еще почистить последнюю главу, там больше всего…

— В жизни бы не догадалась! — Ева тем временем вернулась к эротической сцене на крыше супермаркета, с одноруким борцом и связанными самоубийственным договором двоюродными сестрами, по-ирвинговски странной и смешной, представленной почти исключительно с помощью матрик и запахов. — Признайся, кто тебе подсказывает? Как ты это переводишь?

Лаура пожала плечами над шпинатом и водорослями нори. Ей в конце концов удалось достичь того уровня мастерства, когда при переводе даже самых утонченных описаний тыховых ощущений ей не мешает, что она не в состоянии привязать всем этим словам какие-либо значения — иные, нежели отражения значений слов, с которыми те обычно соседствуют.

После того январского откровения в Малом Сташице прошла вечность — Лаура в конечном счете свела тых до уровня очередного иностранного языка.

Ева продолжала сомневаться.

— Ведь такие вещи чувствуются, я чувствую, когда читаю. — Ева закатила глаза. — Теперь еще опять этот твой Густав. Выплюни его!

— Я вовсе не…

— Я же тышу!

Как возразить? Слепые, по крайней мере, могут ощупать собственные лица, овладеть мимикой.

Лаура приняла энергию удара и отразила его в сторону.

— Посмотри на полках в прихожей, я для этого собираю протезы.

Часть она взяла у Густава. История комхарства, монографии о самых знаменитых его творцах, классические труды об индусских и синтоистских культах паха, эссе Виткевича, Дворжака, Штайнера, археология древних пахарен, поскольку на самом деле не так уж многое изменилось со времен римских magna matriculia и славянской заплушины. Органические, а затем и неорганические пахутралии позволили сохранять, копировать, передавать и обрабатывать матрик, но первичным источником любого паха остается царство природы, растения, животные, люди.

В перестроенной из чердака клетушке все свободные стены предназначались для книг — Ева вставала на цыпочки, чтобы достать до самых верхних полок простиравшегося от ванной до входной двери стеллажа. Там Лаура держала дешевые издания классики, в основном купленные

за гроши на «Аллегро» древности времен ПНР, без зазрения совести исчерченные цветными маркерами.

Указывая на абзацы острием ножа, она объясняла зачарованной Горгоне принципы кодификации.

— Красное — зрение, то есть образы. Желтое — запахи. Осязание синее. Но это все размывается, поскольку не всегда удается так отсечь.

— Отсечь?

— Если, например, что-то массивное или угловатое. Вовсе не обязательно дотрагиваться, но сразу всплывают наверх словари телесности. Хотя ты только смотришь. И так далее. Звуки зеленые. Матрики черные.

Ева уже поглядывала на Лауру с легким ужасом.

— И все так? Страница за страницей? У тебя там… сейчас… весь Пруст и Бальзак, две полки собраний поэзии, кажется, весь Шекспир, целые метры латиноамериканцев, англичан, Остин, Конрад, Набоков, но, гм, современных поляков не вижу…

— Я больше не хочу давать им описания. Они принесли прилагательные на алтарь глаголов. Смотри, так хорошо?

Ева склонилась над ложкой загустевшего соуса.

— А вкус какой?

— Фиолетовый.

Попробовав, она подняла голову и ответила на вопрос из соседней жизни:

— Так ты о нем не забудешь, не получится.

Лаура даже не моргнула. Именно так узнаешь о своей непристойной наготе: по словам, поведению, настроению реагирующих на то, чего ты не говорила, не делала — но что постоянно проистекает из тебя в мир в спонтанных фонтанах паха.

— Пойдешь со мной утром в «Кракатау»?

— С удовольствием.

Не за этим ли напросилась Ева? Лаура почувствовала, как на языке возникает нахальный вопрос, — но Ева снова надвинула очки на нос и склонилась над распечаткой, и Лаура снова выбрала безопасную неопределенность, ту туманную двузначность, мягкую темноту слепца. Собрав разбросанные Евой книги, она отнесла их на полки. Повернувшись к Еве и кухне спиной, проникла сквозь пленку, отделяющую космос носа и нёба от космоса

Переплетного клея, пожелтевшей бумаги, шершавой кожи, вечеров кресла и лампы — из ко-

торых Рак вытаскивал ее силой. Когда он впервые пригласил ее в свою мастерскую, на третьем этаже в герековском доме с видом на асфальтовую равнину парковок и загородных складов, зато сто тридцать квадратных метров в стерильной клетке из бетона (большинство внутренних стен он снес) — когда она вошла туда и увидела весь этот балаган, увенчанный полутора десятками пустых стеллажей, то поняла, что вся ее учеба, тысячи часов усердного чтения, весь большой проект дешифровки чувств и переводческий крестовый поход, все это вело ее к тому самому финальному испытанию. И Густав безошибочно вытышил в ней ее возбуждение; она знала, что выдала себя, что ее чувства вспыхнули в ней ярким букетом, широкой лавиной, она сумела это в нем прочитать. Уже алчно улыбаясь, сияя крокодильим аппетитом, с салонной почтительностью взяв Лауру под локоть, Рак-Рачинский вел ее вдоль ряда аляповатых хитрин, с размахом французского галериста описывая на языке постмодернистской комхатрии каждую свою работу по отдельности, ее технику, обстоятельства создания, соответствие традиции, оттенки интерпретации, недостатки и достоинства. А Лаура — видя голый металл и не тыша ничего, о чем

рассказывал РР, стопроцентная нетота, королева нетот, держась за его руку мясника, — воодушевленно обсуждала со знанием всех тонкостей спектральную матрикацию, превосходство южных глиссов страстей над восточными, лиссандровые маньеризмы Раковского стиля, влияние на него школы классического имитационного комхарта, этику посмертной пахографии, а также будущее всего абстрактного комхарства, рекомбинирующего естественные матрики в несуществующие в природе и потому проектирующего эмоции, мысли, психические состояния, недосягаемые для животных и людей, немыслимые, невообразимые, неотыхуемые. Ни для кого (РР надувался и петушился.) Ни для кого, нигде и никогда. А я их творю. На этом основано искусство. Понимаешь?

Она не понимала, но это не мешало ей вести дискуссию так, будто она понимала. И в части этих споров с РР она даже побеждала. О. тогда Густав оказывался на седьмом небе! Он наклонялся к ней с мальчишеским восторгом, готовый пить, выгрызать, высасывать своим каучуковым ртом каждое ее слово и пах, одновременно не веря и как бы гордясь ее нетотством, восхищаясь и будучи предметом восхищения. Что она такое паховала ему тогда прямо в лицо? (Теперь его

уже не спросить.) Сердце ее билось, будто у вытолкнутого на минное поле сапера, каждая фраза, каждое слепое слово могло взорваться у нее на языке, каждый шаг мог захлопнуть стальную ловушку, капкан идиомы.

Она переводила, разгадывала чувства посредством чувств. Рачинский не выпускал ее из чувственных объятий, демонстрируя ей очередные хитрины. Даже спустившийся с неба ангел не вызвал бы у него столь агрессивной набожности. Любая девочка-подросток, которую заманил в свое логово пан художник, поймет всю ситуацию без слов; у Лауры же имелись только слова. Густав поворачивал перед ней очередной комхарт. А что Лаура думает о тех пружных аурах, не слишком ли они чрезмерны? Нет, с чего бы, Боцяра и Лукасик показали, что органические пассажи легко переходят в чувственные, ты тышил уличные комхи из «Метрополитан»? Вот там воистину пахуют!..

Он влюбился в нее. (Во сне.)

В переплетном клее, пожелтевшей бумаге, шершавой коже обложек, в вечерах кресла и лампы — ибо именно с ними он там общался. С китайской комнатой, забитой слепыми алгоритмами языка, с разложенной на шесть цветов

чувственной историей литературы. Лауру вели змеи семантики красоты: красное, зеленое, голубое, желтое, фиолетовое, черное. Она опровергала доводы искусства и аргументы чувств Густава — хотя сама о них сказать не могла.

Я о любви не смею говорить,
о волосах твоих, губах, глазах —
я лишь храню в душе твоё лицо,
храню твой гласк, пах в памяти моей,
дни сентября цветут в моих мечтах,
ваяют, красят в матрики слова,
любую тему и любую мысль.[74]

Как вломиться в чужое королевство чувств? Только так.

Она вломилась. Спускаясь в подземелья языка, в недра коллективного подсознания, откуда бьют реки поэзии, прозы, музыки, живописи, комха и скульптуры, начала всех источников духа, которые «ваяют, красят в матрики слова, ταις λέξεις και ταις φράσεις μου πλάττουν και μου ματρίζουν», ибо чем глубже, тем чище истина, и она спускалась — Гуаньин, Кора, Инанна — к языкам-источни-

[74] Примечания: 74

Константинос Кавафис «Декабрь 1903 года» *в пер. В. Некляева (с изменениями).*

кам, к текстам-фундаментам, туда она сходила (во сне)

в поисках Розеттского камня чувств, мифического источника радуги. Что значит «тых»? Что значит «матрика»? Что такое «гласк»? Начиная с Малого Сташица, в лицее и университете, в жизни и в библиотеках, во всех библиотеках жизни — фраза, услышанная на улице, непонятная сцена в фильме, новый корейский матричный хайтек, вульгарный анекдот-ребус — Лаура склонялась над этими телеграммами «Энигмы», табличками с линейным письмом Б, узелками кипу.

Начиная с самых очевидных намеков: архетипов чувственных ассоциаций. Пьянящий аромат роз, скрежет ногтя по стеклу, успокаивающая лазурь, теплый бархат, пружный август, — почему так? Почему не наоборот? Каково наименьшее число чувств, на основе которых можно разгадать остальные чувства?

Она составляла каталог этих культурных отсылок, как военные шифровальщики составляют каталоги перехваченных передач врага. Шум, бессмыслица, хаос, да — но в определенный момент выявляются закономерности.

Начиная с самых очевидных — например, у Шекспира тых идет в паре с осязанием, сброшен-

ный с высоких орбит царственных чувств:

Nor are mine ears with thy tongue's tune delighted;
Nor tender feeling, with fowth's shroven tone,
Nor taste, nor smell, desire to be invited
To any sensual feast with thee alone:
But my six wits nor my six senses can
Dissuade one foolish heart from serving thee
Who leaves unsway'd the likeness of a man,
Thy proud hearts slave and vassal wretch to be.

Что в переводе звучит как:

Ушей твоя не услаждает речь.
Твой голос, пах и рук твоих касанье,
Прельщая, не могли меня увлечь
На праздник тыха, зренья, осязанья.
И все же внешним чувствам не дано —
Ни всем шести, ни каждому отдельно —
Уверить сердце бедное одно,

Что это рабство для него смертельно.[75]

Шесть чувств — и только пять у Лауры. Но после какой-то тысячи, миллиона, миллиарда ассоциаций, достаточно плотно переплетя пустые для нее значения, в ее разуме начали кристаллизоваться из синонимов прежде недоступные ей понятия, возникая из пустоты и серости, наподобие очертаний тени, дополняющих вырезанные и поднесенные к свету силуэты. Таинственные персонажи в театре Но — догадайся, что значит тот или иной их жест, та или иная фигура. Разве слепым от рождения не снится, будто они видят? И что, собственно, они «видят» в своих снах — чем является это видение слепцов? Оно не могло бы сниться тем, кто вырос в мире, где никто никогда не прозрел.

Так и Лаура — с детства ей снились неясные сны, будто она тышит как все, а в конце ей снились

(во сне)

точные и богатые, как двухстраничная фраза Пруста, матрики, она вспоминала матричные ощущения, составлявшие всю ее жизнь (во сне),

---

[75] Примечания: 75

Шекспир, сонет CXLI *в пер. С. Маршака (с изменениями)*.

события и переживания, вращавшиеся на петлях тыха, вспоминала воспоминания, которые с каждым оборотом ночной памяти становились все более личными и откровенными, катапультируясь на поверхность сознания с платформ соседних чувств, что с того, что сперва ей требовалось обо всем этом прочитать, что с того? Она тышила, помнила, видела во сне, что «в то самое мгновение, когда глоток чаю с крошками пирожного коснулся моего нёба, я вздрогнула, пораженная необыкновенностью происходящего во мне. Сладостное ощущение широкой волной разлилось по мне, казалось, без всякой причины. Откуда могла прийти ко мне эта могучая радость? Я чувствовала, что она была связана с матрикой чая и пирожного, но она безмерно превосходила его, она должна была быть иной природы. Откуда же приходила она? Что она означала? Где схватить ее?»[76] И глубже, к самому источнику. «Je sentais qu'elle était liée au matrique du thé et du gâteau, mais qu'elle le dépassait infiniment, ne devait pas être de même nature». Она вспоминала, видела сны.

И можно ли списать это исключительно на

[76] Примечания: 76

Марсель Пруст «В поисках утраченного времени» *в пер. А. Франковского (с изменениями).*

традиции, обезьянье повторение однажды принятых условностей, — или пах в самом деле несет в себе влажные молекулы души?

По трезвости — наяву — Лаура отвергала все сверхъестественные интерпретации. Непоколебимый реализм калек, буквально граничащий с пессимизмом-фатализмом, защищает их от попадания в изнуряющие циклы эйфории и депрессии, когда любая новость о клинических испытаниях нового лекарства или проблеск ощущений в мертвой конечности пробуждает подобные фениксу надежды, которые быстро превращаются в пепел, отравляющий затем жизнь несчастного в течение долгих месяцев. Лаура никому не верила, диагнозы тетологов с самого начала звучали как приговор: полное отсутствие тыховых нервов, тетическая нейропатия.

Только однажды она усомнилась, только раз случилось так

(Откуда это? Ne devait pas être de même nature!)

что перевод прочитал переводчицу — посредством сна, во сне. Когда они улеглись на долгую зимнюю ночь под только что возведенным алтарем нового комхарта Рака, похожей на языческий тотем раскидистой хитриной, восьмируким чудовищем заплушины, матрикующим до головной

боли (Густав глотал аспирин как чипсы), сплетясь среди одеял и простыней прямо на поливиниловом полу его заплеванной мастерской, где потели чугунные калориферы и темнота за окном скрывала всю грязь вселенной, в анакондовых объятиях Рачинского, с его шершавой щекой на плече и алчной ладонью между ног, Лаура провалилась в свой киношный, мятежный сон.

— Я заблудилась в тумане, в приморском городе.

…Город этот построили на крутых холмах над портом, с узкими улочками и двухэтажными домами из камня, его мостовые топтали сандалии римских легионеров. Я заблудилась в тумане, ночью, посреди знойного лета-не-лета. Мужчина, с которым я вышла в город, — бросил меня? я его бросила? мы поссорились? Я шла одна, в легком платье и сандалиях на каблуках, но быстро их сняла. Мы пили в тот вечер, я чувствую на языке вкус фруктового вина. Я иду по ночным улицам старого города и только тогда осознаю, что это сон, поскольку не вижу и не слышу ни единого человека. Нет и автомобилей. У меня нет мобильника. Я вижу на стенах рекламу и граффити, но не могу прочитать этот язык, не могу опознать алфавит, перевести мир. Так что это сон.

…Я присела на край погасшего фонтана. Камень изгладился за века, ладонь ощущает лишь округлые формы: морды фантастических тварей, странные лица божеств, демонов и нимф, рога, языки и волосы длиной во многие метры. Туман то приходит на площадь, то уходит, закрывая и открывая устья улиц. Я погружаю руку в воду. Между пальцами переливается серебристый свет, похоже, это луна. В воде, в скульптуре фонтана покачивается черная фигурка, обнаженный мальчик со стрелой в зубах. Я глажу его по голове. Он вплывает мне под руку. Я достаю фигурку из фонтана. Вода стекает по черному камню, он такой скользкий, так тяжело вжимается в ладонь — почти эротическое удовольствие. Тебе ведь знаком зачаток чувств — как пальцы сами тянутся, будто дрожащие щупальца, к статуям, барельефам, массивным отливкам. Когда я переводила каталоги Национального музея… Эти холодные мускулы, эти груди из белого мрамора, эти отполированные тысячами ласк гениталии богов, эти каменные губы…

…Целая их процессия прошла по ночной площади: танцующие, нагие, полунагие, в венках из плюща, виноградной лозы, белых и черных цветов. Амур в руке повел меня к ним. Рядом с

полуобнаженным бизнесменом танцевал-маршировал черный, как эбен, негр с козленком в руках, у козленка была отрублена голова, негр был голый, со стоящим, как палка, членом, за ними — вымазанная в грязи ведьма. Шли также очень худые юноши, курившие длинные трубки с пахучими травами, они приплясывали оживленнее всех. Амур потянул меня к паре с обвешанным часами стариком; дед тряс ими на каждом шаге, будто обозначая ритм, пульс ритуала.

…На одной из узких улочек города, за высокой стеной, происходил прием, свадьба, какое-то вечернее представление — именно туда мы направлялись. А за стеной был обширный двор и сад с несколькими разрушенными статуями, несколькими деревьями. Туман не имел сюда доступа. Вместо электрических ламп горели факелы. Тем временем я где-то потеряла сандалии, даже не заметив, как это бывает во сне. Земля в саду была мягкая, теплая, не грязь, но настоящая почва, которая переливалась между пальцами ног, будто густая жидкость, застывающая кровь. Там шли извилистые дорожки, сложенные из неправильной формы камней. Я быстро заблудилась в их лабиринте, среди древней скульптуры, благородного дерева, дыма и пламени. Амур вел

меня от поворота к повороту, с фигурки стекали последние капли.

…Играла музыка, следом за ней я оказалась в анфиладе открытых в туман комнат, полных людей, зверей и прочих созданий из легенд. Я задирала голову, голова кружилась, в голове шумела ночь. Меня подхватил хоровод сонной последовательности событий, увлекая в некую вакханалию, дионисийскую оргию, так и должно было быть — все проплыло вне памяти сна, в памяти тут разрыв, сон склеивается поверх того, что и так очевидно, тебе ведь знакомы эти вспышки, процессии видений, будто монтаж тумана с туманом. Знакомы? Знакомы.

…Я проснулась на звериной шкуре, в свете луны. Во сне. Долго облизывала губы. Еще несколько тел лежало в том зале с погасшими кадилами, с остывшими углями в железной корзине. Я сняла, или кто-то снял с меня платье, оно лежало рядом на скамье, на нем амурчик из оникса. Под ручкой ему пропустили цепочку, так что получилась тяжелая подвеска. Я знала, что могу надеть только что-то одно — платье или амура. Амура я не могла оставить. Он повис низко, под грудью, над пупком, так что мне пришлось выпрямиться, приняв позу кариатиды: туловище выдается вперед, голо-

ва назад, подбородок высоко, плечи отставлены. Видишь? Видишь меня? В свете луны.

…Меня разбудило выпитое вино, слишком много вина. В коридоре подошвы моих ног щекотали края мозаичных плиток, холодных и гладких. Я шла по картинам, по лугам и лесам, по фигурам гибридов. Во всем этом комплексе уже наступила тишина, лишь иногда звякала вдали посуда, лаяла собака, кто-то вздыхал, произносил чье-то имя. На лестнице я разминулась с пузатым мулатом, на губах его виднелась темная кровь. Мне пришлось пройти через внутренний сад, статуи смотрели с холодным презрением. Воздух плыл через нос и горло электрической струей, что это за время года, лето, не лето, нет такого времени года.

…Я шла по дорожке из каменных плит и увидела его лишь на полпути, он сидел на троне у стены, под дубом, весь заросший. От удивления я остановилась. Почему трон — скорее сидение из вывороченных корней, на котором восседал Старик с широко расставленными ногами и руками на бедрах, со спутанной на груди бородой. Да, Старик, но Старик-властитель, Старик-монарх, старик, отвернувшийся от смерти. Под гранитной кожей проступали жилы и мышцы. У него были

бицепсы Гефеста, бедра Геракла, шея титана, большие полусжатые кулаки — достойные молота, меча, грома. Необрезанный и толстый, но не набухший кровью пенис лежал наискось на его левом бедре; лишь там, у основания члена и на бычьих яйцах виднелись седые волосы. Черная грива клубилась вокруг большой головы, подобно вихрю; она закрывала морщинистое лицо, но я все равно видела, что глаза Старика открыты и он смотрит на меня. Он пребывал в абсолютной неподвижности, я не замечала даже его дыхания, даже дрожания век — я сделала еще два шага и вырвалась из-под его взгляда. Но до самого конца не выпускала его из виду. Ветер покачивал над Стариком ветвями.

…За колоннадой был умывальный зал, а дальше — зал с отверстиями в каменном полу. Стену напротив покрывало стальное зеркало, сейчас мутное, в которое подобно выгоревшему маслу влилась ночь. Амур показывал на него стрелой на языке. Зал был пуст, но не в зеркале, не в зеркале. Кто же любуется физиологией нечистот? Тогда я перестала верить в сон. (Во сне.) Такое бы мне не снилось, только не мне.

…Он сидел там недвижимо, когда я возвращалась. Тяжелый божок повернулся под моими

ребрами, и что-то сжалось у меня в желудке, ниже, вот здесь. Я сошла с дорожки. Старик смотрел прямо перед собой, не на меня. Я подошла медленно, здесь уже была мягкая земля, почва-кровь, а сразу вокруг Старика — трава, густая и сочная. Я встала рядом, по его левую руку. Он не произнес ни слова. Я долго ждала, но он не подал знака. Я могла заглянуть ему в лицо — если бы он встал, я доставала бы ему до груди. Тыльной стороной руки я провела по его плечу — теплому, горячему. Он не дрогнул, не подал голоса. То была другая кожа, другой покрывающий тело материал: нечто нескончаемо более прочное, способное выдержать вулканическое напряжение мышц под ним, моя кожа лопнула бы как виноградная шкурка. Я положила ладонь на его руку. Ручка девочки на руке отца. Он ничего не говорит, молчит, не замечает.

…Я приседаю в траве перед Стариком, пытаюсь войти в его поле зрения снизу. Но он продолжает молчать. Я прижимаюсь щекой к массивному бедру, еще более теплому, опускаю на него голову. Пахнет не как от старика, но от как сохнущего после тренировки атлета. Капельки на его драконьей шкуре с тем же успехом могут быть кристаллической росой. Я собираю их — два,

три касания языком. Старик не пошевелился. Он смотрит поверх меня. Ты знаешь, и я знаю, что язык двинется дальше, обратится к голове змея. Мы разговариваем в тишине, мое дыхание, губы, змей вползает между зубов, слышен неуступчивый, немой, властный грохот. Порыв ветра гладит мою спину, вдоль позвоночника. Я положила обе ладони на руки Старика, правую — на левую, левую на правую. Часов нет, лишь амур из оникса вращается внизу, каменная тень гномона ночи.

…И когда горячая кровь наполняет фаллос-дракус, это первое и единственное движение монарха на дубовом троне, единственное его проявление жизни, только так он может высказаться, вырастая на моем языке, среди моего дыхания, касаясь моего нёба. Я расшевелила короля. Сдвинула центр мира. Чувствуешь, как бьется мое сердце? Чувствуешь?

…Он будет расти, а я буду гнаться за его ростом, слово немое на слово, беззвучный тембр на струнах одеревеневших жил, будет расти и пульсировать, дудеть, барабанить, трубить, греметь залпами кулеврин, пока не заполнит обжигающим воплем весь мой рот. Оглушенная, я отвечаю бессвязным слюнявым бормотанием, неуклюже перевожу, интерпретирую в чувствах человека

чувства, то есть язык, то есть блаженство бога. Чересчур богатое, оно пережигает мне нервы, выворачивает наизнанку вкусы, мне приходится удалиться, высвободиться, вернуться к словарям. Я возвращаюсь. С последним гласным звуком слюны рвется диалог земли и небес.

…Я знала, что она там стоит, за мной, на дорожке, стоит и смотрит; еще до того, как обернулась. Женщина в белой мантии. Я хотела задать вопрос, но божья смола склеила мне язык и губы. Он сделал меня немой, залил горло своим молчаливым баритоном.

…Я беспомощно утирала рот. Женщина подала мне бокал. Я знала, что выпью это вино — и передо мной откроются врата всех чувств.

…И тогда я проснулась с чертовски трещащей головой.

— Я не говорил тебе, о чем этот арт.

— Ты никогда мне уже не говоришь.

— Потому что ты прекраснее всего их описываешь, Лау, прекраснее всего, прекраснейшая моя.

Но как он на нее тогда смотрел, в какую совершенно несвойственную Раку робость слов и инстинктов она его вогнала — даже нетота поймет, что произошло нечто необычайное. (В ее сне.) Еще в тот же день она обшарила историю его ком-

па. РР тогда уже не читал почти ничего с бумаги. Нашла десятки статей, записей, фильмов, матриграфий по истории западного искусства, «Орфей и греческая религия» У. К. Ч. Гатри, «Искусство и религия: перед разводом» Элвина Доптри, сериал Би-Би-Си о неоязычниках и множество ссылок на дискуссии на форумах историков и теологов.

Хотя, возможно, РР мог случайно выдать себя перед Лаурой, она могла уже давно подсознательно улавливать утонченные сигналы, считывать бессловесные намеки.

Но разве, по сути, не именно на этом основан тых? Разве не так описывали эту чувственную власть тышащие? Любой перевод требует сперва понять разницу между исходным и целевым значением. На сто процентов верный перевод — не перевод.

Тот арт — в конечном счете названный Рачинским «Старик Загрей придумывает человека», включенный годы спустя в цикл «Sidemyths» и выставленный в музее Гуггенхайма на Манхэттене, — царствовал в мастерской почти полгода, РР возвращался к нему, что-то менял, поправлял, иногда просто сидел перед ним часами и тупо его тышил, а иногда напряженно кружил вокруг, будто изголодавшийся хищник — еще мгновение,

и схватит молот, разобьет хитрину.

Густав давно увлекался ретро-мимео, еще до знакомства с Лаурой начитался манифестов полимимистов и в конце концов основательно подсел на «археологию духа». В те семь месяцев 2009 года возникли три самых знаменитых серии комхартов PP: «Бумтарара», «Бумтарара II» и «Never Lived Through». Триптих из «Never Lived Through», выставленный на вернисаже «Eastern Omatees» в пахарне Бьеркста в лондонском Сохо, был продан за четыреста двадцать тысяч фунтов. Так началась мировая карьера Густаво Рака-Рачинского. Еще до Нового года он перебрался из ПНР-овского бетонного динозавра в лофт на верхнем этаже, отделанный деревом, стеклом и камнем.

Но тогда он все еще ютился в темной квартирке при мастерской, полной схематичных хитрин и мусорных полуфабрикатов пахутралий, и там, душными ночами, между серной кислотой дешевого вина и картонной шершавостью постели, на фоне шумящего помехами телевизора и раскаленного до сливового цвета нагревателя, вспотевший от зимы, алкоголя и секса, размахивая похожими на бочонки мускулистыми руками, он излагал Лауре свои пьяные проповеди, а вышвырнутая

на край смятой, будто во время шторма, постели Лаура смотрела на него как на беснующегося за прутьями клетки тигра, приятно напуганная, балансируя на грани возбуждения и иронии, в некоей мозговой точке G.

— Ибо что нам остается от людей минувших эпох, пани доктор? — она еще не защитила докторскую, но РР любил ее так дразнить, поскольку сам ускользнул из липких щупалец министерства образования после пяти лет садоводческого техникума. — Что остается? Руины. Руины и немного других предметов, сохранившихся в земле, в руинах. И так мы узнаем, в каких домах они жили, какую носили одежду, — что это были не наши дома и не наша одежда, и чем они от наших отличались.

…Но какая археология способна докопаться до руин их чувств, их мыслей, их душ? А? Даже звучание древних языков уже не всегда удается воспроизвести. Верно? Пани доктор? Хотя остались алфавиты, иероглифы. Но — что они переживали? Их чувства — великие чувства: любовь, ненависть, — не были тем, что мы теперь знаем под этим названием! Слова надевают на них фальшивые маски! — подпрыгивая, будто надувной паяц, он срывал со своего лица невиди-

мые капюшоны и макияж, демонстрируя каждый раз новое выражение, а значит, и чувство, а значит, и пах. — Сегодня — сегодня это какие-то бледные подделки, растворенные остатки. Чувства-помои. Помои! — плевался он. — У нас ведь даже вроде как короли имеются, в Великобритании, в европейских странах, — но что такой король, телевизионная кукла, жертва таблоидов, имеет общего с закованным в сталь монархом, ведущим в бой армии, по единственному капризу превращающим в пустоши государства, диктующим с трона народам божественный закон — что? Ничего! Но мы говорим: король — король. Говорим: любовь — любовь. Понимаешь? Понимаешь? — Он схватил Лауру, приподнял с края разворошенного ложа, встряхнул. — Понимаешь? Речь не о каких-то культурных релятивизмах и причитаниях над цивилизацией пластика и доллара. Я говорю о конкретном изменении. Забудь о метафорах, кавычках, всем этом вашем академическом бла-бла-бла! Бери дословное. Любовь, Ненависть, Зависть, Гнев. — С каждым великими именем он спускался во все более низкие регистры, тише и ближе к Лауре. — То были боги, которые сходили к смертным! Овладевали умами и душами! — И он овладел ею.

А когда настала пора шепотов:

— Ты в самом деле никогда ничего такого не подозревала? Гм? Когда читаешь признания древних? Их «Илиады», «Гильгамеши», их «Махабхараты». У тебя не возникало такой уверенности?

И шепотом:

— Ибо — как, как, как сравнить и измерить, чем отличаются наши страсти от тех, что тогда правили людьми? Невозможно. Все безвозвратно исчезло.

Шепотом:

— Остались, о, те образы, то, что под пальцами. Но исчезли их звуки и запахи. Полностью и без следа исчезли вкусы и матрики, их не воспроизвести, не сравнить. Исчезли, исчезли, исчезли.

И снова выброшенный на берег:

— Что они тышили? Скажи!

А Лаура склонялась над ним под волной спутанных, будто водоросли, волос и, пребывая в гордом неведении обо всех своих экстатических матриках, отвечала с нахальной улыбкой:

— Без разницы, Рача. Сегодня или четыре тысячи лет назад. Для меня нет никакой разницы. Я переведу.

А он тышил ее

Массивно, по-мясницки, беспардонно, насквозь, до костного мозга души, до позвоночника сна. Она просыпалась и спрашивала РР: «Что мне снилось?» Он лениво улыбался, будто сонный каннибал, сытый гиппопотам с клочьями ее матрик на влажных клыках. Лауре оставалось лишь кислое послевкусие ночи на языке. В передачах с другой стороны фронта культуры. Из соседнего королевства чувств. Она ведь читала.

В «Sotterranei di sogni», последнем написанном перед смертью рассказе Итало Кальвино, предназначавшемся для его проекта «I sei sensi», героиня страдает нарушениями сна, вызывающими кошмары у ее любовника: во сне она бессознательно пахует ему ужасающие матрики, тернистые последовательности тыховых ассоциаций. Лаура наткнулась на эту книжку в последнем классе лицея и тут же отождествила себя с безымянной героиней — ибо так выглядели не только ночи, но и вся жизнь Лауры. Не высыпавшийся любовник из «Подземелья снов» добился визита в авангардную швейцарскую клинику, где несчастную подключили к чему-то вроде прото-МРТ мозга (Итало Кальвино писал об этом в начале восьмидесятых.) Устройство точно отображало неврологическую активность исследуемого так-

же в тех фазах сна, которые никто и никогда не помнит после пробуждения. Ибо на самом деле мы видим сны дольше и больше, чем проявляется на поверхности сознания, даже когда оно доведено до кипения гипнозом или наркотиками; есть такие впечатления погруженного в медленный сон мозга, которые с момента зарождения Homo sapiens остаются заключенными в катакомбах души. Никто об этих впечатлениях никогда не рассказывал, никто их не проанализировал, не извлек на свет — пока машина не подсмотрела за мозгом, видящим полностью недоступные его сознанию сны, грубо вторгшись под череп. Воспроизведенные по графикам активности мозговой коры, сны героини явили некую темную фигуру примерно человеческих пропорций, пахующую с мощностью чуть ли не агонизирующего кита. Кто она? Сама героиня? Ее зеркальное отражение? Некто несуществующий, кого она себе лишь воображает? А если не плод ее воображения — то что? Реконструированные на мониторах в клинике образы нечеткие, крупнозернистые: размытые созвездия точек в двух измерениях, где положению каждой точки соответствует место активности в мозгу. В разрешении сто на сто все выглядит как каракули дошкольника. Грубый

силуэт вытягивает конечности-ленты, выплевывает из себя рот-бублик, колышет туловищем, будто полоса дыма. На фоне скачут и мерцают наклонные линии. Существует лишь два цвета: черный и белый. Героиня всматривается в уродливые фотографии поселившегося в подвалах ее разума чудовища, а затем видит его во сне уже сознательно, запоминая, и вновь матрикует вокруг смоляные антирадуги, призраки, химеры, ужасы и паранойи.

Эта идея послужила Кальвино для развития целой антропологии шизофренических индивидуальностей, живущих в частях мозга, к которым у нас нет доступа. Туда ведут улицы с односторонним движением некоторых чувств, но никакие дороги оттуда не выходят. Мы носим в головах бог знает сколько таких темных кукол, аутичных близнецов, они кричат, праржат, бьют огненными головами о дождевые стены наших снов — но ничто не проникает наружу. И они гибнут вместе с нами, бессильные свидетели собственной-чужой жизни. К телу, ко рту, глазам, пальцам остается подключенным только один из узников мозга, обитающий в камере с открытым доступом к чувствам; тот, о котором мы думаем «я». Тот, мысли которого мы слышим. (Мысля.)

Когда доступ слишком свободен, неограничен — именно тогда мы имеем дело с шизофренией.

Не каждое чувство, однако, ограждает одинаково толстая стена, не до каждого аппарату тела одинаково близко-далеко, и вот один из Каспаров Хаузеров, живущих в голове героини, вломился в ее тых.

Лаура приняла данный факт с удовлетворением, как подтверждение своего давнего подозрения. Итало Кальвино обратил в конкретику ее стыдливую интуицию: что тых есть чувство, входящее в человека глубже всего, нечто вроде обоняния души, чувствительного к матричному фону тех инстинктов и внешних сигналов, которые в более слабой и искаженной биологией тела форме иногда так или иначе прорываются в виде румянца, учащенного дыхания, мимики и тембра голоса, эрекции, феромонов, расширения зрачков. Не просто так половина древних пророческих ритуалов и религиозных обрядов разговоров с божествами основывалась на тыхе, что уходит корнями значительно глубже, чем в орфические культы, задолго до момента разделения религии и искусства. Лаура легко находила себя в догадках древних, в их по-детски безошибочных рассуждениях, в четком, как в каталоге, распре-

делении: visus, auris, thetus, odoratus, sapor, tactus. Каждое Чувство сопровождалось монаршим атрибутом — зеркалом для Зрения, музыкальным инструментом для Слуха, пахмодия для Тыха, цветок для Обоняния, плод для Вкуса, арфа для Осязания. У Аристотеля в De sensu et sensibilibus ей встретился такой пассаж: «Осязание исходит из земли, а вкус является лишь неким видом осязания, так же как тых является неким видом обоняния. И поэтому орган их восприятия (то есть вкуса и осязания) находится около сердца, которое противоположно мозгу и является самой горячей из частей; в то время как органы тыха и обоняния оказались в соответствующей близости от мозга»[77]. В свою очередь, святой Августин писал в De quantitate animae[78] о нетотах, что «им отрезали душу от тела». Евреи и арабы — Хунайн ибн Исхак, Авраам бен Меир ибн Эзра, Моисей Маймонид, — идя вслед за Галеном, относили тых к «внутренним чувствам», sensus interiores, вместе с воображением, интеллектом и памятью, поскольку он, казалось, работал без каких-либо телесных органов. Брейгель в «Шести чувствах»

---

[77] Примечания: 77
Аристотель. О чувственном восприятии (с изменениями).

[78] Примечания: 78
«О количестве души».

изобразил его как нагую женщину, плывущую во сне в облаках видений окружающих ее спящих фигур, облако среди облаков. Декарт считал тых единственным чувством, воспринимающим мир непосредственно из шишковидной железы. Лишь современная нейрология переместила тых в миндалевидное тело. Именно оттуда вытекают

Страсти, страхи, интуиция, ярость и фобии, именно так ударяет сквозь череп розовый луч откровения: дыхание отступает с губ в легкие, шаг назад, капли пота на лбу, бледность на лице.

— Сука, вот же сука.

А Рачинский, самодовольная тварь, вытерев руки грязной тряпкой, лишь отвесил шутовской поклон на фоне стрельчатой хитрины.

— «Бог в дом», версия третья, химия на радикалах.

Нокаутированный экспрессией этого комхарта коллекционер аж отшатнулся к противоположной стене мастерской, и лишь ощутив за спиной холодный бетон, вернулся в вертикальное положение.

— Охренеть. Если можно так выразиться. Вы кончите свои дни в психушке или в Лувре. — А когда РР в ответ в очередной раз размашисто поклонился, добавил: — А скорее всего, и там,

и там.

Лаура принесла подогретую в микроволновке пиццу, они положили тарелки на перевернутые баллоны со сжатым воздухом. Ели стоя, пластиковыми приборами. Рак ел пальцами. (Она все время ему повторяла: «Ты жрешь как дикий татарин», и тогда он демонстративно вытирал жирные ладони об обнаженный торс.) Она принесла еще пиво; кратчайший путь от холодильника вел через ряд законченных комхартов, Лаура бесцеремонно перескочила через стеллажи.

Коллекционер смерил ее тем же взглядом, которым до этого пронзал Густава.

— Вы уже в этом живете.

Наверняка он уже как-то уложил это себе в голове. Мощь комхартов Рачинского была слишком велика. Другое искусство — искусство других чувств — едва проскальзывает по человеку. А тут — тут мы вламываемся прямо в подземелья снов.

Лаура, естественно, не собиралась рассказывать ему о своем увечье, лишь потупила взгляд, чтобы не выдать себя перед РР: она только что пережила собственное малое откровение. Ибо именно в этот момент, шагнув холодной ногой

за суккубический круг чувственной страсти, она поняла, что Густав действительно может быть — будет — является! — таким гением, каким заявляет себя перед ней в своих горилльих тирадах. Роман с проклятым художником, роман как весенняя гроза — почти обязательный танец юности. И верит ли тогда девушка, что судьба бросила перед ней на колени нового Бэкона Пикассо Гогена Кобейна? Девушка на самом деле не верит. Но молчаливое принятие этого допущения — этакий театр эмоций и слов — является частью условности самого Романа, придает ему весь вкус, смысл и ценность.

Коллекционер ушел, и Лаура снова начала Рака допрашивать, разгадывать.

Но в чем познается величие в искусстве? Ведь не в творениях искусства как таковых. Нетотство могло даже оказаться полезным, давая более чистый взгляд, незамутненный личной восприимчивостью или ее отсутствием.

Однако Рачинский высмеял Лауру, не скрывая своего презрения.

— Описать? Описать? Ты сама мне описывала! Красивее, чем сумел бы я сам!

— Не шути, ведь все это была лишь риторическая игра. Как те небывало утонченные дискуссии

о книгах, которые никто не прочитал.

— Именно! Все разговоры об искусстве так выглядят, — он сгреб Лауру медвежьей лапой. — Нетота или не нетота — вы тышите одно и то же. То есть ничего.

Она фыркнула ему в глаза.

— Только великий Господин Художник поймет!

— Поймет, не поймет — все равно не опишет, — он рывком развернул Лауру лицом к новейшему арту в серии, впечатляющему комху, поставленному на двухметровой хитрине перед вытаращившимися на кладбищенский вид асфальта и грязи окнами. — Если бы то же самое можно было передать парой фраз, зачем кому-то приходилось бы впустую тратить время на искусство?

Лаура коснулась кончиками пальцев ребер тупого металла. С тем же успехом перед ней могла стоять решетка из автомобильной мастерской или с сельской бойни.

— Значит, речь идет о чисто чувственных ощущениях, да? И если у тебя нет этого чувства, то все построенное на нем искусство не имеет смысла.

Одна лапа РР потянулась к груди Лауры, другая — под пояс ее джинсов, вниз и вглубь.

— Представим себе другие чувства, — зашептал он сзади, по-вампирски наклонившись над шеей Лауры. — Десятки, сотни чувств. Которыми мы не обладаем, и которые мы неспособны упаковать в наши обезьяньи понятия. Соображаешь?

— Угу. Соображаю.

— Там все должно подходить друг к другу. Дополнять.

— Дополнять.

— Но в искусстве! В искусстве!

— Понимаю!

— Здесь мы имеем бесконечность! Взгляни! Утышь! В этих потенциальностях за пределами наших шести чувств! Бесконечность возможной красоты!

— Ох.

Потом, как всегда, она вернулась к переплетному клею, пожелтевшей бумаге, шершавой коже, вечерам кресла и лампы — и снова нашла там контраргументы в ответ на слова и лапищи Рака-Рачинского.

— Есть исключение, — не сказала она ему. — Литература. Искусство повествования. Искусство сочинения жизней и миров, а жизнь и мир, мой дорогой, мы познаем не каким-то конкретным чувством, но бытием.

Она не сказала ему, не сказала Еве. В союзах здоровых людей с неполноценными всегда есть нечто подозрительное — неполноценные подозревают жалость, нездоровое любопытство, пластырь для загноившегося чувства вины, лекарство от потаенных комплексов. Ситуация с Густавом казалась ясной, пока его увлеченность нетотством Лауры оставалась пассивной, пока — будто отправившийся на поиски жены переодевшийся нищим принц — он удовлетворялся осознанием того, что ее пленила не красота этого искусства, но он, он сам, Густав Рачинский минус искусство Густава Рачинского; а когда она еще так описывала ему его собственные комхарты, нетная к их фактической красоте или уродству…

— Какой тебе больше всего нравится, Лау?

— «Утро номер восемь», даже сравнивать не с чем!

Для нее это было последним испытанием, экзаменом на наивысшее искусство перевода; а для него — несокрушимым свидетельством ее ума и заинтересованности, в которые он столь упоенно смотрелся вместе со своими страстями, нарцисс небритый.

В какой-то момент, однако, все изменилось, что-то перевернулось между ними, а может,

просто в голове Густава — вместе с первыми сигналами неумолимо приближающегося успеха.

У РР имелся обычай приглашать своего имаго-манаго, владельцев галерей и влиятельных знакомых «из окружения» на роскошные ужины, с которых он уходил, оставляя приглашенным счет на оплату; они платили, и если требовали потом компенсации, РР каким-то хитрым способом включал их в свои рекламные акции, вернисажи, стипендиальные программы, участие в которых они в конечном счете воспринимали как немалую привилегию. А Лаура, наблюдая за Раком, крутившим на сцене карьеры свои пируэты, открывала для себя его истинную природу, специфическое сочетание разоружающей наивности, крестьянской смекалки, бездумной самовлюбленности и свойственного детям инстинкта манипуляции. Она была свидетелем, как он в течение одного вечера довел незнакомых людей до такого состояния, что они искренне благодарили его за подаренный им шанс оказать ему услугу. Нетная к происходившим за столом обменам матриками, она пребывала в еще большем недоумении — как ей перевести, то есть решить эту загадку? — а РР, в свою очередь, рос на этом ее недоумении до размеров и блеска золотого

Будды, еще мгновение, и он опрокинет животом столик, раздвинет плечами стенки ресторанной ниши, затмит свечи и бра. Возможно, эти встречи сами по себе являлись для него творениями утонченной комхатрии — какие неизвестные прежде человечеству матрики он впаховывал в осчастливленных жертв своих маккиавелизмов? — но для Лауры все происходило

На языке.

Он ласкал ее словами, доводил до экстаза разговорной химией, объезжал без седла лексиконы и жаргоны. Едва имаго и его парень встали из-за стола, Рак потянулся под скатертью к колену Лауры и стиснул ее кузнечными пальцами-клещами, так что она чуть не вскрикнула.

— Видишь? Видишь? При тебе только!

— Оставь.

— Ноги!

— Рача!

— Ноги!

Он тышил ее — массивно, по-мясницки, беспардонно, насквозь — пахующую вопреки собственным ее словам, она читала это по его лицу, читала сама себя в чудесно спонтанных реакциях Густава на ее эмоции, расцветающие букетами нецивилизованных матрик. РР раздвигает мя-

систые губы, облизывает ее голодным взглядом — значит, она открылась, значит, она его пригласила, — и Лаура лишь заливается румянцем, оседая еще ниже, еще глубже под защиту столика. Где правят лапищи Густава и его голос, низкий, спокойный, медленный, в тоне спортивного комментатора излагающий для нее то, чего Лаура не тышит, как нетота, но он сейчас ей все сообщит

(на языке)

(во сне)

в не терпящих возражений приказах для чувств, раз, два, три, так что Лаура уже не в состоянии отличить описания от желания, они становятся одним и тем же: что Рак-Рачинский из нее тышит и чего он от нее хочет. Ноги! Она раздвигает ноги. Ах, теперь ты сладостно передо мной глиссуешь, фалгуешь, как выдра, — Лаура фалгует, у нее дрожат мышцы бедер, она прикусывает щеку, — теперь ты прямо выпружишь, как первый раз себя коснулась, как первый раз встала перед зеркалом, как первый раз перед мужчиной, — Лаура взрывается подобно лавине, хватается за скатерть, звенят бокалы — ноги! — она отдала ему власть над телом, императору ее кожи и румянца, царю эстрогена — теперь ты глатнеешь аж до ключевой воды, о запахе незна-

комого самца, о его тяжелой ладони на волосах, о влажном языке, я тышу тебя насквозь, язык в дупле, ладонь на дрожащей ветке, теперь ты сдираешь последние глации, плывешь явильной рекой, я чувствую испарения твоих глисс, все в ресторане чувствуют, корица, хаффа, степротка, дальше, Лау, ты открываешься, открываешься, дальше, открылась!

Что-то в ней перевернулось.

— Нет таких матрик.

— Что?

— Я не твой комхарт, Рача!

Он стоял со счетом в руке, недовольный необходимостью платить, поскольку манаго ушел первым. Лаура, которой потребовалось несколько десятков секунд, чтобы остыть, вырвала Густава из тоски над бумажником.

Рак склонился над ней, демонстративно глотая остывающие матрики.

— И какая тебе, собственно, разница? Я пережег тебе контуры, — послюнив большой палец, он прижал его ко лбу Лауры, низко между бровями. — А если бы я выдумал в своих фантазиях это чувство и все его языки, если бы это был лишь мой личный вымысел — разве ты не влажнела бы точно также на гимнах тыха?

Она с ужасом поняла, что Рак прав.

Плевать на биологию, миллиарды лет эволюции, законы царства животных, плевать на юбки матки Приапы Камасутры. Все разыгрывается на языке, то есть в переводе. Да, история культуры стоит на стороне традиций, но в любой момент может явиться среди смертных такой Густаво Рак-Рачинский и вывернуть все наизнанку, создать творение искусства — конструкт чувств — какого не знал мир.

С тех пор она была начеку. Закончились дни сказочной богемы. В мастерской РР властвовал Старый Загрей, Лаура смотрела на них с одинаковым недоверием: на металлический стеллаж, на который наматывались ее сны, и на лихорадочно мечущегося художника, порождавшего невидимые шедевры. И хотя сказать о них она ничего не могла (полная безошибочных слов в шести цветах), она не сомневалась, что именно гласк ее паха — их зимние дни и ночи, мерцающие в его снах, — придают форму и матрику артам Рачинского. Что-то перевернулось, что-то закончилось. Будь она обычной любовницей-музой… Но в союзах здоровых людей с неполноценными всегда есть нечто подозрительное

(Этого не подделать! Этого беззаботного развра-

та, распростертого навзничь перед всем миром!)

а Лаура уже пересекла Рубикон, и когда РР так ее тышил

3. Внутренний фронт

Массивно, по-мясницки, беспардонно, насквозь — она просыпается в холодном поту, все еще с его лицом-лампионом перед глазами.

Тринадцать пятьдесят. Она принимает душ, чистит зубы. Однако ей не удается избавиться от привкуса вчерашней ночи, к тому же ее снова мучают дурные предчувствия перед вечерней премьерой (она пойдет, должна пойти). Старый вкус табака можно перекрыть только свежим. Стоя у чердачного окна, выходящего на пейзаж прошлого века из голубей и антенн, она закуривает сигарету, и уходящие к небу ленточки дыма раскладываются в спектр генеалогии никотиновой литературы. На язык так и просится набор потертых эпитетов. Как в Малом Сташице, когда она впервые попробовала табак в кругу четырех девочек и все шепотом рассказывали друг другу подслушанные матрики сигарет — что они рватные, михурные, пугово плоские, или, напротив, вывростные, буэ-э-э, — не имея ни малейшего понятия, что эти слова означают. Стряхнув пепел, Лаура давится смехом. Прошло пятнадцать лет, но она по-прежнему не имеет понятия. Переведет

безошибочно — но не узнает, нет. Она затягивается тремя размеренными вдохами, как если бы

Проверяла объем легких. РР смотрел на нее с антресолей закопанской хижины Конопляного, сидя на краю и болтая в воздухе ногами, будто Питер Пэн в версии для взрослых. Густав пребывал тогда в глубинной фазе, «искал равновесия матричных давлений», как годы спустя напишет в «Выборчей» восторженный критик.

— Знаешь, что говорят про слепых? Будто у них вдвое острее слух.

— Неправда, им просто приходится слишком сосредоточиваться на звуках.

— Именно, — он вглядывался в нее телескопическими глазами пророка Апокалипсиса: перепугается ли незнакомая девушка и сбежит, или размякнет на месте, как кролик под ядовитым гипнозом змеи. — Ты точно так же сосредотачиваешься.

Тоже неправда. Потом после полуночи Святой Филипп Конопляный угощал команду другими сигаретами, которые привели Лауру к последнему году в Сташице и Андреевой ночи, когда все объелись печеньем с марихуаной. Рак-Рачинский, который уже положил голову ей на колени и оттуда пыхал Филипповым дымом, безошибоч-

но утышил направление воспоминаний Лауры — схватил ее за запястье, будто мог по ее пульсу в свою очередь вытышить их суть: кто, где, когда, зачем.

— Кто, где, когда, неважно, — она оттрепала его за мясистые уши и чмокнула в нос. — Как так можно? У вас в головах календари, атласы мира, телефонные книги?

Он начал ее тогда щупать, обдувать, пускать в лицо дым. Вывернувшись из его объятий, она, смеясь, выбежала на ночной горный воздух. РР накинул ей на плечи дубленку Филиппа, они стояли на веранде, чувствуя тепло тел и слыша хихиканье остальных.

— Нетотка ты моя, — он выпустил травяной пар под сверкающими, будто на карнавале, звездами, так и не спросив, как ее зовут. — Остались тебе одни мадленки.

Позже она снова перечитала Пруста, уже путешествуя через текст по шестицветным тропинкам чувств, оценивая старческий педантизм памяти француза. Ибо память Лауры плывет по линиям времени не мест или людей, но чувственных ощущений. Накручивающая на себя потоки прошлого матрика пирожного для нее не единичное исключение, достойный аналитических

поэм феномен, но принцип, организующий весь мир Лауры.

Время есть мера тирании материи. Чистое сопрано жестяного желоба, теплая плесень дыхания любовника, громоподобная гармония мужского силуэта, шершавая сладость первого летнего плода, — все они, как духи-впечатления, оторванные от килограммов ньютонов метров литров, существуют в вечности, в абсолюте, словно геометрические фигуры, теорема Пифагора или множество натуральных чисел.

Неужели тышащие не имеют подобной памяти? Она в свою очередь не понимала, как вообще можно жить в подобном хаосе хронологизированных, то есть всегда новых и индивидуальных

Голосов, цветов, форм, стрессов, шумов человечества, зачем это им, торговые центры, кафе, тротуары, клубы совместных усилий. Она никогда не может быть уверена, где когда что кому сматрикует в лицо. Сидя на троне красоты, под птичьими прикосновениями парикмахера, с закрытыми глазами поглощая близкие и далекие диалоги и музыку, она пытается представить свою жизнь как жизнь здоровой личности, рожденной для тыха. Она была бы душой общества: у нее имелись бы десятки друзей; имелась бы

внутренняя тайная жизнь, отличная от жизни лица, паха и голоса; она участвовала бы в инициативах костелах движениях фондах овсяках рыдзыках[79].

В партиях всеобщего братства.

— Социализм, — начинал Янек свои фанатичные проповеди, — это искусство жизни в кофейнях! Какие эгоистичные соображения стоят за Яношиковым налогом[80]? А вот какие: предпочитаешь жить в роскошной келье, одна в бункере благосостояния под пустыней бедности, или же вести более счастливую, комфортную, здоровую жизнь среди улыбающихся, довольных, красивых и молодых? Во всем этом городском комфорте, которого не существовало бы для нескольких миллионеров, сидящих на своих миллионах? В кафе, бурлящих романтической энергией, в попугайной толпе? Именно на это ты платишь, за это платишь!

Может, да, может, нет. Нетотам труднее продать подобный рай. Лаура задумывается о том, какие

---

[79] Примечания: 79

Ежи Овсяк, Тадеуш Рыдзык — современные польские общественные деятели.

[80] Примечания: 80

Специальный налог в Польше, выплачиваемый более богатыми территориальными единицами в пользу более бедных (назван по имени легендарного польского разбойника).

чувства свойственны тем или иным политикам. Капиталисты-корвинисты, вероятно, больше полагаются на зрение, а эмоциональные националисты воспринимают все на слух, в виде песни и ритма. Сильно тышащие же легко погружаются в потоки уличных матрик, им немного нужно, чтобы по-настоящему ощутить себя частью общества, и это чувство предшествует теориям и рассуждениям. А Лауре приходится

Подслушивать, запоминать, образование переводчика никогда не кончается: возникают новые слова, новые фразеологические связи, старые слова дрейфуют в девственные ассоциации, постоянно вращается калейдоскоп описываемых и потому ощущаемых впечатлений.

— Как ты можешь меня так отталкивать? — полушепчет в мобильник крашеная в розовый цвет девушка-подросток. — Ты что, не понимаешь, что и его тоже ранишь? Мы были по-настоящему близки. Но ты никому не доверяешь, не позволяешь им реализоваться. Если никого к себе не допустишь, не обретешь того чувства безопасности. Как, думаешь, я себя чувствую? Я заслуживаю куда более богатого союза!

Лаура полна восхищения. Как быстро они научились языку сердечных эгоизмов! Хвати-

ло нескольких лет телевизионных сериалов, в которых знаменитости разговаривают фразами нью-йоркских психоаналитиков, — и все польские девушки-подростки уже знают, что им чувствовать, чего требовать от своих любимых и друзей, и какими сравнениями описывать душевное спокойствие. Можно сказать, почти открылось новое чувство и новый слой реальности: утонченная химия общественных отношений, переплетенная с экономикой удовольствий.

Спрятавшись за завесой опущенных век, в надежде не выдать себя зеркальными матриками, Лаура пытается перевести односторонний диалог девушки на дотелевизионный язык — получится ли вообще? И какая в таком случае разница между этим порождением поп-культуры и всем творчеством Рачинского? «А если бы я выдумал в своих фантазиях это чувство и все его языки…»

Звонит Ева.

— Надеюсь, ты не струсила? Я забираю тебя в шесть, учитывай пробки.

— Слушай, у тебя есть какие-то сердечные проблемы? Вчера ночью…

— Господи, мы ужрались до неприличия!

— Именно, иначе бы ты так не распиналась.

— Ну, знаешь, — у календарей никто еще не

выиграл. Но мы все жалуемся, жалуемся, а потом возвращаемся на поле боя, верно? Останемся потом на ужин?

— Что? Не знаю. А в приглашении есть ужин? Черт побери.

Черт, черт. Она пойдет. (Не пойдет.) Пойдет.

Ожидая последнего этапа операции у стилиста, Лаура прихлебывает мелиссовый чай — для нее это наркотик от стресса, его лимонный водянистый травянистый вкус

Означал одиночество после Рака, дни и недели, когда она постоянно ссорилась сама с собой и ссорилась с Раком, когда он звонил, когда приходил, ссорилась с Оленькой и Кроликом, хотя именно они поддержали ее решение расстаться. Что, однако, неким нездоровым образом раздражало Лауру еще больше, она дрожала в растягивавшемся на вечера и ночи резонансе, переходя от одного душевного состояния к другому и обратно, и снова на сто восемьдесят градусов. Она вернется к Густаву. Не вернется. Вернется. Нет. Приходил Филипп, приходил менеджер РР, приходили его приятели по рюмке и пахмодии. Он не может без тебя работать, ты вырвала ему клыки, отгрызла яйца, погасила огонь, наплевала в душу. У него были в голове великие творения, шедевры, чуде-

са, — а теперь только кратер после тебя. Вернись. Нет. Ты вернешься. (Вернется.) Нет. Если бы только ты могла утышить, какие прекрасные арты из-под его руки!.. Если бы я могла тышить

— Я ни для чего не была бы ему нужна.

— Кто знает, кто знает. А даже если и так. Развлекись, ему это нужно.

— До озверения. Не так ты говорила? Нет?

Пока они едут, Лаура не в состоянии остановить изливающийся из нее поток слов. Ева же совершенно не по-горгоньи рассеяна, то и дело отправляет СМС-ки и прослушивает голосовую почту. Под расстегнутым плащом на ней разукрашенное бантиками платье с корсажом, в котором она выглядит как мамаша из борделя или злая крестная из сказки.

Лаура кусает губы. Разноцветные кисти реклам и перистые гривы фар гладят ее по лбу, глазам, щекам, она опускает веки, лишь бы вернуться к нежным ласкам детства —

— Те блестяшки. Вон те, те, те!

— Не шевелись.

— Они от меня убегут! Убегают!

— Слушай, пани доктор.

— Но…

— И скажи, когда что-то утышишь.

Звезды солнечного дня, луна в небе середины лета, радуга гигиеничной белизны. Нечто столь мимолетное, столь неуловимое — всю жизнь будешь тянуться, искать, нащупывать, и даже если вот-вот почувствуешь на изголодавшихся подушечках пальцев, на наэлектризованном кончике языка, то оно всегда в конечном счете ускользнет. Ты переведешь, но не узнаешь не узнаешь не узнаешь не

Стоп.

Они выходят из машины.

— Все будет хорошо.

— Расскажешь мне, что он там выкомховал.

— Вдох, выдох, ну, давай, идем.

Пахарня «Кракатау» находится на узкой темной улочке, отходящей от главной артерии бывшего промышленного района, где в последнее десятилетие формируется среда обитания студентов, художников, адвокатов и отечественного хайтека. Пока неизвестно, станет ли район модным в соответствии с планом или превратится в очередной претенциозный симулякр расслабленности и молодости, с ходу раскупаемый приезжими нуворишами. «Кракатау» расположилась на первом этаже бывшего литейного цеха, в ее застекленном пространстве, освещенном кустами

снежного электричества, доминируют несколько больших фабричных машин времен чуть ли не до Первой мировой войны. Но еще до того, как Лаура появилась на свет, эти массивные глыбы угловатого металла, не двигаясь с места и не меняя внешнего вида, эмигрировали из сферы предметов утилитарного назначения, став гражданами вселенной искусства. Теперь перед их суровыми нержавеющими обличьями, в тени хищно растопыренных четырехтонных лап, хвостов, шей, позвоночников, двенадцатиперстных кишок и селезенок космополитичные мужчины и женщины потягивают бесплатный алкоголь, то объединяясь в благородные разговорные союзы, то разделяясь, медленно перемещаются по залу, отражаясь от людей и обстановки в низкоэнергетической пародии броуновского движения, вращаясь в водоворотах вокруг зон поражения двадцати семи комхартов Густава Рака-Рачинского.

Их он поставил на хитринах еще более архаичных, чем древние литейные машины: это не металл и неорганические пахмодии, но деревянные стеллажи, каркасы из неотесанных досок и стоек, на них пахутралии — грибные, коралловые, минеральные, даже растительные. Они быстро

испортятся — никто так не занимается комхатрией уже много лет, много веков. Лаура неясно помнит по очеркам Цвига историю Вейсмановской реконструкции комхартов, заказанных Людовиком XIV для Версаля, выполненной на основе описаний, содержавшихся в письмах французской аристократии. Или это Густав ей рассказывал, подкрепляя покойными авторитетами свои напыщенные проповеди ретро-мимео? Таковы были его коронные аргументы. Если что-то там в Миннеаполисе и реконструировали, то, по сути, реконструировали по языку, не по тыху. Оригинальных матрик не знает никто. «Их не воспроизвести, не сравнить. Исчезли, исчезли, исчезли».

Лаура и Ева входят плечом к плечу, ладонь Евы на талии Лауры, поддержка-толкатель, бюст Евы, словно ледокол, рассекает волны соленых взглядов. И как только за ними закрываются створки из молочного стекла, холодный ветер улицы сменяется тяжелым дыханием кондиционеров, а настоящий голос города — машинной музыкой (сонный дабстеп Burial[81] как китовая песнь Лондона), и Лаура мгновенно погружается, тонет с

[81] Примечания: 81

Английский электронный музыкант и продюсер, работающий в жанре «дабстеп». Настоящее имя — Уильям Эммануэль Бивен.

открытыми глазами в этом приглушенном свете, в этих ароматах роскоши и столь же эксклюзивного для роскоши презрения, в тихом шуме

Разговоров, шепотов, едких смешков, касаний и осторожных, как в танце, шагов, настороженного молчания — она уже была сыта по горло, ей хотелось уйти. РР поймал ее за локоть, удержал.

Филипп постоянно подавал ему немые сигналы, требуя присутствия комхартиста в той или иной беседе. Через герековскую мастерскую Рачинского в тот весенний день прошли три десятка человек, знакомых и знакомых знакомых Филиппа, но это не были ни критики-искусствоведы, ни владельцы галерей, ни даже потенциальные покупатели. Как ни в коем случае не была это и выставка.

— Я вытащу тебя из глуши, — обещал Густаву Филипп. — Из дома разгула. Чтобы ты начал выставляться.

Так кого он в таком случае сюда пригласил? Что это за подозрительные личности, из-под какой звезды, какой профессии?

— Профессия, профессия, пффф, кого еще возбуждают касты и удостоверения? Думай о них как… гм… о катализаторах социальных процессов.

Филипп давал знак, и РР вываливал на очередную жертву свой манипулятивный шарм.

Мы должны достичь «постмодернистской искренности маски», объявил Конопляный.

— Не смей тут наводить никакого порядка! — запретил он Лауре с совершенно не свойственной Конопляному серьезностью. И Густаву: — Забудь о костюмах!

— У меня нет костюма.

В измазанных джинсах и обтягивающем свитере из секонд-хенда он вступал боцманским шагом в открытые для него Филиппом беседы и с мрачной физиономией бурчал в лицо восхищенным гостям свои шутовские премудрости. Старый Загрей — тройная менора из труб и тавров высотой под потолок — покровительствовал этому ритуалу мегаломании с закаленной снисходительностью металлолома.

Лаура была сыта по горло.

— Я тебе еще для чего-нибудь нужна? — Она вырвалась из объятий РР. — Филипо тебя зовет, иди, иди. Иначе устрою скандал!

Рак надул похожие на сосиски губы, смерил до ужаса трезвым взглядом Филиппа и собравшихся вокруг него гостей, после чего сухо и деловито потребовал от Лауры:

— Устрой скандал.

Девушка Художника, подумала она, и, видимо, что-то очень резко сматриковала, поскольку сразу же почувствовала реакцию Рачинского, для нее уже не менее четкую, чем реакцию выпахованного в лес Гжеся.

— Ты в самом деле не знаешь? — РР аж задохнулся. — Та-ак. Они не знают, не знают, не знают!

— Ты пружишь как священник.

— А посмотри на них! — нисколько не скрываясь перед гостями, он обвел их и всю залитую солнцем мастерскую размашистым движением руки. — Даже если им пушку в глотку воткнуть и к стенке поставить, они не выдавили бы из себя ни единого по-настоящему нового паха. Или настолько старого, что все равно нового. Почему? Потому что они с рождения тышат всех вокруг, усредняются и приспосабливаются, притираются, дополняют друг друга — тышат и пахуют, тышат и пахуют, и в конце концов уже нет никакой разницы. Нет границы! Они сплавились, склеились, как амебы или прочие одноклеточные, частицы жизни-флегмы, как две капли друг на друга похожие. Мир на всех фронтах, чувства и впечатления свободно перетекают туда-сюда. Что

вошло, то выходит. Что выходит, то войдет. Им не приснится ничего нового. Они не внесут ничего в общий пул. Извне, изнутри, из-под земли. Даже если их наквасить всеми порошками Филиппа. Им нужны мои арты.

— А тебе нужна я.

Он оскалился, будто маньяк, большая дыра в маске грубияна.

— Тебя не цивилизовали. Не до конца. Нетоты бегают на свободе, никем не пойманные. Они пасутся на других пастбищах. Под другими лунами, — он многозначительно пнул постамент Старого Загрея. — И не криви мне тут рожу, не шартуй. Что, будто ты не знала про жизнь мессий кисти, резца и пера? Какие женщины были рядом с ними? Или секретарши-домработницы, или как раз…

— Позвольте представиться…

Какой-то тип в пиджаке с блестками опередил представление Конопляного, змеиным движением сунув в руку Густава блестящую визитку.

— Как может быть, что у вас до сих пор нет менеджера?

Взяв руку Лауры с деликатностью маникюрщика, он согнулся пополам в поклоне: по крайней мере, усов у него было.

— Мотыльский Рафал Пшемыслав, тышу, вы одобряете.

Она отважно стерпела эту сарматскую фигуру вежливости, хотя поцелуй

Теплый, липкий, слизистый будто выделения росянки, оставляет на тыльной стороне руки Лауры неподделываемую печать имаго-манаго РР.

— Он знал, знал, что ты придешь, не могла не прийти!

Ева вопросительно смотрит на нее. Лаура рассеянно представляет ей менеджера Рачинского, скользя взглядом по силуэтам и лицам собравшихся в «Кракатау». Это он? Не он. Или там — он? Он. Не он.

Они сдали плащи. Лаура прячет приглашение в сумочку, проверяет мобильник, натыкается на сигареты, здесь, естественно, нельзя курить, она сминает их, по-детски сжимая кулак против всего мира.

— Что говорят?

Манаго изображает рукой волну.

— Плюм, плюм, плюм. От триумфа до катастрофы. Колышемся.

— Ты всегда повторял, что решают первые полчаса.

— Гм… да, мы тебя ждали.

Лаура не понимает. Она должна вытышить, что тут что-то не так, но чувствует, что сама полностью выдает себя шартными матриками замешательства.

Она берет Еву за локоть.

— Говори! Что там? Что ты тышишь?

Что-то тут не так. Burial замедляет темп — так бьется сердце издыхающего левиафана фабрик и железнодорожных вокзалов. Уродливые солнца нагой электрики прожигают зрачки Лауры, она жмурится, глаза слезятся, и вокруг деревянных хитрин разрастаются волнистые ореолы мягких красок, ореолы, облака, перевернутые озера, все стоят с головами, погруженными под, то есть над их поверхностью. Лаура моргает, моргает.

— Ева! Что там?

Но Ева тем временем выскользнула из-под руки Лауры, скрывшись где-то в лабиринтах комхарта и светских водоворотах. Лаура отталкивает руку манаго, шагает между хитрин. Это он? Не он. Он? Он?

В итоге она прозевала момент, в котором опилки начинают ориентироваться в соответствии с магнитом — тяжелый стократный тых обрушился на нее, словно шквал на парусник. Лаура шатается, прикусывает язык, сжимает пальцы на

сумочке. Наступила инверсия всеобщего внимания. Они, может, не смотрят, но оборачиваются, наклоняются, настораживаются и тышат — Лаура это чувствует, у нее нет сомнений, — они все тышат отнюдь не арты РР, но ее, именно ее, остановившуюся на полушаге между одним и другим раскидистым комхом. Почему? Что случилось? Кто-то что-то сказал, дал им знак? Или все совершилось за счет матрик?

Нетота не понимает, нетота не знает. Она уже в панике ищет взглядом Густава, будто серна в свете фар посреди асфальта. Он? Он! Он!

Держит под руку Еву, следуя в кильватере ее бюста.

— …что придет…

— …как и обещал, не напишу же я вам эту чертову автобиографию за неделю…

— …но пришла, прошу любить и жаловать!

Пришла, пришла. Лаура невольно отступает на полшага, уходит еще глубже между кленовыми хитринами. Но он, он утышил ее безошибочно, для нее нет спасения. Он приближается на крыле Евы Химеры, подруги-изменницы, приближается. Густаво Рак-Рачинский: белая крестьянская рубаха, распахнутая на волосатом торсе, кожаные штаны рокера, на голове грива-буря, на

роже смотр мимических мышц, в лапе доисторическая пахмодия из козлиного рога. Опилки расступаются и снова петлями окружают магнит. Надвигающийся шквал почти прижал Лауру к хитрине.

Все они вокруг, в шуме угасающих разговоров, с бегающими взглядами, дышащие в ритме индустриальной меланхолии басов, все собравшиеся под высокомерными алтарями машин, — будто хотели выгрызть из нее легкое мозг сердце поджелудочную железу печень.

И все это изливается из нее открытым пахом, как всегда.

— Не ври! — отвечает ей Ева. — Ты сама хотела! Ты это обожаешь. Постоянно добровольно за что-то берешься — занятия со студентами, конференции, записи, переводы для официальных лиц. Чтобы не иметь возможности сбежать, заслониться от них.

Нет, нет, неправда! Она вовсе не хотела сюда приходить! Это Ева ее заставила, затянула силой-хитростью! Ева, проклятая Ева, которую подкупил Рачинский обещанием автобиографии эксцентричного гения, блефом внушила нетоте несуществующую дружбу, это все Ева. А я не хотела, не хотела!

Она задыхается, карнавально-лихорадочный пульс поднимается к голове, дрожат фалгующие мышцы, лицо и обнаженные плечи пугуют яркими глиссами, симметричными ее красному дярному платью. Если бы не явный абсурд, она бы сейчас втолмачила бы в себя тропическое возбуждение, эротическую малярию чувств. Но нет. Она лишь немо давится. Что, что, что это, что это?

А Ева, будто хищник, догрызающий уже истекающую кровью жертву, снова отвечает:

— Ты, ты, ты! Твоя душа на гинекологическом кресле.

Густав Рак-Рачинский слегка кланяется

(в психушке или в Лувре)

покачивая длинной костяной пахмодией, будто дирижер палочкой, перед всем своим тыховым оркестром, ближними и дальними архи-комхартами, чтобы завершить симфонический пассаж на лбу губах груди бедре Лауры. Раздаются несмелые аплодисменты, щелкают фото- и пахоаппараты, кто-то смеется, кто-то восторженно вздыхает, восхищенно шепчет. Имаго-манаго сияет, будто вступая на витражи. Дамы и господа, «Внутренний фронт»! У Лауры перехватило дыхание, она беспомощно повисла на ветви хитрины,

с по-лебединому поднятой головой глотая долгий густой оргазм. Ее узнали по матрикам.

Нет нет нет неправда она не хотела не она нет нет та темная личность из ее снов нет она нетная нет нет.

И вместе с тем она уверена, что никогда больше не испытает столь тотального просветления, такой чувственной редукции, ангельского переселения в полностью основанное на чужих чувствах эфирное бытие — вознесенная на алтарь зверей и богов, на грань внетелесного блаженства.

В застилаемых слезами глазах Лауры покачивается образ РР, который театрально опускается перед ней на колено, склоняет голову-краеугольный камень

(что бы я ни создал — гласк твоего паха в моем мозгу)

протягивает к Лауре руку жестом, для которого у нее нет названия. Нет названий, имен, словарей, нет языка, молчание забытых божеств запечатало ей уста. Что, что, что это? Переведи!

Сегодня или четыре тысячи лет назад. Для меня нет никакой разницы. Я переведу!

Не переведет. То, что ею овладело — не страх, не гнев, не стыд и не похоть, не ненависть и не

любовь, ни одна из данных человеку эмоций. Она поймет, переживет, но не выскажет, нет таких слов, нет таких чувств.

Которыми она сейчас непристойно пахует перед толпой незнакомых.

А они тышат ее

Массивно, по-мясницки, безжалостно, насквозь

— Рача…

— Только с тобой, Лау.

Она едва стоит. Сейчас упадет. Они растопчут ее. Съедят. Она не уклонится, не отскочит. Она едва стоит, повиснув на пустой хитрине, пурпурное пятно на фоне черного монумента перезрелой промышленности. Обильно кровоточа несуществующими страстями, истекая сновидениями, для которых нет слов.

В то время как левиафан города издает последние протяжные стоны.

Знатоки искусства вслух описывают друг другу Лауру, будто очередную мертвую инсталляцию, тотем из дерева и стали.

Женщина в простом белом платье подает ей бокал красного вина.

Теплая ладонь Лауры покоится на склоненной голове художника.

Старый Загрей поймал зверя и сотворил человека. Нетота произвела на свет — что?

Оно у нее на языке, на границе души, и она никогда этого не выскажет. Но — будь оно из тысячелетней древности или из неукротимого воображения Рачинского, настоящее или фальшивое, новое или старое — прежде чем она упадет, прежде чем ее сожрут — она в полной мере его осознала.

Линия сопротивления

Что если ценность всех вещей именно в том, что они ложны?
Что, если именно КО ЛЖИ И ПОДДЕЛКЕ сводится смыслополагание ценности, смысла, цели?
Что если в Бога нужно верить не потому, что он истинен, НО ПОТОМУ, ЧТО ОН ЛОЖЕН?

Фридрих Ницше

Креативность – вовсе не некая внешняя сила с тайными целями. Все реальные сущности имеют общую с Богом черту: их причина лежит в них самих. Вселенная, таким образом, есть творческое движение к новому.

Альфред Норт Уайтхед

Начало системы координат

Взгляни на ребенка — как он играет. Малыш, которому всего несколько лет от роду, радостно выбежал на лужайку, личико-солнышко, глазки-жаворонки, ему не сидится на месте, то туда, то сюда, цветочки, бабочки, собачьи кучи, старые жестянки и разноцветные камешки — все ему любопытно, все интересно, из всего произрастают чудеса, сказки, края приключений и сокровищ. Он скачет по камням, по облакам в небе. Качается на ветвях, над палубой корабля во время шторма. Следит за муравьями, войском хитиновых роботов, атакующих крепости из стекла и пластика. Взгляни. Если он один, ты этого не увидишь, но если вокруг другие дети, то увидишь и услышишь их игры, их театр, языки забавы, карты пантомимы, вторые и третьи миры. Здесь нет страха и нет алчности. Они никому ничего не должны — накормленные, умиротворенные, бессмертные, в безопасности. Вечно возбужденные тельца полны энергии. Они пробуждаются и засыпают среди нескончаемых неотразимых чудес. Взгляни!

Часть первая: Рабство
Холодный рестарт

Вторник. Но как будто суббота.

Зачем он сюда пришел? Собирался что-то купить. Забыл что.

Перед ним открываются королевства и державы. Закрываются и открываются.

Он сидит у фонтана посреди торгового комплекса, смотрит на красивых мужчин, красивых женщин. Рядом вход в салон тела.

Как так получается, что к врачам ходят больные, но к красоделам — именно красавцы?

Это ускоряется, думает он. И даже темп ускорения растет.

Что именно ускоряется?

Ему не удается подобрать слов.

Погруженный в изливающуюся людскую магму, он ощущает, как она трется о кожу, ощущает, как движутся и сцепляются между собой созвездия. Они искрятся вокруг — кристаллически, электрически.

Его зовут Павел Костшева, ему двадцать семь лет, он учится уже на четвертой специальности,

и ее тоже не закончит; он устал. Ему хотелось чего-то достичь, но он забыл, чего именно.

Он сидит у фонтана, шум воды несет утешение и покой, +20 % Comfort Buff.

Голова низко опущена, руки на коленях, ступни внутрь. Он крепко зажмуривается.

Но вынести непрекращающийся стук каблуков по зеркальным пластинам не в силах.

Он трясет башкой. Как это выключить? Все его утомляет. Такова жизнь, таков саундтрек.

Утром — визит к мозгоправу. Какие драги принимать, чтобы не приходилось принимать никаких драгов?

Мозгоправ постоянно настаивает на личных встречах, хотя клиника, естественно, покрыта. Но за самым тяжелым персонализированным гейджем приходится брести в перегное.

Как мы сегодня себя чувствуем? Несмотря на это больничное множественное число, Павел прилагает все усилия к тому, чтобы ответить максимально искренне. (Время от времени он задает себе упражнение: отвечай людям так, как если бы они в самом деле думали то, что говорят.)

Как сегодня себя чувствуем? Как сегодня себя чувствуем? Как себя чувствуем?

Он корчится на стуле у мозгоправа, будто от

приступа желудочных нервоболей. Пытается, пытается — но не может описать.

Он не знает, как себя чувствует.

Хотелось бы чувствовать себя каким-нибудь поддающимся описанию образом. Так или этак.

Он начал принимать порошки от депрессии, чтобы иметь возможность сказать, что у него депрессия. Депрессия — и все ясно. Простейший из возможных гейджей.

У него не депрессия. Он устал. Но это не когито эмо — это состояние энергетики.

Мозгоправ в любом случае не слушает его молчание. Результаты анализов у него в духе и на бумаге, он произносит формулы, подписывает.

Он не психотерапевт, он только сравнивает случай с методичкой.

Павел отмечает про себя, что нужно докопаться до этой методички. Там говорится, как чувствуют себя те, кому дают такой гейдж.

Он купил новую порцию еще в районной аптеке, четверть часа на персонализацию драгов, секунда на регистрацию их в публичной душе; так что в торговый комплекс он приехал не за этим.

Павел не помнит дорогу в центр города.

Часто повторяющиеся действия стираются из

его мозговых регистров. Ему приходится проверять, мокрая ли зубная щетка. Почистил ли он уже зубы? Или это лишь воспоминание — вчерашнее, позавчерашнее, месячной давности? Ужинал он или нет?

Как отличить один прием пищи от другого? Невозможно.

Мозг не вместит столько повторов.

Та же дорожка, то же место в ПЗУ — файл записывается поверх файла.

Вторник или суббота? Павлу приходится заглянуть в дух. Год и год, лето и лето, рождество и рождество. «Помнишь, как в июле семнадцатого…» Павел кивает, но, естественно, не помнит. (Может, сам выгейджил.)

Он даже не понимает, как можно так индексировать воспоминания: по датам, по часам. Его память не располагает данной функцией.

Капля к капле к капле, в голове пролетают потоки неотличимых друг от друга водяных пузырьков. Вода настолько чиста, что не оставляет ни малейших следов.

Он видит себя в витринах и зеркалах: фигуру вне игры. Ничего не происходит. Лаги и еще большие лаги.

Рядом присели двое бычков в тяжелых шаро-

варах.

Новая диалоговая дорожка (чат в паблике).

Зашибись, чо. Во, погляди. А, микруха? Семь сисек. Видал крайца? Крайца-яйца. Может, ту лизунью? Э-э-э. Может, этого? (И роются в объемистых карманах.) Хрень это все. Шлак. Хе-хе. Давай вон того. Будет. Ну так как? Смотри-ка, двойка вышла! Думал, это только демо. А! Есть уже, ножи, кишки, письки, все что надо.

Встали, пошли.

Шум воды и стук женских каблуков.

Они все ходят на очень высоких каблуках.

Флеш, реклама красоделов: ступни на новом скелете, кожа как после ретуши, ажурные ресницы, манговые ногти, груди на косметических мышцах.

Кто такое может себе позволить? Уже почти любой протео с улицы. А остальные и так им подражают.

Павел задает себе другое упражнение: пусть мне кто-то из них понравится. Сразу, с ходу. Он таращится изо всех сил.

Что с того, что они красавицы? Фракталы и уравнения тоже бывают красивы.

Хоть бы пол-эрекции.

Ничего.

Он зевает.

Может, все из-за этих драгов.

И — принимал он их сегодня или не принимал?

Павел не помнит.

То есть помнит, но воспоминание не проиндексировано. Сегодня? Вчера? Позавчера? Эти драги или другие?

Он достает флакон, читает листовку, пересчитывает таблетки.

(Но, пан доктор, почему не подкожно? Потому что вы сразу же забудете, что вообще проходите терапию, пан Костшева. Но, пан доктор, все проходят терапию. Таблетка, пан Костшева, повышает самосознание пациента.)

Пересчитывает таблетки.

Не принимал.

Он глотает две, в соответствии с предписанием, запивает водой из фонтана, 24h Blessing[82].

Появляется охрана и выводит его на улицу, за пределы духа торгового комплекса.

Идет дождь. Возвращающиеся из школы дети с криком гоняются друг за другом по невидимым лесам. Валькирии падают с неба. Ореолы

---

[82] Примечания: 82
Благословение на 24 часа (*англ.*).

Банды Троих прожигают стены и скелет. В небе — иероглифы политических астрономий соседних королевств.

Дети. Павел вспоминает, что у сына сестры день рождения.

Он собирался купить подарок, вот зачем.

Купит завтра. Или из дома.

Он записывает у себя в духе.

В метро его умиляет вид двух опирающихся на трости старушек. Он едва не рыдает. Что это за гейдж долбаный?

Поезд сворачивает на простор, под голубое небо.

Биржа вгоняет Павла в тоску, партии он не различает, войн не понимает. Внутренний ветер королевства толкает его к кражам, изнасилованиям, убийствам.

Только теперь до него доходит, о чем договаривались те двое в торговом комплексе. Такая мода: приличный прохожий, тот или этот, без причины, без цели, без смысла — попадется на глаза, и нож в спину.

Но парнишек отвлекла реклама какого-то нового рубилова в духе.

Настоящее убийство — не совсем настоящее. Наши старые биолочувства — реализм на чет-

верть свистка.

Поезд метро останавливается, и Павел замечает, что прозевал свою станцию. Старушки вышли.

Который час? Три шестнадцать.

Есть ему вообще сегодня, завтра, послезавтра, чем заняться?

Стоя на пустом перроне, он изо всех сил пытается что-нибудь придумать.

Жизнь. Которой как бы нет.

Новая бухгалтерия

Павел пьет пиво на крыше каменного дома. Звездное небо надо мной, «живец»[83] во мне.

Здание слева: стекло. (Не стекло, но выглядит как стекло.)

Здание справа: кирпич. (Не кирпич, но.)

Здание напротив: дерево. (Дерево! Новенькое.)

На крыше Павла гадят голуби и растет между черепицами сорная трава.

Ветер разносит сажу из дымовых труб. Сточные канавы смердят дождевой водой.

Дом уже полвека принадлежит троим поссо-

---

[83] Примечания: 83
Популярная марка польского пива.

рившимся братьям и не принадлежит никому. С ним ничего нельзя поделать. Такой вот бомж, извлеченный из глубин ПНР и посаженный посреди города.

Город каждый сезон меняется. Дом — нисколько.

Дети рисуют на потрескавшейся стене тэги и непристойности.

Дом номер четыре, «Старуха», двадцать шесть квартир, роскошь сверх меры, пусть дерево прячется от стыда. Здесь крошатся в руках кирпичи, которым больше ста лет.

Павел снимает холостяцкую квартирку у тетки старого приятеля по маркетингу и соцтейнменту (давно уже выплеснутого из созвездия). На оплату уходит большая часть его расходов.

Потому что все дешевеет.

Не все, но все, что можно взять в руки.

Доктор Кто показывает Павлу будущее рантье. Месяц назад это были 1542 дня, сегодня — 1873.

Простая экстраполяция: через год ему уже хватит на шестнадцать лет без работы. Предполагая нынешний уровень жизни.

Естественно, нынешний уровень предполагать нельзя. Весь кайф в том, чтобы желать больше, больше, больше.

Он не желает. Ибо зачем?

Павел сидит на крыше и пьет под музыку ночного города, All Resists[84] — 15 %. Свободной рукой сплетает из сорняков корзинки, венки, косички. Soundtrack off[85].

Иногда на крышу выходит француз из пятнадцатой, инженер снов. Они болтают о ценах на недвижимость в Минас Тирит и рецессии в Стране Чудес.

Сегодня только город шумит в ушах.

В светящихся каньонах между зданиями парят фосфоресцирующие акулы.

Павел выбрасывает бутылку (которая разбутылится еще до того, как коснется мостовой) и открывает следующую.

То были четверть часа тяжкого труда.

Он не хочет, не планирует, не жаждет — но мозг продолжает работать.

Работа — то, что рождается в его мыслях, когда он не думает о работе.

Теперь он поочередно ставит галочки напротив решенных проблем.

Ему удалось даже создать новую разновидность

---

[84] Примечания: 84
Все сопротивляется (*англ.*).

[85] Примечания: 85
Саундтрек отключен (*англ.*).

грусти: немного корицы, белый волос на ветру, повторяющаяся басовая нота и дыхание невинного мальчика.

Он мысленно оценивает общую прибыль в сто-двести миллионов. Новые потребительские ниши, новые тренды. Гейзер должен продать эту грусть за десять-пятнадцать процентов.

Дальше подсчитывается само. Комиссионные. Поводок.

Далекий гул города — будто похмелье после оргии в голове.

Клик-клик-клик, шевелит черепицу ветер.

Это ускоряется.

Павел сидит неподвижно с «Живцем» в руке и таращится в небо. Ему кажется, будто он видит лаги, срывающие с места облака, звезды, уличные огни.

Он дышит через нос.

Ладно. Ведь это всего лишь жизнь. Ладно. Начну еще раз. И начинает: я мог бы — ммммммм… Продолжения нет.

После работы он устал. Уставшим он был и до.

Он устал.

Павел пьет пиво.

Справа — зеркальное движение. Балкон на четвертом этаже кирпичного дома. Мужчина

подносит ко рту чашку. Павел опускает бутылку. Мужчина опускает чашку. Павел таращится на него.

Мужчина таращится в ответ.

Павел кивает.

Мужчина кивает и поднимает руку.

Они приветствуют друг друга в духе, обмениваются улыбками, представляются. 10min Social Bluff.

Адриан Утралт.

Павел.

Пан Утралт.

Пан Костшева.

Он не переходит на «ты». Павел отставляет «Живец», Адриан Утралт, 48 лет, королевство Нокиа-Пендерецкий, Глазго, Краков, Сидней, Буревала, позавчера перебрался из отеля, страховка душ, АКГ Лимитед, петро, протеосексуалист гетеро, а это сестра, а это мать, а это друзья, а это созвездия, а это он сказал, а это сделал, а это о нем говорят, а в этих людях он живет, а эти люди живут в нем, а так он развлекался на свадьбе сестры, а так болел, а так думал, и вероятность, что он понравится — не понравится — понравится — понравился.

Книги.

Музыка.

Игры.

Еда.

Они уже познакомились.

Утралт приглашает в сердце.

И вот так мне предстоит начать? — думает Павел. — С нового соседа?

Он прячет Адриана Утралта в карман, забирает пиво и спускается с крыши.

В квартире колеблется между гейджем и гейджем.

Неуверенность — приятное состояние. Он ложится на кровать, все так же колеблясь.

Павел дышит.

Дышит.

Дышит.

Он ждет забытья, мгновения, когда долговременная память оторвется от кратковременной, консолидации прошлого. (Под рукой всегда ингалятор с забывайкой, ингибитором ПКМ-Зет.)

Шум ночи в голове. Пустота.

Павел представляет себе человеческую жизнь как фазовое пространство всех возможностей души и тела. Человек абсолютно свободный в нем неотличим от человека абсолютно пустого: без качеств, без характера. Каждый поступок и

каждая мысль одинаково вероятны.

Размазанный ровным слоем. Вот что это.

Он лежит без движения час.

Другой.

На третий час встает, идет в туалет, мочится.

Потом ложится снова.

Засыпает в одежде.

Просыпается.

Сухо в горле.

Он идет выпить воды.

Утреннее солнце шелестит на занавесках. Открыли Атлантиду. Будто ковер стелются зеленые пастбища.

Павел медленными долгими глотками пьет минеральную воду. Вода кажется ему очень вкусной.

Он пытается вспомнить, принял вчера таблетки или нет.

Вчера? Позавчера? В другой день?

Вчера — то есть когда?

Дух тянется к карману.

День, когда он познакомился с Адрианом Утралтом.

Ага.

Рабочая этика

Слишком много игр, слишком мало книг. Письменное слово, мысли, идеи — лучшее удобрение.

С другой стороны — слишком много времени в кресле.

Выйти, напиться, нагейджиться, выплеиться, вышляться, выбеситься как собака.

Экстремальный спорт — о, рекомендую, рекомендую!

В самом деле, Павел, ты погряз в работе. Когда ты в последний раз дал кому-то по морде? Когда трахнул киску на кооперативе?

Или хотя бы какие-нибудь уличные проказы. (За что мы платим вам ежемесячные попугайские?)

Будь молодцом, бери от жизни все! — заводится Шеф.

Только первая молодость задаром! За последующие надо платить.

Жрать и срать, жрать и срать!

И все это на фоне квартального отчета.

Павел забавляется четырехмерными тенями и вежливо поддакивает.

Это тоже ошибка. На поддакивающих смотрят

косо, поддакивающие — вчерашний день. Сегодня в моде эксцентрики.

Но мы сидим в бизнесе завтрашнего дня, для нас сегодня — это вчера.

Чего мы хотим? — Шеф уже завелся. — Мы хотим, чтобы вы нам говорили, чего мы хотим!

Не делай того, что я тебе говорю, — говори, чтобы я делал!

Зарази меня!

Соблазни!

Похить!

Изнасилуй! Изнасилуй!

Павел вежливо наливает шефу минеральной воды «Перрье».

Коммерческий директор: маорийские татуировки, бодимоды до костей, языческие аватары и черные бубны на саундтреке.

(Но — вы первая, пани Кшися. Целую ручки. И подсовывает стул седоволосой ассистентке-петро.)

Прошлой весной, во время питчинга проекта, он так начарджился, что выпрыгнул в окно, переломав руки и ноги.

Когда-то он совершал долгие паломничества в Ченстохову, но потом у него пропало желание.

Теперь он организует оргии у костров в ночь

Купалы и поставляет сертифицированных девиц из муслимлендов. Про это есть в публичной душе. Благодаря ему живут подростки Гордоны Гекко и протео-садисты королевств Рейгана.

Тадеуш Пекельный.

Обычная усмешка в коридоре фирмы: что, припекло тебя?

Павла именно сейчас припекает.

Он сидит и думает: а что, если бросить работу? Если встать и уйти? Если плеснуть ему этой «Перрье» в морду?

(Наверняка Пекельный был бы в восторге.)

В духе диснеевские птички развешивают цветные гирлянды на стенах кабинета.

Вздох.

А Шеф все едет дальше. Бла-бла-бла, бла-бла-бла, бла! Тэги: Businesstalk, SincerelyYours.[86]

Павел смотрит на него с традиционно тупым выражением лица. (Которое все равно никого не обманет.)

Пекельный появился в Гейзере Чудес после прихода зулусов. Африканские компании — теперь главный рейдж. Кто и где видел в евролендах рост ВНП перегноя на полтора десятка процентов,

---

[86] Примечания: 86
Деловой разговор, Искренне ваш (*англ.*).

сон Бальцеровича[87]? А зулусы жрут.

Бизнес держится на модах, как и все прочее.

И холдинг креативщиков, проглотивший Гейзер еще в пеленках, надумал вцепиться в зулусов. Приехал петро-масай, полазил везде, посмотрел, пощупал секретарш, пожонглировал кадрами, подбросил портфолио клиентов и уехал. Теперь заглядывает каждый квартал.

А в рамках того жонглирования он выдернул из другого отделения холдинга — кого? Пекельного.

(Который как раз перепрыгнул через стол и щиплет Павла за щеки, ах ты мой сладенький червячок, ти-ти-ти.)

Павел распознает две разновидности бизнесменов: бандитов и фермеров.

В отличие от вестернов, первыми приходят бандиты. Именно из них состояла первая бригада капиталистов, открывавших овощные ларьки и валютные обменники, торговавших контрабандной водкой и стройматериалами.

Фермеры приходят, когда уже видно, что земля плодородна и урожай хорош. Они не рискуют.

Первые должны быть слегка сумасшедшими.

---

[87] Примечания: 87

Лешек Бальцерович — польский экономист и политик, организатор и идейный вдохновитель польских экономических реформ 1990-х годов.

Они редко бывают умны. Ум им мешает.

Вторые — о, это фулл-менеджеры и общество «Менса», степень МБА и гормональные бустеры.

Но бандиты первого посева — это компания оригиналов. Павел познакомился с полутора десятками таких, теперь уже дедушек, готовых отдать собственные потроха за медмоды. Некоторые — явные кретины, другие — тупицы и придурки с social skills ниже нуля.

Пекельный — бандит в одеждах фермера.

Он слишком поздно родился. Но корпорация умеет распоряжаться такими поздно родившимися. Для них есть титулы, должности и учебники по экстремальному менеджменту.

Шеф возвращается за стол и одним глотком выпивает воду. Слоны машут ушами, аллигаторы закрывают пасти. Африка переводит дух.

И все же от тебя будет польза! (говорит он, бла-бла-бла). У тебя депрессия, Павел, я прекрасно это понимаю. Какая-нибудь ностальгическая тоска, замешанные на скуке цайтгайсты и смысл жизни в тонком кишечнике. А мне сейчас нужен тормозной.

Жестом Зевса-Громовержца Шеф бросает в духе Служебное Поручение.

Павел не стал уворачиваться.

Пойдешь к Бартеку. Он сейчас выступает со спичем. Команда в полном составе, уже набрали кретинов. Встанешь рядом.

Мне что, через плечо ему заглядывать? Кисло будет.

А кто, если не ты? Вы тут временами трудились за двойной оклад, он кружил вокруг тебя, будто слепой сателлит, ты его крестил под Гейзером.

Но. Это не моя роль. Вот так, с бичом над головой.

Пекельный снова зевсует, гром из глотки, небо в кулаках.

Слушай меня! Огонь в человеке гаснет и загорается — но опыт ведь ты не потерял. Стену ты увидишь прежде, чем в нее долбанут.

И снова швыряет огненный зигзаг.

Павел гейджится вазопрессином и хватает уже на лету — молнию, мысль и Поручение, +1 Action Speed[88].

А! Юристы выкрутили тебе руки. Я должен хорошо выглядеть в документах. Показать, что был надзор.

Ты должен хорошо выглядеть в документах. (С твоей РЕПУТАЦИЕЙ!) Но это не какая-то чушь. На

---

[88] Примечания: 88

+1 Скорость к действию (*англ.*).

удочку клюнул кит.

Саундтрек: нарастающий грохот там-тамов. (Приближается чудовище.)

Вот так сюрприз. Понижение через повышение. Повышен понижением.

На пороге его успевает настичь последняя мудрая сентенция шефа: что тебе нужно, Костшева, так это приличная пагубная привычка. Павел пожимает плечами. Приличная — это как?

От водки или прочих натуральных драгов можно без труда увильнуть после генолечения и нейропромывки. Табак нам вообще не вредит. Сексоголиками мы должны быть с колыбели. Гейдж приходит и уходит. А за трудоголизм только похвалят.

Легко не выйдет. Тело, физиология — уже не справляются. Нужно самому.

Под руку с этой мыслью он направляется к социальному аттрактору. (Пирожные и кофе, кокосы прямо с пальмы, подсолнечник прямо из сада.)

Туземцы все понимают по его физиономии.

Припекло?

Припекло.

Наш человек

Вошел.

Соображаешь, Павел? Соображает.

Сел, втиснулся в дух, зевнул. Agro —100.

Главный плейграунд Гейзера напоминает логово разврата, адаптированное под детский сад. Где хочешь — садись, где хочешь — ложись, где хочешь — развлекайся.

Формальный неформализм рассчитанного релакса. В духе и в перегное. Пестрота стен и трендов.

Если не запереть голову, в сны ворвется помойка вселенной.

Компашка в углу собирает робота Лего. Он будет вспарывать бензопилой плюшевых мишек.

Кшися читает пейпербук, по уши в ботановском гейдже — вся в тэгах.

Кровавый Гегемон, по-прежнему одноголовый, похрапывает в тени пирамиды Хеопса. (В Египте идет дождь.)

Парочка возле пластола обжимается, то и дело хихикая. Но при этом вывешен флаг БДСМ.

Павел мечтает о заседателях в деловых костюмах за столом из черного дерева, о жестком

порядке петро. Ах, те чудесные времена, когда корпорации были корпорациями, и отчужденность плыла гектолитрами по стеклянным коридорам!

В духе он раздирает на себе свитер и взрывает жилет с самодельными бомбами. (Agro +5000.)

Никто не обращает внимания.

Он будет сидеть в углу и мочить ноги в горячей воде Гейзера, играя с пузырьками, чертиками, привидениями, духами.

Кретины в команде Бартека — Идзя, Мордатый и двое Томеков (Томек Маленький и Томек Самый Маленький).

Мудрость группы: чем шире разброс, тем вернее решения. Созвездие трех экспертов проигрывает созвездию трех экспертов и семи дилетантов. Почему на свободном рынке акций, залогов и деривативов миллион кретинов плюс тысяча профессионалов всегда побеждает одних только профессионалов? Именно поэтому.

(Надпись над лифтом на шестом этаже Гейзера: ГРУППА УМНЕЕ САМОГО УМНОГО ЧЛЕНА ГРУППЫ.)

Вдобавок в котлах креатива речь идет не о знаниях или интеллекте, только об изобретательности. А где бьет источник идей в коллективном

воображении — этого никакому Юнгу не обнаружить.

Кретинов нанимают на сезон, потом они становятся слишком умными. С их головок спадает ореол невежества. Эти сидят в Гейзере уже пятый месяц, им довелось работать в двух или трех проектах Павла.

Идзя строит ему глазки. Сотрудники обмениваются порноснами.

Тем временем…

— Дамы! Господа! И вы, сладкая парочка!

Бартек уселся на лошадке-качалке.

Началось.

Зевота.

Саундтрек: шум товарных поездов ночью на дальних путях. Сирена. Эхо. Город как сон Бегущего по лезвию.

Подмигнув в приватном духе Павлу, Бартек начинает презентацию по истории макроэкономики. Никто не притворяется, будто ему интересно. Нужно их завлечь.

Скачок к спекуляции недвижимостью.

Скачок к анархосиндикализму.

Скачок к делу Лавринской.

Все слушают и смотрят, но по ним не видно.

Бартек набирает в грудь воздуха. Будем поль-

зоваться термином «cake-state»[89]. И рисует в воздухе.

Теперь главная идея. Пристегните ремни.

Лавринская, казус постхумов. Петроскопцы, сидящие на якоре в экстропистических клиниках Калифорнии, потребовали международного признания. Их Лавринская республика не владеет ни единым квадратным метром земли, зато владеет континентами и океанами духа. Оттуда ведут деятельность несколько десятков корпораций (радостных королевств), ежегодная прибыль которых оценивается в семьдесят-восемьдесят миллиардов евро.

Казус: плавучие мини-государства рэндистов. Конец двадцатого века, начало двадцать первого. Их создавали на старых буровых платформах, на рифовых островках, на выкупленных танкерах. Законы суши простираются на двести миль от берега. Двести одна — и ты обрел независимость.

Собственные уголовные и гражданские кодексы. Собственные системы правления. Собственные идеи.

Что угодно. Каннибализм. Рабство. Свободный рынок. Демократия. Тирания. Теократия.

---

[89] Примечания: 89
Государство-торт.

Анархия.

Но в материи труднее. Материя ограничивает.

Государство должно существовать на определенной территории, должно обладать пространством суверенитета.

Посмотрим теперь на плей.

Больше земли Господь Бог не сотворит.

Океаны тоже закончились.

Космос — слишком дорого, а низкие орбиты уже милитаризованы.

Но какова была причина последнего краха на рынке недвижимости?

Пространство для жизни и игры растянулось до бесконечности, цены стремятся к нулю. (Не в точности к нулю, но мы понимаем.)

Так вот, никакие не кибер-идеалы, не Технологические Диковинки и сатанинский Искусственный Интеллект, но лишь простой экономический расчет выталкивает нас из перегноя в дух.

Что нужно, чтобы основать в духе собственное государство?

Требуется гарантия его физического существования. Государство духа должно обладать по крайней мере собственными учредительными серверами.

А серверы подчиняются законам государства

материи.

Отсюда и the cake-state.

И Бартек рисует перед детворой Гейзера:

торт

слои реальности и слои закона, слои экономики

Государство 01

на нем Государство 02

на нем Государство 03

на нем Государство 04

Высота этого торта потенциально бесконечна.

Кшись поднимает лапку. Как защититься от драки с уровнем ниже?

Бартек снова возвращается к казусу Лавринской.

Делается так: основываешь Государство 02 на законах любого Государства 01. Это Государство 02 все еще будет марионеткой Государства 01, оно не имеет реальной автономии. Выбирая начальное Государство 01, руководствуешься степенью гарантированной экономической свободы. Когда у тебя появится достаточно большой бюджетный резерв, положительный баланс торгового обмена с Государством 01 и гарантированные внутренние контракты, находишь другое Государство 01, с ВНП на порядок меньшим, чем у твоего

Государства 02. Постепенно переводишь свое Государство 02 на серверы Государства 01-бис. Делаешь его экономику зависимой от своей и получаешь над ним контроль. Государство 01-бис под твоим давлением вводит закон, переводящий исполнительную, судебную и законодательную власть на уровень 02. Одновременно окончательно покидаешь Государство 01. Государство 02 полностью интегрировалось с Государством 01-бис. На нарисованном торте самым толстым стал второй снизу слой.

Тот же алгоритм можно применить к Государству 03, Государству 04 и так далее.

На чем зарабатывает наш клиент? Наш клиент выкупил патенты духа (несколько сотен мега для Скеута-Ред) и будет продавать стартапы Государств 03.

Среди всех возможных Государств 02 нас интересует то, главной идеологией которого будет абсолютная свобода создания Государств более высокого уровня.

А для нас здесь разница между вторым и третьим, четвертым или седьмым слоем торта носит чисто условный характер.

Хочешь дом — идешь к посреднику по недвижимости.

Хочешь киску на ночь — заходишь в социал.

Хочешь ребенка — стучишься к посреднику биоло.

Естественно, девяносто девять процентов этих гаражных государств падет в первом же бюджетном году. Или будет бесконечно вертеться на пустом содержимом, чисто ради потехи его основателей.

Не будем беспокоиться по этому поводу. Не наше дело.

Кровавый Гегемон ковыряет пальцем в ухе, аж звенят его висячие сады.

Ну хорошо, уважаемый, но что, собственно, мы должны создать для клиента? Идеоло? Симпатичное личико для публичной души? Религию государственности? Плагин для королевств?

«Купи сыну государство на день рождения!»

Бартек выплевывает облако данных.

Клиент уже щупал таргеты. Глядите, ребята.

Мы глядим. И оказывается…

Не нужно ничего закачивать, это все уже сидит в людишках. Поколения тренируются уже полвека, с «Фармвилла», с «Цивилизации» и «Симсов», и еще раньше, с первых «Героев», первых длинноволновых стратегических игр.

Они теперь даже не заметят перехода.

Бартек разводит руками.

Они создадут себе государство, поскольку уже раньше создавали себе тысячи государств, тоже в духе.

Это последний шаг, замыкающий континуум от экономики материи до экономики духа.

Просыпается вьетнамец из компании убийц мишек.

Вкусно. Известно, где он кончается? И стремится ли он к равновесию? Какому?

Что ж, это искусство поднятия самого себя за волосы.

Анушка, русалка Бартека, проводит доказательство в паблике. Пространство для развития Государств 01 ограничено, в то время как пространство для развития Государств 02 и выше бесконечно. Соответственно, в будущем человечества неизбежно наступит момент, когда все Государства 01 и вообще вся Земля, весь перегной и биоло, перейдут в экономическое владение таких раев духа, основанных на стартапах нашего клиента.

Нас купят наследники гильдий RPG[90] и хит-

---

[90] Примечания: 90
Ролевые игры (*Role-Playing Games*).

рых NPC[91].

Это столь же несомненно, как ледниковый период и красный гигант. Только насчет даты можно поспорить.

Впрочем, ничего нового. Павлу все это знакомо из фантастики, сам видел в шляях. В своей гильдии и своих кликах, и в чужих тоже.

Только до сих пор недоставало юридического софта для подобной интеграции. В течение многих лет он являлся святым Граалем тоталитарных гильдий и вертикальных альянсов.

Павел из любопытства заглядывает в файлы поглубже. Исходный код клиент, естественно, не откроет, но даже в наглядных материалах от математики всей этой юридической машины голова идет кругом. Ее явно породили тайные семиотические генетики, отдельная эволюционная ветвь искинов.

А Кровавый Гегемон все повторяет вслух: Бартусь, сладенький, что тут для нас?

(Бартек пылает ацетиленовым пламенем, непоколебимый первопроходец, зелот перед язычниками, это первый его самостоятельный проект.)

---

[91] Примечания: 91
Неигровые персонажи (*Non-Player Characters*).

Не понимаете? Этот контент требует упаковки во всех модах.

Какие государства более сексуальны? Какие конституции лучше носятся? Какую налоговую систему и какой уголовный кодекс связывают романтические отношения?

Моджо:

Гитлер недели

Чингисхан месяца

а сколько государств сегодня покорил ТЫ?

Павел теперь понимает осторожность Пекельного. Трудно предполагать, что у старых держав — снизу торта, ноль один, ноль два — не сработает оборонительный рефлекс.

Государства петро — Республики Польши, Вашингтоны, Брюсселя, Газпромы — можно всегда обыграть в созвездиях. Политика — область астрологии, она рождается из движения звезд на небе. Достаточно созвать знакомых. Правительство мы выбираем, чтобы оно администрировало — наш или их, лучший или худший BOFH[92].

Но королевства?

Они будут защищаться. Не тайными агентами, не налетами и миллиардными исками.

---

[92] Примечания: 92

Ублюдок-оператор из ада (*Bastard Operator From Hell*).

Нет. Они наймут своих креативов. Нас ждет последняя атака биоло, RvR[93].

(Фанфары.)

Потом Павел ловит Бартека в привате.

Как это вообще на нас свалилось? Масай в зубах принес? Ведь это глобальный пуш, работа для Лондона или Нью-Йорка.

Удивление. Он что, не заглянул под самый низ? Пусть заглянет, пусть заглянет. Кто клиент.

Павел роется в файлах. (Движениями обдолбанного коалы.)

И оказывается. Наш человек: ФАТАГА.

Массовый шантажист

Павел вышел в парк на ланч.

Зелень. Солнце. Птички. Сандвичи с луком. Запах травы. Маленькие дети. Петро-эко.

Саундрек: Astronomy Domine, «Пинк Флойд».

А теперь, уважаемые, в течение четверти часа мы будем совершать размеренные движения челюстями и сокращать мышцы пищевода.

Состояние души: думаешь о физиологии питья,

---

[93] Примечания: 93

Королевство против королевства (*Realm versus Realm*), разновидность компьютерных игр.

а поскольку думаешь, то давишься малейшим глотком чая.

Павел мысленно делает ставки, кто из детей первым расплачется. (В перегное всегда плачут.)

В таких вот обстоятельствах природы…

Рядом присаживается киска.

Ножки, сиськи, личико, мням.

Мы едим. Делая вид, что не обжигаемся.

А тут солнышко, а тут дети… Чик-чирик.

Киска: Павел Костшева, шестнадцатого марта прошлого года возле подъемника в Закопане участвовал в драке, потерпевший не обращался с заявлением, сломанная рука и отбитые почки, до пяти лет без отсрочки.

Павел закашливается, 5s Stun Effect[94].

Киска гонит дальше: Павел Костшева, второго августа три года назад, пляж в Ла Кала де Михас, приобрел нелегальную технику когито на сумму в тысячу семьсот евро.

Павел сглатывает.

Ладно, хлестнула меня по морде. Но те драги и тот хер Крабинский на лыжах? Откуда?

Неужели такие вещи плавают в публичной душе? Не может быть. Никто не знал. Ла Кала де

---

[94] Примечания: 94
Пятисекундный эффект ошеломления (*англ.*).

Михас даже опылена не была. Никто не знал.

(Диалоги.) Чего хочешь? Как это чего? Это шантаж. Пойдешь со мной к чарджовке под платанами и заправишь мне машину на все, что у тебя на счету под дневным лимитом. Шантаж? Шантаж. Почему я? Откуда ты вообще меня вытащила? Не ты. Это массовка. У меня таких по нескольку за день. Идем. (Павел продолжает жевать хлеб.) И что, все платят? Нет. И вторых попыток не бывает — на вторых попытках дурни палятся: новые контакты, сбор выкупа, торговля доказательствами, а там уже и полиция из-за кустов тут как тут. Все должно быть за один раз, врасплох, минут за пятнадцать-тридцать, и никаких повторных встреч. Небольшие суммы, опт. Мы проверяем каждого. Достаточно закинуть сеть. Выбери наугад сто человек, просвети до костей — и можно преуспеть. Вбей себе в башку: с грешками легче всего, мы их вылавливаем из духа во множестве, пластиковая дешевка по три гроша. Мало кому нечего стыдиться. Заплатит — окей. Не заплатит — пускаем анонимный донос. Его выбор. Ну так как? Но откуда ты обо мне такое знаешь? Не думаешь же ты, будто я тебе скажу!

Павел очарован.

Я ведь тебя найду. Я тебя вижу. Ты плаваешь

где-то в паблике. А парк покрыт.

И что? (Киска эмотирует IDontGiveAFuck.) Будет оно того стоить?

Павел очарован. Подобный способ заработка кажется ему столь старомодным, столь рискованным… Он больше говорит о жизненной ловушке шантажиста, чем все грехи жертвы о жертве.

Павел пристально смотрит на девушку. Какая темная сила толкает ее к этой русской рулетке?

Недалекое королевство, очи Коррины, волосы Анны Тенейры, рот Мико-Ино, грудь из «Ацтекской ночи», ноги стандартной Барби, руки Сен-Лорана. Бордовая блузка «Night in Rome» и шорты Али Агджа. А эта серьезно-ироничная улыбка — Роллс-Ройс.

Какая темная сила? Деньги? Нет. Не может быть.

Тебе в самом деле нужны деньги? Сколько?

Она показывает ему в духе большие часы на башне ратуши и ставит железную стрелку на без двадцати двенадцать. Будешь еще тянуть?

Павел идет с ней к электрической заправке под платанами и заправляет ей БМВ за 20К. Шантажистка уезжает.

Затем он отправляет ее запись в платный ресерчер. Илона Роза, тридцать пять лет, промыш-

ленный дизайн, разведена, разведена, бездетна, протео & протео, а это отец, а это бывший, а это созвездия, а это сказала, а это сделала, а так занималась сексом, а так шлялась — драматическая посредственность.

Что такого скрывает Илона Роза в приватной душе?

Лишь вернувшись домой и лежа неподвижно под слепым потолком, Павел догадывается об источнике успеха массовых шантажистов. Их Первого Расчета.

Раз они откопали мои грехи — тем более знают, что я заплачу и не рискну обращаться в полицию.

Не из-за страха.

Не из расчета.

Не для святого спокойствия.

Они меня видели. Как я лежу тут с подрезанной волей. Изо дня в день, из ночи в ночь.

Господи.

Сколько же нас.

Если возникла целая индустрия.

Деревья, искалеченные ради свежей смолы. Стоят неподвижно, смола стекает золотыми каплями. Достаточно протянуть руку. У кого есть сила и воля. Ходят и собирают.

Зачем им скрываться? Они уже привыкли. Золото течет густой струей в раскрытый рот. Итак, я знаю. И что мне теперь делать? Ничего.

Текущая степень напряжения силы воли в Европе (города и пригороды)

Например.

Я проснулся. Хочу встать.

Хочу встать. Что это означает? Бывает так, что я хочу встать, но не встаю. Ибо если я встаю, то уже не «хочу»; вот, я встаю. Встал.

А тут — нет.

Хочу.

Где граница? Что отделяет «хочу» от «делаю»?

Что за странный буфер намерений? Не тело.

Не физическая немощь.

Не недостаток силы воли. (Ибо я ХОЧУ!)

Так почему же я хочу, но не встаю?

(Хочу, но не работаю. Хочу, но не иду. Хочу, но не ем. Хочу, но не говорю. Например.)

Даже только на миг, не секунду, долю секунды.

Как назвать ту среду, которая оказывает мне сопротивление?

Для пловца это вода. Для дождевого червя — земля. Для иона — электромагнитное поле.

А для силы воли — что?

Что-то. Противохотение.

Ноленс.

Как измерить плотность, напряжение ноленса?

Изменяется ли оно во времени? В пространстве?

Существуют ли люди с врожденным меньшим и большим показателем ноленс-трения?

И как его формировать? Как уменьшить?

Хочу встать.

Не встаю.

Не встаю.

Не встаю.

Встаю.

Именно ЭТОТ момент! ЭТОТ интервал! Это нечто промежуточное!

Миллионы людей. В домах. На улицах. На работе. В каждом мелком поступке. Прежде чем они что-либо сделают — напряжение, нажим, давление. Как прокол в невидимой пленке. Чтобы осуществилось действие. Поднялась рука.

Из года в год для этого требуется все больше силы воли.

Ноленс сгущается.

Мы вязнем. Как в меду. В жидкой резине.

Хотим, хотим, хотим, но нас не пускает.

Мы лежим, глядя в потолок. Сила воли стекает на пол по линиям наименьшего сопротивления.

Thus came the days of boredom murders.[95]

Пожизненное

Ежедневно:

Он спит до полудня. Или до двух. (Различия в цикле зима-лето.)

Прежде чем встать, плавает в духе по миру.

Или: сидит на унитазе и плавает, испражняясь.

Вместо завтрака пьет травяной чай, минеральную воду, фруктовый сок. Если не сгейджится, не чувствует голода до вечера.

Или ему нужно что-то сделать. С кем-то встретиться в перегное. Поговорить.

Тогда он выходит на улицу.

В том числе и затем, чтобы потолкаться среди людей. Ведь они могли бы тоже не выходить. И тем не менее. Такая мода, все еще.

Иногда в Гейзер. Иногда в универ. Иногда в бассейн.

---

[95] Примечания: 95
Так настали дни убийств от скуки.

Если он открывает социал, и в городе клеятся созвездия с геотэгами, то отправляется по градиентам плеев и шляев — книг, фильмов, музыки, игр, чужих жизней; изредка — секса или психических модов; никогда — политики, спорта, бизнеса.

Если не открывает и не выходит, то может весь день плавать в духе и потом не помнить, где плавал, в чьих душах. Либо шляться в одиночестве и тоже забыть.

А даже если и помнит — вдыхает забывайку и память не конденсируется.

Иногда по недосмотру случается, что он работает.

Ест на балконе или на крыше.

Спит до полудня. Или до двух.

Каждую неделю:

Во вторник та́щится к мозгоправу.

В среду и четверг у него забиты стрелки с Бандой Троих, обычно где-нибудь в восемнадцатом или девятнадцатом веке.

В четверг — иногда — он заглядывает в библиотеку. Пейпербуки — гантели для ума. (Такой гейдж.)

В субботу и воскресенье он порой заходит в локальные шляи. Там у него дети, внуки, правнуки,

огромные семьи, земные и неземные, истории, легенды, проклятия; он был кандидатом в Сейм, строил коммунизм и капитализм, лечил прокаженных. Политика самоуправления давно уже стала единым целым с помеченными геотэгами шляями, общинами и районами правят клики, рожденные в Атлантиде, на Диком Западе или в арабских сказках. Они светят на небосклоне от улицы до улицы.

А если кайфа чересчур — он тянется к ингалятору.

Во вторник тащится к мозгоправу.

Каждый год:

Зимой он болеет. Мрачное небо, грязный снег. Не помогает даже самый тяжелый гейдж, приходится литрами жрать эндорфины.

Весной он вступает в новую триаду или по крайней мере моногамный социал. Силой пробиваясь на чужие орбиты.

Примерно в мае-июне он отбывает из города.

Осенью записывается на новую специальность.

На праздники и прочие семейные события ездит домой, в деревню. Календарь заканчивается запахом жареного карпа и вареных грибов.

Зимой он болеет.

Каждую жизнь:
Что ж, он жив.

Сынок

Почему ты не ешь? И свежее молоко, прямо из-под коровы! Здоровее не бывает. Вас там в городах!..

Павел не скрывает улыбки. Нас там в городах.

Он ковыряет вилкой в наваленной на тарелку горе дымящейся яичницы, мегатонны холестерола и вредных жиров. Строит в этой яичнице стены, рвы, острова, реки, автострады.

Ешь, ешь!

Возвращение к старым плеям: деревня и город, плохая цивилизация, хорошая природа.

Сверху доносятся детские голоса. А после обеда — что нас ждет, беззащитных! — торт и подарки, веселье и поздравления.

Генетическое созвездие свояка всегда настаивало на маскараде, будто в фильмах: шляпки, пелерины, красные клоунские носы, корона для малыша — а мы, не моргнув глазом, все это позаимствовали, Павел записывает в духе вклад в теорию маркетинга, кросс-культурность как двигатель моды, позаимствовали и искренне верим.

А это лишь ретро эпохи, которой никогда не было, не в этой стране. (Вспоминаем чужие истории.)

Племянника зовут Михал, и ему исполняется шесть лет. Павел купил ему «Грюнвальд 1410» в пласте.

Но подарки пока спрятаны.

Сестра с малышами приехала вчера перед Павлом. Нико (свояк) остался в Марселе. Она объясняла почему, но Павел не понял.

В свою очередь Сташек и Кацпер здесь, но дух их отсутствует. Они сидят в столовой и отгоняют садящихся на них мух. Камешек и Мухоморчик вытирают им носы.

Павел сражается с яичницей в кухне внизу, в сердце дома, Friendly Spells +7[96].

Мать то и дело бросает на него взгляд, будто проверяя.

Эта недоверчивость, эта подозрительность — когда она зарождается? Отчего?

Не в том дело, что мы выросли. Не в том, то уехали. Даже не в том, что у нас есть деньги.

Что тогда?

(Вас там в городах.)

Накачаться окситоцином, вазопрессином, ар-

---

[96] Примечания: 96

Дружественные заклинания +7 (*англ.*).

баклофенидами — может, что-то просочится в чувствах, в интуиции.

Как отрывается долговременная память от кратковременной — так оторвались поколения от поколений.

Внутри дома разницы не видно. (Все, что материально, можно купить.)

Но достаточно выйти наружу. Из-за дома несет навозом.

Вчера перед сном Павел прошел по старой школьной тропинке, до шоссе и обратно, через поля.

Вязнущие в земле ботинки.

Насекомые, отвратительные насекомые.

Вдали собака, цепь, клаксон.

Темные тучи на горизонте.

В болоте трупик воробья. Дух сложил крылья и забрался под шапку.

Вонь животных и бензина.

Грязные дети в чистых разноцветных футболках.

Ему встретился дед Борковик с тачкой. На тачке старая плазма, большая и тяжелая.

Дед достал кисет, достал бумагу, свернул самокрутку. Закуришь?

Что-то внутри у Павла дрогнуло — впервые с

давних времен такой инстинкт. Он искренне поблагодарил.

Они стояли и курили табак. Сгорбленный старик в шерстяной жилетке и городской студент. Студент пинает камешки в канаву, водит носком ботинка по глине.

На фоне — холодные звуки деревни.

(Диалоги.) Все хуже становится, сынок, быть беде. Да что вы там болтаете? Плохо вам, что ли, на дармовщину? Так ведь ничего не продать, сынок. Ни что посеешь, ни что выкормишь. Даже земля дешевеет. Кто такое видел? Да бросьте! Ради зеленых насаждений даже сорняки купят. Дед лишь сплевывает. На одних зеленых насаждениях деревню не потянешь. Может, и не потянешь, но надо ли тянуть? Лишь бы спокойно дождаться конца тем, кто тут увяз. А потом все выровняется. Город сам себя кормит. (Но этого Павел старику говорить уже не стал.)

Они начали о бабах, о политике, о футболе. Павел политиков не различает, если не требуется, в футболе не разбирается, говорит то, что в духе. Они курили, болтали, курили.

Под штанину забрался муравей, укусил Павла в лодыжку. Такое биоло.

Он включил саундтрек Вангелиса.

Дед сплевывал сквозь гнилые зубы.

Почему бы им не пойти к врачу? — думает Павел. Это, конечно, не чистка генов, но хотя бы позволит прилично выглядеть. И включено в налоги. В конце концов, мы живем в Европе.

Пора прибегнуть к дипломатии. Как спросить? Павел придумал дальнего родственника, у которого искусственная челюсть.

Дед проявил в ответ извечное крестьянское недоверие к господам докторам, интеллигентам-благодетелям, городским филантропам.

Пошла в больницу и умерла! Пошла под сканер и заболела! Пошли в университеты и теперь живут во грехе!

Павел с широко раскрытыми глазами внимал этому мракобесию. Чудо. Мед для всех волшебных гейзеров. Поставить деда в приемной котла креативов, с ним будут сниматься на видео и пускать в дух.

Как он мог забыть? Прошло всего несколько лет.

А дед не унимался. Пошли в башках копаться, и теперь в башке насрано! Народ проклятый! Бога не боятся!

Chariots of Fire.[97]

Такова судьба, дед. Вы умрете, они — не обязательно.

Но этого он старику уже не сказал.

Теперь думает.

Евгеника, офкос. Только что вывернутая наизнанку.

Кто размножается? Те, кто не должны: низы, беднота, присосавшиеся к нашему вымени телята.

Кто не размножается? Те, кто должны. Мы.

Мы в лучшем случае усыновляем.

Наследуются не гены, но культура.

Дед прав. Мы похищаем их детей. И потом те возвращаются совсем другими.

Или вообще не возвращаются.

Сисько-туристы навозной жижи и хлевов. Вот.

Михалек с Эстер, Каей и Иванеком врываются в кухню, скачут по стульям, Иванек колотит дверцами буфета. Мать их прогоняет.

Павел смотрит на детей со странной смесью ностальгии и раздражения. Ему это знакомо: синдром фавна, мем лишения наследства. Но поделать он ничего не может.

---

[97] Примечания: 97
Огненные колесницы (*англ.*).

Мысль в глубине черепа: если бы я родился на двадцать лет позже. (Вы умрете, они — не обязательно.)

Другая разновидность подозрительности.

Все боялись того, как разорвется общество. Как все разъедутся на лифтах с разными скоростями. Заморозятся, поделенные на слои. В биологии.

Но никто не подумал о том, что станет с семьями.

В какой-то момент лезвие должно было упасть. И отрезало: детей от родителей, внуков от дедушек и бабушек, младших братьев от старших.

Сколько раз у него был этот разговор с матерью?

(Ешь, ешь! А то остынет!)

Сколько раз он ее уговаривал — что он заплатит, что потом риск будет все больше, что в Америке есть и не такое.

Но нет. Бесполезно.

Нет таких слов.

С тем же успехом он мог бы уговаривать деда Борковика на «Timeless Beauty» или «HardPlay».

Появляется сестра с кошкой под мышкой. (Дюймовочка или Разиня.)

Творог, боже упаси яичница. И даже его она пробует крайне осторожно, кончиком языка, еда

— непристойная привычка.

Сестра наполовину отсутствует, пребывая под флагами Лиссабона; будучи вассалкой королевства Отака-Моцарт, она не спит, ходит в батисте и кружевах, режет себя до крови.

Какое-то время они болтают ни о чем. Тэги: SocialOpen, Casual.

Мать откровенно подслушивает.

Павел считает, что это хороший знак. Им еще есть за что зацепиться языками.

Заходит разговор о послеродовых болях нового королевства. Сестра расспрашивает про утечки из Гейзера. (Диалоги.) Вы делали цвета и патриотизм оэсов пласта. Мы опускаемся аж до кофе и пряника. Контрнаступление уже куплено? Сорри, сис, это все над моей головой, я — дойная корова на пастбище. Но ты же наверняка слышал, переводят ли людей. (У Павла возникают смутные ассоциации с ФАТАГОЙ.) Трудно сказать, может, это конкуренция, а может, и нет. Ваше королевство из этого мира? Сестра кивает. Мы основаны на Бенфике Лиссабон, frutti di mare, крестовых походах, серьезной музыке, Херре Торфе, art deco, исламских беспроцентных кредитах, fair-trade, шахматах и мягком протеосексуализме. А также немного бычьей крови и навязчивого невроза,

плюс солнце Гибралтара.

Павел все это знает по работе. Об этом болтают в духе и за столом. Новое королевство — всегда какое-то оживление в бизнесе. (Сестра уже много лет занимается культурными конверсиями для южан.)

Континент, поднимающийся из глубин океана.

Павел — вассал МорганЧейз/Хаалса-ДокторКто. Он ценит общешляевые страховки, жесткие рекламные фильтры и британские манеры духа.

Он сплетничает с сестрой о потоках фобий и извращений. Что не утекает в публичную душу? Не то, что всего дешевле, но то, что труднее всего скопировать, заснять на видео, записать. (Яичница стынет.)

И тут мать: Вы бы сходили на могилу отца, а?

Замешательство. К чему это было? Павел с сестрой смотрят друг на друга.

Сходим, мама, сходим.

Мать вырвала у Павла стакан и энергично его моет. Семья! Семья важнее всего!

Сестра стирает с подбородка Павла жир.

Семья. Племя. Кровь. Павел хочет сказать в духе все, что думает, но зачем? Сестра и так это знает.

Нет никакой семьи, мама. (Сказал бы он.) Мы в театре. Сидим на сцене. Зрители смотрят на нас,

как мы теснимся в курной избе, поедая деревянными ложками жирные клецки из общей миски.

Ты видишь это, мама?

Если бы ты вышла на наши орбиты…

Где живут во внегеографическом созвездии ближних и дальних знакомых. Вполне возможно и вероятно, что там найдется и кто-то из той же генетической линии, из-под той же крыши в детстве. Но это ничего не значит. Их не станешь называть «семьей».

Семья — генетическая случайность. Что с того, что у вас общие кровь и воспоминания, если с ними не о чем разговаривать, если вы разошлись по разным душам, разным астрономиям и королевствам?

Даже если у тебя есть ребенок, он никак тебя не определяет. Есть, нет, есть, потом снова десятки лет будешь жить бездетным — ты не отец, не мать, это сезонные созвездия.

Ты не нуждаешься в семье.

Она умерла. Моно или поли, вертикальная или горизонтальная, неважно. Супермаркет религий убил Бога, а супермаркет созвездий убил семью.

Павел этого не говорит и не скажет, поскольку знает, что услышала бы мама. Нечто совершенно иное.

(Нет таких слов.)

Сестра. Съела творог. Anyway. Мы получили директивы из Лиссабона, там будет бонус на протео биоло. И вопросительно смотрит на Павла.

Тот пожимает плечами. Режет и пожирает яичный Мальборк.

Бывает. Минас Тирит спонсировала хоббитство, для этого есть гены в пакете.

Но! Уже не только по физическим. Весь тот навязчивый невроз и протеосекс — в том направлении они бы пошли.

Ну и? Что ты так на меня уставилась, будто радар?

Вы же его проталкивали, разве нет? Экстра гейдж. Он провалился у юристов. А теперь прошел в Лиссабоне.

Павел вспоминает. Два или три года назад. (Смутные индексы прошлого.) Гейзер продал эмоциональную линию — ее купил крупный производитель спортвера. Работа Кровавого Гегемона: этакое извращенное удовлетворение, когда побеждаешь противника нечестным приемом, но заслуженно; благородное свинство на арене. На это чувство ушло несколько сотен мега. Кто-то из владельцев сублицензий ввел затем обусловливающий пакет: перестановку когито на этот

образец, генетический гейдж. Все уперлось в Страсбург. Можно ли позволить потребителю, чтобы он по собственной воле обусловливал свое желание потреблять конкретный продукт? С одной стороны — старые вредные физиологические привычки (табак, алкоголь, опиаты), с другой — секс или религиозные вирусы. В итоге оказалось, что нельзя.

Но три года — целая эпоха. Фемида с завязанными глазами сосет хер Протея.

(Это ускоряется.)

Спрошу, выясню, дам знать. И все же — сомневаюсь.

Червячок, однако, вгрызся в мозг, и Павел уже замышляет другой образец, 1 min Mental Shield[98]. Ковыряя вилкой в яичнице, убийце диет, кошмаре кардиологов, чудовище из яиц и сала.

Они с сестрой идут показать детям живых животных — малыши постоянно напоминают. У Вильчеков есть корова и телята. Они жутко воняют — тоже развлечение, этакое биоло.

Детишки, естественно, измазываются в навозе и грязи, приходится их снова мыть и переодевать. И так еще много раз здесь в деревне.

---

[98] Примечания: 98
Одноминутный ментальный щит.

Потом Павел выполняет поручения сестры, с радостью входя в режим семейного автомата.

(Так вот для чего нам семья! Спасение!)

Еще позже Кацпер спускается с небес на землю и идет с Эстерой упаковать подарки для Михалека. Кацпер плавает в модах RS1, строит из себя чернокожего, громыхая негритянским басом, Святой Николай из Замбии.

Михалек уже почти подпрыгивает на месте.

Павел какое-то время стоит, будто остановившись на середине функции, затем возвращается в кухню. Холодный чай, таблетки, проглотить, забыть, что глотал.

Прижавшись лбом к покрытой глазурью стене: пройдет двадцать четыре часа, и та же самая сцена — полный детского восторга Михалек — вобьет меня в землю, зальет ноленсом, забетонирует и завалит камнями.

Он в этом абсолютно уверен. Сколько уже раз так.

Узнается по цветам эмоций, по вкусу воздуха, по первому дрожанию век.

Рука сама тянется в карман, сжимая ингалятор. Выполоскать ПКМ-Зет, прежде чем оно зафиксируется. Пшик, и все. Ну же. Сейчас.

Его зовут.

Он выходит попинать мяч со Сташеком, Кацпером и только что переодетыми малышами. На заросшем сорняками поле, под грязными тучами, укутанные от ветра. Рваный фильм, черно-белые кадры, затертый звук, размахивающие руками фигуры с широко открытыми ртами, догадайся почему. Дети падают и смеются, взрослые падают и ругаются. Мяч тут, мяч там. Грязь, кривые заборы, труп сельскохозяйственной машины, серые полосы и одинокая птица в небе, обшарпанный пейзаж. Павел слышит внутри черепа тарахтение старого киноаппарата. Все движутся странными рывками, как в покадровой съемке.

Ему кажется, что он понимает тех братишек с ножом. Это ведь очевидно. Настоящая жизнь не вполне настоящая.

На острие духа на него накатывает мощная волна настроения — в тот момент, когда он поднимается с земли, мокрый от пота и запыхавшийся, а обрадованные дети бегут к нему с измазанным в грязи мячом, высунув языки, в покосившихся шапочках. Настроение на миллиард, два миллиарда евро.

Он в гневе вскакивает и бежит в дом.

Тишина. Тепло. Он останавливается за порогом и начинает говорить сам с собой. Снимает куртку.

Рука. Карман. Ингалятор. Вдох.

Былонебыло.

В гостиной тихо кудахчет старый 2D-телевизор, показывая какую-то сериальную плаю для пенсионеров, уставшая мама спит на кушетке. Павел смотрит на мать, на грязные ботинки в своей руке, на мать, на ботинки. Она храпит, с ботинок течет, в носках дыра, на ладони пятно от травы, в носу пробка.

Такое биоло.

В поисках утраченного

Он опоздал на праздник, у него болеет ребенок, пришлось оставить дома с женой. Анджеек, двоюродный брат, живой призрак детства.

Павел помнит. Анджей помнит. Они улыбаются друг другу через порог, full access hearts[99].

Крепкое рукопожатие.

Сколько лет, сколько зим!

Ну.

В действительности (в перегное) они виделись пару месяцев назад, на Рождество.

Двоюродный, кузен, но как брат. Еще когда они

---

[99] Примечания: 99
Сердца полного доступа (*англ.*).

шепелявили — кусен, кусен. Так он и остался на всю жизнь, единственный среди кузенов — брат, у которого нет брата. Когда-то у него был логин «Кукусен».

Где пан Михал, где пан Михал? Хочу его порадовать! Анджей настигает мальчика, занятого подарком от Павла, польские и литовские войска развернулись в линию от кухни до задних дверей, рыцари Запада стоят под лестницей, развеваются флажки, на лестнице даже вырос миниатюрный лесок, пехота копошится, будто жуки-короеды. Малыш показывает дяде диких татар величиной с ноготь, которые забрались в ящик для обуви, покоряя резиновые сапоги и фетровые валенки. Анджей приседает рядом, рассказывает Михалеку сказки от Сенкевича.

На мгновение Павла придавливает ностальгия, будто свайный молот из прошлого. Ах, были же времена.

(Детишки носятся по дому, сестра разносит порезанный торт, кошка забралась на занавеску.)

Были времена…

В солнечных лесах детства они отправлялись на долгие экскурсии, самым увлекательным в которых было то, что никакой цели и сроков не ставилось, экскурсия переставала быть экс-

курсией в тот момент, когда они теряли из виду последние образы цивилизации, дороги, дома, столбы, рекламные щиты, — те исчезали, и внезапно они оказывались в Путешествии в Неведомое, у них был компас, но не было GPS, была карта, но не было телефонов (это было еще в эпоху телефонов), поскольку, естественно, они наврали родителям, и в числе прочего их Путешествие основывалось на том, что они могли теперь полагаться только на себя, Павел и Анджей, только на себя, дети, но уже не дети, хотя все было ослепительно по-детски, ибо кто такие те Рыцари и Разбойники, в которых играют малыши, не дети, но как бы взрослые Рыцари и Разбойники, ну и такая была у них игра, такое притворство, когда они шли с набитыми рюкзаками и оструганными палками, сразу свернув с дорог и тропинок, в чащу, в бурелом, перепрыгивая завалы стволов и журчащие ручьи, ныряя в темно-зеленую, будто водная завеса, тень, лес расцветал под их футболками, под шапочками с козырьком, вырастал из-под рукавов и штанин, сажая им под одежду грибницу, ростки растений, личинок насекомых, еще немного полумрака и влаги, и они чувствовали, как все это выбирается из них, вырывается из-под тонкой оболочки цивилизации, тканей,

пластика и застежек, они выходили на солнце все зеленые, измазанные в зелени, извалявшиеся в папоротнике и мхе, ободранные о кору и шипы, с забитыми густой смесью лесных запахов носами, они совершали Путешествие в Неведомое, преодолевали дебри и чащи, могло случиться что угодно, они встречали животных, больших и маленьких, птиц, белок, серн, оленей, бобров, барсуков, один раз видели волка, один раз труп лося, жгли костры на вершинах холмов, прыгали с высоких валунов в теплые пруды посреди леса, купались голышом (еще до века наготы), как настоящие дикари, возвращаясь в те времена, когда еще не изобрели одежду, огонь и язык, рычали друг на друга и фыркали как коты, так было, так было, они сбежали, и возможность затеряться составляла часть их бегства, на случай, если кто-то станет их искать, станет их преследовать, их преследовала вся цивилизация, их преследовало будущее, годы и столетия, громоздившиеся за ними (перед ними), будто фронт апокалиптического шторма, синие, тяжелые, непреклонные, а ведь они тогда так не думали, не чувствовали, им даже не снилось, но чего-то они все же боялись, от чего-то бежали, мальчик и мальчик, в глушь, в чащу, в темно-зеленую тень.

Воспоминание из детства Павла, воспоминание из детства Homo sapiens.

Анджей остался тут, а Павел ушел в дух. Анджей женился, у него появились дети, он стал художником биоло; Павел ничего из этого не понимает. (Понимал, но забыл.)

Они сели на деревянной веранде, под жестяным колпаком колышется лампочка, сгущаются сумерки ранней осени, жужжат насекомые, звенит собачья цепь. По другую сторону шоссе кто-то пытается завести хрипящую рухлядь.

Холодно, и они пьют горячее какао, подбирая с фарфоровых блюдец последние кусочки Михалова торта. Павел рисует на своем блюдце размазанной шоколадной подливкой сказочных чудовищ.

(Диалоги.) Как дома? Дома как дома. Все друг другу на голову лезут. А ты в чем крутишься? Какое там, я уже по горло сыт. Но чем — деньгами, городской жизнью, безумным гейджем? Есть какие приключения, рассказывай!

Никаких приключений. Не о чем рассказывать. Ничего не происходит. Ноль сюжета. Так, жизненные ситуации, листы календаря. День, день, день, день, день, день, день.

Чего ты такой приплюснутый? Случилось что-

нибудь? Не знаю, Анджей, это все мелочи, есть такие жизненные календари, для мужчин и для женщин: проходит столько-то лет, и нужно переключить передачу, иначе вылетишь куда-нибудь в экзистенциальную пустоту. Киски гейджат себе гормоны материнства, мужики — кризис среднего возраста. У меня все расписано, шаг за шагом, диско протео.

Что ты болтаешь, братишка, сколько тебе, сколько нам лет, да мы еще щенки.

И что с того? Я чувствую поводок, ошейник.

Поводок?

Я постоянно считаю. Он длиной уже почти в два года.

На тебе висит кредит?

Павел смотрит на Кукусена как на сумасшедшего.

Он бросает ему в духе визуал — что за чушь? Но Кукусен бездушен, как и остальные селяне.

Эх. Все наоборот, Куку. Еще пара годиков, и этот поводок станет длиннее, чем предполагаемое время моей жизни. Меня освободит свободный капитал. Потом уже только роскошества рантье.

Теперь уже Кукусен смотрит на него как на идиота.

Аллилуйя и хвала Господу! Каждому бы так

хотелось.

Между ними серая завеса, непроницаемая пленка. Сквозь нее пролетают мотыльки и комары, но не пролетают мысли.

И все же Павел пытается объяснить.

Куку, все не так, не так.

Валенса mode: Не за такую роскошь мы сражались.

Ты предпочел бы наоборот?

Работа — это роскошь.

Дай определение работы.

Работа есть то, чем ты занимаешься, чтобы иметь деньги на жизнь.

Нет. На жизнь деньги есть всегда.

(Знаю, что не поймешь. Прими на веру.)

Тогда поправка. Работа есть то, чем ты занимаешься, чтобы иметь деньги на роскошь.

Но работа — это роскошь.

Кто может позволить себе работать?

Смотри, как теперь все закольцовывается в голове:

Этика работы — таковой не существует. Метафизика работы — таковой не существует. Честная плата за работу — работник заслуживает своей зарплаты! — таковой не существует.

В конечном счете работа является платой за

работу.

Тех, кто не работает, мы — те, кто работает, — вынуждены постоянно снабжать контентом их жизни.

Контент: геймплей.

«Что мне с собой делать?» Именно это, или это, или это, или это, или…

«Мы работали над предложением для вас много месяцев».

Сначала это называлось «отдыхом в свободное время». Но по мере роста производительности труда это самое свободное время росло пропорционально рабочему. Росли отрасли экономики, занимавшиеся поставкой контента для жизни в «свободное время».

Так называемые развлечения

Так называемый lifestyle

Так называемая жизнь знаменитости (life by proxy)

Так называемое самообразование

Так называемый спортивный образ жизни

Так называемая благотворительность

Так называемая общественная деятельность

Так называемая политика

Так называемая религия

Так называемые наркотики

Контент. Заполнитель. (Content to be content.)

Что-то ведь нужно делать, когда не нужно делать ничего.

(У меня семья, Павел. Попробуй тогда ничего не делать!)

Не смотри назад, смотри вперед. НЕ НУЖНО ДЕЛАТЬ НИЧЕГО.

Это тяжелый труд — тяжелейший! — выдумывать и постоянно актуализировать репертуар смыслов жизни.

Может быть цвет блузки. Может — меч с бонусом к атрибутам. А может — метафизическая система.

Есть разные последствия. Бес с ними. Я об экономике.

Они растут и отрываются, как мыльные пузыри. Целые радостные необязательные экономики.

Сопляки возле дома щелкают пивными пробками. Та пробка лучше, та хуже. У Ясека четыре, у Кубы семь. Пришел Гжесек и украл. Пришла Ася и раздала даром новые. А что ты сделаешь, если дам тебе такие? А за сколько поменьше отдашь одну побольше? А за сколько, за сколько, за сколько?

Это уже экономика.

Уже есть спрос, предложение, флюктуации цен, рыночные тренды, даже маркетинг, моды

и индикаторы мод, королевства величиной с наперсток.

Как она переносится на экономику перегноя, на экономику официальной валюты и человеко-часов?

Никак.

Это забава, игра, детский театр.

Дети не работают. Что бы они, забавляясь, делали или не делали — те же самые потери/прибыль для мейнстримной экономики.

Но если этих детей не трое, а три тысячи?

Три миллиона?

Три миллиарда?

И им по десять, двадцать, пятьдесят, восемьдесят лет?

И они проводят за игрой четыре, шесть, десять часов ежедневно?

Подумай. Ты делаешь все меньше того, что вынужден делать (ради прибыли или из страха). Все больше — того, что хочется; а ЧТО-ТО делать надо.

От построенных из песка замков через гигантские википедии до неправительственных организаций крупнее самих правительств и построенных чайными созвездиями пенсионеров орбитальных станций — так растут фантомные

экономики, РАДОСТНЫЕ ЭКОНОМИКИ.

Playbor, игработа, игра как работа, работа как игра невольно накачивает экономический уровень духа и перегноя.

Может ли мыльный пузырь раздавить планету?

Между экономиками кое-что перетекает, верно.

Контент можно купить.

Лучший контент

выше: контент люкс

выше: элитный контент

а на самой вершине: тот, который «нельзя купить»

(Он, естественно, самый дорогой)

Кукусен доел торт, облизывает ложечку. Он в самом деле силится понять.

Переваривал, переваривал, пока наконец не переварил, и:

Имеешь в виду, что вечерами тебе не с кем словом перекинуться?

Нет, Кукусь, нет. О чем вообще говорить? Вспомни. Только честно.

Хватит ли до первого числа

Кто собирался идти за покупками

Как дела в твоей гильдии

Что там опять дите натворило
На работе болеют
Клуб купил сильного вратаря
Сосед раздолбал тротуар
Новый вкус сахара
Мороз в созвездии
Завтра выходит новый шляй
Поймали депутата-педофила
А может, выберемся в отпуск в Новую Зеландию
В этом плее — расстанется, в другом — любовь навсегда
Как ты красиво выглядела в зеленом платье, что это за стиль
Меня ночью укусил паук
Кто будет новым Бондом
Это именно твой контент!
Это твой смысл жизни.

А теперь отними финансовые страхи (они исчезнут). И отними семью (она исчезнет).

Из остального — сколько процентов не создано нами, мной?

Но честно.

Кукусен смотрит в ночь, слушает голоса засыпающей деревни, наклонив голову.

Зачем жить. Читал. Знаю. Единственная тяже-

ловесная проблема; самоубийство. Если мы и так все умираем. Если все пройдет — улыбка ребенка, память об улыбке и этот чудесный тортик. А даже если не пройдет — это лишь улыбка, память, торт, которые ничего сами по себе не значат. Так к чему очередной день, неделя.

Павел убивает комара.

Я тебе скажу, зачем. В выходные мы запускаем вам новый плей, и тебя уже в нем сняли, ты уже его ждешь. Если бы мы не могли, нас бы не наняли. (Наняли бы кого-нибудь другого.) Так что мы снимаем, а если вам не понравится, снимем иначе, лучше — мы или другие мы.

Затем. Именно затем.

Нет. Я в это не верю, Павел.

Но это правда. ТАКОВ СМЫСЛ ЖИЗНИ. Именно это позволяет людям ползти от вечера к вечеру, от выходных к выходным.

Контент из наших мозгов.

Кровь креативов.

Что-то, похоже, все же пробилось сквозь завесу. Кукусен поднимает взгляд, опускает, поднимает, опускает.

Павел читает во взгляде старого приятеля: Бедняга. Что они там с тобой делают. У тебя есть

деньги, но нет жизни. Sympathy Link +5.[100]

Павел знает, что Кукусен не в состоянии понять большего. (По другую сторону Лагранжа.) Даже если бы накачался вазопрессиноидами по уши. У него нет такого жизненного опыта, к которому он мог бы пристегнуть слова Павла, даже самым тщательным образом подобранные.

Так что Павел оставляет их при себе. Глядя в ночь. (Лает собака, дребезжит дверь сарая.)

Такова правда, mon ami. Будущего не избежать. Ты тоже там окажешься. А если не ты, то твои дети.

Это единственный бизнес, который сохранит интерес к существованию, когда уже все станет дешевым, роскошным и безопасным. Того, что по-настоящему оригинально, не вымолотят из старых данных никакие вычислительные мощности.

Единственный бизнес в бесконечности: производство смыслов жизни.

Мы их производим. Мы для вас. Чтобы вы окончательно не потонули в ноленсе.

Мы, мы, мы. День за днем. Выжимая досуха нейроны. Спуская сперму из души. Вырывая себе

---

[100] Примечания: 100
Связь сочувствия +5 (*англ.*).

зубы из жопы.

Вот.

Но Павел уже ничего не говорит. Он идет за водкой.

Они сидят и пьют.

Над ними, грустно улыбаясь, склоняются бледнолицые демоны с целлулоидными крыльями. От сарая и дома плывет дух ржавого «урсуса». Дует самогонный вихрь.

Саундтрек: Grande Valse Brillante a-moll Шопена.

Закрыв глаза, Павел отчетливо видит:

Анджей — учитель польского в районной гимназии. Он задаст это ребятишкам в качестве сочинения. И за сезон весь комплекс вернется к Павлу, в Гейзер, они будут строить страсти и желания на драме креативов и демаскировке пластового идеоло. Он видит сюжеты, моды, эмоциональные пакеты, дизайны, контесты, реконтесты и цветные бунты.

Работа — это то, что делаешь, когда забываешься.

Снега былого

На обратном пути:

Почки стали давить на клапан, пришлось остановиться у чарджовки.

23:34. Из остекленного табернакля «ПРК-Сорбоси» бьет свет на асфальт.

Павел выходит из туалета и видит процессию ретро. Они ехали на бензиновом грузовике с брезентовой крышей. Им тоже пришлось остановиться. Пятеро: трое мужчин, женщина, ребенок, все петро биоло.

Они бросаются в глаза, будто аватары, скопированные из другого шляя. Одежда, волосы, даже походка и взгляд — все out of synch.

Павел просто бы не обратил на них внимания, как не обращают внимания на случайно пробившееся из несовместимых королевств, но один из мужчин светится на краю поля зрения, будто бледная туманность.

Поглядим: Юлиуш Беда. (Searching.) Он вел занятия по Юнгу, три-четыре года назад.

Время вытолкнуло его из центра созвездий Павла. Сам Павел его не узнал, приходится верить духу.

Он уже протягивает руку и готовит подходящие слова — но доктор Беда минует его, будто статиста, столб, воздух.

Павел у него не высветился.

Очередная ошибка, 10min Social Penalty[101]. Они ведь сбежали в ретро именно с этой целью.

Пятеро исчезают в ярком свете, а Павел закуривает и вспоминает доктора Беду, прощающегося со студентами. (Археология нейро.)

Ну и стыд! Уже в двадцатом веке точно также сбегали. Каждые пять-шесть лет новая волна моды на святой примитив, эко-аскезу и возвращение к истокам. Какая муха вас укусила, пан доктор?

Мои дорогие, мои дорогие. Я подумал, и вы тоже подумайте, и тогда не найдете ничего умнее, поскольку ни двоим, ни сотне, ни даже всему кампусу новое человечество не основать. Так что надо бежать, отстраниться. Мои дорогие, мои любимые, Павел, Мирусь, Люси — подумайте. Когда вам в последний раз удалось внимательно прочитать от начала до конца достаточно длинный текст классика? Когда вы самостоятельно делали более или менее сложные умозаключе-

---

[101] Примечания: 101
10 минут социального штрафа (*англ.*).

ния? Высказывали свое мнение в виде полных и связных фраз? Когда? Вы читаете урывками. Делаете выводы на основе образов, на основе эмоций. Принимаете решения, гадая по гештальту. Ваши мысли подобны очередям из «калашникова», речь — водопаду тэгов, жизнь — слайд-шоу. Стоит тебе проснуться — и в то же мгновение мир раздирает тебя в клочья. Сами бесплатные возможности, открытые в миллионе страниц духа, высасывают из тебя разум и волю. Пол-абзаца — и ты прыгаешь на пляжи Австралии, один силлогизм — и проводишь полдня в Шангри-Ла, легионы ангелов и дьяволов сидят на твоих плечах. Прогони их. Отстранись от всего этого. Ты должен СОСРЕДОТОЧИТЬСЯ. Мои дорогие! ОБРЕТИТЕ ВНОВЬ СВОЮ ЖИЗНЬ!

Он уехал в коммуну при заповеднике, разводит кроликов и плетет корзины из прутьев, читает по вечерам при сорока ваттах бумажного Глосса и Ортегу-и-Гассета.

Anyway — такое вот эхо в духе.

А теперь доктор Беда выходит из света и медленно бредет к вонючей ржавой бензиновой реликвии. Павел видит, что за эти два года он постарел лет на двадцать.

Остов человека.

Такова правда. Жизнь в перегное и зное, жизнь изгнанных из Эдема — она мучает еще сильнее, мучает уничтожает убивает.

Закурить не найдется?

Скрывая удивление, Павел угощает доктора Беду.

Но это же канцероген, имейте в виду.

Беда пожимает плечами. Ну и что?

Павел хочет спросить про их генетические подтяжки, но прикусывает язык.

Они курят.

Павел украшает свой дым цветами Мандельброта.

Рядом сквозь ночь мчатся автомобили.

Шумит лес.

Когда ветер дует в их сторону, Павел с отвращением констатирует легкий смрад, исходящий от его бывшего преподавателя.

Ибо все это можно получить исключительно пакетом. Не бывает дробных цивилизаций. Что с того, что я смогу полностью сосредоточиться на латыни и математике — если при этом грибок на ногах, выпадающие зубы и глисты в кишках?

На месяц-другой можно выписаться на курорт, в роскошь за счет внешних издержек или в кредит.

А тут все основано на том, чтобы лишить себя возможности выбора, возможности вернуться, того миллиона протеевых потенциальностей, ради которых ты просыпаешься каждое утро в цивилизации. И которые одурманивают твое сознание.

Так что пути назад нет. Нет противоядия. Ретро — это шляй биоло в моде петро хардкор.

Тем временем сладкий яд плодов Эдема проник в твою кровь. Ничего не поделаешь — одна чашка эспрессо побивает пять томов Канта.

Понимает ли доктор Беда, что совершил страшную ошибку? Ошибку-монумент, ошибку-проказу, петро-ошибку?

Павел лезет в карман и отдает всю пачку. Череп рекламы скалит кривые зубы.

Беда смотрит на сигареты с меланхолической тоской. Возьмет, не возьмет? В душе уже взял.

Если бы он узнал Павла… Если бы они могли по-настоящему поговорить…

Почему он не вернется? (Спросил бы Павел.) Он ведь может эвакуироваться из этого идеоло, из этой тоски и экзистенциальных мук. Достаточно лишь поклониться Протею.

(Малиновые клоуны уже стоят за спиной Беды, играя на больших носах.)

Он наверняка ведь видит, что это вопрос поколения. Именно на ваше поколение пришелся переходный период. Когда-то точно так же жаловались, что никто больше не в состоянии удержать в памяти тысячу слов, все вместо этого ЧИТАЮТ, что за упадок.

(Висящий в воздухе диалог раздувается и сочится глухими эмотами.)

Вас это раздавило, поскольку случилось на протяжении одной жизни. Вы родились на пятнадцать лет раньше. Вот и вся разница.

Но что за проблема — омолодиться?

Что за проблема — сбросить скорлупу старой души?

Мы сбрасываем ее каждый сезон.

(Это ускоряется.)

Из света выходит женщина с ребенком. Юлек, ну ты и вспомнил! Что такое?

Дымки невысказанных вопросов развеваются вместе с никотиновым дымом.

Беда бредет к грузовику, докуривая остатки сигареты.

Павел тем временем вбросил беднягу в старое созвездие. На него теперь смотрят все. Люси заглядывает доктору Беде в глаза и заламывает руки. Ой, Беда, Беда, Беда.

Что толку от рыдания духов?

Позже, когда Павел дремлет в разогнавшемся «бентли» недели, он признается самому себе: все-таки он об этом думал. Все-таки допускал возможность бегства в ретро. Особенно после визитов в родной дом, где желтеют другие календари.

Оно возвращалось к нему раз за разом — то былое Павлование, которое он оставил позади.

Сколько же раз он вел эту дискуссию! Дискуссию-мать, диалог-аналог, разговор, расписанный в тысячу фильмов, сотни шляев, миллионы повествований — вариант для каждого дома, версия на каждый случай, пьяные евангелия перегноя.

С Анджеем, со стариками.

Они не понимали, почему он не понимает. И повторяли:

Что это не настоящая жизнь. Что технологии нас расчеловечивают. Что важны биоло и физическая близость, а не дух и близость мыслей. (Даже если не такими словами.)

Мать сказала бы то же самое, по-своему. (Семья! Семья превыше всего!)

Павел и его созвездия находились уже по другую сторону Лагранжа. Они смотрели и не понимали, почему те не понимают:

Что это все животные стремления. Что технологии делают нас людьми. Что настоящая жизнь человека — жизнь духа, а не собак коров обезьян охотников крестьян.

Миновав границу города, Павел окончательно засыпает. Расцветают зарева реклам и сонных видений.

Сколько раз… Сколько раз…

Вот только у биоло имелось свое небо. А здесь — здесь нет ничего. Только все больше больше больше одного и того же.

Среди небоскребов, дворцов, стеклянных гор, в хрустальных аллеях.

Зуд

Павел заглянул на работу. Без особого желания.

Слушай, Бартусь, тебе все это задницу не припекает? Вчера мне приснилась ФАТАГА. Есть ведь политики, много лет торгующие идеями эмиграции в дух. Второй раз Матрицу не придумаешь. Это снова та же самая война. Никто не хочет занимать неприбыльные ниши. Почему королевства не берут на себя функций государств перегноя? Ведь они могут заработать на абоне-

ментах, страховках, плеях, гаджетах, дизайнах и модах, а на социальных гарантиях и внешней политике только потеряют.

Бартусь надувает губы и тут же ощетинивается, как еж, — не подходи без презерватива.

Но наконец-то это не только маркер мод, но и перемены для цивилизации! Как после взрыва Интернета или открытия духа. Вырастут новые ниши, культуры, профессии, стили жизни. Новые миры.

Павел ерзает на стуле.

А видел ли он линию фронта? Кто стоит за лавринщиной? Какие есть силы? В духе его тошнит.

Они выплывают в аккерманские степи.

ФАТАГА: одна из инвестиционных ветвей королевства Сони-Корлеоне, местные традиции, поздний Карл-Людвиг, диверсификация после угольного краха, двадцать процентов в духе, полностью вне открытого оборота.

ФАТАГА давно держится на модах мягкого национализма. Лучшее, потому что польское, и так далее. Банальность, но вполне устраивающая часть королевств.

Дать заработать своему или чужому — выберет своего.

Подрезать бизнес чужому или своему — подрежет чужого.

Выхода нет. Все эти брачные раскраски королевств — не пустая реклама. Мы давно выросли из эпохи реклам. Теперь мы ПЕРЕЖИВАЕМ любое вранье. Если основываешь королевство на Конане, то лучше пусть твое руководство обладает биоло Шварценеггера, тестостероновым гейджем и шляется круглыми сутками по Гиперборее. Сжигая, насилуя, обезглавливая.

Павел расправляет крылья и изображает в небе картины Пикассо.

Почему именно ФАТАГА выкупила патенты юридических генераторов?

Как практически на них заработать?

В каком горизонте?

Включится ли Сони-Корлеоне в рекламную компанию за пределами еврозоны?

Знает ли вообще Сони-Корлеоне, что тут вытворяет ФАТАГА?

Бартек в ответ издает трубный пердеж.

Павел рассердился. (То же мне выделывается, n00b!) И вбивает ему гвозди в череп.

Смотри смотри смотри!

Back to basics. Карты королевств.

Для любой идеи, эстетики, мода и гейджа

можно провести разрез через карту королевств, увидев пропорции сил на данный момент: эти за, а эти против.

Поскольку королевство охватывает все.

О любой вещи можно сказать, подходит она ему или не подходит, и подходят ли разные вещи друг другу.

Эти сети по определению должны выхватывать любой аспект твоей жизни. Если не выхватывают — это ошибка сплетающих их креативов. Они утратили часть консументов, отвергли вассалов.

Ибо всегда появится какая-нибудь ниша, в которой вся действительность для человека определяется вегетарианской диетой, маркой белья или величиной космологической постоянной.

Исторические разрезы легко извлечь. (Павел извлек.) И пустить их в ускоренном режиме (пускает), и наблюдать, как перемещается линия фронта: туда, и туда, и сворачивает, и извивается, и образует плацдармы, и снова перескакивает миллионы долларов и сотни миллионов подданных.

Ну и что?

Павел вертит гвоздем в Бартековой башке:

Смотри: Сони-Корлеоне с самого начала, уже несколько десятилетий находится по антидухо-

вой стороне фронта. Они держались на модах перегноя. Еще до того, как появились дух и перегной.

Пока ФАТАГА вдруг не выкупает производителя стартапов Государств 02+, этого самого Скеута-Ред, контрольный пакет вместе с потрохами.

Что это? Шизофрения? Саботаж? Дымовая завеса?

Что они делают? Разбивают публичную душу собственного королевства. Вонзают стилет в сердце.

Бартек рассердился. Сбросил звезды с неба, натянул ночь на голову.

А тебе-то что со всего этого?! Иди, жалуйся начальству!

Забыл? Меня за этим сюда и поставили. Чтобы я придирался к мелочам.

Но Бартек, светящийся шар в темноте, уже за Андромедой и удаляется прочь с хаббловским смещением.

Уязвленный в своих только что расцветших амбициях.

Поцелуй меня в инфракрасное излучение.

Павел гребет к Шефу.

По дороге разбивает амфору и выпускает джинна эмпатии (окситоцин, вазопрессин, ар-

баклофен).

Чертов Шеф тут же пихает Павлу в пасть тонны непереваренной кашицы из души Гейзера.

Нужно было глотнуть тэги Бартека! Все уже отдыхают после утренних спазмов. Ведь уже вывесили линию кампании. Это работа Кшися и кретинов, на костях Скеута. (Все было в файлах, которые никто не читает.) Кшись упаковал концепцию, но кто первый подумал по делу — никогда не узнаешь.

Идея такова: основать Государства Духа непосредственно на созвездиях.

Вывести созвездия на независимость. Пусть обладают правовой субъектностью на уровне 02+.

Что с того, что они изменчивы, преходящи, текучи? Устойчивость государства — предрассудок материи.

Государства Духа могут быть летучими, мерцающими, пребывающими между сущностями, мимолетными как нейтрино и приснившийся поцелуй. И будут.

Что с того, что принадлежность к созвездию — не ноль или единица? Что мы вибрируем от минус до плюс бесконечности?

И что с того, что это неисключительная черта? Что можно одновременно принадлежать к любо-

му числу созвездий?

Что с того? что с того? что с того? Построим юрисдикцию духа на квантовой физике!

У Кшися и Анушки уже есть лозунги, есть гербы и эмоциональные каналы.

Welcome to quant-lite life![102]

Семьи отправились на свалку, вместе с кланами, селениями, нациями и приходами. А что пришло после семьи? Именно это: Созвездийные Государства Духа, Constellation Inward States.

(Саундтрек: Имперский марш.)

Но тут врывается Павел и топчет им торт.

Некрасиво.

Но раз уж он разогнался…

(Мать, похрапывающая на кушетке. В руке — ботинки.)

Раз уж он разогнался…

Ожидая перед жемчужными вратами Пекельного, он ковыряет в гноящейся десне, будто Фома в боку Христовом.

И когда врата открываются, в его руке уже очередной факел. На всякий случай он вывесил флаги.

Шеф тоже не голый.

---

[102] Примечания: 102

Добро пожаловать в квантово-лайтовую жизнь! (*Англ.*)

Павел почувствовал волну еще до того, как коснулся духа в привате.

Пекельный пребывает в predator mode[103].

Павел медленно подходит, пуская перед собой плюшевых собачек и разноцветные воздушные шарики. Agro-200.

Бизнес-моды бустируют решительность. Самое большое преимущество — замедлить для себя течение времени. Это можно сделать, для такого есть гейдж.

Наблюдай: объект удаляется — объект приближается.

Наблюдай: фигуры нейтральные — фигуры опасности.

На отрезках меньше чем в минуту время может замедлиться даже на двадцать процентов. Лобные доли встают навытяжку.

Этот гейдж искажает восприятие так, что весь мир будто приближается к тебе с грозным выражением лица.

Побочный эффект: клыки оскалены, зрачки расширены, мы на охоте.

Поживи в этом год-другой — даже если используешь трюк только раз в пару дней — приобре-

---

[103] Примечания: 103
Образ хищника (*англ.*).

тешь черты хищника. Ментальный метаболизм гепарда.

Ничего удивительного, что Пекельный выпрыгивает в окна и перегрызает горло консультантам.

Павел напрягается.

Мир, мир, мир среди гейзериан!

А ну-ка подойди, червячок, дай мне взглянуть на потроха Костшевы тепленького!

Шефа не умиротворить. Лучше выстрелить залпом, быстрее осядет дым.

Павел размахивает факелом перед глазами зверя. Сюда, сюда смотри!

ФАТАГА: Иво Фабинский, Казимеж Ян Татар, Раймунд Гаврило. Они сохранили значительные пакеты и места в наблюдательном совете.

Их люди продолжают стоять у руля. Это фирма на олдскульных модах — и потому там так работают, так мыслят, так живут. Дети слушают отцов.

И кто из триумвирата ФТГ приложил к этому руку? Эне, дуэ.

Я надавил на их публичные души. Они остерегаются, ставят защиту, но что-то всегда просачивается.

И тогда хватит Малого Психоаналитика, пять евро за минуту.

Четыре года назад, скандал в созвездиях Льва и Барана: смерть Матео Гаврило.

Всплыло, потому что мальчишка вывешивал себя напоказ. (Смотри сюда!)

Интим 3.0: хочу съесть твою приватную душу.

Люди много лет так публикуются, со времен первых блогов. Войди в меня! почувствуй мою изнанку! почувствуй мою жизнь!

Волны интима проплывают по земному шару в суточном ритме, кострами вспыхивают эпицентры тайных желаний, в любой момент перед глазами Павла модель Земли, похожая на изрезанную серебристыми меридианами и белыми кратерами старинную карту Луны.

Каждый живет своей жизнью и живет жизнью кого-то другого. Хотя бы персонажей плеев — но это «Макдональдс» души. Высшее наслаждение: жизни, подвергнутые вивисекции.

Каждый может войти в публичную душу каждого. (Сколько людей живет во мне?)

А кто там сегодня в топе? Заглянем в индексы. Какая-то четырнадцатилетка из Висконсина, в ее приват влезли полтора миллиона человек (киса вывешивает себя, как и все они), которые вместе с ней чистят зубы, принимают душ, смотрятся в зеркало, натягивают трусики.

Но это также интим-поп, переработанный фарш. Эта тинейджерка уже знаменитость, она знает об этом, все знают, она живет в пузыре селебрити, вплавленная в пластик. Шлюха, оттраханная навылет половиной человечества.

Более эксклюзивный интим: тот, который покупается на закрытых рынках, души ограниченной емкости. Не больше пяти-десяти лакомящихся одновременно. (Камерный ганг-банг.)

Но тем не менее: это загрязненный, эксгибиционистский интим. Эксгибиционист обо всем знает — когда он при этом живет, а когда играет в жизнь? Мы получаем поврежденный, разгерметизированный товар.

На самой вершине (контент люкс): души тех, кто не знает.

Изнасилованные во сне. Преданные. Проданные на вынос. В тайне. За десятки тысяч. Иногда сотни.

Можно с видимостью законности: подписываешь, а потом вычищаешь из долговременной памяти.

И таков был казус Матео Гаврило.

Пока не лопнуло созвездие и не вылились записи. А Гаврило наверху, ибо это редчайшее наслаждение: самоубийство, переживаемое в

масштабе один к одному. Еще теплая кожа, содранная с трупа.

Надень и содрогнись. Ближе-глубже-правдивее уже не удастся.

И раньше: как он жил — как постоянно гейджил — как засыпал под звездами — как выплакивал глаза шляевым куклам. А также: два разговора Матео с его дедом — Раймундом Гаврило.

Шеф успел тем временем залезть на потолок и отгрызть люстру.

И что с того, что внучек продал себя в гробике? Гррр. ФАТАГА платит! ФАТАГА кормит!

Павел напирает дальше. Но ты же видишь тот приват старика Раймунда! Он бьет в собственное королевство!

Должна была состоятся всемирная атака креативов, а будет карательная экспедиция из начальства.

Шеф мечется как зверь в клетке. Гррр. Гррр. Ударить по Сони-Корлеоне и прибавить себе очков за кондотьерскую честь? Иди реализовать банковские стратегии и греться в быстрых деньгах ФАТАГИ?

Гррр.

Он падает на четыре лапы. Змееподобный галстук прилизывает ему гриву.

Но скажи мне, зеркальце-павлице, каким же это образом из экзистенциального сеппуку внучка должен следовать изменнический крестовый поход старого Гаврило против государств материи?

У меня ведь тоже есть под рукой патологи души. Вместе с каждым контрактом я получаю на блюде дымящиеся потроха. Но ничего гнилого в ФАТАГЕ я не почуял.

Саундрек: Эннио Морриконе, The Good, the Bad and the Ugly[104].

Вот и пришла пора сглотнуть слюну. (Павел не сглатывает, но чувствует себя примерно так.) Heroic Stance, +12 °Charisma.[105]

(Речь.) Думаю, он сделал это своей миссией. Будто якобы поэтому Матео истек жизнью, утонул в ноленсе. А старик Гаврило хочет их всех перевести на другую сторону. (Плей: Моисей раздвигает Красное море.) В Землю Обетованную, из изгнания в пустыню счастья.

Ибо биоло имело свое небо. А здесь — здесь нет ничего. Лишь все больше больше больше того же самого.

---

[104] Примечания: 104
Хороший, плохой, злой (*англ.*).

[105] Примечания: 105
Героическая поза, +120 к харизме (*англ.*).

Пекельный пятится, скаля клыки. Не подходи! Укусит.

Не понимаю, что ты мне говоришь. Не понимаю, что ты мне говоришь. Не понимаю.

И тут же скалится в усмешке:

Этого я и хотел!

Дай, дай, дай!

Не спрашивай согласия, не жди знака — вцепись мне в глотку! врежь по морде! нафаршируй душу!

Секрет патриарха, червь в жопе королевства и тайная эмоция поколения!

Мы заработаем, Паоло! Целое состояние! Уррр!

У Павла отваливаются все крылья и щупальца.

Как-то так

Нанося визит к клиенту, Гильдии Патентованных Безумцев, Павел встречает бывшую знакомую. Звезду его созвездия до эпохи созвездий.

Патентованные Безумцы уже шесть лет сосут кровь из Гейзера, успев за это время перехватить пятнадцать процентов базы в локальных шляях евро, и продолжают круто подниматься, скупая перегной. (Земли, памятники старины,

биологии.)

Павел пошел как посланник Шефа — поскольку Бартек хочет подцепить Безумцев к трендам, которые сейчас тянут для ФАТАГИ.

Порой такое случается: использование одного клиента для другого. Креатив не может одновременно производить и продавать взаимно уничтожающиеся идеи. Anyway, без особого успеха.

Очередная мантра Пекельного: это мы делаем наших клиентов. Это мы даем им контент. Мы заводим машинки.

Перемотка. У Безумцев. Блеск на периферии фрактала, реликтовое излучение детства.

Павел не обратил внимания, но ему сразу подписало: Кристина Туш — и кросс-ссылка на школьный класс.

Она сидела через две парты позади него. Косички, а как же. И постоянные хиханьки с подружками. Это он помнит.

А теперь: Павел! Павел! Тебя не узнать! Чмок-чмок.

Костшева сталкивается с ней в дверях, они одновременно смотрят друг на друга. Кофе, ланч, обязательно-обязательно.

На ланче. Бистро ретро, слабо покрытое.

Как ты? А ты?

Где теперь? Ты смотри-ка.

И общие знакомые. (Вся Польша висит на Морской звезде — шесть рукопожатий минус руки.)

Пора посплетничать.

Павел включает автопилот души. Боже, снова в этом фильме.

Он забавляется оригами из салфетки.

Крыся доверительно рассказывает ему про Гнусного Шефа, а Павел думает об Илоне Розе. Можно ли ее шантажировать в рамках светской беседы? Это могло бы стать началом настоящего разговора.

Он протягивает руку, стискивает кулак и выжимает публичную душу Кристины Туш.

Что осталось на ладони: несколько шипастых зерен.

Новая диалоговая дорожка:

Hold that thought.[106] Почему ты ненавидишь детей?

Попал. Ломается дыхание, взрывается залп телесных и духовных эмотов.

Есть такой продукт: фем номер шесть или семь, зависит от того, под чьим идеоло считать. Эман-

---

[106] Примечания: 106
Удержи эту мысль (*англ.*).

сипация возможна лишь вопреки биологии.

А что является венцом женской мотивации? Материнство.

Отказывать гормонам, однако, недостаточно; это ведь был фем «старой девы», давние дела.

Нужно обратиться против детей вообще. Ибо даже из пробирки, из искусственной утробы — само существование ребенка как такового загоняет петроженщину в материнский контекст. Этого не обойти никаким гейджем.

Отсюда побочные продукты: всевозможные варианты бездетного будущего, внебиологическое размножение, мейозы когито (мозги в банках или мозги в цифрах).

Кристина анонимизируется, но достаточно было как следует сдавить. О, Патентованные Безумцы косо бы на такое посмотрели. Они едут на других, совершенно других трендах, другие королевства шлют им дары. (Крыся из королевства Парибас-Шанель-Пи, он узнал по платью и длине пальцев, явное обаяние нуворишки из провинции ЕС.)

Дети, дети, дети. Фетиш! И на третьем вздохе киса вспыхивает.

Проклятие человечества! Шантаж, глубже всего записанный в генах и нейро!

Есть тренинги в духе. Побори это в себе! Сбрось щенка с лестницы. Сломай руку куколке.

Речь не о том, чтобы причинять людям вред в реале. Но никакого разговора с оппонентами на равных не будет, пока ты не уничтожишь в себе эту животную блокаду.

Павел прищуривается, глядя на нее с удовлетворением злорадного гнома.

Ну вот, пожалуйста. It's alive.[107]

И какой румянец! (Он вытащил из публичной души всю остальную Крысю и разглядывает теперь обличья ее экстаза, семейное порно и меланхолию подсмотренного одиночества.)

Она наклоняется над столом, высвечивая Конспирацию и Конфиденциальность, под флагами Своеволия. Charm/Mesmer +100 %.[108]

Но ты знаешь, что идеоло мы тоже выжали?

Наступает дружеская суперпозиция: Кристина пожимает плечами и остывает / Кристина протягивает под столом руку и сжимает ладонь Павла.

Знаю. Все знают, что все это чушь. И что с того?

Все знают, что плеи и шляи — чушь. Но при этом кланы фанатиков с половины земного шара

---

[107] Примечания: 107
Оно живое (*англ.*).

[108] Примечания: 108
Зачаровать / Загипнотизировать +100 % (*англ.*).

сражаются за превосходство одной фантазии
над другой
живут в этих фантазиях
мыслят в соответствии с этими фантазиями
верят в эти фантазии
Чушь. Но они в нее верят.
Так же и тут.
За что вам платят?
Мы придумываем религию для гильдий, для финансовой клики — приживется или не приживется? Приживается. Они будут так одеваться, так говорить, так думать, в таком духе жить.
Так они верят?
Какая разница? В любом случае все равно.
В конце концов увидишь свою сказку, колеблющуюся на биржевых графиках.
Наступает коллапс дружеской встречи:
Глазки, смех, ручка, коленка, глазки. Чик-чирик.
Ого! Хер твердеет, душа поет.
Что-то дрогнуло, грех не воспользоваться.
Павел кивает, наклоняется ближе, запирает пространство, входит в контакт.
Они заключают сделку, взаимно наслаждаясь своими салатами.
Банальность этого старомодного ромкома био-

ло почти умиляет. Оба ведь выставляют себя протеосексуалистами. А тут такие правила приличия.

И то, что потом представляет Павел между ланчем и вечером у Кристины: сексуальные мифологии упадочного гуманизма.

Незнакомка в самолете. Соседние места. Прикосновение, улыбка, намек. Рука на бедре, рука на штанах. В туалет. И приятный high club.

Или. Этикет свидания. График: возраст, среда (уровень доходов), образование, номер свидания. На выходе: язык — обнимашки — потрахушки в гостях — ночь до утра.

Или. Треугольник с близняшками.

Или. Влюбленная call-girl[109].

Или. Просыпаешься утром у нее под боком. Незнакомая постель, незнакомая девушка. Секс на столе.

Или. Soulmates[110] как fuck buddies[111], fuck buddies как soulmates.

Или. Друг вне петродуши. Вы сразу же гейджи-

---

[109] Примечания: 109
Девушка по вызову (*англ.*).

[110] Примечания: 110
Родственные души.

[111] Примечания: 111
Сексуальные партнеры по дружбе.

тесь взаимно.

Или. Она с детства была у тебя перед глазами, но ты ее не видел. Ровесница со двора, из школы. Вы встречаетесь годы спустя, и бац — они жили долго и счастливо.

Вот именно.

Скучающая публика зевает на тысяча двести шестнадцатом представлении одной и той же пьесы:

Добрый вечер. Чмок-чмок. Он вошел. Она защебетала. Он вручил. Она проводила. Он похвалил. Они сели.

Сперва пустая болтовня. Как тут продать приватность?

Есть пакеты. Для мужчины: ментальная импотенция, мальчишество, редукция биоло, профессиональные амбиции, воспоминание о сцене унижения, комплекс петромужественности. Для женщины: измена последнего фема, ребенок, который есть, ребенок, которого нет (это не для Крыси), профессиональные амбиции, отсутствие чувства безопасности.

Потом настроение. (Саундтрек: поздний Коэн или Липадуша.)

Потом персонализированная химия, мягкая или твердая, или короткий гейдж (если они уже

взаимно не нагейджились раньше).

Потом падает барьер тела. От якобы случайного прикосновения.

А потом уже все как по маслу.

Если она хорошо отретуширована, не гасит свет. Если слабо — просит о сношении в духе.

И даже если они сами себя там в духе не вывешивают, то постоянно видят вокруг полные залы, камеры прожекторы микрофоны глаза экраны зеркала плеи раи.

Они принадлежат ко второму поколению, воспитанному на порно. (Порно, создаваемом креативами, которые сами выросли на порно.)

Оно — часть твоей публичной души — как любимые драги или марка предпочитаемой политики. Ты подал знакомому руку, но до этого лег с ним в духе в постель. Если к кому-то не чувствуешь влечения, можешь это влечение себе назначить, столь же искреннее.

Ну, поехали: орал, вагинал, анал, сущий Винни-Пух.

Можно ли выглядеть более жалко? Он описал полный круг, все возможные ромкомы

(стоп-кадр с хером наверху)

прокрутились в их головах в первую же секунду.

Ибо все это уже было было было. Цветочки, поцелуйчики, словесные признания, эротические игры, касания и ласки, фемы первой, второй, четвертой, седьмой волны, все было. Они с детства все это видели, высмеянное, вывернутое наизнанку, спорнографированное и низведенное до мультика.

Если хотя бы постмодернизм! Они могли бы вместе пошутить над подобными ассоциациями.

Но ассоциации с ассоциациями тоже дисквалифицируются на старте. По-мо — уютная, безопасная песочница блогов и ютубов. Можно лишь позавидовать детям той эпохи.

Тем временем ситуация становится безнадежной.

Ведь Павел сам не хотел бы иметь дело с женщиной, которая не прогонит с ходу мужчину, ведущего себя с ней как беглец из психушки. Или из двадцатого века.

Можно, естественно, притворяться кем-то другим. Среди консументов подобное сходит с рук. Даже обручальные кольца и свидания на пленере.

Консументам это удается — ибо они все это видели, слышали, играли уже тысячу раз — только искусственность для них преимущество. Они

копируют и радуются, что так здорово скопировали.

Павлу и Крысе пришлось бы сперва мощно нагейджиться. Или перенестись во времени на полвека назад.

Так что остается?

Старомодная киса — тело и тело — коммандос биоло.

Павел симпатизирует.

Симпатизируя

(мотор!)

он совершает движения.

То погружается под поверхность ноленса, то снова всплывает над ним.

Up & down, in & out, up & down, in & out, up & down, in & out, up & down, in & out, up & down, in & out, all fuck long.[112]

Он заснул где-то между V и A.

Бог и прочие банальности

Опустошенный Павел валяется на кровати.

У себя, уже энный час. Под потолком как под

---

[112] Примечания: 112

Вверх и вниз, внутрь и наружу, вверх и вниз, внутрь и наружу, вверх и вниз, внутрь и наружу, вверх и вниз, внутрь и наружу, вверх и вниз, внутрь и наружу, весь трах напролет (*англ.*).

белой дырой. Плывут облака, мастодонты топчут мозговые ганглии. Бум, бум, бум.

Гейдж от посткоитальной грусти — принял.

Гейдж от субботнего вечера — принял.

Гейдж от весны в городе — принял.

И все равно жопа.

Из дыры вылезают мерзкие херувимчики с большими херами и гремлинят квартиру.

Какие драги принимать, чтобы хотеть принимать все больше больше больше драгов?

Павел хватает «Живец» и выходит на крышу.

Там сидит валидатор из квартиры номер два. Закинул удочку, показывает Павлу косяки рыб, снующих в каньонах улиц.

Павел пьет.

Пинг!

Пульсар в созвездии.

Кто?

Пан Утралт.

Пан Костшева.

Павел перескакивает в гостиную Утралта.

Куда дух веет?

Туда, пан Костшева, туда.

Павел касается иконки на лацкане пиджака Утралта.

Меч или крест. Крест и меч.

Орден? Рыцарство 72. Симпатичный дизайн. Кто вас проектировал? А-а, вы же работаете в этой области, пан Костшева. Никто не проектировал. Но да, орден. Приватный ксендз? Нет. (Они садятся в кресла.) Вот видите, пан Костшева, вы спрашиваете, а ведь могли бы и знать. Почему он спрашивает? Чтобы о чем-то говорить. Так почему орден? Ну, чтобы вообще хоть что-нибудь.

Были такие движения петро. Йиппи, запиравшиеся в монастырских кельях, очень дорогое удовольствие аскезы. Еще более ранняя популярность БДСМ. Массы, рвущиеся в секты, к гуру, к психоаналитикам. Забавы взрослых людей с кольчугами, мечами, конями.

Брось камень в воду, и круги разойдутся во все стороны. Так и тут. Удар — и волны идут в прошлое и в будущее. Чем дальше, тем слабее, так что сперва появились такие вот игрушки. Но мы ведь все уже чувствуем. Что такое мы чувствуем, пан Адриан? Чувствуем конец времен человека. Чувствуем, что земля уходит из-под ног; на чем-то стоять надо, и мы строим подмостки, но чем мы выше, тем они более шаткие, чем мы могущественнее, тем они более хилые. Все валится. И рухнуло.

Правда, пан Костшева? Рухнуло.

Павел бурчит про себя: будет тут мне еще Бога на трупе Ницше подавать, иди лучше тотемы продавать в социале!

И вместе с тем: вот зачем он свежих соседей к сердцу прижимает! Чтобы обращать в свою веру. (Саундтрек: Smoke on the Water.) Чтобы заражать.

То была никакая не случайность. Он всех так. Ловит.

Легкий привкус возбуждения, будто в шляе heroic fantasy.

Ничем не отличается от секса. Павел вовсе не вожделеет особей любого пола, возраста, внешности, характера. Но именно на том и основан протеосексуализм, что можно легко перегейджить желание с произвольного Икса на произвольного Игрека.

Пока же он пьет.

Нет противоядия. (Бурчит.) Некуда бежать. Там только зубы быстрее портятся и вши на голове кишат. Но в голове — тот же паноптикум.

Именно этим вы и занимаетесь, пан Павел? Сидите на крыше и хлещете пиво на Луну?

Угу, только гейдж нам и остался.

Утралт моргает, взгляд его соскальзывает в сторону… Павел быстро хватает его за руку — лишь бы успеть раньше духа.

Allow me.[113] Вы возвращаетесь из-под чужого неба. А тут среда англо.

(В королевствах свои языки. Прежние corpspeaks, brandspeaks, cultspeaks[114]. Не обязательно принадлежать к другому поколению, чтобы не понимать.

И королевства там — не королевства. Созвездия — не созвездия. Гейдж — не гейдж.)

Павел разворачивает плей.

Картинка в фокусе:

Смуглолицый мужчина в сюртуке и жилете девятнадцатого века, с высоким белым воротником. Он смотрит прямо в объектив. У него нет одного глаза — веко залепляет глазницу, будто пластилин. В руках он держит толстый металлический стержень, наискосок туловища. Стержень настолько длинный, что концов его не видно. В чертах мужчины ощущается нечто обезьянье, тень тупой звериной брутальности.

Его звали Финеас Гейдж. Он родился в 1823 году в Нью-Хэмпшире. Ничем не выделялся. В возрасте двадцати пяти лет работал на строительстве железнодорожной линии в Вермонте.

---

[113] Примечания: 113
Позволь мне (*англ.*).

[114] Примечания: 114
Языки корпораций, языки брендов, языки сект (*англ.*).

Они сверлили глубокие отверстия в камне, закладывали в них динамит или просто порох, утрамбовывали и поджигали. Именно для этого служили те самые стержни. Случилось, однако, так, что из-за удара стержня о скалу возникла искра, от которой преждевременно сдетонировал весь заряд. Стержень выстрелил как из пушки и пробил голову Гейджа, войдя под левой скулой и выйдя из макушки. Причем с такой силой, что его нашли лишь в тридцати метрах (измазанным кровью и мозговым веществом).

Гейдж остался жив, даже разговаривал сразу после случившегося. Его отвезли к врачу. Тот ничем не мог помочь, кроме как забинтовать раны. Была разрушена по крайней мере одна лобная доля мозга. Если верить записям врача, открытый мозг подвергся инфекции и зарос каким-то грибком. Врач откачал из головы Гейджа восемь унций гноя. Гейдж впал в кому, для него уже приготовили гроб.

И тем не менее он выздоровел. Ослеп на один глаз и утратил контроль над частью лица, но через несколько недель смог вести обычную жизнь. Только он уже не был Финеасом Гейджем.

Он утратил понятие ценности денег, перестав отличать бумажные банкноты от камешков, стал

вульгарным и жестоким, не обращая внимания на чувства и желания других — лишь бы удовлетворить собственные. Его раздражало все и вся. Он не мог придерживаться какого-либо плана, реализовывать намерения. В организме взрослого мужчины поселился ребенок-зверь. Жена и знакомые заявляли, что это не Финеас Гейдж, Финеас Гейдж погиб от несчастного случая.

Тот новый человек в его теле умер тринадцать лет спустя в приступе эпилепсии. Он до самого конца не расставался с металлическим стержнем, который его породил. Его так и похоронили с этим стержнем в руках.

В окрестностях последнего Хэллоуина культ креативов протео из Хельсинки поплыл на волнах мемов викторианских ужасов нейро, и Финеас Гейдж, этот Авраам инженерии когито, появился во всем мире на вывесках аптек, носках и напитках, полностью вытеснив в исходных отраслях более старые мемы. Язык тоже плывет.

Ага. Значит, гейдж…

Да. Ведь не только протеи, а все мы им пользуемся, в меньшей или большей степени.

Но вы говорите, что вам только гейдж и остался.

Да. Гейдж — единственный выход для тех, кому

никто не произведет смысл жизни.

(О, так вы производите смысл жизни!

Мы. Производим.)

Так было всегда. Креативы всех времен гейджились как могли, хотя бы ненадолго: вином, водкой, абсентом, опиумом, героином, кокаином, марихуаной.

А теперь у нас есть гейджи со смыслом, отснятые когитами.

Безболезненные.

Не вызывающие зависимости.

Безвредные.

Дешевые, очень дешевые.

Павел тут же показывает на крестомеч Утралта: это тоже гейдж. Только вместо того чтобы вложить его себе прямо в когито, вы постепенно вводите его себе движениями в материи. А ведь существует идеальный эквивалент многих лет жертв, молитв, ритуалов, привычек, рефлексов. Нейротеологи выделили центр религиозных чувств в височной доле.

Прямо-таки чудо дизайнерской химии. Мозг и мозг, потом не отличишь.

Утралт поймал ветер в паруса.

У вас просто не было возможности полноценно вырасти из религии.

Павел смеется. Мы все из нее выросли! В созвездиях Протея это даже уже не тема для разговоров за кофе. Иногда кто-то подурачится, но мы вежливо молчим.

Нет-нет. Я не говорю о рамках приличия. Я говорю о том, что вне них.

К нашему несчастью, в Польше не было иноверческого большинства.

Все были католиками — никто не был католиком.

Потому все так быстро пошло. Мы жили в подвешенном состоянии, без трений. Рано или поздно должно было опрокинуться.

Эти иллюзии! С самого детства.

А дети — прирожденные атеисты, пан Костшева.

Неправда, будто они верят во все, что им скажут взрослые.

Верят и не верят. Сунут палец в огонь, полижут соплю, съедят перец.

(Подавив смешок, сверлит Павла взглядом.)

Естественная последовательность вещей:

веришь — притворяешься — веришь — притворяешься

в силу традиций и обычаев

потом взрослеешь и бунтуешь против тради-

ций
и обычаев
потом вырастаешь из бунта и строишь для себя
собственную картину мира
и только тогда приходит время для настоящей веры
по твоему собственному убеждению
а не мира вокруг
и не людей вокруг
только ты
и Бог

Павел тянет из бутылки уже третий литр. Язык заплетается, голова кружится.

(Бормочет.) Бога нет, а если даже есть, то его тоже создали креативы.

Утралт сочувственно и понимающе кивает, уплывая вдаль вместе с креслом.

Херастые херувимчики затаскивают Павла в его постель.

Где он лежит на границе сна, на пляже Mare Nolensum.

И дышит.

Дышит.

Дышит.

Всегда под рукой: ингалятор с забывайкой. Но

Павел к нему не тянется. Пусть останется на веки веков этот вечер, эта ночь и предыдущая, Крыся, Утралт.

Его накрывает волной.

Он засыпает в одежде.

Просыпается.

Засыпает.

Просыпается.

Хочет встать.

Хочет.

Не будете ли так любезны, сударь

На рассвете, сером и дождливом, мы выехали в тот день из города Л. в запряженных восемью лошадьми двух колясках, направляясь по указанию лейтенанта Г. к южному перевалу, где должен был нас ожидать посланник его королевского величества с бумагами и охранными грамотами, обещанными еще прошлой зимой. За милю или две до заставы доктора Венцеля скрутили желудочные боли, и столь жестоко, что несчастный коновал превратился в подобие Лаокоона в одном лице, которого то и дело швыряло на выбоинах и ямах внутри полной углов коляски. Седая голова Венцеля под каблуками, каблуки Венцеля под

потолком, нога в окно, рука в карман советника Бубера — что тут поделаешь, пришлось остановиться в старой королевской корчме и отдать доктора в могучие руки подручных корчмаря, а те перетащили его, стонущего и бьющегося в судороге, внутрь; хозяин нес над Венцелем зонтик. Кто-то должен был остаться с несчастным костоправом, который мог в любой момент лишиться чувств, так что мы встали вшестером под кривым буком, а майор достал оструганные зубочистки. Тут же возникло у меня мерзкое предчувствие, и я посмотрел в серую мглу, что простиралась за нами и перед нами. Над вспаханными полями летали вороны. Там, на холме, раньше стояла виселица, но ее порубили прошлой зимой на дрова. Майор сломал зубочистку, пастор произнес молитву, мы стали тянуть по очереди, и я вытянул ту сломанную. Закаркал туман на месте казней. Мы пожали друг другу руки. Наши бумаги остались у майора. Добавить больше было нечего. Они уехали еще до того, как я скрылся в корчме.

Доктор синел и краснел, не в силах выдавить ни слова.

— Нужно врача! — крикнул я, схватив хозяина за полу. — Пошлите мальчишку за врачом, ну же!

Хозяин тоже заволновался, особенно после того, как я сунул ему в пятерню два золотых, заодно поблескивая и звеня монетами из глубины кошелька.

— Самого быструю лошадку дам, самую быструю! — поклялся он. Но я все равно пошел проследить. Накричав на невероятно худого подростка, он побежал в конюшню вывести ему лошадь. Тощий мальчишка вскочил на едва оседланную кобылку, повторил тонким голосом короткие указания и поскакал галопом в сторону города. Я смотрел, как он исчезает в серой мгле. За зловещим холмом он разминулся с отрядом из десяти всадников в плащах, с пистолетами и шпагами. Они промчались из дождя в дождь, почти бесшумно. Послышалось карканье ворона.

Я вернулся к доктору. Его перенесли в заднюю комнату, возле кухни и печи, чтобы держать страдальца в тепле и поблизости, а не мучить его тасканием по лестнице. Женщина, которую я сперва принял за жену хозяина, оказалась вдовой и законной владелицей всего заведения. Сия матрона в летах вскипятила доктору Венцелю горячей воды с медом (которую он, однако, не смог глотать), а мне, услышав, что я отправился в сырость и холод, даже не позавтракав,

быстро сготовила полдюжины ломтей хлеба с сыром, ветчиной и каким-то воистину восхитительным грибным паштетом из их погреба. Но все это вставало мне поперек горла, будто кусок глины. Доктор стонал, метался и бился в судорогах, каркали вороны, в кармане колола роковая зубочистка, стучал по черепице дождь. Я выщипывал из хлеба мякиш и лепил из него кривые фигурки.

Закурив трубку, мысленно прикинул, что у меня есть при себе и что компрометирующего может быть у доктора. Сделав вид, будто осматриваю его и пытаюсь ободрить, я хорошенько его ощупал, просмотрел карманы сюртука, жилета и брюк, удалось даже незаметно от хозяйки заглянуть в его сумку. У доктора нашелся двуствольный пистолетик и упаковка патронов к нему. Я забрал их и спрятал у себя в плаще.

— У нас тут как-то епископ гостил, — заметил хозяин, продолжая созерцать страдания доктора, — который так сливами обожрался, но днем раньше, не у нас, так обожрался, что желудок по кускам из себя выблевал, да-да, вместе со сливами потроха собственные, вон, в тот таз, да упокоит Господь его душу.

— Позвольте-ка.

Я отвел его в сторонку. Глаза его алчно вспыхнули. Я позвенел золотом, но он даже не моргнул.

— Если кто будет спрашивать — мы одни сюда приехали.

— Одни, — он даже не моргнул. — Но где лошади ваши, ваш экипаж?

— И правда, где? Ну, видать, кто-то их забрал. Кто?

— Вы сперва послали за помощью вашего возницу, но он пропал без вести.

— Вот ведь чертов пьяница!

Что оказалось воистину пророческой выдумкой, ибо прошел час и еще полчаса, но тощий паренек так и не вернулся. Начали беспокоиться и хозяин с хозяйкой. Мы выходили из корчмы под широкий навес и вглядывались в силуэты на границе земли и неба. Прежде серая и размытая из-за тумана и дождя, граница эта постепенно исчезла окончательно в грозовом мраке, который надвигался на равнину лавиной туч, набрякших водой и молниями, будто кишка кровяной колбасой. Рядом с нами стоял на пороге другой собиравшийся в дорогу гость, некий Уделко, и ругался на чем свет стоит; у него были назначены дела в городе, а тут уже почти валил град. Прозвонило восемь утра, в корчме зажгли керосиновые лампы.

Мы спрятались внутри. Сверху спустилась еще одна семья путников: старик, женщина и три мелюзги. Дети играли с кошками. Старик заглянул к воющему доктору и, вернувшись, мрачно покачал головой. Хозяйка напомнила о завтраке. Громыхнуло, столь близко, что наверху что-то упало и разбилось. Самый маленький из ребятишек расплакался от страха. Женщины перекрестились. За окнами уже стояла кромешная тьма. Доктор Венцель выл по-собачьи.

В дверь заколотили.

Старик неведомо отчего сперва посмотрел на меня. Я молча грыз трубку. Хозяин позвал подручных, появился один с массивной фузеей в лапе. В дверь продолжали колотить. Хозяин беспомощно переглянулся с вдовой, после чего открыл.

Пришельцы ввалились, как стая летучих мышей, опутанные черными крыльями плащей — будто их втолкнул внутрь порыв грозового ветра. Они сразу же заполонили весь обеденный зал, с разгона набившись в заднюю часть дома, на лестницу, в кухню. Лающие приказы отдавали на одном языке, ругались на другом, а между собой говорили на третьем, тоже не нашем. Мундиров на них не было, но какая, собственно, разница?

Они уложили раненых на стол под лампой

— одного своего, двух не своих.

— Врача! — рычал пузатый главарь этой компании нетопырей.

— Уже позвали, уже в пути, — заверил его хозяин. — Уже два раза людей посылали, вон, к тому несчастному.

Я старался держаться подальше от их взгляда, но так, чтобы другим не казалось, будто я прячусь, и потому остался возле Венцеля. И именно туда ко мне явился обладатель грозного рыка.

— Что с ним? — он снял и отряхнул плащ, дождь разбрызгался по доскам хрустальными осколками.

— Похоже, отравление, — ответил я, не поднимая взгляда. — Или заворот кишок, или газы, или язва прорвалась, или приступ аппендицита, или еще какой переворот в организме.

Венцель выл и бил ногами.

Командир получил от него носком сапога под ребро и зарычал еще громче. Повелительно махнув мне рукой, он вернулся в зал.

Броситься к заднему выходу, сбежать в грозу? Они меня тут же догонят.

По крайней мере, хоть убью прежде их главного пса, мне зачтется, этого бульдога надутого. Отложив трубку и выхватив из кармана плаща

двуствольный пистолет, я вошел в главный зал.

Один из двоих раненых пленников уже испустил дух — это был молодой часовщик Миллер. Рядом с ним, распластанный на столе, будто перед снятием шкуры, истекал кровью наш майор. Еще троих, связанных, нетопыри усадили на скамью за камином — лейтенанта, советника и пастора. Они сидели промокшие, побитые, с вывернутыми за спину руками, крепко сжав губы и по-детски широко раскрыв глаза. А на них молча смотрели дети и кошки, застыв будто в театральной немой сцене.

— Когда он ушел?

— Простите?

— Когда ушел за доктором ваш человек?!

— Гм… часа два назад, даже больше. — Я передвинул руку с пистолетом под полу пиджака. — А потом еще хозяин посылал своего, но оба пропали в той буре.

Бульдог состроил злобную гримасу и выругался по-ихнему. Он бросил своим какие-то приказы, после которых один нетопырь вышел из корчмы, другой начал обыскивать майора и часовщика Миллера. Нашли ли они уже у майора бумаги? Вопрос времени — найдут. Я отвел взгляд.

И увидел перед собой рыкмистра, который

смотрел на меня так, будто приставлял дуло к виску.

— Так когда вы тут в таком случае остановились?

— Это что, допрос? — Я ощерил зубы. — По какому праву? Что это вообще значит? Может, вы какое братство разбойничье или шайки чужеземные!

— Два часа назад я бы с вами скорее всего разминулся. Откуда путешествуете?

Уделко хотел было уйти, но нетопырь поменьше поймал его и трижды стукнул рукояткой пистолета. Пана Уделко положили рядом с майором.

— Вообще — из Вены.

— О! А где бывали? Может, я вас знаю, молодой человек.

— Смею сомневаться.

— Могу я узнать, с кем имею честь?

— Костшевский, Петр Павел. — Я натянуто поклонился. — Писарь в инвестиционном доме Аркауэра и Фильфа, Виплингерштрассе, двадцать пять.

Он задумчиво помассировал подбородок.

— Ну да, я вас знаю! Вы поэт, Костшевский, сказки рифмованные пишете!

Я взвел курки.

— Воистину, странная встреча, ибо меня прежде никто не узнавал, вы первый. Не так уж велика моя слава.

Он смотрел на меня и будто не видел, словно обращаясь не ко мне, холодному, сосредоточенному и готовому выстрелить, а к сердечному знакомому, которому перед этим пожал руку и заключил в крепкие объятия. Будто рассчитывал, что я тут перед ним размякну.

— Читал, ну как же, знаю ваши магические истории, и дети ими развлекаются, и мы тоже.

Дети не развлекались — мать загнала их наверх, хватая по одному и таща за воротники и уши. Остались недоеденные завтраки и мяукающие кошки.

— Не думал, что столь несерьезными историями…

— Ба! Но лишь для несерьезных историй мы по собственной воле открываем душу, и только они могут столь глубоко в нас войти и изменить, зачаровать — беззащитных, по-детски доверчивых. Не профессорские лекции и не проповеди с амвона, но именно магия чудесного воображения, очарование невозможного. В нас вспыхивает гордость, стоит нам вспомнить о Георгии над

трупом адской твари — именно потому восстают одиночки против армий и империй. Именно оттуда рождается в людях все самое великое. Я не прав, молодой человек?

— Вы переоцениваете сказочников.

— Ложная скромность, ложная и потому безобразная. А этот, вон там, вам знаком?

Старик остановился на лестнице. Хотел ли он что-то мне сказать, дать понять, может, предупредить? Знал ли я его? Не знал, хотя, возможно, должен был знать. У него не было знака клики, но это ни о чем не говорило.

— Оставьте его, он ночевал тут с семьей, они уже были тут до нас.

Бульдог зловеще набульдожился.

— Что значит — оставьте? Кто он такой? Может, он с той семьей не имеет ничего общего, может…

Стоявший у стола нетопырь, измазанный в крови майора, что-то крикнул, размахивая полотняным пакетом. Все-таки нашел.

Старик по-бычьи протаранил перегораживавшего лестницу нетопыря в плаще, перескочил через перила, будто птенчик, выхватил у помощника корчмаря фузею и скрылся в кухне. Хлопнула дверь.

Толстяк зарычал у меня над ухом. Захлопали

черные крылья. За стариком бросились в погоню, в корчму ворвался смешанный с дождем ветер.

— Значит, все-таки, — причмокнул бульдог, беря в руку пакет майора, — все-таки они тут оставили своего человека.

И, внезапно улыбнувшись, подмигнул мне.

— Вы тоже гонитесь за сказкой, — сказал я.

— Видите, что они с людьми делают? Кто торгует оружием? А ведь его мощи хватит для Götterdämmerung[115].

Он потребовал нож, бумагу, чернила, перо.

Наверняка он знал все с самого начала, с полной ясностью — ах, повернуться бы теперь к камину, взглянуть в лица лейтенанта, советника, пастора, они выдали меня и Венцеля при первой же пытке, именно потому нетопыри тут остановились, не для того, чтобы укрыться от грозы, не из-за раненых — он наверняка знал меня в лицо и по имени, и только ждал возможности позабавиться со мной со всей кошачьей жестокостью, с наслаждением палача.

— Сейчас я вам, сейчас, сейчас… — басисто ворча, он склонился над столом и написал на своей визитной карточке несколько слов, гневно

---

[115] Примечания: 115
Гибель богов (*нем.*).

встряхнув перед этим стальным пером. — Не будете ли так любезны, сударь, при ближайшей возможности почтить своим присутствием наш дружеский круг? Вот, я тут записал…

За корчмой грохнул выстрел. И второй. Старик защищался. Из какой он клики, из какой гильдии, подполья? Как оказался здесь, на нашем пути, во время случайной остановки на протяжении своей многолетней миссии?

— Господи Иисусе! — при третьем выстреле доктор Венцель сел на печи, будто его стукнули палкой. — Павел! Я тут умираю! Режь все подряд!

— Армии поэтов, арсеналы эпоса, чужие сны…

Вынимая из-под пиджака правую руку с пистолетом, я взял левой карточку у бульдога и, прежде чем поднять взгляд, чтобы дважды выстрелить в середину широкой груди врага, успел прочитать его имя в двух мирах:

KG. WILLO

IN DEN DIENST DES REICHES DER EWIGKEIT[116]

---

[116] Примечания: 116

На службе царства вечности (*нем.*).

В стенах Афины

Тем временем — перегной.

Беда, ибо вовсе не в руках доктора Беды пребывает зачетка Павла.

И что нам с вами делать? (Таким голосом, что в духе у доктора вырастает фуражка красного комиссара и кожаный плащ.) Что с вами делать. Костшева?

Павел тупо таращится на него. (Может, хоть этим собьет его с толку.)

Доктор Желиво, Арто, в биоло Артур. Но он обнулился. Так что Арто.

Растет мода после университетов. Постсексуалисты. Они размножились на социологах, литературе — потом заразили психономию и политейнмент — теперь расползаются на мягкую философию и направления когито. Существует также нердический штамм: в математике, информатике, Q-теориях.

Сперва они обитали в нише богемы больших городов — уродующие себя металлом на лицах, криво подстриженными зелеными волосами и тюремными шмотками девицы, немытые, заспанные и полуголодные парни с химией на

голове и в обносках после собственных племянников.

Потом пирсинг и татуировки спустились на уровень генов.

У них теперь есть свои зоны духа, города внутри городов, миры внутри миров, со своей репутацией и когито. Социальные шляи, где исчезает даже память и слово «я». Протеи моря.

На лице у Арто выдвижные ящики и кошельки, волосы Арто растут в коралловом рифе, на континентах его торса пылают джунгли.

(Диалоги.) Что сочтете нужным, зер доктор, что сочтете нужным. Но, как я вижу, Костшева, большинство зачетов у вас перенесено с предыдущих специальностей. Вам вполне хватило бы приложить немного усилий. А вы даже не коллоквиумы не ходите. О чем вы собирались писать у Еруцека? О маршах Синей Книги, зер доктор. Ну так хотя бы покажите.

Вздохнув, Павел послушно вываливает собственные потроха на стол перед преподавателем.

Такие вот хитросплетения:

Раз. Все мы живем в тени чудовища. В тени чудовища, которое еще не до конца вылупилось, но уже подчиняет себе все живое вокруг.

Над горизонтом видна его огромная как Юпитер башка: разум вне сингулярности, ИИ после Technological Singularity.

Неважно, наступит ли она на самом деле. Неважно, правда это или ложь.

Мы живем в тени потенциальной возможности, в долине фантомной массы.

И у каждого уже есть мнение, каждый где-то нашел себя в столь деформированном пространстве.

Те, кто возражает и заслоняет глаза

Те, кто смирились с судьбой

Те, кто бегут и строят бункеры, в духе и в перегное

Те, кто верят в добродетель новорожденных богов

Те, кто видят в них гибель человечества и борются

против

Существует также более уточненная позиция. (Два.) Окей, Сингулярность наступит, от нее не убежишь, это неминуемое будущее. Однако коечто в ней не предрешено:

Когда она наступит

Какой образ ИИ посадит на троне

Вопрос: Можем ли мы повлиять на эти пере-

менные?

Если да, самой разумной стратегией человечества будет не замедление Сингулярности и борьба с ней, но сознательное ее ускорение. Так, чтобы эволюционный путь ИИ, который начнет реализоваться в переломный момент, не был случайным (в момент пересечения финишной черты во главе гонщиков машинной автоэволюции может оказаться ИИ любого рода), но заранее выбранным нами, наиболее выгодным для человечества — ИИ, основанным на гомофилии.

Диалектика постгуманизма: те, кого больше всего пугает Сингулярность, сильнее всего к ней стремятся. (Три.)

А что является ключевым отличием гомофильного ИИ? Языковая совместимость. Возможность установить с этим ИИ двусторонний контакт. Когда значения перетекают в обоих направлениях.

Ибо, естественно, каждый сознающий себя постсингулярный разум легко нас обманет в тесте Тьюринга.

Но

(четвертая петля кишок)

начиная выращивать ИИ в направлении технологической сингулярности, мы никогда не знаем, что получим на выходе. Подобный постсингуляр-

ный разум невозможно спроектировать заранее. Корчась в пыли у его ног.

Разве что.

Он рождается и существует в языке. Вне языковых игр человека и машины его не существует.

Далее — Витгенштейн. (Пять.)

Ну и что дальше, Костшева? (Доктор шевелит пальцем мешок из потрохов.) Вы добыли их материалы? Копии зародышей? Этого нет в духе, не публикуется.

Но это же гонки, зер доктор. Созвездия и клики технофилов состязаются за репутацию.

Клубы Стартрека. Велосипедисты МТИ. Собаки Баскервилей. Тонги Цезаря. Анонимные солнечные партии. Каждый бросает кости, пишет собственные скрипты.

Не выпуская из рук Волшебных Книг.

Но вам вообще хотелось попробовать? Вы что-то в итоге сделали?

Павел пожимает плечами. Mana Drain,[117] 0/100.

Не работает двигатель. Вытек водород. Шины лысые, ручка отвалилась. По кузову скачут белки.

---

[117] Примечания: 117
Утечка маны (*англ.*).

Зачем, зачем, зачем сдавать представлять отвечать писать посещать добывать титулы подтверждения пункты резюме?

Павел чувствует это в воздухе, кружащем в стенах Афины. Слышит в эхе шагов в высоких коридорах. Видит в движениях студентов. Они уже никуда не спешат.

Ноленс залил фундамент университета.

Такой пункт — граница — сломанная ветка (треск). С какого-то курса всем очевидно:

Учеба — это стиль жизни

Наука — это стиль жизни

Бизнес — это стиль жизни

Учебное заведение — заменитель жизни (очередной)

Они увидели сцену, на которой играют.

Ноленс хлюпает в будке суфлера.

Что вы мне можете посоветовать, зер доктор? Я слишком много сплю.

Комиссар сейчас бы достал револьвер и пристрелил профана.

Вам что, больше нечего делать, кроме как дух нам морочить?

Нечего.

Так уж меня созвездия перемололи. Вот я и зашел. Надеялся, что-то заискрится. Никогда ведь

не знаешь. Верно, зер доктор?

(Павел заметил у Желиво монографию про чревовещание зеро и втягивает ее левой ноздрей.)

Преподаватель расклеивается. Нас породило другое телевидение.

Павел ему сочувствует.

Если в самом деле тест, отличающий человека от машины, представляет собой разговор, при котором человек опознает из-за черной занавески на основе одних лишь слов, является ли его невидимый собеседник в достаточной степени человеком — тогда девяносто процентов консументов, для которых мы производим в Гейзере повседневный смысл жизни, не прошли бы мой тест Тьюринга. (Это машины.)

И, в свою очередь, их тесты определяли бы как человека разговорные алгоритмы психотерапии или любого закупочного бота.

Человечность — не свойство ноль-единица. Не существует универсальных тестов Тьюринга.

Человечность — широкая гауссова волна. И один ее край не признает другой.

А со временем они расходятся еще дальше.

Нулевики от сексуалов. Желиво от Костшев. Гейджисты от статиков. Глобальный город от локальной провинции. Созвездия от созвездий.

Дети от родителей.

(Это ускоряется.)

Ранее требовались века. Теперь одно поколение даже в телескоп не увидит следующее.

Сосед соседа.

Ибо что из всего этого понимает доктор Желиво, когда смотрит на Павла? Когда всасывает через соломинку его публичную душу? И даже когда живет жизнью Павла? Что он понимает?

Он пришел, но мог и не прийти. Хочет учиться, но не хочет. Иногда учится, иногда нет. Ему то требуется квалификация, то не требуется — с тем же успехом он мог бы присутствовать в открытом духе.

Так что же им нужно, зачем они записываются, зачем платят за учебу, чего ищут в стенах Афины, если не знаний, не права на работу, даже не дармового социала?

Комиссар сидит за столом и чистит наган. Со стен и потолка свисают ошметки мозгов из простреленных черепов студентов.

IQ^{-1}

Итак, двадцать семь лет — и до сих пор ничего.

Есть интеллект, нет жизни.

Так мы вам сейчас и скажем, Костшева. ИНТЕЛЛЕКТ ПЕРЕОЦЕНЕН.

Люди с выдающимся интеллектом часто ничего в жизни не добиваются.

Почему? Именно потому, что у них настолько высокий интеллект.

Посмотри на свою историю и скажи, правы мы или нет.

Когда формируется характер, привычки, когда прожигаются в мозгу дорожки удовольствия, удовлетворенности и уважения — гению обычно вообще не приходится прилагать усилий. Все приходит к нему без труда и без напряжения. Без риска проиграть.

И уважение окружающих он завоевывает не благодаря тому, что делает. Не благодаря работе.

Он завоевывает уважение благодаря тому, что он таков, какой есть.

Тому, что и так имеет задаром.

Пока не доходит до точки, где одного интеллекта уже недостаточно.

И что? И он уже не может заставить себя работать над собой. Нужно. Но он не может. Не научился.

Он видит, что его превосходят намного менее способные люди. (Потому что усердно стара-

лись.)

И он начинает ожесточаться. Накручивает в себе пружины зависти, снобизма. Разных чудачеств и паранойи. Все из-за претензий и обид на мир и людей.

Но изменить целиком свою личность он уже не в состоянии.

Такова судьба чересчур умных, Костшева.

Зато успеха часто добиваются те, кто стартовал с форой.

Само препятствие со временем утрачивает значение. Но на нем вырабатываются упрямство, трудолюбие, смирение, вера в собственные силы, здоровые амбиции — и остаются на всю жизнь.

Есть множество примеров «недооцененных гениев». Или происходящих из низких слоев, из дурных семей, выросших в трудных местах, в трудные времена.

Почитай биографии великих, Костшева. Им нелегко приходилось.

Общество, однако, само встраивает в систему катализаторы характера.

Кто король школы? Мускулистый хам, который измывается над интеллектуалами ради развлечения. Киски тоже льнут к темным типам.

Разум лежит в самом низу.

Ботанов топчут и оплевывают.

Надо через это пройти, надо.

Иначе — что толку от разума?

Мозг можно натренировать. Наработать эластичность мышления, восприимчивость, интерес к миру. Способность к ассоциациям. Особенно память.

Над интеллектом можно потрудиться.

Но характер ты себе ни черта не выдумаешь.

Таков предел всякого гейджа: воля гейджевания.

Чат и мат: Консерватор

Бла бла бла бла. Бла бла бла. И еще бла. Павел встретил консерватора.

Вечеринка для приглашенных, скопированная из шляя. Чужие созвездия. Он взял с собой Крысю. (Romcom double feature.)[118]

Гаврило нет, он сразу проверил.

Ничего. Будет играть как обычно. Постоянно случалось, что вращения небесных сфер выбрасывали Павла на такие моды, на такие воды.

Зачем его вообще приглашают?

---

[118] Примечания: 118
Двойной сеанс с романтической комедией (*англ.*).

Чтобы заработать к себе антипатию, нужно солидно постараться. Пока же достаточно ничего не говорить и держать улыбку.

Не бывает ленивых грубиянов. Отказ всегда требует определенных усилий. Человек, всеми любимый, и человек никакой — обычно одно и то же лицо.

А тут…

На такой вечеринке…

Кто-то кого-то облил вином.

В духе флирт и морфинг.

На вкусовом канале чужие бокалы. Киска рядом поражает солью на языке.

Павел наблюдает эротическую динамику за столом. Частоту взглядов, взрывов смеха, прикосновений руки, углы наклона головы.

Существуют накладки.

Если бы он только хотел. В эту игру. (Крыся включится, включится.)

Здесь каждый желает каждого. Anyway, он мог бы пожелать.

Договор разрывает Гуцек, который выступает с речью в паблике.

Киски в восторге: ах, ах, так вы абстинент и в теле, и в духе! прямо носитель истины! камень на камне!

С секса, естественно, переходит на костел. Здесь поколение гормональных вероотступников: они выросли из религии, как выросли из других привычек и ритуалов родного дома или другого стартового созвездия, любимые дети Протея. Утралт бы улыбнулся с отеческой снисходительностью.

Хозяин подлизывается к Гуцеку: петрокатолики — соль земли, fashion statement и full service, королевство на вынос. (Бла бла бла.)

А Гуцек с фланга: Не хожу, потому что мне плохо делается. Еще не хватало расстаться с ужином под крестом посреди нефа. Может, если бы у нас, как во всем мире, ходили в костел полтора десятка человек, я сидел бы где-нибудь на пустой скамье. Но тут валят стадами старые деды и сморщенные бабки, и от них смердит. Осенью или ранней весной еще можно выдержать. Но в жару или зимой — в этих пальто, шубах, тряпках! Не знаю, они вообще не моются, или что? Все едино. Костел — и воняет этой старой грязью. Столетним потом. Что я могу поделать, это физиология, не выдерживаю. В перегное.

Шах и мат.

Если бы он фильтровал сквозь себя ощущения или парил в духе, он уже не был бы таким петро.

Так что или все, или ничего. Бетонный биоло.

Салонный консерватор посмотрел в бездну, и бездна ему многозначительно подмигнула.

Павел думает: Если бы удалось вот так! Вернуться к вере ребенка. Не по расчету, но искренне. До мозга костей. Как те рабы рибосом, вонючие бабки и дедки.

Но если ты опоздал родиться на десять лет — что тогда? Головами не поменяешься.

И что с того, что пан консерватор не поглощает потом свою добычу? Кайф тот же.

Только и осталось от катопольских традиций, что и от всего остального: мода.

Стоит добавить, что Гуцек в костюме от Ла Сальвы и галстуке турбо, ходит в ореолах Олд Спайса, под флагами Дьяболо-Венис, с зубами Тома Круза и тенью Аружа.

Странное дело: когда Павел отводит от него взгляд, тут же натыкается на зеркальное отражение лица Крыси. Так что и впрямь симметрия — а ведь они даже друг на друга не гейджились. (По крайней мере, он — нет.)

Они обмениваются комментариями в привате. Господи, подобные пьесы играли еще до того, как мы родились! Ты их знаешь? Не знаю, это неофициальный контакт от клиента Гейзера. Посмотри

в паблике: наполовину креативы, наполовину варшавский компост. Весьма, весьма несвежие.

Павел молча считает слои кавычек. Сцена, поставленная на основе сцены, поставленной на основе сцены, поставленной на…

На каком этаже играет этот самый Гуцек?

(Может, стоит чаще выходить за пределы своих созвездий. В чужие иерархии репутаций, в языки отдаленных королевств. Может, такова мода сезона. О чем-то ведь нужно говорить, хотя говорить не о чем.)

Крыся все больше скучает. Надувает губы.

Что там? Религиозные ретро-консервы? Даже не смешно.

Они проиграли в тот момент, когда перешли к демократической конкуренции.

Значит, считаешь, что человек начинается с зачатия? Что это убийство? А они — убийцы?

И потому входишь к ним в комнату и стреляешь им в голову, вонзаешь нож в сердце, хватаешь и лупишь чем попадется.

Не может быть иного ответа. Это убийцы, они замышляют очередные убийства и позволяют другим совершать больше массовых убийств, и их не отговоришь от этого.

Но ты не выстрелил. Ты сел. Разговариваешь.

Подаешь руку. Позволяешь решать большинству.

Ты проиграл.

Ты изменил себе перед лицом демократии.

Будто это не убийцы.

Будто ты лишь изображаешь перед людьми театр.

И они это видят. И ты это видишь.

И они видят, что ты видишь.

Неважно, идет ли речь о старомодном аборте, или о любом другом основанном на вере или традиции вопросе, — тот же самый выбор на пороге.

И все пропало. Зажглись огни в театре.

Можно быть либералом, но нельзя быть сегодня консерватором — только играть роль консерватора.

Ведь мы это знаем, как знает Гуцек и знают все за столом. Они давно сбросили с себя те сантименты.

Так что же осталось?

Различные условности вымысла.

А также хорошо прожаренное мясо. (Знак модной контрмоды.)

Потом на балконе они курят с Гуцеком, mano

a mano[119]. (Диалоги.) Тебе от этого не мерзко? Гуцек стряхивает пепел в ладонь. Мерзко? Я хорошо воспитан. Но ты же понимаешь, что тренд сдох поколение назад. Так какой в том смысл? Здесь Гуцек удивляется. Смысл? А кто говорит о смысле? А какой смысл жить? Что за странные вопросы! Послушай, Павел, консерватор не тот, кто придерживается старых ценностей, но кто придерживается ХОТЬ КАКИХ-ТО ценностей. Неважно, что я скажу о костеле, канонах биоло, цензуре духа. Я мог бы наоборот, для них без разницы. В глубине души мы все Протеи. Они кайфуют от того, что я вообще сижу перед ними и говорю: «Такова правда!», «Таково зло», «Таков человек!» И тогда они могут вознегодовать, поругаться. Знаешь, какая это редкость? Меня повсюду приглашают.

И, повернувшись спиной к ночной панораме города, он простирает свои созвездия, галактику на миллиард звезд, готические крылья дракона.

Павел лишь вздыхает. Но ты ведь это знаешь, ты это знаешь.

Ясно, что знаю. Ну и что с того? Я хорошо воспитан.

---

[119] Примечания: 119
Рука об руку (*ит.*).

Вот, драма консервы. Он видит, что мир меняется, что мир вынужден меняться.

В чем разница между тем, что было, и тем, что будет?

Что оно было? Тьфу!

Что мы привыкли? Тьфу!

Что культура и идентичность? А почему именно эта? Потому что мы появились на свет именно в этом цикле перемен?

Что нет непроверенного риска? Придерживаться древностей в изменившемся мире бывает еще рискованнее, и тоже заранее не проверишь.

Так что остаются так называемые вечные ценности. Которые, естественно, не вечные. Но они определяют человека.

Единственное различие: мы выбираем, или нас выбирают.

Консерва: верит в человека или верит в Бога.

Результат тот же.

No conspiracy[120]

И все-таки вы пришли, пан Костшева.

Миновала полночь, они уже собирались ухо-

---

[120] Примечания: 120
Никакого заговора.

дить, но Крыся залипла в шляе хозяев, а Павел обнаружил аквариум китайского пласта и забавляется как ребенок. Гости проходят, выходят, входят; дом открыт. (Все дома открыты.) Дух усыпляюще колышется.

Раймунд Гаврило засветился у Павла уже на лестнице, но они не подали друг другу руки, прежде чем не подали друг другу руки.

И все-таки вы пришли, пришли.

Павел показывает Гаврило замки песочников и пластовые изваяния своего лица.

Театр насекомых. Порой мне кажется, будто, кроме плеев и шляев, в мире ничего уже больше и не осталось.

Многие признали бы вашу правоту, молодой человек.

Фатаговец присел под окном, расстегнул пиджак.

Он откуда-то спешил. Посреди ночи, в перегное. Немного запыхался. До чего же артистичная искренность биоло!

Павел выпил полбутылки красного сухого, не отгейджился, пребывает в настроении sentimentale & larghissimo[121] (зеленые тэги).

---

[121] Примечания: 121
Сентиментально и как можно медленнее и шире (*um.*).

Моя кровь там тоже обращается. С тех пор как продаю души, волокно за волокном.

Знаете, как производят плеи? Ничем не красивее колбасы. Берешь схему медиа и погружаешь ее — намазанную медом форму — в этот гигантский резервуар, в пул всех зарегистрированных и лицензированных модулей чувственных стимулов. Так компилируется произведение. После тестируешь его на кретинах. Видишь потоки крови и электрических напряжений в их мозгах; важнее всего те, что идут в миндалевидное тело. Потом заменяешь в компиляции стимулы, которые слабее всего встряхнули их нейро, и снова погружаешь черпак. И снова тесты. Так повторяешь до тех пор, пока не получишь плей, который в данной нише консументов дает от начала до конца стопроцентное возбуждение, удовольствие на удовольствии, оптимальное развлечение.

А на чем тут основано конкурентное преимущество? На новых стимулах, новых эмоциях, более богатом их пуле, более глубоком резервуаре.

Ибо это наша кровь стекает в резервуар. А они — они из него пьют, пьют, пьют.

(Песочники строят крепость в виде бюста Павла.)

Креативам тоже нужно иметь повод вставать

утром с постели. Но я уже много лет не прикасался ни к единому плею.

Только шляи.

Что ж, надеюсь, я не испортил миссию вашей клике. Купил шкуру вместе с профилем.

Павел обреченно эмотирует, не отводя взгляда от аквариума. Все пропало. Банда Троих стартовала с шардом от Золотой Сарматии, а теперь Габсбурги держат бордель на Вавеле. Карма.

Но признайтесь, молодой человек, — если бы я не попросил вас в шляе, вам вообще бы не хотелось.

Ба! Никому не хочется. В плеях так же. Нет линии сопротивления.

Приглядитесь к шедеврам прошлого. Драмам, поэмам, произведениям искусства. Что давало им основу? Что их поддерживало?

Жизненные необходимости: деньги, безопасность, здоровье, дети.

Либо страсти.

Либо нации, кланы, цвета кожи.

А теперь? (Трагедия креативов, воткни перо в мозг.) Теперь нужно выдумывать все более фантастические чудеса — или вообще отказываться от сочинения.

Нет линии сопротивления, на которую можно

было бы опереть сюжет.

Зато в шляе — ах, в шляе вы сразу вступаете в тень Миссий, Сюжетов, Интриг, Заговоров. Тайный посланник, бумаги с секретами, измены и погони, сокровища наций и священные войны. И все ясно.

А заговора нет?

Заговора нет.

Павел печально кивает, песочники следят за ним холодными глазками. Вы имеете в виду Матео? Пекельный все передал наверх?

Естественно, Матео. Идемте.

Гаврило заворачивает Павла в волшебный ковер, и они взмывают над ночным городом.

Матео! Чтоб он жилы себе подрезал! (Кричит фатаговец сквозь ветер, а двухметровые усы развеваются за ним, будто бахрома морских анемон.) Чтоб он в башку себе выстрелил! С моста прыгнул!

Видел, молодой человек? Все видели.

Они влетают в самоубийство Матео Гаврило.

Пошел парнишка цветочки рвать, на луга зеленые, вечером летним, в симфонии птичек-бабочек, под любящим взглядом дриад и наяд. Тут прилег, там присел, еще где-то задремал. Душки-добродушки плясали вокруг, напевая ему

буколические баллады. Солнце пульсировало в небе подобно логотипу производителя серотонинового гейджа. Прилег, присел, задремал. Наяда подала ему в нагих ладонях воды из родника. Мир подернулся серебром, и Матео Гаврило вместе с ним.

То есть — сдох там в своей койке, уже две недели настолько зациклившись, что ему даже в сортир встать не хотелось.

Павел снова думает об Илоне Розе. Если она просмотрела мою приватную душу, то ФАТАГА тем более.

Он судорожно глотает твердый, как фуллерен, воздух.

Мы так работаем! (Кричит он в ответ.) В состоянии покоя высокий интеллект коррелирует с числом связей между отдаленными областями мозга. Чем более далекими, тем он выше. Новые идеи рождаются не за счет сосредоточения на заданном предмете, но из внепредметных ассоциаций. Они выскакивают из случайных замыканий в лобных и теменных долях мозга.

Невозможно работать, если хочешь работать. Невозможно выдумывать, если хочешь выдумывать. (Невозможно хотеть жить, если хочешь хотеть жить.)

Они вылетают за пределы Стран Чудес и космосов, Илиад и арабских сказок, гедонов и резонов. На втором плане — астральном — пылают в Северном полушарии средоточия запертых на замок трансмиссий, созвездия уровня ноль два, ноль три.

Я употреблял и это! (Гаврило высовывает полуметровый язык, лижет собственную спину.) Смаковал этот яд!

Прекрасно знаю. Плеи и шляи — только они вам и остались.

А все остальное — не до конца настоящее.

Всего лишь грубый набросок. Написанное без сюжета, сыгранное без сценографии, высказанное без пунктуации.

Оно проносится перед вашими чувствами, без индекса, без порядка, без смысла

эхо
лозунги, тэги, гештальты
сгустки образов
мерцающие обрывки сцен
спрессованные разговоры
люди без лиц и имен
день, надписанный поверх дня
бледный коллаж послесвечений
слова идеи слова

Ваша жизнь и повествование о жизни уже в другом месте: в духе, в шляе.

В него можно погрузиться. Он окутывает тебя, поглощает, пробивает пленки чувств.

У него есть начало и конец, вес и цель, и награда у цели.

А здесь — здесь у вас только хаотические фонтаны конфетти образов звуков запахов.

Знаю! Попробовал!

Так вы для этого купили Скеута Ред?

Чтобы другие такие Матео не потонули во время переправы. Переходя на другую сторону через море ноленса.

Понимаете меня, молодой человек? Я должен знать, что вы меня понимаете.

Как распознать отражение мыслей в чужой голове? Что он скажет мне «да»? Что он мне поклянется? Это ничего не значит, это обезьяньи жесты.

Вы придете ко мне и сами изложите то, что я хочу вам рассказать. Вы сообщите мне свои слова до того, как я их произнесу. Вот так я узнаю, пан Костшева.

Павел прекрасно понимает. Он сам поступил бы так же.

Ноленс — естественная стихия Протея, в волнах

этого моря царит бог Перемены, бог Всемогущества. Для протеочеловека нет короткого пути, он должен через это пройти.

Миграция в Государства Ноль Два и выше — это лишь средство, упражнение. Верно? Речь не идет о банальном матрицировании человечества.

Дело ваше, молодой человек, — если уж заговор, то ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ.

Мы ничего не заработаем. Никого не победим. Ничем не завладеем, Не выиграем ни в какой гонке.

Что мы сделаем? ИЗМЕНИМ ИХ СОЗНАНИЕ.

Но — как? как? как?

Павел совершает в воздухе сальто и выдергивает ковер из-под Гаврило, они кувыркаются в пространстве над пространствами, а из пьяного духа Костшевы несется калейдоскоп процессий ареопагов шествий кладбищ

домохозяйки, модующиеся в растения

консументы, с утра до ночи погруженные в плеи

африканские племена, зараженные религиями

королевств Запада

протеосексуалисты, любящие друг друга

в холодильниках и нечетных числах

красотки, выходящие из салонов тела с ап-

грейдами
к апгрейдам
первая тысяча младенцев с генами бессмертия
гормональные рабы культов гаджета
ирреалисты, спиритиане, гедокриты,
деструкционисты
Илона Роза
беззубые старики
Все тонут тонут тонут тонут тонут.
Стоп.
Хватит.

Павел снова стоит на ногах. В полумраке комнаты с аквариумом, среди шороха ночи, шелеста светской беседы.

(Саундтрек: Swerlin'.)

Видите, насколько вы мне нужны?

Армии поэтов, арсеналы эпоса, чужие сны.

Каким образом я вас узнал, молодой человек?

Павел смотрит на Раймунда Гаврило, как смотрел бы на главу своей команды перед Миссией. Нужно войти в шляй, чтобы ощутить фактуру жизни. (Настоящая недостаточно настоящая.)

Он машинально вывешивает флаги Заговора, Гнозиса, Хардкора.

Тот петрочеловек, тот старик играл всерьез — на миллионы и миллиарды евро. Еще когда

экономика была вопросом жизни и смерти. Когда деньги были жизненной необходимостью. Бандит, который выжил, хотя и не должен был, выжил и вошел в когито Фермера.

Выкуп юридического софта Скеута Ред — это ведь тоже эпический риск. Этот гигантский бриллиант интеллектуальной собственности тут же утратит всю свою ценность, как только утечет в публичный дух. Скеут его продал, поскольку у него уже не было кредитной крови. Годы работы над проектом его прикончили.

Сколько же неразрешимых парадоксов ему пришлось разрещить!

Совместимость прав одного и того же субъекта на разных уровнях духа

Зацикливание прав собственности (обладаемый обладает обладателем)

Вечнотекучесть конституций Государств 02+

Экономический арбитраж

Противоречие права локальной физике

Павел по достоинству оценивает шедевр. Гильдии мучились с этим в шляях много лет. Великая вещь.

И хрупкая, как хрустальный замок. Достаточно одной утечки кода — и никто уже на этом не заработает.

Так что — риск на несколько сотен миллионов. У Гаврило яйца как нейронные звезды.

Вдох-выдох. Окей.

Если сдам. Если расскажу вам ваши сны. Это не будет уровень Гейзера. Вы вербуете креативов для шехерезады королевств.

Для сотворения человека.

Что я получу взамен?

Гаврило в третий раз протягивает ему руку.

Одно слово: НИЧЕГО.

И уходит.

У Павла подкашиваются ноги. Он слабо улыбается. Садится. Стул твердый, все твердое. Под руку попадается ингалятор — и летит в окно.

Старик Гаврило пробил его навылет.

Искуситель из ноленса не предлагает наград триумфов богатств удовлетворения.

Искуситель из ноленса предлагает ВЫЗОВ.

Наградой является сама возможность искушения. Приманкой — шанс на поражение.

Как он меня узнал? Как только получил сигнал от Пекельного, вспорол меня, как Роза. Вдесятеро глубже! Он узнал меня потому, что я узнал его Матео, — мы узнали друг друга. Ему пришлось протянуть мне руку.

Прежде чем я точно так же истеку кровью по

линиям наименьшего сопротивления.

Протянуть руку. Потребовать доказательств. Вымысла.

Неважно, что я выдумаю все сам. Неважно, что все это чушь, и я знаю, что это чушь. Что с того? Это не Кока-Кола Лаки Страйк Виза Мастеркард Американ Экспресс. Это эпоха святой лжи. Мы искренне переживаем любой вымысел, даже если сами его производим.

ОСОБЕННО если сами его производим.

Что бы Павел себе ни говорил и обещал, и на какие бы гейджи ни сваливал — он знает, что войдет в эту Морию. Выдумает и переживет выдуманное.

(У меня этого не было даже в приватной душе. Не было. Он мне это дал.)

Он прижимается лбом к холодной стене аквариума.

У песочников лица Гаврило.

IQ^{-1}

Интеллект отучил тебя от честности.

Ты живешь среди них, но как за матовым стеклом или под маской.

Их ты видишь ясно и отчетливо. Они тебя —

только отчасти.

И знаешь об этом. Что есть такая часть тебя — поведение слова чувства мысли, — которая для других остается невидимой.

Интеллект — своего рода шапка-невидимка.

Ибо даже когда тебя видят — думают, что видят нечто иное. То, что они в состоянии подумать и сделать сами.

А ты шевелишься за этой завесой. Строишь дикие рожи и показываешь им хер. (Не видят.)

Так называемые светские ситуации: воткнешь шпильку, очернишь, унизишь, станешь поводом измены и страданий, — безнаказанно, безвинно.

Более интеллектуальные с самого начала живут в состоянии непрекращающегося теста на мораль: как Икс себя ведет, когда Икса никто не видел, никто не слышал, никто ничего не узнал. Этика богов.

Пока не встретишь кого-то, кто видит, слышит, знает. (Гаврило.)

Второй такой же, как ты. Или даже больше. (Гаврило.)

Внезапная тревога. Он меня увидел по-настоящему! Он меня увидел целиком!

То есть каким?

И впервые приходится симулировать в голове

незакрытый, незамаскированный образ себя. Каков я в его глазах — того, кто просмотрел гримасы, шепоты, аллюзии, позы.

До чего же больно!

Момент честности после стольких, стольких лет.

(Треснул череп.)

Часть вторая: Театр Finis familiae[122]

Павел как раз доедает детеныша демона в селении лунных каннибалов — и кто тут влез ему поперек закуски?

Кацпер.

Павел аж выскочил из ванны.

Что за тревога! А ну, спокойствие духа!

Кацпер-панцер прет среди туч и голубого неба. Вокруг суровые флаги: Серьезность, Дом, ЖизньСмерть.

Павел бросает взгляд на семейное созвездие. Внешние тэги указывают на мать.

Он прыгает в приват. Кацпер стоит в прихожей, заглядывает в столовую, откуда доносится возбужденный голос матери. Голос срывается и ломается. Слышны рыдания.

Даже кошки перепугались и сбежали в кухню.

Драма, Павлуша. Попробуй, может, ты ее успокоишь. У нее почти судороги. Мамаша в ступоре от Ивы.

(Ива — сестра, самая младшая, в детстве много

---

[122] Примечания: 122
Конец семьи (*лат.*).

плакала.)

Что я, из трубки ей вылезу, с экрана?

Не будь говнюком. (Голосом Барри Уайта.) Двигай в перегное.

И Павел двигает. Но пока — продолжение драмы.

По пути он наблюдает внутреннюю динамику созвездия. Собственно, этим фрагментом неба он никогда не интересовался. Теперь же вокруг Ивы обнаруживаются целые новые скопления звезд.

Правда, Нико из Марселя, дети — но ближе всего вовсе не они.

Созвездия Ивы начинают обретать смысл только в 3D, а душевная астрономия начинает по-настоящему проявляться в 4D и 5D. (Павел с заупокойным видом созерцает в колыбели «бентли» месяца.)

Она не взяла с собой Нико в прошлом месяце, ибо этот брак — всего лишь тонкий плей, звезда третьей величины, у нее таких десяток.

Да, она его жена (типа).

Но она также жена сиамских близнецов из Туниса.

У нее есть другой ребенок, приемыш в Силезии (одна шестая назначенной опеки).

И она дочь-сестра в групповой коммуне в шляе

Free Love Forever 1969.

И у нее новый отец, с когито ИИ, подписанный в паблике как ее лечащий терапевт.

И она старшая партнерша в открытом полисе Хенто по обычаю королевства.

(Он этим не интересовался.)

Кто рассказал матери? Ведь она бы даже не поняла. Требовались усилия.

Так с кем наша Ива снова погрызлась? Кацпер разводит руками. Тут был твой Анджей, его спрашивай. Но Анджей бездуховый, ему пришлось бы всерьез докапываться до подобной информации. И зачем, зачем? Ну не знаю. Но сам видишь, какой скандал. Она начала названивать Нико и его племени.

Созвездие у Нико тоже раскидистое. Он качается на волнах Протея, и у него там мужья-отцы-братья-сестры-дочери-жены (типа).

Впрочем, он вбросил свой геном в паблик, у него могут быть братья-сестры и потомство на каждом континенте.

У порога Павел вытирает ботинки о коврик. Это его отрезвляет. Засохшая грязь. Кучки листьев и травы. Гравий. Дерево, камень, бетон, металл; все старое и древнее.

Он входит. (Саундтрек: Призмата II.)

Мать сжимает губы. Истерика обуздана. Держи, выпей. Горячий чай с лимоном. На улице ветер и холодно. (Он не заметил.)

Мама, послушай, все не так.

Ты знал! Ты знал! Врал мне, как они!

Павел чувствует, как его покидает дар речи на любом языке. Святой Дух вышел из тела.

Знал ли он? Не интересовался.

Он пробует иначе.

Ведь ты же смотришь телевизор, знаешь, как живут другие. Она тебе не рассказывала, потому что как раз не хотела волновать.

Он ожидал линии фронта на ЧтоСкажутЛюди и Стыд-И-Срам, но мать зашла с фланга;

Как же она должна страдать! Что с ней стало! Кто с ней это сделал?

(Послать гусар на помощь доченьке!)

Павел снова пробует иначе.

Может, ты просто не понимаешь ее, не понимаешь нас? Признай, что не понимаешь, и поверь в иное счастье.

Но почему вы СКРЫВАЕТЕ? Почему не можете мне СКАЗАТЬ?

(Он много раз пробовал. И сейчас пробует. И пробует.)

Павла снова покинул дар речи. А даже если бы

и нет — что он, собственно, мог бы ей поведать?

Нет таких слов, ибо нет таких понятий. Слишком мала общая часть множеств.

Он слишком часто гейджился к чуждой ему эмпатии. Слишком часто — а может как раз слишком редко — впрыскивал себе окситоцин и Ко. Что-то странное происходит тут с Павлом. Когда он так вот сидит с милой мамочкой за столом с белой скатертью, под крестом и ее свадебной фотографией, среди запаха фанеры и масла.

Из-под кожи будто пузырьки всплывает мрачное настроение: одинокая лошадь в зимнем поле — болота в тумане и гусиный клин над болотами — скулеж запертого в бетоне пса — внезапная боль от сорванного пластыря.

Мы находимся на сцене; и я вижу эту сцену, себя с матерью на ней, с все большего и большего расстояния, будто через перевернутый телескоп.

Logoff, login, logoff.

ОН НЕ ИНТЕРЕСОВАЛСЯ.

А почему не интересовался?

Ибо на самом деле все это нисколько его не волнует.

То, что он вращается в семейном созвездии — приезжает на праздники, на традиционные дни рождения малышей и прочие подобные случаи

— исключительно сила инерции, генетический рикошет; поскольку он тут родился, поскольку у него общие с ними гены.

Но у него общие гены и с виноградной улиткой.

Отними это. И отними память детства. Теперь, на пути в бесконечность, эти полтора десятка лет — всего лишь доля, близкая к нулю.

Отнял. И что осталось?

Ничего.

Это чужие люди. Или даже не люди. Тебе не о чем с ними разговаривать. (Может, с Ивой — о работе.) Тебе незачем вести с ними игру. (Может, с Ивой — против ноленса.) Тебе незачем думать, как с ними жить.

Ты только притворяешься. Пребываешь в чудовищной лицемерной лжи.

И зачем? Зачем? ЗАЧЕМ?

Еще мгновение, и давящее изнутри настроение разорвет его в клочья. Павел теперь физически чувствует: каждый вход в семейное созвездие подобен декомпрессии глубоководной рыбы. Он оказался в естественной среде другого вида. Именно потому слова не пробиваются наружу. Видовое разделение уже произошло — среди клеенок, белых занавесок, квашеной капусты,

кошачьей мочи и мученической седины матери. Павел тут погибнет, погибнет. Его сожрут фетровые тапочки и вставная челюсть.

Он встает, отставляет чай и уходит. Steady Hands +3.[123]

На него обрушивается Кацпер, будто туча назойливых мух. Что ты делаешь, что ты делаешь, что ты делаешь, не оставляй ее! — басисто гудит он.

Павел его стирает. Он изменил ход планет, Коперник сменил Птолемея, революция потрясла фрагмент неба. Генетическое созвездие Павла, подписанное в древних атласах как Семья, Familia, разлетелось по самым далеким закоулкам вселенной. Лишь бледно мигают одна или две звездочки, остальное — пуфф!

Он садится в машину, не в силах понять, зачем, черт побери, вообще сюда приехал.

Выезжает на главную дорогу поселка.

И каждый вид сквозь стекло — готовый импринт для архивов Павла: те холмы, те крыши, та серость полей, та древняя техника, тот навоз, перегной в перегное.

А ведь он провел тут столько лет, тысячу раз

---

[123] Примечания: 123
Твердые руки +3 (*англ.*).

перепрыгивал каждую канаву, спотыкался о каждую ржавую проволоку. Теперь же — темплейты пейзажей, деревня под названием «Деревня».

Он никогда больше не увидит ее собственными глазами.

Саундтрек: Bohemian Rapsody.

Поворот. А за поворотом — крутит по обочине педали Кукусен.

Анджей, ушлепок ты этакий. Что на тебя нашло, какая змея укусила?

Незаземленный разговор быстро взрывается стаккато параллельных словесных залпов. (Диалоги, все быстрее.) Что ты тогда говорил — я проверил. Что проверил, идиот? Как ты живешь, как вы живете. А тебе что за интерес, чтобы в чужое лезть? Так, зашел разговор, я спросил, подумал, что… впрочем, тебе все равно плевать. И в самом деле, иди, обращай в свою веру, скатертью дорога, духа моего тут не будет. О, сука, какой плей. Как раз конец плея, ищи меня на другом берегу. Да как… да ты… Да как так можно — сын старую мать бросает! Не бросаю. Что нужно, заплачу, долги отдам, счета сведу. Какая щедрость! Чайная ложечка из бесконечности! Да пошел ты, мне насрать. Ну чего ты так кидаешься, чего? Волнует тебя это или не волнует — решай. Ушлепок.

Неизвестно, кто, когда, кто, кому — и Павел падает в грязь.

В восторге от полученного шока — адреналин в реале! — он даже не пытается вздохнуть. Knockdown 5s, All skills Disabled.[124]

Он лежит под серым небом, над ним заботливо склоняется Доктор Кто, из зрительских лож спускаются архангелы королевства, и сквозь шум их крыльев Павел слышат бряцанье цепи велосипеда, на котором удаляется прочь Кукусен, злобно ругаясь себе под нос.

Такой же, как все! Такой же, как все!

Это правда.

Что видит Анджей, что видит деревня: банальность из банальностей, Кохинор банальностей.

Сын взрослеет, уезжает учиться, оседает в городе, забывает о родном доме, забывает о родителях, неблагодарный, и они умирают в одиночестве, реликты в мире реликтов.

(Пошел в башках копаться, и в башке теперь насрано!)

Между вдохом и выдохом, погруженный в перегной будто в сон, Павел наконец принимает бритвенное причастие от Кристины Туш: он не

---

[124] Примечания: 124

Нокдаун 5 секунд, все способности отключены (*англ.*).

будет свободен, пока не сломает тренинг биоло.

Пока в душе останется неблагодарным выродком-сыном.

А потом…

Он встает. Рука потянулась к забывайке и тут же отдернулась.

Павел сглатывает смешанную с кровью из прокушенной губы слюну. Он принял к сердцу нового Бога.

У Павла нет родителей. Не было, нет и не будет отца матери сестер братьев племянников кузенов теток свояков сыновей дочерей внуков жен мужей тестей зятьев.

У него есть знакомые.

Munchkin way

Разве другие не прошли до него тем же путем? Ива, Кацпер, Сташек. Видят ли они хотя бы сцену, на которой выступают?

Но даже если они и двигались в том же направлении, их толкали иные ветра.

Сташека — армия: орден RPG реала.

Кацпера — городская киска.

Иву — комплекс самого младшего ребенка, яростные амбиции, вскормленные завистью и

страхом перед собственной слабостью. У Павла же амбиций не было. Павлу не хотелось.

Не хотелось ходить в школу, не хотелось учиться. Он носился по окрестным полям и лесам, таращился в телевизор, подглядывал за соседями, играл в ведьмаков, гангстеров и зомби, играл с Анджеем, с другими деревенскими детьми.

Их было десятка полтора. (В каждой деревне найдется столько.) Они собирались и расходились в процессе систол и диастол спонтанной динамики стаи. Как бездомные псы. Как косяки пираний.

Над изгородями и болотами их преследовали душевные проклятия взрослых: ЧтоИзНихВырастет! ВМоиВремена!

Все прекрасно знали, что из них вырастет, ибо уже много поколений вырастало одно и то же: предыдущее поколение в шмотках получше.

Потом Павел познал проклятия высшего уровня. (Дворцовую магию.) УмножениеСтруктурнойПатологии, ДемографическаяЛовушкаЦивилизации.

Существовали и добрые волшебники, архимаги из заморских жемчужных башен. Они придумывали, как снять с детей эти проклятия. Расколдовать отравленную кровь отцов их от-

цов.

Развлекаешься? Развлекайся!

Играешь? Играй!

Воистину, ничего больше не надо.

Американцы и китайцы реализуют таким образом цивилизационные проекты. Вокруг производственно-мученической экономики перегноя расцветает радужным пузырем ЭКОНОМИКА РАДОСТИ.

Павел еще помнит с детства рекламу по телевидению.

Ту, что была нацелена на толстяков, которые не могли себе позволить тогда еще дорогое генолечение. Несчастные жертвы ДНК троглодитов никак не найдут в себе мужество сбросить лишний вес. Но сделай те же их диеты и упражнения игрой, преврати их в увлекательное соперничество, приведи в цифрах, создай четкую иерархию, награждай каждый шаг и каждый день репутацией — и они заодно волей-неволей похудеют. Играя.

До чего же нелегко принудить людей к бескорыстному сотрудничеству ради общего блага! Но пусть сотрудничают не для этого самого блага, а ради удовольствия от сотрудничества в игре. Они достигнут цели (заодно), а тем временем создадут гильдии, википедии, армии, корпорации, Госу-

дарства Духа.

Детей не заставишь надолго сосредоточиться на одной задаче, они все уже страдают от синдрома дефицита внимания и гиперактивности. Но втяни ребенка в игру, и он не будет спать, лишь бы добыть меч на один пункт лучше, лишь бы победить чудовище, которое никто еще не побеждал, прославиться героем на весь шляй.

И чего он достигнет ЗАОДНО?

Это зависит исключительно от изобретательности проектировщиков игры, стартовых креативов. От нашептываний добрых волшебников.

Брюссель дал финансирование. Европейская Программа Социальной Эмансипации распространилась на Средиземье, Гиперборею, королевства Нарнии и Плоского мира, на галактические империи и средневековые поля сражений, на Лондон вампиров и ведьм девятнадцатого века, на Сарматию Заглобы и Кмитича века семнадцатого.

В Китае таким методом массово обучают и вовлекают в мир Протея детей крестьян с севера.

В Америке — негров и латиносов из гетто, а также миллионное население тюрем.

В Польше же — правнуков эпохи госхозов.

Павлу было шесть лет, когда он уничтожил

флот и планету жукеров. В восемь повел за собой эльфов в самые глубокие темницы Мордора. В двенадцать — построил мультигалактическую корпорацию.

Когда он не ходил в школу — и даже когда ходил, продолжая пребывать на уроках в духе, — он вел войны, возводил города-крепости, возглавлял наблюдательные советы, был посредником в мирных переговорах между государствами, планировал стратегии штурма через черные дыры и щели черной магии.

(A munchkin way of life.[125]

Потом уже только ноленс.)

Он встает на рассвете, чистит зубы, проверяя операции гильдий из других временных поясов, кто выполнил задание, кто не справился, что произошло на фронтах, как изменились цены магических колец и генераторов силовых полей, какие сплетни ходят в комнатах альянсов, идет покормить животных, вместо хлева замок балканских волколаков, столетние псы в железных доспехах ведут его в колонный зал, где ждет человеческая свита, ждут нагие вожди, Павел демонстрирует знаки различия, в

---

[125] Примечания: 125
Образ жизни задрота (*англ.*).

ответ обнажаются клыки, он ведет переговоры об аннексии подземного королевства, доя коров и забирая яйца из-под кур, за завтраком же, непомерная пышность которого является для матери главным ритуалом дня, он наблюдает с орбиты Зайуса IV высадку на дрейфующих в лаве алмазных островах тяжелых крейсеров с пехотой андроидов, после чего посылает туда свой аватар в виде шестирукого меха и с полной командой ветеранов Банды Троих сходит внутрь вулкана-сокровищницы миллиардолетнего ИИ из вселенной бозонно-фермионовой зеркальной симметрии, рейд длится шесть с лишним часов, они бегут по километровым струнам плавящегося стекла над океанами огня, в огромных как города бриллиантах сражаются с нескончаемыми отрядами рыцарей фон Неймана, штурмуют крепости работающих быстрее света мозгов первобытной математики, из раскуроченных панцирей нечеловеческих мехов извлекают пылающие плазменные внутренности, сокровища чуждой роботехники, которые затем встраивают в свои панцирные тела, в течение долгих минут забавляясь расчетами тех или иных сочетаний факторов, число возможных конфигураций практически бесконечно, и каждая конфигурация

предлагает новое совершенство, новое могущество, еще более фантастические Достижения, и временами маленькому Павлу кажется, что величайшее удовольствие, а значит, и самый главный смысл шляев, состоит именно в этом моделировании могущества, которое всегда остается недосягаемым для игрока, в мечтательном построении супер-гипер-спецпотенциалов, в коллекционировании уникальных артефактов ради самого их коллекционирования, ради насыщения собственного воображения, что я МОГ БЫ сделать, если бы собрал все сто Драгоценных Камней Ксуга, всю дюжину соединителей V-96, комплект квантово-тантрических шифров, и так уходят очередные часы, и когда в конце концов мастера гильдии Банды Троих добираются до перевернутой постперовскитовой каверны, в которой бьется переменномерное сердце бога ур-физики, мать тащит Павла за уши в костел, или в магазин, или к соседке, или просто обедать, и идет страшная битва на тарелке с клецками с луком, в воздухе висят десятки тысяч призрачных наблюдателей со всего мира, все гильдии и временные пояса смотрят, как команда Павла вламывается в карманную вселенную, полную артефактов времен до последнего нерфинга физи-

ки, полную бустеров и бомберов, созданных еще до того, как время отделилось от пространства, когда все четыре силы природы еще умещались в одном языке, power to the people of Kos, и, усаженный у окна, в которое монотонно стучит вечерний дождь, чистя мокрую картошку под серо-бурой иконой грязного двора, Павел следит за дележом добычи и координирует строительство представительного города-дома Банды Троих, который повиснет между мирами на основе высших магий-технологий каждого из шляев, там он будет вести дальнейшие переговоры: о власти, о природных (и неприродных) ресурсах, о сферах влияния и форме каждого из миров духа, форме игры — ибо малейший ход в игре создает игру заново, и чем сильнее кто-то воздействует на то, в каком направлении та идет, тем глубже он вырезает сам образ мира, именно в этом состоит разница между плеем и шляем, в последнем ты не можешь быть лишь пассивным потребителем, волей-неволей создаешь для себя и других новый неожиданный опыт, каждый день иной, каждая игра удивительна, каждое взаимодействие непредсказуемо, все течет, все изменяется, привет, детки, в краю Протея.

Так он развлекался, так развлекался, так раз-

влекался.

(Воспоминание из детства Павла, воспоминание из детства Homo proteo.)

Бегство от матери отца дома деревни соседей Кукусенов грязи перегноя случилось точно так же, как и все остальное в жизни Павла Костшевы:

Помимо желания. Помимо воли. Заодно.

Он не окончил школу, но компании креативов искушали его эксклюзивными контрактами.

Его знали по РЕПУТАЦИИ.

(Дипломы и титулы — лишь муляжи компетенции. Используй, пока у тебя нет настоящих достижений.

У него таковые имелись.)

Но что-то ведь, однако, сыграло решающую роль в самом начале.

Все дети играют, все дети живут в первую очередь в духе; мы силой возвращаем их на землю. Так в чем мог быть исключителен Павел?

На чем основана эта особенная черта ума и характера?

Всего лишь кусочек пластика — но руки уже тянутся к нему, уже превращают кривые очертания в чудовищ рыцарей цветы трубы бомбы трансформеры, а мозг взрывается фонтанами

разноцветной лжи.

Что это?

Откуда оно берется?

Чем питается?

Не был Павел и аутистом-эскапистом, неспособным сосуществовать с другими людьми. Не бывает шляев без сотрудничества, социальная жизнь есть игра, игра есть социальная жизнь.

Не покидая своего сельского захолустья, он опутал созвездиями знакомств Польшу и мир.

Новые карты неба

Начинается с простой весовой функции.

Присмотрись к своей жизни и каждому контакту с другим человеком припиши численные значения:

продолжительность

интенсивность

частота

практическая польза

ощущаемое удовольствие

желание возобновления

Теперь представь себя эту сеть связей в графическом виде. Численным пропорциям соответствует взаимное положение в сети и толщина

связывающих личности линков струн синапсов жил.

(Лишь такие расстояния имеют значение. Именно они — истинные межчеловеческие дистанции. Не метры и километры перегноя.)

Ты всегда находишься в центре. Вокруг тебя — твое созвездие.

Оно меняется во времени, обновляясь по мере того, как меняются твои приоритеты и образ жизни. Звезды движутся по небосклону. Гаснут и вспыхивают.

Моргни — и они снова расположатся иначе. Возможных созвездий бесконечное множество.

Но все же обычно ты вращаешься в четырех, пяти, шести основных.

Одно генетическое созвездие
Одно, два или три созвездия прошлого
(знакомые по минувшим этапам жизни,
которых ты не оставил позади)
Одно или два созвездия хобби
И одно созвездие работы

Ты остаешься в них общей точкой, но их звезды редко перемешиваются. Созвездия образуют непереходные отношения. (Знакомые твоих знакомых не обязаны быть твоими знакомыми.)

Звезд первой величины сияет четыре, пять.

Это те, которые ты наблюдаешь каждый день. Посвящаешь им три четверти внимания.

Звезд второй, третьей величины — может, дюжина.

Еще более слабых — в сумме полторы сотни. Это константа, мозгу не охватить большего. Будь ты даже королевой-маткой, душой общества, свахой районного масштаба. На ста пятидесяти рушатся гильдии и клики, после ста пятидесяти дружеские сообщества морфируют в безличные корпорации.

Зато короткоживущих звезд — комет, планетоидов на эксцентрических орбитах, сверхновых — можешь иметь бесконечно много. Созвездия непрерывно меняются.

Основные — редко охватывают больше десяти звезд каждое.

Временные — вращают тысячами, десятками тысяч тел.

(Посчитай, со сколькими людьми ты разминулся на улице. Со сколькими обменялся в духе словом образом мыслью впечатлением товаром частицей души.

Сегодня, вчера, в прошлом году, за всю жизнь.)

Не обращаешь на них внимания, не помнишь, а ведь они важны. Чем гуще фоновые сети, тем лег-

че удержать голову над поверхностью ноленса.

Чем больше публичная душа в сравнении с приватной — тем выше уровень серотонина.

Некоторые созвездия отражают даже положение людей в физическом пространстве: локальные созвездия, геотэгированный социал королевств.

Но их меньшинство. Обычно астрономией духа правят иные законы.

Одни и те же звезды отдаляются и приближаются, если иначе расставить веса: важнее прибыль — важнее чувства — важнее длительность контакта — важнее число общих знакомств — важнее еще что-нибудь.

Киска с прошлой ночи в социальном созвездии висит под самой Луной; но в созвездии бизнеса ее нет вообще.

Ты сам кружишь по орбитам тысяч других астральных тел. Даже если не будешь выходить из квартиры и отрежешь себя от духа — ты светишься в чужих созвездиях.

Кто-то где-то когда-то. Слово, улыбка, пинг.

И запомнил. Не угадаешь.

Может, ты — несостоявшаяся любовь ее жизни. С которой ей не хватило смелости заговорить.

И на многие годы ты займешь положение Юпи-

тера в ее небесах.

Ты даже не подозреваешь, кто в данный момент живет твоей жизнью. Пастух из Монголии. Король Великобритании.

Началось с самоорганизующихся адресных книг и простых инструментов social networking, с приложений для бездетных одиночек из больших городов. (Все мы будем бездетными одиночками из больших городов.)

Более могущественные кластеры созвездий коммерциализировались, подклеиваясь непосредственно под королевства.

Гравитация притягивает звезды в скопления, они стремятся к общему центру масс. Члены одних и тех же долговременных созвездий становятся похожи друг на друга.

То есть на кого? На безликих аттракторов, на продукты коллективного подсознания. Дистиллят политики, религии, а чаще всего — поп-культуры.

Обретя автономию, они правят теми, кто пытался править ими.

(Ты — своя любимая операционная система. Ты — марка своих ботинок. Ты — любимый плей. Ты — линия кузовов своих автомобилей.)

Политика разыгрывается на наших глазах в

небе. Никакая одна рыба не правит рыбьим косяком — и тем не менее, все сворачивают в одну и ту же сторону.

Сегодняшняя астрономия духа — обширная и утонченная наука.

С алебастровых стен атлантидских башен Мудрости и Гибели Павел следит за перемещениями звезд с тщанием средневекового астролога.

Ликвидировав одно из главных созвездий, он должен заново рассчитать таблицы прецессии и календари восходов и заходов.

Однако атласы приватной души являются лишь дополнением к публичным атласам. Вся Польша висит на Морской звезде, весь мир — на пекинской Астролябии и Хабе 400 из Киншасы.

Впрочем, систем множество. Каждым словом действием транзакцией мыслью контактом ты оставляешь след в публичной душе.

It's official. Твоя публичная душа — паспорт, кредитная карта и отпечаток пальца.

Ты сияешь на миллиардах небосклонов, хочется тебе этого или нет.

Обученный сверкающими мудрецами и хрустальными автоматами атлантов, Павел следит за вращением небесных тел — превентивная астрономия вовремя предостережет его перед

хакерами сердца.

В королевстве МорганЧейз/Хаальса-ДокторКто нет случайных знакомых.

Накормленный недоверчивой математикой древний дух показывает подозрительные звезды.

Которые нарушают законы межчеловеческой физики

Перемещения которых опережают естественные эпициклы

Которые светят ярче, чем следует

Вот кто-то появляется все чаще среди знакомых твоих знакомых. (И знакомых знакомых знакомых.)

Кто-то внезапно эмигрировал в твое королевство.

Кто-то купил себе место в твоей гильдии.

Он повторяется в логах твоих шляев.

Сжимает вокруг тебя спираль в духе. Максимизируя вероятность завязывания знакомства.

Павел уже несколько недель наблюдает за орбитами Уршулы Хавель, одного из разработчиков Гейзера.

Вероятно, они по какому-то поводу сталкивались по работе; Павел не помнит (может, это ему

пригейджилось). Но Уршула, видимо, хорошо помнит, поскольку охотится за Павлом в духе и в перегное, будто кровожадная комета.

Чего ей надо? Павел подозревает худшее: любви, дружбы.

Он спускается с башни в колодезные подвалы: здесь черные металлические лужи отражают перевернутые небеса, здесь занимаются астрономией глубины.

Ибо более утонченные Кеплеры духа разрисовывают карты прямо на твоем когито.

Они регистрируют самые слабые содрогания приватной души и проектируют по ним образ созвездия. Не они переместились, только ты среди них.

То есть — еще нет, ты еще не сместился в паблике.

Но хотел бы. (Не знаешь, а хотел бы.)

В какую сторону? К какой звезде? Гравитационный узел какого черного гиганта опутал твое сердце?

На смолистой мембране жидкого металла вращаются мандалы подсознания. Павел проследил траектории, продолжил векторы и склоняется над указанной ими пульсирующей звездочкой.

Илона Роза.

Стоит ли удивляться? Он помнит, что проверял ее сразу после того прелестного эпизода с шантажом. Но все, что потом — движения темной материи, воздействия невидимых масс, скрытые космологические постоянные его ида.

Итог тысяч внешне случайно сделанных выборов: когда он начал что-то читать, когда повернул голову, вынырнул на секунду из ноленса, поколебался в шляе, чуть дольше на кого-то посмотрел, на кого-то закрыл глаза, — все это безошибочно указывает направление дрейфа его созвездия.

Чего он желает? За чем бредет? Ради чего насилует мозг?

Ведь ему не обмануть самого себя, ему уже подставили зеркало. (Треснул череп.)

И что теперь? Раз уж он обнаружил векторы сердца? Поставить себе блокаду? Или сознательно пойти вперед?

Роза ведь тоже наверняка наблюдает в телескоп за зодиаками своих жертв.

Позже, потягивая мятный настой на террасе над вечерней панорамой Атлантиды, Павел представляет, как он вонзает золотую волшебную иглу в вену Илоны Розы и крадет из нее бесценную антиноленсовую сыворотку, сокровище

Раймунда Гаврило, Immortality +100[126].

Smoking gun & cigarettes[127]

— Так мы его нашли.

Поспешно глотнув джина, я смыл с нёба аромат смерти. Коронер не стал комментировать надругательство над баром покойного. Была та пора ночи, когда даже у калифорнийских коронеров отбивает охоту к издевкам и черному юмору.

Детектив-лейтенант Кох и детектив-сержант Гольски оценивающе разглядывали труп с некоторого отдаления — один выпрямившись, с руками в карманах, другой присев, оба с приклеенными к губе сигаретами. Убитый лежал между книжной полкой и горшком с экзотическим растением цвета несвежих потрохов, в потешной позе с неестественно разбросанными руками и ногами. Я видел подобные фигуры на фото самоубийц, спрыгнувших с крыши небоскреба, а также в детских каракулях.

— Вы — то есть кто?

---

[126] Примечания: 126
Бессмертие +100 (*англ.*).

[127] Примечания: 127
Дымящаяся пушка и сигареты (*англ.*).

— То есть я и душа в моих пятках.

Кох перевел взгляд на меня, но выражение его глаз не изменилось, будто он все так же смотрел на труп.

— Когда-нибудь, Косс, тебе попадется коп без чувства юмора.

— Вряд ли. В этом городе таких нет, лейтенант.

Коронер стащил резиновые перчатки.

— Одиночное пулевое ранение, вероятно, двадцать второго калибра, входное отверстие в затылке, выходное отсутствует, смерть на месте, от трех до пяти часов назад, точнее после вскрытия, всего хорошего.

— Двадцать второго? — Кох перешагнул через труп. — А у господина адвоката что было зарегистрировано?

Гольски перелистал блокнот.

— Кольт тридцать восьмого.

— Мало крови. Говорите, так его нашли? И после того как мы посыплем порошком дом, на половине обстановки не окажется ваших отпечатков?

— На ручках, у дверей, на выключателях. На телефоне.

— На баре.

— На баре, — кивнул я, наливая себе второй

стакан.

Лейтенант Кох уже стоял, расставив ноги над головой покойника, спиной к кабинету, сплетя пальцы на затылке, на котором вполне можно было вязать корабельные канаты.

— И как вы все это видите, сержант?

Гольски поднялся, прищурил левый глаз и ткнул в лейтенанта обгрызенным карандашом.

— Никаких других причин утыкаться носом в угол между этим сорняком и книгами нет. Она наверняка поставила его там под дулом пистолета.

Я поскреб висок.

— Почему вы считаете, что это женщина?

— Двадцать второй калибр, — одновременно ответили оба.

— Одиннадцать-двенадцать вечера.

— Выпивка на столе.

— Он отпустил прислугу.

— И вылил на себя галлон одеколона.

— Вы его нюхали?

Оба с бескрайним презрением взглянули на меня.

— Полицейский не нюхает, Косс.

— Полицейский проводит осмотр.

— Сообщите еще размер ее туфель и платья, и позволю вам провести осмотр моей шляпы.

Они подошли ко мне справа и слева, с торчащими в разные стороны погасшими сигаретами во ртах.

— Размер туфель и платья сообщишь нам ты.

— Вы переоцениваете мои дедуктивные способности.

— Напротив, мы ценим твою способность ввязываться в неприятности.

— Поставь стакан, Косс.

— Либо она твоя клиентка, либо ты тут за ней следил по поручению клиента.

— Снова жрал то мексиканское дерьмо? — спросил Гольски, снимая пиджак.

— Нет.

— Хорошо, а то от него блевотина жутко воняет.

От первого удара в живот я согнулся пополам. После шестого — вывалил на узорчатый ковер адвоката Лехэя непереваренные остатки рисовой лапши и китайского салата.

Поскольку я так ничего им и не выдал, они продолжали допрос, пока не появилась команда экспертов — то есть до рассвета, когда я, хромая, вышел на Хэммонд-стрит, розовеющую в лучах восходящего над Лос-Анджелесом солнца, и, выплюнув сломанный зуб, побрел вдоль по Стрипу,

где через две улицы на парковке за Сан-Винсенте стоял мой «Форд-Мэйнлейн-седан». По дороге мне встретилась бездомная дворняга, которая глянула на меня гноящимся глазом, заскулила и убежала. Всегда можно рассчитывать на искренность собаки и бескорыстную жестокость копа.

Я сразу же открыл багажник. Кожаная сумка лежала на месте, на вид все выглядело в порядке: три с половиной тысячи долларов потертыми пятерками и десятками, как я их и оставил.

Глядя в зеркало заднего вида, я стер платком с лица кровавые следы. С синяками и ссадинами я ничего поделать не мог. Солнце только всходило — опыт учит, что стоит подождать до вечера, ни к чему впустую тратить пластырь и бинты на полуфабрикат.

Свернув на бульвар, я остановился возле ближайшей к перекрестку телефонной будки.

Он ответил на середине второго гудка.

— Да?

— Это Пол Косс.

— Господи Иисусе, слава богу, говорите, говорите!

— Дело осложнилось. Нам нужно встретиться.

— Но они у вас? Все прошло окей?

— Зависит от того, как посмотреть. Негативов

у меня нет. С другой стороны, Лехэй никогда уже больше вас не побеспокоит. И три с половиной штуки останутся у вас, тоже приятный бонус, как по мне.

— Не понимаю. Что вы там натворили?

— Нам нужно встретиться.

— Через час на парковке возле «Стэки».

Нажав на рычаг, я набрал номер конторы, а потом номер Сапера. Он не ответил. Еще не вернулся. Или продолжает следить за черным «кадиллаком».

Я заглянул на четверть часа в бар с видом на океан. Бармен только что встал и выглядел заспанным, или еще не закрыл заведение с ночи и выглядел недоспавшим. Старчески сгорбившись над обшарпанной стойкой, он проводил меня взглядом выгоревшего пророка. В эту пору очистительного рассвета перед пьяницами, шлюхами и бездомными дефилируют призраки и привидения города, молчаливые силуэты из поблекшего целлулоида жизни. Даже если бы его потом допрашивали Кох & Гольски, бармен не сумел бы точно сказать, не приснился ли я ему.

В грязном туалете тихого, будто морг, приюта табака и алкоголя я прополоскал рот, чтобы избавиться от кислого вкуса блевотины и крови.

Смотревшая на меня из треснутого зеркала физиономия вполне бы подошла детективу в роли третьего плана в одном из тех низкобюджетных фильмов, на которых сделал состояние мой клиент. Выглядела она не лучшим образом. Я осторожно нажал на переносицу. Перед глазами вспыхнули цветные пятна. Сколько еще таких ночей, таких рассветов?

В «форде» под запасным колесом у меня лежал браунинг-девятка в кобуре на ремешках, с дополнительными обоймами. Поскольку со мной не было Сапера, пришлось лично таскать артиллерию. Угловатое железо било по ребрам, успешно напоминая о тяжелой руке закона в ЛА. Будь я благоразумным человеком, то поехал бы в больницу сделать рентген на случай трещины в ребрах, но вместо этого опрокинул двойную порцию «Джонни Уокера», поданную с безмерным изяществом из глубин сна бармена; призрак налил призраку, после чего все снова обожгло белым светом.

Мистер Грисуолд ждал меня в старом пикапе посреди пустой парковки. Вероятно, позаимствовал машину у своего садовника.

Я похвалил его за предусмотрительность.

— Вы идеально смешались с толпой.

Он испуганно глянул в боковое зеркало.

— Жена, похоже, подозревает, будто у меня роман.

— Думаете, она кого-то наняла?

— Что? Зачем?

Я бросил ему в окно сумку с деньгами.

— Держите. Лехэй мертв. Мне не удалось найти негативы. Мы почти разминулись с убийцей, не знаем, когда она туда явилась, ей могло хватить времени, чтобы забрать весь архив адвоката. Мой напарник сел ей на хвост.

— Господи Иисусе. А полиция?..

— По мне не видно, что я ничего им не сказал?

— Но если они что-то найдут…

— Зависит от того, догадаются ли они о мотивах. Таким крысам в костюмах это свойственно от природы — не проснулся же он однажды утром, внезапно решив: а шантажирую-ка я сегодня мистера Бенджамина Т. Грисуолда. Чем дольше тянулся этот процесс, тем больше было шансов, что кто-то из жертв не выдержит и отплатит ему горячим свинцом.

Он сидел, стиснув руки на руле, и вглядывался в побеленную известью стену напротив, одновременно жмуря и тараща бледные глаза, будто отчаявшийся крот.

— Значит, это другая жертва, — прошептал он. — Она все забрала. Теперь они у нее.

Я закурил «Кэмел».

— Пожалуй, вы зря беспокоитесь. Наверняка еще сегодня она все уничтожит.

— Но вы этого не знаете, Косс. Не можете знать.

— Вы заплатили мне за ведение дела в отношении покойного адвоката. Учитывая все обстоятельства, считаю, что задачу я выполнил.

— Тогда зачем вы послали за ней человека?

— Потому что возле этого трупа останется моя фамилия. На случай, если полиция проявит чрезмерное усердие, я предпочитаю знать, чей палец нажал на спуск.

Он открыл сумку и на ощупь вытащил из нее четыре пачки банкнот.

— В таком случае я теперь плачу вам за то, чтобы вы вернули негативы, в чьих бы руках они сейчас ни находились — этой пострадавшей дамы или столетнего деда, ветерана гражданской войны. Прошу.

Я медленно выпустил дым.

— И что вы в точности понимаете под «вернуть»?

— Вернуть, — он достал еще две пачки. — Вер-

нуть.

Вдали, в холмах над Энсино, серебристо-голубые отражения разыгрывали утренние гармонии на чистых водах бассейнов голливудских звезд. На ветру слегка покачивались растрепанные головы пальм. Небо было столь ясным, что солнце казалось на нем полностью лишним. Скоро на белые тротуары бульваров и черный асфальт парковок выйдут кудрявые девушки в юбочках клеш и подстриженные под Джеймса Дина мускулистые парни в накрахмаленных рубашках с подвернутыми рукавами. За час до завтрака полиция обнаружит в переулке за рестораном или в зарослях за бензоколонкой труп заколотой проститутки или брошенного черного младенца. В городе уже переходят из рук в руки деньги, город уже набирает воздуха в бензиновые легкие.

Я вернулся в контору. На случай, если кто-то попытается вломиться, дверь я оставляю открытой. Я проверил левый ящик стола — туда мы бросаем записки с информацией. У Сапера явно не нашлось времени зайти; впрочем, я не ожидал, что он успеет. Из тумбочки под мусорной корзиной достал бутылку с остатками скотча. Не стоит начинать новый рабочий день на пустой желудок. Я набрал номер мисс Спайер.

— Мисс Спайер, доброе утро, это Пол Косс, было что-нибудь для меня?

— Только одно, записывайте: 5Т498, Калифорния 1949.

— Спасибо большое, мисс Спайер.

Мисс Спайер семьдесят восемь лет, у нее есть телефон, и она никогда не спит; этого вполне достаточно, чтобы подрабатывать за пять долларов в неделю секретаршей частного детектива.

Затем я позвонил своему знакомому в Управлении транспорта, который лишь чуть немногим младше. Он еще не появился на работе. До девяти я убивал время, строя из пачек банкнот пирамидки и стопки, складывая из долларов цыплят и фламинго, а также дуя и свистя внутрь пустой бутылки. Когда я уже собрался засунуть в нее свернутые трубочкой деньги, пробудилось к жизни Управление. «Кадиллак» с номером 5Т498 был зарегистрирован на имя Роуз Ли, незамужней, проживающей в районе нуворишей в Таусенд-Оукс.

Съехав с Вентура-фривэй, я припарковался улицей раньше. В последний момент более разумная половина моего мозга выдавила мысль скрыть побитую физиономию за противосолнечными очками. У меня в бардачке лежали три пары, в

том числе одна, принадлежавшая Саперу: огромные матово-черные диски, в которых я выглядел как Микки-Маус с упавшими на лицо ушами. Но, по крайней мере, не слишком отталкивающе, решила другая половина.

Мисс Ли жила в одноэтажной вилле в испанском стиле, с просторным внутренним двориком в тени цветущих деревьев жакаранды, за высокой оградой из кованого железа. Газон не украшали розовые птицы, под деревьями не стояли каменные нимфы, и калитку не стерегла статуя негритенка, что уже само по себе делало мисс Ли личностью с самым высокоразвитым эстетическим чувством во всем районе.

Я не спеша пригляделся к дому и окрестностям, прогуливаясь вдоль улицы и обратно, а потом еще позади участка и снова перед ним. Старого «линкольна» Сапера я нигде не заметил, но это ни о чем не говорило — моего «форда» тоже не было отсюда видно. В тени на подъездной дорожке отдыхал черный «кадиллак». Занавески и жалюзи в окнах дома оставались закрытыми, я не заметил никакого движения.

Следовало, естественно, понаблюдать дольше и подождать доклада Сапера, о чем убеждали друг друга за черными зеркалами сжатые ку-

лаки моего мозга, но тут за оградой выстрелил автомобильный карбюратор, а сразу же после лопнул бумажный пакет, и это был сигнал: бокс! Первый удар решил дело, рассудительность пала под прямым справа от бравады, я спрыгнул в розовые кусты, доставая пистолет, вбежал сзади во дворик, застекленная дверь была закрыта, я разбил рукояткой стекло, открыл, ворвался внутрь, полумрак, задернутые шторы, гостиная, холл, столовая, лестница, Сапер лежал с простреленной головой на пороге боковой спальни.

Я снял «Браунинг» с предохранителя.

— Я вас вижу.

Справа от меня было зеркало в золоченой раме.

Я осторожно перешагнул через огромное тело. Его рука все еще сжимала длинноствольный «Кольт» сорок пятого калибра. Он успел выстрелить, но, видимо, не успел до этого как следует прицелиться.

— Он только один раз ошибся.

Она сидела у туалетного столика между задернутыми окнами, окутанная мягкой тенью и шелковым халатом цвета цианистого калия. Одна ее рука с «двадцать вторым» опиралась на стол, другая подносила к красным губам се-

ребряные щипчики с зажатой в них зажженной сигаретой. Дым пах гвоздиками. Из-под шелка высовывались небрежно скрещенные ноги в черных чулках и черных туфлях на шпильках. В гуще ее рыжих волос дьявол высекал искры амбиций и страстей.

— Роуз?

— Значит, вы меня все-таки выследили.

Я опустил пистолет.

— Никто никогда не примет вас за беспомощную жертву шантажа.

Она спокойно смотрела на меня сквозь дым и тень.

— Сообщники, посредники — сами видите, как они кончают.

— У меня нет для вас никаких предложений. Я ничего не предлагаю. Вы ничего не получите.

Она рассмеялась.

— Ничего? А что вы хотите взамен?

Но она и сама знала ответ. Прищурившись, затянулась сигаретой. Сейчас она положит щипчики, разгладит халат, встанет.

— Ради всего святого, да снимите вы эти очки.

Я снял.

Писатели – это программисты

Ку-ку!

Людовик присаживается рядом с Павлом. Который делает вид, будто застигнут врасплох.

Он думал, будто я сплю. Может, и задремал.

На крыше Старухи, под звездами, под духами.

Плывешь, Павел, плывешь. Кем была та дама? Ах, не было никакой дамы.

И пока они сидят так молча, уставившись на ночь, и город и огни, их публичные души постепенно смешиваются, настроения и ассоциации осмотически проникают друг в друга.

Павел Костшева и Людовик Туко принадлежат к одному и тому же королевству, это тоже помогает. (Они уже узнали друг друга по покрою костюмов.)

Образ: спиральные туманности контрастных красок, завивающиеся друг вокруг друга.

Людовик предлагает быстрый гейдж на дикость сердца. Павел отказывается. (Strong Will +10 %.)[128]

Людовик, уже на четверть Павел, вырывает

---

[128] Примечания: 128
Сильная воля +10 % (*англ.*).

растущие между плитами крыши сорняки и начинает плести из них венки и цепочки. Сексуальные феи из славянской манги пляшут по его плечам и голове.

Саундтрек: Менуэт соль-мажор Бетховена.

Значит, так вы работаете. Как же я вам завидую! Позавидовал.

Павел вздрагивает. Он что, сейчас работал? (Отставляет пиво.) Может, действительно. Работает. (Дальше.)

Он давно уже перестал различать.

Павел показывает на город. Дистанция. Чувство отдаления. И лавина хаотичных стимулов. И огни Роршаха.

Утром, после пробуждения. И вечером, перед сном, когда тело устало. Тогда разгульнее всего мозговые танцы.

Не можешь думать о проблеме — и не можешь о ней не думать.

Ты уплываешь — не уплывая — тебе снится нечто другое — и вдруг оказывается, что именно то самое. Погруженный в далекие свободные ассоциации, ты обнаруживаешь по-настоящему оригинальную идею.

Которая НЕ СЛЕДУЕТ из старых мыслей.

Откуда она в таком случае взялась? Неизвест-

но.

Француз кивает. Когда-то я считал, что стану великим писателем. Потом прошло. Это страшная миссия. Писатели — это программисты.

(Сгейджился.)

Павел подходит к краю, смотрит вниз, слегка наклонившись. Гравитация щекочет ему кадык.

К ногам подплывают акулы, ласкаются осьминоги, коралловые рифы взрываются разноцветным неоном на фасадах зданий, подводный вулкан изрыгает черный дым… Бурные воды моря ноленса.

Но послушай сирен, послушай сирен города. Ты знаешь этот голос, ощущаешь этот зов в костях.

(Город искушает, город ждет, город вернет вам человека!)

Людовик рисует радужные картинки распростертых на мостовой самоубийц.

Павел все больше тоскует о петрожене. (Жены у него нет.)

Проклятье, они чересчур совместимы.

Перемешались.

Я знаю, о чем ты думаешь. (Сел на краю, свесил ноги в пропасть.) Писатели и креативы вообще. Мы придумываем — а потом оно превращается в реальность, подплывает и кусает нас за щи-

колотки.

Счастливые Бальзаки и Дюма! Самое большее кто-то переживал, возмущался, писал письма в редакции, влюблялся в вымысел, который жил в головах, жил в словах.

А теперь нет «только слов».

Культура — автоматически исполняющаяся над человечеством программа.

(Ботинок свалился и летит вниз. Хап! — и исчез в пасти акулы.)

Француз французит. Он уже расстегнул белоснежную рубашку. За ним открываются Елисейские поля (тоже весна).

Может, мне не стоит с тобой связываться.

Я до сих пор уверен

(присел за столик в кафе рядом с Сартром и Камю)

что стоит мне выпустить из себя все эти зоологии чистилища сады евангелия смех кошмары — пройдет немного времени, и они на моих глазах превратятся в жестокую правду.

Вырастут у меня за окнами. (Из моей головы.)

Положат мне на колени потрепанные головы.

Вылезут из глаз моей дочки. (Уже не дочки.)

Если бы я был уверен

(закуривает сигарету над своими ненаписан-

ными книгами)

что я плохой креатив, то есть слабый, — все это не имело бы значения.

Но я подозреваю нечто иное.

(Почему с тобой и общаюсь.)

Павел сплевывает в бельмо на глазу города. Моргнул — и локальные созвездия ослепили его сквозь стены и сны. Есть даже кто-то из Банды Троих — совокупляется после крутого гейджа с деревом, через восемь улиц отсюда. (Такие тэги.)

Павел колеблется на краю крыши. Выскочить? (В город.)

Ты слишком осторожен, Людо.

Нельзя быть осторожным. Нельзя контролировать творчество. То, что по-настоящему ново и оригинально — застает врасплох тебя самого. Остальное вбрось даром в паблик. Пусть консументы поживятся переработанным мусором.

Людовик танцует на столике в кафе среди паров марихуаны.

Осторо-о-ожен! Осторооожен!

Для вас полицию мыслей организовать надо! Запереть в клетках! Загейджить в бетон!

Павел готов согласиться. (Сам с собой он согласен.)

Знаю. Книга или другой плей — без разницы.

Креатив творит вымысел — вымысел входит в умы людей — люди реализуют вымысел (ибо могут) — люди становятся тем, что написано, — литература является реальностью, реальность является литературой.

Они уже не просто переодеваются в эльфов и гномов. ОНИ И ЕСТЬ ЭЛЬФЫ И ГНОМЫ.

Галл обмяк. Вчера Гондор R3 вошел в рецессию, пришлось достать последние палантиры. Если расползется на другие классические шляи, подскочат цены на энергию на севере перегноя.

Ха. У меня был в гильдии протеотелесник

(а этот все продолжает трахать дерево)

который не только перепроектировался в эльфа биоло — уши, глаза, костная структура черепа и пальцев, физиология, — но и сгейджился на полную в бессмертного сказочного рыцаря. Как отрезало, ни с того ни с сего. Якобы он обратил в донкихотство своего имама.

Чему удивляться, у рыцаря по крайней мере есть такая роскошь, как ОБЯЗАННОСТИ.

Павел швыряет на съедение второй ботинок. Летучая рыба на мгновение уносит его этажом выше. Следя за траекторией мокасина, Павел замечает свет в окне Адриана Утралта.

А как же. Есть у нас тут такой. Рыцарь 72.

72

Всеобщий дух! (И его плагины.)

Но прошу, прошу. В мое скромное.

И они плывут, Утралт впереди. Пан Павел, вы пробовали искусственное жаркое? (Ключи: мясо, трава, бесчувственные стейки, гуманность хищника.) А это, которое для каннибалов? Факт, можно создать человеческое мясо — которое, естественно, никогда не было телом человека. Но я думал, вам нельзя. Гм, аппетитный аромат.

Почему нельзя?

Ну… потому что рыцарь, всадник, аристократ. Которого обязывают строжайшие кодексы. Ватикан всегда против новинок.

(Хотя христиане с самого начала практиковали ритуальный каннибализм.)

В ответ Утралт расцветает, будто медуза, волосы его встают дыбом электрической гривой, кожа переливается радугой, а изо рта бьет облако горячего пара.

Он вшил себе в тело нанопьезоэлектрики, провода из окиси цинка в полимерах. Он сам себе электростанция.

Павел подозрительно смотрит на него. Что это

за протеев рыцарь? Что это за консерва прогресса? Пусть мне тут не оксюморонит в глаза.

Он уже высовывает язык, чтобы глубже лизнуть душу Утралта, когда…

Теперь уже рыцарь 72 хватает Павла за руку и сдерживает жест духа. Allow me.

Copy & paste: После сего избрал Господь и других семьдесят двух учеников, и послал их по два пред лицом Своим во всякий город и место, куда Сам хотел идти.

И сказал им: «Идите! Я посылаю вас, как агнцев среди волков. Не берите ни мешка, ни сумы, ни обуви, и никого на дороге не приветствуйте. В какой дом войдете, сперва говорите: мир дому сему! В доме же том оставайтесь, ешьте и пейте, что у них есть. И если придете в какой город и примут вас, ешьте, что вам предложат».

А! Так вот как вы идете среди людей. Едите то же, что и они, живете, как они. (Как семьдесят два ученика Иисуса.)

Чуть помедлив: Нет, нет, это невозможно. Павел качает головой, удаляясь, уплывая, улетая. Невозможно. Это театр. Нельзя жить жизнью Протея и одновременно хранить веру каменным истинам религии.

(Вспомни Гуцека, Павлик, вспомни Гуцека —

завсегдатая салонов.)

Утралт снисходительно улыбается. Я тебе покажу.

Пожалуйста. Попробуйте обратить меня в свою веру. Enter PvP mode.[129]

Рыцарь 72 вмиг ловит Павла и стаскивает его на землю, в римскую Палестину.

Они падают на город белого камня и черного дыма. Иерусалим? Вечер, кричат ослы и лают собаки. Иисус обмывает ноги во дворе у колодца и разговаривает с другими бородачами. Молодая женщина качает на руках младенца. Мальчишки швыряются камешками. Люди приходят и уходят, разговор уходит вместе с ними. Они обращаются к Иисусу, Иисус обращается к ним.

Так вращаются вокруг людские жернова.

Утралт открывает локальные атласы. Вот и Христовы небесные королевства: его созвездия, бесчисленные звезды на ближних и дальних орбитах, большие и малые.

Что на самом деле создал Иисус? Что оставил после себя?

Social network.[130]

---

[129] Примечания: 129
Вход в режим «игрок против игрока» (*англ.*).

[130] Примечания: 130
Социальная сеть (*англ.*).

Прочитай Евангелие, прочитай Деяния апостолов.

Как распространялись мемы, как формировались взгляды. (Павел и Адриан проталкиваются между дискутирующими бородачами, едят черствую лепешку с каменного стола, запивая сильно разбавленным кислым вином.) Послушай, как они дискутируют. Это был ПРОЦЕСС.

Христианство — творение локального узла древней соцсети.

Как, говоришь? Гейдж? Сейчас попрошу тебя прогейджить несколько аксиом.

Они садятся на край колодца за спиной Иисуса. Павел слегка брезгует. (Рождество — это зимой.) Он жует хлеб и все же слушает Адриана — поскольку ценит пылающий в человеке огонь, поскольку жаждет этой противоноленсовой сыворотки.

Рыцарь 72 молчит; он доверяется тебе, обняв рукой и душой, поглощая.

Мой Павел, мой Савл. Христианство гибнет в оковах Платона.

Это не Иисус учил о вселенной вечных и неизменных плоскостей бытия. Это не Иисус видел Бога вне времени, смотрящего с высоты на высеченное в камне прошлое и будущее.

Ты прав, нельзя иметь такой образ действительности, такого Бога и жить в мире протео.

Это не Бог транс-человека.

Это не Бог транс-мира.

Непрестанных перемен.

Постоянного потока всевозможностей.

Влияния всего на все.

Игр слов, мыслей, чувств. Где каждую секунду появляются новые формы из старых, уже исчезающих, и новый человек появляется из старого человека, чтобы его тут же сменил иной, немыслимый еще мгновение назад.

Ничто не СУЩЕСТВУЕТ.

Все ВОЗНИКАЕТ.

Переставь у себя в мозгу: каждое being[131] замени на becoming[132].

Смотри:

Мира будущей секунды не существует — он только возникнет — о! уже возник! (Взрываются фейрверки.)

Чудо!

Нет человека завтрашнего — он только возникнет — о! чудо из чудес! (Фанфары.)

---

[131] Примечания: 131
Бытие (*англ.*).

[132] Примечания: 132
Становление (*англ.*).

Единственная теология, применимая к нашей действительности — теология процессуально-относительная.

(Ссылки: А. Н. Уайтхед. Дж. Б. Кобб, Д. Р. Гриффин.)

Теология 72, Бог Возникающий.

Павел с трудом сглатывает. Вы примирили катехизис с Протеем? Студенческие фокусы!

К Утралту подковылял беспородный пес, Адриан чешет его за ушами. Толстый ремесленник прогоняет всех со двора. Иисус зевает, дергает себя за бороду. Утралт указывает на него пальцем и останавливает Палестину на середине кадра.

Думай об этом как о разнице между плеем и шляем.

Теологии статического мира воспроизводили перед тобой Землю и небеса будто заранее написанный плей, в котором никогда ничего не изменится.

Теология меняющегося мира приглашает тебя в шляй: убей чудовище в себе, и Бог в следующую секунду станет уже другим Богом, поскольку чудовище касалось также и Его. (Все Его касается.)

Ибо все есть опыт, влияние, чувства-ощущения.

Палестина трогается с места, Иисус спотыкает-

ся, падает, мужчины смеются.

Рыцарь 72 шепчет уже прямо на ухо, внутрь головы, забрался под череп. (Ты меня пригласил.)

Забудь о Платоне и забудь о Декарте. Материя и дух суть единое целое — ибо они тоже не материя и дух в том смысле, как ты их понимаешь.

Нам требуются другие слова: другие «опыты», другие «чувства». (Ощущения.)

Copy & paste: Каждая наука должна изобрести собственные инструменты. Для философии таким инструментом является язык. И потому философия перепроектирует язык таким же образом, каким в физическом мире перепроектируют устаревшие устройства.

Сперва посмотри на животных и растения: им не требуется сознание, чтобы испытывать чувства, верно? (Пес лижет тебе руку. Мухи разлетаются, стоит тебе махнуть ладонью.)

Сознание — это свеча на ветру. Ты сам большую часть жизни проводишь в темноте. Например, когда спишь. А ведь тогда ты ощущаешь, испытываешь чувства. (Иначе тебя не разбудил бы самый громкий будильник.)

И где проходит граница? Мы знаем, что амебы и инфузории тоже чувствуют. (Бессознательно.) Они реагируют на внешние воздействия. Ока-

зывают воздействие. Меняются под давлением полученного опыта.

Так что — клетка.

Нейрон.

(Избавься от предрассудков биоло!)

Нейрон, белковый конгломерат.

Соединение химических частиц.

(Чувствует. Ощущает. Воздействует.)

Молекулы.

Кварки.

Волновые функции.

Неуловимые флуктуации пространственно-временной фактуры.

(Во что ты меня хочешь обратить, в новую квант-гравитацию?)

С самого низшего до самого высшего уровня — вселенная есть ощущение, чувство.

Не существует внешней по отношению к телу души и какой-то параллельной реальности идеальных неизменных.

Не существует «тебя» («меня»), независимого от непрерывного потока ощущений. Нет вещества, отделенного от его свойств.

Отними все чувства, отними все качества — что ты мыслишь, что у тебя две руки, что ты дышишь кислородом, что у тебя такая и такая ДНК, что ты

трехмерный объект, — и что останется?

Ничего.

Именно ТЫ являешься этим потоком ощущений.

Ты ощущаешь больше и обладаешь самосознанием, поскольку именно так ты был организован во всей своей сложности — чтобы усиливать потенциал ощущений. (Нервной системой. Мозгом.)

Но тебе не добавлено ничего «сверх того», чтобы сделать тебя человеком.

Душа течет в тебе, как электрический ток по проводам. Какой из электронов «является» током? Никакой. Все.

Материя и дух суть единое целое.

Собственно, ты это уже знаешь. И давно знал.

Живя жизнью Протея, замечаешь ли ты вообще разницу между ощущениями мира материи и ощущениями мира духа?

Разве ты не чувствуешь их в параллельных вспышках раздражителей

паркета под ногами

саундтрека в ушах

моих слов

вгейдженного воспоминания

того камня, того хлеба, того арамейского го-

вора

зуда тэгов на коже

прилива публичной души

запаха городского воздуха

запаха воздуха над Адриатикой, метана на Титане,

метрических тензоров в Риманландии

любого контента плеев/шляев

Разве нет?

Все это — порции ощущений.

Нет отдельной «истории мира» и отдельной «истории мысли».

Важно лишь, как эти ощущения воздействуют друг на друга.

И какой вследствие этого возникает из них новый мир — тот, который не существовал еще мгновение назад — и который сейчас исчезнет — сменившись последующим — и последующим — и последующим — и последующим — и последующим — даже когда я это говорю — и последующим — и последующим —

(Голова кругом. Слишком быстро, слишком быстро!)

Забудь о Неподвижном Двигателе.

В противоположность аристотелевскому христианству, в христианстве 72 могущество Бога

основано не на том, что Он влияет на все и ничего не влияет на Него, вечно неизменного, внемирового, бесчувственного, — но именно на том, что каждое мельчайшее ощущение, каждая частица чувств человека, и пса, и бактерии, и электрона касается Бога и Бога меняет.

Бог есть непрерывный процесс преобразований под воздействием всех прочих преобразований.

Бог ВОЗНИКАЕТ в каждый момент, так же как ВОЗНИКАЕТ вселенная.

Перегейджи на сто восемьдесят градусов Власть, Силу, Мудрость.

Это не тот, кто сидит на троне в вышине и видит все, правит всем, но никто не видит его, никто не правит им.

Не закованные в доспехи воины, которые без особых усилий растопчут ребенка и мышь, и никакая детская улыбка их даже не оцарапает.

Не танки духа, холодные математики, Биг Бэнги разума.

Самое высшее Могущество — способность открываться миру и влияниям мира.

Способность постоянно творить заново себя самого из того, чем мы были раньше и что на нас повлияло.

Способность влиять на мир вокруг, приняв его

влияние.

Бог же является высшим воплощением этих принципов. Он принадлежит ко всем созвездиям бытия. Он королевство над королевствами.

Павел что-то подозревает. Они вышли на улицу и спускаются по склону холма, к городским стенам. Торговец фигами почти заталкивает им в рты сушеные плоды.

Павел долго жует.

Гм. Вы подаете мне на блюдечке Бога креативов. У меня иной опыт. Моменты творчества — редкие проблески, несколько разбросанных по пустыне драгоценных камней. Первобытной же стихией является ноленс — те миллионы тонн песка, которые нас засыпают, придавливают, обездвиживают.

И бросает Утралту весь понятийный пакет.

Рыцарь 72 проглатывает, не запивая.

Нет, нет, нет. Ты неверно понимаешь, снова неверно.

Даже фотон обладает своей областью свободы! Левый или правый зазор, не определишь.

Каждое такое «решение» создает его заново, и создает мир с ним, измененным.

Для более сложных вариантов бытия область свободы — творческий потенциал — дерево воз-

можностей — растет пропорционально.

Павел поднимает лежащие у стены черепки разбитого горшка, бросает глиняные обломки на утоптанную землю. Созидаю ли я? Что-то не может возникнуть из ничего.

Утралт перемещает носком ботинка угловатые куски, пока они не складываются в симметричную морскую звезду.

Мир сам в себе повторял бы лишь конфигурацию хаоса. Не пойми меня превратно: Бог не есть «причина» того, что новое. Он не есть внешняя сила. Когда ты созидаешь, созидаешь именно ТЫ.

Бог является тем, что дает возможность что-либо созидать.

Павел тычет пальцем в сторону лож насмешников под флагами Цинизма, Жалости, Упадка.

Саундтрек: злорадный смех.

Что же это за доказательство, прошу прощения?

Утралт уже бывал раньше и на этой улице. Доказательство? Нет, с чего бы.

Copy & paste: Мы не располагаем ничем в виде доказательства. Мы противостоим лишь системе теорий с определенной интерпретацией фактов. Умозаключения в этой сфере мыслей не могут рассматриваться как нечто большее, чем пред-

положения насчет того, как меняется проблема в свете данной системы.

Ну. Скажем, так. Но даже если. То что же это за религия?

Вы пошли среди людей, живете их жизнью, жизнью Протея. Однако, выполнив всю эту метафизическую работу, христианство 72 явным образом отгородилось от надстройки ритуалов, этики, практических предписаний. (Ибо тогда конкретное being снова пинком вышвырнуло бы за дверь вечно меняющееся becoming.)

Ошибаешься. Теология 72 непосредственно формирует жизненные заповеди.

Идем.

Они спускаются к воротам. Погружаются в длинную тень стены — и все становится иначе.

Холоднее. Темнее. Беспощаднее.

Солдат бьет древком копья чернокожую беременную женщину, уродливую и нечеловеческую в своих татуировках и шрамах.

В переулке неподалеку безногий нищий монотонно стонет от вызванной гангреной боли. (Саундтрек: гангрена.)

Дикие бездомные дети гоняются друг за другом вдоль стены; две банды. Догнали. Дерутся. Кусаются. Мальчишка насилует девочку.

Солдат прибегает со своего поста и прогоняет всех, в кровь избивая плашмя мечом.

Возвращается, машинально пнув дворнягу. (Омерзительную, завшивленную.)

Группа мужчин, завернутых в пустынные покрывала, умоляюще торгуются со стражниками. Их не впустят в город. Их выдают виднеющиеся из-под покрывал чудовищные детали анатомии.

Им здесь не место.

Саундтрек: гангрена.

Рыцарь 72 сжимает пальцы на плече Павла. Видишь? Видишь? Видишь?

Ты же шляешься по древним векам. Даже с тем вымыслом можешь сравнить.

Какова главная разница в сто, двести, тысячу, две тысячи лет назад и раньше? Помимо сценографии и технологий?

Опиши вокруг себя окружность: что внутри — тому можешь сочувствовать; что снаружи — настолько чуждо, что душу не тронет.

Кто помещается внутри круга?

Сперва только самцы той же крови

Потом — того же племени

Потом — того же божества и тела

Потом — также другого цвета кожи и формы глаз

Потом — также самки

Потом — также млекопитающие отряда приматов

Потом — также все другие млекопитающие

Потом — также протеосоматы

Потом — также птицы, пресмыкающиеся и земноводные

Сейчас — рыбы и пост-тьюринговые ИИ

Завтра — растения и гомеостазы эко

ЭМПАТИЯ СТРЕМИТСЯ К БЕСКОНЕЧНОСТИ

Ибо существует ли некий порог, непреодолимая граница? Каждый рубеж является искусственным критерием, отражением культурных предрассудков эпохи.

Тебя смешит сочувствие дереву? Ты просто рановато родился. Твои прадеды смеялись над сочувствием обезьянам.

И в каждой эпохе есть свои святые Франциски, суфражистки, зеленые. Но что является асимптотой данного процесса?

Всеобъемлющая эмпатия.

Братство вселенной.

Связь всего со всем, открытость каждому ощущению.

Нет более радикальной этики и более суровой заповеди любви.

Дух есть материя, материя есть дух. Держи.

Он вкладывает в ладонь Павла — что? — легкий предмет с твердыми краями — это один из тех глиняных черепков. Утралт, видимо, поднял его и забрал. Павел вертит в пальцах грязный кусок мусора.

Держи. (Рыцарь 72 силой сжал на нем кулак Павла.) Самое убогая вещь, из которой ты созидаешь, которую созидаешь, которую ощущаешь — в духе, в перегное, без разницы, — запомни: так ты ВОЗНИКАЕШЬ.

Вселенная — тоже твое творение.

Ты несешь ответственность.

(Выдох.)

А теперь иди к людям.

Павел подозревал, а теперь уже уверен.

Улетая на спине крылатой свиньи, он смеется в душе (духе духа).

Он едва не позволил себя хакнуть!

На крыше он находит бутылку из-под «Живца», бросает внутрь черепок. Не выпадет, он больше, чем диаметр горлышка бутылки. Поигрывая этой погремушкой, Павел спускается в квартиру. Он едва не позволил себя хакнуть!

Что для рыцаря 72, который даже учение Иисуса рассматривает в категориях social networking,

является аналогом апостольства в XXI веке?

Самое большое влияние на дух он окажет с помощью креатива. (Собственно, этим мы и занимаемся.)

Все было не случайно.

Утралт собирался переселиться, проверил имеющиеся предложения, бросил себе на небо локальные созвездия — и какая звезда вспыхнула для него ярче всего?

В конце концов, у меня есть РЕПУТАЦИЯ. (Это плавает в паблике.)

Достаточно лишь…

Зеркальное движение.

Будто он поднес ко рту чашку.

Павел вслух смеется. Он едва меня не хакнул!

Естественно, само знание о намерениях манипулятора не защитит от влияния. Влияние было оказано.

(Откройся. На том основано Могущество.)

Он вытаскивает из паблика Уайтхеда. Звеня осколком горшка, фильтрует лекции, эссе, трактаты.

Прежде всего Бога не следует трактовать как исключение из всех метафизических принципов, призванное предотвратить их нарушение. Он — главный пример реализации этих принципов.

Как изначальное бытие, Он является неограниченной реализацией абсолютного богатства потенциала. В этом смысле Бог не предшествует творению, но ему сопутствует.

Павел получает приглашение от Сапеги на собрание благородных особ, но отказывается. Из другого шляя его с тоской зовут внуки, правнуки. Павел окружает себя стеной. Concentration +50.

Чего, в сущности, желает Гаврило? У него свои Государства Духа, Бартек и остальные поставляют ему контент. Но это средство для достижения цели; целью является спасение миллионов, миллиардов людей, тонущих в ноленсе. То творение, которое хочет от меня Раймунд Гаврило — и то творение, на которое надеется Адриан Утралт, — и то творение, которое спасло бы меня самого, — существует ли вообще решение этой системы уравнений? Пересекаются ли эти кривые?

Павел грызет воздух, бьется лбом о тишину, крушит ночь.

Черепок яростно грохочет в бутылке.

Не думай об этом! (Только о нем и думаешь.) Оно к тебе придет! (Не приходит.) Вертится на кончике языка! (Отрезает себе язык.)

И так до самого рассвета. Выжимает нейроны, спускает сперму из души, рвет себе зубы из

жопы.

Он рухнул, когда его наконец покинула эта камертонная дрожь, пьяный трепет в печенках.

Павел валяется. Под белым, как чистый лист, потолком.

Вокруг кружат слова идеи образы чувства (ощущения) звезды миры.

Он дышит.

Дышит.

Постнигилизм (I)

1. Человек есть творение культуры.

Комментарий: Следует понимать это буквально. Человек БЫЛ творением биологии (природы), но с момента обретения технологических орудий, позволяющих перестройку человека, его форма — в том числе материальная основа — зависит исключительно от культуры.

2. Старые системы оценки человечности — основанные на мотивах природы, традиций, Откровения — утратили функциональность и полезность.

Представь: парламент, судья или коллегия ученых должны определить допустимость определенных процедур генной инженерии. Они

задаются вопросом: будет ли эта процедура для человека хороша или плоха?

Но для КАКОГО человека? Ее введение естественным путем приведет к замещению Человека+1 Человеком+2. Так в соответствии с какой мерой человечности оценивать действия, переопределяющие человечность?

Единственной логичной и последовательной позицией было бы признание априори превосходства каждого Человека+1 над каждым возможным Человеком+2 — что на практике невыполнимо.

К тому же она породила бы вопрос о конкурентоспособности стратегии сохранения именно той формы Homo sapiens, в которой нас выплюнула эволюция.

3. Иоанн Павел II, Veritatis splendor:[133]

В своем стремлении к Богу, который «один есть Благ», человек должен добровольно творить добро и избегать зла. Чтобы это было возможно, человек должен уметь отличать добро от зла. Достигает он этого, прежде всего, с помощью света естественного разума, являющегося отблеском Божественного Лика в человеке.

---

[133] Примечания: 133
Великолепие истины (*лат.*)

Крайняя чувствительность современного человека по отношению к историческим и культурным условиям приводит некоторых к неуверенности в неизменности естественного закона и существования «объективных норм нравственности», которые, так же, как и в прошлые времена, обязательны для всех людей нынешних и будущих поколений: ибо возможно ли говорить о всеобщем непреходящем значении каких-либо рациональных нормативных решений, сформулированных в прошлом, когда еще не предвиделся прогресс, грядущий в истории человечества?

Нельзя отрицать, что человек всегда существует в рамках определенной культуры, но несомненно и то, что полностью он не выражается в этой культуре. А развитие этой культуры доказывает, что в человеке есть нечто, выходящее за пределы культуры. Это «нечто» как раз и есть человеческая природа; именно она является мерой культуры, именно благодаря ей человек не становится узником своей культурной традиции, а утверждает личное достоинство, живя в согласии с глубочайшей истиной своего бытия.

С богословской точки зрения моральные принципы не обусловлены тем историческим моментом, в который они были открыты.

Формулирование нравственных принципов не принадлежит к компетенции эмпирико-формальных методов.

Картина: представь себе этическую ситуацию человека как путешествие по двумерному полю препятствий, ловушек и лабиринтов добра и зла. Путешественник получил в начале инструкцию (Кодекс, Заповеди), которая должна его направлять: IF X THEN RIGHT/LEFT/FORWARD/BACK[134]. Инструкция работает, пока человек не натыкается на лестницы и лифты, ведущие вверх и вниз — добавляется третье пространственное измерение. (Пространство возможностей увеличилось на новую переменную; бывшие постоянные оказались переменными.) И теперь невозможно получить из старой инструкции какие-либо указания относительно правильности выбора пути вниз или вверх. Все логические переходы типа IF LEFT THEN DOWN[135] означают дописывание к старой инструкции новых произвольных тезисов. Ничего не принесет и большая ортодоксальность, большая точность в прочтении инструкции: более FORWARD не означает UP.

---

[134] Примечания: 134
Если X, тогда вправо/влево/вперед/назад (*англ.*).

[135] Примечания: 135
Если влево, тогда вниз (*англ.*).

Примеры: генная инженерия, трансгуманизм, постглобалистская экономика, ИИ, иннофизический интеллект.

Империя сна

Волей-неволей… Пекельный.

Дай я тебя расцелую!

У-ух! Изыди, осьминог проклятый!

Ну что? Ну что? Ты должен был за ними следить. Проект идет полным ходом. А ты где шляешься?

И Шеф выпарывает из собственных жил войска Кадма, из стен выпрыгивают массакриты, сейчас польется кровь.

Павел розовенький. А-а, ладно. (Зевает.) Пожалуй, смотаюсь отсюда. Пока.

Теперь уже Пекельный показывает, из какого перегноя слеплен. У руля ковчега креативов не поставишь ни сержанта, ни бухгалтера, ни корпоративного Аттилу. Он ничего не прикажет, ничего не выбьет, ничем не запугает.

У Главного Креатива задача посложнее: он должен сделать так, чтобы чертовым кретинам вообще хотелось забавляться играть думать выдумывать. Ради репутации и прибыли фирмы.

Это дети. (Повторяли более умные.) Они долж-

ны оставаться детьми. Им нельзя ПЕРЕЖИВАТЬ. А если даже и переживают, сразу же гейджатся дизайнерскими блокерами глюкокортикоидов или другими антистрессерами. Чтобы играть, играть, играть.

Сядь с ними в песочнице. (Повторяли они.) Втяни в другую игру.

Пекельный в одну секунду инь-янится на другой полюс.

Они с Павлом прогуливаются по склону Фудзи. По снегу скачут миядзакушки. Над вершиной дрейфует бумажный лампион Луны, сахарные сосульки сверкают тэгами японских сказок.

Павлик, я в тебя сейчас влюблюсь. Такой гейдж, что аж хребет поет. Хотел бы, а?

Павел эмотирует пожатие плечами в энной степени. (Аж Фудзи вздыхает.)

Мог бы, мог бы сгейджиться. Но зачем? Мог бы влюбиться в этот деревянный мостик или в эту косулю. Трахать косуль каждое утро. Прокосулиться насквозь. И что с того?

Ты мне подсовываешь шоколадные конфеты. А у меня на тарелке бифштекс, горячий, с кровью.

В ответ на такое dictum Пекельный раскладывает перед Павлом бесплатные образцы. Смотри, что они уже навыдумывали. Когда ты в послед-

ний раз заглядывал? Смотри.

У нас голливудские разработчики. У нас творцы государств из «Advocats Sans Frontieres»[136] и кодеры, аватарящие их когито. Мы запустим в паблик не какую-то там моду, но ОЧЕВИДНОСТЬ. Ты гражданин Созвездных Государств Духа, только пока об этом не знал.

У нас лучшие ворлд-билдеры из национальных, религиозных и образовательных шляев, creme de la crème[137] нердов протео. Смотри. (Заглядывал?)

В глубине души ты всегда знал:

ты и твои братья и сестры — живете в другом мире

ты и твоя первая любовь — жили в другом мире

ты и твои друзья — живете в еще более других мирах

ты и созвездия сердца — у вас есть свои сердечные

миры

ты сам — существуешь в своем собственном мире

---

[136] Примечания: 136
«Адвокаты без границ» (*фр.*).

[137] Примечания: 137
Сливки из сливок (*фр.*).

Это готовая мифология, поэзия гроба и колыбели, изначальная вечерняя истина.

На ней мы построим цуг для ФАТАГИ. «Сердце — единственный законодатель».

Тебе не интересно? Не соблазнительно? Меня ведь не обманешь!

Павел греется у зеленого пламени в хижине монаха-отшельника. У монаха конская голова, и он угощает гостей золотистым рисом. Снаружи идет снег, и каждое из падающих на землю хлопьев — кристаллическая четверть ноты, замороженная капля музыки.

Вы построите в Созвездных Государствах Духа республики интима. Ммм. Диктатуры шепотов в подушку, империи сна. И каждая в дизайне ФАТАГИ, под духом креативов ФАТАГИ.

Пекельный кует, пока горячо. Ты видишь! Чувствуешь! Хочешь!

Initiative +10.

Монах сует чашку с рисом в руку и ему.

Они молча едят под лунным иероглифом Фудзи. Каскадом нарастает симфония зимы.

Павел раскладывает палочками зернышки, будто маленькие камешки на доске го. Их ряды разветвляются во фрактальные узоры. Осьминог глотает звезду.

Разве Пекельный не прав? Прав, прав.

Ведь и теплая хижина — подсознательный рефлекс, временная икона уюта. В перегное этот миг оборвался бы кратким впечатлением, размытой аурой, невысказанной метафорой. «Я чувствовал себя, будто…»

А в Государствах Духа нет «будто». Сердце — единственный законодатель.

Павел сам хорошо помнит — хотя бы ощущения подростка, которого вдруг зашвырнули в Жизнь Большого Города. То была страшно-смешная сказка об Избранном, блуждающем по нескончаемым лабиринтам столицы Пустоты, среди Манекенов и Зомби. (Другой мир.)

Он прекрасно понимает, как развернут идею Бартек и его команда; по крайней мере, настолько он Бартека знает.

Вот так встречаешь человека, гейджишься на страстное желание, он гейджится на страстное желание тебя, вы проваливаетесь в приватный пузырь страстей и чувств — и с тех пор для вас существует только эта реальность.

И не в поэтических метафорах, но вполне законно, ощутимо, объективно — в Государстве Духа 02+ по лицензии ФАТАГИ.

С торговой маркой Гаврило, отпечатанной на

каждом шорохе эмоций, касании душ.

(Так человек оказывается вспорот настежь — а Костшева придет и поменяет местами сердце с печенью, печень с мозгом, сконструирует Homo Antinolensum.)

К порогу хижины прискакали маленькие пушистые демоны, Павел подкармливает их шариками риса. Они громко чихают, вздымая фонтаны снега.

Наверняка вас ждет успех. (Не смотрит на Пекельного.) Гаврило, однако, стартует на более длинную дистанцию, вы даже не видите его финиша.

Может, тебе не стоило выдавать ему меня, может, тебе стоило продаться королевству Корлеоне через его голову. А так — Гаврило нашел меня в шляе, связал.

Не видишь? Я в квесте.

В ответ у Пекельного вырастают рога, он пышет огнем, отрывает монаху конскую голову, выскакивает в снег и топчет демонов. Ну тогда привет пану Раймунду! Всего наилучшего! На новом пути!

Павел стаскивает с неба лампион Луны и вручает его Пекельному в подарок. Не бойся, я не съем ваш заказ. Меня это не особо (зевает) волнует.

Пожалуй, смотаюсь. А привет передам, передам. Завтра.

Шеф под лампионом медленно плывет сквозь фортепианную метель. Эх, Костшева, Костшева, Костшева… Если бы ты только хотел. Если бы только. Если бы.

Что ж. (Павел пожимает горой Фудзи.) Такое когито.

Чат и мат: Патриарх

Роскошь высшего благоденствия: возьми в руку нож, перережь горло поросенку, смотри, как он истекает кровью, дергаясь и хрипя. Вечером вы его съедите.

Раймунд Гаврило пригласил Павла к себе на ужин. Павел взял с собой Крысю. Кровь зарезанного свиненка брызжет вокруг, на руки, одежду, лица. Крыся утирает лоб, на ее волосах остается красная полоса.

Будьте моими гостями. Пани Кристина. Пан Павел. Позвольте. Поставим хлеб, почистим овощи, достанем мед из ульев, зажарим мясо.

Вернутся ВКУСЫ.

(Доктор Беда бы презрительно сплюнул. Ретро на золоченом блюде! Чем театр дороже, тем он

театральнее.)

Павел с Крысей обмениваются в привате чувствами, эмотами и ассоциациями.

Нужно было сгейджиться по-олдскульному. Можно потом очиститься забывайкой, раз уж такая травма. А кто тут говорит про травму? И Кристина Туш смеется, раскрасневшаяся и запыхавшаяся, разрезая подрагивающее мясо в соответствии с указаниями хозяина и его мастера по забою.

Павел выходит покурить. Луга, леса, поля, горы. В духе из-под туч выглядывают огромные лица славянских богов.

Что это за королевство? Та кровь, тот прелый сенсуализм перегноя?

С ними не имеют ничего общего ни ретро доктора Беды, ни консерва Гуцека, ни вера Утралта. Это другой путь к бегству.

Он спускается к ручью. Трава и сорняки растут здесь дикими скоплениями, будто колтуны на скальпе луга. Никто не стрижет, не ухаживает, в этом вся красота.

Хотел помыть руки, но остановился. Рефлексы шляя. Отмыться от крови зверя, очистить меч,

Purity 10[138].

Полизал, понюхал. (Реализм на четверть свистка.)

Павел курит. Табак постепенно побеждает. Что пытается доказать Гаврило? Все эти фортели тела давно уже пришли в упадок. Никакое мясо и кровь не станут для наших чувств более реальными из-за того, что их подали в перегное.

Не существует никакого «качества натуральности». Те с ножами из торгового центра были правы.

Он вытирает руки о штаны.

Трогательные ритуалы. Театр, театр во дворце прокаженных.

Горячие тэги влекут его в лес, за первые деревья. Прибежала Крыся. С ее платья от Ибра капает кровь, смрад свинского трупа забил духи Шанель.

Крыся тяжело дышит, будто каждым движением диафрагмы рвется из объятий смерти. Глаза блестят. Ее устами смеются боги. Она сбрасывает платье, размазывает вонючую красноту по коже. (Выплюнь сигарету!)

Павел подчиняется. Гейджится по симметрии.

---

[138] Примечания: 138
Чистота 10 (*англ.*).

Кусает Крысю за плечо, за шею.

Хватает за волосы, валит на землю.

Крыся царапает ему лицо. Другой рукой расстегивает его брюки.

Они рычат друг на друга. Скалят зубы. Дышат. Плюют.

Она пытается пнуть его по яйцам. Он переворачивает ее лицом в траву, хлещет по бедрам, по ягодицам.

Они воют. Смеются. Плачут.

Совокупляются в зелени и грязи.

Окорок, картошка в мундире, соления.

Раймунд Гаврило на вершине блаженства.

Павел и Крыся обмениваются впечатлениями и словами. (Диалоги, приват.) Как тебе этот слалом вдоль границы, the last sprint of blade runner[139]? Сколько ему лет? Как раз плавает в паблике: восемьдесят семь. Сейчас бы я дала ему себя отжарить. Сгейджись в самца петро, можно заразиться. Что с того, что у него есть деньги? У всех у нас есть деньги. Что с того, что у него больше денег? И что он с ними станет делать, в камине сожжет? (Откроет развлекательную бойню). Что с того, что он помнит экономику времен

---

[139] Примечания: 139
Последний спринт бегущего по лезвию (*англ.*).

борьбы за огонь? Это лишь иная разновидность мускулов, цифровой тестостерон. Нет, нет, ты не понимаешь. Он патриарх.

Под флагом Непокорности Крыся продается Гаврило на день, на неделю, на месяц (с копией для Павла).

Гаврило вежливо отказывается.

Они с женой обмениваются улыбками. Это четвертая полноправная.

Не думаешь жениться, а, молодой человек?

Павлу даже не требуется эмотировать удивление. Не поднимая взгляда, он забавляется овощами на тарелке. В его созвездиях работы и города не найти никого женатого-замужнего. В старых у него еще были несколько таких знакомых (сестра, Кукусен).

Обещания на пять, десять лет вперед, навеки — что толку от них в мире Протея?

Даже если несчастный обещает совершенно искренне — уже обещая, он ЗНАЕТ, что эта искренность обернется против него. В ином мире она будет означать совершенно другое.

Видно ведь, как вращаются в небе созвездия.

Все изменится. Все всегда изменяется.

Это правда. Но

(снова разлили красное вино, прошу поднять

бокалы, понюхать букет, ах)

разве ты не втягиваешься в игру вплоть до высшего экстаза и глубочайшей депрессии, хотя полностью осознаешь, что это игра?

И Раймунд Гаврило чокается с Павлом. Не спуская с Кристины властного взгляда.

(К кому он сейчас обращается?)

Каждый раз ты даешь клятву навеки.

Первый раз ты женишься во время учебы или сразу после.

Вам по двадцать с небольшим. Вы почти ровесники.

Вы принадлежите к одному и тому же поколению, одному и тому же миру. Вы понимаете свои мечты и амбиции.

Она отдает тебе энергию, чтобы ты мог пробиться на вершину. Она рожает тебе первенца. С ней ты строишь первый дом и одерживаешь первые победы.

Но идет время. Дети взрослеют.

Ты успешный мужчина в расцвете сил, все еще молодой победитель, а она — сорокалетняя женщина. (Ибо биоло.)

Второй жене, когда ты с ней знакомишься, тоже около двадцати лет.

Вы не ровесники. Вы движетесь по разным

траекториям.

Она на восходящей кривой. Дает тебе настоящую молодость.

С нею ты пользуешься плодами заслуженного успеха.

Благодаря ей тебе еще хочется завоевывать мир.

Она ненасытна — именно это тебе нужно, ненасытность, которую не может тебе дать первая жена.

Но через полтора десятка лет и это перестает иметь значение. Ибо теперь ты начинаешь видеть впереди Конец.

Третья жена может быть ровесницей второй.

Обычно ей тридцать с небольшим, у нее уже позади долгий союз, дети от него.

Она приносит тебе противоположность дара второй: спокойствие.

Когда она рядом с тобой, ты пребываешь в согласии со всеми несправедливостями, поражениями и страданиями, которые тебе довелось испытать.

С нею ты можешь вести долгие разговоры, которые тебе не наскучат. Можешь молчать.

Перед ней тебе не нужно скрывать то, что ты прежде скрывал.

Именно она будет держать тебя за руку на смертном ложе.

Обмоет труп, положит в гроб, опустит в землю. Позаботится о завещании и имуществе, когда другие будут лить слезы.

Женщина, которая переводит на другой берег.

Они живут дольше, переживают нас. (Биоло.) Имеют власть над воспоминаниями.

Павел почти зааплодировал. Что за плей. И что за дурачество.

Женщины и мужчины, как же!

Нет больше патриархов. Есть только женские и мужские роли.

Но Гаврило сам это прекрасно знает. Он выбалтывал всю эту архаику совсем с другой целью.

Даже у Павла почти встало. (Lust Mod 1min)[140]. Протекло от Крыси.

Которая всматривается в пана Раймунда из-под опущенных век, левая рука скачет по столу, напрягаются мышцы бедер.

Саундрек: Swung XRK (басы).

Леди Гаврило, видимо, поговорила с мужем в привате. Она многозначительно улыбается Кристине. Позволишь, дорогая? Оставим мужчин

---

[140] Примечания: 140
Режим вожделения 1 минута (*англ.*).

с их делами.

Нет больше патриархов, но есть патриаршие маски, есть патриаршие плеи.

Волшебные флейты, шаманы огня, троны духа

Business mode. Гаврило ударил чайной ложкой в бокал, и они вошли в тронный зал орбитального замка. Пол из прозрачного пласта, под ногами вращается бело-голубая Земля.

Смотришь старые плеи? Пусть наконец какой-нибудь злой гений обратится к ним ради власти над планетой! Интереснее всего было бы узнать, что он станет делать потом, получив эту власть.

Когда уже ничто не стоит между его видением мира и миром.

Извечная мечта человечества: могущество, благодаря которому слово становится плотью.

Трон украшен гаджетами родом из научной фантастики эпохи барокко, он висит на огромном светящемся столбе, лазерном заклятии.

Гаврило остановился, совершая рукой приглашающий жест.

Тест? Тест.

Павел бэкапится с каждой фразой.

Троны не для меня. Сами знаете, у кого есть такая власть. Кто превращает ЛОЖЬ в ПРАВДУ, НЕ НРАВИТСЯ в НРАВИТСЯ.

Знаменитости. Аттракторы созвездий. Те, кто самим своим присутствием придают вымыслу статус реальности.

Гаврило выходит на космическую террасу, закуривает сигару от пролетающего спутника.

Так что ты предлагаешь?

Уже пора, молодой человек.

Расскажи своими словами.

Павел колеблется. Он не продумал до конца. Это не его задача — замыкать логические цепочки. Он обычно сеет зерна, раскладывает приманки.

Да. Они все тонут. Нужно их как-то спасать.

Перевести человечество с континента старой человечности, заливаемого ноленсом

(плей: Моисей поднял руки, расступаются воды)

перевести на новые земли.

Пожалуй, вы правы, Государства Духа — необходимая переходная стадия.

Почему? Потому, что в них протеизм есть объективная норма, мир соответствует сознанию, сознание миру. В перегное же — в перегное мы живем, постоянно разрываясь. Мысль не совпа-

дает с реальностью, тело с духом.

Переходная стадия — ибо да, речь идет об изменении сознания. Будут ли люди, рожденные и воспитанные в Государствах Духа, нуждаться в этом протезе? Даже если они вернутся в перегной, они наверняка безопасно поплывут по волнам ноленса.

Так что, похоже, вся проблема в том, как пережить МОМЕНТ ПЕРЕХОДА. (Полвека, два поколения.)

Как их перетащить на сторону Протея? Как приучить к существованию, уже лишенные смыслов жизни Homo sapiens?

Павел пробивает дыру в небе и смотрит в нее сверху на миллиарды

спящих
едящих
разговаривающих
шляющихся
работающих физически
путешествующих
сражающихся
ничего не делающих

Саундтрек: Die Schopfung[141] Гайдна.

---

[141] Примечания: 141
Сотворение мира (*нем.*).

Гаврило и Костшева отгоняют тучи, зажигают публичные созвездия. Павел проводит пальцем по папиллярным линиям цивилизации, ласка демиурга.

Спуститесь к ним. Ну, давайте же. Взгляните прямо в глаза hoi polloi[142]. Что вы им скажете?

Сойдя с небес, они встали за спиной африканского экс-крестьянина, погруженного в ночной плей. По его лицу бродят мухи, по душе — туристы. Он не брился и не мылся уже несколько недель.

Гаврило морщится.

(Матео.)

Павел кладет ладонь на голову негра, будто защищая его от ожидаемой атаки Гаврило.

Вы не оцениваете всю сложность. Пожалуйста. Можем попробовать ему объяснить. Можем убеждать. Прошу.

Гаврило грызет сигару.

Павел мрачно кивает.

Ибо это ничего не даст. Он даже сам себя не в состоянии убедить. Знаю, и тем не менее тону тону тону. Почему?

У вас есть сознание: речь не о разуме.

---

[142] Примечания: 142
Простонародье (*греч.*).

Они все (сжимает ладонь на потном загривке негра), мы все (бьет себя кулаком в грудь) подобны неандертальцам, заброшенным в цивилизацию «макдональдсов». Мы жиреем до смерти, пожирая бесплатные груды еды, — ибо так мы запрограммированы: накапливать максимальные запасы между долгими голодовками.

Что с того, что никто не голодает? Мы вынуждены жрать жрать жрать.

Ибо чему служит вся наша культурная, цивилизационная, общественная программа? Преодолению ограничений материи.

Но когда эти ограничения исчезают — исчезает трение — исчезает гравитация —

на что опереться?

от чего оттолкнуться?

к чему стремиться?

Работаем — неизвестно зачем.

Учимся — неизвестно зачем.

Экономим — неизвестно зачем.

Едим, пьем, тренируемся — неизвестно зачем.

Общаемся с людьми — неизвестно зачем.

Занимаемся сексом — неизвестно зачем.

Живем — неизвестно зачем.

Он отпускает негра.

Африканец валится на пол, будто пустая кукла.

Мухи на мгновение взлетают и тут же снова облепляют потное тело.

Живое? Мертвое?

Без разницы. Плей играет как играл.

Павел открывает дверь бунгало. Своими словами? Знаю, чего вы ожидаете. Но это не мои слова.

На центральной площади деревни скачет вокруг огня шаман в маске, перьях и листьях. Бьют барабаны. Шаман кружит, приближаясь и отдаляясь от пламени. Когда кто-то из жителей деревни вступает в круг света и танца, его захватывает орбита шамана, и он продолжает кружить вокруг него. Так растет хоровод диких приплясываний и ритмичных притоптываний. Трое, пятеро, семеро, десять, двадцать — а в духе: пять, десять, двадцать тысяч подписчиков с Севера. Из тьмы во тьму. Они пойдут за ним вслепую. (По крайней мере, пока театр не переместится дальше в глушь.)

Вы этого от меня хотите, пан Раймунд? Чтобы я их зачаровал?

Чтобы я вывел их

(из дома рабства)

как крыс из города?

Нет, не ты, молодой человек. Ты должен лишь

сообщить мелодию для флейты крысолова. Остальное сделают другие.

(Армии поэтов, арсеналы эпоса, чужие сны.)

Павел качает головой.

Чтобы я спроектировал им новую человечность, новое ЗАЧЕМ? А нанятые знаменитости шаг за шагом вовлекут в нее человечество?

Но.

Так не получится.

Павел приставляет к голове шамана револьвер. Шаман шипит, плюется и прыгает в огонь. Павел стреляет в воздух. Зря — колдун, как дурак, танцует прямо под дуло, скаля зубы. Павел стреляет ему в висок. Падает труп, хоровод с воплями разбегается.

Не получится. Они шли за ним, поскольку он был одержим богами.

Павел тычет Гаврило стволом в грудь. Вы этого не понимаете, вы слишком рано родились, уважаемый, вы мыслите каменными табличками. Не получится СПРОЕКТИРОВАТЬ ПРОТЕОЧЕЛОВЕКА.

Может, вы и вкусили этого яда, но на самом деле вам не понять креативов.

Знаете, как возникли королевства?

(Павел поднимает и надевает маску шамана.)

Корпорация рекламирует себя. Корпорация

желает заполучить клиентов, превратить в них случайных потребителей рекламы.

(Он подходит к перепуганным неграм и трясет у них перед глазами разноцветным тотемом.)

Но дух побеждает перегной, и уже невозможно скармливать потребителям контент силой; потребитель должен войти в маркетинг добровольно.

(Негры прячутся в хижинах.)

Соответственно, каждое сообщение должно нести ценность само по себе.

Как прорекламировать рекламу? Вся она бесплатна, но время потребителя остается конечным. Какую рекламу он выберет?

(Павел швыряет куколку в костер, и из пламени вырывается иной тотем: пятиметровый феникс тотема, искрящийся, гудящий жаркими вихрями, ослепляющий.)

Какую он выберет?

Ту, в которой его заинтересует сама ИДЕЯ. (Даже внутри домов невозможно укрыться от пульсирующего сияния.) Реклама уже здесь является продуктом, продукт рекламой, без разницы.

Что мы на самом деле продаем?

Вовлеченность потребителей-клиентов.

(Они выходят с широко раскрытыми глазами,

загипнотизированные, влекомые фонтанами живых фейерверков.)

Намного труднее выжать из креативов такие идеи, которые люди охотно проглотят вместе с товаром, чем сфабриковать сами товары.

Одежда, гаджеты, еда — все это дешево и просто в производстве

(из-под крыльев феникса сыплются рубашки ботинки шляпы шоколад водка автоматы куклы косметика драги)

и одно ничем не отличается от другого, помимо вклада духа: покупая сигары именно ЭТОЙ марки, ты втягиваешь в легкие идеи, в которые она была упакована.

(Дым от сигары Гаврило превращается в уменьшенную версию феникса тотема.)

Ты отождествляешь себя с этими идеями.

(Сигарный феникс раскрывает клюв и каркает букетом искр прямо в глаза Гаврило.)

Ты ЯВЛЯЕШЬСЯ ими.

(Феникс складывает крылья и ныряет — вонзается в ноздри Гаврило, проникает ему в голову.)

Ты ЯВЛЯЕШЬСЯ этой сигарой.

(Гаврило отбрасывает сигару.)

Изначальная экономика, экономика зеро — это экономика идей.

(Павел поворачивается своей жуткой физиономией к фатаговцу, и из-под маски вырываются

— чужие сны —

драконы химеры сфинксы горгульи медузы ангелы черти.)

Фабрики материи в конечном счете оказываются всего лишь мелким дополнением.

Вот только креативов не заменят машины: невозможно алгоритмизировать методом brute force[143] наши сны.

(Павел срывает маску шамана — под ней искаженное в дикой гримасе лицо старого негра.)

Раймунд Гаврило отставляет бокал и встает из-за стола. Они снова на террасе орбитальной крепости.

Павел высовывается через пласт и по локоть погружает руки в ванильный пудинг земной атмосферы. Подвернув рукава, вращает морями духа, месит тесто миллиардов публичных душ, извлекает из-под скорлупы планеты тайные уровни грез и молитв.

(Смотри!)

Экономика идей вливается во все культурные ниши.

---

[143] Примечания: 143
Грубой силы (*англ.*).

(Смотри!)

Рынок колонизирует континенты коллективного подсознания.

Уже видны линии, очертания, тени гигантских туш, толкущихся внизу — под континентами и океанами.

Закрученные Павлом атмосферные фронты душ складываются в узоры, арабески, паучьи контуры и геометрические иконы.

Павел перемещает их то туда, то сюда, ближе к экватору, ближе к полюсам, объединяет в созвездия, разделяет, запускает в муссоны и пассаты, раскручивает в ураганах.

(Видишь?)

Некоторые идеи ближе друг к другу, иные дальше. Одни притягиваются, другие отталкиваются. Образуются кластеры, коллективные разумы, разрастается ткань духа.

Павел щелкает пальцами. За долю секунды с небес на землю слетает молния — и попадает в прохожего на улице города.

(Стоп-кадр.)

Павел вертит в пальцах парализованного человека-куколку, скребет ногтем его мозг, извлекает оттуда потроха публичной души.

Каждый консумент занимает здесь какое-то

место, без исключения, неважно, то или иное — он всегда где-то висит в такой сети.

Лишь надежность статистики меньше или больше — вероятность того, что он:

слушает музыку иппо — имеет естественнонаучное образование — носит шмотки от Баскута — ездит на автомобилях от Марвел — имеет сексуальность легкого протео — голосует за коммерческих пост-левых.

Он этого не знает

(вернул куколку на место)

но им правят не алчные корпорации — к чему им играть в правительства, это негигиенично, — а безымянные боги из замков над облаками.

(Старт!)

Блеснуло, грохнуло.

Так родились королевства.

Павел выпрямился, скрестил руки на груди. Работа закончена.

Видите что-нибудь, уважаемый? (Землю и сны под ногами.) Видите.

Это КОРОЛЕВСТВА — РАБЫ ИДЕЙ, а не наоборот.

Никто их не проектировал. Никто ими не управляет.

Невозможно «создать» королевство по жела-

нию. Новые появляются, когда мы замечаем пробел между территориями старых — в этом и только в этом месте.

Раймунд Гаврило, мрачный будто Дед Мор, показывает на светящийся трон и сидящую на нем нечеткую, размытую фигуру. Матео.

Ему это скажи.

Я бросил тебе вызов.

Сдаешься? СДАЕШЬСЯ?

Он хватает Павла борцовским приемом и швыряет на невидимый пол, к самому трону.

Дух Матео Гаврило переливается через спинку и поручни трона. Голова едва держится на шее. Глаза вытекают из головы, белки из глаз. Он оседает, расплываясь в аморфное пятно перегноя.

Именно это тебя ждет. Это ждет нас всех.

Если что-нибудь не придумаешь, пан молодой креатив.

Павел, распластанный на небесной тверди, молча качает головой. Так не получится, не получится, неполучится неполучится неполучится!

Матео стекает с трона, заливая Павла вонючей гнилью ноленса.

Они покидают столовую, обнимают петроженщин, выходят на веранду. Дождь. Луга, леса, поля, горы.

Павел на мгновение отстает, чтобы проглотить прописанные мозгоправом драги. Несколько пилюль падают на пол. У него дрожат руки.

Гроза

Бросить все. Сбежать. Забыть. (Он извел полный ингалятор забывайки и половину следующего.) Отказаться от пари, которое не выиграть.

Но весь кайф именно от столкновения с невозможным!

(Не слушай! Беги беги беги!)

Павел закрылся, заперся, замуровался. Он не заходит в шляи. Не выходит в перегной. Не просиживает в духе. В привате раз за разом прокручивает в голове одни и те же два плея.

Как придумывать, постоянно думая о придумывании? Как создавать, изначально предполагая создание?

В конце концов он резко гейджится в расслабон и пофигизм, и лишь тогда судорога отпускает мышцы мозга. Уфф.

Итак.

(Плывешь, Павел, плывешь…)

Итак, человек эмигрирует в Государства Духа — живет в реальности Протея — где постоянно

меняющийся дух напрямую соответствует постоянно меняющемуся миру — ничто не неизменно — нет никаких точек опоры — что ни придумай, оно рассеется в мгновение ока, сменившись новыми точками притяжения, новыми модами, новыми абсолютами — тут же сменяясь снова — и снова — и снова… (Ну не получится, неполучится неполучится.)

Павел сгейджился еще сильнее.

Хоп — что-то лопнуло в лобной доле.

А, неважно. Не переживай. Забудь. Думай о чем-нибудь другом.

И так, между одним и другим зевком, он оказался в ультрафиолетовом сквере.

Лежит в траве и, моргая, глядит на божью коровку.

Божья коровка отвечает ему интеллигентным молчанием.

Саундтрек: Together We Will Live Forever Клинта Мэнселла.

От скуки Павел ползает по геотэгированным созвездиям. Бычок в закрытом шляе, Зилита заново целиком вшивает себе нейро в экстропистической клинике, Кровавый Гегемон офлагован на фак-офф, Морковка с головой между ног, Бартек спит, Норман Прескотт вывесил себя в пабли-

ке (упокой Господь его душу), Илона на работе, Крыся…

WTF!

Крыси нет.

Садясь, он раздавил божью коровку; не заметил. Как оно могло без моего ведома стереть Кристину Туш?! Даже если бы она умерла, у меня был бы фид о ее смерти. Что вообще творится? (Confusion Max 10s.)[144]

Павел перемещается назад по логам публичных хабов. Три дня назад она еще была, я был с ней на открытом у Гаврилы. Она должна также висеть в подписках королевства Парибас-Шанель-Пи и в реестре Патентованных Безумцев.

Но королевство информирует о разрыве с вассалкой всех Лояльностей, Гарантий и Полисов.

Это трудно понять. Ни с того ни с того Крыся — что? — перестала любить цвета, которые любила, ей перестали нравиться одежда и тела, которые ей нравились, она перестала смотреть на мир, как смотрела, покупать то, что покупала, жить, как жила?..

С Гильдией Патентованных Безумцев то же самое: Кристина Туш у них больше не работает.

---

[144] Примечания: 144

Замешательство на максимуме 10 секунд (*англ.*).

Разрыв трудового договора состоялся после двенадцатичасового предупреждения, позавчера в 18:39.

Лишь из публичных созвездий Крыси Павел вылавливает информацию — ее знакомые говорят об этом, вися на скалах Ле-Каланк-де-Марсель, узнали от кого-то из открытого шляя.

Будто Крыся пошла в БДСМ.

Павел ловит подробности.

Она выставила себя на аукцион через Херста и Боша, специализированную канцелярию из Сан-Франциско. Закрытый контракт, без дополнительных условий. Ее купил некий Герман Л. Месутт. Он сразу же ликвидировал ее жизнь, продал все движимое и недвижимое имущество, перевез тело в Штаты. Она уже больше не Кристина Туш, не имеет права светиться в каких-либо созвездиях, она спутник звезды Месутта, его собственность.

Герман Л. Месутт, 42 года, королевство Бенеттон-Штраус, Лос-Анджелес, Лондон, Сьюдад-Обрегон, высокая репутация в созвездиях БДСМ и гильдии V777, магистр искусств, магистр душ, ранее актерская студия Фрица К., теперь профессионально тренирует рабов, петро, протеосексуалист гетеро, а это отец, а это партнерши,

а это созвездия, а это сказал, а это сделал, а это о нем говорят, а так дрессировал кисок, а так играл на гитаре, а так побил официанта, а так думал, и вероятность, что он тебе понравится — не понравится — понравится — не понравился.

Книги.

Музыка.

Игры. (Шляи фэнтези.)

Еда.

Я бы ему башку оторвал.

Крыся, которая уже не Крыся, но Белая Тридцать Четвертая, лежит голая под кислородной маской в открытой студии Месутта. Ей удалили голосовые связки, заново смоделировали костяк лица, прооперировали гениталии, идет замена кожи и перестройка нейро. Вскоре она не сможет вздохнуть без позволения Господина.

Павел склоняется над Крысей. (Не Крысей.) Он коснется ее, но не разбудит.

У него пересохло в горле. Он откашливается, хрипло повторяет бессмысленные слова, сглатывает слюну. Пальцы сами сплетают из стеблей травы уродливых куколок.

Она продалась без каких-либо условий, после форматирования когито не будет меня даже помнить.

И ничего мне не сказала! Не подала никакого знака.

Но имел ли Павел право его ожидать? Кем он был на ее небе? Звездой седьмой величины в одном из побочных созвездий.

Павел отворачивается от Белой Тридцать Четвертой; и, отвернувшись, снова оседает на траву.

Саундтрек: Ghost Hardware от Burial.

Не помогают персонализированные драги. Не помогает подобный молоту гейдж,

С каждым мгновением его все сильнее — охватывает — давит — втаптывает в газон — несчастная божья коровка —

Ужас.

С каждым бывает. Одни выдерживают, другие нет.

Например. Он сидел в перегное на лекциях передо мной, пока у него однажды ноленс не пошел из ушей и носа. И что? Только его и видели. Может, окончательно сгнил в своей постели. (Как Гаврило-младший.)

Или. Прогулка в перегное, и тут ты видишь ее вне духа. Старое биоло, шмотки из другой фазы. А узнал ты ее, охваченный ужасом, по тому, что она не вступает в общение. Не принадлежит ни к какому созвездию. Она уже не из этого мира.

Разлогинилась.

Или. Отец, родной. Двадцать лет за письменным столом. И медлительные, будто под водой, движения. В скольких вселенных он взорвал их ко всем чертям? В скольких вселенных он выцарапал шефу глаза и измазал калом отдел кадров? Они ходят вокруг него, другие отцы, я вижу их, отцов вокруг отца. Аж сердце сжимается.

Ужас.

Найди пустую бутылку. Такую, в каких продают дорогие оливки. Дунь внутрь и хорошенько закрути пробку. Носи ее везде с собой. Пока не привыкнешь.

Привыкнешь, но не забудешь. Она большая, не помещается в кармане. Ее нелегко разбить. Нужно ударить со всей силы. О бетон. О камень. О сталь.

И тогда ты узнаешь.

Что нашел в себе силы, чтобы выпустить в мир НИЧТО.

Ты утратил то, чего никогда не имел, но тебе внезапно так недостает…

Чего?

Там ничего не было.

(Ужас, ужас.)

Путь дракона

Я поправил меч на поясе, ранец за спиной и спустился в долину.

С перевала плыл туман. Ночью я слышал его дыхание, просыпаясь у погасшего костра, когда оттуда, будто из легких кошмарного змея, доносился страшный скрежет и свист — то вихрь свистел над пущей. И на рассвете в долину поплыл сжиженный драконий вздох — облака белого пара, волна за волной. Я убегал от них по осыпям и лугам, пока они не поглотили меня, окутав мясистыми языками туч. Так я спустился к сторожевой башне Сюйер, влажный от его слюны, тяжело дыша, исходя паром от обнаженных плеч в холодном горном воздухе. Черные луны предвещали Отлив и Кровосмешение.

Они выставили стражу. Я снял ранец, отстегнул пояс с ножнами. Медленно вытащил из них Утешителя Мертвых, односторонний клинок тихо вздохнул, обнажаясь перед миром. Они сидели слева и справа от каменного портала, перед которым чернел догоревший костер. Тот, что слева, не успел встать, упав лицом в лужу собственной крови. Тот, что справа, встал, но Утешитель отсек

ему руку с топором и лишь затем дотянулся до сердца. Они даже не вскрикнули. Но дверь была закрыта, их все равно бы не услышали.

Очистив меч, я достал из ранца костяные факелы. Сторожевая башня Сюйер стояла тут еще до того, как открыли дорогу вглубь, охраняя перевал; от кирпичного сооружения дочеловеческих времен остался теперь лишь неровный круг стен самого нижнего этажа и подвальное помещение, в котором изредка ночуют путники, застигнутые непогодой Дракона. Второй Тайный союз Анатомов открыл дверь ярдах в сорока к северу от башни, под высокими соснами, в песчанике. Воткнуть факелы в едва прикрытое гравием скальное основание не удалось, и я поставил их, плотно обложив камнями. Тщательно измерил расстояния, фут за футом. Пентаграмма должна была опираться на грань с длиной, пропорциональной длине тени, отбрасываемой призываемыми. Шире всего открываются пути на закате и на рассвете.

Окропив внутренность фигуры кровью из отрубленной конечности стражника (свежая кровь всегда помогает), я поджег кости (этого огня не видно по нашу сторону яви), сел под сосной и стал ждать, машинально складывая из зеленых игл

пентаграммки для муравьев, уродливые силуэты зверей и богов. Утешитель Мертвых что-то пьяно бормотал в ножнах.

Из-за седой тучи выглянуло солнце, и на поверхности скалы в пентаграмме появилась объемистая тень. Переместившись вперед и назад, она вытянулась в струнку, в промежутке между двумя шипениями факелов обретя глубину и резкость очертаний. По шляпе и толстой трости я узнал Яго Таракана. Факелы зашипели в третий раз, Яго содрал с себя тень и вышел из пентаграммы. Я встал, мы пожали друг другу руки.

Вторым прибыл Фома Немой, в тени, которая с трудом помещалась в пятиконечнике. За собой он тащил на цепи свои доспехи, которые покачивались над его головой, будто связка воздушных шаров. Большая часть этих доспехов была изготовлена не людьми и не для людей, они раздавили бы его, если бы он не облегчал их заклятиями колибри. Немой бросил якорь у двери; не сказав, естественно, ни слова, сразу принялся подбирать самый подходящий комплект стального одеяния.

Потом на несколько клепсидр небо затянуло тучами. Когда ветер наконец подул сильнее, из пентаграммы быстро выскочила Лилия Непорочная,

как обычно почти голая, лишь в жемчужно-серебристой маске, закрывавшей все лицо, с тремя бездымно горящими перьями жар-птицы надо лбом, в волнистых татуировках от груди до ног, в стеклянных перчатках на руках. Вприпрыжку подбежав к нам, она вскочила Фоме на голову, выпятила зад перед Яго, меня мазнула пламенем по лицу. Мы беспомощно переглядывались.

Последним явился Кайтек Боженька, в красном камзоле и фиолетовых шароварах, бренча на балалайке и звеня привязанными к косичкам колокольчиками. Не тратя зря времени, он сыграл нам благословение на счастье, на здоровье, на силу духа и надежность оружия. Лилия, спрыгнув с сосны, потрепала ему прическу, издавая жемчужный звон. Кайтек жил в восьмилетнем теле ее сына; когда-то давно Непорочную соблазнил и опорочил некий бог горячей крови и животворного дыхания.

Фома захлопнул зеркальное забрало, Яго обмакнул конец дубины в кровь трупа, я же тем временем достал из ранца и повесил на пояс три ореховых бомбы; мы были готовы.

Я кивнул Таракану. Он коснулся каменной двери, и та со скрежетом открылась во влажную тьму.

— Вперед.

Первые несколько сотен ярдов мы шли по уходящему вниз туннелю. Здесь ничего не изменилось с тех пор, как Второй Тайный союз Анатомов пробился к зверю. Яго окружил нас облаком теплого света, мы видели нацарапанные и нарисованные на каменных стенах истории былых героев, изображения дружин, которые первыми спускались к Дракону. Где-то на середине туннеля была высечена в камне трагическая судьба Герольда Крови. Может, мы еще его встретим.

Впереди появился свет. Я поднял руку. Погасив перья и татуировки, Лилия побежала на разведку. Мы добрались до Раны, обычно какая-то из гильдий держит там лагерь. Лилия вскоре сообщила о знаменах гематиков. Когда-то я состоял с ними в союзе.

Мы осторожно подошли к ним. Кайтек и Яго двигались позади, скрытые мелодией тени.

Рана открывалась глубокой пещерой в песчанике, потолок которой усеивали похожие на струпья сталактиты длиной в сто ярдов: из нее уже несло отчетливым смрадом крови. На спуске, ниже выхода нашего и трех других туннелей, в палатках и у костров расположились несколько десятков человек. Некоторые отдыхали, некото-

рые явно готовились к вылазке вглубь. Был даже торговец с повозкой и мулами, который скупал добычу и продавал подозрительные микстуры для чудесного исцеления.

Под знаменами гематиков играли в кости четверо солдат. Когда мы подошли, они потребовали поименного списка, а потом еще по десять золотых с каждого.

— Мы пройдем с миром, — ответил я. — Можем заплатить, но насчет документов врать не станем.

Нахмурив густые, будто тучи, брови, их командир поднялся, смерив меня грозным взглядом с высоты своего роста.

— Как вы тогда вообще вошли сюда через Сюйер?

— Может, помнишь из истории своего братства — мы сражались в одних и тех же кампаниях, — я показал ему знаки различия Банды Троих. — Назови свое имя.

В колеблющемся свете костров и корзин с углями он долго всматривался в знаки, затем перевел взгляд на Фому Немого, который не двигался с места, с каждым мгновением все больше напоминая кусок вулканического шлака, а потом на Лилию. Та ответила ему холодным взглядом маски.

— Немота Властный, — он показал пальцем на Фому. — Лилия Недотрога. А ты — Косарь Рата. Прекрасно. Они ведь еще при старом королевстве бегали? Прекрасно. Но документ мне все равно нужен.

— Лилия, дорогая, покажи им.

Она вскочила гематику на голову, оттолкнулась, прежде чем он успел моргнуть, прыгнула на верх палатки, оттолкнулась, прыгнула на стену, блеснули стеклянные перчатки, вцепляясь в камень и сталактит, взобралась на потолок пещеры, зажгла татуировки и вонзила ногти левой руки в основание сталактита; пять ударов сердца ничего не происходило, лишь ее перчатки и татуировки пульсировали все быстрее, а потом раздался треск, перевернутый шпиль разлетелся вдребезги, и на лагерь обрушилась гора каменной крови.

Все с криком разбегались к стенам и вверх по туннелям. Кайтек сыграл нам колыбельную, и мы прошли дальше быстрее, чем осела пыль.

Внутри было теплее, немного света также давали фосфоресцирующие пятна синяков на окаменевших мышцах. В воздухе дрейфовали пузыри густых испарений; Ране много веков не позволяли затянуться, и болезнь наверняка про-

никла глубоко.

Яго искал жизнь в скале — воткнув в нее трость, он немного послушал, подумал и показал дорогу.

Мы спустились в потроха Дракона.

Сперва сквозь слои костяного панциря, сквозь мили окаменевшей туши, по расселинам, ущельям и трубам пустых и ломких от старости жил, бродя в черной пыли — высохшей тысячелетней крови змея. Когда становилось теснее, я пускал вперед Фому, который расталкивал своими несокрушимыми доспехами кости, базальт и основания гор.

Потом, уже в более жарком и пульсирующем нутре, мы путешествовали по остеопорозным пустошам, разрывам омертвевшей ткани, окруженные пузырями кислорода, которые разгонял своей тростью Яго под животворящую музыку Кайтека, по крутым туннелям, прогрызенным капарфусами, муртапиями и грагуями — паразитами Дракона, драконьими глистами и червями, эонами, питающимися в его теле. Нам пришлось сразиться с гигантским муртапием, появившимся из подрагивающей стены мышц, — слепая башка будто задница демона, кольца острых игл будто ряды копейщиков на осадной башне, дыхание желтое будто боевые отравляющие газы. Кайтек

заиграл, и с тех пор мы дышали его музыкой. Фома Немой встал напротив муртапия, не обращая внимания на ломающиеся об него иглы длиной в три ярда и обрушивающуюся сверху бронированную тушу. Лилия вбежала чудовищу в пасть, брызнула бурая кровь. Пробравшись вдоль стены, я вонзил Утешитель Мертвых между колец, вырезав в боку муртапия треугольный портал. Яго воткнул трость себе под ноги и выпустил молнию сперва прямо вниз, чтобы вызвать местный паралич мышц Дракона, а затем в открытую рану муртапия. Лилия выскочила из раскрытой пасти, подгоняемая ревом издыхающего паразита. Он распадался в судорогах, испуская дым из раны и внутренностей. В возникшей суматохе одна из игл пронзила меня навылет, сквозь желудок и селезенку. Кайтек Боженька спел мне в ухо, и я воскрес.

Потом мы плыли по рекам кипящей драконьей крови, прокачиваемой на сотни миль медленными приливами и отливами из магменного сердца. Дышать здесь было невозможно, мы жили мелодией Кайтека, в похожем на веретено сплетении заклятия Яго. Лилия присела на носу этой сдвоенной лодки, зондируя стеклянными когтями глубину артерий; Фома замер посередине, утяже-

ляя челн. Мы плыли вниз, вверх, по течению и против течения. Перед нами открывались во тьме колодцы ядовитой крови, кровопады высотой во много миль и кровотоки, закачивающие черный поток на милю вверх, простирались болотистые разливы мышечных гематом, мы кружили по гнилостным бухтам и вокруг пурпурных гор печени. Яго в конце концов вывел нас из темного и душного круга кровообращения в более слабые и остывшие боковые течения, к холодным плоскогорьям змея.

Там в крепости тромба нам преградило дорогу племя сицистов. Затерявшись в драконьих лабиринтах двадцать или тридцать поколений назад, они питались его телом, пили его жидкости, спали и размножались в ритме его физиологии. У некоторых остались человеческие лица, у некоторых руки, у некоторых только речь. В укрепленном лагере сицистов, перебив этих слепых мутантов и их нечеловеческое отродье, мы обнаружили в грудах обглоданных костей и всевозможного собранного в тромбе мусора остатки ур-магической аппаратуры. В них еще пульсировали Слова, а когда Яго дотронулся до ангельской трубки своей тростью, та заиграла всеми цветами радуги и мы на мгновение увиде-

ли мысли друг друга.

— Свежая, — сказал он, поднося ее к светообла-ку. — Она истощилась бы тут за неделю. Кто-то вошел в Дракона с лабораторией зенита под мышкой, и эти уроды его сожрали.

— А может, и не сожрали! — крикнула сверху Лилия, успевшая взбежать по завалам на несколько десятков ярдов. Весь тромб состоял из кровяных наростов величиной с двухэтажный дом, которые со временем лопались, двигались и снова покрывались пористой коркой, в результате чего возникла система малых и больших отверстий, пещер, туннелей, провалов, дополнительно замаскированных в слабом и низком свете миллионами теней от каждой неровности и края. Однако Лилия — всевидящая маска Лилии — заметила нечто спрятанное в одной из ям, и теперь тащила его на поверхность с таким усердием, что от огненных перьев Непорочной шел дым и трещали ее татуировки. Тащила, тащила и вытащила — двух человеческих детей, мальчика и девочку.

Оказалось, что это брат и сестра, сын и дочь пары магов-теоретиков, которые — идиоты — отправились на семейную вылазку в Дракона. Кайтек тут же убаюкал детишек, погрузив их в

сон без сновидений; Яго заглянул им в головы. Они были свидетелями смерти по крайней мере одного из родителей — сицисты разделали их отца, зажарив мясо в сердечной кислоте Дракона.

— Не бросать же нам их, — заметила Лилия, утирая спящие рожицы какой-то чаротряпкой.

— Но и не возвращаться же, — решительно заявил я. — Ты знаешь правила. — Кайтек сыграл три тихие ноты. — Все будет хорошо.

— Тогда в Пневму, — сказал Яго.

Заскрежетав зубами, я беспомощно развел руками. Фома Немой не произнес ни слова.

Он посадил детей себе на плечи, девочку на левое, мальчика на правое. Нам пришлось свернуть с пути, сойти в ветреные пропасти, в глубь бездны драконьей груди.

В долине драконьего легкого мы остановились в Белой Корчме, у слепого Януса. Этот город, Пневму, основали еще Анатомы. В его шрамах и спайках скрываются древние сокровищницы Тайного союза, в которых первые маги-исследователи собрали свою самую ценную — бесценную — добычу. Городские советники, стражи этих сокровищ, уже много веков не показываются на глаза смертным. Якобы искупавшись в холодном огне драконьего семени, советники Пневмы

вместе со змеиной живучестью обрели аппетит Дракона и теперь питаются временем и пространством, пожирают логику причины и следствия, упиваются уртропией, то есть естественным стремлением каждой магической сущности к магии истребления.

Именно потому легкое с Пневмой раздулось до размеров в тридцать раз больших, чем второе легкое Дракона. И именно потому в Пневме находятся столько товариществ, гильдий, сект и альянсов: близкое присутствие невидимых советников консервирует хранящиеся в личных склепах артефакты. Сюда приходят также стареющие аристократы, монархи и обрученные с землей герои, приходят, поскольку даже самая дорогая магия уже не в состоянии защитить их от смерти. А в Пневме, даже если они в конце концов умрут, то чудесным образом затеряются между собственным детством, юностью, зрелостью и старостью, заплутав между вчерашним и завтрашним днем, помня момент смерти как далекое туманное прошлое… Я всегда сбегал из Пневмы как можно скорее.

Лилия и Кайтек занялись поисками опеки для детей, а я отправился в старую резиденцию Союза Гвоздя. Она находится в Зафлегме, в башне из

драконьей кости. Я поплыл по главному каналу. Гребец пел морфологические баркаролы. По густым волнам и загноившимся стенам зданий плясали тени от трахейных огней. Ветер подул сильнее, и я ощутил во рту вкус, для которого нет названия. Терпеть не могу этот город.

В небе над Пневмой клубятся шторма дыхания Дракона; когда он выдыхает их грохочущим вихрем, над горами и равнинами Запада сгущаются мрачные тучи, континент накрывают атмосферные фронты, а королевские предсказатели пишут новые календари для крестьян. Ожидая привратника у башни Гвоздя, я задрал голову. Там, в вышине, у вершины легкого, то и дело взрывались желтые и красные огненные протуберанцы длиной в десятки миль. Чтобы в Пневме не царила тьма, городской совет закупил у Третьего Тайного союза Анатомов — заплатив сокровищами, о которых можно только догадываться, — бесконечную Пытку. Пытка дырявит дыхательную систему Дракона таким образом, чтобы огонь из его серных желез выходил не наружу, а внутрь легкого. Вшитые маги говорят, что это очень больно. Дракон ненавидит людей. Уже тысячелетие на его континенте не было ни единого лунного дня без войн и эпидемий.

Я поднялся за привратником в приемную, не закрытую для посторонних. Мирон приветствовал меня вином и благовониями. Он был моложе, чем прежде.

Мы вспоминали времена Банды Троих. Оказалось, что Союз Гвоздя уже отказался от войн за могущество и артефакты.

— Помнишь, как мы открыли тут трассы для воздушных шаров? Даже некоторые богатые горожане из Империи устраивали себе экскурсии. А сегодня?

— Сколько это по вашим календарям? Сто шестьдесят лет?

— Ты нечасто тут бываешь.

Я пожал плечами.

— Как-то меня это уже не забавляет.

— Но теперь ты пришел, и со старой командой. Как ты пробился?

— Через Сюйер. На севере я проклят, забыл?

— И то верно. То есть почти от почек, да? Миль пятьдесят с лишним.

— Что поделаешь, никак из головы не выходит. Собственно, я как раз хотел спросить. Есть у вас сведения о его точном местонахождении? Куда он вшился? Мы так можем годами блуждать и его не найти, Таракан не дает полной гарантии.

Прежде чем ответить, Мирон захлопнул ставни.

— Никогда не знаешь, где тут проходит живой нерв. Гм… послушай, это не так просто. Он уже много лет вообще не допускает конкуренции за пределами оболочек. Слышал про землетрясения в Эрбахе? Возникло новое море.

— Это он?

— Это он. Совет Пневмы предлагал объявить награду за его голову; есть опасения, что при более мощных движениях Дракон нас тут раздавит или выплюнет. Предложение пока не прошло, но, думаю, они не откажутся от тайной помощи, если услышат, что Косарь выбрался по его душу.

— А ты откуда знаешь, о чем голосуют на заседаниях совета?

Мирон состроил невинную мину. (Он стал еще моложе, чем бутылку назад.)

Мы договорились, что самое позднее через сто клепсидр он даст мне неофициальный ответ от совета. Он упомянул о проводнике, обученном нейропате, и что у них тут есть каста интерпретаторов сновидений Дракона. Эти не вшиваются, а подсоединяются с помощью ур-магической аппаратуры.

Я нарисовал ему форму ангельской трубки.

Он кивнул.

— Ну да, примерно что-то такое.

В Белой корчме я не застал Яго, зато вернулись Кайтек с Лилией.

— Мы выяснили, что в самом деле была такая пара ученых, муж и жена. Они сконструировали новые трансляторы, делали предложения разным гильдиям.

— Но откуда они взялись? Отсюда, из Пневмы?

— Вроде бы нет, это слухи из четвертых рук.

— У кого-то ведь нам нужно оставить сирот. Не возьмем же мы их с собой на вылазку в голову Дракона.

— А что сказал твой знакомый?

— Он должен дать проводника. Тайная помощь городского совета.

Кайтек грустно забренчал.

— Что опять? — вздохнул я.

— Все не так, вовсе не та-ак, может быть наоборо-от, мы в Пневме, в Пне-евме…

— Знаю. Где они сейчас.

— Здесь, рядом.

Я заглянул в комнату по другую сторону коридора. Фома спал, без своих доспехов — голый, мягкий и бледный, будто вытащенный из раковины моллюск. Дети уже проснулись и играли

в какие-то замысловатые классики на полу под окном. Увидев меня, они остановились, мальчик очень серьезно посмотрел, у него посерел левый глаз, раздался металлический грохот, стены комнаты разошлись в стороны, сменился свет огней в небе, девочка постарела и помолодела, разбуженный Фома вскочил, стаскивая из-под потолка свои доспехи (ибо это и был источник того грохота), а мальчик показал на него пальцем и прошептал:

— Погиб.

В комнату ворвались Кайтек и Лилия. Мальчик показал на Боженьку.

— Погиб.

Он показал на Непорочную.

— Погибла.

Я присел перед ним.

— Как тебя звать?

— Оло.

— Ты помнишь нас?

— Вы сражались с войсками Всадника Дракона.

— И что, мы все погибли? — спросила Лилия.

Он покачал головой.

— Не все.

— Я с ним договорился?

— Он хотел тебе дать, но ты не взял.

— Не может быть!

— Не взял.

Оло заморгал, цвет его глаз снова изменился; комната подпрыгнула и снова опала, Немой пробил локтем дыру в стене.

Я поднялся.

— Мы их забираем. Они помнят дорогу. Что за дьявольское место!

Мы достали со склада Гвоздя один из старых воздушных шаров — оболочка из кишок Дракона удивительно хорошо сохранилась. Рабы Мирона притащили гондолу, сплетенную из легких паразитных жгутиков. Проводник от совета явился в последний момент, вместе с запыхавшимся Яго. Мы погрузили припасы, сбросили балласт и поплыли к верху легкого.

У его вершины текли в воздухе огненные реки — похожая на луковицу глыба воздушного шара не давала их увидеть, но мы слышали их становившийся с каждым мгновением все отчетливее шум, который сменился гулом, а затем оглушительным ревом. Мы обливались потом, будто в полдень в пустыне. Кайтек сыграл «снегурочку», немного помогло. Пламя вспыхивало в случайных местах, под случайными углами; у

проводника имелись уртропийные кости, которые он то и дело бросал, считывая курс, а Лилия бегала по такелажу гондолы, меняя наклон маневровых парусов.

Фома позволил детям играть среди доспехов, они заползли в его броню, будто мыши в сыр, и лишь иногда между жутких шлемов, щитов и рукавиц высовывалась очень серьезная физиономия или блестел в черной стальной щели широко раскрытый глаз.

Яго просидел весь полет молча, как Фома, и лишь после того, как мы пришвартовались в трахее, отвел меня в сторонку.

— Это изобретение дракофилов, — вполголоса проговорил он, доставая из рукава ту ангельскую трубку. — Оно вышло из Пневмы или из самых потрохов. Я поспрашивал, поставил зеркала.

— Гм… наш проводник — почти дракофил. Они, правда, не почитают Дракона, но подслушивают его сновидения.

— Я имею в виду, что такие ур-магические трансформаторы, — он повертел трубку в толстых пальцах, будто отравленный стилет, — изначально были придуманы для двустороннего потока. Даже если наши неудачливые маги этого не знали, то… Помнишь Палантиры?

Я машинально бросил взгляд на сирот, которые пытались повалить руку Фомы, по одному ребенку на один палец Немого.

— Ты же заглядывал им в головы.

— За человеческую магию и ур-магию я ручаюсь — все чисто. Но если это работа самого Дракона… С чего бы им вшиваться? Его Слова выворачивают реальность наизнанку. Этого не обнаружить, не сравнить с естественным состоянием — ибо он манипулирует самими фундаментальными основами природы.

Проводник рассказывал у костра легенды гильдии. Неизвестно, что в них является историей, а что выдумкой. Дракон менял последовательность времен года, Дракон стаскивал с неба и пожирал звезды — именно звездами он питался, отсюда и его огненное дыхание. Геологические эпохи соответствуют периодам линьки его шкуры. Теперь ему уже много лет снится холод и неподвижность: его мысли стреножил узурпатор, первый с незапамятных времен Всадник Дракона. В самом ли деле он перемещает континенты и океаны? Если поднять Дракона с его лежбища, не станет ни континентов, ни океанов.

На следующее утро мы начали взбираться вверх по черепу, идя в основном по траверсам

мягких тканей; Яго то и дело прожигал своей тростью туннели в пульсирующей массе.

В нескольких милях над краем костяного обрыва Лилия заметила первого вшитого. Вниз, к невидимым массивам позвоночника, бежала прядь серебристых геологических жил. Маг висел, вплавленный в это серебро — обнаженный нерв Дракона.

Извечное искушение чародеев: вломиться в его нервную систему, сплести мысли с его мыслями, магию с его магией, высосать мудрость и могущество. Они гибнут один за другим, но все равно пытаются.

— Сунь себе в горло трубу, — проговорил Яго, с отвращением отводя взгляд, — и влей в себя океан.

Есть, однако, исключения, которым удается.

Наш проводник воткнул в нерв свой таинственный приборчик, послушал, помедитировал и показал дорогу. Нужно было пробиться как можно ближе к Всаднику — чтобы потом не завязнуть слишком надолго в самом мозгу. Я спросил детей, такую ли именно дорогу они помнят. Они подтвердили. Мгновение спустя я усомнился — они помнили также наше поражение, так что, возможно, следовало выбрать иной путь. Тень

Пневмы висела над всеми нами.

Чтобы пробиться через мозговые оболочки Дракона, недостаточно трости Таракана и немного огня. Мозг Дракона — не мозг пресмыкающегося и не мозг человека, но первый он напоминает значительно меньше. Всадник, впрочем, основательно укрепился; твердая оболочка — это слой кристаллизованной ткани толщиной в несколько десятков ярдов, в которой хаотически проскакивают электрические разряды.

Надрезав себе вену в сгибе локтя, я сердечной кровью выписал на гладкой скорлупе ореховой бомбы поэзию жизни и смерти, после чего швырнул бомбу в оболочку. Когда-то у меня была дюжина таких орехов, моя часть добычи после большой вылазки к Корням Мира; я потратил впустую лишь один, без нужды закрыв пролив Ука. Этот же орех должен был обеспечить нам безопасный проход через все оболочки и спинномозговую жидкость, в морях которой, как рассказывал проводник, Всадник разводит вид разумных кальмаров, питающихся логикой и памятью. Они не едят лишь мысли сумасшедших, кретинов и младенцев.

Бомба взорвалась, вгрызаясь десятками корневых побегов в сине-ржавую стену оболочки. Нам

пришлось отступить, давая место главному корню ореха. Он вырос за полклепсидры — пустой внутри и слегка скрученный. Мы слышали, как кристаллическая структура оболочки стонет и трещит, расталкиваемая продолжавшим расти внутри деревом. А может, это трещало дерево. Когда я повел команду в его нутро, пахнущее свежими соками спирального туннеля (Таракан распылял во мраке светящиеся облака), дети расплакались, испугавшись, что орех сейчас треснет под натиском и раздавит нас всех — треск раздавался долгими пушечными залпами, шум почти оглушал. Наконец Кайтек сыграл малышам колыбельную, и они заснули на руках Немого.

Мы прошли в стволе ореха через первую и вторую пленку, прошли сквозь глубины пожирающего мысли океана, прошли через мягкую оболочку, за ней бомба расщеплялась на сотни ветвей побольше и поменьше, и мы выскочили из деревянной трубы на болотистые мозговые нагорья, громоздившиеся в виде складок и утесов высотой до самого черепонеба, выскочили на луг кровавой слизи и черного торфа — а там нас уже ждали.

Поскольку их скрывала песнь невидимости, защищая даже от всевидящей маски, Лилия вбе-

жала прямо в засаду. Меня предупредил крик Утешителя Мертвых, а Яго — разряд мозговых токов Дракона: тот подумал, черепонебо вспыхнуло пурпурно-золотыми цепочками молний, скачущих по склонам горного массива мозговой коры, и прямо из его мыслей явились бесчисленные полчища кошмаров-дракмаров. Реальность прогибалась перед Драконом.

За два удара сердца они окружили Лилию Непорочную, окутав ее завесами ночи. Мы услышали ее пронзительный крик и звон бьющегося стекла. Фома бросил сирот, захлопнул забрало и помчался на помощь Лилии; я бросился за ним, прячась в кильватере защитных заклятий его доспехов. Кайтек разбренчался, как безумец, играя одну за другой могущественные мелодии, настроенные против песен кошмаров. Они обмывали меня теплыми волнами, и мне в конце концов показалось, будто это не я бегу, не я кошу невесомым мечом ряды меняющих форму дракофагов, мутирующих передо мной словно во сне из одной невозможности в другую, не я — сам ритм мелодий требовал движений и решений.

Вспоров темные полчища, Фома наконец пробился к Непорочной. За это время ее успели растерзать в клочья. Кайтек запел издали песнь

воскрешения; Лилия текла между железными пальцами Немого. Я тем временем косил дракмары направо и налево, Утешитель Мертвых бешено завывал, уже сама тьма распадалась под его острием надвое, уже парили вокруг обломки стали, камней и алмаза, но дракмаров не становилось меньше. Кошмар не имеет конца, сон не потревожит никакая арифметика.

Еще одно сердцебиение, еще одно — Таракан наконец завершил заклинание и освободил демона. На окровавленных просторах драконьих мозгов возник посланник ада, зашкворчала обожженная ткань. Вытянув руку, он сжег десять дракмаров. Вытянув другую, сжег сто дракмаров. Вытянув третью, сжег тысячу дракмаров. Но дракмаров не становилось меньше, освещавшие нас с высоты в виде пучков и сплетений молний интенсивные фантазии Дракона порождали все новые и новые полчища. Кошмар не имеет конца.

Таракан, видимо, уже понял, что таким образом нам не победить. Он снова скрылся внутри ствола, увлекая за собой демона. Боженька тоже свил мелодию в другие, незнакомые мне ритмы.

Мы стояли с Фомой в окружении врага, спина к спине, больные чудовища драконьего разума напирали сплошной стеной. Утешитель Мертвых

безумно хихикал… Вокруг тесно сгрудились завалы трупов. Фома пробивался сквозь них, я — за ним, но мы тут же увязали в новом окружении, ибо кошмарные чудища валились на нас отовсюду, сверху, с флангов и снизу, вылезая из-под свежих трупов, неотличимые от них. Поняв, что в конце концов они раздавят нас самой своей кошмарной массой, я сорвал с пояса вторую бомбу.

Но прежде чем успел ее взвести и бросить, другой взрыв разорвал внутричерепное пространство: из пустого ствола длиной в многие сотни ярдов выстрелил, будто из пушечного дула, огненный сгусток — Яго Таракан превратил адского демона в живой боеприпас и стрелял им прямо, а также под углом, изгибая дерево-жерло подобно змее. Сперва я подумал, что он страшно промахивается, поскольку ослепительный демонический залп шел полностью над головами дракмаров, но я тут же понял его хитрый замысел: он подвергал разрушительному обстрелу горы и долины, выжигая мозговую материю и гася под тучами крематорного пепла бури драконьих мыслей. Чем меньше и слабее думал Дракон, тем меньше противостояло нам дракмаров, и тем слабее они становились, пока наконец все они не погибли окончательно под острием Утешителя,

и кошмар закончился.

Мы стояли в жуткой тьме, вдыхая частички живой гари, посреди простиравшегося на много миль Инсульта, мертвого и бездумного пейзажа.

Погиб проводник, погибли Лилия и Кайтек, сожранный акулоподобным дракмаром из последней волны. Яго вспорол брюхо трупа и анимировал Боженьку; тот сплясал «восстань душа» и быстро вернулся в ряды живых. Но Непорочную и проводника он воскресить не сумел — было уже слишком поздно. Фоме дракмары отгрызли ногу по колено; Боженька напел ее обратно. Дети смотрели на все это широко раскрытыми глазами, размазывая по лицам угольные полосы.

Я показал в ту сторону, куда до этого направил нас проводник.

— Туда? Помните? Оло! Туда?

Он кивнул.

Мы двинулись в глубины разума твари.

По темным и душным ущельям мозговой коры вышли за границу пожарища. На костяном горизонте, под сферами оболочек, сверкали далекие грозовые всполохи. Если бы я знал тайные книги Союза Анатомов, возможно, сумел бы определить, о чем в данный момент думает Дракон.

За три мили до большого среднемозгового

каньона перед нами выскочил дракункулус — дракон внутри дракона. Без всякого предупреждения он вылез прямо у нас из-под ног, из-под коры. Атаковал нас сзади, и прежде чем мы успели оглянуться, перекусил пополам Кайтека и наступил лапой на Яго.

— Жалкие черви! — взревел он, выплевывая из-под языка кишки Боженьки. — Прочь из моей головы!

Я подскочил к нему с обнаженным Утешителем Мертвых; в ответ дракункулус сильнее придавил Яго и пыхнул огнем.

— Если ты в самом деле он, — сказал я, — а не очередная кукла Всадника, тебе нечего бояться — мы как раз хотим тебя вылечить.

— Лжец! — рявкнул дракон, аж загрохотало на холмах среднего мозга. — Вы уже мне гвозди в душу вбиваете!

Я вспомнил про орех-пушку.

— Нам пришлось, — Яго открыл рот и выстрелил в дракункулуса струей солнечного жара. Дракон взвыл, ударил мага хвостом и придавил другой лапой, так что из раздавленного в кашу Таракана брызнули во все стороны жизненные соки.

— С-ссс! Как тебя звать, червяк?

— Яго, — простонал Яго. — Таракан.

— Таракан! — расхохотался дракункулус, с любопытством склонив голову к раздавленному человеку.

— Меня не убьешь, — Яго сунул в пасть змея конец трости. Чудовище выгнулось, будто проглотив булатный меч, вытаращило глаза и расправило крылья, от трости полетели щепки, и дракункулус рухнул со сломанным под прямым углом хребтом.

Немалым усилием воли Яго собрал себя в единое целое. Он долго сидел и держался за голову, прижимая кулак к виску.

Я присел рядом.

— Не поднимешь Кайтека?

Яго мрачно взглянул на Немого, вытаскивавшего из потрохов дохлого ящера останки Боженьки, кусок за куском. Дети прыгали вокруг, выбирая с трупа самые блестящие чешуйки.

— Меня будто прожевали и выплюнули. Сил нет.

— Проклятье, — я сжал рукоять посвистывавшего в ножных Утешителя. — Слушай, он откуда-то знал, что мы пойдем именно там.

Яго поднял взгляд.

— Подозреваешь малышей? Они помнят все

наперед, их Пневма опутала.

— Да, но то, что они помнят, должно было со временем произойти само по себе. Почему случилось именно так, а не иначе?

— Всадник подслушал нашего проводника через трубку. Я тебе говорил, эта нечисть работает в обе стороны.

— Боюсь, все еще глубже, — чем больше я наблюдал за Оло и его сестрой, тем меньше воспринимал их как детей. — Предположим, ты прав, и ту супружескую пару магов окуклил Всадник, незаметно просочившись в них по нервам Дракона через ангельские трубки. Магия Дракона — не искусство лжи, она играет на самой реальности, изменений не распознать. Ушли двое магов, мужчина и женщина. Мы нашли двоих детей, мальчика и девочку. Ты сам говорил: тому, что ты видишь в их головах, нельзя верить.

— Если они куклы Дракона… куда они нас ведут?

— Кто сказал, что нельзя окуклить не напрямую?

Они вели нас к самому краю большого каньона, где над мрачной пропастью висело нечто вроде моста, сплетенного из нервов, выходивших из пучков с левой и правой стороны. Неужели Всад-

ник обитал на противоположном полушарии? Но Яго выпустил вперед облако дымного света, и мы увидели, что Всадник и есть этот мост — мост и есть Всадник, висящий в сердце самого густого сплетения мысленных жил Дракона, будто личинка в коконе, будто ангел с белыми крыльями, распростертыми на десятки метров от обрыва до обрыва.

Всадник повернул голову, открыл глаза, улыбнулся.

Я отскочил назад.

— Дети! — крикнул я Немому. — Оставь детей!

Но я снова опоздал. Прежде чем Фома успел захлопнуть забрало, сидевшая на бронированном плече девочка воткнула ему в глаз длинную и острую как коготь чешуйку дракункулуса. Немой рухнул как подрубленный дуб, покатился к краю и полетел в пропасть.

Утешитель тотчас же нашел сердце убийцы. Но Оло увернулся и от меня, и от Таракана — он вбежал на нервомост, и с каждым шагом, приближавшим его к Всаднику, старел на год, пока не остановился над ним в облике взрослого мужчины, который опустился на колени и низко поклонился висевшему под ним Всаднику.

— Господин…

Подойдя к мосту, я поднял Утешитель Мертвых и рубанул по сети из живой ткани. Бело-серая субстанция брызнула во все стороны, несколько склизких сгустков хлестнули меня по лицу — и каждое, даже самое слабое их прикосновение открывало в моей голове залежи образов, звуков, чувств, воспоминаний. Они мне не принадлежали, не исходили от меня.

Всадник яростно корчился в своей симбиотической упряжи. Оло вскочил на ноги, и с вершин мозговых гор над нами выстрелили искрящиеся вихри, поплыли табуны шаровых молний.

— Чего он хочет?! — громогласно крикнул Оло, и то был не его голос.

— Или мы договоримся, или ты лишишься своей опоры!

Оло показал вниз, в пропасть глубиной в милю. Там что-то шевелилось, темное во тьме, что-то поднималось массивной волной.

— Он не уйдет живым!

— Наверняка. Я включил это в стоимость, — я рубанул еще раз. — Ты отдашь мне кое-что, не принадлежащее этому миру, и сохранишь свою власть. Или лишишься ее, — я снова рубанул. — Выбирай!

— Он говорит!

— Твоя самая новая игрушка, кукла Германа. Ты вернешь ей свободу в потустороннем мире.

Оло поколебался, а потом рассмеялся.

— Это невозможно!

Я продолжал рубить.

— Что тебе важнее; какая-то рабыня, которую ты только что купил и каких будешь иметь десятки — или исключительное могущество здесь, которое ты строил годами и которого не вернешь, однажды лишившись?

— О чем он говорит? Он не знает, о чем говорит!

Тьма в пропасти вскипала все выше; я уже видел в свете электрических разрядов в мозговой коре самые высшие, самые быстрые полки миллионной армии дракмаров.

Я рубанул опять — раз, два, три, охваченный неудержимой яростью. Побеги драконьих нервов извивались вокруг, сея страхи, надежды, искушения. Слева от меня мелькнула рука Таракана — он ловил эти побеги в воздухе. Я оглянулся. Он уже успел прижать полтора десятка их к своему виску, куда недавно бессильно прижимал кулак, и прижечь к своей голове. Они входили как в масло.

— Что ты творишь?! — я схватил его за плечо,

но он меня оттолкнул. — Ты сам мне говорил! Не помнишь? Про океан в глотку! Ты погибнешь!

— Это единственный способ, — прохрипел Таракан. — Мне не укротить Дракона. Но кто сказал, что нельзя не напрямую? Я укрощу Всадника.

— Он тебя одурачил, Яго, заразил через открытый нерв, ты погибнешь!

Он глупо оскалился.

— Меня-не-убить.

Оло смеялся за моей спиной.

Я развернулся, срывая с пояса ореховую бомбу.

— Смейся! Смейся!

Всадник забился в нейросети, открыл глаза, открыл рот.

— А чего он ожидал? — запел он уже собственной гортанью, сильным мужским голосом. — Ведь он искал Мастера Дисциплины, Господина Рабов, искал Укротителя Душ, Архитектора Контроля. И нашел.

Даже не взводя бомбу, я замахнулся орехом.

— Освободи ее!

Он лишь состроил отвратительную гримасу в электрическом сиянии своего гнева.

— Нельзя освободить…

Несмываемая липкость театра

— …от театра, в котором ты родился.

Нельзя раскавычить — снаружи кавычек.

Приблизься к Мастеру, пусть он положит ладонь на голову адепта. (Ты все равно лишь учишься.)

Приблизься, подойди.

Посмотри: есть ты, и есть остальной мир — зрители.

Не мешкай, не заслоняйся ложью; шагни осознанно на сцену.

Она еще пуста. Стол, стул. Что-то на столе: стакан, миска, фрукты, нож.

Замечаешь ли ты в зале публику? Слышишь ли публику? Ее шепот, шелест, шорох, кашель, дыхание?

Оставим пока это. Может, да, может, нет. Достаточно того, что есть сцена, что ты на сцене — а значит, публика там есть, даже если ее нет. Прожекторы выхватывают тебя на фоне — если они включены.

Теперь, на этой сцене, подойди к стулу и столу.

Сядь.

Съешь яблоко.

Выпей воды из стакана.

Воткни себе нож в живот.

Поклонись.

Запомнил?

Rewind.[145]

Идешь. Ешь. Пьешь. Втыкаешь.

Поставь их себе в памяти как подсвеченные диорамы, рентгены поступков.

И рядом, как пару: когда ты в другой раз куда-то шел, в другой раз пил, в другом месте ел, в других ситуациях планировал самоубийство.

После чего наложи их друг на друга и сравни поступки с такими же поступками, совершенными без прожекторов, во тьме духа.

Снаружи разницы не видно. Тело перемещается так же. Жидкость также попадает в организм. Баланс материи и энергии покрывается, векторы накладываются на векторы.

А ведь ты уже чувствуешь разницу. ЭТО ДРУГИЕ ПОСТУПКИ.

Хождение по сцене не есть хождение. Питье на сцене не есть питье. Еда на сцене не есть еда.

Образы расходятся между собой. То же самое — нечто меньшее — нечто большее.

---

[145] Примечания: 145
Перемотай назад (*англ.*).

Выдели, продистиллируй эту разницу, это качество театра. Разотри ее между пальцами. Раскуси, попробуй на язык.

Главное — уметь распознавать ее и без сцены. В отрывочных ощущениях, в миллиметровом слое.

Сперва у себя самого. Ловя себя на поступках, на жизни,

которая есть жизнь на сцене (даже когда нет
зрителей и молчат прожекторы)
которая есть жизнь КАК БЫ
которая есть — жизнь

Посмотри на себя снаружи кавычек.

Ты разговариваешь, но на самом деле «разговариваешь»: тебе важно вовсе не передать мысль словами, важно поучаствовать в ситуации разговора. (Ты увидел сцену.)

Ты работаешь, но на самом деле «работаешь»: тебе важно вовсе не заработать на жизнь, важно поучаствовать в игре, построенной на ритуалах работы: повседневных ограничениях, начальственных структурах, общении с коллегами, достижении поставленных целей. (Ты увидел сцену.)

Ты любишь, но на самом деле «любишь»: тебе важны вовсе не сердечные чувства или безжа-

лостная страсть, важно надлежащее воплощение слов, поведения, ситуаций, романтических и эротических отношений, полная сыгранность с твоими любимыми. (Вы увидели сцену.)

А потом ты замечаешь то же самое и у других.

Иногда хватает одного взгляда.

Как они идут по улице, как подают друг другу руки, как смеются. («Идут», «подают», «смеются».)

И как ты узнал? По пунктам не распишешь. (Разницы не видно.) Даже если приставить тебе пистолет к голове.

Но что, что же это?

В духе ты можешь очертить его желтым мелом, добавить оттенок фона: как если бы совершаемые поступки всегда происходили в более теплой ауре, в отблесках слабой лампочки, обожженные по краям пламенем свечи.

(Не видишь?)

И это приклеивается, оседает на тебе тонким слоем ничем не пахнущего масла. Его не смыть.

Ты уже ничего не в состоянии сделать. Ты все «делаешь».

Даже если бы ты умирал с голоду, первый кусок ты «ешь», второй «ешь».

Это четверть, одна десятая, карликовый фраг-

мент по-настоящему театральной сценичности. Никто ведь не говорит громким шепотом и не совершает пантомимных жестов, не взрывает стокилограммовые мины.

Все происходит утонченнее, тише, неосознанно. И не бросается в глаза.

Но оно повсюду.

Театр.

Дети сцены

Павел об этом знал. Даже если не мог высказать словами, мог пришпилить впечатление, бросить чувство в формальдегид и поставить в коллекцию на полку.

Когда он возвращался в перегной из долгого шляя

(как сейчас)

как сейчас: сидит на толчке и пинает онемевшей ногой кафельную плитку, все еще держа в опущенной левой руке нацеленную в Германа Л. Месутта бомбу, а кончиком языка пересчитывая странно мягкие на ощупь зубы

(сейчас)

когда он возвращался из долгого шляя, ему всегда требовался час-другой, чтобы сбросить с

себя зудящую неуверенность.

Чтобы нарушить кавычки.

(Тебя стреножила речь Месутта, поклонись Мастеру.)

Он возвращался с той стороны кавычек, но по какую сторону находилось ПОНАРОШКУ? По какую сторону он по-настоящему ощущал СОПРОТИВЛЕНИЕ?

Там — все было игрой. Но в рамках игры каждая вещь имела определенный вес и ценность.

Здесь — все было по-настоящему. А ведь очередные вещи поступки эмоции жизни неумолимо размывались, заменяясь театральной бутафорией.

Сонно покачиваясь на толчке, Павел пытается стряхнуть с себя чары Месутта.

Сойти со сцены.

И не может.

(Тебя стреножили.)

Однажды увидев огни сценографию костюмы — будет видеть их уже всегда.

Лишь струя мочи искренна, лишь перистальтика кишок не манерна. (Но и они крошатся, падают и эти бастионы биоло.)

Что же еще он может позволить себе против театра?

В конечном счете даже желудок участвует в представлении, совершают финты потроха, волнуется печень. Ибо сегодня мы «едим» почти исключительно ради удовольствия, ритуала или поддержания созвездия. (Еда — форма секса.)

Зависнув в отчаянном полусне, Павел ищет противоядие.

Одеться? Когда мы одевались по-настоящему, то для того, чтобы не замерзнуть, не промокнуть, защититься от природы; теперь мы могли бы ходить голыми, но нет — теперь мы «одеваемся».

Выйти к людям? Но они все тоже выступают в театре, наши разговоры — лишь «разговоры», ссоры — «ссоры», дружеские отношения — «дружеские отношения».

Убить кого-нибудь? (Пародия на отчаяние.) Но какой у меня повод убивать? Никакого. Так что это было бы «убийство» прямо из плея, совершенное не из практической необходимости, но для ОТЫГРЫВАНИЯ убийства. Как те двое бычков из торгового центра, как тысячи serial killers XXI века, воспитанных на театре убийств.

(Он стреножил тебя, хакнул.)

Whatever.

Отпусти ее!

Павел следует за Месуттом к нему домой,

слегка волоча ногу и воняя говном — и в итоге добирается до Мастера в солнечном садике за калифорнийской резиденцией.

Грозит ему ореховой бомбой.

Шантажирует.

Рычит.

Месутт не прекращает расслабляющих упражнений.

Саундтрек: Tannhäuser Вагнера.

(Диалоги.) Не притворяйся, будто тебе все равно. Не все равно! Естественно, я предпочел бы сохранить Всадника. Но чего ты хочешь? Ты прибыл из столь далекого королевства, ты ничего не понимаешь. Я не могу ее освободить. Конечно, ты можешь, я проверил. Что проверил, обратимость форматирования когито? Ведь не о том речь. Ясное дело, я мог бы тебе ее продать за доллар, и ты сам бы держал ее 24/7 под жестким гейджем — но ты вообще в этом хоть разбираешься? Не разбираешься. Чтобы стать хорошим Господином, нужны талант, силы и годы практики. А я вижу в паблике, что ты никак для этого не годишься. Что бы ты стал с ней делать? Рано или поздно выкинул бы на свалку.

Павел в духе пинает Месутта по яйцам, всаживает бомбу ему в глотку, ломает нос.

Месутт с легким восторгом созерцает этот процесс. Подобная страсть заслуживает того, чтобы ее оценить.

Идем, мне нужно позавтракать.

Естественно, есть ему не обязательно. Он будет «есть».

Они идут. («Идут».)

Далее — на прогулке. Солнечное утро в Калифорнии.

Car free area.[146] Зелень. Прохожие, бегуны и гуляющие с животными, в звериных созвездиях.

Ройял Банк Канада, Амура-Рокс, Вальмонт-Прабблс-QR, самые молодые королевства Запада.

Они прекрасны, даже когда стары. Они победили биоло.

Месутту незачем показывать Павлу пальцем. (Кто раз увидел собственными глазами.)

Это первая страна, где все, от ребенка до губернатора, от рассвета до заката, «живут».

Ты ведь это видишь?

Никто тут даже не дышит. Мы все «дышим». (Есть школы, академии дыхания.)

Малейший жест руки. Способ перехода улицы. Узел на моих шнурках. («Жест», «переход»,

---

[146] Примечания: 146
Свободная от машин зона (*англ.*).

«узел».)

Месутт «садится» за столик, «заказывает» кофе и рогалики, «приветствует» созвездие гео.

Высшей степенью развития цивилизации является театр.

Герман Мастер «пьет» кофе.

Вокруг вращаются коралловые созвездия, столь густо сплетенные социал-мандалы, что жжет кожу и встают дыбом волоски на предплечьях.

В этих электрических вихрях властвует погруженный в них «Герман»,

Вокруг движутся по орбитам знакомые-незнакомые, но он не уделяет им внимания, пока…

Женщина протео, выцепленная созвездием сидящего через два столика нулевика, «встает», «подходит» и «ложится» на каменный пол под столиком Месутта, «положив» голову на его колени. Месутт «гладит» ее левой рукой. Черные тэги БДСМ тянутся за женщиной многокилометровым поводком.

Павел смотрит вдоль линий ее публичного созвездия. У подобных ей личностей не бывает домов, не бывает материальных благ. Они переходят от Господина к Господину (или Госпоже, или Мастеру Зеро). Телоделы татуируют им ДНК, пирсингуют когито.

Баловни Протея. Они дышат чистым гейджем.

Такая культура.

Павел глотает из духа.

В Калифорнии, нашем предвестнике завтрашнего дня, обширные коммуны БДСМ действуют уже полтора десятка лет. Легализовано публичное протеорабство, сексуальное и несексуальное.

В кафе никто не заморгал, не повернул головы. Никто уже даже не таращится — это стало слишком популярным, слишком распространенным. Никто не таращится, не дает легкой радости от унижения — слишком распространено, слишком популярно.

Целые созвездия с иерархией master-slave.

Зоны safewords; на работе, дома, на улице, в шляе

Защелкнутые в духе на шеях ошейники

Натянутые поводки

Кодексы служения

О! Образ мира в улыбке твоего господина

и повелителя

Глубже или мельче, длиннее или короче, по необходимости.

Офкос, у Месутта в этой прогулке имелась своя цель.

Пожалуйста, можешь с ней поговорить. Раз-

решаю.

Спроси, должен ли я ее — повтори это слово — ОСВОБОДИТЬ.

Павел уже не столь наивен. Хватает одного взгляда в глаза рабыни. Он проиграл. Strong Will -30 %.

Он спрашивает о другом.

Почему? Почему?

Она молча ждет, пока Господин не дает ей «знак». И тогда отвечает: это единственный выход.

Остальное по сути висит в паблике. Павел мог бы скопировать душу молодого Гаврило и наложить будто кальку.

Месутт все это видит как на ладони. У него есть опыт.

Он «вытирает» рот салфеткой, «кормит» женщину круассаном. Mesmer Skills +20.[147]

Тебе нечему удивляться. Я ведь должен их понимать, чтобы успешно дрессировать.

Подумай немного. Кто тут на самом деле кого использует?

Это тяжелая работа. Тяжелейшая.

И так ли уж сильно она отличается от твоей? Я

---

[147] Примечания: 147
Чары гипноза +20 (*англ.*).

создаю для них миры, поддерживаю существование их миров.

Это своего рода служба. Мы получаем дотации от федерального правительства и штата, а также от страховщиков из совместимых королевств. Мы спасаем жизни. (Раз уж мы перешли к банальностям.)

Ибо — почему бы и нет? Так мыслит раб без Господина. Почему бы и нет?

Все прочее на блюдечке, в том числе самоубийство. (Эвтаназия по социальным причинам.)

Павел вспоминает последние мгновения с Крысей, у Гаврило; ковыряет ногтем в ране.

Ты их совсем не понимаешь! Она бы не совершила самоубийство.

Это правда. (Evil grin.)[148]

Самое большее она могла совершить «самоубийство»,

Но она выбрала иное.

То есть рабство у тебя. (Павел уже уложен на лопатки.)

То есть мое принуждение, мои ПОТРЕБНОСТИ.

Когда я с ней закончу, она по приказу остановит себе сердце.

---

[148] Примечания: 148
Злая ухмылка (*англ.*).

Сжатый кулак возле фарфоровой чашки.

Я есть реальность, прочнее, чем сама гравитация. Я ее граница, ее камень, зубная боль, восход Солнца и хищник над колыбелью.

(Линия сопротивления.)

Рабыня внезапно вытягивает шею и лижет тыльную сторону руки Павла. Павел вскакивает как ошпаренный.

В паблике они все грызут ему душу. (Им незачем «смотреть».)

Рука все еще машинально тянется к Утешителю Мертвых; в ноздрях все еще жжет серная вонь Дракона.

Он мог бы их порубить, взорвать, натравить на них дьяволов. («Порубить», «взорвать», «натравить».)

Но чем дольше стоит перед ними Павел, колеблющийся бомбардир, изгой перегноя, тем сильнее растет в нем чувство, будто в нем взорвалось штурмовое дерево.

Взорвалось, растет и распирает его, такая атмосфера: California Dreamin' — живая зелень шелестящих под жаркими лучами солнца листьев — запах роскошного утра — красавец-мужчина в белых брюках и рубашке от Эрмо, сидящий за столиком в кафе у открытого бульвара, и красивая

женщина в платье от Октаво, скорчившаяся у его ног, — официант-зеро склоняется над столиком, старательно обходя ее взглядом, — шелковый платок, покачиваясь, медленно падает на ее плечо, она же без разрешения к платку не притронется, даже его не заметит — ослепительная белизна на темной коже — California Dreamin' — беззаботные голоса на фоне — множество голубого, зеленого, желтого — в глазах женщины: счастье.

Саундтрек: Cantus in memory of Benjamin Britten Арво Пярта.

Всадник Ноленса, положив ладонь на затылок рабыни, будто на скипетр биоло, обращается к Павлу из самого центра этой живописной картины. (Удар за ударом за ударом.)

С чего тебе вообще пришло в голову устраивать такой крестовый поход за киской? Разума лишился? Ты же знал, что она поступила, как хотела поступить.

И так ли уж она тебе в самом деле нужна? Тебя она вообще волновала? В паблике совсем на то не похоже.

Но зато — какой прекрасный шляй!

Ты перестал различать. Что, как тебе кажется, ты делаешь? Спасаешь любимую?

Нет. (Презрительная усмешка над дымящимся кофе.)

Ты «спасаешь» «любимую».

Чувствуешь? Видишь?

Павел видит.

Подойдя к краю сцены, он заглядывает в пропасть. Нет ступеней, нет рампы. Ему никогда не сойти с подмостков театра.

Он мог бы захлебнуться забывайкой, загейджиться до упора. (И что еще?) Броситься головой вниз с крыши Старухи.

Так или иначе, от ноленса ему здесь не спастись.

Тем и отличается шляй от перегноя, что в перегное нет никаких боссов, которых можно убить, никаких квестов, которые можно зачесть. Невозможно выиграть и невозможно проиграть.

Павел «бросает» бомбу в зрительный зал и «подтирает» себе задницу.

Саундтрек: аплодисменты.

Постнигилизм (II)

4. Человек определяется своими границами. Человек описывается на линиях сопротивления; это еще человек, а это уже нет; это человек еще

может, а это уже нет; это еще человеческое, а это уже нет; это ограничивает человека — и потому он с этим борется, давит, напрягает мысли и волю.

Эти линии сопротивления являются фундаментом культуры, религии, философии, искусства, языка, морали, общественной и политической жизни.

Они также обозначают векторы счастья и несчастья — амбиций, надежд, страхов, идеалов — в жизни индивидуума.

5. Следующие линии сопротивления подлежат неизбежной ликвидации вследствие технологического прогресса:

A. Смертность.

B. Телесность.

C. Индивидуальность. (Неделимая и неизменная идентичность.)

D. Генетическая наследственность.

E. Нищета. (Нехватка необходимых для выживания благ.)

6. Следующие линии сопротивления сохранятся независимо от технологического прогресса:

A. Технологический прогресс.

B. Экономика. (Неравенство распределения

конечных благ.)

C. Конечность разума. (Ограничение объемов знаний и скорости обработки информации.)

D. Память о прошлом.

7. Комментарий к 5A:

Одно дело бессмертие как гарантия бесконечной жизни, и совсем другое — бессмертие как необязательность смерти. Ликвидация линии сопротивления смертности означает именно вторую ситуацию.

Исключая экстремальные случаи (природные катастрофы и т. п.), каждая смерть будет результатом сознательного выбора. (Желания смерти.) Таким образом, обязательным условием человечности в старом смысле является эвтаназия.

8. Комментарий к 6B:

Некоторые блага всегда останутся конечными: пространство, материя и энергия, замкнутые в горизонте событий субъекта. Из них следует ограничение производных благ, таких как вычислительные мощности или пропускная способность линий связи.

(В предположении о неизменности законов физики.)

9. Комментарий к 6D:

В физике мы различаем процессы, в которых

переход в состояние n + 1 полностью описывается на основе знания состояния n, и процессы, в которых полное описание такого перехода невозможно без знания «истории процесса» (n — 1, n — 2…). В стохастических системах (например, для броуновского движения) процессы первого рода описываются так называемым свойством Маркова.

Несмотря на применимость математики цепей Маркова в социологии, широко понимаемая культура не сводится к ним, являясь аналогом процессов второго рода.

Как-то иначе

Добрый вечер. — Чмок-чмок. — Он вошел. — Она защебетала. — Он вручил. — Она показала. — Он похвалил. — Они сели.

Все так же, и тем не менее — как-то иначе.

Ведь тогда он тоже знал, что на них смотрят (даже если бы никто не смотрел), как знает и сейчас. Оба они знают.

И тем не менее — какая-то — откуда-то — почему-то — разница.

Илона Роза, Кристина Туш. Кристина Туш, Илона Роза.

Илона Роза.

Anyway. Злая Королева приняла его в своем гнезде. Femme fatale[149] в комнате измены. Чародейка, стерегущая сезам с ядами.

Павел плывет по течению.

Он «закуривает». «Демонстрирует» цвета герба.

Илона «наливает» в бокалы.

Прошло две недели, прежде чем она пригласила его в перегное; на публичном небе успели вспыхнуть новые созвездия. Почти как если бы он торговался за ее душу.

И в каком-то смысле так и есть.

Он намеревался сделать предложение уже после третьей

(rewind)

встречи. Но Роза держала его поодаль, ведь он был жертвой ее шантажа, преследовал свою преследовательницу, и если бы он еще хотел открыто ей отомстить, если бы тащил за собой полицию, но нет, ничего подобного, так что ей тем более следовало быть начеку, сразу отгородиться броней, исчезнуть из созвездий, она напрашивалась на неприятности, допуская к себе подобного сталкера, но почему-то допустила

---

[149] Примечания: 149
Роковая женщина (*фр.*).

— об этом он спросил в первую очередь, а она лишь наклонила голову и улыбнулась фирменной улыбкой «роллс-ройса», и Павел сразу понял, что все вышло как нельзя лучше, что если он не добудет из Илоны Розы противоноленсовую сыворотку (бесценный экстракт человеческой живицы), то больше не из кого, так что у него уже имелись подозрения, сильные предчувствия, когда он расспрашивал дальше: зачем она шантажирует, на что ей деньги, что это за абсурдный метод самоуничтожения, ведь в ее публичной душе нет никакого отчаяния и принуждения, так откуда это, зачем, почему — как это «почему», разве Павел сам не знает (знает, знает), разве ему нужно спрашивать (все же нужно), разве он не понимает правил игры, которая поддерживает тебя на поверхности жизни, когда все остальное пошло ко дну, утонуло — я тону, Илона, тону, помоги мне — и Павел теперь протягивает руку помощи

(fast forward)[150]

а Роза «подает» ему бокал «волшебного» эликсира.

Павел осторожно пробует жгучую субстанцию.

---

[150] Примечания: 150
Быстрая перемотка вперед (*англ.*).

Что это? Реверс-забывайка, мощный гейдж ПКМ-Зет.

(Я должен был чего-то достичь, но не помню чего.)

У Павла шумит в голове. Стертые нейроны не расцветут вдруг заново, но со временем в мозгу распухнут новые

будущие

возможности

радости

Но Павел знает, что это гейдж, что это обман, что это

«будущие»

«возможности»

«радости»

Злая Королева соблазняет его фальшивыми чудесами.

А Павел так отчаянно желает, чтобы его соблазнили!

У него приготовлен план. Он пришел с разработанным предложением.

Тщательно подбирая слова, он описывает Илоне условия партнерства.

Театр маслянистыми полосами сгущается на их коже.

Саундтрек: La Mucha И. К. Мака.

Илона «наливает» чай с разведенным в нем «эликсиром».

Павел «мешает» ложечкой.

Илона «пьет».

Павел «пьет» и «раздавливает» окурок сигареты.

Они «улыбаются».

Сценическая ситуация par excellence[151]: женщина и мужчина, петросексуалы, сели, чтобы поговорить о будущей жизни, о взаимном потреблении душ и тел. Если бы не условность техно, они могли бы тут разыгрывать плей девятнадцатого века.

Оба не могут даже сделать глубокий вдох без того, чтобы театр не выплеснулся из их пор каплями жирного пота.

Они «сидят» и «разговаривают». (Social Link Boost.)[152]

Илона сперва пытается деликатно отказаться. Ибо чем бы твой союз отличался от любого другого шляя? Закон — тоже форма театрализации жизни. Государство Духа лишь придает объективность тому, что ты внес сам.

---

[151] Примечания: 151
Поистине (*фр.*).

[152] Примечания: 152
Усиление социальных связей (*англ.*).

А мне не нужны никакие антисамоубийственные пакты. (Каждый брак есть антисамоубийственный пакт.) Мне незачем копировать плеи консумендов.

Я играю сама.

Я — свой собственный креатив.

Павел кусает губы, с трудом скрывая унижение. Как ему признаться в самой большой слабости, как обнажить перед ней самое страшное увечье — он теряет мужество — как ему отдаться на ее милость — потерял.

Что-то, однако, видимо, все же утекло в паблик. Отогнав гномов, чертей и призраков, Илона на мгновение затаскивает Павла под флагами Салона и Милосердия в свою душу-луковицу.

Взгляни на детей. Как они играют.

Они присели на скамейку во внутреннем дворе замка Королевы. Няньки присматривают из-под вуалей за резвящимися на солнечном газоне малышами. Илона по очереди открывает их души — над зеленью плывут разноцветные мыльные пузыри детских миров, один чудеснее другого. Павел задирает голову, когда двухметровый пузырь пролетает прямо над ним. Не трогай! Впадешь в детство и не поймешь собственных сегодняшних слов.

А дети — они рождаются для шляя. Шляй является их естественной средой.

(Павел бегает с Анджеем по лесам, Павел разыгрывает с деревенской детворой сражения на неведомых землях, Павел чистит картошку.)

Драгоценный камень в короне детства — та самая врожденная способность превращать ложь в правду и с головой погружаться в игру за секундное превосходство. А ты…

А я где-то эту способность потерял. (Павел блуждает взглядом следом за пузырями, будто загипнотизированный.) Она из меня вытекла. Флюид воображения, костный мозг снов. Бесценное золото. Они пили его прямо из моих жил, я продавал его литрами, отдавал даром, бутылками, ведрами, цистернами, танкерами. И полностью истощился.

Я больше не в состоянии впрыснуть во что-либо смысл.

Злая Королева вонзает ноготь в затылок Павла. По его позвоночнику пробегает электрический разряд.

Взгляни на детей!

Им ничто не угрожает, поскольку никто еще им не внушил, что истина идея абсолют не может меняться.

Им ничто не угрожает, они играют. В любом, даже самом текучем и расшатанном мире они просыпаются каждое утро, готовые заново найти тысячи еще более радостных целей в жизни (миллион содержаний игры).

Павел смиренно кладет голову на колени Королевы. Подбегает ребенок, заглядывает ему в глаза, щекочет цветком нос. Павел зажмуривается.

Защити меня, Королева. Излечи меня. Верни золотую живицу. Умоляю.

Я знаю, что это трусость. Я являюсь слишком поздно и слишком рано.

Те, что из поколений до меня, народы петро, не родились для театра. Они охотились на мамонтов, работали на фабриках. Им неведомо чувство полного поглощения вымыслом — когда ты знаешь, что это вымысел, и вместе с тем в эту минуту он составляет весь смысл твоей жизни.

(Мне тоже уже неведомо это чувство.)

Те, что из поколений передо мной, народы протео, не будут нуждаться в протезе, поскольку свободно поплывут от изменения к изменению, меняясь вместе с ними, люди-волны, нелюди. Они не познают того ощущения, когда земля вдруг уходит из под ног — ибо им никогда не придется стоять на неподвижной земле.

(Я тоже не стою. Тону.)

Спаси меня, Королева.

Чпок! Лопнул пузырь на лбу Павла.

Он вскакивает на ноги.

Сделаем себе ребенка!

(Дикие эмоты разбегаются вокруг, прыгая по-кенгурячьи и по-заячьи.)

Каким образом в шляях рождаются дети игроков? Ведь нет никакого биоло в качестве основы. Происходит мейоз нейро. Соединяется и рекомбинирует чистый дух.

(Так я выкраду сыворотку когито, которой мне не выкрасть ни хитростью, ни силой.)

Павел лезет вглубь черепа и со стоном хрипом писком взвизгом извлекает кроваво-черный, похожий на волосатый мяч, пузырь.

Затем он протягивает руку к голове Королевы — но Злая Королева реагирует быстрее: она широко открывает рот и разражается смехом.

Она хохочет, издевается, высмеивает Павла.

Лопаются пузыри. Дети затыкают уши, кривят рожицы. Гномы тычут в Павла костлявыми пальцами.

Павел сбегает из души и замка Королевы.

«Сбегает». Сбегает.

Он выбежал на улицу, переводит дух. Ночь,

холодный ветер центра города щиплет глаза, так что слезы вполне оправданы.

Он тянется за ингалятором с забывайкой.

Нематериальная рука хватает его за рукав.

Оставь. Чего ты боишься? Ты выпил. Чувства — самое банальное, что есть на свете.

Змееподобная колдунья парит на ветру, будто полупрозрачное знамя призраков, вырванный клещами из-под век сна образ.

Павел «нацеливает» на нее ингалятор, будто дуло пистолета.

Прочь!

Он шагает домой.

Вечерние огни вокруг. Угловатые созвездия гео. Чужая красота королевств центра города. Тела.

(Город рычит, город лает, город готов пожрать человека.)

Саундтрек: Каша Вала & Перевала.

Но тебе не заглушить обжигающей сладости Королевы.

Ибо ты до сих пор не понимаешь, почему киска ушла от тебя в БДСМ. Не понимаешь, что ИЗМЕНИЛОСЬ.

Чувства — самое простое.

Знаешь, что ты выпил? Может, я тебе солгала. Может, это совсем другой гейдж. Знаешь, почему

ты плачешь?

Почему ты ведешь себя так, как ведешь?

А Павел будто приварен к ингалятору забывайки. Чем надираться дизайнерским гейджем, я скорее вычищусь в ноль, лишь бы не помнить.

Ибо чем это отличается от самоубийства? Ничем.

«Королева Призраков» упорно «плывет» за ним через город.

Выброси это, выброси! Именно эти балласты все еще держат тебя во вчерашнем репертуаре. Потому ты рассуждаешь, как старый романтик, поэтому тебе требуется толстая смирительная рубашка чувств. Чужая рука, которая вытащила бы тебя на берег.

Ты ошибаешься: я превращу тебя в кого-то совершенно другого — перестану быть собой — меня не станет — я умру.

Потому ты остаешься рабом петро.

И потому пытаешься сам связать на многие годы вперед работой, учебой.

И потому мчишься сломя голову на помощь киске, которой захотелось перегейджиться наизнанку.

(Королева подметает кружевным шлейфом рекламы, лампы, воздушные шары, заворачи-

вая в смертный саван галактики спорта, секса и политики, простирая геометрические волны на поверхности королевств.)

Не думай существительными! Думай глаголами!

Разве ты не был собой во всех тех шляях, в которые проваливался на дни и месяцы?

Ты считаешь, будто это ТОЛЬКО театр? Этот театр меняет тебя с каждой прожитой в нем секундой.

Ты становишься кем-то другим — и снова кем-то другим — и снова — и это естественно, это хорошо, это жизнь Протея.

Тебе не спасти себя, подражая другим. Не сохранить свою душу, пожрав мою. Ты должен измениться, то есть перестать быть собой — то есть положиться на неописанное, сдаться грохоту молний и богам тьмы.

Я знаю вас, я разложила вас на части.

Ты ХОТЕЛ, чтобы я тебя этим напоила!

За этим ты пришел.

(Королева, раскинувшаяся веером над крышами, Королева Зла, заслоняющая звезды и Луну.)

Чтобы я втянула тебя в ИГРУ. Такую ИГРУ, которой ты не смог бы противостоять.

Павел собирается с силами, чтобы развеять

чары Илоны, но тем временем его атакуют с совсем другой стороны: Behold[153], из подворотни Старухи выскочил Кукусен.

Ambush Strike 100/100, Stun 3s.[154]

Что ты тут? Чего? Черт побери. Пусти. Павел. Анджей. Ну куда? Я специально приехал. Погоди. Но зачем? Господи. Чего, чего?

Подерутся? Не подерутся.

Я звонил, ты не отвечаешь. С тобой никак не связаться. Ива пробивалась и не пробилась. Пришлось мне лично. Твоя мать в больнице. Сердце, фибрилляция, отек легких. Павел, господи помилуй.

Павел слушает, Павел смотрит. Как Кукусен «возмущается». Как «волнуется». Как «ругается», «заламывает руки», «мечется», «кричит», «шепчет», «убеждает».

Злая Королева склоняется с высоты, в ее руке второй драгоценный бокал, в котором кипит и выплескивается зеленый яд. Выпейвыпейвыпей.

На той же высоте над Павлом, но с противоположной стороны, в светящемся белом прямоугольнике окна маячит силуэт Адриана Утралта.

---

[153] Примечания: 153
Узри (*англ.*).

[154] Примечания: 154
Удар из засады 100/100, Оглушение 3 секунды (*англ.*).

Он смотрит вниз на улицу и раз за разом повторяет один и тот же жест, легкое движение рукой.

Анджей «просит».

Королева подает «яд».

Утралт бросает «заклятие».

Напряжение театральности становится для Павла невыносимым. Что-то лопается.

Reset All Skills. Revive.[155]

Он отталкивает Анджея. Тебе кажется, будто ты спасаешь меня из ловушки бездушной подлости. (Павел кричит во весь голос, до последнего ряда.) Тебе кажется, будто нет другой жизни и счастья, кроме ваших.

Тебе не вгейджить в меня угрызения совести. Я уплыл.

Кукусен «демонстрирует» «презрение». Тьфу, Раскольников из электронной песочницы!

Вы все постоянно этим накачиваетесь, чувства по требованию, любовь как губная помада на вечер, дружба как одеколон, тьфу, тьфу, душа на поводке, у вас нет души, нет чувств.

Павлу теперь трудно не смотреть на кузена как на ребенка, или троглодита, или реликвию времен мракобесия. Анджей даже не осознает

---

[155] Примечания: 155
Обнулить все скиллы. Обновиться. (*Англ.*)

собственную незрелость.

Раб биоло, раб когито.

«Я родился в католической стране — я католик, верю в Бога». (Освободился.)

«Я родился в Польше — я поляк, люблю Польшу». (Освободился.)

«Я родился в семье — я сын, люблю мать и отца». (Освободится.)

«Я родился Homo sapiens — я именно такой человек, и другого человека впереди не будет». (Освободятся все.)

В дверях подъезда Павел еще раз оборачивается.

Я оплачу ее счета, заплачу за докторов, больницы, лекарства. Но не приходи ко мне больше. Я разлогинился из вашего шляя.

IQ^1

Тебе кажется, будто это столь серьезный вопрос.

Будто он столь труден.

Будто он облагораживает тебя, возвышает, дает пропуск в человечность.

Но чувства — самая банальная вещь на свете.

Ты поставил их на алтарь, поскольку не в силах

их понять.

Фальшивый, фальшивый божок!

Ты принижаешь собственный интеллект. Приносишь его в жертву реликтам звериной биологии.

Но тут нечего понимать. Можно лишь либо ощутить, либо нет.

Гейджась в любую эмоцию. Становится ли она из-за этого менее настоящей? Каждая эмоция настоящая, когда ее переживают.

Избавься от предрассудков дикаря петро!

Так говорит культура искусство религия традиция? Сколько же глупостей она говорит!

Тебе приятно в облаках чужих чувств? Это удовольствие — тоже чувство!

Без чувств ты не отличаешься от машины? Для достаточно сложных машин мы программируем любые эмоциональные состояния.

Именно с чувствами ты не отличаешься от питекантропа!

Что дает тебе гейдж? Гейдж дает тебе власть над ними.

Ибо они неправы — ты вовсе не избавляешься от чувств.

У тебя их будет даже больше. Больше больше бесконечно больше. Сколько хочешь. И вы побе-

дили. (Преодолено очередное сопротивление.)

Но тем временем ты поставил над собой палача, который безжалостно карает тебя за малейшую нехватку чувств: о, как он бесчеловечен! как холоден! психопат!

Избавься от этих предрассудков!

Какой из двух порядков подобает человеку?

Я чувствую то, что повелевает разум

Я рассуждаю так, как повелевают чувства

И ты уже не можешь отделаться от проблемы пожатием плеч. Не можешь отложить ответ на потом. Не можешь воздержаться от совершения выбора.

Само существование гейджа ставит тебя к стенке.

Пользуешься? — или не пользуешься? Разум? — или обезьяна?

Отказался?

Возвращайся в пещеру.

Ночь колодезной астрологии

Павел сидит на корточках в подземельях атлантидской Башни Мудрости и Гибели. Склонившись, будто монах, над темным прудом подсознания, он наблюдает за пьяными танцами

созвездий своей потаенной души.

Как обрести знание о себе — извне себя? Чем тяжелее его взгляд, утопающий в этой перевернутой вверх ногами астрономии, тем отчетливее он распознает в ней пляски релятивистско-процессуальной психеи. Если астрономы глубин достаточно далеко спустятся в эти темные бездны, они в конце концов обсчитают и опишут Бога Уайтхеда.

Тем временем Павел отправился в другое путешествие вглубь.

Он сидит голый, по правую руку от него бокал с ядом Злой Королевы, по левую — острый нож. За спиной — скрытые капюшонами фигуры атлантов.

Мудрецы без лица напевают монотонную мелодию. (Саундтрек: ОММММ.)

Павел хотел выкрасть у Илоны Розы Антиноленсовое Заклинание, но потерпел неудачу.

Теперь он хотел рассчитать его по звездам — и снова неудача.

Он извлек полные архивы публичной души Илоны. Переместился на год, два, три назад, до того момента, когда он уже в самом ритме ее прецессий и эпициклов замечал, как ее густо заливает ноленс.

Сегодня же — она свободно парит над поверхностью ноленса. Сегодня Роза воскресает мертвых и оживляет изваяния.

Что-то должно было произойти между двумя этими конфигурациями. Наверняка она нашла рецепт, и этот рецепт записан в звездах. (Все записано в звездах.)

Павел погружает указательный палец в жидкий металл. Волны медленно, словно улитки, расползаются в стороны.

Мудрецы: ОММММ.

Но там не было никакого правила, никакого алгоритма. Она встречалась с теми и этими. Путешествовала там и сям. Мигрировала между королевствами. Плавала между шляями. Тратила деньги на это, черпала деньги оттуда. Меняла биоло, меняла когито, меняла страсти, меняла созвездия. (Меняла мир.) Миллион хаотических броуновских движений. Ноль смысла.

Он усомнился.

А потом вспомнил гонку сингуляристов за виттгенштейновским ИИ.

Что они делают? Чем они заняты на самом деле, спрятавшись за завесой антипиратских хаотизеров, присев за туманностями белого шума? (Собаки Баскервилей, императорские тонги,

клики нердов.)

В статье, которую Павел так и не написал для доктора Желиво, содержатся точные обоснования данной невозможности. (Второй слева атлант читает эту статью вслух, монотонный шепот едва доносится из-под капюшона, ОММММ.)

Не существует такой системы, которая смогла бы рассчитать будущие состояния системы.

Невозможно сконструировать машину, предвидящую свои собственные мысли и поступки.

Никто не спроектирует сам себя.

Так что же делали там сингуляристы? За чем гнались Собаки Баскервилей?

Детерминистический рационализм — всего лишь сказка. Мы все функционируем в сетях, во взаимоотношениях, в играх. Так же, как и сама наука. С того момента, как был узаконен принцип peer review[156], научный прогресс работает посредством social networks так же, как и все прочее.

Павел касается кончиком пальца стальных игл звезд. Это осколки его души. Так замыкаются в себе области сердца: публичное, вне публичного — приватное, вне приватного — то, что неведомо

---

[156] Примечания: 156
Обзор работы коллегами, экспертная оценка (*англ.*).

человеку о нем самом даже в его привате.

Я это сделал? Я сказал? Я увидел? Я пережил? Я? Я?

Он не помнит, а ведь именно эти ощущения на него повлияли. Они — это он. Они искривляют окружающее пространство. Он дотрагивается до кометы

легкая дрожь головы, когда Кристина вставала со стула, вполоборота к нему, обращаясь к кому-то другому, так что Павел не видел ее лица, и тогда что-то рвануло его к ней, он посмотрел, провел рукой по краю стола (несколько сантиметров), замедлил дыхание (секунда), она встала.

Он дотрагивается до роя метеоров

те мгновения, обычно вечером, после победоносного сражения, когда они приносили добычу, хвастались пленниками, швыряли наземь трофейные знамена, когда лились потоками вино, чествования и поздравления, всегда наступал один краткий миг, будто треск ломающейся ветки — стоило ей сломаться, и ему уже незачем было там сидеть, незачем слушать, изображать радость; до этого треска он радовался по-настоящему, а теперь ему приходилось притворяться, всего теперь было чересчур, даже славы.

Он дотрагивается до вуали туманности

бутылки «Живца» на крыше Старухи.

Он дотрагивается до сгорающего в атмосфере метеора

я я я это придумал, конечно ты, никто не утверждает иначе, а потом, через неделю, месяц, год Павел вспоминает с апокалиптической уверенностью уже виденный ранее образ, ранее слышанные слова, вспоминает источник того настроения: чужую душу.

Он дотрагивается до планеты в третьем квадранте

неуверенность, пьяная бесконечность между двумя морганиями век, когда он стоял и протягивал в духе руку к окну для покупок в публичном канале, а в окне: Эвтаназиол Супер, ультрасвобода в таблетке, зеленые луга forever.

ОММММ.

Фигура в капюшоне справа подает ему бокал с ядом. Фигура в капюшоне слева подает ему нож.

Никаких правил, никакого алгоритма. Павел опускает руку в глубь пруда, набирает горсть черной ртути вместе со звездами и вливает в бокал. Звезды шипят, смешиваясь с ядом.

Нож быстрее, один разрез, и кровь капает в бокал.

Теперь быстро бокал ко рту.

Крайне важно — важнее всего! — чтобы Павел НЕ ЗНАЛ, что он пьет.

Играя в шахматы с самим собой, невозможно ни застичь врасплох, ни обмануть.

Яд ему должна была подать чужая рука. Яд должен был прийти волнами: сперва самая слабая, которая сгейджила его к тому, чтобы принять более сильную.

Он падает как подкошенный. (Саундтрек: off.) Мудрецы накрывают его шерстяным одеялом. Высоко-высоко, в круглом отверстии колодца-обсерватории мигают несколько публичных звезд. Павел улыбается им, подмигивает, машет рукой. Пока не падает и рука.

Черный гейдж вспахивает ему мозг.

Звезды кружат кружат кружат кружат кружат.

Хер то есть наш последний

Взять его, Бартек. Загрызи сукина сына.

На входе Павел получает очередь в грудь, а потом ему отрубают голову катаной. Death Penalty 10 min.[157]

Тэги: PvP, Крыса, NoMercy, ХерТыЭтакий.

---

[157] Примечания: 157
Смертная казнь 10 минут (*англ.*).

Павел «вздыхает».

Ну что опять? У кого теперь взорвалось говно в руках? Ну, давайте, ребята.

Они «пляшут» вокруг, маленькие черти-людоеды. Закололи бы его карандашами, если бы могли.

В публичной душе ничего не плавает, а фирменная от Павла закрыта.

Уже и до этого дошло! Кто подписал? (Пекельный.) Без разговоров за борт!

В конце концов Кшися сжалилась, бросила Павлу краткий отчет о последних днях в Гейзере Чудес.

Состоялась официальная презентация. Бартек и компания подготовили проекты — пальчики оближешь. Созвездийные Государства Духа на блюдечке с фейерверками фонтанами фанфарами, но клиенту всегда нужно дать выбор, так что для украшения добавили еще проекты из шкафа со штампованными образцами. Приходит Гаврило, и какой же проект он выбирает? Естественно, самый штампованный.

Можно расплакаться от разочарования. (Они «расплакались».)

Не проходит и вечера под солнцем сатаны, как никто в Гейзере уже не сомневается: это из-за

Павла.

Обрывки из публичной души: он шляется за мастером БДСМ; он засасывает что есть мочи извращенную Библию физику теологию; он посещает наедине в перегное Раймунда Гаврило.

Вывод ясен. У него поехала крыша (хоррор-гейдж), и он спалил нас у клиента.

Павел мог бы уберечь их от стресса. (Если бы вообще о них подумал.) После патриаршей речи Гаврило, а особенно после наднебесного разговора с ним, Павлу стало ясно, что фатаговец никогда в жизни не купит идею квантовой интимности секундных Государств Духа. Наверняка она повергла его в ужас. Где его орудия для лепки Нового Человека, где его Ноев ковчег, где Земля Обетованная?

И что теперь делать? Павел посылает Бартеку одну за другой процессию ангелочков, разбрасывающих белые цветы. Они несут дары, льют мед, лучатся весной.

Бартек, поразмыслив, его впускает. Но еще два шага, и расстрельный взвод целится Павлу в спину.

Павел показывает тайм-аут. Бартек опускает базуку.

Любят. Не любят. Любят. Черт его знает. (Павел

гейджится наугад.)

Пара слов.

Но без посторонних.

Они зарылись в бункере на десятикилометровой глубине под поверхностью Меркурия. Шлемофоны от гортани до ушей. Бронированные трубы и шлюзы. Стоит зажужжать чужой мухе, и взорвется Солнце. Саундтрек: Oral Geology ван дер Хуута.

Говори.

Павел «говорит».

Буду честен. (Буду «честен».) У нас был приват. Между мной и Гаврило, никакого бизнеса, скорее кушетка у психоаналитика. Чувствуешь настроение, Бартек — водка, джаз и дождь по стеклу? Я ведь тебе говорил, что у старика Гаврило свои цели, свой Иерусалим. И действительно: его никогда не интересовал коммерческий проект, это прикрытие, чтобы он мог использовать силы ФАТАГИ. Он хочет кое-чего другого: возмещения, искупления за Матео. (Бросает Бартеку плей о Матео Гаврило.) Вы угодили в жернова невозможных капризов олигарха петро. Сколько раз нам приходилось продавать кампании протео президентам и директорам, будто явившимся прямо из каменного века? В конце концов они

приходят к нам, смиренные и униженные, когда вражеские королевства едва не стерли их в порошок, и тогда берут контент без вопросов. Тут то же самое, только кампания Гаврило — его навязчивая идея — никакой не продукт, не Государства Духа Скеута Ред. Гаврило сражается за душу человечества. Естественно, он проиграет. Я его спасаю, как могу. Не ради него — ради тех Матео, которых он никогда не поймет. Я честно («честно») тебе все рассказываю, потому что не хочу вас невольно торпедировать. Я провел тут слишком много лет. Подождите два-три дня. Если у меня все получится, вы сразу узнаете. Извинись от меня перед остальными. Такой вот рикошет.

Бартек что-то подозревает — но подозревает явно, то есть почти дружелюбно.

Что с тобой случилось? Перестругал себе когито, или верхом на Павле Костшеве едет кто-то другой? Никогда не слышал от тебя таких разговоров.

Театр из глубины сердца. Змея сожрала свой хвост.

Павел закрывает глаза. Вокруг стоит бетонная тишина, сделанная в ПНР терракотовая армия. Что со мной случилось? Я сдался, Бартусь.

Я бросил кости. Играю.

Все мы это делаем — только непоследовательно, не признаваясь самим себе. Почему шляи бесплатные?

Потому что каждый шляй — прихожая какого-то королевства.

Ты два года бесчинствовал в Запорожье с бандой одичавших шляхтичей — это не могло на тебя не повлиять. Ты ПЕРЕЖИЛ те годы. Ты уже другой человек.

Вассал невидимого королевства.

С тех пор, когда сосед толкает тебя в лифте, ты тянешься к сабле на поясе.

Так что ты покупаешь то и это — плеишь то и это — говоришь так и сяк — думаешь так — живешь так. (Ты уплыл.)

Нет смысла защищаться, compadre. Чем быстрее мы это примем как данность, тем меньше трупов по пути.

Считаются лишь чувства, принятые в сердце. Неважно откуда. Неважно, из чьей головы. Считается лишь контент. Из духа, из перегноя — это лишь вопрос поставленного перед скобкой знака.

Ощущения влияют на тебя — ты меняешься — влияя в свою очередь на мир и других людей — которые тоже меняются — влияя — без конца

— без ризницы между духом и материей — без какого-либо постоянства, без основы, неизменной ценности, без естественного закона и без естественного человека — линии сопротивления появляются и исчезают и появляются и исчезают и появляются и…

Не звезди. Ты утратил запал и протеишься напропалую. Как креативы всех эпох.

Водка,
кокс, гейдж. Choose your armageddon.[158]

Павел хватает Бартека за шею, привлекает к себе, утыкается шлемофоном в шлемофон.

В ухо я тебя в любом случае не изнасилую. Но ты меня слушаешь. И запомнишь.

Ибо я знаю, что тебе не все равно. У тебя вся карьера на лбу написана. Так что вот тебе мой безболезненный совет.

Подумай, Бартоломео, о завтрашнем дне — когда все станут креативами.

Есть те, кто пишет, рисует, компонует, творит — и выпускает все это задаром в публичную душу. Вся их прибыль — репутация.

Есть те, кто благодаря обретенной репутации уже наняли фирмы, чтобы те выращивали — на

---

[158] Примечания: 158
Выбери свой армагеддон (*англ.*).

печенках, мозгах, почках, костях — сновидения и раковые опухоли для наполнений контентом фирменных плеев и шляев.

И есть те, среди которых ты хотел оказаться — ты ведь мне завидовал, знаю, завидовал, — те, вокруг чьих сновидений выстраиваются целые плеи, шляи и производства перегноя.

Представь себе теперь, что все люди — креативы третьего рода. Что нет никого, кто не был бы креативом. Каждый живет в созданном мире и каждый создает сам себя.

Все вместе влияют на всех.

Представь это себе. Сумеешь?

Бартек «моргает», «Улыбается». «Утирает» пот со лба. Defensive Stance On.[159]

Он очутился в обществе пророка. (Freak of culture.)[160] К его виску приставлен снятый с предохранителя разум.

Окей, Паоло, мы выкурили трубку мира, отпусти.

Но ты же видишь, что я пытаюсь тебе помочь, правда? (Серьезность, ЖизньСмерть.) Видишь? Я был такой, как ты. Помогаю самому себе.

---

[159] Примечания: 159
Оборонительная тактика задействована (*англ.*).

[160] Примечания: 160
Ошибка культуры (*англ.*).

Но края их душ уже раскаляются докрасна, летят искры от эмотивного трения, от шлемофонов резко несет паленой резиной.

Павел отпускает.

И едва он отчалил, с фланга заходит другая армия: Einsatzgruppe Пекельный, орды Гейзера. Не успел он оглянуться, как на него нацелили копья луки мушкеты пушки лазеры мазеры.

Ни шагу дальше. Ты чужое тело, Костшева. Я тебя устраняю.

Павел поднимает руки. Мир этой земле.

Но Пекельного не умиротворить.

Я тебе этого не прощу! Натравлю на тебя армии юристов! Выжгу до костей! Так, что одна пустыня радиоактивная от тебя останется!

Нашлю наемных убийц, колдунов и назгулов! Ни в одном шляе не сможешь чувствовать себя в безопасности! Вон из моей жизни, мудак осклизлый!

Павел гейджится в Ганди. Все, все, меня уже нет.

Но Пекельный в predator mode, с каждым словом у него растут клыки когти ножи стволы бомбы.

Я нацелил на тебя астрономов! Они читают мне по движению звезд, что там у тебя в башке

родится! Что ты там комбинируешь! Что замышляешь! Я знаю!

Павел колеблется на пороге. Что я замышляю? Что комбинирую? Что…

Гейзер взрывается, выбрасывая Павла с первой космической скоростью.

Павел задумчиво летит по околоземной орбите. Саундтрек: Also sprach Zarathustra[161] Штрауса. Солнце медленно выставляет лоб из-за округлого брюха планеты.

Пекельный, Гейзер, ФАТАГА. Гм. Нужно будет подстраховаться. Уйти за пределы их досягаемости. (То есть куда?) Если не удастся воззвать к разуму Гаврило.

Бело-голубой глобус вращается под Костшевой с достоинством гиппопотама. Над ним мерцают на черном куполе миллиарды серебристых зернышек.

Гм. Видимо, и впрямь моя судьба записана в звездах.

Люди из подземелья

Осенью того же года меня, погрызенного до

---

[161] Примечания: 161
Так говорил Заратустра (*нем.*).

костей Ratti virulenti[162], с далеко зашедшей гангреной в левой ступне и левой руке, в состоянии непрекращающейся днем и ночью мозговой горячки, перевезли из имперской крепости в Ц. в гарнизон под Веной, то есть в гарнизонную тюрьму, где заперли в камере, мало отличавшейся от предыдущей, без окон, только менее сырой и не столь кишащей крысами. Сперва я считал, будто все это часть болезненного бреда, но уже в пути, запломбированный в черной бронированной карете, впал в другую крайность: ибо если меня в самом деле куда-то везут, то это первый шанс с момента поимки, когда меня могла отбить наша клика — именно так мы поступали с нашими собратьями, а иногда шли и на большее.

Но отбить меня никто не попытался. И, брошенный в новую темницу, я в первый же час отчаяния понял, что конец моим метаниям на этом свете может быть только один: здесь, в казематах, в грязной воде, воя от боли в невозмутимое лицо камня, я испущу в одиночестве дух, а батрак-идиот швырнет мое тело свиньям на корм.

Утром за мной пришли имперские в мундирах

---

[162] Примечания: 162
Вирулентными крысами (*ит.*).

Infanterieregiment[163] 217, в парадных сапогах и перчатках. Значит, не палачи, подумал я, и в том было больше разочарования, нежели радости. Меня снова сковали и выволокли на свет. Впрочем, я ничего не видел, ослепнув от яркого солнца, и волокли меня тоже в буквальном смысле, ибо пожранная гангреной нога отказывалась повиноваться голове, окончательно перейдя под знамена гноя, гнили и смерти. Я не мог даже стоять, когда меня поставили стоймя будто куклу, и им пришлось быстро усадить меня на стул с высокой спинкой. Сидя так, с прижатой к груди рукой, и моргая, словно крот, через минуту-другую я наконец обрел способность видеть.

Р. Г. Врилло хлебал дымящийся бульон; его обслуживал из-за спины цыганского вида ординарец. Его левая рука и половина туловища все еще пребывала в бинтах, и он не мог склониться за столом, вклинившись за ним, будто доска.

Мы сидели так друг напротив друга, двое будто отражавшихся в зеркале калек, и казалось странным, что оба мы способны столь долго воздерживаться от выражения вслух наших страданий, а поскольку солдаты тоже ни издавали

---

[163] Примечания: 163
Пехотный полк (*нем.*).

ни звука, стояла мраморная тишина. Лишь эхо гарнизонной муштры текло тонким ручейком со стороны окна.

В мои чувства протекло также нечто иное, в мой лихорадочный мозг сквозь нос, забитый насморком, проник запах бульона, и это мягко сказано — симфония запахов, артиллерийские залпы петрушки и сельдерея, канонады ароматов курятины и прочей птицы, пламенные фонтаны капелек жира. Истекая слюной, будто пес, я уже наклонялся к чудесному вареву, будто меня влекла к нему собачья цепь.

Р. Г. Врилло взглянул на меня поверх высоко поднятой ложки.

— Я всего лишь хотел, чтобы вы мне сказку написали, — с садистским видом прихлебывая роскошный отвар, он продолжал смотреть на меня с немым упреком. — А вы меня ранили. Это больно. Когда вы меня раните.

Я облизнулся. Один глоток, одна ложка. Что он мне говорил?

— Чего же вы боитесь? — Хлюп. — Мне только слов хотелось, только сказочных чар. — Хлюп. — Для работы с телом у меня есть другие мастера. — Хлюп. — Другие инквизиторы. — Хлюп, хлюп.

Я свалился со стула. Падая, уцепился за край

стола, и вот уже мой нос рядом с тарелкой, вот я уже тонул в бульоне — но фельдфебель схватил меня за воротник и оттащил назад.

Командор смотрел на меня понимающе, с непередаваемой грустью.

— С голодухи. Ну вот видите. Разве это не прекрасная страсть? От голода можно совершить великие деяния, — он медленно перелил бульон из ложки в тарелку, будто жидкое серебро. — Такая простая вещь, и ты уже оказался в рабстве духа. Признай это хотя бы перед самим собой. Ради супа, стоит жить ради супа. Я дам тебе его, — он подвинул тарелку в мою сторону, — и ты станешь счастливейшим человеком на свете. Не так ли? Это, — он поднял ложку с дымящейся жидкостью высоко, выше головы, будто изображая неуклюжую пародию на ритуал гостии и алтаря, — теперь смысл твоей жизни.

Я заскрежетал зубами.

— Кишки меня не слушаются, — прошептал я. — Но и мне незачем слушаться своих кишок.

— Прошу.

Я отвернулся и крепко зажмурился.

— Незачем.

— Обманываешь себя? — Р. Г. Врилло насупил бульдожью физиономию, будто только теперь

всерьез обидевшись. — Не подобает! — он кивнул ординарцу, и смуглый паренек помог ему принять вертикальное положение. — Эмх! Я думал, что единственное, что нам здесь не грозит — это ложь перед самим собой. Если мы не можем быть честными в этих приватных театрах, за железными масками, — то где тогда?

— Дело не в честности или нечестности, — я все так же не открывал глаз, благодаря чему мог прямо говорить ему, что думаю. — Вы просили меня о невозможном. Вот только вы продолжаете верить в это невозможное, в спасение для человека благодаря проекту других людей; а я вижу реальность, какая она есть, и, возможно, она ближе мне потому, что я родился уже для этих театров, в этих театрах.

— О невозможном? Я просил о нежных чарах, чарах сна, грез, силы которых никто бы даже не почувствовал. Идем, покажу тебе, молодой человек, как людей по-настоящему обрабатывают.

Он шел первым, солдаты волокли меня следом; так мы сошли в ад, то есть обратно в темницу. Но это были уже другие тюремные подземелья, меня вели в другую сторону по лестницам, коридорам, мрачным галереям — ибо если в моих казематах нарушают тишину лишь шелест текущей воды и

писк грызунов, то здесь тишине вообще нет места среди криков, стонов, рыданий, лязга железа.

Но мы прошли еще дальше, за пыточные камеры, кошмары которых едва мелькнули передо мной в жаркой тени. Здесь совершались иные мучения. Командор, опираясь на трость, показал на бронированную дверь, которую поспешно перед ним открыли. Там трудился над узником палач, и работа его происходила в молчании и неподвижности. Мастер сидел на табурете с палкой в руке, а жертва стояла, голая, лицом к стене, широко расставив ноги, в плотно окутывавшем голову капюшоне. Видимо, она услышала скрежет грязных петель, поскольку вздрогнула и слегка повернула шею — на что в ответ мастер дважды огрел ее палкой, и она вновь замерла в единственной дозволенной ей позе.

Приложив палец к губам, палач беззвучно выскользнул из камеры.

— Уже хорош?

— Через неделю-другую будет хорош, — ответил он командору шепотом, искоса поглядывая на меня. — Он уже висит среди призраков, иллюзий. Слышит только мой голос, мои слова. Мы становимся друзьями.

— Ты сделаешь из него другого человека?

— Он уже другой человек, господин полковник. Он пережил панику, депрессию, приступы паранойи. Теперь он ест с моей ладони невысказанные мысли, — палач махнул палкой в сторону ряда железных дверей. — Седьмому сегодня пять лет, и он живет у деда с бабкой в деревне. Одиннадцатая кормит грудью детей, которых у нее не было. Тринадцатый все еще разговаривает с Богом. У девятнадцатой выросли крылья, она будет вить гнездо, — он похлопал себя по бедру. — Мы их тут десятками обрабатываем, господин полковник, этих людей из подполья. Устроим праздник!

Врилло повернулся ко мне, изрыгая прямо в лицо слова и дыхание.

— Как считаешь, молодой человек, какой метод лучше? Палкой или стихом?

Я не сумел удержаться на ногах; сперва опирался всем весом о каменную стену, но даже в этой позе потерял равновесие; солдаты меня не подхватили, я осел на пол у их ног, зазвенели цепи.

— Какой метод? Театры духа выдают о нас намного больше, чем нам обычно кажется. — Я задрал голову, глядя на них на всех снизу, на Р. Г. Врилло, его ординарца, палача, солдат, как ребенок смотрит на осуждающе склонившихся над ним суровых взрослых. — Почему вы

выбрали именно такой сценарий? Почему вы обращаетесь ко мне в глубине подземелий, среди стонов пытаемых и насилуемых? Ибо в душе вы уже знаете — я добрался до вашей души, когда мы беседовали в вышине, над Иовами, — вы знаете, что это искушение Великого Инквизитора. Стих или палка — с точки зрения эстетики никакой разницы.

Врилло позволил своему лицу исказиться в искреннем отчаянии.

— Так что тогда? Как? Если человек не будет ни таким, ни таким, если мы не придадим ему никакую конкретную форму, если он будет так растекаться, растекаться и растекаться, пока не растечется окончательно, — человека вообще не станет! И еще по пути они все потонут, потонут целиком. Мы ДОЛЖНЫ что-то сделать. Мы ДОЛЖНЫ их спасти!

Я прижал пораженную гангреной руку и разгоряченный лоб к холодному затылку камня.

— Я напишу вам сказку, которая соблазнит миллионы, и буду как те палачи-месмеристы, как первоклассные дрессировщики рабов, как Всадник Дракона.

— Да проглоти ты наконец эти угрызения совести!

— Почему вы меня не слушаете? — крикнул я; мастер казней ударил меня палкой по гниющей ноге, и я крикнул еще раз, уже тише, ибо мне не хватало дыхания: — Почему вы мне не верите? Ведь именно для этого я был вам нужен: чтобы я разбирался в том, в чем не разбираетесь вы, чтобы я чувствовал то, чего не чувствуете вы. И это вовсе не вопрос совести, лишь практической невозможности. Я вам это повторяю и повторяю. Их не перевести на другую сторону, поскольку НЕТ НИКАКОЙ ДРУГОЙ СТОРОНЫ, есть только переправа, переправа без конца, вечное путешествие в незнаемое, во все новое и новое, и новое, и новое; но в этом новом ты никогда не найдешь своего «нового человека» — на которого ты мог бы указать, описать его и сказать: отныне человек является таким и таким. Разве что под конец времен поставишь над каждым мастера боли с палкой и капюшоном, чтобы тот за ним надзирал и дрессировал его в этой новой каменной и неизменной человечности. Но и этого мало! Ибо взгляни на меня — кто должен дрессировать дрессировщиков? Кто должен писать стихи для стихотворцев? И для следующих стихотворцев? И для следующих?

— Я этого, — Р. Г. Вилло, стоя надо мной, продол-

жал с тупым, воистину старческим упрямством колотить тростью по камню, — не при-ни-маю!

— Вы думаете, будто я сдался? — В моей почерневшей левой руке, под кожей, клубились огненные змеи, раздутые, заполненные кислотой слизняки. Зубами и дрожащей правой рукой я содрал остатки тряпок, которыми еще в Ц. пытался перевязать раны. Из опухшего тела потекли вонючие выделения. — Я не сдался. Только решение совсем иное. Вы его не понимаете и не поймете, вы не родились в театре, не умеете так развлекаться, — я провел полумертвой конечностью по камням, липким гноем рисуя на стене камеры пыток прямые линии и полукруги. — Ибо решение — не власть над всем. Не контроль всего, не планирование и созидание в соответствии с планом, и не человек, придуманный тем или иным гением, как и не человек, придуманный природой.

Я уже чувствовал, как в стене позади меня шевелятся камни. Стоны и крики из дальних камер звучали все слабее и слабее, пока не утихли полностью. Свет керосиновых ламп менял цвет. Гангренозные рука и нога то пылали огнем, то вновь пульсировали жутким холодом.

Врилло не мог согнуться, наклониться, и по-

тому лишь прижал подбородок к груди и ткнул меня концом трости.

— Что ты там творишь, мерзавец?

Я поднял взгляд. У мастера-палача, ординарца и солдат сползли с мышц и костей одежда и кожа. Камни и железо парили в воздухе, невесомые будто пух. В начертанной на стене пентаграмме тени мерцали неясные очертания; затем стена рассыпалась, будто детские кубики от толчка взрослого. Я вскочил на ноги, сбрасывая оковы. Сквозь толстые кости имперских казематов пробились снопы солнечного света. Запахло весной. Дрожала земля. Так я развлекался.

Коснувшись груди Гаврило, я вырвал из нее пули, болезнь и старость.

— Я меняю правила игры.

Постнигилизм (III)

10. Людвиг Виттгенштейн, «Философские исследования»: Язык — это лабиринт путей. Ты подходишь с одной стороны и знаешь, где выход; подойдя же к тому самому месту с другой стороны, ты уже не знаешь выхода.

Так, при определенных обстоятельствах можно изобрести игру, в которую никто никогда не

играл. А возможно ли такое: изобрести игру, в которую никто никогда не играл, при том, что человечество никогда не играло ни в какие игры?

Между следованием правилу и подчинением приказу существует аналогия. Мы обучены следовать приказу и реагируем на него соответствующим образом. Ну, а что, если один человек реагирует на приказ и обучение так, а другой иначе? Кто из них прав?

Представь, что в качестве исследователя ты приезжаешь в неизвестную страну, язык которой тебе совершенно незнаком. При каких обстоятельствах ты бы сказал, что люди там отдают приказы, понимают их, подчиняются им, противятся им и т. д.?

Совместное поведение людей — вот та референтная система, с помощью которой мы интерпретируем незнакомый язык.

Представим себе, что люди в этой стране заняты обычной человеческой деятельностью и пользуются при этом, казалось бы, членораздельным языком. Присматриваясь к их поведению, мы находим его разумным, оно представляется нам «логичным». Но пытаясь выучить их язык, мы обнаруживаем, что это невозможно. Поскольку в нем нет устойчивой связи между тем, что они

говорят, произносимыми звуками и их действиями. И вместе с тем эти звуки не излишни, ибо, если мы, например, заткнем одному из них рот, последствия будут те же самые, что и с нами: без этих звуков, я бы выразил это так, их поведение станет хаотичным.

Надо ли говорить, что у этих людей есть язык, приказы, сообщения и т. д.?

Назвать это «языком» не позволяет отсутствие регулярности.

Подумай, однако, вот о чем: есть разновидности игр, аналогичных виттгенштейновским языковым играм, в которых отсутствует понимаемая таким образом регулярность, поскольку правила игры подвергаются изменениям прямо во время хода — в какой-то мере они являются элементом самой игры. Подобные игры мы находим, например, в широко понимаемых искусстве и культуре (например, литературе), а также в психологии интима (например, в искусстве соблазнения).

Внимание: это не означает, что игра в данный момент вообще не имеет никаких правил, либо имеет некие скрытые метаправила, которые — для разнообразия — постоянны. Однако это означает, что функции действие-реакция невозможно охватить в виде универсальной схемы;

что регистрация данного «приказа» и «действия» ничего нам не объяснит; что изучение подобного языка (игры) значительно проще посредством активного участия в игре (так называемое «игрового мышления»), чем посредством наблюдения и подражания со стороны.

Подобного типа СВОБОДНЫЕ ИГРЫ не имеют правил «для обучения» в старом смысле. Человек, «изъятый из свободной игры» и возвращенный в нее после отсутствия, должен учиться ей заново — невозможна экстраполяция правил игры за ее пределы. ИГРА является одновременно изучением и созданием правил. ИГРА есть изменение правил. ИГРА есть участие (погружение) в процесс непрерывных изменений правил игры.

Он не имеет никакой цели, никакой управляющей им логики, не стремится ни к какому порядку, ни к какому совершенству, не гарантирует даже прогресса посредством накопления памяти о предыдущих состояниях игры. Он не подлежит обоснованию ни изнутри, ни снаружи.

11. Новая человечность есть свободная игра.

Линии сопротивления возникают и исчезают. Один раз бытие человеком означает одно, в другой — другое. Линия сопротивления может

превратиться в свою противоположность и обратно (например, сексуальность в асексуальность и снова в какую-нибудь «сексуальность»). Линии сопротивления не могут исчезнуть полностью, поскольку именно они являются предметом (материей) этой игры.

В данный момент в ходе игры линия сопротивления имеет абсолютную ценность, НЕСМОТРЯ НА ОСВЕДОМЛЕННОСТЬ ИГРОКОВ В ТОМ, ЧТО ОНА НЕИЗБЕЖНО ПОДВЕРГНЕТСЯ ИЗМЕНЕНИЮ,

Это не есть нигилизм.

Обретя технологические инструменты для автоэволюции, человек сделал самого себя культурной переменной.

Человек не есть предмет игры. ЧЕЛОВЕК ЕСТЬ ИГРА.

Часть третья: Grind[164]
Луч Шварцшильда твоего сердца

Меня разбудила тревожная сирена, извещавшая о разгерметизации на борту. ЭВКУБРОН включал осевые агрегаты, рвалась фактура вселенной. Пребывая в безопасности каюты-гроба, я купил с временного счета пять минут внешнего вида. Нависавший на расстоянии вытянутой руки потолок провалился в бесконечно глубокую бездну космоса. Мои руки играли глифами эмо, слепляя и сплетая эксцентрические чувства и воспоминания, прикосновением сразу же вклеивавшиеся в нейро; взгляд мой провалился в бездну вслед за потолком, а я — сразу же за взглядом.

ЭВКУБРОН не мог быть сконструирован ни в какой другой точке пространства Сальва. Перебрасывая взгляд от камеры к камере, я медленно облетал гигантское сооружение. Я помнил это место. Космические побоища постепенно пре-

---

[164] Примечания: 164

Изнурительная однообразная работа (*англ.*). В компьютерных играх гриндом называют повторяющиеся, однообразные, не несущие значительной опасности действия, позволяющие игроку набирать опыт.

вращаются в облака анонимных обломков, движущиеся в гравитационных полях близлежащих звездных и планетарных масс, — здесь, однако, не было никаких масс, кроме масс остовов разбитых кораблей; мы находились на четверти пути между галактикой Млечного Пути и Комплексом Н. Семьсот тридцать один год назад здесь сразились флот Нечетных и флот альянса CF; эйнштейновскую ловушку поставили нанятые CF эскульпаторы, чьи расшатанные топологии все еще остаются кошмаром локальной физики. Эскульпаторы были посткультурой квант-мехов из другого кармана мультивселенной. Переписав себя на репликаторы 2T, они бифурцировали в тысячи паразитических цивилизаций, прицеплявшихся к той или иной биологии. Штамм, нанятый CF, заразил палиндромистов — живые бульоны Бозе-Эйнштейна из ядра галактики, которые кипели на убийственных градиентах G у порога квантовых черных дыр, завернутые солитонами в замкнутые временные кривые (отсюда название). Палиндромисты-эскульпаторы 2T могли покидать свою естественную среду, лишь забирая ее с собой: их космические корабли были де-факто генераторами эйнштейновских ловушек, где сингулярности выскакивали, как

кролики из шляпы, а пространство-время сплеталось в кренделя и пожирало само себя. В один такой корабль во время сражения попала торпеда класса Сверхновая, и его остатки превратились в черную туманность, вокруг которой вращается на орбите остальное побоище, с массой, соответствующей двум Лунам. ЭВКУБРОН мог возникнуть только здесь, из добытых из могилы эскульпаторов-палиндромистов машин экзотической физики, перестроенных затем для целей человека путем кропотливого процесса проб и ошибок. В небе вокруг ЭВКУБРОНа сияли звездочки-блестки, описывая спиральную ленту вокруг могилы палиндромистов, бесформенного пятна тени. Сейчас, по прошествии веков, здесь уже жили свыше двух миллионов людей & compatibles[165], в остовах кораблей, во фрагментах остовов, в поселениях и микромирах, построенных из переработанных из остовов материалов, наконец в кораблях, прибывших уже после возникновения и расцвета полиса Битвы. Некоторые города я узнавал в инфракрасном свете, докупив короткий зум, — в их очертаниях еще осталось что-то от хищной симметрии эсминцев и броненосцев,

[165] Примечания: 165
И совместимых (*англ.*).

которыми я когда-то командовал, десятками посылая их в гибельные атаки. Где-то тут должен также кружить отстреленный мостик моего флагмана «Мизерер». Интересно, выловили ли все трупы? Я переместил фокус следом за косяками челноков, неустанно курсировавшими между городами, станциями, поселениями Битвы. Это уже не было кладбище, здесь пульсировала жизнь — жизнь, вскормленная на падали. К Битве фазировали торговцы Сальвы, Милла, Боребурки и более дальних некорпоративных пространств. На моих глазах из-за массива Палиндромистерии вынырнул пожиратель звезд под флагами incompatibles[166], укутанный, будто луковица, против человеческой физики, переливаясь по всему спектру ЭМИ… Пять минут закончились, и я снова свалился внутрь гостиничного гроба.

В баре возле шлюзов у всех еще висели на шеях кислородные маски. Разговоры крутились вокруг планов очередных разгонов ЭВКУБРОНа.

— Минута, две — понимаю. Но если в самом деле выстрелят по максимуму, сам поток нас разорвет.

— Кто это переживет? Инки из Сороковки и

---

[166] Примечания: 166
Несовместимых (*англ.*).

пара женеров во внутренних седлах.

— Купи себе клон с минутной страховкой.

— Будь у меня такие бабки, я не грел бы тут задницу, сидя на стволе снятой с предохранителя пушки.

— Интересно, это вы такой чересчур пугливый, или все остальные полные кретины? С каждым испытанием толпа все больше.

— Даже инки прутся на зрелище, — гибридник в скафандре показал на внешнюю проекцию; пожиратель звезд incompatibles был столь прекрасен для человеческого взгляда, что сервисники просто не могли его не показать.

— Так они забетонировались в своих измерениях.

Гибридник развернулся, оттолкнувшись от стойки, и увидел, что я на пятидесятичасовой.

— Ну а вы, вы на чем прилетели? С какой целью?

Я ни на чем не прилетел.

— У меня тут кое-какие наследственные дела, которые нужно решить.

— Дядюшка вырвал из разбитого корабля сокровище, его сожрала матрица, и вы теперь наследник?

— Наоборот. Речь о моем наследстве.

В осевом стволе я вдруг ощутил укол ностальгии, будто между кадыком и грудиной воткнули холодную иглу. Передо мной маячили выжженные в пикородных балках негативы огромных эмблем Bo3, семиметровые буквы и цифры. Из этих балок сделали якоря для изваяния, занимавшего немалую часть общественного пространства осевого туннеля. Вероятно, его тоже добыли с какого-то остова. Свыше одной трети кораблей, сражавшихся на стороне Нечетных, принадлежало к альянсу Bo3 и подчиненным ему.

Здесь все вело свое происхождение от трофеев — каждая вещь была сперва другой, из уже забытой истории. Талон на кислород я купил в будке, сооруженной из хромалиса, который содрали с оболочек гравитационных мин.

С перспективы пятнадцатой палубы я наконец смог полностью охватить скульптуру взглядом: она изображала замороженную в металле долю секунды взрыва древнего субатмосферного корабля.

На сто восемнадцатой палубе я увидел его — он закачивал себе из гнезда PRT9 Inc. премиальный пакет сновидений. Он меня не узнал, поскольку я был в другой шкуре. Ему должно было быть уже около тысячи часовых лет, видимо, он мно-

го раз пересаживался — но все равно сохранял исходный фенотип: волосы, будто нити бабьего лета, розовая кожа, улыбка made in USA. Он носил галстук Четных.

Я пошел за ним, и мы оказались в одном и том же лифте. Кто-то другой завел разговор, к которому я подключился. Он пользовался старым именем — Генрих, Анри. Сейчас он работал на себя, как брокер корпоративных физик. По случаю разгона ЭВКУБРОНа сюда слетаются разные incompatibles, хороший повод для торговли.

Мы ненадолго остановились на видовой террасе под кольцом Сорок Четвертого, собравшиеся таращились на радостно переливающегося пожирателя звезд.

— Вы знаете, что у них заканчивается лизинг на слабые взаимодействия? Сейчас наверняка начнутся торги.

— Многие боятся, что ЭВКУБРОН все тут разнесет в пух и прах, — я вкратце передал содержание подслушанных у бара диалогов.

Генрих пожал плечами.

— Сорок Четвертому подобные игры до сих пор выходили ва-банк. Это старая вселенная, под поверхностью хватает слоев.

— Но клоны вы держите на короткой стра-

ховке.

Он рассмеялся.

— Само собой!

— Желаю удачи.

Хлопнув его на прощание по плечу, я направился к шлюзам, откуда еще какое-то время наблюдал за ним. Некое физическое притяжение, какая-то противостоящая моей воле сила, не позволяла мне отвернуться, оторваться от Генриха — я сражался с ней, будто с гипнотической зависимостью. Наконец он скрылся в толпе. Странно, что я настолько хорошо его помнил и вообще узнал.

Кольцо Сорок Четвертого происходило с дредноута Абсолюта, то был его изначальный командный и коммуникационный модуль; в старших моделях они всегда имели форму тора. Сорок Четвертый насадил этот обруч диаметром в двести с лишним метров на ось ЭВКУБРОНа на двух третях длины; сам ЭВКУБРОН тянулся дальше, километрами ребер, решеток и мерцающих иероглифов.

Где-то здесь в сооружение должны были входить наклонные лифтовые шахты из кольца; оно не вращалось, там царила такая же невесомость. Кружа вдоль стен шлюзовых модулей, я забавлялся коммом, передавая старые коды Абсолюта, в том числе в ультрафиолетовом и инфракрасном

диапазонах. В конце концов треснула пополам одна из реклам новейших кишечных бактерий, и за ней открылся командорский лифт. Я вошел, застегнул ремни, тряхнуло. Внутреннего сканера не было — вероятно, никто уже не пользуется этим лифтом, не актуализирует доступ.

Предположение подтвердилось, когда я вышел из кабины в галерее женеров Абсолюта. Пустые седла, давно не прокачивавшиеся симбиозеры, погашенные проекторы 4D. Отталкиваясь от оборудования, я оставлял на нем светлые пятна в пыли — вентиляция здесь не работала, а на незаземленных поверхностях всегда собирается электростатический заряд. Я купил себе видение в широком спектре, так что мог ориентироваться в темноте.

Я нашел административные таблицы. Старые коды Bo3 открыли мне обзор. В секторах наивысшего потребления энергии женеры Сорок Четвертого настраивали ЭВКУБРОН перед очередным пуском. Их седла, сделанные из технологий эскульпаторов-палиндромистов, в большинстве своем выступали за пределы 1T. Сорок Четвертый кружил между рабочими местами, воздерживаясь от того, чтобы подгонять команду и вмешиваться в действия специалистов, но,

судя по его движениям и реакциям, нервы его уже были на пределе. Ассистенты и адъютанты — люди & compatibles — оттаскивали его с женерных палуб.

Я подождал, пока его оставят одного на балконе палубой выше, и, спустившись туда на внутреннем командорском лифте, вынырнул из мраморного изваяния галактики.

Сорок Четвертый обернулся, услышав скрежет камня. Естественно, он меня не узнал.

Неким движением мускула он включил тревогу, но мои коды тут же ее заблокировали.

Он рассмеялся. Теперь он мог позволить себе беззаботность. Он живет в постоянном напряжении и с облегчением приветствует наемных убийц.

— Я только что встретил твоего сына.

Он открыл рот, и это была вся его реакция. Я спокойно подплыл к нему.

— Ты вообще знал, что Генрих на ЭВКУБРОНе? Вы поддерживаете контакты?

Он протянул руку, но та тоже не завершила движение.

— К-Осс?..

Я заключил его в крепкие объятия. Он не защищался, но и не ответил мне тем же.

Едва мы разделились, медленно дрейфуя в противоположные стороны, Сорок Четвертый бросил:

— Явился за своим?

Я покачал головой, поднимая пустые руки.

— Оливковые ветви и дары.

— А если честно?

— А если честно — matey deal[167] под конец.

— Вот так-то лучше, — он вздохнул и отвел взгляд. — Я вижу его иногда. Каждые полтора десятка лет. Нам особо не о чем говорить.

— Знакомое чувство.

Он аж задохнулся.

— Ведь не так все было.

— Что?

— Ты не поэтому ушел, — он повернулся спиной к женерным палубам и панораме освещенного ЭВКУБРОНа за огромным пикородным окном, выходившим в открытый космос Битвы. — Почему ты ушел?

— Мы об этом говорили.

— Никогда.

— Знаешь, сколько лет я возглавлял Банду Троих?

---

[167] Примечания: 167
Дружеская сделка.

— Тысячелетия. И что с того?

— Но снаружи — почти десять лет.

— Что, надоело? Я заглядывал из любопытства — ты шляешься в других местах. Но что это за шляи, упаси Господи? Какие-то низкие клики, квесты для рядового, унылые синглы в открытых мирах. Что случилось, К?

— Похоже, меня заел гринд. Впрочем… Тебе не кажется, будто все это, — я обвел рукой движущуюся картину галактической империи, — принадлежит минувшей эпохе? Что мы давно уже должны были оставить ее позади?

— И что, вернуться в перегной? — язвительно фыркнул Сорок Четвертый. — Пути назад нет.

— Это правда, выскочить мы не можем. Утонем, — я подошел к краю балкона, стиснув пальцы на балюстраде. Внизу шли лихорадочные приготовления. Вся эта сумятица в стиле хай-тек лишь наполняла меня еще более густой ностальгией. — Но представь, что у тебя есть возможность перевернуть кавычки?

— Что?

— Ты получил бы инструмент, который произвольным образом меняет знаки в уравнении. Это, — я показал на ряды женеров & compatibles, сияющую автостраду ЭВКУБРОНа на фоне космоса

Битвы, — или что-то другое, по твоему желанию, могло бы стать твоим перегноем, а старый перегной — высшим шляем. Не в переносном смысле, не в голове. ПО-НАСТОЯЩЕМУ.

Сорок Четвертый поколебался.

— Не уверен, что это что-либо…

Он снова поколебался. В его мыслях теперь проносились симуляции в духе — последнее время я сам постоянно блуждал в этих лабиринтах. Сорок Четвертый был крайне умным человеком, но ум вовсе не обязательно тут помогает. Паттернисты-аспергеровцы прокручивают в уме тысячи шахматных досок одновременно, но не догадываются, что чувствует ребенок, у которого растоптали игрушки.

Он недоверчиво посмотрел на меня, видимым образом сражаясь с собственным недоверием.

— Это и есть этот твой deal?

— Экзистенциальный заговор. Во всяком случае, его часть, инструмент. Путь.

— Гм. Признаюсь, интересно. Впрочем, наверняка тебе пришло в голову: а что, если наш перегной был написан как чей-то шляй? Начиная от физических постоянных и кварков? А потом — бух, креативы поменяли знаки.

— Слишком много уже было подобных гипотез,

слишком много. Новая Космогония Лема, космоэволюционизм Смолина, маятник Чена, все укладывается в простую схему аналогий. Тебя все еще крутит, но я никогда не был таким хардкорным любителем НФ. Ну, давай, решай.

— Окей, К.

Он достал комм.

— Физика?

— Сделано.

— Законы?

— Сделано.

— Экономика?

— Сделано.

— Биоло?

— Продано, ты же знаешь.

Он выпрямился.

— Ладно, заглатываю крючок.

Я вздохнул.

— Знаю, вы мощно вертикализируетесь. Впрочем, как и все. Когда я выходил из триумвирата Банды, у нас в перегное имелись лишь бэкап-сервера и валютные остатки на забытых счетах. Не бойся, я не войду обратно в Во3, это уже чужие владения. Но здесь, в этом мире после распада, ты принял большую часть наследства Банды, и мне известно, что ты перебираешься во внешние

созвездия. Копишь акции Диснея, Виллароза, радостных королевств.

Он махнул рукой в сторону ЭВКУБРОНа.

— И что же мы тут делаем?

— Нас попросту выкупят наследники гильдий RPG и умников-NPC, — рассмеялся я. — То есть наши здешние дети — ибо не роботы, корпорации, мутанты завладеют Землей, но потомство игры, Генрихи наши душегенные, — я высморкался. — Окей, но меня интересуют не столь легальные отрасли — то есть легальные только в духе. Ты держишь команды под рукой, наверняка использовал их в низших шляях, во всей вертикали гильдии. И теперь ты задашь им один квест в перегное.

— Какой квест?

— Mission Impossible[168] в закрытых серверах ФАТАГИ. Исходный код сверхтяжелого веса, — я поднял руку. — Не возражай, ты знаешь, что у меня есть старые ключи главы Во3, так что я вполне могу за вами подглядеть: вместе с телом предыдущей империи вы каннибализировали его иммунную систему. Подобные гиперкапиталистические шляи старомодной science fiction

[168] Примечания: 168
Миссия невыполнима (*англ.*).

обучают самураев цифры быстрее и успешнее, чем Пентагон перегноя. У тебя по крайней мере четыре подходящих команды. Мне больше всего нравятся те compatibles, которые саботировали биологию покемонов. Мне все равно, кто они в перегное — дошкольники-зеро или критики-искусствоведы на пенсии из Нью-Йорка. Входят, выкрадывают, выходят.

Сорок Четвертый какое-то время передавал что-то по комму.

— Но какая в том для нас выгода? Чтобы потом отдать тебе этот код?

— Он требуется мне самому, поскольку мне нужно защититься от мести преданных богов. Можно ли, однако, отдать то, что уже принадлежит всем? Но я понимаю, — я перебросил ему файлы со своего комма. — Сокровища древних. В мои времена Банда построила за корпоративным горизонтом несколько сфер Дайсона. У нас также уже были проложены минусовые ходы к червоточинам, приспособленным для людей и compatibles. Выбери свою награду.

Он зачарованно уставился в комм. Я тут же вспомнил это чувство: ясная цель впереди, прекрасный вызов, наркотическое обещание могущества. Трудно не позавидовать.

— Вы могли быть величайшей империей духа, — он поднял взгляд и покачал головой. — Нынешняя Банда… эх, да что там. Но скажи, ну скажи же: почему ты сошел с дистанции? Почему все развалилось?

— Империя духа… Нет больше империй духа, сам убедишься. Дух и материя становятся единым целым, радостная экономика перевешивает экономику труда. Вторгнешься ради потехи в какую-нибудь фантазию, а завтра миллион зулусов лишаться половины семейного пособия. А это уже не столь забавно, правда? Все влияет на все, друг мой. Чем выше сидишь, тем больше всего тебя касается, тем больше ощущаешь.

…Подумай об этом как о физике звезд: существует граничная плотность массы, выше которой ты неизбежно провалишься в черную дыру. И будешь и дальше все засасывать, засасывать, засасывать — но уже ничего не отдашь вовне. За исключением излучения Хокинга, холодного как вакуум, тоненькой струйки анонимных стонов, растянутой на миллиарды лет, — так ты кровоточишь, остывая, загриндованный насмерть.

Сорок Четвертый собрался было резко ответить, но тут что-то пришло ему в голову — он посмотрел на комм, потом — на зал внизу и раз-

вернулся в воздухе.

Люди & compatibles мчались на свои посты, на женерах защелкивались плюсмерные седла (они уже были защелкнуты). Загудел сигнал обратного отсчета. Кто-то крикнул Сорок Четвертому; тот сделал жест рукой, будто благословлял или обреченно давал разрешение. Я заслонил глаза предплечьем — за панорамным окном вспыхнула всеми лампами и лазерами многокилометровая конструкция ЭВКУБРОНА. Тон сигнала отсчета становился все выше. Я успел еще подумать, что следовало уйти раньше или, по крайней мере, забиться в кабину-гроб, — после чего ЭВКУБРОН запустил главные агрегаты.

Огни погасли, какое-то мгновение ничего не происходило; выброса энергии, генерируемой экзотическими машинами эскульпаторов-палиндромистов 2Т, естественно, не было видно. Потом между швов седел хлынула кровь, появилась гравитация, два или три «же», которая очень быстро несколько раз поменяла направление вектора, посыпалось стекло, кричали люди; с грохотом начали захлопываться аварийные переборки. И сквозь этот грохот мы слышали уже другие звуки, другой поток стимулов будто тек прямо в мозг, все живее. Я опустил руку. Из разорванного простран-

ства-времени перед ЭВКУБРОНОМ било сияние чужой вселенной. Я инстинктивно оттолкнулся назад. Скачок гравитации швырнул меня на пол, потом на стену. Сорок Четвертый что-то кричал про проекции других диапазонов ЭМИ. Распластанный напротив космического катаклизма, я тонул в продолжавшей набирать силу музыке Илуватара, в то время как на панорамных сканах одна за другой появлялись из утробы далекой вселенной пугающие нагие анатомии incompatibles: светящиеся силуэты валаров.

Все течет

На границе меня попросили сдать личность. Я снял ее и отдал, и вошлу голуе.

Сразу за границей на мясистом стрельчатом дереве сидело кругленькое Диво. Такое Диво никого не пропустит без вопроса.

— Сколько будет три плюс три?

— Шесть.

Покачало головкой.

— Сколько будет три плюс три?

— Девять.

Покачало головкой.

— Сколько будет три плюс три?

— Три.

Диво снова лишь покачало головкой.

— Сколько будет три плюс три?

— Сколько?

— Не знаю.

Так что, похоже, я моглу пройти.

Дорога вскоре разветвлялась. Одно ответвление вело налево, два — направо, пол-ответвления — прямо, а одна восьмая — вниз. Были также другие дороги, пути промилле, просеки почти-неправды. Я досталу монету и бросилу орла-решку. В итоге я пошлу в основном прямо вперед, немного вниз, а немного назад.

Пробил Зеленый Час. Меня ждали годы уныния и мгновения радости, ждали жизни счастьянесчастья. Я погружалусь в глухое безлесье и скучное бесполье. Там я встретилу странника без лица, он подарил мне молочный кристалл: память. И я помнилу, как рожала детей, двоих, троих, пятерых, восьмерых, в освещенной масляной лампой хижине и в темной землянке, работая в поле и работая со скотиной, рожала детей, а потом я умерла. В кристалле имелись также воспоминания отцов, братьев, мужей: как я сражался, убивал, погибал. Я закопалу драгоценный камень страданий на стопроцентной развилке,

под засохшим деревом дурных вестей.

В этих пустошах проклятия, среди зарослей зелени, не только я носилу человечий облик. Я встречалу также других иномирцев, рассказывавших вечерами у огня свои истории. Обычно они путешествовали к удалившейся родне, к сынодочерям и братосестрам, которые покинули края камня и закона, отчизны нуля и единицы. Здесь, еще на долготе границы, паломники продолжали говорить именно об «удалившихся», не понимая, почему их близкие уже больше не близкие и почему они отказываются возвращаться во вселенную евклидовых душ.

— Ведь мы их любим, какими бы они ни были. На самом деле им вовсе не обязательно для нас меняться.

Чем дальше мы путешествовали, тем больше менялось все вокруг. Мир превращался в недолговечный сон о снах.

Какое-то время я жилу в плодовом саду, где мы собирали яблуши и олисливы, исключительно ими же и питаясь. Протей благословил этот сад: каждый плод открывал новые двери. Кто-то съел прокисшую яблушу и родил всевременную тройню: одно дитя старело, другое молодело (с душой эмбриона), а третье жило, прочно закуклившись

в одной и той же секунде. Кто-то съел перезрелую олисливу, и его стошнило душой, похожей на мертвого соловья; грызуны и муравьи растащили ее по саду, по лугам и оврагам, смешали с грязью и песком, утопили в болотах и речках. Несчастную, я жилу потом временами года и четвертями Луны, говорилу тучами и дождями, воскресалу в прогнившей лесной подстилке. Я съелу семечки дынегреста — и ничего со мной не случилось, лишь мир утратил ощутимое измерение, отдалились звезды и луны.

Когда мы сможем свободно проникнуть во внутренние заросли? Посетить в духе всю зелень саму по себе? Когда великолепие скуки позолотит свои чары и тени? Были те, кто ждал десятки, сотни лет. Страж Сада, невидимый и неслышимый, способный лишь присниться, отвечалу как Диво: завтра, послезавтра, через тысячу лет, вчера. Каждый ответ был истинным, и ни один ответ не был истинным.

Спавшая среди высоких стволов сада зеленоволосая дриада поведала свою историю: она пришла за дочерью, которуе уже былу чем-то/кем-то внеличностным, не существовалу ни в одном конкретном индивидууме, проявляясь лишь во вспышках коллективной души среди

обширных созвездий знакомых. Но дочь именно этого и хотелу.

— Ону позналу разнообразие благоуханного существования, и всемогущество, и всезатерянность, и улыбчивые чары непонимания…

— К удаленцам, к удаленцам — все мы ведь этого ждем.

— Но нас держат тут вовсе не по злобе, вовсе не желают отбить у нас охоту. Ожидая — мы ждем. Живя — становимся иными. Некоторым требуется много лет, некоторым — дни.

— Именно таков рай детей Протея?.. Жизнь за вечным шлюзом, под буфером когито, в анклаве душелюбных душ?

— Нет, солнце, нет. Но мы прилетаем к ним прямо из мира, который не является точным образом мыслей, не отражает истины разума, НЕ ТЕЧЕТ. Как же долго нам приходилось существовать в нем иными, до того, как мы оказались в духе! Мы родились и жили с камнями в мозгах. Так что нам требуется карантин — отвыкнуть от привычного, отнормалиться от нормального.

Или карантин для мира материи, думалу я. Пока именно он не перетечет в рай Протея — и тогда все мы будем жить рядом друг с другом, без шлюзов, буферов, фильтров, будто жаворонки,

сон, приснившийся из ничего или из вращающихся звезд.

Познав двузначность и мимолетность существования, они улетали в заросли, вольноотпущенники-удаленцы. Приснилусь ли им Страж Сада и сказалу, что уже можно? Я хотелу сбежать, выскользнуть в одиночку, но куда бы ни поворачивалусь, в поле мне и так было польно, а в лесу — лесно. От самого себя не сбежишь. Не выплывешь в новую географию, когда ее продолжает отображать старая голова.

В объятиях полуночного сна я началу копать под корнями деревьев. Каждое из них росло из посаженного кристалла памяти. Можно есть плоды и меняться годами, но можно дотянуться до источника, рискуя отчуждением сердца, шипастым узлом языка и молчания. Под прикрытием ночи, под крылом ворона я вгрызлусь в землю, пухлую от теплых воспоминаний, чуждоживя чуждоживно в сотнях, тысячах судеб — пока не распозлусь на все стороны света и человека, и только тогда я смоглу снова прорасти и расцвести к свету, уже в чашечках свободных чувств. Тут или там, эта душа или та, одну или семеру, по ходу времени или против времени… Я чувствовалу все, существовалу повсюду.

Я с трудом вырвалусь обратно в единосущность — настолько забылусь в цветах, в океанах разноцветных ощущений. Чем я былу в ту ночь, которой сегодня уже нет?

Артур Желиво плавал в цветах, на волнах с каждым разом иных миров, расчеловечивая душу и дыхание среди маков, васильков, незабудок; он то выныривал из омута флоры, то снова в него погружался, пока май с июнем не догнали его и не выбросили на берег лета, где он остался лежать, освещенный лучами солнца, колеблющийся и мерцающий.

Я наделу личность — но он не узнал меня, когда я примерцал рядом. Возможно, он специально себя ослепил; неведение — тоже дар Протея, дар неожиданности, озарения, неочевидности.

Нас миновала стая физик, пролетели языковки и повествованки, исторница наклонила на полградуса вертикаль и горизонталь, и я почувствовал себя будто на пополуденной прогулке в садах маркиза де Жирардена, ах, chassez le naturel…[169] Если бы ты очеловечился — какие были бы у тебя лица?

— Можно?

---

[169] Примечания: 169
Гоните прочь естество (*фр.*).

Артия, скромно покраснев, села, подобрав под колени широкую юбку светло-голубого платья.

Я бросил сюртук на цветочные грядки рядом, устроившись на почтительном расстоянии. (Еще на полградуса накренилось небо и Солнце.) Мы наблюдали за соревнованиями телопрыгов и жизнедоев. Небо над нами переливало свои бескрайние просторы в соседние. Из ярко окрашенных чашечек цветов били фонтаны пыльцы воспоминаний; мы вдыхали Скандалы, Романы, Трагедии, Экстазы…

Именно так мы с Артией когда-то строили миссионерские дома, основывали проклятые династии, грабили сокровища королей и соблазняли медооких египтянок.

Протей прохаживался среди своих детей, потряхивая миром.

И так вышло, что Артия меня узнала.

— Пан Костшева! Воистину, это уже переходит все границы!

Я перешел все границы.

— Доктор, вы ближе всего мне в этом созвездии, вы меня по крайней мере выслушаете, посмотрите на звезды.

Артур напряг мышцы, преисполняясь тигриной злобы и остервенения, дымясь быстрым

тестостероном.

— Чего надо?

Ах, я разорвал в клочья его пахнущее цветами мгновение! Нельзя забывать: дисморфики — самые большие романтики. Нерды, надтелесники, ролеплейщики, онзо, — они выжили лишь потому, что живут среди идеалов, слепые ко всему перегною материи, из которой их вылепили. Удаленцы, в чьих глазах брезжит одна лишь удаленность. Фарфоровые эльфы, плененные в телах уродливых скотов. Трепетные херувимчики, запертые в биологии двухсоткилограммовых бугаев.

Они первыми начали эмигрировать в дух. Еще до того, как свихнулся божественный процессор, до того, как протянули кабели-шмабели, еще до кодов, математиков, ФАТАГ.

Ибо они всегда были такими, какими являются для себя в духе, а не какими окаменила их материя. Диво пролетело над их колыбелями, Протей изнасиловал им нейро.

Я выдушил все это ему на ладонь в молочной слезе, в белом кристалле.

Артур неуверенно его взял, но тут же изменился в лице.

— И ты нам все это отдашь?

— Не вам. Но да, с вашей помощью, то есть: вы отдадите. Отпустите в паблик, — я широко заблистал в мирах, небесах, заоблачных цветочных клумбах. — Чтобы каждый мог, как в этом вашем социал-шляе, создавать себе такую нормальность человека, какую только захочет — но объективно, юридически, физически, — а затем произвольно менять ее на другую, столь же абсолютную, и снова, и снова, и снова, В ИГРЕ. Разве не этого вы хотите?

Арто мерцалу-стрекоталу, нерешительную, задумчивую, дрожащую.

— Не знаю, чего мы хотим. Нет, не было никакого последнего желания, желания превыше всех желаний. Всегда лишь желание мелких перетеканий: одежды, роли в обществе, роли в экономике, тела, когито.

— И чем это должно было закончиться?

— Оно не имело конца.

— Но можно ли перетекать до бесконечности? Что вы станете менять в мире абсолютной текучести? Крови креативов надолго не хватит.

— Ты за нас боишься?

— Нет. Вам ничто не угрожает. Протей прижал вас к сердцу, вы не утонете. Вы рождены, чтобы плавать. Я боюсь за тех, кого насильно сбрасыва-

ют с обрыва в волны. И потому я хочу гарантий — сейчас, прежде чем я извлеку и передам код, — что вы отпустите его в течение свободной игры, настолько развитой, что он будет дружелюбен для самых старых петро, открытый для всех королевств.

— Тебе незачем…

— Какова последняя форма расизма, доктор? Культурный расизм. Происходит специализация, человечество расходится по разным королевствам: мы иначе потребляем, иначе разговариваем, иначе мыслим, носим иные тела и иные миры на головах — мы принадлежим к иным видам. Юридически, биологически, физически. Человек будущего зародится не из генетики или кибернетики, но из безумных фантазий пьяного писателя.

…Что мы можем сделать? Сохранить возможность ИГРЫ между королевствами. Вернитесь к Витгенштейну, доктор.

Я встал.

— Буду ждать до третьего восхода петуха.

Желиво человечилусь и божествилусь.

— А ты? Ты сам? Что насчет тебя?

Я сухо рассмеялся.

— Моисей тоже не вошел в Землю Обетован-

ную.

— Но ты же понимаешь, как быстро все это станет видно в созвездиях, как на ладони Нострадамуса. Из какого квадранта пришло движение, вокруг какой звезды вращаются наши планеты. Ты навлечешь на себя возмездие, ты ведь это знаешь?

Теперь я рассмеялся уже по-королевски властно.

— Возмездие! Враги! Заговоры!

Арто медленно погрузилось в цветочные омуты, колеблясь между ролями, масками, мирами.

— Ты не вернешься на учебу…

— Чему вы меня еще научите, знатоки самого знания?

Желиво лишь расцветалу плавнично, драконисто.

— Плавать, плавать, плавать…

И вместе с его движениями выворачивались наизнанку пространства зелени, сияя всевозможными взрывными красками, — вскоре я осталусь одну на вершине мирогранника, лысого и самого обычного, как три плюс три. Граница пересекла меня с другой стороны. Я задрожал. Наступает год несуществования, наступает страшное бесцветье.

Endgame[170]

Доктор Кто заслонит собственной грудью.

Но на мостике флагманского крейсера ФАТАГИ нет телефонных будок. Мы сейвимся каждую секунду. All Resists +100 %.[171]

Павел вываливается из неожиданного темпорального разлома, королевство толкает его на вершине синусоиды, в Сони-Корлеоне правят те же физики и политики, те же палитры красок и эмоций.

И лишь усатый боцман преграждает ему путь к главным сходням. You shall not pass.[172]

Следуют короткие переговоры. Текущее положение в созвездиях — Павла паспорт, Павла ДНК — дает ему право. По крайней мере, чтобы его допустили пред обличье.

Пан Раймунд!

Я тут один!

---

[170] Примечания: 170
Эндшпиль, финал (*англ.*).

[171] Примечания: 171
Полное сопротивление +100 % (*англ.*).

[172] Примечания: 172
Ты не пройдешь (*англ.*).

С распростертыми объятиями!

Раймунд Гаврило курит рубку, развалившись на мостике за рулем броненосца, рассекающего воды морей неприятеля. Саундтрек: Line 14 О-Иера.

(Диалоги, неспешные.) Разве мы все уже друг другу не сказали? Мы сказали все. Не хочу, чтобы между нами остались сожаление гнев претензии. Мы разошлись, разошлись миры. Это естественно. Считаешь, что я слишком старый, что я спетрифицировал себе мозг, что я ничего не понимаю. Может быть. А… — Звякает звонок. Прибегает офицер из радиорубки. Адмирал Гаврило читает радиограмму, по его лбу и под бровями проносятся громы и молнии.

Мы прерываем миссию. Новые приказы, новый курс, полный вперед.

Павел стоит в углу, притихший, как кролик.

Прибегают другие офицеры, происходит совещание. Павел слышит слова-пустышки, видит лица-маски — но важна мелодия ситуации, ритм ругательств.

Естественно, он не мог ожидать, что старик Гаврило примет все попросту за стечение обстоятельств. Почему Павел явился здесь именно сейчас? Потому что эти театры старше коро-

левств. Уже австралопитеки склонялись над побежденными, чтобы «заглянуть» им в глаза в момент «триумфа».

Он ожидал того, что будет дальше.

Плей: Павлу стреляют в лоб и швыряют труп акулам.

Или: его запирают под палубой и подключают электроток к яйцам.

Или: Гаврило в королевской ярости избивает Павла чугунным барометром.

Или.

Ничего подобного. Я не стану с тобой танцевать, молодой человек.

Другие тебя спасут, в других играх.

И лишь смотрит на него Гаврило с такой «грустью». Такой «усталый». (В опущенной руке — листок с радиограммой.)

Почему ты считал меня своим врагом? Тебе обязательно иметь врага? Верить в интриги, в злые корпорации, страшных олигархов, тайные операции и спасителя человечества? Красть, разрушать, предавать? Ты в самом деле не можешь иначе?

(Без вызова. Без противника. Без миссии. Без награды.)

Он разрывает радиограмму и выбрасывает ее

в море.

Что ты станешь делать с этими Государствами Духа? Кому продашь?

Никому. (Павел вслух, в микрофон. Это последний акт.) Не будет никаких провайдеров Государств Духа. Никакие креативы не отснимут эти апельсины.

Я отпущу код на свободу. Чужими руками. Но отпущу. (Смотри.) Для каждого, для всех, на все стороны человечности.

Пусть возникнет миллиард разных человечеств. Миллиард разных нормальностей. Миллиард одновременных Homo sapiens. (Trans-sapiens.) Миллиард государств.

А потом следующий.

И следующий, уже другой.

Проплывая от одной достопримечательности к другой, от секундного абсолюта к абсолюту.

Без конца.

Без направления.

Без цели.

Без какого-либо одного, неизменного совершенства.

Игра.

(Ты наверняка был свидетелем этого момента,

предстал F2F[173], объявил завершающие задачи.

Для тебя не существует жизни за пределами плея и шляя.)

Палуба кренится под ногами, крейсер резко ложится на борт.

Схватившись за стальной поручень, Гаврило показывает адмиральской трубкой на раздутые циферблаты часов высоко на боковой стене.

Может, ты и понимаешь законы королевств, может, и чувствуешь течения духа. Но ты не понимаешь экономику, не понимаешь деньги, ты слишком поздно родился.

А для меня они были и остаются естественной средой. При изменении процентных ставок у меня саднит в ушах.

(Он удерживает равновесие на качающейся палубе, полусогнув колени.)

У обоих циферблатов только по одной стрелке, и на них обозначены не часы, а проценты.

Левый циферблат показывает отношение ВВП экономики духа к ВВП экономики перегноя.

Правый циферблат показывает отношение ВВП экономики радости к ВВП экономики труда.

Смотри!

---

[173] Примечания: 173

Face to face — лицом к лицу (*англ.*).

Когда обе стрелки окажутся в левой половине циферблатов (бьет корабельный колокол), наступит потоп.

Они начнут тонуть — тонуть стадами, годами рождения, поколениями, миллионами. (Миллиардами.)

Каждый день, каждый час осознавая — столь же отчетливо, как ты и Матео, — абсолютную скуку и бесцельность дальнейшей игры.

А тем временем —

Ты победил босса? All hail the champion.[174] Зачти себе очки опыта.

Но это не каприз старого дурня.

Это гонка за жизнь. Бегство от тикающей бомбы с часовым механизмом.

(Полный вперед!)

Павел кривит губы. Кто тут раб плея? Кто тут гонится?

Кто никогда не поймет подобного триумфа: посредством капитуляции. Подобного спасения: посредством избавления от контроля. Подобного плана: не планировать. Играть.

Внезапно грохочут пушки, трясется мостик. Павел затыкает уши. Крейсер обстреливает про-

---

[174] Примечания: 174
Все славят чемпиона (*англ.*).

тивника: туманные силуэты на горизонте.

Дикий вой сирен не дает собраться с мыслями. Что случилось? Неожиданная остановка в пути? А может, как раз остановка в неожиданном: возвращение к изначальной миссии Гаврило.

Павел выбегает наружу, съезжает по стальной лесенке по палубу.

Корабль замедляет ход, подходя к потерпевшим крушение, от которых он уже отогнал врага. (Размытые очертания на горизонте.)

Воды Моря Ноленса серые как пепел, тяжелые как мрамор, легкие как веселящий газ. Морская пена имеет цвет зубной эмали.

Моряки перебрасывают спасенных на палубу через релинг, будто мешки с мусором. Утопленники бессильно падают, перекатываются будто безвольные куклы. Вокруг них мутными лужами растекается ноленс.

Им приходится силой раскрывать челюсти, поднимать веки, заставлять дышать. («Дышать».)

Они так молоды.

Так бледны.

Даже спасенные, усаженные с кружками горячего кофе в руках, они бездумно обращают взгляд к морю, к бескрайним просторам ноленса. Они пропитались им до костей.

Они участвовали в путешествии к краю света. Добрались до цели и затонули, протараненные на обратном пути. (Врагом-призраком, невидимым противником.)

Ноленс стекает с них крупными каплями, стекает на сталь, кап-кап.

Павел стоит, смотрит. Звуки, краски, запахи, чувства — это ведь и его королевство. Стоит, стоит и покачивается в ритме волн, будто загипнотизированный.

Кап. Кап. (Ближе.) Кап. (Послушай.) Кап. (Знаешь.) Кап.

Ты получил то, что можно было получить.

Преодолел все препятствия.

Ты накопил богатства, репутацию, чудеса.

Достиг последнего левела.

И что теперь? Что тебе осталось?

Только нескончаемый — кап — бесцельный — кап — отупляющий — кап — оглупляющий — кап — смертельно скучный — кап, кап — гринд.

(Ближе.)

(Ближе.)

И это не рука Доктора Кто, не легкое будто пух касание ангелиц, но грубый захват адмирала Гаврило спасает в последний момент Павла, уже перегнувшегося через релинг, уже сползающего

в серые омуты.

Dispel All. Recharge.[175]

Гаврило с трудом скрывает внезапное волнение, ему приходится отвернуться. Он спас Павла — вместо того, кого должен был спасти. (И потому он спасает и спасает, без конца.)

Это небезопасная для тебя акватория.

Проваливай, молодой человек. Быстро.

И Павел проваливает.

Проносясь золотистым лучом от узла к узлу созвездий:

Павел Костшева

Кровавый Гегемон

Стревак Бута

Пача

Пача только что проснулся в своем часовом поясе, но сразу же принял условия. (Павел знал его РЕПУТАЦИЮ.)

Он сжимает орбиту. Знакомый знакомого знакомого. Знакомый знакомого. Знакомый.

Уже пора.

Business mode. На столе из черного дерева на двухсотом этаже финансовой Киншасы лежит маленький черный несессер. Кодовый квант-замок

---

[175] Примечания: 175
Разогнать все. Откат. (*Англ.*).

может открыть только приватная душа Павла.

На несессере — единственный листок: контрольные суммы и спецификация когито. Пача ознакомился с ними с первого же взгляда.

С момента взлома — когда Гаврило получил сигнал тревоги — прошло почти полчаса. Дисморфики успели подстраховаться и размножить код вне досягаемости ФАТАГИ. Выпуск в свободный доступ произойдет в течение ближайших полутора десятков часов, как только подсуетятся их девелоперы.

Пача — культовый девелопер: вымыслы Пачи не только побеждают в поединке с истиной и другими вымыслами, но и покрывают собственные оригиналы. Он сотворил ад Данте, Нью-Йорк Вуди Аллена, сны Пруста, супружества Бергмана.

Созвездия Пачи — янтарные образцовые галактики — говорят за него. На этот раз его не соблазнили деньги; он принял ВЫЗОВ.

Он придвигает несессер к себе. Потирает короткие ручонки.

Можно? Можно? Можно?

Договор с дьяволом подписан, обмен душами состоялся.

Щелк — открывается замок.

Павел «смотрит» на ночной город под чужими

звездами, в то время как за его спиной Пача жадно пожирает код Скеута Ред.

Точка зрения Павла перемещается на пять метров за его затылок. Он видит теперь самого себя, стоящего с заложенными за спину руками, силуэт на фоне плеевой панорамы города.

Саундтрек: Heat, Run Uphill Эллиота Голденталя.

Настроение: меланхолия техноколор — долгие, спокойные ноты: ноленс течет сквозь чувства — здесь живет столько, столько людей! — что бы я ни сделал, что бы ни подумал, что бы ни пережил, оно будет лишь слепым повторением в массе — статистика течет у меня из носа, льется из глаз — размываясь в цветастых пятнах света, мерцающих в нескончаемой планиметрии города, — город мое созвездие, город душа, город я.

Захлестнутый настроением —

Он глотает свои дизайнерские драги, пилюлю за пилюлей. Серьезно и задумчиво. Будто затягиваясь очень дорогой сигарой. («Затягивается».)

Тэги: TopOfThe World, FinalCountdown[176].

А Пача (за спиной) пожирает код, низко склонившись над коричневым плоскогорьем стола,

---

[176] Примечания: 176
ВершинаМира, ПоследнийОтсчет (*англ.*).

над открытым несессером, пожирает пожирает пожирает, язык — лопата, глотка — пылесос, лапы — бульдозеры, жрет жрет жрет.

Пока не отваливается, нажравшийся, распухший, раздувшийся. Он едва не парит в воздухе. Нули и единицы пузырятся в уголках его рта.

Он рыгает.

Рыгнув —

Ревет. («Ревет».)

Вихрь от рева Пачи срывает со стен Пикассо, Уорхола и Майера.

Это вопль Творца Миров.

Боги и титаны бурлят в его натянутом, словно барабан, брюхе. Вечно беспокойные пальцы Пачи выстукивают на нем быстрый ритм.

Поехали! (Да будет полутень, полусвет.)

Итак — раз, два, три, четыре — на каких кишках все это должно пойти?

А мне какое до них дело? (Павел, не «оборачиваясь».) Hardware, software — все это часть перегноя, у нас для этого есть жуки-навозники, нерды-технофилы, пусть в этом копаются, это их порно.

Та или иная среда, то или иное техно, то или иное биоло — не имеет значения.

Креатив создает КОНТЕНТ.

А девелоперы считают себя креативами выс-

шей категории. (Надменные.) Инженерами онтологии, математиками сна. (Надутые.)

World-building[177] — крайнее искусство. В конечном счете все мы будем жить в построенных с основания мирах вымыслов.

Ну так что это должно быть? Бог-дитя потирает ручонки. На чем мне построить эти шляи?

Какая специфика?

High fantasy?

Hard SF?

Иная физика?

Иное биоло?

Иной социал?

Будущее? Прошлое?

Обратная энтропия?

Что это должно быть?

Павел глотает последнюю таблетку.

Одно слово: НИЧЕГО.

~

Была суббота. Павел Костшева проснулся раньше обычного, когда в лучах солнца еще вибрировала утренняя бодрость, когда электрически

---

[177] Примечания: 177
Построение мира (*англ.*).

полыхала лазурь неба над центром города. Павел оставил вчера вечером незадернутые занавески — он вырвал эту свободу у прусского командования квартиры, так же как температуру воздуха или аэрозольный настрой в каждом помещении, — и теперь за это поплатился: летнее утро штурмовало его постель, захватив плацдармы на белизне простыни и подушек, вползло жаркой волной на обнаженную кожу молодого мужчины и наконец въехало в глаза. Павел Костшева проснулся.

По-прежнему будучи рабом физиологии, он предавался одному и тому же ритму телесных ритуалов, и именно в ванной он нырял, еще полусонный, в межчеловеческую синеву мира, города и района. Все-таки за эти несколько часов многое могло измениться, вокруг Павла могли совершенно иначе сложиться сети знакомств-незнакомств. Под душем, изгнав из ушей шум воды, он слушал сплетни и слухи, вытекавшие из ФАТАГИ и Гейзера Чудес в публичную область. Там уже опознали векторы трендов и обратили внимание на новость, выпущенную королевской кликой дисморфиков: сегодня в полдень по Гринвичу ими будет объявлена новая кампания non profit, на репутации альянса. Знакомые-незна-

комые пытались достучаться до Павла всю ночь. Он получил даже анонимные угрозы убийством. Уже готовятся, уже собираются против него, отравляют наконечники стрел. Он пребывал в прекрасном настроении.

Павел вышел на балкон, споткнувшись о пустую бутылку с осколком глиняного черепка внутри. Солнце излучало чистую энергию, он чувствовал каждый фотон, проникающий в тело. Грейпфрутовый сок имел цвет и вкус солнечной плазмы. Павел загнал в глубины чувств все пакеты с метками GPS и RFID. Как же живительно — возбуждающе — действовал на него сам вид миллионного города в свете нового дня, в движении, в лихорадке, в изменении! Что-то происходило; что-то рождалось; наступало что-то новое.

Он решил просмотреть презентацию клики за сытным завтраком, составляющие которого по своему капризу выберет в последний момент из меню «Амброзиона», в 237 метрах к северо-западу от текущего местонахождения. Он был чудесно голоден. Надев костюм Norton & Sons, он сбежал по лестнице, даже не взглянув на лифт.

На улице перед Старухой он едва не налетел на Адриана Утралта.

— Торопитесь? Я хотел…

— Но вы уже свое получили! — рассмеялся Павел.

Утралт быстро окинул его взглядом.

— Мне как раз казалось, что я все же чересчур прямо настаивал. А мои намерения…

Павел похлопал его по плечу.

— Не беспокойтесь, вы сделали что могли. И что теперь? Переезжаете?

— Нет. И не собираюсь. — Он глубоко вздохнул. — Вы в самом деле уже приняли решение? Вижу, что да. — Он схватил Павла за рукав пиджака, придержал. — Вы увидели правду.

— Напротив! — Павел продолжал смеяться, но без малейшей издевки. — Что я вижу? Ложь, театр и ложь. Я творю ложь! Из правды — ложь! Только в том есть смысл, дорогой мой рыцарь, только таково спасение.

— Что вы несете? Пан Павел, ведь…

— Поговорим! Поговорим!

Павел помахал Утралту и побежал дальше. Сердце его билось словно хорошо настроенный пневматический молоток, улыбка распирала череп, по жилам мчались сверхсветовые торпеды. Ему приходилось то и дело сворачивать, отскакивать, лавировать — на улицах было столько

людей! И они даже не кричали, не обижались, когда он случайно их задевал, толкал. Знакомые-незнакомые отвечали Павлу улыбками, провожали его лучезарными взглядами. Даже трудно было защититься от этой ослепительной уверенности: каждый хочет мне что-то сказать, у каждого есть что-то важное, что-то хорошее, что он желает мне сообщить. Столько, столько людей! Почему бы их не поприветствовать, не обнять, не подружиться? Мы все знакомы.

Была суббота, был май, солнце, утро, толпы. Павел мчался через разноцветный город, возбужденный, голодный, с любопытством ожидающий очередного часа, минуты, секунды. Ему двадцать семь лет, он не боится нужды, не боится болезни, будущее распахнуто настежь. Мир бежит вместе с ним. В ту или другую сторону — не имеет значения. Нужно лишь бежать, нужно идти к людям, быть среди людей, с людьми. Быстрее! Быстрее! Нас ждет жизнь, полная приключений.